

University of **HUDDERSFIELD**

University of Huddersfield Repository

Buontempo, Michele and Kusev, Petko

A social cognitive perspective: investment decisions in early-stage ventures

Original Citation

Buontempo, Michele and Kusev, Petko (2018) A social cognitive perspective: investment decisions in early-stage ventures. In: Ananyev Science Conference: Psychology of personality, traditions and the present.

This version is available at <http://eprints.hud.ac.uk/id/eprint/34873/>

The University Repository is a digital collection of the research output of the University, available on Open Access. Copyright and Moral Rights for the items on this site are retained by the individual author and/or other copyright owners. Users may access full items free of charge; copies of full text items generally can be reproduced, displayed or performed and given to third parties in any format or medium for personal research or study, educational or not-for-profit purposes without prior permission or charge, provided:

- The authors, title and full bibliographic details is credited in any copy;
- A hyperlink and/or URL is included for the original metadata page; and
- The content is not changed in any way.

For more information, including our policy and submission procedure, please contact the Repository Team at: E.mailbox@hud.ac.uk.

<http://eprints.hud.ac.uk/>

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Международная научная конференция
АНОНЬЕВСКИЕ
ЧТЕНИЯ 2018

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Санкт-Петербург
23-26 октября 2018г.

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2018
ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

23-26 ОКТЯБРЯ 2018

Санкт-Петербург
2018

УДК 159.9
ББК 88.3
А 64

Редакционная коллегия

доц. А.В.Шаболтас, проф. Н.В. Гришина,
проф. С.Н. Костромина, проф. В.Д. Балин, проф. Л.А. Головей, проф. С.Д. Гуриева,
проф. О.С. Дейнека, проф. Н.А. Логинова, проф. И.А. Мироненко,
проф. Р.Ж. Мухамедрахимов, проф. С.Т. Посохова, проф. Н.С. Хрусталева,
проф. О.Ю. Щелкова, доц. М.О.Аванесян, доц. В.Е. Василенко,
доц. Л.А. Верещагина, доц. Д.С. Гнедых, доц. С.В. Горбатов, доц. Р.В. Демьянчук,
доц. И.Б. Дерманова, доц. З.Ф. Дудченко, доц. Н.Л. Ильина, доц. Г.Л. Исурина,
доц. В.Ю. Карпинская, доц. А.Е. Ловягина, доц. В.Р. Манукян,
доц. Ю.М. Миланич, доц. Н.Л.Москвичева, доц. А.Д. Наследов,
доц. М.Д. Петраш, доц. С.С. Савенышева, доц. О.Ю. Стрижицкая,
доц. В.А. Чулкова, ст.науч.сотр. И.А. Горбунов,
ст. преп. Е.И. Лебедева, ст.преп. И.Р. Муртазина, ст.преп. Е.А. Юмкина

А 64 Ананьевские чтения – 2018: Психология личности: традиции и современность: материалы международной научной конференции, 23-26 октября 2018 года / Под общ. редакцией Н.В. Гришиной, С.Н. Костроминой. Отв. ред. И.Р. Муртазина, М.О. Аванесян – СПб.: Айсинг, 2018. – 496 с.

ISBN 978-5-91753-141-0

Материалы сборника отражают тематику и содержание докладов, представленных на традиционной международной конференции «Ананьевские чтения». Конференция 2018 года посвящена проблемам психологии личности, истории её исследований как в рамках больших исторических периодов, так и в контексте биографий и вклада отдельных ученых; особое внимание уделяется трансформации идей прошлого в современной психологии личности. В сборнике представлены тезисы докладов, отражающие проблему личности в транзитивном обществе и её возможности отвечать на вызовы современности; освещены актуальные проблемы развития, здоровья и психологического благополучия личности, а также прикладные аспекты исследования личности в различных отраслях психологии. В материалах сборника представлены работы психологов Санкт-Петербургского университета, других университетов, многих научных и практических центров России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья. Материалы представлены в редакции авторов

ББК 88.3

*Издание материалов научной конференции осуществлено
при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-20080*

ISBN 978-5-91753-141-0

© Авторы тезисов, 2018
© СПбГУ, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Традиционная научная конференция факультета психологии Санкт-Петербургского университета «Ананьевские чтения» в 2018 году проходит под названием «Психология личности: традиции и современность».

Психология личности на протяжении почти ста лет является одним из основных направлений психологии. Ее история отмечена многими достижениями, связанными с изучением структуры личности и ее характеристик, разработкой теоретических концепций, описывающих феноменологию личности. Созданы эффективные методы измерения личности и психодиагностики, используемые в различных видах психологической практики.

Однако опыта, накопленного психологией в прошлом, недостаточно для того чтобы описывать проблемы существования человека в современном мире. Сегодня осознается необходимость новых подходов в изучении личности, которые раскрывали бы «изменяющегося человека в изменяющемся мире», человека в живом пространстве бытия. Новая реальность, в которой существует человек, ставит новые задачи перед психологией личности, становится вызовом, требующим пересмотра ее традиционных представлений.

Конференция 2018 года в Санкт-Петербургском университете стала одной из самых масштабных по психологии личности за последнее время. К проблемам личности обращаются многие направления психологии, изучая личность в различных контекстах ее жизнедеятельности, в силу чего проблемы личности оказываются «поделенными» между различными областями психологической науки и практики. Одна из целей, которую ставили перед собой организаторы конференции, была связана с осознанием того, какие задачи стоят сегодня перед психологией личности, что может рассматриваться в качестве предмета современной психологии личности, в каких новых исследовательских подходах и методических решениях она нуждается. Решение этих задач стоит и перед самой молодой кафедрой факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета – кафедрой психологии личности. Кафедра психологии личности была открыта в Санкт-Петербургском государственном университете в сентябре 2016 года для объединения усилий ученых в области исследовательских и образовательных программ по психологии личности.

В проведении конференции важную роль сыграли наши коллеги с кафедры психологии личности Московского государственного университета. Кафедра психологии личности МГУ в 2018 году отмечает 20-летний юбилей. За эти два десятилетия ученые кафедры внесли огромный вклад в становление и развитие психологии личности, и сегодня кафедра психологии личности МГУ в авангарде новых направлений развития психологии личности в отечественной науке.

В данном издании представлены материалы конференции, проходившей 23-26 октября 2018 года в Санкт-Петербургском университете. Они отражают широкий круг тем и проблем, которые в современной психологии связаны с изучением личности. Редакторы сборника сочли целесообразным не производить отбора тезисов и представить работы всех коллег – участников конференции. Разнообразие представленных тем, теоретических подходов и методических решений отражает реальное состояние психологии личности в современной отечественной науке.

Организаторы конференции приветствуют всех коллег, принявших участие в нашей конференции. Мы надеемся на продолжение нашей совместной работы по развитию отечественной психологии личности.

До новых встреч!

От редакторов издания

**ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ,
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛИЧНОСТИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ**

Айдаралиева Н.М.

**НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. М. БЕХТЕРЕВА
В ОБЛАСТИ ДЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ**

Понятие «ребенок» в психологической концепции В.М. Бехтерева явилось сложной, междисциплинарной формой отражения результатов естественнонаучных, педагогических и собственно психологических исследований детей. Качественное своеобразие изучения детской психологии в концепции ученого связано с реализацией комплексного подхода и организационным оформлением экспериментальных исследований ребенка в сферах науки, воспитания и образования. Основным способом изучения ребенка для В.М. Бехтерева стал анализ, осуществляемый путем объективных наблюдений и регистрации. В силу того, что сознание ребенка еще недостаточно развито для зрелой меры субъективности, его внешние выражения, как считал ученый, являются фактическим отражением внутренней психической жизни. В.М. Бехтерев фактически заложил опыт строго объективного исследования детей, суть которого состояло в изучении поведения, мимики, речи ребенка в соответствии с внешними возбудителями, настоящими и прошлыми, а также изучения наследственных особенностей данного ребенка. С целью объективного исследования психики ребенка ученым был использован детский рисунок, где учитывались особенности изображения, связанные с психологическими причинами, индивидуальными психофизическими и гендерными особенностями и т.д. В.М. Бехтеревым было основано научное направление педорефлексологии, которая включала в себя: генетическую рефлексологию с клиникой, изучение первых этапов развития нервной деятельности ребенка, возрастную рефлексологию по дошкольному и школьному возрастам, коллективную и индивидуальную рефлексологию. В.М. Бехтеревым проводилось изучение развития психики не только у здоровых, но и у больных детей. Им была организована Воспитательная школа при Психоневрологическом институте для детей с пониженной успеваемостью, нервных и слабоумных детей, где учились дети с различными формами патологии нервной системы. Под его руководством были созданы: Институт морально-дефективных детей (1918 г.), вспомогательная школа дефективных детей (1918 г.), Воспитательно-клинический институт (1920 г.). Созданная В.М. Бехтеревым сеть педологических учреждений работала в научно-лабораторном и научно-клиническом направлении: Педологический институт (1909 г.), высшее педологическое учреждение, стал центром по изучению личности, которое является основой воспитания; Педагогический факультет Психоневрологического института (1910 г.); Педагогический институт социального воспитания (1921 г.); Учебно-показательный Детский Дом (1921 г.); Высшие педологические курсы (1924 г.); Центральная воспитательная школа (1924 г.) и другие. В.М. Бехтерев заложил научные основы детской психологии.

Артёмьева О.А.

НА ПОДСТУПАХ К ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ: АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПУБЛИКАЦИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА*

Психология личности является одной из тех отраслей психологии, история разработки которых в наибольшей степени отражает изменения в предметном поле отечественной психологии. Специфические социальные условия развития гуманитарной науки в России определили уникальную историю психологии личности. Для определения результатов ее становления в первой половине XX века был проведен сленговый анализ заголовков 2364 работ 41 ведущего отечественного психолога, опубликованных на русском языке в первой половине в 1901-1950 гг. в России. Обнаружено 59 публикаций, посвященных «психологии личности». Автором наибольшего числа изданных работ является А.Ф. Лазурский (27 публикаций, включая переиздания и серии статей). Основная часть этих работ, как известно, подготовлена по проблеме организации исследования, прежде всего, классификации личностей, то есть собственно в русле дифференциальной психологии. Примечательна динамика обращения к проблемам психологии личности М.Я. Басова и В.Н. Мясищева. Первая их работа, вышедшая в этот период в трех изданиях, – отредактированная и подготовленная к посмертной публикации монография А.Ф. Лазурского «Классификация личностей». Последующие работы – монография «Личность и профессия» М.Я. Басова и три статьи В.Н. Мясищева – были опубликованы позже. Значительное число работ опубликовано В.М. Бехтеревым (9 работ). Среди них не только посвященные условиям умственного и нравственного развития личности, методам ее объективного изучения, но и такой нехарактерной для автора теме, как «социальное бессмертие человеческой личности», рассмотренной автором незадолго до своей неожиданной кончины. Две книги изданы при участии М.М. Рубинштейна: 1909 г. был опубликован его критико-философский очерк «Идея личности как основа мировоззрения»; а в 1912 г. в его переводе вышел сборник из шести лекций П. Напторпа «Культура народа и культура личности». Среди работ ряда авторов обнаружено лишь по одной тематической статье: в 1917 вышла статья П.П. Блонского «Личность ребенка и воспитание», в 1929 г. – статья Н.Ф. Добрынина «Характерология и классификация личностей», в 1945 г. – статьи Б.М. Теплова «Психологическая характеристика личности» и В.И. Кауфмана «Психологическое содержание понятия установки личности». Свои статьи 1947 и 1950 гг. А.Н. Леонтьев и А.А. Смирнов посвятили личности дошкольника и школьника. В 1948 г. в ежемесячном журнале для родителей был опубликован цикл из семи популярных статей В.Н. Колбановского о воспитании личностей и социально-значимых качеств школьника, а также статья «Психология личности в произведениях А.С. Макаренку». Кроме этого обнаружено 17 статей, опубликованных ведущими психологами в журнале «Вопросы изучения и воспитания личности» в 1919-1932 гг., то есть на протяжении всего периода издания журнала. Выход такого издания Института по изучению мозга и психической деятельности в Петрограде – Ленинграде в эти годы – свидетельство внимания исследователей и практиков к проблемам психологии личности. Среди этих работ 4 статьи Б.Г. Ананьева, посвященные изучению рефлексов ребенка и поведения человека. А также статьи других ведущих сотрудников Института – В.М. Бехтерева, М.Я. Басова, В.Н. Мясищева. В целом среди публикаций по проблемам психологии личности основная часть работ опубликована в Петрограде, в период до 1930 г. В 1932 г. среди прочих был закрыт журнал «Вопросы изучения и воспитания личности». О возобновлении интереса к проблеме можно говорить лишь во второй половине 1940-х гг.

Результаты исследования, выстроенного по формальному критерию, позволяют выделить лишь тенденции развития обозначенной отрасли отечественной психологии. Вместе с тем, при сопоставлении с данными качественных исследований данной проблемы, они могут способствовать определению основных линий постановки и решения проблемы психологии личности.

**Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МД-1443.2017.6, использованы результаты исследования по гранту РФФИ № 17-36-01096.*

Беломестнова Н.В., Чередникова Т.В.

**ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ И ЛИЧНОСТИ С ПОЗИЦИЙ
ТЕОРИИ Л.М. ВЕККЕРА (К ЮБИЛЕЮ СОЗДАТЕЛЯ ЕДИНОЙ ТЕОРИИ
ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ)**

Проблемы сознания в науке являются, по общему мнению, едва ли не самыми старыми и сложными. Над ними бились лучшие умы философской мысли, ведущие ученые классической отечественной (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, В.П. Зинченко, А.Р. Лурия и др.) и зарубежной психологии, и продолжают ломать копы современные психологи, как теоретики (D. Dennet, В.М. Аллахвердов и др.), так и специалисты различных когнитивных и нейронаук (Х. Дельгадо, А.А. Меграбян, А.Л. Абашев-Константиновский, Э. Трисман, Э. Тулвинг, В.М. Величковский и др.). Проблемы сознания в науке – это свойства сознания как целого, его структуры, свойств компонентов сознания, механизмов его функционирования и генезиса (субстрат и механизм возникновения сознания). И главный вопрос – соотношение психики и сознания: сознание есть компонент психики или сущность, не зависящая от психики (и иные варианты соотношений). Есть концепции, отрывающие сознание от психики, есть взгляды, отрицающие психику и постулирующие наличие только сознания. Наконец, предлагаются и совсем революционные идеи, например, от создателя психологии – непризнания за сознанием и всей психикой в целом отражательно-регулирующей роли, которая якобы вполне может «осуществляться организмом автоматически» (Аллахвердов, 2003, с.6). Но, чаще всего, исследователи-психологи следуют традиционному подходу и считают сознание частью психики (высшей формой её интеграции или вершиной её, психики, развития). Описание лишь высших уровней сознания, связанных с речью (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия и др.), с точки зрения Л.М. Веккера, невольно маскируют существование исходных форм психической интеграции, порождающих эффекты более низких уровней сознания. Л.М Веккер представляет психику как иерархию психических структур, являющихся частными формами информации, или отражения объективного мира, и последовательно выводит специфические свойства каждой из них, в том числе сознания и личности, из общих принципов организации информации. Идеи Льва Марковича и спустя почти полвека не потеряли своей силы, т.к. могут указать решение, если не всех, то многих парадоксов сознания, в частности, примирить безоговорочное на сей день признание существования разных форм сознания с наличием их единого начала, обладающего родовыми свойствами, присущими каждому из них. Общими для всех форм сознания являются его интегрирующие функции, следующие из закономерностей организации психического времени и психического пространства. При этом сознание в своей исходной отражательной форме является частным случаем такой психической интеграции и представляет блок когнитивных и эмоциональных процессов. Современные данные нейронаук во многом приближают к такому пониманию организации сознания, заставляя, как пишет Величковский, «соотнести эмоции с феноменами сознания» (2006, т.2, с. 367). формируя «на наших глазах когнитивно-аффективную науку» (там же, с. 369). Психопатология также дает доказательства связи эмоций с сознанием (на примере «психического автоматизма»). Однако по мере своего развития, благодаря интегрирующим функциям речи (опосредованной синтезирующей ролью памяти, внимания и воображения), сознание прогрессивно переходит на новые уровни, связанные с закономерностями усложнения когнитивных процессов как специфических информационных процессов. На вершине этой закономерной эволюции сознание интегрирует высшие уровни уже всех трех психических процессов, включая и регуляционно-волевые, однако, подчеркивает Веккер, «именно лишь высшие уровни, а не всю психику в целом» (Веккер, 1981, с. 301), т.к. человеческое сознание «содержит в себе связный, подотчетный и произвольно регулируемый уровень человеческой психики» (там же, с. 298). Внутри психики другой блок, «эквивалентный по своим масштабам сознанию», объединяет эмоциональные и регуляционно-волевые процессы», воплощая психическую структуру характера. А высшую форму интеграции психики, сознания и деятельности представляет уже целостная структура личности как ее субъекта.

Бобылев Е.Л.

ПРОБЛЕМА ГЕНИАЛЬНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Актуальность вопроса о связи гениальности с помешательством в конце XIX — начале XX веков была обусловлена устойчивой позицией таких именитых ученых как Ч. Ломброзо, категорически указывающих на близкое родство гениальности и душевной болезни. Психиатр В.Ф. Чиж также приписывал творческие достижения болезням, а не высокой личностной сопротивляемостью таланта психопатологическим проявлениям, сочетающейся с незаурядной чувствительностью к явлениям жизни. Известна длительная полемика ученого с целым рядом оппонентов относительно творчества Н.В. Гоголя, которого В.Ф. Чиж считал человеком больным с признаками неврастения, и периодического психоза. Позднее в работе об А.С. Пушкине В.Ф. Чиж сам же опроверг свои первоначальные позиции относительно связи между гением и психопатологией личности. Эти выводы В.Ф. Чижа об идеальном здоровье А.С. Пушкина ставил под сомнение психиатр М.О. Шайкевич: «Прежде всего я сомневаюсь, чтобы такое состояние было нормально, когда человек «похудел, пожелтел, вздрагивал при внезапном шуме» (Шайкевич М.О., 1904). Таким образом, казалось бы, спор снова сводился в пользу патологии.

В 1905 году к рассмотрению проблемы психопатологического исследования творчества и личности Н.В. Гоголя обратился Г. Трошин в цикле статей «Гений и здоровье Н.В. Гоголя». Особенность теории Г. Трошина относительно личности Н.В. Гоголя заключалась в том, что он считал писателя «душевно-здоровым человеком при явлениях душевной болезни». Свои исследования Г. Трошин, как Н.Н. Баженов, основывал на особенностях психологии высшего типа. Высшие функции психики, по мнению Г. Трошина, раньше рассматривали как патологию. Но критик считал, что высшие функции проявляются в человеке не случайно, а по особым законам, как одно из звеньев психической эволюции. Высшие функции наслаиваются на старые и подчиняют их себе. Г. Трошин писал, что особенно тесная связь всякой высшей функции устанавливается с аффективной сферой: «Если у обыкновенного человека тонкость восприятия, точность восприятия и широта ассоциаций усиливается под влиянием эмоций, то еще в большем масштабе это наблюдается у людей, одаренных высшими функциями. Под влиянием этих эмоций, как вдохновение (и эквивалентных ему состояний) у высших типов психические продукты доходят до колоссальных размеров. То же самое и в художественном творчестве» (Трошин Г., 1905). В связи с этим утверждением Г. Трошин считал, что в основе изучения Н.В. Гоголя должны стоять творчество и условия его создания. Нельзя отделять, как это делал В.Ф. Чиж, личность Н.В. Гоголя от его гениального творчества, а, наоборот, в условиях гениального творчества, в особенностях психологии высшего типа искать объяснение непонятных фактов биографии и творчества писателя, которые не сводимы к безумию.

Работа Г. Трошина получила высокую оценку М.О. Шайкевича. Несмотря на это, М.О. Шайкевич указывал на неразработанность и «сырость» теории высшего типа (теории прогенерации). Непонятно, почему высший тип, как конечный продукт развития, характеризуется неустойчивостью, отклонения от этого высшего типа должно быть неустойчивым, а не он сам. Неустойчивость же является признаком патологии с любых позиций — объективно-эволюционных или психологических. Поэтому Г. Трошин, критикуя В.Ф. Чижа и Н.Н. Баженова, сам не смог полностью исключить болезненные черты Н.В. Гоголя.

В итоге можно сделать вывод о том, что клиницисты конца XIX — начала XX века опровергали начальную позицию Ч. Ломброзо относительно зависимости гениальности от психопатологии. Врач М.О. Шайкевич констатировал: «Подлежит также сомнению то утверждение, что художественное творчество и деятельность по интенсивности психического процесса и характеру психических элементов ему присущих близки, стоят на границе с таковыми при помешательстве. ... Состояния эти скорее аналогичны, чем родственны и различаются не только количественно, но непременно качественно» (Шайкевич М.О., 1904).

Воронова Е.Ю.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛИЧНОСТИ В ТРУДАХ ВОЛЬФА СОЛОМОНОВИЧА МЕРЛИНА

По мнению И.Б. Котовой (1994) В.С. Мерлин является, в первую очередь, представителем отечественной психологии личности.

В настоящее время существует несколько периодизаций развития отечественной психологии личности, дифференциальной психологии (И.Б. Котовой, К.К. Платонова, Ю.Н. Олейник и др.). Обобщая их можно выделить в развитии учения о личности советскими психологами несколько этапов.

1) В 20-30-х годах почти безраздельно господствовала функциональная теория личности.

2) В 1950 году на волонтаристическом уровне прошла так называемая «Павловская сессия 2-х академий». Личность в целом стала отождествляться с типом нервной системы, с её биологически обусловленной подструктурой.

3) В 70-е годы центральной проблемой была структура личности. К середине 70-х гг. «коллекционерский» подход к личности, превращавший ее в некую емкость, принимающую в себя черты темперамента, характера, преобладающие потребности и интересы, способности, склонности и т.п. был преодолен.

4) К концу 70-х гг. ориентация на структурный подход к проблеме личности сменяется тенденция применения системного подхода (Б.Ф. Ломов). В 80-е гг. было разработано бесконечно число вариантов системного исследования человека.

5) Современная психология (с 90-х годов) переживает кризис.

Тематика публикаций В. С. Мерлина, как правило, соответствовала «духу времени», хотя реальные научные интересы порой существенно отличались. Например, в предисловии книги В.С. Мерлина и М.Ф. Хряковой «Вопросы развития социального мировоззрения у детей» (1925) М.Я. Басов отмечает, что в этой работе проявляется «новая тенденция современной психологии, отсутствующая в прошлом, стремление к целостному пониманию личности, к исследованию всех явлений в их взаимной связи и в их взаимной обусловленности».

В период с 1936 по 1950 гг. личность трактовалась как результат учения и воспитания. Предвосхищая это, Вольф Соломонович пишет статью «Обучение и развитие» (1934), в которой говорит о многозначности путей развития ребенка, т.к. «существует не одна, а множество враждебных и противоположных зон ближайшего развития».

Явное следование общей тенденции развития психологии наблюдается в работах Вольфа Соломоновича и в суровые 50-е годы. Психофизиологическая тематика преобладает в его публикациях с 1953 года по 1964. В 1956 г. прошло первое совещание по психологии личности, на котором, по словам П.М. Якобсона, «были только робкие подходы к рассмотрению и толкованию личности». А уже в 1959 году Вольф Соломонович опубликовал «Очерк психологии личности», где содержалось его видение структуры личности. На протяжении 60-х годов он занимался поиском математических методов, способных адекватно отразить закономерные отношения между свойствами структурных компонентов личности, темперамента и нервной системы. Во второй половине 60-х годов мы находим и традиционные уже для него исследования типологических особенностей, и проблемы социализации, и проблема соотношения социально-типичного и индивидуального в личности, и индивидуальный стиль деятельности, и проблемы воспитания. В 1970 г. в книге «Проблемы экспериментальной психологии личности» появляются первая ссылка на У. Р. Эшби (1964), а в тексте появляются термины и объяснительные принципы, характерные для системного подхода. Очевидно именно

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

в 1971 - 1972 гг. Вольф Соломонович подробно изучает системные исследования, и различные модели системного подхода. Об этом свидетельствует 2-е, дополненное издание книги «Очерк теории темперамента» (1973 г.), в котором он говорит о том, что темпераменту присущи все черты самоорганизующей подсистемы. В конце 70-х годов XX века концепция личности В.С. Мерлина была наиболее методологически обоснованной, проработанной, экспериментально подтвержденной и, безусловно, перспективной.

К сожалению, большая часть учеников В.С.Мерлина по сей день занимается развитием более известной уникальной концепции интегральной индивидуальности, а его концепция личности не востребована. На мой взгляд, эта концепция может быть методологическим основанием не только для дальнейших исследований личности, но и современной педагогической практики, поскольку отвечает на злободневные вопросы: «Как формируется самобытная социально ориентированная личность».

Ждан А.Н.

КАТЕГОРИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНЦЕПЦИИ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

В философско-антропологической концепции С.Л.Рубинштейна, известной также как субъектно-деятельностный подход, личность понимается в двух значениях: как один из методологических принципов психологии и как предмет исследования. В первом случае, т.е. личность как методологический принцип, термин означает единство и индивидуальность всех жизненных психологических проявлений человека, принадлежность психических процессов, способностей, состояний, происходящих в организме и психике, человеку – личности, поскольку каждая из названных функций не имеет своей особой логики развития, а подчиняется функционированию личности. Принцип личности позволяет выйти за пределы традиционной чисто функционалистской психологии, в которой разнообразие психологических проявлений сведено к их простому перечню, детерминированному изнутри, и функционирующих независимо друг от друга. Принцип личности требует раскрыть зависимости психических проявлений от реальных взаимоотношений, которые складываются у человека в жизни. Духовность, нравственные качества, мировоззренческие и эстетические чувства, принципы оценивания своих и чужих поступков проявляются в отношениях к другим людям. Принцип личности позволяет психологии отвечать на вопросы, которые ставит жизнь. Он вносит в психологию подлинно гуманистическую тенденцию. Важно рассматривать принцип личности в соотношении с понятиями человек и субъект, поскольку уровни личности и субъекта у одного и того же человека могут расходиться. В жизни они часто не совпадают: как субъект человек может преуспевать, но при этом оставаться на низком уровне в развитии личности. Портреты ряда крупных исторических деятелей, их деяния, образы героев произведений художественной литературы содержат большой материал на эту тему.

Личность как предмет исследования предполагает изучение ее свойств. От психологической науки требуется ответ на следующие три вопроса. Для понимания психологии личности важно, во-первых, знать, чего хочет человек, что является для него привлекательным – это проблема направленности личности, ее установки, стремления и потребности, интересы и идеалы. Не менее важно, во-вторых, знать, что может личность, т.е. каковы способности и дарования человека. С направленностью неразрывно связан характер, который сообщает личности человека стержневую определенность, придает узнаваемость всем его проявлениям. Проблема психологического изучения личности не заканчивается на изучении психических свойств личности – ее способностей, темперамента и характера; она завершается раскрытием

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

самосознания личности. Личность не тождественна ни с сознанием, ни с самосознанием, но невозможна без них. Самосознание не имеет самостоятельного пути, отдельного от развития личности, в нем отражающегося, а включается в этот процесс в качестве его момента.

Ближайшие ученики и продолжатели Рубинштейна – К.А. Абульханова-Славская и А.В. Броушлинский – раскрыли методологическое значение его концепции для психологии. Они произвели большую работу по уточнению понятий субъекта и личности и раскрытию качественно специфической сферы их применения, а также направлений их развития в современной психологии. На мой взгляд, Абульханова-Славская внесла наиболее значительный вклад в разработку категории личности в ее неразрывной связи с понятием субъекта. Автор говорит о личностно-центрированном принципе субъекта, о «личности как субъекте». Личность рассматривается в контексте жизненного пути как изменяющаяся, развивающая свои качества в разных системах связей и отношений, способная интегрировать разные сферы активности человека, создавать свой индивидуальный способ жизни, свою индивидуальность.

Jovanovic G.

PERSONALITY IN VYGOTSKY'S CULTURAL-HISTORICAL THEORY

The aim of this paper is to reflect on the concept of personality in Vygotsky's cultural-historical theory. The reasons for drawing attention to Vygotsky's concept of personality are given, on the one side, in an indeed specific status of that concept in Vygotsky's theory and on, the other side, in understanding that any psychology of human beings needs to conceptually reach the level of personality as the highest and most integrated form of human functioning. While Vygotsky extensively dealt with many psychological topics, it is striking that among Vygotsky's writings there is no separate study devoted to the core psychological concept of personality (see, for example: Holland D. & Lachiotte W., 2007; Veer R. & Valsiner J., 1991; Wertsch J. (ed), 1985; Yaroshevsky, 1989). Given the foundational approach Vygotsky assumed when developing his psychological theory this omission is surprising. The easiest way to explain it is based on some basic biographical facts (Vygotsky's illness, and his early death). However, my aim is to show that the lack of a developed theory of personality in Vygotsky's psychology is theoretically founded. Vygotsky's cultural-historical theory of human psychic development provided insights into development of higher psychic functions of thinking, speech, emotions, will (Vygotsky, L.S. 1925/1986; 1931/1997b; 1934/1982). As these functions are understood by Vygotsky as internalized and symbolically mediated social relations, and as they must be integrated into a holistic structure of personality, it is clear that personality as well must be understood as social in its genesis and its functions. I would argue that these two aspects, social origin and semiotic mediation of psyche, which Vygotsky elaborated at the level of particular psychic functions, would remain indispensable for a theory of personality if he had completely developed it. In that regard his theory of personality would be better founded than the majority of Western individually conceptualized theories of personality – starting from G. Allport's (1961) to Eysenck's (1952), Hall's and Lindzey's (1970) and the contemporary "big five" or "big six" (John O. P. et al, 2008) Another theoretical advantage of Vygotsky's theory lies in the introduction of semiotic processes, which provide tools for development of self-interpreting capabilities of personality as an essential feature of human beings (Taylor Ch., 1985). This is usually not included into classical psychological theories of personality. Additionally, Vygotsky was not interested in just describing the existent forms, but in changing them and – developing a new man. He published in 1930 an article "The socialist alteration of man" (Vygotsky L.S., 1930/ 1994), where he stated as one of the sources of that alteration the change in types of social relations – instead of actions "directed

against the people” “to work for their sake”. When diagnosing a deep crisis of psychology in late 1920s Vygotsky claimed „We cannot master the truth about personality and personality itself so long as mankind has not mastered the truth about society and society itself” (Vygotsky L.S. 1927/1997a). In conclusion, I would argue that the lack of a developed theory of personality in Vygotsky’s cultural-historical psychological theory is of theoretical relevance. Even though it might be explained by some simple biographical facts, I would claim that the absence of a fully developed theory of personality stands for Vygotsky’s expressed belief that society developmentally precedes personality, or in other words – personality belongs to social human kinds. Therefore, the development of personality and its proper theory requires prior social changes. Such an understanding of personality has beyond its theoretical significance also many important practical consequences.

Klempe S.H.

THE GENEALOGY OF PERSONALITY PSYCHOLOGY – WHY DID IT BECOME SO IMPORTANT?

Personality psychology in academia reached its peak point in Western psychology in the sixties and seventies. Its history normally starts with Freud and ends up with the Big Five. Yet its roots go far beyond this, and can be traced back to the early use of the term “psychology”. The early use of the term went in many different directions, but it appeared primarily among protestant scholastics in the late sixteenth century. This was related to the Christian Reformation, which highlighted the sacrament of penance, which emphasized self-examination of the true believer. Max Weber demonstrated that this led to a morality of being faithful to one’s deed. This duty, he says, explains the prosperity of the Protestants in Europe and the US in the 17th century. Michel Foucault demonstrated in the first volume of the History of Sexuality how the sacrament of penance led to a certain interest in the human nature and sexuality. Human nature was at the core of the very early use of psychology. Thus in my presentation I will focus on how these aspects were treated in early psychology by focusing on the following four topics: the term person, human nature, individual differences, and intellectual abilities. The term “person” is etymologically linked up to the term “sound”. Normally it refers to masks and their use in the ancient classical drama. Masks featured general characters; hence the individuality of the character was transmitted through the voice of the actor. Consequently, the voice provided the most sensorial form of information. Thus, a person is predominantly a psychological entity. There were, however, two layers of knowledge: the general provided by the mask, and the particular provided by the voice. General knowledge was highly appreciated, whereas knowledge based on experiences carried a lower status. This is reflected in Aristotle’s thesis *On the Soul*, which is about how knowledge is acquired. This thesis, therefore, is not about psychology, but about theory of knowledge. From a psychological perspective, a person has always been regarded as a sensorial entity. Theology made that philosophy focused on general knowledge. This changed radically in the renaissance. There were, however, two different and, apparently, contradictory movements that took place. One was the movement of humanism, which was skeptical to the institutionalized church, and emphasized more honesty in faith. This culminated in Protestantism. The other was the divorce between theology and philosophy that resulted in the search for a secular basis for philosophy. It was in the wake of those two tendencies, the term psychology appeared in the sixteenth century, primarily among Protestant scholastics. Both movements resulted in a common interest in human nature. The protestants because they focused so heavily on the sacrament of penance, and the secular philosophy because the subject appeared to be the only basis for philosophical knowledge. Descartes, among others, demonstrated this. Both called for a deeper understanding of human nature.

Логинова Н.А.

ЮБИЛЕЙ ОДНОЙ КНИГИ*

Ровно пятьдесят лет назад вышла в свет книга Б.Г. Ананьева «Человек как предмет познания», которую смело можно назвать манифестом петербургской психологической школы (по крайней мере, ананьевского ее периода). В ней впервые была развернута концепция человекознания, объединенного психологической наукой и направленного на изучение человека во всех основных его ипостасях - биологический вид *Homo sapiens*, индивид, личность, субъект, наконец, индивидуальность. В книге было дано новое понимание предмета психологии человека, что не сводимо ни к одной из форм его существования. В этом произведении находим новые представления о развитии человека, различие онтогенеза и жизненного пути, связь с эволюцией вида и историей человечества и общества, пожизненный характер развития и его типы. Книга Ананьева получила отклик в советской и зарубежной науке, много цитировалась в нашей стране, и продолжает быть востребованной по сей день. Книга популярна не только среди психологов, но и философов, представителей социальных и гуманитарных наук. Ее переводили и издавали в Германии (ГДР, 1974), Болгарии (1976), Японии (1983) и Китае (1992). К сожалению, она не была издана на английском языке, что отрицательно сказалось на ее известности в мировом психологическом сообществе.

Книга Б.Г. Ананьева имеет глубокие исторические корни в трудах предшественников, особенно В.М. Бехтерева, к школе которого Борис Герасимович приобщился, пройдя аспирантуру и работая в Институте мозга. Определенный же замысел этой монографии, зародился во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг., т.е. в период общественно-политической «оттепели» в Советском Союзе. Об этом можно судить по публикациям основополагающих статей Ананьева «Человек как общая проблема современной науки» (1957), «О системе возрастной психологии» (1957), «Комплексное изучение человека как очередная задача современной науки» (1962). Активная работа над текстом монографии началась, по-видимому, в 1962-63 гг. Известно, что в тот период Борис Герасимович организовал коллективное обсуждение материалов будущей книги на кафедре психологии ЛГУ (СПбГУ), а летом 1963-го месяц работал в Москве, в библиотеке (ныне РГБ им. В.И. Ленина). Вместе с тем он развернул подготовку к комплексным исследованиям (для краткости КИ): подбор кадров, методик, экспериментальной базы, создание в Ленинградском университете лаборатории дифференциальной психологии и антропологии, НИИ комплексных социальных исследований. Организационный процесс увенчался открытием в 1966 г. факультета психологии, который стал ядром комплексных исследований человека, представлялся Ананьевым как центр человекознания. Часть из первых результатов КИ успела попасть в книгу 1968 г. После «Человека...» он задумывал сделать книгу о психологии как науке. Часть рукописей из архива вошла в его посмертную книгу «О проблемах современного человекознания» в 1977, кое-что опубликовано позже.

«Человек...» - одиннадцатая по счету (из пятнадцати опубликованных) и последняя прижизненная монография Б.Г.Ананьева. Особенности книги, вообще свойственны стилю автора. Это опора на большую эмпирическую базу – факты из психологии, естественных и социогуманитарных наук. Это попытка междисциплинарного синтеза знаний о человеке и его развитии. Содержание книги имеет ярко выраженный методологический характер, но ананьевская методология не абстрактная, а деловая, направленная на решение конкретной задачи организации КИ человека и, в конечном счете, выходе на практическое применение комплексного знания о человеке. Многие новаторские идеи, впервые объективированные в ней, за прошедшие пол-столетия стали общепринятыми настолько, что потеряли авторство. Историко-психологическая наука обязана изучать биографию великих, рубежных книг, ананьевских в том числе, и давать им оценку с исторической дистанции.

**Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ-ОГОН). Проект № 17-06-00484 «История Петербургской психологической школы (1941-1991): архивные разыскания и изучение источников».*

Мазилев В.А.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ: В ПОИСКАХ НОВЫХ ИНТЕГРАЦИЙ*

У научной психологии всегда были сложные отношения с литературой, беллетристикой. Еще В. Дильтей писал, что «в Лире, Гамлете и Макбете скрыто больше психологии, нежели во всех учебниках психологии вместе взятых» (Дильтей, 1996). Он же подчеркивал, что все заключается «в способе, каким подходят великие писатели и поэты к жизни человеческой» (там же). Отметим, что с первых же этапов возникновения научной психологии личности в нашем отечестве этот интерес к литературе был представлен. Достаточно вспомнить, что первая работа В.Н. Мясичева (под руководством А.Ф. Лазурского) в школе В.М. Бехтерева была выполнена на материале анализа повести Л.Н. Толстого (ключом к анализу была схема характеристики личности А.Ф. Лазурского-С.Л. Франка) (Мазилев, 2013).

В дальнейшем эта линия научно-психологических исследований на время остановилась. Но не пресеклась совсем. Обратим внимание на работы А.М.Левидова: его судьба и путь в психологию совершенно необычны. А.М. Левидов (1895-1968). В 1913 году окончил в Казани гимназию и поступил в Казанский университет на юридический и медицинский факультет, окончил их в 1919 году. В 1921 году переехал в Петроград. Преподавал на рабфаках, в средней школе. Был руководителем предметной комиссии по естествознанию с 1927 по 1946 гг. (с перерывами), вел курсы в Ленгубсовпрофе (Высшей профсоюзной школе культуры). В 1941 в ЛГПИ защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблема методологии курса литературы XIX в.». С 1943 по 1947 гг. читал курс литературы в Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского, затем работал библиотеке. Он был любителем и знатоком литературы. Им написан труд «Диалектический метод изучения литературного произведения (руководство к чтению художественной литературы)». «Видя трудности публикации рукописи столь значительного объема (32 главы, примерно 100 п.л.), автор незадолго до смерти подготовил рукопись, куда вошли без изменений – только сокращенные за счет примеров – 12 глав основного труда, объединенные под названием «Автор-образ-читатель» (Мясичев, 1977, с.3). «После его смерти в 1968 году его сын Виктор, ученый в области технических наук, проникнувшись идеями своего отца-гуманитария..., отказался от техники и посвятил остаток своей жизни продолжению дела отца. Он подготовил рукопись отца к изданию и сумел заинтересовать ею издательство Ленинградского университета» (Тихомирова, 2017, с.8).

Обратим внимание, что огромное количество фактов сочетается в книге с большим количеством высказываний выдающихся представителей культуры, так что в целом объем цитат превышает объем авторского текста. Это несомненное достоинство книги. Добавим, что проницательный В.Н. Мясичев замечает, что это «книга не новых фактов, а новых мыслей» (Мясичев, 1977, с.4). Мы имеем уникальную эмпирическую базу. Необходимо издать в полном объеме. На этом массиве возможны совершенно новые исследования. Вспомним про возможности компьютерной техники. На этой базе та психология, о которой мечтал Дильтей: она исходит «из переживаемых связей, данных первично и с непосредственной мощью; она же изображает в неуизуродованном виде и то, что еще недоступно расчленению» (Дильтей, 1996).

У Левидова огромное количество намеченных аспектов, уже показавших свою значимость для практической психологии личности. Например, в жизни человека есть такая минутка, когда «становится совсем не похож на себя, оставаясь между тем самим собой». В академической психологии в концепции личности такой феномен решительно не предусмотрен (Мазилев, 2017), а в практической важен. Идеи и разработки А.М. Левидова, созданные им базы фактов из литературы, открывают новые захватывающие перспективы перед разработкой психологии личности, продолжающей отечественные традиции. Это основа для новых интеграций. Не случайно его работы ценили и Б.Г. Ананьев и В.Н. Мясичев.

**Работа выполнена в соответствии с государственным заданием № 25.8407.2017/8.9.*

Мироненко И.А.

**ИДЕИ САМОДЕТЕРМИНАЦИИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА В РАБОТАХ
Б.Г. АНАНЬЕВА***

Значение и смысл работ Б.Г. Ананьева не сводятся к тому, что он всесторонне описывал ход онтогенеза человека, проводил лонгитуды и сравнивал возрастные срезы, сопоставлял индивидуальные и социально-психологические характеристики, применял т.н. комплексный подход. В его работах есть потенциал для новых прочтений и интерпретаций, актуальных сегодня, который не был раскрыт ранее, потому, что опережал свое время. В работах Ананьева интересны в первую очередь не описания общих закономерностей возрастного развития, а яркие факты их нарушения, примата индивидуальной детерминации развития над обще видовой. Такие факты выявлены и описаны им на материале широкомасштабных исследований сенсорно-перцептивных функций, традиционно и по сегодняшний день относимых к самым базисным, биологическим «этапам» в структуре человека как субстрата личности.

Теоретическое значение описанных Ананьевым фактов не было полностью осмыслено при его жизни и непосредственно позже, в силу ряда обстоятельств исторического характера, в частности, потому, что наука того времени не была готова к такому осмыслению. Центральная идея в работах Ананьева – идея самодетерминации человеческого развития, высоко актуальная сегодня.

В зарубежной психологии идеи самодетерминации зародились позже, лишь в 1980-е, и развивались в русле гуманитарного телеологического подхода. В работах Ананьева идеи самодетерминации, заложенные в субъектном подходе и культурно-исторической теории, были реализованы в русле каузального естественнонаучного подхода и воплощены в широкомасштабных эмпирических исследованиях, доказывающих самодетерминацию человеческого развития на уровне самого субстрата человеческой психики, психофизиологических механизмов, прежде всего, сенсорно-перцептивных процессов.

Центральное место в концепции Б.Г.Ананьева занимает понятие индивидуальности. Индивидуальность по Ананьеву – это не просто индивидуальное своеобразие, уникальность личности, отличие человека от других. Б.Г. Ананьев называет индивидуальностью целостное единство всех уровней организации человека, которое является результатом слияния натурального и культурного развития человека. Главной детерминантой развития в теории Ананьева является интеграция, согласование различных по своему происхождению программ, которые человек наследует: видовая, заложенная в его генотипе; культурные и обучающие программы, носителем которых является общество. Эти программы рассматриваются как ряд относительно независимых непсихологических факторов, действие которых опосредуется и интегрируется индивидуальностью человека. Индивидуальность изначально присутствует и проявляет себя, преломляя и соединяя биологическую индивидуальную программу, социально определяемую программу развития личности и программу становления субъекта деятельности, которая заложена в орудийно-деятельностных компонентах воспитания.

В зрелом возрасте фактор индивидуальности становится доминирующим. Ананьев формулирует и обосновывает положение, что по мере взросления возрастная изменчивость все более опосредуется индивидуальной изменчивостью. Собственным поведением и трудом, посредством общественных связей (товарищества, дружбы, любви, брака и семьи, включения в разнообразные малые и большие группы — коллективы), человек создает и поддерживает собственную среду развития. Характерологические особенности, избираемая область и виды деятельности существенно влияют на развитие психических и психофизиологических функций человека. Влияние жизненного пути человека и меры его активности на ход онтогени-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

ческой эволюции особенно велико в период старения. Именно с активностью человека связано действие гигиенических факторов, способствующих стабилизации жизненных функций на высоком уровне в зрелые годы. Теория индивидуальности открывает и обосновывает оптимистическую перспективу современному человеку, освобождая его от фатальной зависимости от какой-либо навязываемой ему программы, будь то природная программа или заложенная в культуре.

**Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 17-06-50086-ОГН «Академическая интеграция в контексте становления глобальной психологии: вызовы и перспективы».*

Олейник Ю.Н.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ*

Важным и актуальным направлением современных историко-психологических разработок является проведение сопоставительного исследования развития психологии в разных социо-культурных условиях. Именно такой акцент в рассмотрении истории мировой психологии в полной мере позволяет выявить как общие, так и специфические особенности развития психологического знания и получить представления о вариациях реализованных сценариев ее развития. При этом важно то, что кросс-культурные исследования по истории психологии позволяют в значительной мере решать вопрос о так называемой национальной науке – самом факте ее существования и, при утвердительном ответе на этот вопрос, определять эту национальную специфику. Однако, несмотря на актуальность таких исследований, они не очень широко представлены в тематике современных отечественных историко-психологических разработок. Об этом, в частности, свидетельствует библиометрический анализ материалов конференций «История отечественной и мировой психологической мысли (Московские встречи по истории психологии)» (Чердакова М.М., Костригин А.А., 2017). Представляется, что это в значительной мере связано с недостаточной разработанностью теоретико-методологических оснований подобных исследований. Что могло бы выступить в качестве таких оснований? С нашей точки зрения при проведении подобных исследований необходимо ориентироваться на несколько идей:

1. Рассмотрение психологических знаний с позиций дисциплинарного подхода в анализе научного знания. При этом можно было бы ориентироваться на анализ компонентов истории психологии как научной дисциплины – когнитивного, популятивного, коммуникативного, социально-организационного. Эти компоненты могли бы выступить универсальными индикаторами, позволяющими сравнивать характеристик психологии в разных социо-культурных условиях. Кроме того, этот подход позволял бы фиксировать и динамику дисциплинарного статуса психологии, в том числе и степень ее институционализации в обществе.

2. Выявление таких периодов для сравнения, которые наиболее полно выявляют именно роль социальных факторов в динамике изменений в психологических знаниях. Например, одним из таких периодов мог бы выступить период Второй мировой войны. Именно в этот период развитие науки, в том числе и психологии в разных странах, было детерминировано единым фактором – ситуацией военного времени, но его воздействие было опосредовано спецификой предшествующих этапов истории психологии в этих странах, стоящими перед обществом задачами, культуральными и ментальными особенностями научного сообщества.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

3. Ориентация на проблемологический подход в историко-психологических исследованиях. Выявление фиксированного числа универсальных научных проблем давало бы возможность при константности самой проблемы как таковой, выявлять специфический вариант ее постановки и разработки в зависимости от социо-культурных условий развития психологии в той или иной стране. Ориентация на эти идеи позволяет разработать теоретическую модель изучения развития психологии в разных странах и на ее основе провести комплексное и полномасштабное сопоставительное исследование.

**Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках выполнения научного проекта № 18-513-18017*

Петрова Т.Н., Тихонова Э.В.

ВЫЯВЛЕНИЕ ЗНАНИЙ О КЛАССИКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ У СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ ВУЗА

В отечественной психологии проблема личности всегда являлась центром научных исследований. Её изучением с разных позиций занимались выдающиеся учёные, которых справедливо относят к разряду классиков психологической науки: А.Ф. Лазурский, В.Н. Мясищев, В.М. Бехтерев, Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Л.И. Божович и многие другие. Их труды и идеи отличаются глубиной и фундаментальностью и сохраняют своё актуальное значение по сей день. Но знакомы ли с ними современные студенты, изучающие психологическую науку? С одной стороны, в век информационных технологий многие труды классиков психологии – и дореволюционного, и советского периодов – оцифрованы и размещены в сети Интернет, что делает наследие выдающихся учёных широкодоступным. Но, в то же время, у современной молодёжи преобладает клиповое мышление, что осложняет восприятие больших объёмов текста, имеющего к тому же серьёзную научную нагрузку. Кроме того, начиная с 90-х годов XX века, в нашем обществе наблюдается преимущественный интерес к зарубежным психологическим теориям и их авторам. Задавшись вопросом, насколько хорошо сегодняшние студенты знакомы с классиками отечественной психологии, мы провели микро-исследование в форме анкетирования. Исследование проходило на базе Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. С этой целью нами была разработана анкета, включающая следующие вопросы: 1) Кто изображен на фотографии? (Соотнесите фотографию известного психолога с его фамилией) 2) На Ваш взгляд, кому из психологов может принадлежать данная цитата? (Соотнесите цитату и автора) 3) Соотнесите ученого и теорию, автором которой он является. 4) Соотнесите ученого и название труда, который им написан. 5) На ваш взгляд, сохраняют ли актуальное значение труды классиков отечественной психологии сегодня? 6) С творчеством какого отечественного ученого-психолога Вы хотели бы познакомиться подробнее? И почему? Данные вопросы позволили выявить не просто наличие знаний у студентов, но и их мотивацию к познанию трудов отечественных психологов. В исследовании приняли участие 2 группы студентов с разных факультетов. Выборка составила 36 человек: из них 23 человека – студенты 4 курса педагогического направления подготовки, а 13 человек – студенты 2 курса психологического направления подготовки. Анкетирование показало, что большинство опрошенных студентов педагогического вуза узнают по внешнему облику тех отечественных психологов, которые внесли весомый вклад в развитие не только психологии, но и педагогики. К их числу относятся Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин. При этом стоит отметить, что наименьшее число студентов узнало по фотографии Б.Г. Ананьева и С.Л. Рубинштейна. Среди

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

теорий ученых, которые оказались в большей степени знакомыми студентам были: концепция поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина и теория деятельности А.Н. Леонтьева. Наибольшее затруднение у студентов вызвал вопрос о соотношении психолога с его трудом. Здесь знания студентов разных направлений подготовки разделились. Будущие психологи оказались знатоками трудов А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна, а будущие педагоги правильно соотнесли труды П.Я. Гальперина, А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна. На наш взгляд, это может быть связано со спецификой подготовки студентов различных направлений подготовки. Исследование показало, что в целом студенты плохо знакомы с творчеством отечественных психологов. Затруднения у исследуемых вызвали цитаты (4%; 8%), теории (26%; 23%) и научные труды ученых (17%; 15,4%). Но при этом в процессе ответов на вопросы анкеты у студентов возникла достаточно высокая мотивация к изучению научного наследия отечественных психологов (74%; 92%). Таким образом, в результате проведенного исследования, было выявлено, что знания современных студентов об отечественных корифеях психологии отрывочны и требуют целенаправленной работы по их формированию в стенах высшего образовательного учреждения, причём, в первую очередь, со стороны самих студентов. В ходе анкетирования у опрошенных возникла потребность в углублении собственных знаний, что является основой к усовершенствованию работы по ознакомлению с отечественной психологией и ее ведущими представителями.

Robinson D.K.

WESTERN UNDERSTANDING OF HISTORY OF PSYCHOLOGY IN ST. PETERSBURG/LENINGRAD

Historians of science are often concerned about international relations in science and research, presumably because if something can be called scientific it must be international, indeed universal. For example, for studies of the early history of psychology it is important to understand how students and researchers from the USA and the Russian Empire studied psychology and psychiatry in Germany and France during the late nineteenth century. It is also interesting to see how later developments in psychology in North America were received back in Europe. North American psychology clearly dominated mainstream Western psychology after World War II, though historians of psychology are beginning to recognize that this sweeping generalization deserves some revision as we explore other influences.

The problem of the isolation of Soviet psychology presents important historical issues, and the periodization of the history of psychology in Russia is currently enjoying considerable discussion. There are also interesting disagreements about the relative influences of main figures such as L.S. Vygotsky, A.N. Leontiev, and S.L. Rubinstein. For purposes of this presentation, we can refer to the following phases of Western knowledge about Russian/Soviet work in psychology: 1) international influence and reputation of I.M. Sechenov, V.M. Bekhterev, and I.P. Pavlov; 2) Western interest in Pavlov and Vygotsky during the period of isolation, 1936-1962; and 3) developments and contacts during the "thaw" of the Cold War isolation, 1962-91. Current historical discussions are mostly concerned with details and interpretations of the second two phases, and they have generated many important questions. Here are a few of them. How influential were the ideas of Vygotsky in the Soviet Union, especially from 1936 to 1955? What were the relative influences of Rubinstein and Leontiev in making "activity" a key concept in Soviet psychology? How did the relationships between the psychologists in Moscow and Leningrad develop and change during the Soviet period?

Historical accounts of the development of Soviet psychology during the period of isolation could help us understand, for example, why the work and influence of B.G. Ananiev, which was so

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

important in Soviet Union, remains almost totally unknown in the West, even today. This is something of a mystery, especially since Ananiev's early career was associated with the famous school of Bekhterev, and later his student B.F. Lomov went to Moscow to become the founding director of the Institute of Psychology of the Academy of Sciences of the USSR in 1971. How can Western readers of history of psychology best understand this mediating figure, or is this even a good way to understand Ananiev's contributions? Using a survey of writings in English (including translations from the Russian) this presentation will explore this mystery and develop some further considerations for the periodization of this history. "Post-Soviet perspectives on Russian psychology" (Koltsova V.A. et al., 1996) provides a starting point for this analysis; a quite recent discussion can be found in "Russian psychology in the context of international science" (Mironenko I. A., 2015).

Сидорчук И.В.

ПЛАН В.М. БЕХТЕРЕВА ПО СОЗДАНИЮ ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК*

При всем внимании специалистов к научному наследию известного физиолога, исследователя мозга, теоретика науки и мыслителя Владимира Михайловича Бехтерева (1857-1927 гг.) до сих актуальным является обращение к его богатейшему гуманитарному наследию. Место ученого в истории отечественной науки и культуры делает этот пробел недопустимым на современном этапе развития знаний по истории антропологической мысли в России. Для В.М. Бехтерева и его единомышленников всестороннее целостное знание являлось идеалом, к которому должна стремиться наука. Он последовательно проводил в жизнь тезис о необходимости комплексного подхода к исследованию человеческой личности и формированию целостной картины человека, что подразумевало глубокий синтез всех наук о человеке. По утверждению его учеников и преемников Б.Г. Ананьева и А.В. Дубровского, «В.М. Бехтерев был предтечей нового типа ученого. Лаборатория была для него только входом в познание реальной жизни. Весь путь его жизни переплетался сложными взаимосвязями биологических и социальных наук» (Ананьев Б.Г., Дубровский А.В. Памяти большого человека // Вестник Знания. 1928. № 23-24. С. 1092).

Важнейшим достижением в этом направлении стало создание Психоневрологического института в Санкт-Петербурге, но планы В.М. Бехтерева не ограничивались его организацией. В частности, среди ценных источников для понимания личности и взглядов ученого важен анализ его публицистики. Уже с 20 лет В.М. Бехтерев отправлял корреспонденции в «Северный вестник» с европейского театра боевых действий Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Впоследствии В.М. Бехтерев чрезвычайно внимательно следил за политическими событиями, происходившими в стране и мире. В архиве ученого хранятся «Записки о деятельности государственной думы в период империалистической войны 1914-1917 гг.», которые проясняют взгляд ученого на события этого непростого для истории страны периода. В минуты досуга ученый писал стихи, в которых предстает перед нами патриотом и гуманистом, призывающим как к победе над врагами России, так и к осуждению войны. В фонде ученого в Петербургском филиале архива Академии Наук хранится черновик «Плана и программы института гуманитарных наук», созданный в дореволюционный период. Проект не был реализован, но обращение к нему позволяет существенно дополнить картину широты интересов ученого. Курс обучения в нем должен был длиться 2 года: «1-й год. Искусство в воспитании и в жизни. Психология художественного творчества. Психология искусства вообще. История изящной

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

литературы. История живописи и гравюры. История зодчества. История сценического искусства. Археология [зачеркнуто – И.С.]. Русская старина. Рисование и черчение. Пластическая анатомия. 2-й год. Философия искусства с эстетикой. Теория и методология живописи и зодчества. [Теория и методология] изящной литературы. [Теория и методология] зодчества. [Теория и методология] ваяния. [Теория и методология] музыки. [Теория и методология] сценического искусства. Иск[усст]во в воспитании и в жизни. Иск[усст]во в книге. Ораторское искусство. Художественная промышленность. Экскурсии для обозрения замечательных памятников. Изучение лучших муз. творений. Изучение и разбор лучших произведений изящной словесности» (Бехтерев В.М. План и программа института гуманитарных наук // СПФ АРАН. Ф. 842. Оп. 1. № 6. 2 лл.). Таким образом, можно подчеркнуть, что источники по изучению гуманитарного наследия В.М. Бехтерева отличаются обширностью и разноплановостью. Их репрезентация и анализ возможны только в контексте общей культуры рассматриваемого периода и с привлечением междисциплинарных исследовательских подходов. План создания Института гуманитарных наук представляется характерным примером стремления значительного числа представителей отечественного ученого сообщества начала XX в. к синтезу гуманитарных и естественных наук.

**Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук, проект МК-4102.2018.6.*

Тихонова Э.В.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ А.И. ВВЕДЕНСКОГО

Специфической характеристикой русской философско-психологической мысли во все времена являлось доминирование нравственного, духовного аспекта. Традиционная проблематика занимала одно из ведущих мест и в научном творчестве А.И. Введенского: он посвятил целый ряд статей проблемам нравственного долга, нравственной ответственности и свободы воли, связывая их с проблемой воспитания личности. Размышления Введенского о природе нравственного долга, о сущности морали, о безусловном подчинении нравственным требованиям, о ценности человеческой личности в полной мере могут служить методологическим обоснованием воспитания человеческого в Человеке и сегодня. Для вдумчивого читателя «нравственный императив» А.И. Введенского может стать компасом в решении проблемы формирования личности. Признавая свободу человека в сознательном выборе нравственных решений, поступков, поведения в конкретных обстоятельствах, Введенский указал на то основное, что отличает человека от других существ, на присутствие в нас высокой нравственной силы. Особую ценность для обоснования задач нравственного воспитания подрастающих поколений представляют суждения А.И. Введенского о борьбе мотивов – личных и общезначимых, которая определяет вектор личностного развития в условиях свободного нравственного выбора ребенка. Исход этой борьбы зависит от того, какими ценностями определяется направленность личности. Учитывая, что в человеке всегда присутствует и природное, и духовное, очень важно, на развитие какого из этих двух начал будет направлен воспитательный процесс. Введенский справедливо полагал, что идеальный результат нравственного воспитания может быть достигнут, когда в процессе выбора между долгом и субъективными потребностями и желаниями происходит ориентация на общечеловеческие ценности, которые превращаются в личностно значимые ценности. Введенский совершенно точно расставлял

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

акценты, показывая, что формирование истинно нравственных качеств возможно лишь, когда признается безусловная обязательность нравственного долга. Если же за основу морального воспитания берется взгляд, согласно которому поведение человека рассматривается в зависимости от конкретных условий и обстоятельств и вследствие чего нравственность носит относительный характер, то это влечет за собой развитие индивидуализма и приспособленчества. В результате человек дает себе такие права и обязанности, которые сам считает нужным и судит себя по тем законам, которые сам себе и устанавливает. Введенский приходит к важному выводу о необходимости не только верить в безусловное существование нравственного долга и признавать его, но и о необходимости еще и доказывать другим его существование, а это возможно «только практически, своей жизнью, осуществляя нравственный долг на деле, а не какими-либо аргументами» (Введенский, 1894, с. 51). Этот тезис Введенского заключает особый смысл применительно к педагогическому процессу: воспитать достойного человека с твердыми нравственными убеждениями и жизненными принципами возможно лишь в том случае, когда педагог или родители не только словом, но и собственным примером являют образец нравственного поведения, морального отношения к людям и к миру, в котором мы живем. В основе нравственного учения Введенского лежит концепция личности, вдохновленная гуманистическими, общечеловеческими ценностями. Отмечая всю сложность нравственного становления человека, Введенский выражал оптимистический взгляд на возможности морального совершенствования, основанного на свободе воли и самостоятельном выборе личности, уделяя нравственному формированию личности первостепенное внимание.

Тугайбаева Б.Н.

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО САМОЧУВСТВИЯ ЛИЧНОСТИ*

Обращаясь к проблеме исследования психологического самочувствия личности с позиций исторической психологии, мы ставим своей задачей проследить изменения в психологических состояниях, настроениях, самопредставлениях, репрезентациях людей в социо-культурных условиях определенных исторических периодов (в частности, России 90-х годов XX в.). На сегодняшний день понятие «психологическое самочувствие» требует дальнейшей конкретизации и операционализации для историко-психологического изучения. Интерес исследователей к проблеме самочувствия личности и общества в российской психологии заметно усиливается в постперестроечное время, что нашло отражение в работах по темам психического и психологического здоровья, психологического стресса, социальных настроений, социального самочувствия, ценностных представлений (М.И. Воловикова, Н.В. Тарабрина, Ж.К. Тощенко, А.А. Русалинова, А.Л. Журавлев, Д.А. Леонтьев). 90-е годы в России характеризуются как период резкого слома всего уклада жизни людей и системы общественных институтов; период, переживаемый на личностном уровне как кризисный, сопровождаемый негативными эмоциями (апатия, страх, агрессия), потерей социальных ориентиров, статусов, идентичностей; тяжелое время выживания и самоопределения. Не удивительно, что именно в этот период на авансцену научного интереса ученых и практиков выходит комплексная проблема самочувствия личности. Для релевантного историко-психологического изучения психологического самочувствия исторической личности, с учетом гендерного ракурса анализа (женская и мужская личности), необходимо видеть сложно организованный характер этого психологического явления, которое можно исследовать как с позиций его субъективной представленности, так и со стороны общества (включенность личности в широкий круг обще-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

ственных отношений, культуры в целом). Мы понимаем психологическое самочувствие как структурное образование, включающее в себя следующие психологические характеристики: переживания, выступающие индикатором бытия субъекта (уверенность в завтрашнем дне, возможность профессионального и личностного роста), которые в свою очередь определяют и формируют направленность поведения; удовлетворенность своими позициями в социуме; установки и ценностные ориентации; идентификация себя как члена общества. В своем исследовании мы опираемся на системный подход Б.Ф. Ломова, который позволяет рассматривать человека частью макро- и микросистем, как субъекта включенного в различные системы общественных отношений. Психологическое самочувствие выступает тогда как многоуровневый, многомерный и многоаспектный процесс, имеющий различные формы проявления, возникающий под воздействием различных детерминант и факторов. Другим из методологических оснований данного исследования является комплексный подход Б.Г. Ананьева, предлагающей целостное научное изучение человека во всех его компонентах и проявлениях: как индивида, личности, субъекта деятельности, индивидуальности и позволяющий изучать человека в междисциплинарном контексте, т.е. предлагающего рассматривать данные других наук для исследования человека. Методологические принципы психолого-исторической реконструкции, предложенной В.А. Кольцовой, позволят нам изучить человека к его исторической перспективе. Для выполнения поставленных задач мы предполагаем использовать процедуру психолого-исторической реконструкции, позволяющую в полной мере преодолеть стоящие перед исследователями трудности и воссоздать психологическое самочувствие человека в историческом контексте. Данная процедура представляет собой феноменологический, описательный способ исследования с опорой на качественный анализ и интерпретационные процедуры. Историко-психологический анализ направлен на выявление общего исторического, социально-культурного контекстов, связанные с ними переживания человека, его самоощущение, настроения, ценности и смыслы жизни, уровень активности/пассивности, жизненные перспективы.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 18-013-00815.

Усольцева И.В.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ КАК ОСНОВА ДЛЯ ПЕРИОДИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Кризисные явления в системе образования обострили поиск новой научной картины мира, построенной на интеграции знаний различных наук об образовании. Для решения этой задачи особую важность представляет изучение становления педагогической психологии (ПП) как междисциплинарной области знания.

Разработано несколько периодизаций развития ПП (А.А. Никольская, И.А. Зимняя, Н.В. Клюева, Б.П. Бархаев и др.), а также и ее отдельных отраслей: психологии воспитания (Л.Н. Кулешова), психологии дошкольного детства (Г.А. Урунтаева), детской психологии (Т.Д. Марцинковская). Существующие периодизации становления ПП фокусируются, по преимуществу, на ее развитии в структуре психологического научного знания. Вместе с тем, ПП представляет собой междисциплинарную науку: ее проблемное поле, концептуальные, методологические и теоретические основы «принадлежат» психологии, однако ее практические результаты имеют четкую направленность на педагогическую практику.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Недостаточность научного знания о характере и степени междисциплинарного взаимодействия педагогики и психологии в становлении ПП препятствует использованию потенциала их междисциплинарных взаимосвязей на современном этапе развития научного знания об образовании.

Опираясь на концептуальные положения о междисциплинарных исследованиях, разработанные Г.Н. Филоновым, нами были выделены следующие этапы в развитии отечественной ПП: изоляционизм (XVIII в. – 1860-ые гг. XIX в.), субординация (1860-ые – 1880-ые гг.), координация (1880–1910-ые гг.), противоречия (1910-ые – 1920-ые гг.).

На этапе изоляционизма, когда институциональные формы науки в Российской империи только начинают складываться, развитие психологического и педагогического знания идет по непересекающимся линиям. На этом историческом периоде система российского образования претерпевает существенные преобразования, педагоги сталкиваются с проблемами, которые требуют от них обращения к другим наукам, среди которых психологии К.Д. Ушинский отводит центральное место. Так начинается этап субординации в развитии отечественной ПП. Психология воспринимается как наука, аккумулировавшая больший объем знаний о психике ребенка и процессах воспитания и обучения, по сравнению с педагогикой. С 1880-х годов начинается период плодотворного сотрудничества между педагогами и психологами, когда психологическое знание активно адаптируется для нужд школы и семьи, а также одновременным становлением как в психологии, так и в педагогике экспериментальных методов исследования ребенка, поэтому этот этап может быть назван периодом координации. К концу периода намечается расхождение между педагогикой и психологией по многим ключевым вопросам: учет индивидуальных особенностей детей в педагогическом процессе, организация обучения с учетом функциональных состояний детей и т.д. Новый этап - этап противоречия – начинается с решения участников II Всероссийского съезда по педагогической психологии о проведении в конце 1910 года I Всероссийского съезда по экспериментальной педагогике. Это решение отражало разочарование педагогов-практиков и теоретиков педагогической науки в применимости психологии для обогащения и развития педагогики. Для этого этапа характерно, что проблемное поле и теоретико-методологические основания ПП формируются как часть педагогического, а не психологического знания.

Проведенная историческая реконструкция становления ПП как междисциплинарной области знания позволяет расширить научное понимание междисциплинарных взаимосвязей, а также создать научную основу для использования наиболее эффективных форм реализации таких взаимосвязей (дискуссий, формирования полипрофессиональной позиции и т.д.) в современных социокультурных условиях.

Харитонова Е.В.

ДИНАМИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ

В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Особую значимость исследования психологического состояния личности в период 1941-1945 гг. определяет необходимость объективного, глубокого осмысления детерминант, определяющих морально-психологическое самочувствие человека в экстремальных условиях войны. Представляется важным, что психологический настрой определял не только боеспособность воинов, но и влиял на психологическое самочувствие населения в тылу. Полагаем, что психологическое состояние человека в первые годы войны и в 1945 году имеет значитель-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

ное отличие, в связи с чем, исследование особенностей, механизмов и факторов подобной динамики определяет направленность исследования и выбор соответствующих задач и методов исследования. Изучать «человеческое измерение» войны призвана военная антропология достаточно новое междисциплинарное направление, в рамках которого человек в сложных военных условиях рассматривается во всех его проявлениях. Глубинные личностные смыслы, ценности, мотивы, переживания личности возможно исследовать с применением метода психолого-исторической реконструкции, с помощью которого раскрывается как само психологическое состояние личности, так и факторы его обуславливающие в конкретных исторических условиях. Психолого-историческая реконструкция относится к числу качественных методов, характеризующихся нестатистическими, неколичественными способами получения данных (Кольцова, 2008). Одним из главных условий проведения психолого-исторической реконструкции любого психического явления прошлого выступает выбор адекватной базы источников. Для нашего исследования необходима совокупность источников: нормативные документы 1941-1945 гг.; научные материалы; данные публицистики — статьи в популярных массовых изданиях 1941-45-х гг., содержащие описание настроений, переживаний, психологического самочувствия людей; изучение продуктов деятельности (личные дневники, письма, мемуары), которые наиболее полно отражают психологическое состояние личности в годы войны.

Психолого-историческая реконструкция включает в себя определенные шаги, одним из которых является построение теоретической модели исследования с опорой на современные психологические исследования личности. Теоретическая модель исследования позволяет проанализировать динамику психологического состояния личности, так внезапное трагическое начало войны, которое резко изменило жизнь людей, условия их быта, деятельности, ощущение постоянной опасности, безусловно, определили особые настроения и чувства у большинства людей, но их дальнейшая трансформация была связана со множеством факторов как внешних, так и внутренних. Жизненный опыт, образование, профессия, конкретные жизненные обстоятельства, а также индивидуальные психологические характеристики, способствующие осознанию происходящего, его интерпретации и выбора жизненной стратегии совладания позволили определить диапазон психологического самочувствия личности. Представляется, что психологическое самочувствие личности, сознание советских людей в целом формировалось и особенностями менталитета, и целенаправленными действиями партийно-государственной системы периода войны. Одним из главных лозунгов, влияющих на общественное сознание в начале войны был лозунг: «Все для фронта, все для Победы!». Он и объединял людей общей целью, но и наполнял индивидуальным смыслом жизнь каждого человека. В то же время на уровне личности проявляется и многообразие мнений, настроений, переживаний. Несмотря на смену общественного строя, переоценке многих событий прошлого, история Великой Отечественной войны и Великой победы 1945 г. продолжает оставаться одним из знаковых событий и обращение к психологическим особенностям личности в экстремальных военных условиях не теряет своей актуальности и в современной действительности.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Аванесян М. О.

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВОЗМОЖНОГО Я*

Ответ на вопрос о том, «Кто Я?» предполагает историю, которую человек о себе рассказывает. Идея, что идентичность может существовать в форме истории (нарратива), которая содержит в себе описание обстановки, сцены, персонажей, сюжета и главную тему принадлежит МакАдамсу (2008). Нарративное Я тесно связано с историями, которые человек рассказывает о себе, и основано на автобиографической памяти. Анализируя автобиографии взрослых людей, мы обратили внимание, что помимо основной жизненной истории существуют альтернативные истории. Они представляют собой нереализовавшиеся или отвергнутые возможности. В психологической литературе жизненный выбор рассматривается как точка пути, «развилка», пройдя которую, человек оставляет невыбранный вариант позади в своем прошлом. Однако не всегда этот вариант остается позади – он может развиваться в виде параллельной жизненной истории. Типичным примером данного феномена являются вербальные рамки «Если бы не ... то я бы ...», «Все пошло бы по-другому, если бы...». Из 61 человека (21-72 года), которых мы просили рассказать о жизненных изменениях, спонтанно эту формулировку использовали 6 человек. Таким образом их рассказ о себе предполагал сопоставление того, что происходит сейчас с тем, что могло бы произойти. В зависимости от эмоциональной оценки нереализованного события, сравнение прошлого с настоящим может быть «в пользу» одного или другого. В поисках аспекта «Я», который отражается в невыбранной истории прошлого, мы обратились к психологической литературе. Данная тема отражена в понятии «возможного Я» как «субъективного пространства потенциальной активности субъекта (agency) — как желаемой, так и избегаемой» (Маркус, 1990, цит. по Костенко, 2016, с. 426). Нам созвучна позиция Е.Е.Сапогова ссылается на понятие «кайроса» как счастливой случайности: «С принятием или отвержением кайроса в точке бифуркации человек вбрасывает себя в потенциальное новое и неизвестное жизненное пространство, переключает в иной режим существования или же остается в прежних обстоятельствах, с «совокупностью несвершенного»» (Тулчинский, 2001, Эпштейн, 2001, цит. по Сапогова, 2017, с. 302). Помимо нереализованной личной истории в жизни человека присутствует представление о «нормальной жизни» – о том, что уже должно было произойти (о должном). Согласованность с культурной концепцией биографии (coherence with a cultural concept of biography) определяет нормативные переходные жизненные события и время их осуществления (например, устроиться на работу в 22 года, выйти замуж в 25 лет или родить первого ребенка в 27 лет). Наличие сценария придает значимому событию (например, замужеству) статус сверхценного (Панченкова, Серкин, 2017), поскольку с ним связывается начало «настоящей жизни». Если невозможно реализовать нормативный сценарий, то высокая вероятность возникновения феномена «отложенной жизни» (Серкин, 2012). В психотерапевтической практике идея альтернативной истории воплощается в беседах пересочинения: уникальные, как будто случайные, эпизоды жизни клиента превращаются в отправную точку для альтернативных сюжетов, воплощающих глубинные жизненные ценности человека (Уайт, 2010). Работа с эмпирическим материалом показывает необходимость введения понятия «воз-

можное Я» не только как альтернативных способов развития Я в будущем (как желаемых, так и избегаемых), но и как параллельно разворачивающейся истории, которая представляется человеком на психическом плане и является важной составляющей для осмысления жизни наряду с нормативными или прочими референтными жизненными сценариями. «Возможное Я» основано на опыте прошлого и конструировании будущего, может содержать идеи непржитой, нереализованной, удачной или, наоборот, неудачной истории, которая существует в представлениях автора как параллельная история жизни, с которой он сравнивает реальное протекание жизни («уже случившуюся историю»).

**Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Потенциал самоизменений как фактор существования человека в изменяющемся мире», проект № 18-013-00703.*

Баранова В.А.

ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ

Коллективную память семьи при исследовании коллективной памяти выделил М. Хальбвакс. Семья или домашняя группа, как и все остальные группы общества, по его мнению, обладает памятью и способна к воспоминанию (Хальбвакс М., 2007). Определения семьи у Хальбвакса во многом заданы личностными аспектами: развитием личности (среда, где наиболее «выпукло выражалась бы личность каждого человека» (Хальбвакс М., 2007, с. 203)), уникальностью личности («нет другой среды, где каждого члена группы рассматривали бы в большей степени как «единственного в своем роде» человека, которого невозможно и немислимо было бы заменить другим») (Там же, с. 203), отношениями родства, и сочетанием родства и уникальности личности («в нашем отношении к каждому из родных есть любопытная особенность: мы объединяем в одной мысли и идею положения, занимаемого ими в нашей семье исключительно в силу родства, и образ индивидуальной, точно определенной личности») (Там же, с. 202). Для коллективной памяти семьи именно отношения родства являлись системообразующим компонентом, понятийной рамкой, «помогающей восстанавливать воспоминания о домашней жизни ...» и соединяющими всех членов семьи со всеми (Там же, с. 201). Наряду с родством важнейшим компонентом этого конструкта является личность в системе её развития, отношения, уникальности для семейной группы. Социализирующая функция семьи по отношению к личности общепризнана и отмечается во многих исследованиях (среда развития, формирования ценностей, проводник в культуру и т.д.). Роль семейной памяти в развитии личности не определена так однозначно, обычно её соотносят с процессами межпоколенческого общения и трансляции ценностей от старших к младшим. В нашем пилотажном исследовании предполагалось выявление содержания понятия «семейной памяти» как особого вида коллективной памяти: уточнение того, какие процессы социального взаимодействия операционализируются через него и каким образом представлены основные элементы конструкта «семейная память» (отношения родства и личность). В исследовании участвовали студенты 2-го курса психологического факультета МГУ им.М.В.Ломоносова, (30 человек), они выстраивали ассоциативный ряд на понятие «семейная память». Результаты показали, что содержание понятия «семейная память» представлено различными элементами. Элементами, которые назывались наиболее часто и занимали первые позиции, являлись следующие: 1) семейные истории, рассказы, воспоминания и т.д. (85%), 2) семейные альбомы, фотографии и фотоальбомы (65%), 3) родословные (родовые книги, семейное дерево) (30%), 4) традиции (25%), 5) общие мероприятия (праздники и печальные события) (25%). Среди остальных элементов назывались семейные ценности, дом в деревне (дача), старые и старинные вещи, люди:

предки, потомки, бабушки, дедушки и т.д. Предварительные данные показывают многоплановость исследуемого понятия, однако, очевидно, что особую значимость обретают элементы, связанные с внутрисемейным дискурсом – семейные повествования и объекты семейной истории, связанные рассказами и воспоминаниями (ранги 1, 2, 3), что позволяет говорить о них как об основном процессе социального взаимодействия. Семейные повествования для младшего поколения в семье (дети, подростки, юношеский возраст) могут быть интерпретированы в терминах необходимых условий развития Я-концепции, становления идентичности, обретения способов существования в современном мире, основой психологического благополучия (Duke M. P., Lazarus A., Fivush R., 2008; Fivush R., Bohanek J. G., Zaman W., 2011). Ответы респондентов указывают также на то, что родство и личность являются системообразующими факторами семейной памяти, задающими вектор исследования личности в плане развернутого существования во времени (Я-в прошлом, настоящем и будущем) в системе отношений родства.

Баскаева О.В., Пьянкова С. Д.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СИБЛИНГОВ ДРУГ С ДРУГОМ ПО ПАРАМЕТРАМ ЭКСТРАВЕРСИИ И НЕВРОТИЗМА

Экстраверсия и невротизм принадлежат к числу фундаментальных черт личности и описывают стабильные особенности поведения. На протяжении XX в. ни к каким другим личностным конструктам учёные не обращались так часто (De Raad, 2000). Г.Айзенк акцентировал внимание на экстраверсии и невротизме как базовых чертах (Eysenck, 1952) и создал методы их диагностики. В настоящее время эти два конструкта (Big Two) присутствуют практически во всех моделях личности, в том числе пятифакторной – FFM (McCrae, Costa, 2008). Наличие отчасти общего психологического содержания конструктов, диагностируемых опросниками Айзенка и Большой пятёрки, позволяет полагать, что одновременное применение в исследовании этих методов выявит наличие сходных связей. Качество отношений между сиблингами описывается терминами «сиблинговая теплота» (взаимная привязанность и поддержка) и «сиблинговый конфликт» (агрессия, ссоры) (Sanders, 2004; Buhrmester, Furman, 1990). Представляется важным понятие, насколько похожими по психологическим качествам считают себя сиблинги, или какова степень идентификации сиблингов друг с другом. В работе приводятся результаты изучения самооценки сиблингов в сравнении с данными партнёру оценками (например, самооценка экстраверсии младшим и оценка младшим уровня экстраверсии старшего). Подобные сравнения позволяют оценить уровень идентификации с сиблинговым партнёром: какие психологические особенности приписываются себе и какие при этом – сиблингу. Гипотезы исследования: 1) самооценки сиблингов и данные партнёру оценки по параметрам экстраверсии и невротизма значимо взаимосвязаны; 2) структура связей этих показателей, измеренных посредством опросников Айзенка и Большой пятёрки, имеет сходство. Выборка: 122 сиблинга (61 пара), возраст от 24 лет до 51 года. Частота общения в парах была различной, часть сиблингов проживала раздельно. Методики: опросник Айзенка, адаптация В.М.Русалова (1992); Короткий портретный опросник Большой пятёрки (Егорова, Паршикова, 2016). Опросники заполнялись дважды: 1) «за себя», результат – самооценки; 2) «за сиблинга», результат – данные партнёру оценки («Представьте, как... ответил/а бы Ваш/а брат/сестра»). Методы анализа данных. Были образованы две подгруппы – старшие и младшие члены каждой пары. Рассматривались самооценки и данные сиблингу-партнёру оценки, отдельно для каждой методики. Взаимосвязи показателей оценивались по коэффициентам корреляции Спирмена. Использовался пакет программ SPSS 18.0.

Результаты. 1. Самооценки старшего и оценки младшего старшим сиблингом. По показателям опросника Айзенка статистически значимо взаимосвязаны: самооценка старшего и оценка им младшего – по невротизму и уровню социальной желательности; самооценка социальной желательности старшего и сделанная старшим оценка уровня невротизма младшего. По показателям Большой пятерки значимо связаны: самооценка старшего и оценка им младшего по невротизму и экстраверсии. 2. Самооценки младшего и оценки старшего младшим сиблингом. По показателям Айзенка статистически значимо взаимосвязаны: самооценка младшего и оценка им старшего по экстраверсии, невротизму и уровню социальной желательности; самооценка социальной желательности младшего сиблинга и сделанная младшим оценка уровня невротизма старшего. По показателям Большой пятерки значимо коррелируют самооценка младшего и оценка им старшего по невротизму. Выводы. Подтверждены гипотезы исследования. Имеется тенденция к идентификации сиблингов друг с другом. И старшие, и младшие сиблинги приписывают себе и партнеру выраженное сходство по показателям экстраверсии, невротизма и социальной желательности. Использование опросников Айзенка и Большой пятерки выявило наличие сходных связей, обусловленных общностью изучаемых конструкторов.

Белинская Е.П.

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Активное развитие новых информационных технологий, модифицируя весь образ жизни современного человека, закономерно имеет и свои личностные следствия. Среди всех возможных личностных трансформаций, связанных с размытанием границ реального и виртуального бытия человека, приоритетное значение имеет динамика идентификационных структур личности. Можно утверждать, что социальные сети являются на данный момент эффективным ресурсом для выражения реальной идентичности пользователя: в сетевой коммуникации человек конструирует не саму идентичность, а своего рода ее «виртуальную оболочку», являющуюся проекцией реальной идентичности. Соответственно, в контексте эмпирического исследования можно предположить, что характер поведенческой активности в информационной среде определяет структурно-динамические особенности идентичности пользователя, взятые в единстве. Соответственно, основной гипотезой эмпирического исследования стало предположение о том, что существует взаимосвязь между доминирующим стилем идентичности пользователя (как в виртуальном, так и в реальном пространстве коммуникации) и его преобладающим видом активности в социальной сети.

Исследование проводилось на выборке в 100 человек - пользователей социальных сетей (62 женщины и 38 мужчин, в возрасте от 17 до 27 лет). Для определения характеристик реальной и виртуальной идентичности пользователей использовался опросник М.Берзонски в авторской адаптации, который предъявлялся респондентам дважды – для «Я-реального», затем для «Я в социальной сети». Для определения специфики активности пользователей в социальной сети была составлена авторская анкета; для анализа активности, состоящей из вида предпочитаемой деятельности и типа информации, анонсируемой на своей странице, использовалась программа подсчета слов WordStat. Исследование строилось как анонимный интернет-опрос в электронной форме Google, для обработки данных, помимо указанных выше, использовались программы SPSS 16.0 и Microsoft Excel 2010. Были получены следующие результаты. Для респондентов с нормативным стилем идентичности были в основном характер-

ны такие виды активности в социальных сетях как перепост и/или «лайк» чужих текстовых сообщений; респонденты с информационным стилем идентичности в большей степени обращались к эмоционально насыщенной информации (перепост и/или «лайк» чужих фотографий, музыки, видео), а также чаще создавали дублирующего персонажа в социальных сетях. Для респондентов с диффузным стилем идентичности каких-либо предпочтений по видам активности в виртуальной коммуникации выделить не удалось, но они значимо чаще, нежели представители других подвыборок, создавали дублирующего персонажа в сети. Респонденты с информационным стилем идентичности также создавали дублирующего персонажа, но это сопровождалось максимальным разнообразием всех видов активности в социальных сетях. Можно предположить, что для них создание дублирующего персонажа являлось возможностью расширить границы своего сетевого общения и получить больше разнообразной информации, в то время как для пользователей с диффузным стилем идентичности создание «дубля» являлось основой для некоторого «поиска себя» в виртуальном пространстве.

Таким образом, пользователи с информационным стилем идентичности приобретают в виртуальности дополнительное пространство для укрепления своей идентичности. Для них виртуальность и реальность образуют, по сути, единое пространство коммуникации. На пользователях с нормативным стилем идентичности особенности виртуального пространства сказываются сильнее остальных: склонные в реальности ориентироваться на социальные нормы, в виртуальности они зачастую не находят привычных точек опоры и склонны негативно оценивать себя. Для пользователей же с диффузным стилем идентичности виртуальная среда не является источником дополнительного самоконструирования.

Беломестнова Н.В.

СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Развитие естественнонаучной психологии весь предыдущий XX век проходило не только в веере разнообразных экспериментальных и эмпирических исследований, но и в поисках моделей строения отдельных крупных целостностей (систем и подсистем), составляющий широкий спектр психических явлений – структуры психики, сознания, мышления, интеллекта, самосознания и т.д. Но в конце XX века и текущие годы XXI века тема моделей строения, обязательная в любых естественных науках, практически исчезла из научных исследований – её заместил обвал измерений всего «личностного», т.е. изучение влияния на поведение человека его личностных свойств. При этом в число этих личностных свойств, как правило, включают любые индивидуально-типологические характеристики человека, не задаваясь вопросом их детерминации – биологической или социальной. Но ведь в личностные свойства человека включены только его социально-детерминированные характеристики, что сформулировано как в Ленинградской школе Б.Г. Ананьева, так и в Московской школе А.Н. Леонтьева (Большой психологический словарь, 2003, с. 263). Большинство диссертационных исследований, в теме которых присутствует концепт «личность», имеют в выводах констатацию «нарушения структуры личности» в исследуемой выборке (делинквентных, агрессивных, зависимых и т.д. личностей). А какова эта структура личности в её «нормальном», ненарушенном виде? Как правило, «нормальной» личностью исследователь считает измеряемые им свойства человека в нормативной (популяционной) выборке, а «ненормальной» – экспериментальную выборку, если изучались какие-либо деструктивные явления. То есть личность – это эмпирический конструкт, состоящий из тех свойств, которые нужны исследователю в данной работе. И речь не

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

идёт об универсальном конструкте, единой модели, едином строении, обязательном для любого человека, как это имеет место по отношению к анатомии человека, структуре его психики, структуре его сознания, его мышления и т.д. То есть данные по исследованиям личности, полученным у разных исследователей, нельзя сравнивать. Каким требованиям должна соответствовать любая модель, отражающая объективные закономерности строения такого универсального конструкта? Это состав (компоненты), структура (подсистемы), функции системы и её подсистем, свойства системы и её подсистем, системообразующие и системоформирующие факторы, интегрирующие механизмы и, возможно, генезис системы (Берталанфи, 1969; Ломов, 1975, 1984; Роговин, 1977; Ганзен, 1984; Беломестнова, 2005). Возможно ли применить эти категории для такой системы, как личность? Возможно. Личность возникла, конечно, не в процессе биологической эволюции, а в процессе культурного развития. Но и культура человечества обладает универсальными структурой, свойствами и т.д. (константными для любой человеческой культуры или цивилизации), которые эволюционируют (развиваются в соответствии с некоторыми универсальными законами. Личность человека также развивается как в онтогенезе (индивидуальная), так и в культурно-историческом процессе (Каган, 1998; Беломестнова, 2013). Значит, универсальные закономерности развития и организации приложимы и к такой системе, как личность.

Отсюда вывод: для выведения исследований личности с допарадигмального этапа на качественно новый, парадигмальный, уровень (Кун, 1962), соответствующий не дескриптивному (допарадигмальному), а аналитико-конструктивному (научному) этапу развития психологии личности, следует построить эту универсальную модель строения личности в её константных категориях. И только после этого возможно исследовать множественные вариации личности (культуроспецифичные, социально-групповые, возрастные и т.д.) в сравнимых эмпирических данных.

Buontempo M., Kusev P.

A SOCIAL COGNITIVE PERSPECTIVE: INVESTMENT DECISIONS IN EARLY-STAGE VENTURES

The Russian psychologist Bekhterev, was a student of Wilhelm Wundt's and a follower of his approach to the 'subjective study of mental processes'. However, in contrast to Wundt, Bekhterev developed an integrated/interdisciplinary approach to the study of objective physiological phenomena, which lead to the development of personality psychology in Russia (see Prokhorov A.O., Popov L. M, 2010). These theoretical approaches contribute to the development of social and cognitive psychology, utilising the integrated research methods and theories that can better explain phenomena in psychology (Eysenck H. J., 1997). Moreover, new areas of research have been using the integrated theories and methods from social and cognitive science. For example, cognitive approaches to entrepreneurship research investigate how agents in dynamic environment make investment decisions under uncertainty (Dane E., Pratt M. G., 2007; Wiltbank R., Read S., Dew N., Sarasvathy S. D., 2009; Maxwell A. L., Jeffrey S. A., Lévesque M., 2011; Mitchell R. K. et al., 2007). Also, the study of entrepreneurial decision-making (low probability of success and high uncertainty) explores the influence of personality and individual differences on risky decisions (Sarasvathy S. D., Venkataraman S., 2011). For instance, researchers have explored decision behaviour of a particular type of investors, known as business angels (Levesque S. et al., 2011) or angel investors (Huang L., Pearce J. L., 2015), who invest in early stage formation of entrepreneurial high risk but high return ventures. In this article we argue for an integrated approach in social cognition research; we

also aim to explore the use of qualitative and quantitative methods employed in social science and entrepreneurship studies.

Huang and Pierce (Huang L., Pearce J. L., 2015) adopted a social cognitive perspective and integrated research methods to study early-stage venture capitalists (angel investors) investment decisions in conditions of unknowable risk and uncertainty (Knight F. H., 1921). In their research, Huang and Pearce (2015) adopted a qualitative method based on grounded theory (Corbin J. M., Strauss A., 1990) that captures the factors angel investors rely on when judging their propensity to invest in early-stage venture entrepreneurs. Moreover, the authors also empirically tested whether angel investors' decisions predict entrepreneurs' venture success. Based on observations, unstructured and structured interviews, and documentation with a sample of experienced investor, the results revealed two leading factors: business viability and perceptions of the entrepreneur. Accordingly, to test whether these factors influence respondents' propensity to invest, the authors conducted an experimental research (with independent and repeated measures designs). Crucially, the results revealed that angel investors had a higher propensity to invest in entrepreneurs that are perceived positively (even when they present poor business viability data), than when they were perceived negatively (with good business validity data). The results also confirmed Huang and Pearce's (Huang L., Pearce J. L., 2015) proposal that angel investors' actual decisions to invest in entrepreneurs' ventures were followed by successful returns of the venture.

We argue that qualitative studies in decision-making can benefit from experimental research findings, in identifying concepts (factors) from complex social and behavioural phenomena. Moreover, possible methodological reunification of experimental approaches can be made to personality research (Cronbach L. J., 1957; Eysenck H. J., 1966).

Бурлакова Н.С.

ПРОЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ: ОТ ИДЕНТИФИКАЦИИ «ЗОЛУШКИ В ПСИХОЛОГИИ» К ПОСТРОЕНИЮ ОБЩЕЙ МЕТОДОЛОГИИ

Проективные методы, несмотря на их частные недостатки, которые широко дискутировались, являются эвристичными для развития методологии психологии (Бурлакова, 2016). Они способны интегрировать в себе как внутреннюю, так и внешнюю (объективную) точку зрения в психологическом исследовании. Неоспоримые возможности проективных методов фокусируют специалистов на нереализованной пока задаче широкого методологического анализа. Отдельные проективные методы создавались в значительной мере стихийно. Однако общая не всегда ясно артикулированная ориентация на некоторое представление об идеологии проективных методов, а также на определенную методическую идею создания материала проекции, апперцепции и т.п., позволяет заключить, что все же они представляют собой сегодня некоторое эмпирическое целое. Проективные методы объединяются рядом методических признаков, которые позволяют назвать их проективными. Можно аналитически выделить определенные методологические особенности проективных методов, методические параметры, внутри которых или ориентируясь на которые, происходило их конструирование. Выделив основные конструктивные моменты, существующие во всех проективных методах, т.е. некоторые методологические оси, координаты, внутри которых происходило их конструирование и которые способны описывать их, можно строить вторичное рефлексивное описание конкретных проективных методов. Причем ранг рефлексии выделенных методологических координат построения проективных методов должен быть на ранг выше, чем рефлексия, присутствующая в описании самих проективных методик их авторами. Благодаря такой работе появилась возможность построить теорию проективных методов. Эта теория позволяет всякую известную

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

проективную методику описать в рамках единой системы координат, на одном уровне рефлексии, и соответственно, описать унифицировано. За счет этого вся совокупность проективных методов выглядит как более дифференцированная и рельефная, поскольку в этом случае мы способны увидеть каждую методику с точки зрения точного описания ее конструкции, а также ее места среди других проективных методик. В результате такого описания получаем в рамках теоретически выделенной оси методологических координат нечто наподобие теоретической карты проективных методик, где в рамках соответствующей теоретических и методических ориентиров, задающих особенности конструирования проективных методов, увидим место каждой методики в выделенной системе координат. На близких основаниях в современной психологии существует теория и методика психодиагностики, теория эксперимента, поэтому с таким же успехом, правом и методологической необходимостью можно и необходимо говорить также и о теории и общей методологии проективных методов. Это отрывает возможности системного исследования проективных методов, их направленной модификации, создания новых методик под определенные задачи с заданными свойствами и т.д. В этом ракурсе развития проективной методологии можно достигать сворачивания методических приемов различных направлений проективных методов, обобщения соответствующих методических приемов и в конечном счете добиваться миниатюризации проективного исследования. Примером такой миниатюризации является методика «Предпочитаемое животное», которая позволяет извлекать глубокий проективный материал на основе проделанной ранее более широкой методологической работы (Бурлакова, 2018).

Гоглев С.Н., Зиновьева Е.В.

ПЕРЕЖИВАНИЕ БЕСПОМОЩНОСТИ ПСИХОЛОГАМИ-КОНСУЛЬТАНТАМИ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Теория выученной беспомощности М. Селигмана активно развивается в современных исследованиях. Исследуются её взаимосвязи с атрибутивными стилями, депрессией, удовлетворенностью жизнью, с успеваемостью школьников, аддитивным поведением, профессиональной деструкцией личности (Крылова, 2015). В большинстве исследований беспомощность рассматривается как личностная черта, формирующаяся в результате столкновения с травмирующими ситуациями и невозможностью повлиять на них.

Однако за этими исследованиями ускользает феноменология беспомощности как переживания. Рассматривая беспомощность изнутри опыта (то есть до того, как она «выучена»), мы можем обнаружить состояние невозможности справиться с жизненными вызовами, которое сопровождает человека от рождения до самого конца.

Переживание и принятие беспомощности считается важным для развития личности в экзистенциальном подходе. Так, Р. Мэй указывает на конфликт между отчаянием и попытками справиться с ним: человек бессилён перед лицом смерти (но стремится подчинить её), беспомощен в понимании другого (и в т.ч. поэтому ищет власти), не может достоверно передать то, как видит мир (но хочет быть понятым). Сложность конфликта, усиливается и тем, что оба полюса обычно избегаются, ведь агрессия – это плохо, а беспомощность – это стыдно и страшно (Мэй, 2001). Изменение отношения к беспомощности, понимание ее неизбежности – суть экзистенциального принятия. В особую категорию переживания беспомощности как экзистенциальной данности стоит отнести случаи, когда человек регулярно сталкивается с ситуациями, в которых его усилия не приносят никакого результата, или этот результат очень мал относительно психологических ресурсов на него затраченных. В группу риска попадают помогающие профессии: врачи, учителя, психологи-консультанты и психотерапевты.

Психолог-консультант вынужден ежедневно при встрече с клиентами сталкиваться с чувством собственной беспомощности. Это касается не только и не столько взаимодействия с обесценивающими клиентами, когда состояние бессилия многократно усиливается. Имеется в виду понимание своих ограничений в возможностях помочь клиенту справиться со сложной жизненной ситуацией, как бы ему не хотелось думать иначе. Встречаясь с болью и отчаянием клиентов, психолог испытывает свои жизненные основы, смыслы. Ситуацию усугубляет традиционный критический взгляд на беспомощность в профессии, как на профессиональную деструкцию вместе с профессиональными деформациями личности и профессиональной некомпетентностью (Бозаджиев, 2010). С другой стороны, от синдрома выгорания особенно часто страдают профессионалы, которые попали под влияние своих представлений о мощи и всемогуществе, компетентности, а затем разочаровались в них. Здесь была бы уместнее скромная и даже смиренная позиция по отношению к своей ограниченности, допущение своей беспомощности (Виртц, Цобели, 2012). А.Лэнгле, выделяя факторы эмоционального выгорания специалистов помогающих профессий, отмечает их неготовность встречаться с экзистенциальными данностями (бессмысленностью существования, отсутствие опор и др.) (Лэнгле, 2010). В связи с этим возникает вопрос, как психологам-консультантам обнаружить в себе готовность и мужество принять свою беспомощность как данность, не относиться к ней негативно, найти в ней терапевтический ресурс? Работа на повышение толерантности к переживанию беспомощности психологами кажется нам перспективной задачей.

Гребенникова О.В.

ПРОБЛЕМА ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

В современном транзитивном обществе проблема жизнестойкости подростков актуальна и требует пристального внимания со стороны психологов, поскольку жизнестойкость может способствовать повышению физического и психического здоровья при преодолении кризисов и реализации себя в будущей жизни, а также успешной социализации. В концепции С. Мадди жизнестойкость – система убеждений, позволяющая человеку воспринимать даже негативные события как опыт и успешно справляться с ними. Она включает три компонента: вовлеченность (убеждение в том, что только благодаря своей активности человек находит в мире интересное), контроль (убежденность в контролируемости мира и своей способности добиться результата) и принятие риска (готовность действовать вопреки неопределенности ситуации и угрозе и извлекать опыт из любых ситуаций). Вовлеченность поддерживает активность, деятельность человека. Контроль и принятие риска связаны с готовностью человека к деятельности вопреки трудностям. Готовность извлекать опыт из сложившихся ситуаций, действовать в ситуации неопределенности призвана активировать сознание, справиться со сложностью внутреннего мира. Жизнестойкость – ресурс, направленный в большей мере на поддержание витальности и деятельности, в меньшей – на поддержание активности сознания (Рассказова Е.И., 2005). Именно в подростковом периоде происходит самоутверждение себя в социальной действительности и обладание жизнестойкостью как целостной системы взаимоотношений с миром может способствовать повышению физического и психического здоровья молодежи, успешной адаптации в стрессовых ситуациях.

Целью нашего пилотажного исследования было изучение жизнестойкости старших подростков. Выборку составили подростки 15-16 лет, обучающиеся в образовательных учреждениях СЗАО г. Москвы в количестве 30 человек. В качестве диагностического инструмен-

тария использовался «Тест жизнестойкости» (Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова). Полученные результаты показали, большинство современных старших (70%) подростков обладают жизнестойкостью как необходимым ресурсом, который может способствовать повышению физического и психического здоровья, успешной адаптации в стрессовых ситуациях с выходом на уровень трансадаптации, связанной с самореализацией. Средние значения старших подростков выше по показателям вовлеченности и принятии риска (35,6 и 17,5), чем по показателю контроля. В современном транзитивном обществе старшие подростки получают удовольствие от собственной деятельности, вовлечены с интересом в происходящие моменты своей жизни. Способны действовать на свой страх и риск, но, так как у многих снижен контроль, то часто могут проявлять беспомощность, многие могут отказаться от борьбы за то, чтобы повлиять на результат происходящего.

Жданова С.Ю., Краева В.С.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ОБЩЕЖИТИИ

Личность как динамичная структура (А. Baumert, М. Schmitt et al, 2017) требует системного рассмотрения и изучения в контексте средовых отношений. Придерживаясь субъектно-средового подхода, мы опираемся на понятие психологического пространства личности (С.К. Нартова-Бочавер, 2008), которое позволяет рассмотреть личность во взаимосвязи внутренних и внешних факторов. В данном исследовании мы взяли за основу отдельные составляющие психологического пространства личности – территория, личные вещи и социальная привязанность, с целью изучения их проявлений посредством репрезентации жилой среды. Уникальность опыта взаимодействия со средой и ситуативность поведения представляют новые вопросы в изучении личности (J. F. Rauthmann, D. Gallardo-Pujol et al, 2014). Особый интерес представляет рассмотрение ее в контексте определенных жизненных ситуаций. Проживание студентов в общежитии являет собой смену привычных условий существования, новые требования к личности: проявление адаптационных навыков, приспособление к новым обстоятельствам (И.А. Баева, 2015). Исследование личностных проявлений в зависимости от среды общежития актуально ввиду распространенности данного способа проживания в российской действительности. В исследовании приняли участие студенты в количестве 51 человек (17 мужчин и 34 женщины, средний возраст — 19,6), проживающие на одной территории, в общежитиях Пермского государственного национального исследовательского университета. Для изучения репрезентации психологического пространства личности использована методика свободного описания жилой пространственной среды, разработанная на основе подхода С.К. Нартовой-Бочавер. Обработка описаний комнаты общежития произведена посредством контент-анализа с участием экспертной группы. Было обнаружено, что 33% испытуемых не идентифицируют себя со средой проживания, ограничивая применение или не используя в описании категории, выражающие личное значение. Обильное и развернутое описание пространства личных вещей мы встретили у испытуемых, чьи работы характеризовались преобладанием эмоционально-позитивного тона и демонстрацией положительного отношения к условиям проживания. В результате применения контент-анализа выделена категория «проживающие на совместной территории». Категория имеет низкую весомость — 8,18% встречаемости. Этот результат демонстрирует, что параметр социальной привязанности, входящий в структуру пространства личности, у проживающих в общежитии оказался невыраженным. Пространство территории в описаниях студентов характеризуется двумя тенденциями в зави-

симости от ощущения комфорта: описание функциональных (27,22%) и описание эстетических параметров (57,07%). Было выявлено, что акцент на функциональные и экономические аспекты проживания создается в текстах студентов, испытывающих неудовлетворенность базовой потребностью в безопасности («небезопасно») и описывающих среду проживания через понятия неудобств и лишений («холодно», «шумно», «нет вытяжки»). В текстах испытуемых, где основным предметом рассмотрения выступает эстетический компонент, проявляются ощущения стабильности, комфорта, причастности к жилой среде, свобода в описании жилища и его внешних характеристик («солнечная», «уютная», «родная»). Эстетический компонент выражен через описания цветового решения жилых помещений и элементов декора.

Проведенное исследование показало особенности личностных проявлений в контексте ситуации проживания в общежитии. Было выявлено, что в целом проживание в общежитии представляет собой нахождение в депривированной среде. Затруднен процесс идентификации с личной территорией, вещами, а также процесс социализации в пространстве общественной жилой среды. Ощущение благополучия при нахождении в среде общежития обосновываем через суверенность психологического пространства личности, стабильность личностных границ, благодаря чему проще и эффективнее происходит процесс адаптации к новой среде.

Зайцева Ю.Е., Верховская Е.М.

ПЕРЕЖИВАНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ КАК ФАКТОР АКТУАЛИЗАЦИИ ПРОСОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЗАГАДЫВАЕМЫХ ЖЕЛАНИЙ)

Благодарность как состояние и как устойчивая черта личности является предметом множества междисциплинарных исследований и одним из ключевых предметов исследования позитивной психологии. Осознанное выражение благодарности повышает общий уровень субъективного благополучия, качества человеческих взаимоотношений (Emmons R., McCullough M., 2003). Благодарные люди имеют более высокую самооценку, чаще испытывают позитивные эмоции (Wood A. M., 2010), а также склонны проявлять доверие к людям и альтруистичны (Нартова-Бочавер С.К., Кислица Г.К., 2017). Переживание благодарности можно рассматривать и как феномен моральной регуляции, так как оно стимулирует просоциальное поведение и одновременно является его результатом (McCullough M. E., 2001). В исследованиях просоциального поведения особое место занимает вопрос о мотивах, лежащих в его основе. Альтруизм предполагает деятельность, направленную на благо другого без извлечения собственной выгоды (Батсон Д., 1987). Нашей областью интереса была мотивационная составляющая просоциального поведения в связи с феноменом переживания благодарности. Мотив просоциального поведения можно ярко проследить в такой деятельности как загадывание желаний. Ритуалы загадывания желаний и просьбы о помощи у сверхъестественного присутствуют и закреплены в многочисленных светских и религиозных культурных традициях (Топоров Ю., Левинтон А., 2005), варьируясь от горячей молитвы до традиционных праздничных практик (Gray. J, 1929) и суеверных ритуально-игровых действий, таких как «прикосновения к памятникам» на удачу (Кузнецова, 2013, Калужникова Е.А., Николаева Е.Ю., 2015). В психологии методику загадывания желаний применяют в педагогической практике (Karnes F., Wherry J., 1981), как вариант терапевтической интервенции при тяжелых заболеваниях (Shoshani A., Mifano K, Czamanski-Cohen J., 2015), а также в контексте исследований отражения индивидуально-психологических особенностей в смысловой сфере личности (King L., Broyles S., 2006). Когда человек загадывает желание, его направленность может отражать разные уровни

мотивационно-смысловой сферы (Братусь, 1988): быть эгоцентрической, касающейся только личного благополучия желающего, группоцентрической – бенефициаром, которого будет выступать его ближайшее социальное окружение, или просоциальной – включающей в себя каждого человека или все человечество в целом. Целью нашего эмпирического исследования было проследить, будут ли после актуализации переживания благодарности люди чаще загадывать желания альтруистической направленности. Дизайн. В исследовании приняли участие 62 человека (11 мужчин, 51 женщина) в возрасте от 18 до 30 лет, студенты СПбГУ. Экспериментальной группе предлагалось вспомнить десять человек, которым они благодарны и кратко описать за что, а после – загадать одно желание. Контрольной группе предлагалось сначала загадать желание, а затем вспомнить десять человек, которых им есть за что поблагодарить. Все испытуемые также оценивались по Шкале чувства благодарности как личностной диспозиции (Елшанский С.П., 2015). Предполагалось, что в экспериментальной группе испытуемые будут чаще загадывать желания альтруистической направленности, чем в контрольной группе. Результаты. 58,8% женщин и 54,4% мужчин загадывали желания эгоцентрической направленности, 15,7% женщин – группоцентрической, 25,5% женщин и 45,5% мужчин – просоциальной. При проверке направленной гипотезы об увеличении просоциальной направленности желаний и снижении эгоцентрической после актуализации переживания благодарности были обнаружены ожидаемые различия экспериментальной и контрольной групп ($\chi^2=3.00$, $p=0.042$). Таким образом, переживание благодарности актуализирует не только просоциальное поведение, но и является одним из факторов формирования альтруистической мотивации деятельности. Дальнейшее исследование планируются в зоне проверки устойчивости данного эффекта и выявлении опосредующей роли благодарности как личностной диспозиции.

Зиновьева Е.В., Салитова М.В.

ДИНАМИКА ПЕРЕЖИВАНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОБРАЗОМ СЕБЯ КАК СПЕЦИАЛИСТА, У СТУДЕНТОВ-УЧАСТНИКОВ ТЬЮТЕРСКОЙ ГРУППЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ СПбГУ

К настоящему времени существуют разные подходы к подготовке психологов-консультантов. Большинство из них основывается на формировании навыков ведения беседы или освоения специфических для психологических школ процедур и техник. В меньшей степени уделяется внимание анализу переживаний, происходящих в процессе обучения, связанных, в том числе, со сравнением себя с внутренним «образом специалиста», который является своего рода уникальным сплавом личностных и профессиональных качеств. Под переживанием, в соответствии с идеями Василюка Ф.Е., мы понимаем особую деятельность, внутреннюю работу по перестройке психологического мира, соотношения его с реальностью (Василюк, 1984). В зарубежной психологии, предпринимались попытки понять, какие изменения происходят с консультантом в начале его пути. Так Х.Вагнер и Н.Хилл, с помощью интервью и анализа случаев, сделали вывод о том, что вхождение в профессию консультанта характеризуется страхами, тревогой и другими состояниями, в том числе связанными со сравнением себя с идеальным образом психолога-консультанта – «образом специалиста» (Wagner, Hill, 2015). Хотя такого рода исследований мало, все авторы сходятся во мнении, что, изменения происходят именно в процессе проживания консультативного опыта сопровождающегося сильными переживаниями и последующей рефлексией происходившего. В результате трансформируются личностные смыслы, а также представления о себе. Целью нашего исследования стало изучение динамики переживаний, связанных с образом себя как специалиста, у студентов-участников тьюторской группы Психологической клиники СПбГУ. В процессе участия в тьюторской

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

группе студентам дается возможность погрузиться в специфику профессии. В качестве метода исследования был выбран нарративный анализ тьюторских дневников, в которых студенты последовательно, после каждой сессии, описывали то, как они переживали процесс, какие чувства, и мысли их сопровождали во время консультации и после нее. Было проанализировано 240 дневников.

Анализ смысловых сравнений, относящихся к переживанию образа себя как специалиста, позволил предположить, что они разворачиваются через дихотомическую шкалу, на одном из полюсов, которой находится идеальный специалист-консультант, а на другом, сам консультант, который всегда ему «проигрывает». Например: я тревожусь и беспокоюсь – он всегда эмоционально устойчив; я растерян, не знаю, что делать дальше с клиентом, чувствую беспомощность – в каждый момент времени он четко знает, что делать; я боюсь ошибиться – он никогда не ошибается; я оцениваю клиента – он всегда эмпатичен и безоценочен. Есть стремление максимально соответствовать этому образу, быть «совершенным». Как правило, эти сравнения негативно окрашены, сопряжены с чувством вины. Изучение динамики этих переживаний позволило сделать вывод, что со временем, когда студенты приобретают больший опыт быть консультантом, эта шкала трансформируется в более гибкую, полярность начинает уходить, преобладает относительность. Например: «Я сегодня чувствовал, что снова теряю контроль на сессии; я снова не уверен, что сделал все правильно, но в тоже время я начал понимать, что потеря контроля это характеристика процесса, который происходит между мной и клиентом». Вина начинает уходить, на ее место постепенно приходит принятие несовершенства как части образа специалиста.

Таким образом, исследование показало, что динамика переживаний, связанных с образом себя как специалиста, у студентов-участников тьюторской группы характеризуется переходом от полярности представления (идеальный он – я) к относительности и большей гибкости (я могу ошибаться, как и «специалист»). В заключение хотелось бы отметить, что именно нарративный анализ рассматривается нами как наиболее перспективный метод для понимания личностных изменений, происходящих с начинающими консультантами.

Знаменская И. И., Александров Ю. И.

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ В «ДИЛЕММАХ ВАГОНЕТКИ» ВЗРОСЛЫМИ ЛЮДЬМИ В ОБЫЧНОМ И СТРЕССОГЕННОМ КОНТЕКСТЕ*

Целью настоящего исследования выступило выявление специфики принятия решения в моральных дилеммах людьми в обычном и стрессогенном контексте. Ранее нами было показано, что в состоянии стресса взрослые люди могут принимать решения в моральных дилеммах, характерные для детей, то есть может происходить регрессия к более ранним стратегиям выбора (Александров и др., 2017; Знаменская и др., 2016). С позиций системно-эволюционного подхода, в основе регрессии лежит системная дедифференциация структуры индивидуального опыта, то есть временное подавление активности поздно сформированных систем, обеспечивающих «рациональное», высокодифференцированное поведение.

Одной из исследовательских гипотез настоящего исследования было предположение о том, что в стрессогенном контексте принятие решения будет занимать меньше времени, поскольку в условиях системной дедифференциации доступных вариантов поведения меньше (и, соответственно, их «перебор» ускоряется) (см. Kolbeneva, Alexandrov, 2016; Крылов, 2016).

Участниками выступили 37 человек, 19 татар (13 девушек и 6 юношей) 18–23 лет ($M=19$), 18 русских (15 девушек и 3 юноши) 18–22 лет ($M=18$).

Методика исследования: модифицированный вариант набора из восьми «дилемм вагонетки» (trolley dilemma, Cushman, 2006), где любое из альтернативных действий героя приводит к плохим последствиям (умирает либо один человек, либо пятеро). Существуют данные

о том, что использование моральных дилемм, основанных на схеме «5 жизней против жизни одного» позволяют проверить гипотезы об отношении к «чужому» (Cikara et al., 2010) и об универсальных/культуроспецифических особенностях моральных решений (Argutunova et al., 2013, 2017). В классических дилеммах все герои обезличены, а в нашем варианте в каждой дилемме пятеро были обезличены, а один назывался по имени: русскому, татарскому (имена, которые встречаются в повседневном общении), испанскому (нейтральный образ «чужого», о котором нет доминирующего представления), американскому (образ «чужого», негативные представления о котором активно формируют СМИ и массовая культура). Ответы регистрировались у одних и тех же респондентов дважды: перед экзаменом (стрессогенный контекст) и в спокойном состоянии во время семестра. Использовалась контрбалансировка: часть участников приходили впервые во время экзамена, другие – во время семестра. Для дополнительного контроля состояния использовалась телеметрическая система регистрации сердечного ритма, позволяющая получать физиологические маркеры наличия стресса (Бахчина, 2016).

Результаты. В выборке татар не было обнаружено достоверного сдвига времени ответа в стрессогенном контексте в сравнении с нормой, однако были выявлены различия на уровне тенденции в дилемме с героем-русским (среднее время стресс/норма: 44,13 с / 62,18 с, тест Вилкоксона, $p=0,058$), татаринном (52,41 с / 58,94 с, $p=0,07$) и американцем (49,4 с / 60,8 с, $p=0,053$).

В группе русских был обнаружен достоверный сдвиг времени ответа в стрессогенном контексте в сравнении с нормой в двух дилеммах с героем-русским (стресс/норма: 33,03 с / 51,68 с, 26,71 с / 52,14 с, тест Вилкоксона, $p=0,001$ и $p=0,0001$), героем-испанцем (30,63 с / 48,41 с, $p=0,004$), в двух дилеммах с героем-американцем (45,94 с / 54,76 с, $p=0,043$; 35,62 с / 46,73 с, $p=0,022$), героем-татаринном (27,53 с / 46,71 с, $p=0,007$).

Таким образом, направление сдвига в каждой дилемме, где были обнаружены различия, происходило в сторону уменьшения времени принятия решения в стрессогенном контексте, что соответствует выдвинутой гипотезе.

**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00229, Институт психологии РАН).*

Карпов А.В.

ЗОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА УРОВНЕВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ИНДИВИДУАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ

В настоящее время существует очень большое количество фактов, эксплицирующих фундаментальное по своей сути явление – принципиальную вариативность проявлений меры индивидуальных качеств в поведении и деятельности. Это понятие является не абсолютным, а относительными, точнее – ситуационно и личностно-относительными. В более адекватном их принципиально нестационарной природе виде они допускают свою экспликацию не с позиций «точечной» фиксации – как некоторого фиксированного значения, а с позиций зональной интерпретации – как некоторого диапазона характерных значений. По-видимому, в связи с огромным разнообразием и беспрецедентной вариативностью самих ситуаций взаимодействия «человека с миром», а также многообразием факторов личностной детерминации, характер и мера индивидуальных качеств как регуляторов и детерминант такого взаимодействия не только не может, но и не должна быть постоянной – инвариантной. Гораздо более эффективным и потому – адаптивным является иной принцип их актуализации в поведения и детальности – принцип изменяемости, вариативности, «подстраиваемости» под ситуацию и личностную детерминацию.

Выполненные нами исследования позволяют дифференцировать пять основных зон в континууме вариаций меры выраженности индивидуальных качеств. Так, внутри него можно дифференцировать ту меру развития индивидуальных качеств, которая является наиболее типичной – характерной и «привычной» для подавляющего большинства режимов взаимодействия

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

конкретной личности со средой. Это – своего рода оптимальная зона, при которой, к тому же, не требуется специальных – дополнительных энергетических затрат на обеспечение уровня проявления качеств. Вторая зона характеризует ту меру, с которой индивидуальное качество может быть эксплицировано при условии дополнительных – в том числе, и энергетических затрат, при условии дополнительных личностных (прежде всего, мотивационных) «инвестиций». Данная зона характеризует не то, как «обычно проявляется» качество у данного индивида, а то, как оно может проявляться при условии дополнительной мобилизации. При этом важно, что такого рода мобилизация не является чем-то исключительным – эксклюзивным; напротив, она необходима для очень многих относительно наиболее значимых и ответственных деятельностных и поведенческих ситуаций. Она служит при этом просто необходимым – адаптационным, операционным средством личности. В силу этого, данную зону можно обозначить понятием оперативной зоны. Наряду с этим, при возникновении именно чрезвычайных – экстраординарных ситуаций, то есть в «критические» моменты деятельности и поведения, по-видимому, возможно и дальнейшее повышение потенциала качеств – их переход в зону так сказать предельных значений – в терминальную зону. Это тот предел, который для данного индивида является объективно предзаданным и который, как можно полагать, очень существенно отличается от зоны оптимальности (или, по-другому, от зоны психологического комфорта).

Кроме того, хорошо известны и широко представлены в феноменологическом плане, а также многократно зафиксированы эмпирически факты, эксплицирующие то, что очень часто для организации деятельности и поведения вовсе не требуется проявлений меры выраженности качеств даже на среднем уровне – в зоне их оптимальных значений (или же личность не считает это необходимым). Подчиняясь известному «принципу экономии», личность стремится перевести параметры своего функционирования – в том числе и параметры индивидуальных качеств в иную зону, которую можно обозначить как зона субоптимальности. Наконец, можно, по-видимому, зафиксировать и еще один режим проявления индивидуальных качеств, еще одну – правда, очень специфическую зону их существования. Дело в том, что в ряде ситуаций и под влиянием ряда личностных детерминант, возникает необходимость (или – целесообразность с точки зрения самой личности) в том, чтобы те или иные ее качества либо не проявлялись вообще (чтобы их как бы «не было»), либо проявлялись не в их истинной мере. Личность либо маскирует их наличие, либо намеренно фальсифицирует их, или даже преднамеренно демонстрирует противоположные им качества. Причем речь идет не только о «сокрытии» социально-негативных качеств, но и о маскировке также и социально-одобряемых качеств (хотя, конечно, этот случай менее распространен). Тем самым, имеет место феномен подавления качеств и, соответственно, еще одна зона их бытия (точнее, своеобразного не-бытия); ее можно обозначить понятием ингибиционной зоны.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № проекта 16-18-10030.*

Kolga V.

RIVALRY AS COMPETITION AND COOPERATION

Traditionally, rivalry is defined as an act of competing for profit, goal or price. Some rivalries are very visible, others are hidden. Sibling rivalry, usually unspoken one, is the most well-known competition among siblings for recognition and attention of their parents. The main question is why aren't all competitive relations between individuals, groups, firms and states called rivalry. Consequently, rivalries should have some special attributes which differentiates them from regular competitions. For instance, intuitively we feel that a game between Estonian and Brazilian soccer teams does not classified as rivalry. It is only a competition where somebody will win, the other will lose.

1) Rivalry in sport, business, art and science. FC Barcelona and Real Madrid have been rivals for many decades, as well Lionel Messi and Cristiano Ronaldo are rivals for many years.

Istanbul football teams Fenerbahce S.K. (from the Asian side of Istanbul) and Galatasaray S.K. (on the European side) are rivals. Canadian and Russian ice hockey teams have been rivals for decades. The Djokovic–Federer tennis rivalry is between two professional tennis players. They have faced each other 46 times with Djokovic leading 24-22 (9-6 in Grand Slams). Martina Navratilova and Chris Evert were tennis rivals in 1975-88. I remember chess matches between Bobby Fischer and Boris Spassky in 1970–72 as battles between the two worlds. In business there are some well-known rivalries: Coke vs Pepsi, Nike vs Adidas, Airbus vs. Boeing, McDonald's vs. Burger King, Canon vs. Nikon, BMW vs. Mercedes Benz, Thomas Edison vs. Nikola Tesla and Bill Gates vs. Steve Jobs rivalries are also well-known. Rivalries in the art world are less visible in society. Sebastian Smee (2017) analysed four friendships, betrayals, and breakups that happened between Manet – Degas and Matisse – Picasso, and also relationships between modern artists Lucian Freud – Bacon and Pollock – De Kooning. Rivalry includes friendship, not only negativity. Academic rivalry is the most unfamiliar one. However, rivalries between Robert Koch and Louis Pasteur, Francis Crick and Maurice Wilkins (DNA), of course between Sigmund Freud and Carl Jung are quite well-known. For history psychologists it would be interesting to study the rivalry between Alexei Nikolaevich Leontiev and Boris Gerasimovich Anan'ev and Moscow and Leningrad schools of psychology.

2) General attributes of different rivalries.

a) Rivalries are acting very close fields to each other. For instance, Freud and Jung were connected by the unconsciousness theme. However, Leontiev's and Anan'ev's psychology fields were quite distant, and consequently rivalry was probably weak. Of course, additional research is needed. Coke and Pepsi are good examples of closeness (color and taste are very similar). Same is the case of McDonald's and Burger King.

b) Rivalries are top actors. To become a rival to somebody is a great honor and a great accomplishment. Rivals are well-known and respected. They belong to high society and elites. Psychology journals are also evaluated. Annual review of Psychology is the most highly rated journal (12.027), in the second place is Psychological Bulletin (8.793) and in the third is «Psychological Science in Public Interest. Supplement» (6.99). To publish a paper in these journals is a sign of great success. The last place, #241, is the journal called «Studies in American Humor» (0 points). However, the highest number of points among science journals – 61.786 – goes to «CA – A Cancer Journal for Clinicians». The difference between psychology and medicine is clear. The best psychology journal is in the 59th place among scientific journals. It means that psychology does not rival genetic research.

c) Rivalry consists in cooperation. The prerequisite of winning is cooperation between different actors. Messi and Ronaldo, Djokovic and Federer, Manet and Degas learned from each other. Even more clear is co-learning between great companies as Coke - Pepsi, Nike - Adidas, BMW - Mercedes. All these pairs need each other. For instance, if FC Barcelona team disappears, then football world would be totally different. This is also true in other rival pairs.

d) Rivalry lasts for a long time, often continuing throughout lifetime. There are different stages of rivalry. Both sides like to keep relationships, competition and cooperation as valuable parts of life.

e) Contrary to competition, in rivalry it is not clear who won, and who lost the competition. Nobody knows whether Canada or Russia will win the next match.

3) The psychological phenomenon of rivalry.

Kilduff, Gavin J. (2014) defined rivalry as a competitive relationship that increases the psychological stakes of competition independent of the objective stakes. Rivalry is relational and subjective phenomenon. Rivalry as a subjective competitive relationship is increasing the psychological, not rational-objective involvement of competitors beyond what the objective characteristics of the situation would predict.

Kilduff emphasizes that rivalry exists when an actor places greater significance on competition against certain other opponents as a direct result of his/her competitive relationships with these opponents, controlling for any objective stakes (financial, reputational, etc.). Ethical decision making is part of subjective nature of rivalry.

Кононова (Бахтова) Ю.В.

ДЕТСТВО В ЦИФРОВОМ МИРЕ. ЧЕМ ОТЛИЧАЮТСЯ СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТИ?

Данный доклад основан на подробном изучении современных исследований британских и американских учёных (John Oates, Nathalja Gjersoe 2016). Прослушано огромное количество спикеров TED, ещё не переведённых на русский язык, по данной тематике, а также проштудировано большое количество материалов на таких ресурсах, как Psychological Science, PNAS, PLoS One, Science. Всё это адаптировано под российскую действительность практикующим детским психологом. Современные технологии меняют мир, меняют нас, меняют наших детей. Но как? Исследования (John Oates и Nathalja Gjersoe) показали, что цифровые технологии сделали детей более одинокими, полными, агрессивными и менее способными на глубокие мысли. Но ведь все современные устройства создавались с целью сделать нашу жизнь счастливее, чтобы мы стали более образованными и смогли бы взаимодействовать с любым человеком со всего мира. Как детский психолог, я переживаю, что мир меняется настолько быстро, а цифровые технологии развиваются так стремительно, что я не смогу оградить своих детей от негативных сторон цифровой жизни. Как я могу гарантировать, что мои дети получают пользу из преимуществ технологии, и при этом оградить их от опасностей цифровой эпохи? В какие игры мне стоит разрешать моим детям играть? Стоит ли мне контролировать эти гаджеты? Несмотря на то, что родители живут со своим ребёнком в одном доме, активного общения между ними не так много. И взрослый, и ребёнок в современных реалиях чаще проводят время за своими гаджетами. Однако это не может удовлетворить базовые потребности ребёнка, в которые входит: потребности в безопасности, любви, принятии, дружбе и внутреннего роста (А.Маслоу).

Нарушаются коммуникативные связи в семье, возникают конфликты, родители испытывают постоянную тревогу и чувство неполноценности «я плохая мать». Поиски информации в книгах, в которых прописаны универсальные советы и общие правильные фразы, ничего не дают, информация в интернете порой усугубляет тревожность родителя. Родители пытаются наладить контакт с ребёнком через покупку новых игрушек и гаджетов. Зачастую в ответ на истерики своего чада, чем положительно подкрепляют данное поведение. И в итоге ни у малыша, ни у родителя истинные потребности не удовлетворяются.

Стоит отметить, что современные дети уже другие на всех уровнях. На физиологическом уровне у них более развиты лобные доли (John Oates и Nathalja Gjersoe); на психологическом уровне они с детства спокойно находятся в больших потоках информации, умеют фильтровать и отсеивать лишнее, при этом у них снижена способность к длительной концентрации внимания; на поведенческом уровне они более подвижны, но менее социализированы вне цифровой жизни. Технологии современного мира изменили нашу жизнь, нас и наших детей. Изменились и приоритеты в навыках: умение быстро адаптироваться к изменяющимся условиям, а не стоять на месте, способность быстро найти необходимую информацию, а не знать её наизусть. Роль педагога и родителя значительно меняется.

Огромное количество преимуществ цифровых устройств облегчают нашу жизнь. Большинство профессий не только будущего, но и настоящего неразрывно связано с цифровыми технологиями. Поэтому важно научить ребёнка минимизировать негативные последствия использования гаджетов. Если представить, что современный мир – это поезд, то он несётся по рельсам времени без остановок. Приходится запрыгивать в него на полном ходу – если, конечно, есть желание не отстать от жизни, её нынешних требований, жить насыщенно и интересно. За окнами пролетающих мимо вагонов маячат мировые события, необыкновенные открытия, мода, не только на одежду, музыку, но и на последние модели мобильных телефонов, беспроводных наушников, беспилотных автомобилей. Мир меняется так быстро, что каждому из нас необходимо меняться самому, чтобы успеть за семимильно шагающей современной жизнью, не забывая при этом о главных потребностях ребёнка, которые в первую очередь, могут удовлетворить не гаджеты, а живое искреннее общение с родителями.

Леонов Н.И.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИЧНОСТИ И МИРА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Современная психология есть система более или менее связанных научных парадигм, каждая из которых объясняет определенные стороны взаимодействия личности с миром и с собой. Личность, как многоуровневое психологическое образование, отражает всю систему социальных и внутренних отношений, что, в принципе, и определяет вектор ее целесообразной активности. Меняется тезаурус в интерпретации и понимании различных аспектов социального поведения личности: вместо адекватного поведения уместно сегодня говорить о целесообразном поведении. Диспозиционный и ситуационные подходы, как объяснительные модели, не всегда обладают достаточной интерпретационной ресурсностью в понимании такого типа активности. Тем более, меняется окружающий мир, в котором динамизм и изменения становятся устойчивыми его характеристиками. Следовательно, каждый человек вынужден выстраивать свою концептуальную модель этого мира, где наибольшую значимость в регуляции социального поведения личности приобретают смыслы, ценности и личностные образования, определяющие актуальное поведение, но опосредованные образом ситуаций. Социальные ситуации занимают определенное место в репрезентации социального мира. Они вносят некоторую упорядоченность в общую картину мира, выполняя тем самым, как нам представляется, системообразующую функцию во взаимодействии личности и социума (интериндивидуальный аспект), а также являясь системным образованием, иерархически организованным по внутренней своей сути (интраиндивидуальный аспект). С помощью процессов категоризации и интерпретации человек тем или иным образом «определяет» ситуацию. Он не просто реагирует на ту или иную ситуацию, но определяет её, одновременно «определяя» себя в ней. С помощью механизмов категоризации, стереотипизации, каузальной атрибуции, положительной и отрицательной проекции происходит постижение ее смысла. Результатом функционирования этих механизмов будет построение образа социального мира. Образ социального мира нами определяется как онтологическая реальность, присущая субъекту, которая существует в свернутом виде, является целостной и непротиворечивой для него. Он может носить как осознаваемый, так и неосознаваемый характер, но оказывать влияние на социальное поведение субъекта в личностно значимых ситуациях. Компонентами образа социального мира могут быть представления человека о себе, других людях, отношениях и жизненных ситуациях. С.Л. Рубинштейн анализировал онтологический аспект бытия, и характеризовал человека как субъекта жизни, впервые высказав мысль о взаимопроникновении человека в мир и мира в человека. Согласно его идеям, человек и мир представляют единую систему, в которой человек, будучи лишь компонентом системы, выполняет в то же время особую роль — он является системообразующим компонентом (Рубинштейн, 2006). Как пишет В. Е. Ключко, человек, которого следует понимать как целостную психологическую систему, выступает не в противопоставлении объективному миру, а в единстве с ним, в своей продолженности в ту часть этого мира, которая им «освоена», то есть обладает для него значением, смыслом, ценностью (Ключко, 1998). Современные представления дают возможность существенно расширить онтологическую картину категории «мир». Концепция «образа мира субъекта», разработанная в отечественной психологии, свободна от ограничений, которые накладывает стимульный подход. Онтологический подход, определяя человека как активного, конструирующего социальную реальность, позволяет нам понять взаимосвязь образов ситуации и реального поведения личности в жизненных ситуациях. Введение в науку категории «субъект» и последовательное обоснование онтологически ориентированного субъектного подхода способствует сегодня решению проблемы всестороннего и многоуровневого выявления закономерностей и механизмов работы внутреннего мира и его влияния на актуальное поведение личности. Это позволило нам эмпирическим путем выявить и описать типы конфликтного поведения руководителей, субъектов образовательного процесса, эффективных сотрудников организации.

Леонов Н.И., Хасан Х.Ф.Х.

РЕСУРСНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В СОВАЛАДАНИИ С ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИЕЙ

Возрастающий интерес к теме иностранных студентов и создания для них благоприятной образовательной среды в России пробуждает исследовательский интерес в отношении изучения особенностей адаптации студентов к совершенно новым условиям проживания, обучения и выявления их ресурсов. Анализ работ в этой области проблемы показывает, что авторы чаще придерживаются эксплицитного подхода к изучению проблемы освоения окружающей среды субъектом. Важно, с нашей точки зрения, рассмотреть эту проблему с позиции самого преодолевающего эту ситуацию, где показателем успешности освоения среды является умение совладать с этой жизненной ситуацией и проявлять адекватные способы поведения. В среднем адаптация к вузу происходит в течении двух лет, студент сталкивается с неадекватной психической и физической нагрузкой, т.к. происходит значительные изменения вследствие попадания в новую для него среду. Здесь важно выдерживать баланс ресурсных возможностей, так как организм и среда находятся в динамическом равновесии, а их соотношения меняются постоянно. Психологическое назначение преодолевающего поведения состоит в том, чтобы наилучшим образом адаптировать человека к требованиям ситуации путем овладения, смягчения или ослабления этих требований и тем самым понизить стрессовое воздействие ситуации. Понятие преодоления охватывает широкий спектр человеческой активности, включая в себя все виды взаимодействия субъекта с внутренними и внешними условиями, т.е. характеризующими психологические особенности субъекта и специфику решаемой им задачи. Большинство исследователей считают, что ситуации, требующие совладания, традиционно определяются как более сложные, требующие от человека задействовать свои потенциальные ресурсы. Поведение человека в таких ситуациях обусловлено наличием у него целым спектром копинг-ресурсов. Т.Л. Крюкова и Е.В. Куфтык определяют совладающее поведение как целенаправленное социальное поведение, позволяющее субъекту справиться с трудной жизненной ситуацией (или стрессом) способами, адекватными личностным особенностям и ситуации, – через осознанные стратегии действий (Крюкова, 2010). Следовательно, новая жизненная ситуация становится условием реализации уже имеющихся моделей поведения и проявления стратегий совладания, с одной стороны, с другой стороны, актуализируется проблема запуска всех имеющихся ресурсных возможностей личности, среди которых социально-психологические, с нашей точки зрения, будут приоритетными. Поиск этих дополнительных ресурсов и составляет наш исследовательский интерес. Э.Фромм, рассматривая проблему преодоления трудных жизненных ситуаций, выделяет надежду как ресурс, способствующий сохранению душевного равновесия в таких ситуациях. «Надеяться, – говорит Фромм, – значит в каждый момент времени быть готовым к тому, что еще не появилось на свет, и, несмотря ни на что, не отчаиваться, если на том или ином участке жизненного пути это рождение не произошло» (Фромм, 1993, с.281). Мы считаем, что надежда включена в систему отношений личности с миром и другими людьми и является функциональным явлением. Надежда выступает здесь в качестве дополнительного психологического ресурса, помогая преодолевать трудности. В качестве ресурса может выступать когнитивная картина мира, включающая в себя набор имплицитных представлений личности об окружающем мире, собственном «Я», способах взаимодействия личности с миром. Иностранные студенты, обучающиеся в Ижевске, убеждены, что им созданы условия безопасной образовательной среды и можно доверять этому окружающему миру. Можно выделять целый спектр компонентов личности, среди которых ценности, конфликтостойчивость, могут выступать в качестве предикторов совладания с жизненной ситуацией. Таким образом, расширяется поле поиска ресурсов личности по преодолению трудных жизненных ситуаций в разных сферах ее жизнедеятельности. Они выполняют не только роль внутреннего регулятора поведения и деятельности, но и антиципирующую функцию, помогающую субъекту определять последствия и целесообразность своих действий.

Магомед-Эминов М.Ш.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ СУБЪЕКТА: СУБЪЕКТ КАК РАБОТА

В современной психологии и гуманитарном знании, хотя отсутствует единое общепринятое понимание психологии человеческой индивидуальности, тем не менее, существующие подходы явно тяготеют, поляризуются вокруг одного из полюсов дихотомической оппозиции. Один из них строится вокруг возвышения, абсолютизации субъекта и категории субъекта и утверждения его основополагающего значения для психологии человека. Другой полюс устанавливается в области его отрицания, дискурса деструкций, деконструкций понятия субъекта, доходящих до идеи смерти субъекта, кризиса идентичности и т.д. Данное противопоставление создает радикальную проблематизацию человеческой индивидуальности в вопросах постоянства и изменчивости, единства и множества.

Личность, идентичность, субъект обычно в психологии рассматривается как субстанция – подлежащее, предлагающее всяким психическим процессам, представляя собой идеал психологической теории и практики. Однако такой субъект объективирует бытие, но сам остаётся вне бытия – в постмодернизме и конструкционизме он «исчезает», утратив онтологический статус. Но тогда неизбежно возникает вопрос о новом аспекте психологической работы связывания – работы тождества и работы различия, где в одной личности приводятся в связь и процессы самоотождествления, и процессы саморазличения одновременно. Мы противопоставляем положение о культурно-исторической работе конкретного человека по созданию оснований конкретной субъектности как модернистской идее незыблемости оснований, так и постмодернистской идее исчезновения оснований.

За многими дискуссионными проблемами современной психологии и гуманитарного знания, вызванными парадигмальной трансформацией научной рациональности и онтологической трансформацией социокультурного бытия человека, находится, на наш взгляд, феномен трансформации самого человека, человеческой субъектности. Трансформации не только в смысле дискретной трансформации, дискретного перехода, то есть, смены одной формы научного мышления на другую, одного видения человеческой индивидуальности на другое. Речь идёт о континуальной трансформации, континуальной транзитности, которая вписывает в процесс трансформации, процесс перехода само существо субъекта в основании структуры его бытия. Для того чтобы ухватить понятие и объяснить континуально трансформирующееся бытие, транзитное бытие человеческой индивидуальности, человеческой субъектности, мы предложили понимание её как работы над собой и Другим – что радикально проблематизирует психологию, в том числе, культурно-историческую психологию и культурно-деятельностную психологию. Если субъект становится текучим, подвижным, транзитным, трансформирующимся, то и существо субъекта мы рассматриваем как подвижную сущность, в работе которой создаются повторяющиеся изменения, повторяющееся развитие. На уровне субъекта, таким образом, существует два вида психической работы: как психическая работа, опосредствующая выполнение деятельности, так и метапсихологическая работа субъекта над собой – практика себя, работа конституирования конкретной идентичности, конкретного субъекта, конкретной личности.

Малахова С.И.

ЛИЧНОСТНЫЕ КОМПОНЕНТЫ РЕГУЛЯЦИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Необходимость принимать решения в условиях неопределенности, связанной с невозможностью полной ориентировки или дефицитом времени, выступает на первый план в решении проблем в современном все более усложняющемся мире. Новые условия требуют от человека способности к новому мышлению, актуализации различных сторон своего интел-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

лектуально-личностного потенциала (Асмолов, 2002, Корнилова, 1999, Тихомиров, 1992). В отечественной психологии основная масса работ по психологии принятия решений (ПР) направлена на изучение интеллектуальной ориентировки человека в ситуации ПР (Карпов, 2000, Корнилова, 2004) и практически не обсуждается вопрос об ее интуитивных компонентах. Тем не менее сама ситуация ПР часто построена таким образом, что человеку, который осуществляет выбор, приходится, с одной стороны, взаимодействовать со сложными, неопределенными, запутанными проблемами, с большим объемом информации, с другой стороны, быстро реагировать на изменения, действовать при дефиците времени, не имея возможности тщательно обдумать ситуацию. Поэтому применение быстрых, свернутых интуитивных процессов в высоко неопределенной ситуации ПР отвечает ее требованиям и структуре (Солнцева, 1985, Степаносова, 2005). В зарубежных исследованиях также отмечается, что применение интуиции может иметь преимущество, если ПР осуществляется в сложной, неопределенной, плохо структурированной задаче, с постоянно меняющимися условиями (Стернберг и др., 2002). Особую актуальность приобретает выяснение процессуальной регуляции решений в ситуации закрытых задач, которые не выступают в виде развернутых процессов целеобразования, а в большей степени выражены на уровне доцелевых предвосхищений (Корнилова, Тихомиров, 1990), во многом интуитивных и предполагающих актуализацию иных свойств мышления, чем при выдвижении прогнозов как гипотез.

Одним из показателей ПР становится умение полагаться на собственное интуитивное знание, сохраняя эффективность ПР. На сегодняшний день остается неизвестным, чем опосредствуется выбор как для ПР, так и для интуитивных решений. В отечественных подходах интуиция исследовалась как компонент мышления, а в зарубежной психологии исследования интуиции были включены в ПР. В зарубежной психологии принятия решений изучение роли интуиции осуществляется как в рамках традиционной психологии принятия решений, развившейся из исследований эвристик и «ловушек ума» (факторов, искажающих процесс ПР) (Канеман, Тверски, 2003), так и в контексте профессиональных решений (медицинских, управленческих) (Степаносова, 2003). Канеман, Тверски считают решение интуитивным, если оно принимается на основе неформального и неструктурированного рассуждения, без целенаправленного использования аналитических методов или вычислений (Kahneman, Tversky, 1982). Исследователи, работающие в рамках психологии ПР, заинтересованы в сравнении выборов, продуцируемых согласно нормативным моделям ПР с эмпирическими выборками людей. Канеман, Тверски утверждают, что ошибки в ПР помогают описать интуицию человека и понять какие принципы логики и статистики являются контр-интуитивными, что является примером модели принятия решений в когнитивной психологии. Альтернативные представления о роли интуиции в ПР возникли в результате анализа экспертных решений, где интуиция определялась как форма сжатого опыта, которую эксперты могут использовать как помощь в принятии решения. В противоположность традиционной психологии ПР, в этом подходе к изучению интуиции внимание акцентируется на ее достоинствах. Считается, что интуитивное ПР является отличительной особенностью эксперта. С одной стороны, интуиция как знание, используемое экспертами при ПР, понимается как информация о типах паттернов разных ситуаций, присутствующих в их профессиональной среде. С другой стороны, интуиция понимается как процедурное знание о том, как действовать в той или иной ситуации (Степаносова, 2005). При огромном числе работ исследования интуиции, в них не предлагается однозначного решения проблемы оправданности применения интуиции, как основы выбора. Нерешенными остаются вопросы о том, приводит ли интуиция к адекватным или неадекватным решениям, считать ли интуитивное принятие решений свойством рациональных или нерациональных выборов, какие личностные свойства способствуют интуитивным решениям, какова эффективность интуитивного выбора при решении практических проблем.

Martin R., Kusev P.

LEADER ETHICAL DECISION-MAKING: METHODOLOGICAL SUGGESTIONS AND IMPLICATIONS

In this article we discuss quantitative and qualitative research methods, which are commonly (but often independently) employed to research leader ethical decision-making. Moreover, we present a case for how individually, each method is beneficial to the understanding of ethical leader decision-making, yet also involve limitations in their theoretical reach and methodological approach. Accordingly, we suggest that the limitations of one method can be resolved by also implementing the theoretical contributions achieved by the other.

Quantitative research is currently the dominant research method applied to decision-making research. Quantitative data can be obtained from experimental theory-testing methods (such as in a positivist approach to psychology). However, it does come with its limitations, for example, ethical leadership decision-making research (and decision-making research in general) often rely on hypothetical decision-scenarios (not occurring in the natural environment). Alternatively, qualitative research methods can provide more insightful understanding, through introspection of the decision-making experience.

Traditionally, decision-making research (e.g., Greene J. D., Sommerville R. B., Nystrom L. E., Darley J. M., Cohen J. D., 2001; Kahneman D., Tversky A, 1979; Kusev P., van Schaik P., Ayton P., Dent J., Chater N., 2009; Kusev P. et al., 2016; Thomson J. J., 1985) employs an experimental research approach of theory/hypothesis testing, generating quantitative data often in the form of fixed-choice responses. This method has been particularly essential to the understanding of how different experimental manipulations can influence the decision-making process (e.g., the two-system view of decision-making; see (Greene J. D. et al., 2001; Kahneman D., 2003) and decision-making outcomes (e.g., normative/rational outcomes). For instance, in relation to ethical leader decision-making, Stenmark and Mumford (Stenmark C. K. & Mumford M. D., 2011) provided an insightful account into situational impacts on ethical decision-making in leaders. Interestingly, their most notable finding demonstrated that decision-requests made by an authority figure as opposed to a peer or subordinate, resulted in middle managers making the most unethical decisions. However, experimental research designs are often criticised for their lack of realism as well as a lack of important introspective data.

For example, as opposed to measuring influences on decision-making in a pseudo-setting, (Heyler S. G., Armenakis A. A., Walker A. G., Collier D. Y., 2016) interviewed military leaders in order to establish how the ethical decision-making process develops over time as a result of experience. Importantly this allows for data collection of actual lived experiences of decision-making as opposed to decision-making data collected in response to manipulations. Of course, however, underlie such processes.

We specifically assert that research into ethical leader decision-making should begin with a qualitative investigation into the real experiences of decision-makers in leadership positions (as presented in Heyler S. G. et al., 2016). Once themes have been established, these can be arranged into experimentally testable variables which can be used to scientifically validate these introspective claims. Accordingly, leadership research in general is now moving from quantitative-based research to employing a mixed-methods design (Stenz J. D., Plano-Clark, V. L., Matkin G. S., 2012) and we believe this mixed-method approach can particularly inform ethical leader decision-making research.

Меньшикова Л.В., Левченко Е.В.

ЗНАЧЕНИЕ ХРИСТИАНСКОГО УЧЕНИЯ О ЛИЧНОСТИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Учение о личности является важнейшей – центрирующей и синтезирующей – частью психологии. В настоящее время – время не переставших и все нарастающих кризисов – методологических, моральных – важность этой части становится все более значимой. При этом парадоксальным образом именно понятие личности в современной психологии наибо-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

лее спорно и служит не собиранию, а дроблению и без того рыхлой ткани психологической науки. Множество школ и направлений различаются именно по абсолютно несовместимым представлениям о том – что есть личность. Серьезное и весьма разлагающее влияние на эти процессы оказывает всепроникающий постмодернизм. В этих условиях очевидно стремление многих психологов опереться на твердые духовные основания религиозного учения о человеке. Понимая недостаточность современных научных знаний о человеке, они обращаются к религиозной парадигме, в которой проблемы бытия, смысла жизни, соотношения добра и зла в мире и в человеке всегда были ведущими.

Так Б.С. Братусь размышляет о возможности интеграции психологии с христианским учением о человеке. Он пишет о том, «что “душа” при изучении ее учеными обернулась для них «психикой», то есть редуцированным пространством, из которого вычли метафизическое измерение и свет высшего смысла. И надо ясно понять, что это произошло не вдруг, не по чьему-то злому умыслу, а вследствие долгой и сложной истории, в которой ученые стремились все более точно и строго подойти к исследованию души, сделать его отвечающим требованиям опытной науки. Но чем сильнее и успешнее они стремились к выражению точности и строгости, тем больше удалялись от невыразимого, неуловимого в опыте, то есть от сокровенности души – в сторону психики».

В.И. Слободчиков также подчеркивает, что в ситуации мировоззренческого вакуума психологам необходимы обращение к вечным непреходящим ценностям, которые сохранило христианство, а также выстраивание пространства взаимодействия академической психологии со свято-отеческим учением о душе и личности человека. Необходимо подчеркнуть, что восточно-христианское, православное понимание устройства человека существенно отличается от понимания западного, католического или протестанского. А это отличие основывается на разных типах богословствования, на разных парадигмах. Если восточно-христианский подход от представлений о Боге ведет к пониманию устройства человека, то западная, августиновская логика, наоборот, от спекулятивных антропологических теорий пытается подойти к пониманию Бога. Отсюда можно понять, как бережно следует обращаться с понятием личности в христианской психологии, понимая исходные предпосылки его формирования. Святыми Отцами и современными богословами особо подчеркивалось различие природы и личности. Личность человека, согласно В.Н.Лосскому, есть «нечто, благодаря чему человек несводим к своей природе. Не следует ни отождествлять, ни отделять личность от природы, но, в согласии с догматом веры, утверждающим неизглаголанное различие трех Лиц и единой Природы в Боге, надо находить то же таинственное различие и в существах, созданных по образу Божию». Отечественные православные мыслители XXI-XX вв. такие как свт. Филарет (Дроздов), свт. Игнатий Брянчанинов, свт. Феофан Затворник, св. прав. Иоанн Кронштадтский, А.Лосев, В.Лосский, архим. Киприан (Керн), прот. Георгий Флоровский, прот. Александр Шмеман, архим. Софроний Сахаров и мн. др. в своих трудах раскрыли глубокое содержание понятия личности. Несмотря на «иррациональность» самого понятия «человеческой личности», мы можем описывать различные ее свойства, не ограничивая список этих свойств конечным числом, поскольку прообразом нашего персонального бытия является триипостасное сверх-бытие Самого Творца, очевидно, неисчерпаемое в своей глубине. Вкратце можно указать на такие свойства личности как свобода, уникальность, «бытие для других», целостность, динамичность, устойчивость... Богословское учение о личности дает совершенно особое понимание предназначения и смысла жизни, которое заключается в преображении личности человека и приближении его ко Христу, что снимает проклятие эгоцентризма и исправляет природу человека, поврежденную грехом. Обращение к свято-отеческому наследию расширяет представления современных психологов об истории развития учений о личности и может способствовать более глубокому пониманию сущности человека.

Москвичева Н.Л., Зиновьева Е.В.

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖПОКОЛЕННОЙ ТРАНСЛЯЦИИ ЖИЗНЕННЫХ МОДЕЛЕЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ*

Всплеск интереса к теме межпоколенных отношений в последние годы обусловлен принципиальными изменениями ситуации вхождения в жизнь молодого поколения, необходимостью поиска новых опор, конструирования жизненных моделей, отсутствовавших в опыте предыдущих поколений. Уменьшение влияния культурных нормативных образов в тех сферах жизни, где наибольшее влияние традиционно оказывало ближайшее окружение, приводит к необходимости изучения пересекающегося влияния старших поколений (процесс вертикальной культурной трансмиссии) и внутрипоколенного влияния (процесс горизонтальной культурной трансмиссии). В рамках поддержанного РФФИ гранта (№ 18-013-00599) авторским коллективом был предложен гипотетический конструкт «жизненные модели», рассматриваемые как составляющие части жизненного сценария, реализуемые в конкретных сферах (профессиональная сфера, сфера межличностных близких отношений, персональная сфера). Предлагаемый конструкт позволяет выделить и описать присвоенные и переработанные молодежью варианты конструирования своей жизни, как на уровне представлений, так и в категориях конкретных жизненных выборов и событий. Профессиональная сфера и сфера отношений рассматриваются как основные области, в которых развивается жизнедеятельность человека, они имеют «предметный» характер и могут быть описаны в объективных проявлениях. Персональная сфера отражает внутреннюю жизнь человека, его отношения с жизнью и самим собой, его внутренний диалог, направленность на саморазвитие и самосовершенствование, личный опыт. Для пилотажного исследования на первом этапе был разработан инструментарий (интервью), включавший вопросы, касающиеся как конкретных жизненных событий и выборов молодых людей и их родительской семьи, так и представлений молодежи о будущем. Важной частью интервью были вопросы, направленные на выявление степени идентификации молодых людей со своим поколением, и степени близости с поколением родителей, служащих, по нашему мнению, мощными детерминантами поведения и принятия определенных жизненных моделей. В исследовании приняли участие студенты четырех факультетов СПбГУ ($n=100$), средний возраст $21,02 \pm 1,11$, 42% из которых указали, что постоянно проживают в СПб, а 56% – приехали из разных регионов России. Анализ пилотажных данных позволил подтвердить некоторые выдвинутые гипотезы. Факторный анализ полученных ответов показал достаточно сильную выраженность ряда факторов (вес входящих вопросов от 0,7984 до не менее 0,4), в том числе, фактора, объединяющего показатели активной включенности человека в жизнь, фактора ориентации на поколение сверстников, фактора потребности в близости и поддержке семьи, фактора уверенности в своих собственных силах. Дисперсионный анализ выявил значимую роль ряда характеристик. Например, студенты из регионов России чаще, чем проживающие в СПб, отвечают, что в будущем у них «обязательно» будет высоко-статусная работа ($p=0,036$), материальный достаток ($p=0,030$), равноправное распределение семейных обязанностей в будущей семье ($p=0,038$); среди студентов из СПб «традиционное» распределение обязанностей ожидают 4,7%. Межпоколенное влияние прослеживается в некоторых представлениях о будущем. Так, в целом по выборке 60% опрошенных «обязательно» планируют создание «счастливой» семьи, детей, но только 20% хотели бы, чтобы их будущая семейная жизнь сложилась так же, как у родителей. Среди студентов, близких с родителями, таковых соответственно 80,5% ($p=0,036$) и 32,6% ($p=0,026$), при этом на желании повторить профессиональный путь родителей фактор близости с ними не сказывается. В зависимости от характеристик родительской семьи (формы распределения семейных обязанностей и власти) у студентов выявлены различные представления о характеристиках поколений (целеустремленности ($p=0,003$), открытости новому ($p=0,009$) и др.). Проведенный пилотаж позволил, в целом, эмпирически верифицировать сам теоретический концепт, апробировать методический инструментарий и внести в них необходимые уточнения.

**Исследование поддержано грантом РФФИ № 18-013-00599.*

Мусатова Е.В.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОДУСОВ ЖИЗНИ ЛИЧНОСТИ И ТИПА АДАПТАЦИИ ЭМИГРАНТОВ

Феномен эмиграции является одним из самых значительных явлений жизни в 21 веке, которое, однако, остается мало изученным и освещенным в научной литературе. Проблема адаптации человека в эмиграции тесно связана с автобиографическим нарративом. Способность активно адаптироваться в новом социокультурном контексте определяется личностными особенностями, а адаптивный потенциал — степенью развития и точности представления о себе. Осмысливая собственное «Я», свой жизненный опыт и свою роль в нем, человек каждый раз реконструирует реальность в формате автонарратива. В этом нарративе факты не связаны в единую цепь, а образуют комплексы, объединенные значимым для субъекта экзистенциальным концептом, где он выступает в разных ролях и позициях. Сюжетная схема автобиографирования строится вокруг смыслового центра — модуса жизни (Сапогова, 2011), — который определяет стратегии поведения человека, в том числе, адаптационные стратегии при переезде в новую страну. С января по июнь 2018 года нами проводилось исследование взаимосвязи типа адаптированности эмигрантов, модусов жизни, образа Я-реального и Я-идеального, образа страны. В исследовании приняли участие 55 испытуемых (женщины от 25 до 40 лет), проживающих в республике Сербия. Выборка разделилась на три группы: испытуемые с ведущим конструктивным и неконструктивным типом адаптации, а также испытуемые без ярко выраженного ведущего типа («неопределенный тип»). В группе эмигрантов с продуктивным типом адаптации: лица старшего возраста принимают страну проживания, но смысловой центр их жизни связан с потерями и лишениями; более молодые испытуемые показывают разнообразные варианты отношения к жизни, обусловленные ведущими модусами жизни (борьба, служение, фатализм и др.); молодые испытуемые, жизнь которых наполнена дружбой, любовью, заботой, общностью с другими людьми, положительно относятся к стране проживания. При этом они воспринимают жизнь как долг и ответственность, и отдаляются от Я-идеала; молодые испытуемые, рассматривающие свою жизнь как преодоление, усилие или активность, настроены пессимистично и ощущают бессмысленность происходящего. В группе эмигрантов с непродуктивным типом адаптации: более старшие испытуемые, рассматривающие свою жизнь как обязанность, долг или миссию, менее подвержены депрессии и менее конформны, но не стремятся вступать в контакты с другими и пребывают в социальной изоляции; более молодые испытуемые в депрессивном состоянии рассматривают свою жизнь как самопожертвование либо получение чего-то, что их не удовлетворяет; испытуемые, недолго проживающие в стране, рассматривают себя как проходящих испытание, а свою жизнь как борьбу, надеясь, что их идеалы реализуются; когда испытуемые насмешливы, нарушают стандарты и нормы, они не могут адаптироваться к новым условиям; человек с высоким мнением о себе, не ценящий страну проживания и не готовый к преодолению трудностей, испытывает отчужденность. В группе эмигрантов с неопределенным типом адаптации: более конформны испытуемые, рассматривающие свою жизнь как служение и жертву, игру и авантюру, близость и соучастие, подвиг, испытание; испытуемые, рассматривающие жизнь с позиции получения и приобретения благ, хорошо взаимодействуют с другими людьми, знают, к чему стремятся и какими хотят стать, готовы к трудностям и демонстрируют хорошую адаптивность; испытуемые высоко себя оценивающие и склонные к обесцениванию и насмешничеству, низко ценят страну проживания; испытуемые старшего возраста испытывают большие лишения и неудач, для них жизнь — проигрыш. Молодые испытуемые, стремясь реализовать свои идеальные устремления, более положительно оценивают страну проживания. Результаты данного исследования стали основой для разработки программы психологической помощи для русскоязычных эмигрантов в разных странах.

Нартова-Бочавер С.К., Бочавер А.А.

ДОМАШНЯЯ СРЕДА И СПОСОБНОСТЬ ПРОЩАТЬ*

Ранее проведенные исследования свидетельствуют, что дом – это особая жизненная среда, обладающая поддерживающим, превентивным и стимулирующим личност обитателей воздействием. Можно ожидать в контексте исследований ситуационных факторов морального поведения, что люди, живущие в дружественной домашней среде и потому с большей вероятностью удовлетворяющие свои базовые потребности, не просто более психологически благополучны и устойчивы против стрессов, но также обладают более высоким уровнем развития черт личности, которые традиционно относят к «добродетелям» (virtues), и моральных установок, которые возникают ситуативно. Ранее было показано, что дружественность домашней среды положительно связана с верой в справедливый мир и моральными мотивами. В данном исследовании выдвигалась гипотеза о том, что уровень дружественной домашней среды положительно связан со способностью прощать как личностной диспозицией.

Выборку исследования составили 148 студентов московских вузов, $M_{\text{возраст}} = 18,1$, 32 мужского пола, 65 отметили принадлежность к религии, преимущественно христианству. Для измерения условно независимой переменной использовались опросники Функциональности домашней среды (ФДС, 4 шкалы), Релевантность домашней среды (РДС, 7 шкал) и Привязанность к месту (1 шкала). Для измерения способности прощать использовались русские адаптации следующих опросников: шкалы прощения Хартланд, шкалы прощения и шкалы вероятности прощения. Шкала Хартланд измеряет диспозиционную склонность прощать себя, других людей и жизненные события, шкала прощения – склонность прощать обидчика, а шкала вероятности прощения – готовность прощать в конкретных жизненных ситуациях.

Предварительный анализ показал отсутствие гендерных различий по всем измеряемым переменным, кроме прощения себя, которое выше в мужской группе ($U=1391$, $p=0,03$). Кроме того, обнаружено, в группе респондентов, позиционирующих себя как верующие, неожиданно вероятность прощения значимо ниже по сравнению с неверующими ($U=1845$, $p=0,00$), а также ниже три показателя дружественности домашней среды и привязанности к дому ($U=2162$, $p=0,04$).

Как и ожидалось, получено множество положительных связей между субъективной оценкой дружественной домашней среды и диспозиционной склонностью прощать. В группе юношей получено 24 значимых хорошо интерпретируемых связи (положительных со всеми, кроме отчужденности, характеристиками домашней среды), в группе девушек – 82, среди верующих респондентов – 52, среди нерелигиозных – 48. Таким образом, можно заключить, что дружественная домашняя среда действительно связана со способностью прощать как диспозиционной характеристикой личности, причем эта связь модерируется религиозностью и полом респондентов: для девушек и верующих респондентов дом, по-видимому, представляет собой более мощный ресурс духовного роста.

**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-02163).*

Нуркова В.В.

СУБЪЕКТИВНАЯ КАРТИНА БУДУЩЕГО КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОСПЕКТИВНОЙ ФУНКЦИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

«Прошлое – лучший пророк будущего», – писал лорд Байрон. На первый взгляд тривиальным кажется утверждение о том, что адекватное прогнозирование и планирование будущего должно опираться на рефлексию содержания автобиографической памяти. Только обращение к прошлому опыту предоставляет возможность построить реалистичную самооценку, организовать иерархию целей и картировать вероятные препятствия на пути их достижения. Иными словами, для того чтобы составить экспертный прогноз на будущее необходимо ясно

представлять свое прошлое. В публикациях последнего пятилетия проспективная (т.е. направленная в будущее) функция автобиографической памяти акцентируется в качестве ведущей (Nourkova, Vasilenko, 2018). В качестве базовой аргументации обусловленности образа будущего субъективной картиной прошлого (в терминах Б.Г.Ананьева) приводится следующее:

1) сходство феноменологии, которое заключается в близких оценках детальности, значимости, эмоциональной насыщенности воспоминаний о прошлом и прогнозируемых событий; 2) эквивалентность ситуационных ключей, вызывающих воспоминания и мысли о будущем; 3) симметричность подверженности паталогическим расстройствам, например, при шизофрении и синдроме Альцгеймера; 4) зеркальность темпорального распределения воспоминаний/образов будущего относительно момента опроса (Spreng & Levine, 2006) и 5) вовлечение схожих конфигураций мозговой активности по данным фМРТ, ЭЭГ и ПЭТ исследований (Okuda et al, 2003; Spreng, Mar, & Kim, 2009; D'Armenteau, 2012). Однако все эти аргументы имеют корреляционный характер и не позволяют настаивать на направлении причинно-следственных связей. В редких работах экспериментально показано, что обращение к конкретным содержаниям автобиографической памяти модулирует целеполагание и влияет на поведение (Pezdek, Salim, 2011; Нуркова, Василевская, 2003; Нуркова, Василенко, 2013). Например, коррекция фрустрирующих самооценку воспоминаний приводит к снижению личностной тревожности и повышению оптимизма.

В представленном эмпирическом исследовании была поставлена задача исследовать взаимосвязь между субъективными картинками прошлого, детства, будущего, а так же представлением о жизни типичного человека. Методический инструментарий составил ряд модификаций методики «Линия жизни» (Нуркова, 2000) в вариантах «Моё прошлое», «Моё детство», «Моё будущее» и «Жизнь типичного человека». Выборку составили 136 человек, из которых 36.8% мужчин, средний возраст 23.09 (2.603). Хотя выборка состояла в основном из студентов, 29% респондентов были старше 24 лет.

Будущее в представлении респондентов данной возрастной группы выглядит оптимистично (80% позитивных событий), но менее событийно проработано по сравнению с прошлым (в среднем 10.45(4.88) событий в будущем и 16.25(7.85) событий в прошлом). Наблюдается своеобразная «близорукость» относительно будущего, т.е. ближайшая по времени декада максимально насыщена событиями, в дальнейшем событийная насыщенность планомерно снижается. Лишь 28% респондентов включают событие собственной смерти в изображение будущего, причем половина из них оценивают его нейтрально либо позитивно. Готовность включать в графический прогноз будущего свою смерть связан с указанием смерти на Линии жизни типичного человека ($\chi^2=5.194$, $p=.023$) и относительно низким уровнем самооценки, не обнаруживая корреляций с какими-либо параметрами образа будущего.

Была проведена серия регрессионных анализов. Наиболее значимым предиктором событийной наполненности картины будущего выступила событийная наполненность представления о детстве ($R^2=.186$). Предиктором уровня позитивности будущего является уровень позитивности представления о жизни типичного человека ($R^2=.186$).

Таким образом, целостная картина будущего в аспектах событийной насыщенности и эмоциональной оценки обнаруживает преемственность относительно корреспондирующих параметров субъективной картины прошлого и знаний о социально санкционированном жизненном сценарии. Верификация данных фактов требует дальнейшей экспериментальной работы.

Орестова В.Р., Ткаченко Д.П.

КИНО КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

Транзитивность, ведущими характеристиками которой являются множественность социокультурных контекстов, постоянная изменчивость окружающего мира и его неопределенность, создает трудности для сохранения внутренней целостности любого человека, живущего

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

в современном мире, но с особыми сложностями сталкивается молодой человек, вынужденный конструировать свою идентичность в ситуации неопределенности, множественности и размытости ориентиров. Поэтому в центре внимания оказываются исследования тех пространств, в которых происходят эти процессы. И если исследования виртуального пространства сейчас на пике популярности (Марцинковская Т.Д., 2015; Белинская Е.П., Марцинковская, Т.Д., 2018; Войскунский А.Е., 2014), то, как ни странно, обсуждение роли кинематографа в становлении идентичности личности ведется, в основном, в теоретическом ключе. Вместе с тем, мир кино крайне привлекателен для молодежи, киномир создает пространство для «игры идентичностей», а герои выступают моделями идентификаций.

Мы поставили перед собой задачу на первом этапе исследования выявить качества киногероев, наиболее значимые для современных молодых людей. С этой целью мы провели пилотажное исследование, в котором приняло участие 194 респондентов от 18 до 30 лет. По статистике наиболее популярны среди молодежи фильмы про супергероев, поэтому эту часть исследования мы посвятили им.

Наиболее популярным персонажем среди респондентов нашей выборки стал Бэтмен (18%). На втором (14%) и третьем (12%) местах оказались Железный человек и Человек-паук. В тройку самых предпочитаемых качеств супергероев вошли смелость (61%), крутость (50%) и внешняя привлекательность (49%). Также значимыми оказались чувство юмора и сила (45,6%), чувство долга (44%). Интересно, что наличие суперспособностей и неуязвимость выбрали всего 37% и 29% респондентов соответственно.

Статистический анализ полученных данных с целью выявления различий в оценивании предпочитаемых супергероев у мужчин и женщин показал, что мужчины демонстрируют более широкий и разнообразный спектр предпочитаемых в супергерое качеств по сравнению с женщинами: гениальность, хорошее чувство юмора, эмоциональная чувствительность, жертвенность, гибкость/находчивость. Возможно, для современных мужчин наличие именно этих качеств делает героя не только наиболее адаптивным в транзитивном мире, но и наиболее понятным и достижимым.

Особенно интересен анализ данных, полученных в результате сравнения различных возрастных групп. Нами были выявлены значимые различия по ценности тех или иных качеств для респондентов разных возрастных групп. В качестве определенных закономерностей можно выделить следующее: представители подростковой группы в большей степени, чем представители двух других обращают внимание на эмоциональную чувствительность героя; респонденты юношеского возраста в большей мере, чем представители молодежи ориентируются на наличие креативности и гибкости у героя; представители молодежи не продемонстрировали явных предпочтений при оценке выбранного героя.

Полученные результаты, на наш взгляд, раскрывают определенные потребности той или возрастной группы. Для подростков возможность быть эмоционально чувствительным и при этом социально успешным и самореализовываться, составляет особую ценность. В то же время юноши, являющиеся наиболее социально активной и мобильной возрастной группой, в большей степени ориентированы на развитие таких качеств, которые позволяют им максимально реализоваться в социальной среде.

Таким образом, можно сделать вывод, что архетипичный образ героя, как такового, не привязан к наличию суперспособностей, зрители, в большей степени, ориентируются на их «человеческие» составляющие. В этом плане нам представляются довольно перспективными исследования того, как личные истории суперлюдей со всеми их трагедиями, страхами и слабостями отражают истории развития и социализации зрителей, тем самым, позволяя увидеть позитивное разрешение тех или иных противоречий и трудностей, наполняющих жизнь простого человека.

Перикова Е.И., Бызова В.М.

СТРАХ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ У ДЕВУШЕК И ЖЕНЩИН*

Чувство страха, согласно теории дифференциальных эмоций, является базовой эмоцией человека со строго определенными психологическими компонентами (Изард, 1980). В ситуации принятия решения страх может блокировать деятельность человека, ограничивая его развитие (Фромм, 2004). Цель исследования заключалась в описании и сравнении эмоциональных переживаний страха принятия решений в трудных жизненных ситуациях у молодых девушек и взрослых женщин. В эмпирическом исследовании принимали участие 121 респондентка, среди которых 92 студентки СПбГУ в возрасте 19-22 лет и 29 женщин в возрасте 27-39 лет. Проводились анкетирование и психологическое интервьюирование, направленные на изучение представлений о трудных жизненных ситуациях и переживаемых эмоциях. Был осуществлен качественный анализ описываемых трудных жизненных ситуаций. В нашу задачу не входило соотнесение реальной сложности жизненной ситуации с субъективной оценкой. Мы придерживались позиции О.В. Гусевской (2013), согласно которой, если человек интерпретирует свою жизненную ситуацию как трудную, то независимо от ее реального содержания, она становится таковой по своим последствиям для него самого и для окружающих. Было показано, что молодые девушки в качестве трудной жизненной ситуации описывали поступление в ВУЗ и адаптацию к обучению. Объективно респондентки описывали период до двух лет: целый год до поступления и время обучения на первом курсе, расставляя субъективные акценты сложности. В качестве характерных примеров трудных жизненных ситуаций были следующие: изменение круга общения (80% опрошенных), выбор экзаменов ЕГЭ для сдачи в школе (21%), переезд в другой город (17%), устройство на работу (15%), начало самостоятельной жизни (11%), переезд в другую страну (7%). Взрослые женщины в качестве трудных жизненных ситуаций в 23% случаев описывали ситуации, связанные с партнерством: конфликты с мужем, проблемы замужества, разрыв отношений. Кроме того, весьма сложными были вопросы рождения и воспитания детей (23%), смены места жительства (19%), изменения круга общения (9%), карьерные решения (19%). Очевидно, что жизненный опыт позволяет взрослым женщинам описывать значительно больший спектр жизненных трудностей. При описании испытываемых страхов молодые девушки чаще всего описывали страх совершить ошибку (58% случаев) («Сомнения в правильности решения», «Исход может негативно повлиять на меня»), страх негативных последствий принятого решения («Боязнь, что нельзя вернуть назад», «Боюсь сделать хуже, чем есть»). Также девушки подчеркивали страхи, связанные с окружающими людьми и близкими (26%). Эти переживания включали страх неодобрения принятого решения – 11% («Разочаровать близких»), «Моя неудача может привести к отвержению»; выраженное беспокойство в связи с возможным нанесением вреда окружающим – 11% («От решения зависит много людей», «Боюсь, что решение повлияет негативно на кого-то»). Обращает на себя внимание страх одиночества в 4% случаев. Беспокоил страх потери возможностей («Страх упущенных возможностей»), страх неопределенности (9%) и ответственности (7%). Взрослые женщины чаще всего описывали страхи, связанные с окружающими и близкими людьми (49% случаев), в том числе страх неодобрения принятого решения – 26% («Страх потерять лицо», «Страх потери уважения значимых людей»), нанесения вреда окружающим – 19% («Страх подвести людей и не оправдать ожидания») страх одиночества – 3%, страх доверия другому – 1%. Кроме того, женщин беспокоил страх перед неудачей – 31% («Страх не справиться», «Страх потери контроля и ошибки»); страх ответственности – 18% и неопределенности – 3%. Таким образом, несмотря на различия описываемых трудных жизненных ситуаций, респондентки испытывали в целом сходные страхи. Различия обнаружились в фиксации страхов взрослых женщин на близком социальном окружении (партнер, дети, коллеги), в то время как молодые девушки в большей степени описывали страх совершения ошибки и потери возможностей.

**Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 18-013-00256А.*

Пецева О.С., Самыкина Н.Ю.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ У РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

Неопределенность становится фоновой характеристикой жизни человека. В связи с этим становится интересным вопрос изучения отношения людей к неопределенности. Вслед за Т.В. Корниловой под толерантностью к неопределенности мы понимаем «генерализованное личностное свойство, означающее стремление к изменениям, новизне и оригинальности, готовность идти непроторенными путями и предпочитать более сложные задачи» (Корнилова, 2010, с. 80).

Особый интерес представляет изучение данного свойства у разных возрастных групп, поскольку распространено мнение, что готовность к изменениям и конструктивное отношение к неопределенности больше свойственно молодому поколению, в то время как у более старших людей неопределенность вызывает негативные переживания и формирует основу возникновения хронического напряжения и стресса. Целью данного исследования было проследить, является ли толерантность к неопределенности личностной чертой, которая развивается с возрастом. Мы предполагаем, что есть значимые различия уровня толерантности к неопределенности у разных возрастных групп. В исследовании приняли участие 77 человек, от 16 до 42 лет, среди которых 24 мужчины и 53 женщины. Участники исследования были поделены на возрастные группы от 16 до 18 лет, от 19 до 29 лет и от 30 до 42 лет (И.В. Носко). Для проведения исследования использовался «Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности» в адаптации Корниловой Т.В. Анализ данных производился с помощью однофакторного дисперсионного анализа с последующим попарным сравнением внутри групп по Тьюки. По фактору «Толерантность к неопределенности» значимых различий по группам не обнаружено ($p=0.26$). По факторам «Интолерантности» и «Межличностной интолерантности к неопределенности» обнаружены значимые различия ($p=0.05$ в обоих случаях). В результате попарного сравнения по Тьюки значимые различия обнаружены между первой и третьей группами по факторам «Интолерантность» ($p=0.05$) и «Межличностная интолерантность к неопределенности» ($p=0.01$). Отсутствие различий по фактору «Толерантность к неопределенности» объясняем тем, что в каждом возрастном периоде есть свои переживания, связанные с актуальными или потенциальными ситуациями неопределенности, поэтому отношение может не различаться.

Вызывают интерес обнаруженные различия между первой и третьей группой по фактору «Интолерантность». У более молодой группы в среднем более высокие показатели, что может означать, что люди в данном возрасте более стремятся к ясности и не готовы принимать неопределенность. Мы предполагаем, что такой результат связан с их актуальной социальной ситуацией, т.к. это учащиеся старших классов. Что касается более взрослой группы, то тут можно предположить влияние принятия ими разнообразия и, возможно, собственной ответственности. С другой стороны, отсутствие ответственности может говорить об убеждении в том, что каковы бы ни были правила, есть ситуации, где они не работают. Различия же по фактору «Межличностная интолерантность к неопределенности» может быть связано с недостаточным жизненным опытом молодых людей.

Перспективой исследования является изучение отношения к неопределенности с помощью других методов, чтобы выявить качественные особенности представлений о неопределенности и личностные основания конструктивного поведения в ситуациях с различной степенью определенности и значимости. Также интересно изучить взрослых людей с разным уровнем персональной ответственности и их отношение к правилам, законам и принципам в общении, социальной и профессиональной сферах.

Попов Л.М., Сорокина С.Е.

МЕТОД ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Классики отечественной психологической науки С.Л.Рубинштейн, Б.Г.Ананьев и Б.Ф.Ломов полагали, что человек – одна из сложнейших систем в науке. Концепции личности этих ученых объединяет преемственное понимание того, что именно человек является предметом психологии и выступает основным объектом исследований (Юров И.А., 2009).

Согласно С.Л.Рубинштейну и Б.Г.Ананьеву, исходными характеристиками человека как субъекта деятельности являются сознание и деятельность. Как целое, личность, по видению С.Л.Рубинштейна, выражается через триединство: чего хочет человек (потребности, установки), что может (способности, дарования) и что есть он сам (потребности и мотивы, закрепленные в характере). Эта идея может быть обогащена с учетом современных актуальных тенденций. Современные исследования должны отходить от созерцательности в сторону более тесной связи с реальностью. Наиболее актуальным представляется проект, включающий наличие целей и учет рисков. В основу концепции личности С.Л.Рубинштейна добавлена следующая схема (Попов Л.М., 2018): «хочу (цель) – могу (способности, личные дарования, личные качества) – должен (- нравственные обязательства; - волевая регуляция) – отношение к этому (переживания) – действия с учетом рисков». Этой схеме соответствует алгоритм тренинга по повышению личностной самооценки. Идея основана на предположении, что применение специально разработанного провокативного воздействия, направленного на изменение признаков низкой самооценки в почерке, приведет к позитивным изменениям личностной самооценки.

Тренинг включает в себя:

- выявление и ранжирование желаний испытуемых для формулирования из них главных жизненных целей (элемент «хочу»);
- осознание взаимосвязи психологических признаков «нон-грата» и соответствующих им особенностей почерка для понимания, что мешает достижению цели (элемент «могу»);
- мотивационный фон для действий, им выступает феномен активности личности (элемент «должен»);
- организация провокативного воздействия с учетом главных жизненных целей испытуемых (элемент «отношение»);
- осуществление действий по почерковым изменениям при отсутствии психологических рисков или их незначительном минимуме (элемент «действия с учетом рисков»).

Участниками тренинга являлись студенты казанских вузов. Диагностировались уровень самооценки в сферах общения, поведения, деятельности, чувств и почерковые признаки низкой самооценки. Процедура исследования включала: методику «Самооценка» С.А.Будаси, экспресс-метод «Жизненные цели», психолого-почерковедческий анализ рукописных текстов, технологию компенсации личностной самооценки (Сорокина С.Е., 2010).

На основе анализа показателей предварительной диагностики самооценки и почерка, членов группы можно описать как лиц, в характере которых наблюдается неуверенность в себе, робость, излишняя критичность, опасение ставить перед собой труднореализуемые цели, пассивность, недостаточная удовлетворенность собственным поведением, уровнем достижений, особенностями личности и в целом недостаточный уровень принятия себя.

После проведения тренинга произошли изменения показателей личностной самооценки от значений низкого уровня до значений среднего уровня, которым соответствуют позитивные изменения почерковых характеристик. При статистической обработке данных выявлены достоверные различия до и после проведения тренинга по показателям самооценки и основным информативным признакам почерка при уровне значимости $p \leq 0.001$.

Таким образом, ориентируясь на вышеописанный проект при подготовке психологического исследования, можно предполагать успешное изучение человека, с учетом взаимосвязи психических явлений и в логической последовательности. Немаловажный принцип данного проекта заключается в возможности его дальнейшего развития и дополнения. Такая трактовка современных психологических исследований представляется актуальной, способствует сближению с реалиями современной жизни общества и личностной включенности испытуемого в достижение желаемого результата.

Попова-Никитюк Н.С., Дерманова И. Б.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ИНТЕРВЬЮ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ЖИЗНЕННОГО ВЫБОРА

В современном, стремительно изменяющемся мире, вопросы экзистенциального, жизненного выбора обретают особенный смысл. В философии разговор о выборе начался в древности и продолжается до наших дней (Аристотель, Кьеркегор, Сартр, Кейн, Стросон, Деннет и др.), однако в психологии феномен жизненного выбора остается малоисследованным. По мнению Леонтьева Д. С., основной причиной такого положения дел является сложность понятия и смешение под одним названием самых разных категорий: общего определения нет, исследования лишены системности. С этим связано, в частности, и то, что в существующих методиках, исследующих феномен выбора, выделяется очень ограниченный набор его признаков и характеристик, что затрудняет эмпирическое изучение данного феномена.

Одной из задач нашего исследования было выявление основных категорий жизненного выбора. Для решения этой задачи было выбрано полуструктурированное интервью. Были опрошены 44 респондента возраста средней зрелости (30-45 лет): разного пола (27 женщин - 61% и 17 мужчин - 39%), с разным уровнем образования, местом проживания, разных профессий и специальностей. Процедура интервьюирования проводилась при очном, личном общении; при помощи телефона и аудио средств; видео; переписки в социальных сетях и мессенджерах; а также по E-mail. Интервью содержало вопросы о жизненных выборах, возрасте, в котором они осуществлялись, об общем и характерном для названных ситуаций. Каждому из респондентов было задано от 3 до 15 вопросов – в зависимости от особенностей течения разговора, уровня взаимопонимания, необходимости пояснений. Процедура интервьюирования занимала от нескольких минут до нескольких часов.

По результатам проведения интервью было обнаружено, что испытуемые называли от 0 до 10 эпизодов выбора (суммарно у 44 респондентов – 155 эпизодов). Самый ранний из них относился к 5-летнему возрасту, абсолютное большинство выборов происходило в периоде средней зрелости – 26-45 лет. С помощью контент-анализа был выделен ряд категорий, характеризующих ситуацию и содержание выбора. Прежде всего, это: Ситуации и Сюжетные линии. Сюжетными линиями были условно названы длительные или важные темы, разворачивающиеся на протяжении времени, и, как правило, состоящие из нескольких ситуаций. Например: «Выбор не общаться с отцом: эта тема началась в 14 лет, вопрос актуален до сих пор». Ситуация, в отличие от Сюжетной линии, описывается как непрерывная, хотя может быть довольно длительной. Например: «Переезд в Москву», «Выбор остаться с подругой». Ситуаций было названо значительно больше, чем сюжетных линий (77% против 23%). Другая категория, выделенная в результате контент-анализа – «Абстрактность» / «Конкретность». Пример абстрактной формулировки – «Отказ от некоторых убеждений»; конкретной – «Переезд в Петербург». Конкретных формулировок – больше, чем абстрактных (83% и 17%). Ситуации также разделились в зависимости от принадлежности к одной из жизненных сфер: Профессия, призвание (32%); Семья, отношения (30%); Место жизни (12%); Хобби, интерес (более 4%); Здоровье, физическое и психическое (менее 4%); Отношения с другими (2%); Финансы (ок. 1 %). Также выделилась категория, описывающая выборы внутреннего, духовного содержания – условно она была названа «Мораль, нравственность, духовное» (менее 4%): «Выбор взять чужую игрушку», «Выступить в прокуратуре или промолчать», «Поездка в монастырь и крещение» и т.п. Несколько выделившихся категорий характеризуют разные параметры действия: «Отказ от», «Старт», «Смена», «Рассуждение», «Подтверждение», «Поступок»; стадию выполнения: «Завершенные» и «Незавершенные» выборы. По принадлежности выборы могут быть «Внутриличностными», «Межличностными», сделанными «За другого» и «Сложными» (содержащими элементы двух обозначенных типов).

Полученные данные позволяют нам лучше сориентироваться в структуре и содержании сложного процесса выбора, а также соотнести его специфику с другими интересующими нас психологическими категориями.

Теплякова С.А., Есина С.В.

ГОМОСЕКСУАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН РУБЕЖА XX И XXI ВЕКОВ

Современное общество с каждым годом становится более толерантным в отношении сексуальных меньшинств, но тем не менее определенный процент представителей ЛГБТ-сообщества подвергаются буллингу со стороны своей семьи, коллег, однокурсников или даже одноклассников. В социальных сетях и средствах массовой информации (СМИ) все чаще встречается информация о ЛГБТ-сообществе и о борьбе его представителей за свои права. За последние несколько лет заметно возросло количество фильмов и литературных произведений, где рассказываются истории однополых пар без какой-либо популяризации гомосексуальных отношений, но часть представителей социума XXI века даже не пытается понять и принять вариант нетрадиционных отношений. Чаще всего буллингу, непониманию и отворачиванию со стороны близких родственников подвергаются именно люди подросткового и юношеского возраста, потому что родителям сложно признавать гомосексуальную или бисексуальную ориентацию своего ребенка. Согласно статистике за последние 40 лет возраст каминг-аута заметно «помолодел», т.к. в 1979 году мужчины признавали свою нетрадиционную ориентацию в 13-14 лет, женщины – в 18 лет, а в 2009 году по данным опроса, проведенным ассистентом-профессором колледжа Эммерсон Бенуа Денизе-Льюисом, средний возраст каминг-аута составил 10 лет как для юношей, так и для девушек.

В нашем исследовании приняли участие 87 человек обоих полов в возрасте от 14 до 38 лет, из которых 20 человек (23% от общего количества опрошенных) являются представителями ЛГБТ-сообщества. Средний возраст выборки составил 20-21 год. В ходе исследования было выявлено, что отношение современного человека к проблемам ЛГБТ-сообщества является одной из самых актуальных тем для обсуждения в обществе (именно так считает 86,2% опрошенных), и не только в узких кругах, но и на более широком уровне – 52,2% респондентов отмечают актуальность в отношении себя, являясь родственниками или друзьями человека нетрадиционной сексуальной ориентации. В художественной литературе XX века данная проблема практически не рассматривается, но все-таки существуют произведения, где главными героями являются однополые пары. Например, «Цена соли» Патриции Хайсмит или же «Горбатая гора» Энни Прул. С каждым годом общество становится более толерантным и гомосексуальными парами в литературе и кинематографе зрителя или читателя удивить все сложнее и сложнее. Гомосексуальные отношения были и в античное время, и в средние века, но им не придавалось такой огласки, как в наши дни. Контент-анализ источников СМИ за последние три года и показал, что проблема гомосексуальности актуальна в современном мире. Личность нетрадиционной сексуальной ориентацией как социокультурный феномен стала формироваться в 60-е годы прошлого века. По территории Америки и Великобритании прокатился пик андрогинности и бисексуальности, и в интервью или же дневниковых записях деятелей культуры и искусства той эпохи отмечается, что люди просто перестали скрывать свои сексуальные предпочтения. Спустя полвека можно уверенно сказать, что место гомосексуальной личности в обществе стало менее обособленным, появились организации, защищающие права представителей ЛГБТ-сообщества и оказывающие поддержку в трудных жизненных ситуациях. Гомосексуальная личность в ряде стран воспринимается так же адекватно и привычно, как и гетеросексуальная личность, ведь для полноценного коммуницирования и восприятия человека как личности не важна сексуальная ориентация, как важны личностные и эмоциональные характеристики личности.

Теславская О.И., Савченко Т.Н.

ПОГРУЖЕНИЕ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СТОРОНА ЭСКАПИЗМА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, АСПЕКТЫ, ВИДЫ*

Эскапизм (от англ. 'To escape' – бегство, уход) в современном мире – нормативное явление. В Кембриджском толковом словаре он определяется как «способ избегания неприятной или скучной жизни, в первую очередь за счет размышлений, чтения и т.д. о более волнующих, но невозможных видах деятельности», а в качестве его примеров приводятся просмотр приключенческих фильмов или поездка в отпуск. В широком философско-психологическом смысле он может пониматься как форма активности личности, которая возникает вследствие рассогласования реальных и желаемых ценностных структур разного уровня в целях его уменьшения, и реализуется путем погружения в субъективно альтернативную реальность (Теславская и др., 2017). В последнее десятилетие вопросы ухода от повседневной жизни и погружения в альтернативную реальность – прежде всего – виртуальную – чаще всего поднимаются в русле междисциплинарных исследований на стыке психологии и IT-индустрии для оценки эффектов гейминга на личность участников онлайн-игр. Опорным концептом для описания опыта переживания игроков становится «погружение», отражающее процессуальную сторону эскапизма – форму ухода и тип среды, в которую оно осуществляется. Погружение – комплексный феномен, затрагивающий различные нейropsychологические уровни (Zhang et al., 2017). Начиная с 2000-х гг., это наиболее часто употребляемый в исследованиях концепт, используемый для описания опыта переживания участников онлайн-игропрактики. Он определяется как «ощущения бытия “внутри” игры, где мысли, внимание и цели субъекта целиком сосредоточены на происходящей игре, в противовес беспокойствам о чем-либо другом, что происходит вокруг него» (Sanders, Cairns, 2010). Данный концепт связывается с психологией оптимального переживания, «потока» (Чиксентмихайи, 1980). Вторая предпосылка исследований погружения – работы, посвященные эффекту присутствия (напр. Heeter, 1992) – перцептивной иллюзии бытия индивида в виртуальной среде, осуществляемой посредством коммуникативного медиума (компьютера, телевизора и др.). В настоящий момент поток и присутствие рассматриваются как два аспекта погружения (Brown, Cairns, 2004, Jenneth et al. 2009; и др.). Присутствие отражает пространственный (сенсомоторный, висцеральный) аспект погружения, обусловленный свойствами окружающей индивида виртуальной среды; поток также охватывает эмоциональный (эмпатический, литературный, когнитивный, нарративный) аспект – когда игрок оказывается вовлечен в сюжет, предлагаемый искусственной средой, «вживается» в образ своего персонажа и долго переживает эмоции, возникшие в ходе игры. Эмпирически показано, что эмоциональное погружение – значительно более захватывающее с точки зрения чувства «присутствия в виртуальной среде», восприятия времени, реализма, чувства вовлеченности, эмоционального отклика и сенсорных сигналов (Zhang et al., 2017). При этом отметим, что погружение может осуществляться не только опосредованно: с помощью цифровых устройств в среды виртуальной реальности, но и непосредственно: в субъективные воображаемые пространства – в интрапективной форме фантазирования, при чтении, просмотре произведений искусства и т.д., а также в не-виртуальные среды, например, в игровые миры, создаваемые на физической территории, в ролевой игропрактике живого действия. Наиболее широкое определение погружения представляется следующим: «субъективное состояние глубокой вовлеченности в воображаемую ситуацию, в которой индивид идентифицируется со своим персонажем и/или окружающей его вымышленной средой (местом, временем, условиями действия)». Исследование виртуальных и неvirtуальных форм погружения как процессуальной стороны эскапизма, и его воздействия на личность игроков, с использованием аппаратных и психометрических методов представляется крайне актуальной задачей современных междисциплинарных исследований – философии, психологии, когнитивной науки и информатики.

**Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант №16-06-01085.*

Ткаченко Н.В., Алексеева И.Э.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАНСМИССИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СЕМЬЕ ИЗ ТРЁХ ПОКОЛЕНИЙ

Ценностные ориентации не являются застывшим конструктом. С течением времени требования общества приводят к необходимости как изменения, так и сохранения ценностных ориентаций от поколения к поколению людей. Такие процессы составляют суть трансмиссии ценностей. Различают вертикальную и горизонтальную трансмиссии. В обоих этих процессах очень важна роль семьи. Семья является тем пространством, в котором происходит формирование личности, закладывается определенный образ жизни, возникают и поддерживаются правила поведения, стиль мышления, нравственные принципы. Содержание семейных ценностей оказывает влияние на социализацию человека, помогая ему входить в социальные учреждения и общности (Журавлева Н.А., 2012). В большинстве работ, посвященных исследованиям трансмиссии ценностных ориентаций внутри семьи, анализировались результаты опросов, в которых респондентами были два поколения семьи, а именно родители и дети-подростки, например, в работе Дуброва Д.И., Татарко А.Н. (Дубров Д.И., Татарко А.Н., 2016). Но передача ценностей внутри большего числа поколений одной семьи недостаточно исследована. Это направление имеет большие перспективы в понимании принципов формирования и передачи ценностных ориентаций с течением времени, что поможет в перспективе прогнозировать изменения в обществе и поведении человека на основе выявленных закономерностей. Целью данного исследования является изучение преемственности ценностных ориентаций внутри семьи, состоящей из трех поколений кровных родственников: старшего, среднего и младшего. Гипотеза исследования состоит в том, что в семье существует одновременно как вертикальный, так и горизонтальный тип трансмиссии ценностей. В частности, у молодого поколения трансмиссия ценностей горизонтальная. А у среднего поколения трансмиссия вертикальная. Выборку составили 10 семей, имеющих в своем составе представителей трех поколений кровных родственников, постоянно проживающих в Москве не менее 45 лет. Методы и процедура. Заполнение каждым респондентом отдельно от других членов семьи Опросника PVQ-R2 (Шварц Ш. и др., 2012) и сразу после заполнения опросника проведение с каждым респондентом глубинного интервью открытого типа (Квале С., 2003) посвященного более глубокому раскрытию 19 ценностных категорий, заложенных Ш.Шварцем в 4-х метаценностях: открытость изменениям, самопреодоление, самоутверждение и консерватизм (Шварц Ш., 2008). Результаты. Для ценностей самопреодоления наблюдается преимущественно вертикальный тип трансмиссии ценностных ориентаций при достаточно высоких показателях значимости этих ценностей для всех участников опроса. При этом во всех трех поколениях участвовавших в исследовании респондентов наблюдается вертикальный тип трансмиссии в ценностях благожелательность: чувство долга, благожелательность: забота. Для ценностей самоутверждения также можно выделить преимущественно вертикальный тип ценностных ориентаций, только среди минимально выбранных показателей. Для большинства представителей всех трех поколений респондентов менее всего похожими на них оказались признанными важными в опроснике такие ценности как: власть: доминирование, власть: ресурсы, достижения. Для ценностей открытость изменениям более выраженным оказался горизонтальный тип трансмиссии ценностных ориентаций среди представителей младшего поколения. Для ценностей сохранения, консерватизм общей закономерности в трансмиссии по имеющимся данным определить не удалось. Выводы. Существуют и вертикальный, и горизонтальный типы трансмиссии внутри семьи по трем базовым ценностям: самоутверждение, самопреодоление и открытость изменениям. Отличия оценок ценностей у среднего поколения не вписываются в общую закономерность в отношении базовых ценностей самопреодоление и открытость изменениям.

Хорошилов Д.А., Машков Д.С.

МАГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ: ОПЫТ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В современной психологии магия (магическое мышление) рассматривается как одна из форм обыденного познания. Теоретический анализ феноменологии и закономерностей магического мышления обнаруживается в работах психологов, антропологов и социологов (Д.Д. Фрэнгер, М. Вебер, Б. Малиновский, С.А. Токарев, Е.В. Субботский и др.). Магическое мышление исходит из эпистемологического допущения, согласно которому предполагается неконвенциональная интерпретация связи между означаемым и означающим: между ними устанавливаются отношения тождества (слово – не условное обозначение предмета, а его составляющая, следовательно, слово обладает перформативной силой относительно вещей и событий реального мира). Общепринятым тезисом считается, что магическое мышление сегодня не замещается наукой («расколдовывание мира»), напротив, в массовой культуре можно наблюдать их своеобразный синкрет или гибрид.

Цель проведенного пилотажного исследования заключалась в изучении магического мышления у представителей условно называемых «эзотерических профессий» (астрологов, хиромантов и гадалок на картах, работающих в одном из эзотерических центров г. Москвы). Ввиду того обстоятельства, что исследование носило поисковый характер, гипотезы в строгом смысле этого слова мы не выдвигали, а исходили из следующего предположения или проблемного тезиса, который уточнялся по ходу работы – в логике формулирования гипотез в качественных исследованиях (Бусыгина, 2015): представители «эзотерических профессий» склонны объединять элементы магического и психологического мышления, не проводя различия между этими двумя формами социального познания. Целевая выборка исследования – это гадалки и астрологи, работающие в одном из эзотерических центров г. Москвы. Метод сбора данных – глубинное интервью, состоящее из трех блоков: атрибуция происхождения магических способностей, опыт эзотерического «консультирования» и представления о соотношении магии, гадания и психологии. Всего нами было проведено 15 интервью. Метод качественного анализа данных – тематический анализ (Braun, Clarke, 2006). Результаты тематического анализа проведенных глубинных интервью позволяют нам реконструировать отношение респондентов к гадательной практике (как реализации магического мышления) и научной психологии. 1. Гадание – это не приобретаемый навык, а развиваемый дар, который проявляется в виде раннего детского интереса к теме; впоследствии, по мнению респондентов, этот дар становится их жизненным и профессиональным призванием «помогать другим людям и увидеть то, что не лежит на поверхности». 2. Гадание – сложное искусство, занимающее жизнь человека полностью, трудно совместимое с личной и семейной жизнью, отсюда – представление о том, что «можно прогадать судьбу» – гадалка полностью посвящает себя проблемам своих клиентов. 3. Функция гадания – это не предсказание будущих событий, а анализ актуальной для клиента проблемы; основным критерием эффективности становится не прогнозистика, а психологическая помощь – понимание причин происходящего. 4. Гадалка позиционирует себя как психотерапевта (у всех респондентов даже есть соответствующие дипломы), но работающего на более «глубоком» уровне чтения примет и «знаков судьбы», «кармических взаимосвязей», духовного предназначения, что «традиционный» психолог «пропускает». 5. В гадании устанавливается энергетическая и эмоциональная взаимосвязь с клиентом, и ее критерии не поддаются вербализации – «либо есть, либо нет». Таким образом, представители «эзотерических профессий» позиционируют себя как полноправных психологов и достаточно уверенно оперируют психологическим словарем; по словам респондентов, как психологов их воспринимают и сами «клиенты», предпочитая сертифицированным консультантам. Научное психологическое знание мифологизируется и дополняется архаическими элементами магического мышления. Полученные результаты уместно интерпретировать в ракурсе когнитивной полифазии социальных представлений, в которых сосуществуют различные формы социального познания.

Zotov V.L.

MODELS OF HUMAN COGNITION AND THEIR APPLICATION

The paper gives a brief review of some of my work in the field of cognitive modeling of human performance. Specifically, it discusses how computational models can account for human errors, response time, and practice effects for both for individuals and groups. It begins with presenting a model of perceptual classification and absolute identification. The Representation Shift Model (RSM) treats the subject's representation of category and item structure as points in a space. The points shift dynamically from trial to trial as a function of the properties of the preceding exemplar. The RSM captures overall accuracy in both classification and absolute identification, replicates benchmark characteristics of performance in both absolute identification, and classification. It continues with discussing cognition of a small team. The objective of the project was to investigate the impact of voice communications on distributed two-person teams in a simulated tactical-level dynamic environment. The type of voice communications allowed between participants was manipulated. Standard measures of task performance did not differ between conditions. However, new measures derived from modeling of small team in a synthetic environment showed marked deterioration when participants were only allowed voice communications. The findings are discussed in terms of the development of new measures of team performance and the impact of voice communications during a tactical-level command and control task. The paper concludes with recent work of developing cognitive agents to replace human operators in operational teams. The potential of using Intelligent Tutoring Systems for training individuals and teams is discussed.

Янаков Б.

ЖИЗНЕННЫЕ ЗАДАЧИ И ИХ ИЗУЧЕНИЕ

Жизнь невозможна без осуществления жизненных задач. Каждая научная концепция личности определяет одну главную или несколько основных жизненных задач (в обзоре Е.Ю. Коржовой (2004) рассматривалось 58 концепций). Однако, понятие жизненные задачи в психологии редко употребляется; этот феномен недостаточно изучен. Это понятие не ограничено от жизненных целей и целей деятельности.

Задача развития есть форма жизненных задач. Некоторые психологи (Cantor, 1994; Дружинин, 2009; и др.) определяют жизненные задачи как конкретизированные жизненные цели или реализации жизненных целей. Можно и желательно разграничить жизненные цели (ЖЦ) и жизненные задачи (ЖЗ). (1) ЖЦ – это чисто ментальные феномены. Большинство ЖЦ имеют телесные и поведенческие компоненты. (2) ЖЦ – это интенциональные феномены, а ЖЗ – актуальные феномены. (3) ЖЦ переживаются как очень важные. Лишь некоторые ЖЗ переживаются как очень важные. (4) ЖЦ – это внутренние мотивы, а ЖЗ могут быть внешне мотивированы. (5) ЖЦ представляют собой мощные мотивы. Большинство из ЖЗ не таковы. (6) ЖЦ имеют долгое существование. Существование ЖЗ различно; большинство из них существуют короткое время. (7) Большинство ЖЦ неясно определены, а ЖЗ в большой степени определены, т.е. конкретизированы. (8) Осуществление ЖЦ поэтапно, а многие ЖЗ более локальны во времени. (9) ЖЦ определяют постановку ЖЗ, но последние не обязательно происходят от ЖЦ. (10) ЖЦ не осуществляются ежедневно. ЖЗ осуществляются ежедневно. (11) ЖЦ для человека не являются остро необходимыми для повседневного существования. ЖЗ необходимы для

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

рутины существования; каждый человек осуществляет ЖЗ. 12) ЖЦ редки, единичны, присущи не всем людям. ЖЗ многочисленны и функционируют в жизни обычных людей.

Индуизм определил четыре основных жизненных задачи: владение и приобретение вещей необходимых для хорошей и полезной жизни; телесно-чувственные удовольствия и любовь; этические и религиозные обязанности; просвещение, духовное развитие и спасение (Walsh, 1999). Три основных жизненных задачи выделил Адлер: работа, любовь/партнерство, связи с другими людьми и обществом. Некоторые его последователи (Mosak, Dreikurs, 2000) добавили ещё две: забота о себе и спиритуальность. В концепции Эриксона (1982) на каждой стадии есть специфическая основная задача: доверие, самостоятельность, инициативность, трудолюбие, идентичность, близость/интимность, творчество/генеративность и интеграция/мудрость. Две из шести задач отметил Vaillant (2002) – карьера и смысл жизни. Свыше сорока задач развития отметил Havighurst (1982).

Некоторые психологи полагают, что индивид становится личностью, если осуществляет важные задачи (Stern, 1931); личность решает разнообразные задачи в процессе жизнедеятельности, жизненные задачи осуществляются в деятельности, в процессе осуществления жизненных задач организуется образ жизни, проявляется и формируется личность (Рубинштейн, 1946); развитие человека продукт решения жизненных задач (Heumans, 1994; Nuttman и соавторы, 2014); жизненные задачи – точка встречи «объективной структуры» и «субъективной структуры» (Oerter 1986).

ЛИЧНОСТЬ: ДИАГНОСТИКА, ИЗМЕРЕНИЕ, ОЦЕНКА

Басимов М.М.

“РЕЗУЛЬТАТЫ” ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ КОРРЕЛЯЦИОННЫХ ПОДМЕН*

Проблема традиционных исследовательских подмен на линейные “значимые” связи как для случая фактического отсутствия связей (как линейных, так и простейших нелинейных), так и для случаев наличия сильных простейших нелинейных связей, подробно рассмотрены в предыдущих статьях автора. Опишем кратко обозначенную проблему, структурируя пять основных типичных ошибок, которые наблюдаются при таком подходе.

1. Есть простейшая нелинейная зависимость (прежде всего это зависимости с почти симметричным максимумом или минимумом), но корреляция близка к нулю, и эта зависимость просто игнорируется сторонниками корреляционного анализа. В этом случае множество интересных (типичных для психологических данных) причинно-следственных связей не рассматривается авторами, что приводит к достаточно узкому описанию изучаемой проблемы, упрощенному или даже ошибочному моделированию (интерпретации) изучаемых явлений и процессов.

2. Далее, расставляя ошибки по логике, выделим ситуацию, когда корреляция очень слабая, но “значимая”, и при этом не наблюдается также и других зависимостей, относимых к простейшим нелинейным (зависимости с максимумом и минимумом, монотонные, но далекие от линейных зависимостей). В этом случае ошибка заключается в том, что исследователь предлагает как результат, как состоявшийся факт линейную связь, но результат на самом деле просто отсутствует (связи нет, ни линейной, ни простейшей нелинейной). В статьях (в значительно большем количестве в диссертациях и выпускных квалификационных работах) часто приводятся в качестве линейных интерпретаций именно такие несуществующие связи (очень слабые корреляции, по модулю от 0.2 до 0.3 или даже меньше). Это ошибка, когда зависимости и их интерпретации представляют собой только плод фантазии авторов. И это не самая опасная в плане научного познания ошибка.

3. Еще более существенная проблема возникает, когда на самом деле зависимости присутствуют (зависимости с максимумом или минимумом, но не совсем симметричные по форме), и они, с одной стороны, по-настоящему “сильные”, а, с другой стороны, далеки от линейной функции. Такие ошибки значительно опаснее. В этом случае присутствует сильная простейшая нелинейная зависимость (прежде всего это зависимости с максимумом и с минимумом, свойственные наукам о человеке и обществе), но зависимость выдают за ее регрессионное приближение, линейное по форме и описывающее примерно 20% реально существующей причинно-следственной связи. В данном случае при интерпретации наблюдается полное искажение изучаемого процесса или явления, качественно другая модель, на базе которой пишутся интерпретации и практические рекомендации.

4. Следующая разновидность ошибки при рассмотрении «значимых» корреляций: две совершенно противоположные по смыслу зависимости с максимумом и с минимумом могут одновременно рассматриваться либо как возрастающие линейные зависимости, либо как убывающие линейные зависимости. Специфика несимметричности зависимостей с максимумом и минимумом могут приводить к близким линейным регрессионным приближениям, основанным на линейной корреляции. Но это только незначительная составляющая реальной зависимости изучаемых показателей. И какие во всем этом многообразии связей будут найдены

«тенденции» (на основе очень слабых линейных корреляций) причинно-следственной модели (при строго линейном подходе), и как они будут формировать ложное представление об изучаемом явлении или процессе, даже трудно вообразить.

5. Но даже если автор, следующий канонам корреляционного анализа, приводит в статье объем выборки и значения коэффициентов корреляции, в основном при интерпретации наблюдается странная картина: совершенно не важно, чему равен коэффициент корреляции 0.2 или 0.9, если корреляция «значимая», этого уже достаточно для представления результатов как содержательных, а значит вопрос об уточнении информации (величина коэффициентов корреляции) закрыт, поскольку не несет, по мнению большинства авторов, никакой дополнительной информации.

**Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273а.*

Басимов М.М., Басимова П. М.

ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ «ПРОЕКЦИЯ» И «РЕГРЕССИЯ» В РАМКАХ ПАРАДИГМЫ НЕЛИНЕЙНОЙ ПСИХОЛОГИИ*

Нестабильная политическая социально-экономическая ситуация в мире провоцирует рост дистрессовых факторов как в общественном, так и в личном сознании. Человек вынужден приспосабливаться к постоянно изменяющимся условиям среды, ограждать себя, где это возможно, от травмирующей информации. Человек стремится любым способом сохранить целостность своего я, и в этом ему на помощь приходят защитные механизмы. Одной из главных целей данного исследования стала задача изучения связей механизмов психологической защиты и личностных качеств, обеспечивающих межличностное общение в период ранней взрослости.

Переходя на синергетическую платформу и рассматривая, помимо линейных, простейшие нелинейные связи, мы обнаруживаем, что все 8 механизмов психологической защиты, оцениваемые методикой Р.Плутчика, имеют сильные статистические связи с параметрами межличностных отношений (методики Лири и ОМО, первичные и интегрированные показатели). Было выявлено 9 сильных связей для модели кварт независимого параметра и 21 сильная связь для модели квинт независимого параметра.

В рамках представленного доклада рассмотрим 4 связи, представляющие различные по форме простейшие нелинейные зависимости для двух механизмов психологической защиты: «Регрессия» и «Проекция».

1. Зависимость параметра «Регрессия» (Y) от параметра «Эгоистичный (я-реальное)» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для квинт по шкале X: X-1(Y=+15663) X-2(Y=+220) X-3(Y=-6131) X-4(Y=+184) X-5(Y=-358). Коэффициент силы связи = 0.81 (обратная зависимость = 0.12). Коэффициент корреляции = -0.17. Индивид, оценивающий себя как «не эгоистичный» (1 квинта – 20% испытуемых с низкими значениями), склонен в большей степени к использованию такого механизма психологической защиты как регрессия (сравнительная весомость = +15663). Отсутствие собственных интересов и притязаний (1 квинта) отбрасывает его на более примитивные уровни решения проблем. При небольшом увеличении эгоистичности (переход с 1 на 2 квинту) обращение к такому механизму психологической защиты, как регрессия, значительно снижается (+220). Далее наблюдается дальнейший спад по шкале «Регрессия» на 3 квинте независимого параметра (-6131). После чего наблюдается (4 и 5 квинты) рост зависимого параметра «Регрессия», но до значений, значительно меньших, чем первоначальные (1 квинта).

2. Зависимость параметра «Проекция» (Y) от параметра «Агрессивный (я-реальное)» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для квинт по шкале X: X-1(Y=-368) X-2(Y=-19) X-3(Y=+5421) X-4(Y=-6157) X-5(Y=+1478). Коэффициент силы связи = 0.70 (обратная зависимость = 0.07). Коэффициент корреляции = 0.02.

3. Зависимость параметра «Проекция» (Y) от параметра «Эгоистичный (я-идеальное)» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для квинт по шкале X: X-1(Y=+3) X-2(Y=-7003) X-3(Y=+491) X-4(Y=+2978) X-5(Y=+1280). Коэффициент силы связи = 0.53 (обратная зависимость = 0.25). Коэффициент корреляции = 0.11.

4. Зависимость параметра «Проекция» (Y) от параметра «Эгоистичный (я-идеальное минус я-реальное)» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X: X-1(Y=+461) X-2(Y=-515) X-3(Y=-3661) X-4(Y=+8642). Коэффициент силы связи = 0.58 (обратная зависимость = 0.17). Коэффициент корреляции = 0.14.

Рассмотренные зависимости показывают сложность проблемы психологической защиты и невозможность рассмотрения ее в рамках только линейных представлений. Необходим выход за рамки линейных моделей, когда все просто и наглядно интерпретируется.

Изучение нелинейных связей по авторскому методу М.М. Басимова апробировалось в многочисленных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологии: психология дошкольников и подростков (юношей), этнопсихология, психология профессий, психология доверия, психология стресса, психология родительства, психология обучения, измерение ценностных отношений личности «Я-другие», изучение семейного воспитания как фактора формирования смысловой сферы ребенка, изучение смысловой сферы личности и т.д.

**Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273а.*

Бусыгина Н.П.

ДИСКУРС-АНАЛИЗ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ КАК СОЦИОКРИТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

Методы анализа дискурса появились в психологии в 80-90-е годы XX века на волне развития качественной исследовательской методологии и лингвистического поворота в социогуманитарных науках, центральной идеей которого стало понимание языка как социального действия (Бусыгина, 2010, 2013, 2014; Касавин, 2007; Potter, Wetherell, 1987; Willig, 2001). Дискурс-аналитическая методология пока мало используется в области психологии личности: нацеленность ее сторонников на деконструкцию систем социальных представлений оставляет в тени ее потенциал для понимания процессов, происходящих на уровне отдельного индивида. Между тем, дискурс-аналитический перспектива открывает уникальную возможность систематического исследования роли культурно-символических ресурсов в процессах индивидуального самоопределения (Бусыгина, 2015).

Идея опосредования высших психических функций культурными средствами (знаком, символом), понимание интрапсихического как преобразованного и интериоризированного интерпсихического – эти представления составляют важную часть развиваемой в отечественной психологии культурно-деятельностной парадигмы. Дискурс-анализ может быть весьма близок идеям отечественных подходов. Однако в дискурс-аналитической перспективе открывается тот аспект культурного мира, который оказался в отечественной психологии просмотренным, неактуализованным. В работах советских и российских психологов подчеркивается формирующая, развивающая роль культуры. В перспективе социальной критики, на которую опирается

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

большая часть дискурсивных подходов, культура предстает не только формирующей, но и репрессивной силой. Например, в концепции Дж. Батлер (2002) субъекция (subjection) означает одновременно и становление субъектом, и акт подчинения. Субъект получает «фигуру автономии» через «фигуру подчинения». Усваивая культурные формы, принимая на себя позиции в дискурсе, субъект попадает «на крючок» идеологии, включается в процесс подчинения себя застывшим социальным смыслам. Можно добавить, что «сборка» личности посредством культурных форм невозможна без «фигуры отчуждения»: будучи отмечен идентификациями, субъект, по выражению Ж. Лакана, одновременно и вызван к существованию, утверждён в существовании, и загражден, потерян. В контексте этих идей дискурс-анализ может быть способом вовлечения личности в рефлексивную работу, цель которой – дать ей возможность понять, пленником каких идеологических отчуждающих конструкторов она оказалась и какие возможны альтернативы.

Нами использовался метод дискурс-анализа в варианте Дж. Поттера и М. Уезерелл в исследовании особенностей самоопределения женщин в контексте современных дискурсов феминности, успешности и счастья. Проводя глубинные интервью с женщинами 30-35 лет, мы пытались выяснить, при помощи каких дискурсивных средств они конструируют привлекательные для них женские образы и как они соотносят самих себя с этими конструкциями. В особенности нас интересовали области конфликтного самоопределения и области самоопределения, в которых наблюдаются симптомы эмоционального неблагополучия. Мы выделили несколько интерпретативных репертуаров – социокультурных систем значений, к которым женщины обращаются наиболее часто: «дискурс новой традиционной феминности», который представляет собой соединение двух конфликтующих друг с другом систем представлений – «дискурса традиционной феминности» и «дискурса индивидуальной самореализации»; «гедонистический дискурс», организованный вокруг фигур удовольствия и легкости; и «дискурс позитивности», главный персонаж которого – «позитивный человек», умеющий радоваться жизни, «отбрасывающий от себя негатив», умело преодолевающий трудности или вообще их не испытывающий. Именно дискурс позитивности оказался в наибольшей мере связан с областью внутриличностных конфликтов женщин и обнаруживаемыми ими симптомами эмоционального неблагополучия. Можно предположить, что дискурс позитивности – мощный идеологический ресурс общества, позволяющий управлять людьми путем манипуляции их чувством благополучия. Как дискурс сексуального раскрепощения сделал принудительным удовольствие (М. Фуко), так дискурс позитивности делает принудительным ощущение счастья и благополучия.

Таким образом, дискурс-анализ для психологии личности – это не только эвристичная исследовательская технология, но и особая теоретико-методологическая позиция, сближающая психологию с областью социальной критики.

Жукова Н.Ю., Солдатова Е. Л.

РАЗРАБОТКА И АПРОБАЦИЯ МЕТОДИКИ ДИАГНОСТИКИ ОТНОШЕНИЯ К СМЕРТИ И СКЛОННОСТИ К СУИЦИДУ

Отношение человека к жизни и смерти оказывает прямое воздействие на риск совершения суицида и саморазрушающего поведения, а также может выступать в роли эффективно-прогностического фактора. Особая актуальность проблемы отношения к смерти связана с увеличением суицидов и саморазрушающего поведения в подростковом возрасте. Психодиагностическое обеспечение данной проблематики не многочисленно, что связано в основном

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

с ее комплексностью и сложностью. Среди методов диагностики отношения к смерти в отечественной психологии преобладают адаптированные тесты (Чистопольская, Ениколопов, 2014; Гаврилова, 2011).

Теоретический анализ взаимосвязей отношения к смерти и психологии саморазрушающего поведения, причин и факторов, критериев оценки риска суицидального поведения позволил выделить особенности отношений, свидетельствующие о склонности к суициду в подростковом возрастном периоде: отношение к смерти, к жизни, к себе и помощи (Orbach, 1989). Каждая система отношений рассматривается в нашей методике с точки зрения принятия-непринятия. В результате было сформировано 13 шкал.

Стимульный материал методики представлен цитатами из кинофильмов, текстов песен, стихов и высказываниями знаменитых людей и философов, что на наш взгляд соответствует психолого-возрастным особенностям и представляет интерес для подростков. Отбор высказываний для методики проводился в несколько этапов путем экспертной оценки. В роли экспертов выступили психологи, психиатры, филологи, студенты. Каждый этап сопровождался подбором новых высказываний и их оценкой другой группой экспертов. Было проведено пилотажное исследование и внесены изменения в методику. В общей сложности в экспертной оценке цитат и высказываний приняли участие 92 человека. В итоге были отобраны 26 высказываний, по 2 для каждого типа отношения.

Цель исследования: изучение психометрических показателей методики. Участники исследования: 92 эксперта, 79 подростков и юношей приняли участие в пилотажном исследовании, 63 в апробации.

Результаты исследования. Исследование надежности и валидности методики включало изучение описательных статистик, коэффициента согласованности α -Кронбаха, конвергентной и факториальной валидности. Общий коэффициент согласованности имеет хороший уровень ($\alpha=0,793$). В совокупности с описательными статистиками пунктов можно заключить, что некоторые пункты методики требуют пересмотра их содержания. В результате исследования конструктивной валидности были выявлены множественные ожидаемые взаимосвязи с показателями самоотношения, склонности к суициду и саморазрушающему поведению, тревоги смерти, доступности мыслей о смерти.

Для изучения структуры методики проводился факторный анализ методом главных компонент с вращением Varimax при задаче выделения 13 факторов в соответствии со шкалами методики для подтверждения вхождения всех пунктов методики в соответствующие шкалы. Накопленный процент дисперсии равен 82,8 %. Распределение пунктов по 13 факторам оказалось неравномерным и не вполне соответствующим заданной группировке пунктов по шкалам методики. Интерес вызывает то, что шкала методики «Смерть как переход в другое состояние» была выделена как самостоятельная.

Выводы. В результате исследования психометрических показателей методики были получены удовлетворительные данные надежности и валидности. В целом для получения более детальных и точных данных необходимы увеличение выборки и привлечение других возрастных групп. Проблема суицидального и отклоняющегося поведения подростков не нова для психологической науки и практики. Однако в имеющихся исследованиях и работах зачастую не принимается во внимание роль отношения к смерти и его влияния на эти феномены. Разработка методики, учитывающей данный фактор, позволит выяснить роль и специфику отношения к смерти в данный возрастной период, прогнозировать варианты саморазрушающего, в том числе суицидального, поведения, а так же пополнить психодиагностический инструментарий в рамках данной проблематики.

Карпинский К.В., Гижук Т.В.

ПСИХОДИАГНОСТИКА СМЫСЛОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Личностный смысл профессиональной деятельности в значительной мере обуславливает производительность труда, дисциплинированность, организационную лояльность, профессиональное здоровье и прочие аспекты развития и функционирования личности как субъекта профессии. В этой связи особую научную и практическую ценность приобретают методы психологической диагностики, предназначенные для выявления и измерения разных видов личностного смысла профессионального труда.

Первейшей задачей при разработке нового диагностического инструмента является обеспечение его содержательной валидности – соответствия содержания стимульного материала той области психических явлений, которая подлежит диагностике. Учитывая, что метафоры являются средством осознания и выражения личностного смысла, они могут быть использованы в качестве смыслоемкого диагностического материала. Их диагностическая ценность обусловлена тем, что личностный смысл, который несет метафора, выходит за пределы буквального значения метафорического высказывания; словесная формулировка метафоры не требует специальной экспликации того эмоционального переживания, которое обернуто в метафорическую форму.

Главная задача при создании опросника «Метафоры профессиональной деятельности» (МПД) заключалась в подборе метафор, адекватно отражающих смысловое отношение субъекта к профессиональной деятельности. В этой связи были проанализированы научные исследования концепта «труд»; фразеологические обороты на тему «карьера», «труд», «работа»; художественные описания процесса труда; бытовые высказывания людей о своей работе. Отобранные метафоры подверглись экспертизе на предмет содержательной валидности. Эксперты оценивали каждую метафору с помощью баллированной шкалы на соответствие следующим критериям: образность; лексическая простота; общеизвестность. Метафоры, набравшие по итогам экспертного оценивания минимальное количество баллов, были отсеяны.

Сконструированный опросник был подвергнут апробации на репрезентативной выборке (576 человек). По результатам эксплораторного факторного анализа по методу главных компонент с последующим варимакс-вращением была выявлена трехфакторная структура опросника. С целью валидизации выявленной факторной структуры опросника проводился подтверждающий факторный анализ по методу GLS. Расчетные значения индексов структурного соответствия для модели с тремя коррелированными факторами свидетельствуют о ее приемлемости (RMSEA=0,06, AGFI=0,90, GFI=0,92).

Окончательная редакция опросника, таким образом, включила 15 метафор, разбитых на 3 шкалы. Пункты, вошедшие в окончательную версию опросника, характеризуются достаточно высокой дискриминативностью, а шкалы – удовлетворительным уровнем консистентной и расщепленной надежности. В результате дальнейшей апробации было доказано соответствие опросника «Метафоры профессиональной деятельности» психометрическим требованиям, предъявляемым к методикам в формате стандартизированного самоотчета, в том числе доказана высокая содержательная, структурная и конструктивная валидность. С учетом семантики метафор, вошедших в состав шкал, было сделано заключение, что первая шкала манифестирует бессмысленность, а вторая и третья шкалы презентуют позитивный и негативный личностный смысл профессии. Способ расщепления опросника на шкалы соответствует теоретическим взглядам на основные модальности личностного смысла и факторным раскладам других опросников, в которых в качестве стимульного материала используются метафоры.

Опросник «Метафоры профессиональной деятельности» является одним из первых инструментов в семействе методов диагностики смысловой сферы личности, использующих метафоры в качестве стимульного материала. Учитывая преимущества метафор перед другими формами фиксации и трансляции личностного смысла данный методический прием является весьма многообещающим.

Ледовая Я.А.

ОТЧУЖДЕНИЕ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: РАЗЛИЧИЯ ПО ПОЛУ И ВОЗРАСТУ, ПОЛУЧЕННЫЕ НА ВЫБОРКЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ФЕЙСБУК»

Альберт Бандура, автор теории социального научения, с середины 80х годов развивает концепцию отчуждения моральной ответственности (moral disengagement), в которой описана совокупность из восьми когнитивных механизмов, которые «способствуют отъединению внутренних моральных стандартов от действий человека, облегчают его вовлеченность в неэтичное (противоречащее моральным нормам) поведение и помогают не переживать при этом стресс» (Moore, 2015; Bandura, 1986, 2016; Ледовая и др., 2016).

Отчуждение моральной ответственности реализуется через восемь различных механизмов, с помощью которых актор имеет возможность переформулировать для себя отношение к совершению морально осуждаемых действий. Это: моральное оправдание, эвфемистический рывок (язык), выгодное сравнение, смещение ответственности и рассеивание ответственности, игнорирование или искажение последствий, дегуманизация и атрибуция вины жертве.

В условиях каждодневного опыта коммуникации в социальных сетях современная личность оказывается в ситуации опосредованного взаимодействия, при котором увеличивается возможность нарушения моральных норм в отсутствие моральной оценки или осуждения со стороны других людей.

В онлайн-исследовании, проведенном посредством приложения в социальной сети «Фейсбук» и посвященном изучению факторов, способствующих проявлению агрессивного поведения в социальной сети, среди ряда опросников (Краткая темная триада, Шкала удовлетворенности жизнью и др.) использовалась Шкала морального отчуждения (Ледовая и др., 2016). Были получены данные 3341 российских респондентов, 1613 мужчин и 1722 женщин, в возрасте от 18 до 80 лет. Особенности распределения параметра морального отчуждения среди мужчин и женщин из России, а также среди представителей различных возрастных групп будут представлены ниже.

Были получены следующие результаты: среднее по выборке – 2,84 (SD=0,8), средние у женщин – 2,74 (SD=0,77), у мужчин – 2,96 (SD=0,4). Различия по полу статистически значимы ($F=32,828$, $p<0,001$). Размер эффекта $d=0,28$. Мужчины значимо, но умеренно превосходят женщин по этому параметру, что согласуется с данными из мировой литературы (Ледовая и др., 2016, McAlister, 2001, Bandura et al., 1996, Caprara et al., 2009). Скорее всего, присутствующие во многих культурах ожидания более нормативного подведения от женщин дают такие результаты. Данные, полученные на выборке российских пользователей сети «Фейсбук», немного выше данных, полученных автором методики С. Мур и ее коллегами (размеры эффекта при сравнении с четырьмя подвыборками таковы: 0,06 ($M=2,79$), 0,12 ($M=2,74$), 0,33 ($M=2,57$), 0,9 ($M=2,12$) (Moore et al., 2012)). Здесь одним из возможных объяснений может

послужить тот факт, что онлайн-формат опроса позволяет высказываться менее нормативно; другое объяснение связано с различиями в моральных требованиях российской и англосаксонской культур.

Нелинейная связь уровня морального отчуждения с возрастом показывает, что представители старшей возрастной группы (более 65 лет) имеют более низкий уровень морального отчуждения ($M=2,66$, $SD=0,78$) по сравнению с остальными группами, особенно с группой 25-44 года: 18-24 года ($M=2,88$, $SD=0,83$; $d=0,09$); 25-44 года ($M=2,9$, $SD=0,82$; $d=0,29$); 45-64 года ($M=2,83$, $SD=0,8$; $d=0,21$).

Можно предположить, что поколение людей, родившихся в 40-50х годах, имеет опыт особо многообразного мысленного применения моральных запретов к себе и своему поведению, в силу того, что они застали эпоху большой идеологической нагрузки, когда следование общим моральным нормам могло выполняться под угрозой разнообразных видов наказания. В то время как те, кто проходил важные этапы развития морального сознания в постсоветскую эпоху, в меньшей степени соотносят свои моральные суждения и оценку своих поступков с условными нормативами и предполагаемыми оценками других. Данное предположение нуждается в дополнительной проверке, возможно – в проведении качественных, а не количественных исследований.

Изложенные результаты могут представлять интерес для исследователей, занимающихся с проблематикой морального отчуждения на российских выборах.

Марарица Л.В., Казанцева Т.В.

ОЦЕНКА КОНСТРУКТИВНОЙ ВАЛИДНОСТИ ШКАЛЫ АЛЬТРУИСТИЧЕСКОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ*

Социальные связи человека часто рассматриваются и как богатство и как система обязательств, связывающих его с партнером или группой. Исследования нетворкинг-поведения и социального капитала показали, что люди отличаются по структуре неформальных отношений, паттерну связей в социальной сети (Почебут и др., 2014). Наше исследование посвящено нетворкинг-стратегии, позволяющей рассмотреть социальное поведение личности с точки зрения её включенности в механизмы формирования и обращения социального капитала, - «альтруистическому инвестированию» (АИ). Это просоциальная стратегия, ориентированная на накопление социального капитала. Ранее нам удалось доказать, что в основе стратегии лежат ценности доброты и универсализма (в терминах Ш. Шварца), нацеленность на общее благо и соответствующее поведение (Марарица Л.В. и др., 2018).

Целью настоящего исследования является проверка гипотезы о том, что разработанная нами шкала АИ связана со структурой этой стратегии: ценностно-мотивационным и поведенческим её компонентами.

Исследование проводилось онлайн, выборка - 258 человек: 162 - молодежь (от 18 до 29 лет, мужчин - 49,3%) и 96 - взрослые (30-65 лет, мужчин - 43,5%), жители Санкт-Петербурга и Москвы.

Методики. Стратегия АИ оценивалась при помощи самооценочной шкалы (7 пунктов, надежность - 0,75 (Марарица и др., 2016)); ценностный компонент - методикой ценностных ориентаций Шварца (Карандашев, 2004); поведенческий компонент изучался через выбор линии поведения в социальных дилеммах; мотивационно-целевой - закрытым вопросом: «Чем может руководствоваться человек, который ответил так же, как Вы»? Респондент мог отметить любое количество ответов-мотивировок из 20 предложенных, при этом только 5 из них соответствовали стратегии. Обработка и анализ данных проводились методом структурного

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

моделирования (SEM) на языке программирования R (версия 3.3.2), в среде R studio (версия 1.1.350), с помощью пакета Lavaan (версия 0.5-23.1097), для построения моделей использовался метод максимального правдоподобия.

Результаты исследования показали:

1 - что все три компонента стратегии, представленные латентными переменными в модели, по своему составу соответствуют содержанию стратегии;

2 - стратегия, оцененная при помощи шкалы АИ, связана со всеми тремя компонентами ожидаемым образом.

Значения критериев соответствия указывают на хорошую сходимость модели и данных ($CFI>0.95$, $RMSEA<0.05$, $SRMR<0.05$). Ценностный компонент значимо связан со шкалой АИ (коэффициент регрессии=0.25, $p<0.01$). Стоит отметить, что поведенческий и мотивационно-целевой компоненты сильно связаны между собой (коэффициент корреляции=0.65) и связь поведенческого компонента со шкалой АИ слаба (коэффициент регрессии=0.03, не значим), а мотивационного - на ожидаемом уровне (коэфф.регрессии=0.39, $p<0.01$). Так как мотивационный компонент измерялся как группа бинарных переменных, то он «перетягивает» предсказательный эффект на себя за счет меньшего разброса данных. При построении альтернативной модели, где исключается связь между мотивационным компонентом и шкалой АИ связь этой шкалы с поведенческим компонентом проявляется (коэффициент регрессии=0.40, $p<0.01$). Теперь поведенческий компонент играет ключевую роль, что подтверждает нашу гипотезу о коллинеарности этих двух переменных. Альтернативная модель также демонстрирует сходимость, но хуже описывает данные: по показателям теста Х2 с помощью LTR теста (теста отношения правдоподобия) модели отличаются на уровне $p<0.0001$. Стоит отметить, что в рамках проведения исследования респонденты оценивали свою мотивацию после и на материале решений, принятых ими по опросному листу дилемм - это могло вызвать сильную корреляцию между двумя факторами и привести к такому поведению модели.

Проведенный анализ показывает, что описанная нами теоретическая модель нашла подтверждения в данных, шкала АИ валидна и может использоваться для оценки этой персональной нетворкинг-стратегии, дальнейшего исследования её влияния на социальный капитал личности и группы.

**Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 17-06-00777.*

Марищук Л.В., Яценко И.В.

НАДЕЖНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТА: ИСТОРИЯ И ДИАГНОСТИКА

Первые научные исследования факторов надежности специалиста показали, что личностные характеристики (Небылицын, 1961; Ломов, 1966) в наибольшей степени определяют индивидуальные различия по надежности. Обуславливающий эффективность и качество деятельности специалиста фактор характеристик личности получил название «личный (человеческий) фактор». Изначально исследования надежности специалистов охватывали, в соответствии с динамической функциональной психологической структурой личности К.К. Платонова (Платонов, 1972), четвертую (биологически обусловленную) и третью (подструктуру форм отражения) подструктуры личности и разрабатывали понятия «оперативной» и «функциональной» надежности. Анализ проблемы человеческого фактора в конце XX - начале XXI вв. способствовал расширению области исследований: в проблеме надежности профессиональной деятельности преимущественно исследовалась вторая (подструктура опыта) и первая (подструктура направленности) подструктура, вводились понятия профессиональной (Марищук, 1969; Бодров, 1989; Рыбников, 2007), личностной (Пonomаренко, 2007; Крук, 2012), моральной (Веселова, 2006) и нравственной (Стрижов, 2011) надежности. Таким образом, все большая значимость для надежности деятельности специалистов придавалась социально обусловленным личностным факторам, в отличие от биологически обусловленных.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

В целях создания психодиагностического инструмента психологического компонента профессиональной надежности сотрудника проводится валидизация опросника «Психологическая надежность сотрудника» (оПНС). Психологическая надежность характеризует способность сотрудника сохранять необходимый уровень психологических характеристик, а в дальнейшем и профессионально значимых качеств, в условиях различной степени сложности и обеспечивается нравственной, эмоционально-волевой и гностической надежностью. Опросник подготовлен на основе текстов стандартизированных диагностических средств и включает 9 диагностических модулей.

На репрезентативной выборке (479 человек) были проверены внутренняя согласованность, содержательная, текущая, конвергентная и дискриминантная валидность опросника – составляющие конструктивной валидности.

Полученные результаты выявили высокую внутреннюю согласованность шкал оПНС (Альфа Кронбаха от 0,67 до 0,87), что свидетельствует об однородности диагностируемых свойств. Содержательная валидность проверялась с использованием экспертных оценок. Значения коэффициента конкордации Кендалла (от 0,47 до 0,71, $p < 0,00001$) свидетельствует о достаточно высоком уровне согласованности мнений экспертов на предмет соответствия суждений опросника изучаемым диагностическими модулями явлениям и высоким уровне содержательной валидности опросника. Проверка конвергентной и дискриминантной валидности подтвердила прогнозируемые корреляции ($p < 0,01$) результатов оПНС с результатами стандартизированных методик (Многофакторный личностный опросник Р. Кэттелла 16PF – версия А (187 вопросов), многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (А.Г. Маклаков), опросник «Якоря карьеры» Э. Шейна), и, одновременно, выявили прогнозируемые слабые связи или их отсутствие со свойствами, которые опросником не исследуются.

Результаты текущей валидности выявили значимые корреляции (от 0,182 до 0,280, $p < 0,01$) шкал оПНС с объективными показателями деятельности, что также является подтверждением конструктивной валидности оПНС.

В современных исследованиях главенствующая роль в обеспечении надежности профессиональной деятельности специалистов принадлежит социально обусловленным личностным факторам, объединенных в понятиях «нравственной», «личностной», «психологической» надежности. В связи с этим актуализируется проблема поиска и научного обоснования методов диагностики надежности специалистов в различных сферах деятельности. Полученные результаты свидетельствуют о конструктивной валидности оПНС – инструмента диагностики психологической надежности сотрудника.

Морозова С.В.

СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ ГРАФИКОВ И ТАБЛИЦ ПСИХОЛОГАМИ

Опираясь на опыт преподавания математических методов в психологии, мы можем говорить о существовании определенных проблем в понимании содержания файлов выводов статистических программ. Целью нашего исследования было выяснить, что конкретно происходит, когда психолог работает с таблицами и графиками, и, далее, можно ли преодолеть имеющиеся трудности. В связи с этим мы разработали эксперимент, в котором испытуемым предлагалось сопоставить графики и таблицы и найти эквивалентные. Специально сгенерированный в MS Excel для эксперимента стимульный материал предъявлялся с помощью программы PsychoPy.

В исследовании приняло участие 25 человека. Испытуемыми были магистры 1 года обучения и сотрудники факультета психологии СПбГУ. Все они обладали достаточными для участия в эксперименте знаниями в области математических методов в психологии.

Процедура обследования включала в себя следующие этапы. Сначала испытуемым предлагалось пройти корректурную пробу (Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии, 2003. С. 128-130). Благодаря этому мы смогли оценить общий уровень функционального состояния испытуемых. Это было необходимо в связи с тем, что в эксперименте замерялось время принятия решения. По результатам корректурной пробы один человек был исключен из анализа, так как его результаты были значительно хуже остальных.

Далее испытуемые оценивали уровень ситуативной тревоги, который они испытывали в связи с предстоящим обследованием. В целом у сотрудников факультета психологии уровень тревоги оказался выше, чем у студентов. Впрочем, на результаты эксперимента это статистически значимого влияния не оказало. Кроме собственно ответа испытуемых на вопрос также фиксировалось время реакции. Эта переменная в дальнейшем была использована в качестве ковариаты при расчете дисперсионного анализа.

Собственно эксперимент предполагал предъявление графика и трех вариантов таблиц, один из которых соответствовал графику (столбчатой диаграмме). Сначала испытуемые проходили тренировочную сессию, после чего переходили к зачетной, результаты которой были подвергнуты статистической обработке. Стимульный материал варьировался по двум параметрам: количеству градаций признаков и устойчивостью/вариативностью названий строк и столбцов таблиц. В итоге испытуемые оценивали стимульный материал размерностью от 4 до 9.

После выполнения экспериментальных заданий испытуемым предлагалось оценить, насколько часто они использовали различные стратегии при принятии решения: 1) ориентировались только на названия строк и столбцов, 2) ориентировались только на числа, 3) использовали смешанную стратегию, обращая внимание как на названия строк и столбцов, так и на числа.

Анализ полученных данных осуществлялся с помощью трехфакторной ANCOVA ($3 \times 3 \times 2$). Для удобства расчетов мы использовали не сырые данные о времени реакций, а вычислили их логарифмы. Были получены два статистически значимых главных эффекта. Для фактора размерность: $F(2,699) = 12.044$, $p < 0.001$, $\eta^2 = 0.033$. Чем больше размерность стимульного материала, тем больше времени требовалось испытуемым на принятие решения. Для фактора группа $F(2,699) = 4.256$, $p = 0.015$, $\eta^2 = 0.012$.

Результаты позволяют сделать вывод о том, что при оценке эквивалентности графиков и таблиц испытуемые сталкивались с действием закона Хика. Чем больше размерность оцениваемых стимулов, тем больше времени требуется на принятие решения. Кроме того, испытуемые-магистры, которые имели дело со стимульным материалом, в котором варьировались названия строк и столбцов, статистически значимо дольше давали ответы. При этом статистически значимых различий во времени выполнения заданий между магистрами и сотрудниками факультета психологии не обнаружено.

Муравьева О.И., Литвина С.А.

ТОМСКИЙ ОПРОСНИК ИДЕНТИЧНОСТИ С ГОРОДОМ

Растущая необходимость персонального личностного выбора человеком своей позиции, пути развития, мест и пространств реализации своего потенциала в контексте противоречивых социокультурных тенденций, в том числе и сложной трансформации городов, обостряет интерес исследователей к феномену городской идентичности (Belanche, Casalo, Orús, 2016; Озерина, 2016 и др.). Многие авторы (Bernardo, Palma-Oliveira, 2016; Понукалина, Логинова, 2016) подчеркивают необходимость таких исследований для решения значимых социально-экономических проблем: формирования городского сообщества и брендинга городов,

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

повышения качества жизни и субъективного благополучия горожан, управление динамикой миграционных процессов и стратегиями индивидуальной мобильности. При этом одной из существенных проблем в изучении идентичности с городом является дефицит исследовательского инструментария.

В связи с чем целью нашего исследования стало создание современного опросника, позволяющего изучать актуальные аспекты данного феномена.

В основу разработки опросника легли современные представления об идентичности с городом, понимаемой как самоопределение человека в городской среде. Предлагаемый опросник включил в себя не только традиционно выделяемые измерения идентичности (когнитивные, эмоциональные и оценочные), репрезентирующие восприятие человеком себя как части определенного места, его привязанность к этому месту и оценку своего города в сравнении с другими местами, но и показатели, отражающие готовность действовать в интересах города, его развития, то есть поведенческий аспект идентификации.

Первоначальный вариант опросника включал 30 вопросов, сгруппированных по четырем шкалам: 1) Восприятие города, его социокультурной среды как ресурса для жизнедеятельности и самоосуществления сегодня и в перспективе; 2) Чувство принадлежности и солидарности с горожанами, эмоциональной привязанности, ощущения города как важной части своего Я; 3) Оценка города как города с характерными особенностями, отличного от других городов, обладающего уникальностью; 4) Личный вклад в жизнь города. Проверка валидности и надежности опросника осуществлялась с участием 156 респондентов, проживающих в г. Томск. Опрос проводился в период с сентября по декабрь 2017 года.

Измерение конструктивной валидности с использованием методологии конфирматорного факторного анализа показало, что гипотеза о наличии и общем смысле подсистем идентичности с городом подтвердилась полностью, однако гипотеза о составе этих подсистем полного подтверждения не нашла. В результате чего был определен окончательный вариант опросника, включающий в себя 23 вопроса, сгруппированных в пять шкал: 1) Чувство принадлежности к городу и вера в его возможность, 2) Эмоциональная привязанность и чувство близости, 3) Город как обладающий уникальностью, 4) Личный вклад в жизнь города, 5) Планирование будущего, связанное с городом.

Для проверки внешней валидности в качестве валидизирующего основания была использована методика «Кто я?» М. Куна, Т. Макпартленда в двух вариантах – классическом и варианте, направленном на выявление установок индивида по отношению к своему городу. Во втором случае респонденты в свободной форме заканчивали фразу «Томск для меня ...». В результате применения рангового дисперсионного анализа по критерию Краскела-Уоллиса обнаружилась смысловая близость шкал нашего опросника с категориями самоидентификации и идентификации с городом по методикам «Кто Я?» и «Томск для меня ...». На основе этого нами был сделан вывод о том, что Томский опросник идентичности с городом обладает признаками внешней валидности.

Для проверки надежности применялись методы описательной статистики, дисперсионный анализ, анализ с использованием коэффициента α -Кронбаха, метод анализа главных компонент (тета-надежность) и корреляционный анализ. Основные параметры и характер распределения значений по всем вопросам теста и ретеста оказались идентичны, интервалы для стандартных ошибок не имели заметных сдвигов в ходе ретеста, коэффициенты корреляции между тестом и ретестом статистически значимы, что доказывает надежность методики.

Таким образом, можно констатировать, что «Томский опросник идентичности с городом» может быть использован как валидный и надежный инструмент для эмпирических исследований, направленных на изучение актуальных аспектов феномена идентичности с городом.

Наследов А.Д., Мирошников С.А.

РАЗРАБОТКА КОРОТКИХ ШКАЛ ДЛЯ РАННЕЙ ДИАГНОСТИКИ ЗАДЕРЖКИ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ 4 - 5 ЛЕТ*

К инструментам диагностики в психологии развития традиционно предъявляются высокие психометрические требования. Однако на современном этапе все более актуальными становятся также оперативность и гибкость этих инструментов: возможность проведения экспресс-скрининга на больших группах с целью раннего выявления «проблемных зон» и возможность дополнения набранных данных для уточнения «тревожных» результатов скрининга. Даже при неполной определенности (в плане классификации нарушения), раннее выявление еще не четко выраженной проблемы (в возрасте 3-5 лет) позволит вовремя уделить внимание для наблюдения и уточнения диагноза и, что более важно, позволит запланировать дополнительные развивающие или коррекционные занятия, которые только на раннем этапе могут существенно изменить перспективы развития. Традиционные методики и подходы, рассчитанные на фиксацию явных нарушений развития и их классификацию, работают на позднем этапе, часто в возрасте 6-7 лет, где коррекция наименее эффективна. При этом для любого из этих возрастных этапов в России проблемой является отсутствие широко доступных специалистам методик для детей дошкольного возраста, отвечающих стандартным требованиям (надежность и валидность, современные нормы, легальность распространения). Поэтому мы начали работать над созданием системы экспресс-мониторинга психического развития детей, для начала в возрастных диапазонах 4 и 5 лет.

Целью была разработка коротких шкал, позволяющих достаточно точно оценить вероятность задержки психического развития. Лаконичность шкал может быть обеспечена отбором из большого объема исходной информации (в т.ч. возраста в днях и различных деталей выполнения заданий) наиболее чувствительных эмпирических индикаторов современными инструментами математического моделирования и статистического анализа. С этой целью мы провели исследование факторной структуры признаков, наиболее достоверно дифференцирующих развитие ребенка в норме и с задержкой психического развития. К последней группе относятся «смешанные специфические расстройства психологического развития» (F83 по МКБ-10), а также начальные проявления более широкой группы расстройств психологического развития (F80-F89, по МКБ-10), существенным компонентом которых является задержка развития.

Всего было обследовано 628 четырехлетних детей (575 группы Норма и 53 группы ЗПР) и 604 пятилетних детей (527 группы Норма и 77 детей группы ЗПР). Заключения о наличии ЗПР сделаны до начала обследования представителями консультативных центров и комиссий.

Для сбора данных мы использовали методику «Многофакторное исследование развития» в составе программного комплекса «Лонгитюд». В ней используется массив из 502 пунктов, разных по форме (формализованные наблюдения, вопросы, задания), охватывающих широкий спектр способностей (от моторики до когнитивного и социального развития) и подбираемых в зависимости от календарного возраста (от 2 месяцев до 7 лет). Широкий спектр получаемых сырых данных позволил избежать ограничений на факторную структуру, задаваемых субтестовой факторной структурой традиционных тестов способностей. В данном исследовании использовались 236 пунктов (заданий) для четырехлетних детей и 349 пунктов для пятилетних.

С применением факторного и дискриминантного анализа выявлены по три шкалы для каждого возраста (по 6-7 пунктов в каждой), в совокупности наиболее точно предсказывающих Диагноз (Норма/ЗПР). Шкалы для разных возрастных диапазонов совпали по типу

объединенных в каждом из них пунктов (для 4-леток – более простые, а для 5-леток – более сложные): «Логическое суждение»; «Моторика»; «Общая осведомленность» (перечислены в порядке убывания вклада в предсказание). Моделирование структурными уравнениями (SEM) подтвердило, что эти шкалы – индикаторы общего фактора способностей (G), который и является главным предиктором Диагноза, а Возраст (в днях), являясь существенным предиктором Диагноза, оказывает непосредственное влияние не на Диагноз, а на указанные индикаторы G.

Основной результат исследования – разработка коротких шкал для экспресс-диагностики, позволяющих выявить «группу риска» среди детей четырех и пяти лет, с чувствительностью и специфичностью прогноза не ниже 95%, что значительно превышает существующие стандарты для скрининговых тестов.

**Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00989/17- ОГОН «Лонгитюдное исследование прогнозных паттернов задержки психомоторного развития детей дошкольного возраста».*

Цветков В.В.

УВАЖЕНИЕ КАК ЕДИНИЦА ВОСПИТАННОСТИ

Выделение единицы измерения, «кванта» какого-либо феномена является наиболее сложной проблемой в методологии познания, поскольку такая единица должна обладать системными свойствами. Но не все явления поддаются описанию, измерению и «квантированию» из-за сложности их природы. Одним из таких явлений является воспитанность как результат воспитания.

Под воспитанием понимается «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства» (Федеральный Закон от 29.12.2012 №273 «Об образовании в Российской Федерации»). Соответственно, результатом воспитания должны стать некие качества личности, отражающие цель и результат воспитания.

В концепции В.Н. Мясищева отношение выступает в качестве «первоосновы», «первоматерии», «субстанции», «вещества» личности (Мясищев, 1995), а сама личность представляет собой систему отношений. «Личность – высшее интегральное понятие. Личность – это, прежде всего, система отношений человека к окружающей действительности. В анализе эту систему можно дробить на бесконечное количество отношений личности к различным предметам действительности, но как бы в данном смысле эти отношения частичны не были, каждое из них всегда остается личностным» (Иовлев, Карпова, 1991). Однако личность невозможна без усвоения культурного опыта и норм. С какого момента отношение становится «культуросообразным» у человека? В этом смысле отношения представляют собой некую иерархическую структуру, отражающую аналогичное свойство общества и культуры. Условно на первой ступени лежат отношения, которые относятся к витальным. На второй ступени будут отношения, связанные с идентичностью человека другим людям, сообществам, историческим явлениям, традициям. Отношения «приобщения» рано или поздно приобретают личностный смысл и становятся частью аксиологической сферы личности и проявляются не только на эмоциональном, когнитивном и мотивационно-поведенческом уровнях, но и на символическом уровне. Теперь отношения приобретают глубоко личностный смысл. Именно на этом уровне проявляется их культурная составляющая, которая, с одной стороны определяет степень включенности человека в систему отношений, а с другой – проявляет сугубо индиви-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

дуальную интимность отношения уже к своей системе отношений на символическом уровне. Это выводит личность на уровень сигнификативных отношений – высшую форму отношения человека к чему-либо.

Итак, начиная со второй ступени в описанной нами условной конструкции, мы приходим к выводу, что таким отношением является уважение – «квант» воспитанности. Уважение проявляется на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровнях. Уважение приобретает смысл, когда усваивается система личностных, межличностных, надличностных ценностей. Символичность проявления уважения особенно отчетливо видна в проявлении воспитанности на поведенческом уровне. Наивысшее проявление уважения проявляется в отношении к сакральному, в котором всегда есть глубина чувств, признание ценности, поклонение (преклонение) почти буквально проявляющееся в поведении.

Выделение уважения как единицы воспитанности позволило нам создать стандартизированный «Опросник воспитанности и нравственного развития». Стандартизация проводилась на 1200 школьниках 5-11 классов (11-17 лет) общеобразовательных школ Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2014-2016 гг. Апробация взрослого варианта проводилась на 480 студентов и взрослых (18-55 лет) Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2011-2012 гг. Стандартизация проводилась на 1432 взрослых в 2013-2016 гг.

Дальнейшее изучение воспитанности показало, что уважение к людям тесно связано с самоуважением (чувством собственного достоинства), а сама воспитанность является личностным качеством, тесно связанным как с индивидуальными характеристиками, так и культурно-средовыми. Воспитанность – есть личностное свойство, главным проявлением которого является уважение. Уважение – это особое отношение человека, определяющее его взаимосвязь с явлениями культуры, истории, людьми, которое проявляется на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровне.

Шейнов В.П.

РАЗРАБОТКА НАДЕЖНОГО И ВАЛИДНОГО ТЕСТА ВИКТИМНОСТИ

ВЗРОСЛОГО ИНДИВИДА

Виктимность – склонность стать жертвой несчастного случая, преступления или иных действий.

Имеющиеся экспериментальные исследования виктимности сосредоточены на виктимности подростков, что объясняется наличием соответствующего теста (Андронникова, 2004) для подростков и отсутствием такового для взрослых. Последнее обстоятельство сдерживает экспериментальные исследования взрослых индивидов. В ходе анализа зарубежной литературы также не удалось обнаружить методического инструмента, главным проявлением которого является уважение. Поэтому целью данного исследования явилась разработка надежного и валидного теста для оценки степени виктимности взрослого индивида.

Задания для соответствующего опросника, дифференцирующие степени проявления виктимности, получены с помощью комбинации экстернальной, дедуктивной и индуктивной стратегий. Экстернальная стратегия основывается на сравнении контрастных групп. В соответствии с дедуктивной стратегией отобраны тестовые задания, непосредственно связанные с проявлениями диагностируемого свойства. Индуктивная стратегия позволила сократить первоначальное количество тестовых заданий посредством анализа корреляционных связей между наблюдаемыми переменными, «позволяя данным говорить самим за себя» (Бурлачук, 2010. С. 166).

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

Было проведено пилотажное исследование, к которому участвовали две контрастные группы испытуемых: 389 невиктимных и 400 виктимных. Сравнительный анализ показателей данных групп позволил отобрать дифференцирующие задания, общие для мужчин и женщин. В окончательную версию дифференцирующих шкал были включены только дискриминативные задания, ответы на которые измеряют те же личные характеристики, что и сама шкала. Дискриминативность заданий была проверена с помощью коэффициентов корреляции каждого задания с общим баллом шкалы. Они были вычислены для всех пунктов дифференцирующих шкал, затем были удалены те задания, коэффициенты корреляции с общим баллом шкалы которых оказались меньшими, чем 0,2. Необходимым условием надежности создаваемого теста является внутренняя согласованность (гомогенность) всех входящих в него шкал. Мера гомогенности - стандартизованная α -Кронбаха оказалась недостаточно высокой, как для исходных, так и для большинства дифференцирующих шкал. В результате применения в два приема имеющейся в SPSS процедуры « α -Кронбаха при удалении пункта» (Наследов, 2005) была удалена часть заданий, что привело к увеличению гомогенности шкал до приемлемых показателей. После всех проведенных сокращений количество пунктов опросника сократилось с 86 до 40.

Показано, что сконструированный тест виктимности для взрослых удовлетворяет трем стандартным критериям надежности (гомогенность, надежность частей теста, ретестовая устойчивость). Разработанный тест валиден, поскольку удовлетворяет всем известным критериям валидности: валидизации в процессе конструирования теста, валидности содержательной, «очевидной», текущей и прогностической, консенсусной, конструктивной, конвергентной, контрастной, гендерной.

Шкалы (субтесты) теста диагностируют семь типов виктимности: общую и реализованную виктимность, склонность к агрессивному, саморазрушающему, зависимому и некритичному типу виктимного поведения и степень незащищенности от манипуляций.

Виктимность взрослых, диагностированная разрабатываемым тестом, положительно коррелирует, как и у виктимных подростков (Андронникова, 2004; Dempsey, Storch, 2008; Lee et al., 2016; Dempsey, Storch, 2008; Betts, Houston, Steer, 2015) со склонностью к рисковому поведению, с тревожностью, депрессией и низким самоуважением. Виктимность взрослых обнаружила отрицательные связи с асертивностью: все перечисленное отвечает сущности виктимности.

Стандартизация разработанного теста виктимности для взрослых была проведена на репрезентативной выборке, состоящей из 563 мужчин и 513 женщин. Репрезентативность выборки обеспечена широкой представленностью испытуемых по полу, возрасту (18-76 лет), образованию, профессии, должностному положению, социальному статусу, региону проживания, а также подтверждается нормальным распределением результатов тестирования.

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Галкина Е.В., Краснощекова С.В.

ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В НАРРАТИВАХ МОНО- И ДВУЯЗЫЧНЫХ ИНФОРМАНТОВ С РАЗНОЙ СТЕПЕНЬЮ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВЫХ НАВЫКОВ

Целью данного исследования было выяснить, насколько речевое окружение и степень развития языковых навыков влияют на формирование и использование тех или иных способов вербализации психического состояния. Предполагалось обнаружить характерные комбинации использования тех или иных лексических средств для каждой из групп информантов. Материал исследования был собран на основе анализа нарративов по серии картинок MAIN (Gagarina, 2012), полученных от нескольких групп информантов: (1) русскоязычные дети (4–5 лет, $n=20$) с нормальным (НР) речевым развитием; (2) русскоязычные дети (4–5 лет, $n=20$) с диагнозом ОНР «общее недоразвитие речи» I-II степени; (3) дети-билингвы (БЛ) из двуязычных семей, постоянно проживающие в Швеции (7–9 лет, $n=18$); (4) взрослые-инофоны (ИФ), изучающие русский язык как иностранный (20–25 лет, $n=23$); (5) контрольная группа (ВЗ): взрослые русскоязычные студенты (18–20 лет, $n=29$). В целом информанты чаще всего акцентировали внимание на описании процессов ментального состояния (94% НР, 87% ОНР, 75% БЛ, 89 % ИФ) и восприятия (90% НР, 81% ОНР, 44% БЛ, 97% ИФ) в меньшей степени упоминались физическое (78% НР, 43% ОНР, 16% БЛ, 57% ИФ), эмоциональное состояние (63% НР, 50% ОНР, 44% БЛ, 89% ИФ) и речевое поведение (44% НР, 5% ОНР, 20% БЛ, 27% ИФ). Наибольшие различия выявлены при описании ментальных процессов, а также физиологического состояния и речевого поведения героев. В группе русскоязычных взрослых наблюдались максимальная частота (89–93%) и лексическая вариативность описания. Рассказы русскоязычных детей с ОНР отличаются меньшей вариативностью по сравнению с НР, (однако, более разнообразны по лексическому составу, чем у БЛ). В нарративах детей с ОНР практически отсутствует описание речевого поведения персонажей, а физическое состояние героев упоминается значительно реже, чем в рассказах НР. Прямые и косвенные способы передачи в равной степени отмечаются как в речи детей с НР, так и с ОНР (прямые: ментальное 30% НР, 32% ОНР, физическое 100% НР, 100% ОНР, эмоциональное 60% НР; 46% ОНР; косвенные: ментальное 70% НР, 68% ОНР, физическое 0% НР, 0% ОНР; эмоциональное 40%; НР, 54% ОНР). Дети БЛ в целом менее склонны акцентировать внимание на описании психического состояния героев истории, характерно преобладание прямых способов (прямые/косвенные (%): ментальное 75/4, физическое 14/2, эмоциональное 35/9) и малое лексическое разнообразие. При этом, по сравнению с русскоязычными информантами обеих групп, процессы восприятия и эмоциональное состояние упоминаются детьми с НР. Кроме того, наблюдаются различия в прямых и косвенных способах выражения эмоционального и ментального состояния: как и дети БЛ, взрослые ИФ прибегают к косвенным способам реже своих русскоязычных сверстников (прямые/косвенные (%): ИФ: ментальное 78/35, физическое 27/35, эмоциональное 84/54; ВЗ: ментальное 75/64,

физическое 84/36, эмоциональное 84/64). Наблюдаемое речевое поведение билингвов, скорее всего, связано как с недостаточностью языковых средств, так и с общей трудностью выражения на неродном языке не прямых смыслов. Таким образом, формирование и использование тех или иных способов вербализации психического состояния детерминировано не только речевым окружением и степенью развития языковых навыков, но и, вероятно, уровнем развития когнитивных механизмов. Обе группы взрослых демонстрируют одинаковое речевое поведение при описании ментальных и эмоциональных состояний и процессов восприятия. Взрослых от детей резко отличает описание эмоций. Описание физического, эмоционального состояния и речевого поведения персонажей можно считать в наибольшей степени связанным с уровнем владения языком.

Гершкович В.А., Урих Д.К.

ВЛИЯНИЕ ИНСТРУКЦИИ НА ИГНОРИРОВАНИЕ СЧЕТА ИГРЫ НА ВЫПОЛНЕНИЕ СЕНСОМОТОРНОГО НАВЫКА В СИТУАЦИИ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОГО ДАВЛЕНИЯ*

Наше исследование было посвящено феномену срыва навыка в ситуации соревновательного давления (choking under pressure). Одним из факторов, который может приводить к такому срыву может быть текущий счет игры (проигрыш vs выигрыш) (Jordet et al., 2009; Worthy et al., 2009; Гершкович, Урих, 2017). Это хорошо известно тренерам, которые иногда ставят задачу: «не смотри на счет», «не думай о счете» и т.п. Насколько может быть эффективна такая инструкция? Результаты некоторых исследований свидетельствуют о том, что в ситуации эмоционального давления испытуемые выполняют как раз то действие, которое запрещено или нежелательно. В исследовании Вегнера с коллегами (Wegner et al., 1998) в задаче игры в гольф испытуемых просили стараться «только не перелететь за лунку». Результаты показали, что в условиях более высокой когнитивной нагрузки испытуемые более вероятно промахивались именно в запрещенном направлении. В исследовании Уилсона и коллег (Wilson et al., 2009) с помощью методики регистрации движения глаз было показано, что в условиях эмоциональной нагрузки футболисты, выполняя пенальти, ошибочно выполняют удар прямо во вратаря, что сопровождается большим количеством фиксаций взгляда именно на вратаре.

Цель нашего исследования заключалась в том, чтобы проверить, смогут ли испытуемые в ситуации соревновательного давления выполнять инструкцию на игнорирование и оценить, какое влияние окажет эта инструкция на выполнение сенсомоторной задачи. В исследовании приняло участие 39 испытуемых в возрасте от 18 до 35 лет (в итоговый анализ вошли данные 32 испытуемых, отсев был связан с техническими сбоями в ходе регистрации движений глаз). В качестве основной экспериментальной задачи использовалась игра в виртуальный гольф (Гершкович, Урих, 2017). Задача игрока – попасть шариком в лунку. Управление дальностью полета шарика осуществлялось через нажатие и удержание клавиши «пробел». Моделировалась ситуация соревнования – игра с подставным соперником, а также ситуация проигрыша. На первом этапе испытуемые тренировались, на втором – организовывалось «соревнование» за денежный приз. Одной группе испытуемых перед соревнованием предъявлялась инструкция, подчеркивавшая важность слежения за очками соперника, а другой – инструкция, требовавшая игнорировать демонстрируемый на экране счет. На всем протяжении эксперимента регистрировались движения глаз испытуемых. Нами были выделены две зоны интереса: «свой счет» и «счет соперника». Анализировалась суммарная длительность фиксаций в зоне интереса в каждой экспериментальной группе. А также точность выполнения действий. Результаты.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Нам не удалось обнаружить влияние инструкции (нацеленной на слежение за счетом или его игнорирование) на эффективность испытуемых в ситуации соревнования. Мы также не обнаружили статистических отличий в суммарной длительности фиксации на счете соперника между экспериментальными группами. Однако мы обнаружили, что суммарная длительность фиксации на собственном счете была значимо дольше у группы игнорирования, чем у группы слежения ($p=0,02$). Мы предположили, что испытуемые пытались выполнить инструкцию и уделить внимание собственному счету, «компенсируя» неудачу выполнения задачи на игнорирование. Мы проанализировали время, затрачиваемое на подготовку к удару, и выяснили, что группа игнорирования тратит значимо больше времени на подготовку к следующему выстрелу ($p=0,04$).

Таким образом, нам не удалось показать наличие интерференционного эффекта (Аллахвердов, 2000) – преувеличенного внимания к счету соперника и снижения эффективности выполнения задачи в группе «игнорирования», однако был обнаружен эффект «компенсации» – преувеличенное внимание к собственному счету, что, в свою очередь, вероятно, приводит к увеличению времени подготовки к удару, не сопровождаясь при этом ростом эффективности. В постэкспериментальном интервью о такой произвольной стратегии испытуемые не сообщали.

**Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00376 А.*

Гольштейн Ю.Р., Щербакова О.В.

ПОНИМАНИЕ ПЕРЕНОСНОГО СМЫСЛА ВЕРБАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ, ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И THEORY OF MIND: ЕСТЬ ЛИ СВЯЗЬ?

Понимание переносного смысла – одна из ключевых способностей, характеризующих понятийное мышление (Веккер Л.М., 1998; Рубинштейн С.Л., 2002). В психологических исследованиях предпринимаются попытки раскрыть когнитивные механизмы этой способности (Grice H.P., 1975; Pelletier J., Beatty R., 2015), однако сам процесс понимания переносного смысла остается плохо изученным. Мы предположили, что эмоциональный интеллект (ЭИ) и theory of mind (ToM) участвуют в его реализации: высокие показатели ЭИ и ToM обеспечивают полноценную реконструкцию переносного смысла. Целью нашей работы было проанализировать связь полноты понимания переносного смысла текстов с ЭИ и ToM. Для этого нами было проведено 4-хэтапное эмпирическое исследование ($n = 30$; 18 – 31 г.; ср. $t = 150$ мин.), включавшее:

- 1) контроль уровня психометрического интеллекта (методика «Стандартные прогрессивные матрицы» Дж. Равена);
- 2) измерение уровня ЭИ (опросник «ЭмИн» Д.В. Люсина);
- 3) проведение глубинного полуструктурированного интервью для оценки полноты понимания переносного смысла вербальных текстов (исследовательская методика Е.А. Никифоровой и О.В. Щербаковой (Никифорова Е.А., Щербакова О.В., 2017)). Стимульный материал методики представляет собой 9 притч, организованных в 3 набора по 3 притчи в каждом. Задача испытуемого – проанализировать каждую из 9 притч и объединить 2 притчи из каждого набора так, как ему кажется правильным. Показателями полноты понимания переносного смысла выступают глубина понимания каждой притчи (оценивалась по 3-балльной шкале: 0 б. – понимание на буквальном уровне, 1 б. – на житейском, 2 б. – на высоко обобщенном) и успешность объединения притч на основе существенного признака;

4) измерение уровня функционирования ТоМ (методика «Reading the Mind in the Eyes» в адаптации Е.Е. Румянцевой).

Было показано, что 16% интерпретаций притч носили буквальный характер, 58% – житейский, и лишь 26% сопровождалась полной реконструкцией переносного смысла. Корреляционный анализ (глубина понимания и ЭИ: $r = -0,24$; $p > 0,05$; глубина понимания и ТоМ: $r = -0,30$; $p > 0,05$; успешность объединения и ЭИ: $r = -0,30$; $p > 0,05$; успешность объединения и ТоМ: $r = 0,05$; $p > 0,05$) и регрессионный анализ (оценка криволинейности) не выявили однозначной связи между исследуемыми параметрами. Кластерный анализ подтвердил на эмпирическом уровне теоретическое предположение о существовании именно 3-х уровней глубины понимания переносного смысла текстов. Дисперсионный анализ показал, что уровень ЭИ у лиц со средним уровнем понимания притч статистически значимо ниже уровня ЭИ у лиц с низким и высоким уровнями понимания притч ($F = 4,159$; $p = 0,027$; $t = -2,866$; $p = 0,008$). Различий по ЭИ между группами испытуемых с низким и высоким уровнями понимания притч не было обнаружено ($t = -0,150$; $p > 0,05$). Столь необычный результат мы объясняем особенностями опросника «ЭМИн», чувствительного, как и любой опросный метод, к уровню самооценки испытуемого, и особенностями оценивания экспертами-психологами нестандартных интерпретаций притч. Различий между 3-мя группами испытуемых, соответствующих 3-м уровням глубины понимания притч, по критерию ТоМ нами не было выявлено ($F = 0,195$; $p > 0,05$).

Полученные результаты не позволяют сделать вывод о существовании однозначной взаимосвязи феномена понимания переносного смысла с ЭИ и ТоМ. На основе ранее проведенных исследований (Никифорова Е.А., Щербакова О.В., 2017; Shcherbakova, Nikiforova, 2018) и результатов проведенного нами математико-статистического анализа можно сделать вывод о том, что понимание переносного смысла – самостоятельный психологический конструкт, задействующий собственные когнитивные механизмы и не сводимый к другим психологическим конструктам, в том числе к ЭИ или ТоМ. Мы полагаем, что уровни ЭИ и ТоМ выше среднего являются необходимым, но не достаточным условием для полноценного понимания переносного смысла. Возможно, более существенную роль играют социальные и культуральные факторы, о чем свидетельствуют ранее полученные данные (Chia K., 1995; Iwuiji S.O., 2014).

Кокотек С.Э., Струкова Д.В.

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ У ЗАВИСИМЫХ ОТ ИНТЕРНЕТА И ИГРОКОВ В КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ

На данный момент имеются две разные точки зрения относительно влияния компьютерных игр на когнитивную сферу: с одной стороны, указывается, что компьютерные игры не способствуют развитию воображения, критического и аналитического мышления. По другим данным, компьютерные игры способствуют развитию наглядно-действенного мышления, стратегического планирования, вербальной и невербальной креативности. Войскунским А.Е. было проведено исследование, направленное, в первую очередь, на выявление когнитивно-стилевой специфики взрослых геймеров с учетом неоднородности данной группы (Войскунский А.Е., Богачева Н.В., 2015). По результатам исследования был сделан ряд выводов, из которых нас интересовал следующий: высокая полнезависимость и гибкий познавательный контроль характерны для наиболее активных игроков в компьютерные игры, в то время как высокая рефлексивность — для менее активных игроков. Нами была выдвинута гипотеза, предполагающая преобладание стилей полнезависимости и гибкости познавательного контроля у игроков в компьютерные игры; преобладание стилей полнезависимости и ригидности познавательного контроля у интернет-зависимых. Базой эмпирического исследования являлись ВГУ,

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Гимназия им. академика Н.Г. Басова, Музыкальный колледж им. Ростроповичей, БПОУ ВО Воронежский базовый медицинский колледж, интернет-ресурсы. Объем выборки составил 195 человек. Использованные методики: Тест Кимберли Янг на интернет-зависимость (модифицированная версия), Методика «Фигуры Готтшальдта» (Готтшальдт (Gottschaldt) Курт Бруно), Методика словесно-цветовой интерференции (Тест Струпа) (Холодная, 2004). Интернет-зависимость была выявлена у 27% опрошенных, игровая активность у 28%, не выявлены интернет-зависимость и игровая активность у 31%, выявлены интернет-зависимость и игровая активность у 14% опрошенных. По результатам изучения такого параметра когнитивного стиля как полезависимость/полenezависимость (Методика «Фигуры Готтшальдта») в группе интернет-зависимых было выявлено: полезависимость у 73% испытуемых и полenezависимость у 27% испытуемых. В группе игроков в компьютерные игры: полезависимость у 65% испытуемых и полenezависимость у 35% испытуемых. По результатам изучения такого параметра когнитивного стиля как гибкость/ригидность когнитивного контроля (Методика словесно-цветовой интерференции) в группе интернет-зависимых было выявлено: ригидность у 85% испытуемых и гибкость у 11% испытуемых, а также у 4% не выявилось предрасположенности к определённому стилю. В группе игроков в компьютерные игры: ригидность у 83% испытуемых и гибкость у 13% испытуемых, а также у 4% не выявилось предрасположенности к определённому стилю. В результате статистической обработки результатов (Критерий Фи-шера, Критерий Стьюдента) нами было выявлено: 1. Преобладание полезависимости является особенностью когнитивных стилей у интернет-зависимых; 2. Преобладание ригидности является особенностью когнитивных стилей у интернет-зависимых; 3. Гибкость не является особенностью когнитивных стилей у игроков в компьютерные игры; 4. Гибкость познавательного контроля в большей степени присуща игрокам в компьютерные игры, чем интернет-зависимым. В итоге можно утверждать, что проведение большого времени за компьютером может являться комфортной почвой для формирования полезависимого поведения, особенно это будет проявляться у интернет-зависимых людей. Для игроков в компьютерные игры полезависимость будет также означать игнорирование внешних стимулов и избегание новых ситуаций, но со своими особенностями. Игнорирование внешней среды будет связано с погружением в игровое пространство и должно уменьшаться после завершения игровой сессии. Избегание нового может быть связано с предпочтением определённого класса игр. Таким образом, можно сделать вывод, что предрасположенность к интернет-зависимости скорее будет встречаться среди полезависимых людей.

Костина Д.И., Аллахвердов В.М.

НЕГАТИВНЫЙ ЭФФЕКТ СООТВЕТСТВИЯ И КОГНИТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ*

Под негативным праймингом (НП) понимают замедление реакции на целевой стимул после предъявления связанного прайма. Негативный эффект соответствия (NCE) — это один из видов НП, возникающий при предъявлении маскированных праймов в простых задачах с бинарным ответом (таких как идентификация стрелок). NCE связывают с торможением на уровне моторного ответа (Eimer, Schlaghecken, 2003) — предполагается, что его механизм отличен от механизма, лежащего в основе других видов НП (см. Frings, Schneider, Fox 2015). Мы предположили, что общим объяснением для NCE и других видов НП, может служить концепция последействия негативного выбора (Аллахвердов, 1993, 2000), согласно которой специальный когнитивный механизм принимает решение о том, какую часть поступающей информации осознать, а какую — нет, и имеет тенденцию повторять принятое решение. В этом случае замедление ответа является лишь следствием замедления осознания стимула. Так,

в предыдущем эксперименте мы обнаружили, что эффект NCE сохраняется даже тогда, когда на любой целевой стимул требуется давать один и тот же ответ. «Классический» НП требует для своего возникновения высокого уровня когнитивного контроля (напр., Chao, Yeh, 2008). В данном исследовании изучалась связь между уровнем контроля и возникновением эффекта NCE. Для повышения контроля в процедуру были добавлены «по-го»-пробы (пробы, в которых нужно было воздержаться от ответа). Предполагалось, что доля ошибок в таких пробах будет отражать то, в какой мере ответы контролируются сознанием. Также на внутригрупповом уровне варьировались: тип прайма (совпадает / не совпадает с целью); тип ответа («один ответ» / «разные ответы»); интервал между началом предъявления прайма и цели (SOA: 67 / 167 мс). Ожидалось обнаружить НП для SOA 167 мс (см., Eimer, Schlaghecken 2002); ожидалось также, что более выраженный НП будет наблюдаться у испытуемых, совершивших меньше ошибок в «по-го»-пробах. В «го»-пробах целевая стрелка имела черный цвет, в «по-го»-пробах — темно-серый. В каждой пробе предъявлялись: фиксационный крест (500 мс), пустой экран (400 мс), прайм (17 мс), маска (50 мс в условии «SOA 67» / 100 мс в условии «SOA 167»), пустой экран (50 мс, только в условии «SOA 167»), целевой стимул (100 мс). Далее в «по-го»-пробах следовала пауза в 600 мс, во время которой испытуемый мог дать ответ (тогда появлялось сообщение «Ошибка!»). В «го»-пробах в условии «разные ответы» требовалось как можно быстрее нажать на клавишу, соответствующую направлению стрелки. В условии «один ответ», поняв направление стрелки, нужно нажать на «пробел», и лишь затем после специального сигнала указать направление. Выборку составило 16 человек (13 жен., 3 муж., возраст: 18-34 лет). При проведении ANOVA («тип прайма» × «SOA») для условия «разные ответы», был обнаружен эффект взаимодействия факторов: $F(1, 15) = 29.5$, $p = 0.001$. В условии «SOA 167» был обнаружен НП (-16 мс, $p = 0.003$), в условии «SOA 67» — позитивный прайминг (13 мс, $p = 0.025$). Для условия «один ответ» значимых эффектов обнаружено не было. Хотя прайминг в условии «один ответ» не достигал значимости, более негативную направленность, как и ожидалось, он имел у испытуемых, совершавших меньше ошибок в «по-го»-пробах: $r = 0.52$, $p = 0.039$. В условии же «разные ответы», напротив, более негативную направленность прайминг имел у испытуемых, совершавших больше ошибок в «по-го»-пробах: $r = -0.58$, $p = 0.018$. Итак, когда разные ответы соответствовали разным стимулам, был обнаружен НП, более выраженный у испытуемых с меньшим уровнем контроля над ответами. В условии же, когда требовалось на любой стимул давать один и тот же ответ, НП обнаружить не удалось, хотя в эксперименте без «по-го»-проб данный эффект наблюдался, а в данном эксперименте прайминг был более негативным у испытуемых с большим уровнем контроля над ответами. Отсутствие эффекта в условии «один ответ» могло быть связано с большим разбросом используемых стратегий (т.к. время ответа в «го»-пробах не было ограничено).

**Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00473*

Кулиева А. К., Кувалдина М.Б.

СВЯЗАНЫ ЛИ ФЕНОМЕНЫ ЧУВСТВА КОНТРОЛЯ И ЛОКУСА КОНТРОЛЯ?

«Чувство контроля» (Sense of Agency) — переживание себя как субъекта совершаемого действия и его последствий (Haggard P., 2005, 2008), которое сопровождает каждый произвольный двигательный акт (Haggard P., 2005). В современной когнитивной психологии используется четыре основных способа измерения чувства контроля. Имплицитные способы заключаются в экспериментальных парадигмах, где чувство контроля опосредуется либо феноменом «связывание намерением» (Intentional Binding) (Haggard P. et al., 2002), либо феноменом «сенсорной аттенюации» (Sensory Attenuation) (Blakemore S. et al., 1998). Эксплицитные

оценки проводятся посредством «Шкалы уровня чувства контроля» (Sense of Agency Rating Scale) (Polito V. et al., 2013), либо в различных модификациях экспериментальной парадигмы, разработанной в исследовании D. Wenke и коллег (2010). Последний тип экспериментов в широко применяется в различных модификациях. При этом до сих пор нет исследований о связи чувства контроля, измеренной посредством шкалы Лайкерта в этой экспериментальной парадигме, и локуса контроля (Елисеев О. П., 2003). Связь этого феномена с чувством контроля, измеренной иными способами, продемонстрирована рядом исследований (Olson J. et al., 2016; Ren P. et al., 2017).

В своем исследовании мы решили сопоставить локус контроля с чувством контроля в модификации экспериментальной парадигмы Wenke и коллег. В эксперименте приняли участие 42 человека в возрасте от 18 до 34 лет. Испытуемые выполняли сенсомоторную задачу — либо ответить клавишей на указание стрелки на экране, либо выбрать и нажать одну из двух клавиш. Каждая экспериментальная проба включала в себя прайминг, предъявление цели, ответ испытуемого, обратную связь и оценку чувства контроля. Праймом являлась стрелка, направленная направо или налево (предъявлялась на 17 или 250 мсек). Стрелка-цель также могла указывать направо, налево или в обе стороны. Задача — нажать клавишу в соответствии с указаниями целевой стрелки. В качестве обратной связи предъявлялся круг одного из шести цветов. Далее испытуемый оценивал по шкале от 1 до 8, насколько выражено чувство контроля над обратной связью, то есть насколько действия испытуемого стали причиной предъявления именно этого цвета. При этом цвет обратной связи зависел от нажатой испытуемым клавиши («направо» или «налево») и ее соответствия с направлением стрелки-прайма. Эксперимент был разделен на 6 «цветовых блоков» по 48 проб. Исследование включало межгрупповые факторы: экспериментальный дизайн (пробы с подпороговым и надпороговым праймингом предъявлялись в случайном порядке или поочередно), последовательность прайминга (блоки предъявлялись в порядке подпорогового-надпорогового или наоборот), представления о количестве агентов (в инструкции указывалось, что компьютер принимает участие в принятии решения о цвете или нет). Опросник «Локус контроля» имеет две шкалы «Интернальность» и «Экстернальность», однако их результаты строго противоположны и всегда дают в сумме одинаковый результат, поэтому в анализе использовалась только шкала «Интернальность».

Согласно полученным результатам, интернальный локус контроля статистически достоверно положительно коррелирует с чувством контроля ($r(42)=0,324$, $p=0,036$). Статистически достоверного взаимодействия локуса контроля с межгрупповыми факторами обнаружено не было. Полученные результаты позволяют говорить о связи между локусом контроля и чувством контроля, измеренным эксплицитно с использованием шкалы Лайкерта. При этом данная связь не опосредуется факторами нисходящего контроля, оказывающими влияние на оценку чувства контроля. Хотя проведенные ранее исследования не позволяют напрямую говорить о связи между чувством контроля (Dewey J., Knoblich G., 2014), оцененной разными способами, наше исследование косвенно свидетельствует о данной связи.

Лупенко Е. А., Шунто А. С.

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ВОСПРИЯТИЯ ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ПО ИЗОБРАЖЕНИЯМ ЕГО ЛИЦА НА ФОТОГРАФИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПОРТРЕТЕ*

Несмотря на важные достижения, полученные в области изучения восприятия индивидуально-психологических особенностей человека по выражению его лица (Барабанщиков, 2009, 2016; Дивеев, Демидов, 2017; Calder, Rhodes, Johnson, Haxby, 2011; Ekman, Rosenberg, 2005), недостаточно изученным является роль формы презентации поведенческой информации

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

о человеке, которая напрямую зависит от способа изображения его лица и значимо опосредует точность межличностного восприятия. В данной работе сделана попытка сопоставить особенности восприятия личности одного и того же человека по его художественному портрету и фотоизображению. В качестве основных вопросов здесь выступили следующие. Как проявляется специфика портретного изображения человека в его словесном описании и семантической оценке? Что превалирует в восприятии разных изображений лица одного и того же человека: тождественность модели, либо различия, связанные со спецификой разного способа изображения? В рамках сформулированной проблемы мы провели экспериментальное исследование, в котором сопоставлялись оценки индивидуально-психологических особенностей людей, изображенных на классическом портрете и фотографии. Обращение к подобной процедуре имеет и методические основания. В настоящее время большинство исследований восприятия эмоциональных состояний и индивидуально-психологических свойств человека выполняется на стандартизированных фотоизображениях лица (Куракова, 2012; Ekman, Friesen, 1975; Todorov, Oosterhof, 2011). Портретные изображения человека остаются как бы в тени, хотя их использование в качестве стимульного материала таит немалые возможности для психологического анализа не только персонажа, но и зрителя (Лупенко 2014, 2017; Никитина, 2016; Bruce, Young, 2000). Мы исходили из того, что образ человека, написанный художником-портретистом, по сравнению с отпечатком внешности на фотобумаге воспринимается более полно, объемно и глубоко. В качестве стимульного материала использовались 20 изображений: 10 фотографий и 10 художественных портретов одних и тех же персонажей – известных личностей России рубежа 19-20 вв. (5 мужских и 5 женских), выполненных примерно в одном и том же возрасте. Эксперимент проводился в два этапа: на первом испытуемые произвольно описывали наиболее вероятные индивидуально-психологические характеристики изображенных персонажей (методика свободного описания), на втором – определяли базовые ценности, которые, по их мнению, им присущи (методика «Ценностный спектр», Леонтьев, 1997). Выделенные индивидуально-психологические качества соотносились со способами изображения лица и сравнивались с чертами личности персонажей, полученными по воспоминаниям и дневникам их современников.

В ходе исследования, носящего поисковый характер, мы получили данные, которые свидетельствуют и о сходстве, и о различиях категориальных структур восприятия личности одних и тех же людей на портретах и фотографиях, что позволило сделать следующие выводы: 1) Выделяется один и тот же набор индивидуально-психологических особенностей личности, который носит универсальный характер и повторяется при описании разных видов изображений лица. 2) Обнаруживается наличие тенденции использования при свободном описании более богатого словаря и большего количества характеристик при восприятии художественных портретов, чем при восприятии фотоизображений тех же персонажей. 3) Сравнительный анализ оценок испытуемых и описаний современников изображенных персонажей свидетельствует о большей адекватности восприятия личности по художественному портрету, чем по фотоизображению. 4) Привлечение ценностной семантики для исследования восприятия художественного и фотопортретного изображений не позволило получить данные, непосредственно подтверждающие различия в их ценностной нагруженности, однако на уровне отдельных персонажей обнаруживается преобладание ценностной нагруженности как портретов, так и фотографий. Структуры наиболее частого выбора ценностей зависят от личности персонажа и носят устойчивый характер.

**Работа выполнена при поддержке Минобрнауки ГК 25.3916.2017/4.6.*

Макеева М. В., Карпинская В. Ю., Филиппова М. Г.

ВЛИЯНИЕ ВОСПРИЯТИЯ НЕОДНОЗНАЧНЫХ ФИГУР НА РЕШЕНИЕ ЛОГИЧЕСКИХ ЗАДАЧ*

Известно, что решение предыдущей задачи может оказать влияние на эффективность решения последующих – это проявляется в виде позитивных и негативных прайминг-эффектов (Аллахвердов, 1993; Filippova, 2011, Neill W.T., Valdes L.A., 1992). В эксперименте испытуемым предлагалось решать однотипные серии логических задач. Самая первая задача в списке была весьма простой: требовалось обвести по контуру фигуру. В качестве фигуры мог быть предъявлен простой куб, многозначный куб Неккера или «невозможный» куб Эшера. Предполагалось, что многозначная и «невозможная» фигуры будут восприниматься испытуемыми как более сложные, что будет вызывать у испытуемого состояние, схожее с тем, которое возникает при наличии нерешенной задачи. Это может приводить к негативному последствию в виде увеличения времени решения или числа ошибок на последующих логических задачах. В эксперименте участвовали 45 человек, мужчины и женщины 18-52 лет. Было создано несколько групп испытуемых, которые бы позволяли контролировать факторы утомления и неравную сложность заданий в разных наборах. Каждому испытуемому было предъявлено 4 набора с тремя однотипными заданиями. Первый набор (лист) был тренировочным, за ним следовали 3 контрольных. Максимальное время решения каждого типа заданий в наборе было ограничено 20 секундами, при выполнении всех заданий лист заменялся на следующий. Фиксировалось время решения каждого типа заданий на листе, количество ошибок и нерешенных заданий. В ходе исследования было выявлено, что время решения заданий с праймом в виде обычного куба является меньшим, чем время решения заданий, где в качестве прайма выступали куб Неккера и куб Эшера. Это подтверждает гипотезу о возможности влияния восприятия неоднозначных фигур на время решения целой серии последующих задач. Также мы проанализировали точность решения задач и обнаружили значимое увеличение количества ошибок в тех из них, праймом для которых выступали кубы Неккера и Эшера (по сравнению с задачами, в которых предварающая задача содержала обычный куб). Полученные результаты позволили нам сделать вывод о том, что «невозможная» фигура (куб Эшера), и многозначная фигура (куб Неккера) могут провоцировать ощущение, характерное для последствия сложной, нерешенной задачи, оказывая негативное влияние на эффективность решения последующих логических задач.

**Исследование выполнено при поддержке фонда РФФИ, № проекта 17-06-00473а, «Особенности атрибуции субъективного сигнала о правильности решения когнитивных задач».*

Сопов М. С., Стародубцев А. С., Аллахвердов В. М.

ВЛИЯНИЕ ДЕФОРМАЦИИ ЦЕЛИ НА ВЕЛИЧИНУ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ТЕСТЕ РИСУНОК-СЛОВО*

Почему человек часто не может эффективно выполнить поставленную перед ним задачу и отвлекается на не относящиеся к задаче дистракторы. Этот вопрос изучается в когнитивной психологии при помощи различных интерференционных задач. Например, в парадигме Картинка-Слово показано снижение скорости названия изображений при предъявлении поверх них слов-дистракторов. Этот феномен называется эффектом увеличения количества точек зрения относительно причин интерференционного феномена. Классическое объяснение говорит о том, что человек отвлекается на те дистракторы, которые обрабатываются более автоматически. Согласно этой точки зрения, репрезентации дистракторов ввлекаются в когнитивную систему и нарушают обычный порядок выполнения задачи наименования изображений. Лишь

вмешательство когнитивного контроля позволяет подавить репрезентацию дистракторов и выполнить поставленную перед субъектом задачу. Подобная логика объяснения распространена в когнитивной психологии, не смотря на ее несоответствие эмпирических работ (Protoraras A. et al., 2014; Stolz J. A., Besner D. 1999; Аллахвердов М. В., 2016, и многие другие работы). Согласно альтернативной интерпретации, интерференция возникает из-за сдвига внимания на дистрактор. После выполнения основной задачи остаются еще свободные ресурсы внимания, которые расходуется на переработку дистрактора. Цель проведенного нами исследования заключалась в выяснении характера изменения величины интерференции при усложнении целевой задачи. Эксперимент планировался так, чтобы усложнение целевой задачи не затрагивало легкость восприятия и переработки дистрактора. Для исследования мы отобрали шестьдесят четыре изображения предметов из базы BOSS. Каждое из этих изображений предъявлялось два раза – один раз оно предъявлялось целиком, а другой раз – без шестидесяти процентов контура. Поверх изображений были наложены нечитаемые знаки (XXXXX) или читаемые слова. Интерференция измерялась как разница между скоростью называния изображений при наложении поверх них слов-дистракторов или нечитаемых дистракторов. При помощи дисперсионного анализа сравнивалось величина интерференции в зависимости от деформации цели (деформированные изображения или целые изображения). Во втором эксперименте вместо недеформированных изображений использовались изображения, в которых было убрано десять процентов контура. В обоих экспериментах было обнаружено, что величина интерференции снижается при предъявлении более деформированной цели (при предъявлении изображений без шестидесяти процентов контура). В первом эксперименте это отличие достигают статистически значимого уровня (величина интерференции для не деформированных изображений составила 89 мс, для деформированных – 13 мс; $N=15$ $F(1,1816)=22,8$, $p<0,001$). Во втором эксперименте обнаружена тенденция увеличения интерференции при предъявлении более деформированной цели (величина интерференции равнялась 23 мс для слабо деформированных целей, 1 мс для сильно деформированных целей), но это отличия не достигают значимого уровня ($N=11$ $F(1,1108)=1,2$ $p=0,23$). Таким образом, усложнение цели посредством деформации приводит к уменьшению величины интерференции. Возможно, что выполнение более трудной задачи приводит к тому, что на переработку дистрактора уже не хватает временных ресурсов. Полученные результаты допускают альтернативную интерпретацию, согласно которой актуализация и блокировка дистрактора происходит независимо от переработки целевого изображения. Разработка данной гипотезы (в частности, обоснование считывания дистракторов даже в условии понимания, что это нерелевантное действие) может способствовать построению моделей внимания и когнитивного контроля. В любом случае, наше исследование показало, что для проявления интерференционного эффекта необходимым условием является относительная легкость целевого задания, что не соответствует моделям интерференции, объясняющим интерференционный эффект более автоматической обработкой дистрактора.

**Исследование поддержано грантом РФФИ №18-013-01212.*

Стародубцев А.С., Сопов М.С.

ЭФФЕКТ ЛЕКСИЧНОСТИ ДИСТРАКТОРА В ТЕСТЕ РИСУНОК-СЛОВО*

В интерференционных задачах испытуемым требуется реагировать на цель, игнорируя предъявленный дистрактор. Обычно в качестве дистрактора выступает слово с различными лингвистическими параметрами. В качестве целевой задачи обычно выступает задача называния цвета слова (тест Цвет-Слово) или задача называния наименования изображений (тест Картинка-Слово). Показано, что при предъявлении дистрактора выполнение целевой задачи происходит медленнее и с большим количеством интерференционных ошибок. Для исследования моделей порождения речи и когнитивного контроля изучается влияние различных параметров дистрактора на интерференционный эффект. Данная работа посвящена изучению эффекта лексической сложности дистракторов в тесте Рисунок-Слово. Понятие «лексическая сложность» определяется принадлежность дистрактора к словам (а не к псевдословам) и ча-

стотой его встречаемости в речи. Эффект частотности заключается в возрастании интерференционного эффекта при предъявлении в качестве дистрактора низкочастотных слов (например, ребус, лаваш), по сравнению с высокочастотными словами (например, книга, дорога). Эффект частотности дистрактора является надежным и воспроизводимым в когнитивной психологии и психолингвистике. Иначе дело обстоит с эффектом лексичности дистракторов. Несмотря на то, что данный эффект был воспроизведен во многих научных работах (Monsell, et. al., 2001; Burt, 2002), в некоторых исследованиях наблюдались прямо противоположные результаты - слова интерферировали сильнее псевдослов (Dhooge, Hartsuiker, 2012). Также в некоторых экспериментах не обнаруживается значимых отличий между интерференционным воздействием псевдослов и слов (Kinoshita et. al., 2017). Задача приведенного исследования – проверить гипотезу о существовании эффекта лексической сложности дистрактора. В случае его существования необходимо определить условия его проявления. Для реализации этой цели было проведено три эксперимента. Нами использовалась интерференционная задача «Картинка-Слово», в которой испытуемым нужно было как можно быстрее назвать целевое изображение, игнорируя наложенное поверх него слово. Все изображения были выбраны из базы изображений BOSS. В первом эксперименте в качестве дистракторов использовались высокочастотные слова и низкочастотные слова. Всего было использовано тридцать шесть изображений. Каждое предложение повторялось в эксперименте два четыре раза: два раза поверх каждого изображения были наложены высокочастотные слова, два раза – низкочастотные слова. Для проверки существования эффекта лексичности дистрактора и его направления мы провели два эксперимента, в которых в качестве дистрактора использовались псевдослова. Во втором эксперименте псевдослова были образованы при помощи замены одной или двух букв в существующих частотных словах (например, сулнце, бакси). В третьем эксперименте в качестве псевдослов использовались реально существующие слова, которые были неизвестны испытуемым. Подбор таких слов осуществлялся в отдельном исследовании (N=30), и дополнительно контролировалось после исследования. Результаты. Нами был получен эффект лексической сложности дистракторов. В первом эксперименте было показано, что при наличии низкочастотных слов скорость называния целевого изображения снижается (в среднем на 40 мс, N=18, $F(1,2303)=24,2$ $p=0,001$). Во втором и третьем экспериментах было показано, что псевдослова интерферируют сильнее, чем высокочастотные слова (время называния изображения повышалось в среднем на 23 и 24 мс в экспериментах 2 и 3 соответственно, N=18, $F(1,2412)=13,6$ $p=0,001$, N=14, $F(1,1151)=6,7$ $p=0,01$). Таким образом, мы воспроизвели эффекты частотности дистракторов и, что более важно, эффект лексичности дистрактора. Дальнейшая задача состоит в выяснении тех характеристик слов, которые влияют на показатели их лексической сложности (частотность биграмм, частотность слогов, очевидность ударения, близость к слову-прототипу и т.д.).

**Исследование поддержано грантом РФФИ № 17-36-01139-ОГН\18*

Целяева С.И., Осорина М.В.

ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕБУСОВ КАК МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК МЫШЛЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ

Ребус – это текст-загадка, в котором слово-разгадка зашифровано в виде связной смысловой последовательности рисунков, букв, чисел и условных знаков. Сочетание образной и вербально-символической систем кодирования информации в ребусе является, на наш взгляд, уникальным тестовым материалом для исследования различных аспектов мышления испытуемых. Работа с ребусами позволяет получить богатый эмпирический материал, психологический анализ которого, прежде всего, дает возможность раскрыть и оценить качество совместной работы двух базовых языков мышления: образного и словесного. Теоретическим

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

основанием нашего исследования являются идеи Л.М. Веккера (1976, 1998) и его современных последователей - М.А. Холодной, М.В. Осориной, О.В. Щербаковой, М.О. Аванесян и др., изучающих различные аспекты двуязычности мышления как необходимого условия конструирования смыслов и достижения понимания. Цель нашего многоэтапного исследования, проведенного на нескольких группах взрослых испытуемых с высшим образованием ($n=60$), состояла в определении диагностического потенциала ребусов как уникального метода исследования различных аспектов мыслительной деятельности. Результаты 1. Создан стимульный набор из 6 ребусов разного уровня сложности, разработано подробное описание когнитивной структуры каждого ребуса на основе их экспертного анализа, сделанного компетентными психологами ($n=4$). Выявлены ключевые информационные узлы, без адекватной проработки которых невозможно решить ребус. 2. Разработана процедура устного интервьюирования испытуемых после окончания их работы с ребусами и составлена система задаваемых вопросов, а также бланки для проведения письменного опроса. 3. Показано, что сочетание изобразительной и буквенно-знаковой формы подачи информации в ребусе в процессе его решения отчетливо выявляет индивидуальные проблемы испытуемого, связанные с его способностью сбора информации, представленной в разной языковой форме, навыками оперирования интрапсихическим языком ментальных образов в процессе работы с картинками ребуса, а также полнотой или дефицитами использования средств словесного языка для поиска и формулировки смысловых находок и окончательного решения ребуса. 4. Обнаружилось, что процесс разгадки ребусов позволяет психологу собрать богатый эмпирический материал, характеризующий паттерны метакогнитивной регуляции интеллектуальной работы, типичные для данного субъекта. 5. Оказалось, что достаточно часто испытуемые реагируют на ребус, прежде всего, как на личностный вызов, в процессе совладания с которым используют две основные стратегии. Одни – как стимуляцию мотивации достижения. Другие – как атаку, от которой начинают активно защищаться различными способами: нападениями на компетентность авторов ребуса («не умеет рисовать», «придумал глупость» и т.п.), игнорированием объективно присутствующей в ребусе информации для оправдания эгоцентрической и откровенно неадекватной собственной версии решения и т.п. Таким образом ребус может работать как проективный тест, который можно использовать в исследованиях когнитивной психологии личности.

Чернов А. В., Прохоров А. О.

МЕНТАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ*

Изучение психологии состояний привело Н.Д. Левитова к заключению о необходимости выделения состояний, связанных с процессом познания и познавательной сферы субъекта (cognitive states), в целом – познавательных состояний. Вопрос о содержании познавательных состояний, их структуре, функциях, динамике, связях с другими психическими явлениями (процессами и свойствами), является открытым. Как следствие, состояния, характерные для познания, например, заинтересованность, удивление, раздумье и др., отождествляют с мотивационными, эмоциональными или волевыми состояниями, либо само существование познавательных состояний ставится под сомнение. При изучении познавательных состояний нами были получены весомые данные, позволяющие считать, что функции познавательных состояний связаны с актуализацией познавательной активности, развитием познавательной сферы, метакогнитивной регуляцией, а также с изменением отношений субъекта к предметной деятельности и социуму, в целом. Проявления этих функций в психическом целом и жизнедеятельности субъекта, на наш взгляд, определяется ментальной регуляцией познавательных

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

состояний: влиянием смысловых структур сознания, мотивацией, рефлексией, её уровневыми характеристиками, категориальными структурами сознания, ментальными репрезентациями, входящими в структуру знаний, а также субъективным (ментальным) опытом человека.

Исследования, проведенные нами в контексте изучения познавательных состояний в учебной деятельности (использовались «Рельеф психического состояния» (Прохоров), методика диагностики рефлексивности (Карпов, Пономарева), методика М. Гранта и оригинальная методика диагностики рефлексивных процессов (Прохоров, Чернов), методика ситуативной смысловой направленности, морфологический тест жизненных ценностей (Сопов, Карпушина, 2001); опросник метакогнитивной включенности в деятельность (Карпов, Скитяева, 2005), а также оригинальные анкеты, разработанные автором. В исследованиях приняли участие 382 студента.

Анализ результатов проведенных исследований показал, что взаимосвязь познавательных состояний и рефлексивных процессов обусловлена интенсивностью познавательных состояний, их структурной организацией и ситуациями учебной деятельности. В напряженных ситуациях жизнедеятельности структура связи и включенность компонентов рефлексии во взаимоотношения с состояниями отличается от повседневных ситуаций большей частотой и сложностью взаимодействия.

Установлены связи терминальных ценностей с познавательными состояниями. Актуализация познавательных состояний (вдумчивости, предвосхищения, заинтересованности и др.) усиливает стремление субъекта к достижению духовно-нравственных и индивидуальных ценностей. С ценностями-средствами связи с познавательными состояниями не обнаружены. Изучение терминальных ценностей показало, что эгоистически-престижные ценности (такие как высокое материальное благополучие и сохранение собственной индивидуальности) имеют большую взаимосвязь с состоянием мечтательности, а духовно-нравственные ценности в большей степени коррелируют с вдумчивостью и заинтересованностью во время учебных занятий.

Выявлена структура взаимосвязи мотивационных характеристик и познавательных состояний. Она представляет собой комплекс, включающий вовлеченность в учебную деятельность, метакогнитивную включенность и настроение субъекта. Структурообразующими составляющими функционального комплекса являются показатели состояния заинтересованности, рассеянности, вовлеченности в работу и метакогнитивная включенность.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00057а.*

Щербакова О. В., Новиковская Н. А.

СТРАТЕГИИ ПИКТОГРАФИРОВАНИЯ АБСТРАКТНЫХ ПОНЯТИЙ.

КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

Обратимый, полный и точный словесно-образный перевод составляет основу мышления (Веккер Л.М., 2001). При этом особый интерес представляет выявление особенностей словесно-образного перевода, лежащего в основе формирования системы естественных понятий высокой степени обобщенности (абстрактных), а также содержательный анализ конкретных способов их образного репрезентирования (Осорина М.В., 1976). Целью нашего исследования было выявление и качественное описание основных стратегий пиктографирования абстрактных понятий.

В исследовании приняли участие 30 испытуемых (ср. возр. – 20 лет). Для оценки различных компонентов мышления использовалась модифицированная версия методики «Пикто-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

граммы» (Херсонский Б.Г., 1988). Испытуемые пиктографически изображали основной смысл двух абстрактных («цикличность» и «влиять») понятий. Полноту и качество пиктограмм оценивали 2 эксперта-психолога на основе ряда предварительно выделенных ключевых для каждого из понятий идей. Испытуемые могли получить за каждый рисунок от 0 до 2 баллов в зависимости от количества отраженных в нем существенных признаков понятия. Оценки качества пиктограмм использовались как дополнительный по отношению к качественному анализу параметр. Были выделены основные стратегии пиктографирования конкретных и абстрактных понятий. 1) Образные репрезентации абстрактных понятий, получившие высокие баллы за полноту и точность, нередко представляли собой конкретные и точные примеры ситуаций, отражающих основные идеи понятия. Иногда качество передачи смысла абстрактного понятия не страдает от использования образных структур более низкого уровня обобщения, а, напротив, выигрывает от перехода на более конкретный план. Сохранение смыслового инварианта оказывается возможным за счет высокой точности и полноты словесно-образного перевода содержания абстрактного понятия. Умение без потери смысла привести «живой» и наглядный пример функционирования абстрактного понятия свидетельствует о высокой степени развития понятийного мышления, следствием чего является легкость перемещения между высоко обобщенными, абстрактными понятийными схемами и конкретными образами, наполняющими эти схемы конкретным содержанием. 2) Использование образов-культурных штампов – стереотипных, широко распространенных в культурном контексте. Так, понятие «цикличность» испытуемые часто изображали в виде смены времен года, а понятие «влиять» в виде марионетки в руках кукловода. В некоторых случаях использование «готовых» образов проходило без утраты основных сущностных идей понятия, тогда как в других происходила потеря его главных смысловых звеньев. 3) Неоправданное сужение диапазона существенных признаков понятия, опора на его субъективную эмоциональную интерпретацию. Например, в процессе пиктографирования понятия «влиять» испытуемые были склонны работать преимущественно с его второстепенным признаком – эмоционально нагруженной идеей доминантности и власти, – игнорируя более существенные характеристики. Влияние при этом понималось исключительно в контексте человеческих взаимоотношений, а сами изображения были эмоционально окрашены. Можно предположить, что недостаточная развитость понятийной системы приводит к «расслоению» высоко абстрактных понятий на более конкретные – и не всегда точные – образные компоненты, что выражается в утрате смыслового инварианта. Вследствие этого абстрактное понятие редуцируется к более конкретному и зависимому от контекста. В случаях, когда требуется работать с абстрактным понятием, лишенным каких-либо контекстных подсказок, актуализируются те его значения, которые либо наиболее часто использовались в прошлом опыте субъекта, либо наиболее эмоционально нагружены.

Одним из направлений будущих исследований может стать соотнесение предпочитаемых испытуемыми стратегий пиктографирования с рядом психометрических показателей (например, уровнем IQ) и характером предшествующей пиктографированию психической деятельности.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Балин В.Д.

КОМБИНАТОРНАЯ ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ

Дифференциально-психофизиологические аспекты формирования личности – традиционная для отечественной психологии тема. Достаточно вспомнить работы ученых Московской, Санкт-Петербургской (Ленинградской), Казанской, Пермской научных школ. В то же время характер работ представителей старых школ носит в основном «корреляционный», феноменологический характер. Процедура становления некоего психического целостного явления из «элементов» как правило, не описывается. Предлагаемый подход, называемый нами комбинаторной психофизиологией, позволяет преодолеть разрыв между некими исходными элементами и психическим целым, в частности, «личностью». Предполагается, что нервная система имеет многослойное строение. Слои – это сферы, вложенные одна в другую, каждая из которых является «фоном» для вышележащей сферы и «фигурой» для нижележащей. В границах каждого слоя есть состав (запас) элементов. Сочетание элементов нижнего слоя есть в сумме один элемент высшего слоя, и так далее. Совокупность исходных элементов – алфавит, на основе которого строится некое психическое явление. Возникают два вопроса: 1. Каков состав и природа этих элементов? 2. Какие законы управляют формированием психических явлений из существующего алфавита элементов? Состав элементов. Можно говорить об иерархии исходных элементов, соответствующих каждому слою. Все слои нам пока не известны. Назовем только некоторые. 1-й слой – нейросети. Имеются нейроны, составляющие объединение, называемое сетью. В сети есть входной нейрон (например, рецепторный нейрон зрительной системы) и на большом расстоянии от него некий выходной нейрон (например, мотонейрон). Изменение параметров входного нейрона оказывает воздействие на поведение выходного. В данном случае для нас важно то, что нейросеть выполняет функцию, которую можно, в конечном счете, связать с некоторым психическим явлением. 2-й слой – реакции. Это элементы, получающиеся в психофизиологических экспериментах в результате измерения, может быть и с помощью аппаратуры (показатели ЭЭГ, ЭКГ, ВП и др.). 3-й слой – физиологические механизмы. Сканирующая функция α -ритма. Нервная модель стимула Е.Н. Соколова. Модуль нервной системы. Охранительное торможение. Механизм взаимодействия фигуры и фона. Детектор ошибок Н.П. Бехтеревой. 4-й слой – генетические реакции, имеющие врожденный характер для конкретного индивида, формируемые в эволюции. Это базовые генетические программы, инстинкты, рефлексы, реакции, таксоны. 5-й слой – сюжеты. Способы поведения, имеющие биологическую основу, лежащие в основе поведения в социуме (мы называем это метапсихикой). Для примера приведем такие: 1. Мольба; 2. Спасение; 3. Преследуемый; 4. Жертва; 5. Возмущение, мятеж; 6. Дерзкая попытка; 7. Похищение. 8. Загадка. 9. Безумие; 10. Адюльтер; и т.д. Можно назвать и другие элементы, из которых возможно «конструировать» психические явления. Одна из задач психофизиологии – формировать арсенал таких механизмов. Законы объединения элементов в целое. В математике известно направление, которое обозначается словом «комбинаторика». Термин введен Лейбницем. Комбинаторика – область математики, изучающая вопросы о том, сколько различных комбинаций, подчиненных

тем или иным условиям, можно составить из элементов, принадлежащих данному множеству. Применительно к нашему случаю, задача звучит так: какое сочетание элементов (физиологических элементов-механизмов) позволяет сконструировать совокупность (конфигурацию) этих элементов, выполняющих функцию адаптации к среде и каким образом? Если у такого сочетания элементов обнаруживается функция адаптации к среде, то его можно назвать психическим явлением. Личность, в свете сказанного, можно рассматривать как инвариантную часть множества ролей, в которых выступает человек. (В.И. Гинецинский, 1997). Обобщенная роль и называется личностью. Таким образом, комбинаторная психофизиология позволяет найти физиологические корни психических явлений, уточнить границы между психическим и физиологическим явлениями, между разными психическими явлениями, создать классификацию психических явлений на основе способа объединения элементов в целостную структуру, имеющую свою адаптивную функцию.

Березниковский В. В., Матасов Ю. Т.

ТАНЦЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ «ОБРАЗА Я» У ИНВАЛИДОВ ПО ЗРЕНИЮ

Танцевальное искусство оказывает значительное влияние на любого человека, практикующего занятия танцами. Для незрячего подобные занятия становятся простым, но чрезвычайно эффективным способом реабилитации. Этот универсальный способ затрагивает все стороны личности. Для понимания механизма восприятия пространства важно уяснить роль мышечной чувствительности. Принимая сигналы от мышц, связок, суставов, она не только формирует о состоянии организма, но и осуществляет другую важнейшую функцию, а именно познавательную. Согласно И. М. Сеченову, мышцы не только являются исполнительным органом, реализующим движение, но и они, мышцы, строят чувственные, перцептивные образы объективного мира, сообщают, в каком положении находится тело, как оно перемещается. Именно поэтому Сеченов рассматривал мышечную рецепцию и как проприоцепцию, и как экстероцепцию, т.е. направленную на улавливание изменений внешнего мира. Проприоцепция, в данном аспекте, по типу своей деятельности сходна с деятельностью любой другой экстероцепции и результат этой деятельности сходен – формируется образ предмета, точнее, пространства, окружающего человека. Мышечной рецепции Сеченов и отводил основную роль в познании субъектом пространства и времени. Обычно перемещения незрячего связаны с ограниченным набором движений. Формирование перцептивного образа пространства у него происходит сукцессивно, на основе скованных однообразных движений при ходьбе с сопровождающим, либо при ощупывании пространства палкой или рукой. Этот скудный набор движений создает примитивное представление об окружающей среде, лишает целостности представления обо всем многообразии пространственных характеристик окружающего мира. Источники целостности и структурности восприятия лежат в особенностях самого отражаемого пространства, с одной стороны, и движений субъекта, с другой. Поэтому танец может представлять большую пользу для формирования незрячим гармоничного образа пространства. Во время занятий танцами незрячему удастся осуществить множество новых, необычных и, самое главное, адекватных данному виду активности движений. Танцевальные движения ритмичны и сбалансированы. Фигуры танца, отточенные в течение десятилетий, а иногда и столетий, оказывают всестороннее гармонизирующее воздействие на проприоцепцию, на ощущение равновесия и ускорения, на вибрационные ощущения субъекта. Двигаясь в танце, субъект как бы создает пространство вокруг себя, он гармонизирует и выстраивает

его своими правильными, упорядоченными движениями. Незрячий тем самым «исправляет» пространство, замкнутое ранее в рамках привычных, однообразных, скованных движений. Он начинает «видеть» пространство, как нечто более полное, целостное и многообразное. Осмысливая, оценивая это пространство, незрячий категоризирует его уже не как враждебное, сковывающее, препятствующее, а как доступное и безопасное. Можно предположить, что не важно, с какого пункта начинается формирование перцептивного образа пространства – с пункта видения у зрячего, либо с пункта «чувствования» этого пространства, сформированного в танце, у незрячего. Результат до известной степени сходный, а именно появление правильного и гармоничного образа окружающего. Важнейшим компонентом в танце является ритм. Под ритмом понимается группа перемежающихся, повторяющихся стимулов. Восприятие ритма сопровождается двигательным аккомпанементом. Переживание ритма по сути своей активно. Субъект не просто «слышит» ритм, а «сопроизводит» его. Танцевальная музыка позволяет, даже заставляет ритмизировать, логизировать движения, ведя к балансу и равновесию. Музыка «подсказывает» последовательность движений, упорядочивает их. Формирование образа пространства в танце, как привычного, удобного, свободного, становится благотворным опытом, и это, в свою очередь, помогает незрячему более комфортно и спокойно ориентироваться и передвигаться вне танцевальной студии.

Горбунов И. А.

МОДЕЛЬ НЕЙРОДИНАМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПОРОЖДЕНИЯ РЕЧИ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Задача исследования – изучение физиологических механизмов речепорождения с помощью моделей нейронных сетей (НС). Необходимо сопоставить модель мозга человека, построенную на основе биоэлектрических измерений, с моделью, построенной на речевых данных. Для изучения механизмов взаимодействия различных участков мозга по данным ЭЭГ, мы используем модель BCNN (Gorbunov I., Semenov P., 2009). Данная модель является НС глубокого обучения в процессе построения которой на множестве ЭЭГ сигналов возможен подбор матрицы связей между различными мозговыми центрами, предсказывающей динамику изменения векторов потенциалов мозга от всех ЭЭГ отведений по предыдущим их значениям. Также мы использовали эту модель для построения модели речепорождения по данным порожденных испытуемыми текстов (Горбунов И.А., Зайнутдинов М.Р., Локоткова М.А., 2015). В этом случае каждое слово кодировалось N-мерным вектором его характеристик (например, частотностью в разных областях, частью речи, номером в предложении и т.п.). Механизмы речи моделировались как НС, генерирующие последовательность векторов слов текста. Условными «центрами речи» выступали нейроны скрытых слоев сети. Было показано, что больные невротическими расстройствами имеют особенности матриц связей, отличающиеся от условно здоровых испытуемых. Проблемой построения данных моделей была трудность кодирования текстов в последовательности векторов признаков слов. Это делалось вручную.

Удачным решением данных проблем является использование модели Word2vec (Mikolov T. et al., 2013) для кодирования семантических характеристик слов. Она представляет трехслойный перцептрон, входной и выходной слои которого представляют все встречающиеся в текстах слова языка. Средний слой имеет меньший размер, чем входной. Целевой функцией сети является предсказание распределения плотностей вероятности p слов, окружающих соответствующее слово в наборе текстов. В процессе распознавания окружающих слов на среднем слое в виде активаций нейронов отображается обобщенный малоразмерный вектор, отражающий положение слова в семантико-лингвистическом пространстве. Для каждого

слова языка можно найти вектор активаций нейронов, который, отражает положение понятия в семантическом пространстве.

Используя описанную выше технологию, можно создать гибридную модель между Word2vec и BCNN. Она состоит из четырех слоев, как и BCNN. Первый и последний слои будут представлять вектора всех слов и словосочетаний языка. Второй и третий – отражать вектора семантико-лингвистических характеристик, взятых из модели Word2vec. Матрица связей между первым и вторым слоями будет извлечена из модели Word2vec, и не будет изменяться в процессе обучения на текстах конкретных испытуемых. Матрица связей между третьим и четвертым слоями будет обратной к предыдущей и также не будет модифицироваться. Обучению будет подвергаться только матрица связей между вторым и третьим слоями. Эта матрица будет отражать особенности механизма речепорождения конкретного автора текста. Модель сопоставима с замкнутыми (Default mode network) сетями (Lerner Y. et al., 2011). Если полученную матрицу связей сопоставить с матрицей, полученной по ЭЭГ данным, зарегистрированным во время речепорождения этих текстов у разных испытуемых, то можно выявить одновременно меняющиеся участки матриц связей «центров речи» и «центров мозга», построенных на семантической и ЭЭГ моделях.

При необходимости можно увеличить два промежуточных слоя нейронной сети нейронами «контекста» и организовать контекстное обучение, что сделает модель более устойчивой к изменению входа и позволит удерживать контекст речепорождения не отклоняясь от «темы» порождаемого текста. Для реализации такой нейродинамической системы была разработана библиотека (Object Pascal Delphi), реализующая нейросети глубокого обучения с контекстными слоями. Преимуществами данной библиотеки является возможность создания на базе одной большой нейросети нескольких «подсетей», обучающихся от разных выходных слоев и по разным принципам.

Горбунов И.А., Чепикова К.А.

ОСОБЕННОСТИ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОСТИ ВНИМАНИЯ У БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИЕЙ С РАЗЛИЧНОЙ ФАРМАКОТЕРАПИЕЙ

Прогнозирование событий, как условие научения и последующей адаптации, рассматривается в множестве теоретических схем (Анохин П.К., 1975; Friston K., 2005; Baldeweg T., 2007). С нашей точки зрения, научение, как модификация межнейронных связей в нервной системе, происходит вследствие реакции на рассогласование реального события с событием, прогнозируемым нервной системой. Нервная система всегда формирует на своем входе с помощью нисходящих связей образ прогнозируемого события, который сравнивается с реальным образом, поступившим на вход из окружающей среды. Это используется для модификации связей с целью минимизации последующих ошибок (Горбунов И.А., 2016). Исходя из существующих теорий, таких механизмов научения как минимум два (Gluck M.A., 2008). Один из них – «эксплицитный», который необходим для достижения приспособительного, а другой – «имплицитный», необходимый для предварительного научения. Частной задачей было выяснение особенностей вышеуказанных когнитивных механизмов при шизофрении, учитывая фактор фармакотерапии. У больных шизофренией редуцируются негативные компоненты ВП, отражающие реакцию на ошибку (Kawakubo Y. et al. 2007, Korostenskaja M. et al. 2005, Mathalon D. H., Näätänen R. et al 2012, Wynn J. K. et al. 2010). В основе исследования стояла гипотеза о том, что при шизофрении нарушается баланс между ними и способствует формированию типичных когнитивных отклонений и, возможно, негативной симптоматики.

Организация исследования. Исследование состояло из сложной экспериментальной процедуры, в которой испытуемым из различных экспериментальных групп предъявлялись

последовательности, содержащие закономерно изменяющиеся и девиантные стимулы. Также у испытуемых измерялась степень выраженности различных когнитивных стилей. Последовательности состояли из 2 групп. Первый тип (80 последовательностей) – звуки, в которых могли изменяться – частота и громкость. Второй тип (80 последовательностей) – фотографии лиц людей (Cohn-Kanade AU-Coded Facial Expression Database), в которых могли изменяться: мимика (эксплицитная закономерность), с той или иной степенью выраженности определенной эмоции, пол человека на фотографии, национальная принадлежность (имплицитная закономерность). В эксперименте участвовали 46 испытуемых. Контрольная группа: 28 условно здоровых испытуемых. Экспериментальная группа: 18 больных шизофренией. У больных экспериментальной группы измерялась выраженность негативной симптоматики. Фармакотерапию, которую принимали данные больные, можно условно разделить на 3 типа: типичные нейролептики, атипичные и их комбинация.

Обсуждение результатов. Результаты работы в первую очередь отражают связь между когнитивным механизмом, обеспечивающим избирательность внимания, и шизофренией параноидной формы, и выявляют типичные для нее когнитивные стили в исследуемой выборке. Однако оказывается, что изучаемые всеми когнитивные нарушения при шизофрении, характеризующиеся нарушением избирательности внимания и полезависимостью, связаны в первую очередь с приемом типичных нейролептиков. Причем выраженность этих нарушений внимания не зависит от негативной симптоматики. Больные шизофренией при приеме типичных или атипичных нейролептиков демонстрируют разные когнитивные стили. Принимающие типичные нейролептики больные существенно чаще относятся к стилю «полезависимые», а принимающие атипичные нейролептики к стилю «синтетик».

Физиологическим механизмом реализации такого когнитивного стиля как полезависимость, можно назвать медленную обработку стимулов, содержащих «имплицитную» ошибку. То есть информация о параметрах этих стимулов хоть и вызывает усиление произвольного внимания к таким стимулам (индицируемое волной P3a (280 мс)), но не вызывает оценки релевантности «имплицитных» стимулов к выполняемой деятельности, которая индицируется волной P3b (480 мс). Эта роль волны P3b подчеркивается в нескольких работах (напр., Volpe U. et al., 2007). При оценке активации структур мозга, связанных с данной волной, оказывается, что нарушается механизм запоминания выделенных и классифицированных девиантных параметров стимула, запускаемый сигналами из правого гиппокампа (по данным нейровизуализации LORETA). Именно такой эффект наблюдается у полезависимых испытуемых, среди которых большинство составляют больные шизофренией, принимающие типичные нейролептики. Наоборот, эти стимулы, задействуют произвольное внимание и интерферируют с выполняемой задачей, активируя верхнюю фронтальную кору мозга.

Душабаев З. Р.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ Б.Г. АНАНЬЕВА О МЕХАНИЗМЕ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Согласно общепринятой точке зрения процесс зрительного восприятия начинается с проникновения потока света в зрительный рецептор. При этом после прохождения зрачка и хрусталика световая копия объекта на сетчатке уменьшается и переворачивается. Сетчатка глаза кодирует, то есть преобразует световую информацию об объекте в электрические нервные импульсы и посылает их по зрительному нерву в мозг. Далее, согласно общепринятой линейной модели, в мозге формируется зрительный образ внешнего объекта. Существующая линейная модель противоречит некоторым феноменам зрительного восприятия. Первое противоречие заключается в том, что процесс формирования оптического образа находится в пространстве анатомической зрительной системы, а конечный продукт или то, что видит зри-

тель, располагается вне субъекта, то есть в другом месте, а именно во внешнем физическом пространстве. Чтобы понять это противоречие, Б.Г. Ананьев выдвинул предположение, что между зрительным рецептором и центральной нервной системой существует не только прямая связь (от глаза к мозгу), но и обратная (от мозга к глазу). Второе противоречие заключается в том, что на сетчатке глаза изображение перевернуто, в то время как мы видим объекты не перевернутыми. Третье противоречие в следующем: то, что мы видим, значительно крупнее сетчаточного изображения. Четвертое противоречие проявляется в том, что мы видим вещи окрашенными в цвет, хотя на самом деле, объективно цвета у материальных предметов нет. Исходя из работ Б.Г. Ананьева и Л.М. Веккера, мы сформулировали гипотезу кольцевой модели работы зрительной системы. Согласно этой гипотезе, информация из глаза, достигнув мозга, вновь по зрительному нерву возвращается в сетчатку глаза, где декодируется (превращается) в цветовое изображение. Это цветовое изображение, проходя через хрусталик и зрачок, проецируется, увеличивается и проецируется во внешнее физическое пространство, то есть туда, где расположены рассматриваемые объекты. Предполагается, что глаз функционирует не только как фотоаппарат, но и как проектор, помещающий световой образ на поверхность отображаемого объекта. Гипотетическая кольцевая модель механизма зрительного восприятия подождала экспериментальной проверки. Экспериментальное исследование было выполнено в 2009 – 2013 гг. преимущественно на 12 умеющих рисовать студентах Санкт – Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина при Российской академии художеств. В качестве продукта зрительного восприятия мы использовали «отрицательный последовательный образ». Стимульным материалом служили негативные версии хроматических рисунков розы, мака и других цветов, а также негативные изображения черно-белых портретов человека. Процесс зрения изучался монокулярно. Ведомый глаз только рассматривал стимульный материал, а ведущий проецировал отрицательный последовательный образ на лист белой бумаги, служивший в качестве экрана. Испытуемый на листе бумаги рисовал увиденное. Гипотеза заключалась в том, что если у зрительной системы существует функция проецирования, то глаз, не видевший стимульный материал, получив информацию из мозга, создаст световое изображение и спроецирует его на экран. При этом изображение не будет перевернуто, то есть адекватно воспроизведет пространственную ориентацию объекта, и будет соответствовать размерам оригинала. Эксперименты выявили, что рисунки художников адекватно воспроизводили пространственную ориентацию, цвет и величину оригинала, если экран находился на том же расстоянии, каком предъявлялся стимульный объект. Таким образом, наши эксперименты подтверждают идею о том, что зрительная система по всей вероятности работает согласно кольцевой, а не линейной модели. Представление Б.Г. Ананьева о том, что процесс зрительного восприятия и ощущения не только начинается в глазу, но и завершается в нем, думается, имеет свои эмпирические основания.

Жукова Д. И., Балин В. Д.

РАЗРАБОТКА ПРОЕКТИВНОЙ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ «36 ДРАМАТИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ»

Психика – это инструмент интеграции и стабилизации формируемой ею «картины мира». Любое психическое явление – это инвариантное образование. Нервная система и психика противостоят быстро меняющейся окружающей среде, обладающей высокой степенью неопределенности.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Задача исследования - разработка и обоснование методики «36 драматических сюжетов». Наш проект направлен на выявление программ поведения, адекватных, с одной стороны, окружающей среде, а с другой – конституциональным особенностям конкретного человека. Эти «программы поведения» в нашем случае называются сюжетами. Их несколько, поскольку люди различаются своими конституциональными особенностями, поэтому каждый сюжет – это компромисс между свойствами среды и конституцией конкретного человека. Каждую «программу поведения» можно рассматривать и измерить с большей или меньшей точностью. Разные уровни точности и методики в нашем случае подобны друг другу, что соответствует фрактальной парадигме. Поэтому наш измерительный инструмент называется комплексом, поскольку он состоит из методик разного уровня точности, но все они подобны друг другу. Исследование проводилось на базе Санкт-Петербургского государственного университета (студенты 3 курса факультета психологии). Принимало участие 40 человек, 19-20 лет. Обработка результатов производилась с помощью корреляционного анализа (пакет программ «StatSoft STATISTICA 8»).

Методы исследования. 1. Опросник определения уровня невротизации и психопатизации. 2. Опросник перфекционизма Гараян Н.Г., Холмогорова А.Б. 3. Тест включенных фигур Готтшильда: параметр полезависимость – полнезависимость. 4. Опросник Плутчика Келлермана Конте - методика Индекс жизненного стиля. 5. Калифорнийский психологический опросник (CPI). 6. Проективная психодиагностическая методика «36 драматических сюжетов» 1. Мольба. 2. Спасение. 3. Месть, преследующая преступление. 4. Месть близкого человека за другого близкого человека или близких людей. 5. Преследуемый. 6. Внезапное бедствие. 7. Жертва. 8. Возмущение, бунт, мятеж. 9. Дерзкая попытка. 10. Похищение. 11. Загадка. 12. Достижение чего-нибудь. 13. Ненависть к близким. 14. Соперничество близких. 15. Адюльтер, приводящий к убийству. 16. Безумие. 17. Роковая неосторожность. 18. Невольное преступление любви. 19. Невольное убийство близкого. 20. Самопожертвование во имя идеала. 21. Самопожертвование ради близких. 22. Пожертвовать всем – ради страсти. 23. Пожертвовать близкими человеком в силу необходимости, неизбежности. 24. Соперничество неравных. 25. Адюльтер. 26. Преступление любви. 27. Узнавание о бесчестии любимого или близкого. 28. Препятствие любви. 29. Любовь к врагу. 30. Честолюбие и властолюбие. 31. Богоборчество. 32. Неосознаваемая ревность, зависть. 33. Судебная ошибка. 34. Угрызения совести. 35. Потерянный и найденный. 36. Потеря близких. На основании полученных данных корреляционного анализа, планируем создать проективную психодиагностическую методику «36 драматических сюжетов», подобную Калифорнийскому психологическому опроснику. Сформулированные вопросы или утверждения будут пропущены через факторный анализ.

Мы предполагаем разработать диагностический комплекс для определения психофизиологического и психологического статуса человека. Разрабатываемый комплекс представляет из себя многоступенчатый многоуровневый тест, уровень работы которого зависит от выбранного исследователем точности исследования и имеющегося у него времени на такое исследование. Тест организован по фрактальному принципу, каждый его уровень подобен всем остальным. Уровни различаются точностью, но все основные компоненты его содержатся на каждом уровне. Предполагается, что в каждом тесте есть ядро, компоненты которого есть основные физические понятия: «материя–энергия», «пространство–время» и «информация». Тест «36 драматических сюжетов» направлен на определение предпочтительных направлений поступков (поведения) человека. Факторный анализ позволяет сократить число сюжетов до 16, 8 и 4 базовых сюжетов. Данный комплекс можно и увеличивать и в большую сторону, дифференцируя 36 сюжетов, доводя список определений до 150. В данном исследовании, тем не менее, предполагается рассматривать только слои в 4, 8, 16 и 36 сюжетов.

Здоровцов Д.Р., Гибадулин Т.В.

МАТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВАРИАБЕЛЬНОСТИ РИТМА СЕРДЦА ПРИ ВОЗДЕЙСТВИИ АКУСТИЧЕСКИХ ДИАПАЗОНОВ ЧАСТОТ НА ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Человек за день испытывает влияние множества факторов, в ответ на которые возникают разнонаправленные эмоции. Довольно часто люди отмечают, что самое повседневное занятие – прослушивание музыки, способно влиять на их настроение. В связи с этим, чтобы найти свои, личные методы снятия напряжения, которые были бы одновременно и действенные, и простые, нередко прибегают к прослушиванию музыкальных композиций и даже созданию плейлистов.

В связи с повышенным интересом к музыке, как к средству психологической терапии, многие музыкальные интернет-софты создают подборки по настроению с помощью психологов или нейросетей. Задачей данного исследования стало выяснение действия музыки на эмоции человека. Так как этот процесс происходит неосознанно, было решено проанализировать изменения активности вегетативной нервной системы (ВНС), сопровождающие эмоции, с помощью математического анализа вариабельности ритма сердца (ВРС). Для исследования была использована волновая компонента музыкальных композиций – частота звука. Чтобы частота звука была наиболее безопасной для испытуемых, принято решение использовать акустический диапазон от 20 Гц до 20 кГц, так как известно, что ультразвук или инфразвук могут вызывать различные воздействия на организм человека, в том числе и повреждающие. Изучалось влияние на эмоциональное состояние человека диапазонов частот: от 20 до 100 Гц, от 100 до 500 Гц, от 500 Гц до 1 кГц, от 1 до 5 кГц, от 5 до 10 кГц и от 10 до 20 кГц.

Исследование проводилось с использованием электрокардиографа «Нейрософт» с программой «Полиспектр.NET». Учитывались параметры временного и спектрального анализов вариабельности сердечного ритма: 1. Мощность высокочастотных колебаний (high frequency, HF, mc2) – отражают активность парасимпатического (кардиоингибиторного) центра продолговатого мозга – реализуется через блуждающий нерв (n. vagus); 2. Мощность низкочастотных колебаний (low frequency, LF, mc2) – медленные волны первого порядка, волны Траубе-Геринга – отражают активность симпатических центров продолговатого мозга (кардиостимулирующего) – реализуется за счёт импульсов от верхнего грудного (звёздчатого) симпатического ганглия (Борисов А.М, Степаненко И.М, 2012). Обследования проводились в будние дни. Всего приняли участие 50 здоровых человек в возрасте от 18 до 21 года, из них – 25 женского пола и 25 мужского. Материалом нашей работы стала композиция «Another sky» исполнителя Scenic, так как она малоизвестна и не могла вызвать каких-либо ассоциативных реакций. Перед регистрацией ЭКГ записывалось состояние исследуемого в покое. Музыка была разделена на 13 равных частей по 30 секунд и чередовалась полным диапазоном частот (7 частей) и отдельно выделенными из выше перечисленных частот (6 частей).

Результаты исследования: 1) У мужчин: а) симпатическое влияние на кардиоритмы наблюдается при диапазонах частот от 100 Гц до 1 кГц; б) парасимпатическое влияние на кардиоритмы наблюдается при диапазонах от 20 до 100 Гц и от 1 кГц до 10 кГц; 2) У женщин: а) симпатическое влияние на кардиоритмы наблюдается при диапазонах частот от 500 Гц до 5 кГц; б) парасимпатическое влияние на кардиоритмы наблюдается при диапазонах от 20 до 500 Гц; 3) Частота от 10 кГц до 20 кГц была воспринята неоднозначно: у 50% мужчин было симпатическое влияние, у 50% – парасимпатическое; у 55% женщин – симпатическое, у 45% – парасимпатическое. Парасимпатическое влияние у испытуемых сопровождалось ощущением потепления конечностей, расслабления мышц, спокойствия, жизнерадостности, комфорта, благодушия. Симпатическое влияние проявлялось повышением мышечного тонуса, приливом энергии, появлением сосредоточенности, общей активацией организма.

Коваль В.М., Шакирова И.В.

ТИПЫ РЕАКЦИЙ В СИТУАЦИИ ТЕСТИРОВАНИЯ НА ПОЛИГРАФЕ И ИХ СВЯЗЬ С ЛИЧНОСТНЫМИ СВОЙСТВАМИ

Ситуация тестирования на полиграфе для тестируемого является стрессовой, независимо от наличия его виновности. В ситуации стресса обостряются защитные механизмы личности, включаются наиболее шаблонные способы реагирования, как на психологическом, так и на физиологическом уровнях.

Психофизиологические реакции тестируемых при этом зависят от степени активности механизмов психологических защит, от типа личности и степени ее акцентуированности.

В рамках дипломных проектов было проведено несколько исследований на тему изучения связи личностных свойств и физиологических реакций, регистрируемых на полиграфе. Одно из исследований было посвящено выявлению взаимосвязи между личностными особенностями и результатами диагностики с использованием полиграфа при отборе персонала (И.В. Шакирова, Возможности совместного применения психодиагностики и полиграфа при работе с кадрами, дипломная работа, 2014).

В исследовании приняли участие 75 человек из числа сотрудников ОАО «СМП-Нефтегаз» г. Альметьевск РТ, 69 мужчин и 16 женщин.

Для оценки личностных характеристик был использован опросник ММПИ. Для выявления скрываемой информации применялся полиграф РИФ. Опросник для полиграфа был составлен таким образом, чтобы задать ряд вопросов, касающихся исключения возможных рисков для предприятия при принятии кандидата в штат. Приведем часть вопросов: Ранее Вы допускали халатность, повлекшую серьезные последствия? У Вас есть задание от конкурентов или криминала нанести вред СМП? У Вас есть проблемы из-за употребления алкоголя? Вы когда-нибудь находились под судом или следствием? На прежних местах работы Вы совершали крупные хищения? Вам приходилось передавать или продавать служебную информацию? Вы когда-нибудь брали взятки? Все вопросы полиграфного теста были разбиты на темы.

С помощью однофакторного дисперсионного анализа анализа one-way ANOVA были выявлены связи между значениями шкал ММПИ и каждой из тем опроса. По теме «Взятки, хищения» выше значения физиологических реакций при понижении 5 шкалы ММПИ Мужественность-женственность. Чем больше личность обладает качествами своего пола, тем выше показатели реакций по теме «Взятки и хищений». Значимой оказалась связь темы «Вредные привычки» со шкалами 1 Нs Ипохондрия, 4 Pd Психопатия, 8 Sc Шизофрения, 9 Ma Гипомания. Чем выше у обследуемого значения по перечисленным шкалам, тем сильнее и чаще он реагирует на вопросы о зависимостях. Можно предположить, что наличие таких качеств, которые присущи личности с данными шкалами в профиле, являются почвой для приобретения вредных привычек, либо могут быть причиной усиленной реакции на вопросы о зависимостях. На тему «Судимость, связь с криминалом» оказывает влияние 5 шкала ММПИ. Чем больше личность обладает чертами своего пола, тем больше она реагирует на вопросы, связанные нарушениями закона. Тема «Халатность, порочащие мотивы» связана с 6 шкалой Ра Паранойя. У женщин, чем меньше выражена шкала паранойи, тем больше реакций на вопросы о негативных мотивах в работе. У мужчин рост значений по шкале паранойи влечет увеличение реакций на вопросы этой темы. Тема «Промышленный шпионаж, связь с конкурентами» также связана со шкалой 6 Ра Паранойя. Чем меньше присущи личности паранойяльные черты, тем выше здесь вероятность реагирования. Интересен сам факт наличия взаимосвязи высоких значений по тем или иным шкалам личностного опросника с увеличением физиологиче-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

ских реакций на те или иные темы вопросов. Этот факт важен в контексте основного вопроса детекции лжи – вопроса надежности метода.

Полученные данные, приведенные здесь, можно трактовать и как склонность к такого рода действиям (зависимости, шпионажу), и как большую чувствительность к этим темам на личностном уровне. В пользу второго говорит тот факт, что известны случаи получения так называемой ложно положительной ошибки – ошибки ложного обвинения, либо наоборот – ложно отрицательной. Поиск механизма взаимосвязи физиологических реакций и психологических свойств является задачей дальнейших исследований.

Куцырева М. А.

СТРАТЕГИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО УСТНОЙ СИТУАТИВНОЙ РЕЧИ

Исследований, посвященных определению разных аспектов взаимосвязи речи и психических явлений, достаточно много. Данная проблема не утратила своей актуальности и сегодня. Это подтверждают работы таких авторов, как (И.Н. Андреева 2004; Н.А. Алмаев 2012; Балашова В.П. 2016, Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R. 2000 и др). Анализ литературы показал, что недостаточно полно исследованы взаимосвязи между психофизиологическим состоянием говорящего и организацией его речи (Вартанов А.В. 2013, Кальян В.П., 2013, Сидоров К.В., Филатова Н.Н., 2012). Мы попробовали решить эту задачу с помощью построения регрессионных уравнений: в качестве зависимых переменных мы рассматривали показатели состояния человека, независимых – показатели речевого продукта, психофизиологические показатели.

Методики: Для измерения тревоги использовались: шкала самооценки (Ч.Д. Спилбергер, Ю.Л. Ханин, 1976), Личностная шкала проявлений тревоги (J.Teylor, 1953, адаптация Т.А. Немчина, 1983). Для оценки психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности использовалась методика, разработанная на факультете психологии ЛГУ Н.А. Курганским с сотрудниками. Физиологические показатели: альфа-индекс в затылочном отведении ЭЭГ, максимальная амплитуда альфа ритма в O_2 и O_1 , усредненная частота ЭЭГ, определенная по методике А.А. Генкина, в тех же затылочных отведениях $f_{лев}$ и $f_{прав}$, частота доминирующего ритма, дисперсия R-R интервалов и средний R-Интервал в ЭКГ, частота пульса ЧСС, артериальное давление (СД и ДД), частота дыхания ЧД, объем дыхания ОД, жизненная емкость легких ЖЕЛ, пульсовое давление ПД (ПД=СД–ДД), среднее динамическое давление СДД, ударный выброс крови УО, минутный объем кровотока МОК, периферическое сопротивление кровотоку ПСК, вегетативный индекс Кердо ВИК, динамометрия, тремор. Параметры речевого продукта: общее время интервью в сек., число предложений, средний размер предложения, число незаконченных предложений, темп речи, кол-во существительных, местоимений, прилагательных, глаголов, причастий, деепричастий, наречий, числительных, кол-во пауз, сорных слов, явления «телеграфного стиля» и незакрепленности места зависимых членов предложения, явления отсутствия согласования между частями высказывания.

В исследовании приняли участие 86 студентов СПбГУ в возрасте 18-32. Испытуемые рассказывали о своем хобби на диктофон, записи расшифровывались, дальнейшая работа производилась с письменными реализациями сообщения. Для анализа использовались первые 100 слов. Используя программу Statistica. мы провели регрессионный анализ полученных данных и составили регрессионные уравнения. Приводим некоторые из них: Тревога по Тейлор=0,50, СДД+2,87, ошибки согласования-2,73, число незаконченных предложений- 1,80 частота О2- 2,31 число предложений-1,50 средний размер предложения. ($p<0,00043$). Тревога

по Тейлор= -1,89 число незаконченных предложений+1,99 ошибки согласования ($p < 0,022$). Личностная тревога=54,71+517,30 дисперсия R-R интервалов-2,70 число незаконченных предложений+3,43 ошибки согласования+0,69 количество местоимений+0,79 тремор динамический правый-2,56 число предложений-1,46 средний размер предложения+0,67 количество пауз ($p < 0,00005$). Личностная тревога=-3,40 число незаконченных предложений+3,40 ошибки согласования-2,87 число предложений-2,04 средний размер предложения ($p < 0,00986$). Личностная тревога= 52,28-15,67, средний размер R-R+ дисперсия R-R ($P < 0,005$). Реактивная тревожность=4,95 ошибки согласования+0,058 максимальная амплитуда O2+ 1,072 количество глаголов +564,69 дисперсия R-R+0,65 тремор динамический правый+5,26 жизненная емкость легких+0,44 динамометрия левая+0,003ПСК ($p < 0,00134$). Реактивная тревожность=52,28-15,67 средний R-R+ 587 дисперсия R-R ($p < 0,005$).

Регрессионные уравнения могут быть использованы для оценки состояния тревоги человека по его речи и психофизиологическим показателям. Оценка состояния тревоги говорящего по речи представляется наиболее эффективной – так как речь всегда может быть проанализирована.

Лисина Л.И., Горбунов И.А.

ЭМПАТИЯ КАК ФАКТОР УСПЕШНОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛЖИ С ПОМОЩЬЮ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

Согласно современным представлениям, эмпатия – комплексный процесс, включающий в себя эмоциональный аспект – переживание того же, что и другой человек, и когнитивный аспект – понимание чувств другого. Ложь также является сложным феноменом, включающим в себя когнитивную эмоциональную составляющую – во время лжи возникают различные, чаще негативные эмоции. Эмоции влияют на психофизиологические показатели, на чём и основана классическая детекция лжи, однако она не отражает в полной мере происходящего с человеком в процессе лжи. Поэтому нами было проведено исследование, посвящённое влиянию эмпатии на реакции во время лжи, для выяснения, как соотносятся эти процессы. В исследовании приняли участие 20 испытуемых в возрасте от 19 до 29 лет (средний возраст 24 года). Они заполнили опросники (Шкала эмоционального отклика А. Меграбяна и Н. Эпштейна, диагностика уровня поликоммуникативной эмпатии И.М.Юсупова, методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В.Бойко), и приняли участие в психофизиологическом эксперименте. Участникам исследования давалась инструкция, что они должны скрыть число (они вытаскивали карточку с числом из нескольких вариантов). Они смотрели короткое видео (1-1,5 минуты), на котором человек рассказывал о себе и описывал картинку из ТАГ – это сделало видео эмоциональными. Затем участники оценивали, какие эмоции хотя бы эпизодически испытывал человек на видео согласно шкале эмоций Изарда, и оценивали собственные эмоции. Им демонстрировались ролики, где рассказавший историю спрашивает, какое у них число (например, «перед вами число 33?»), участнику эксперимента через 10 секунд ожидания нужно было нажать на стрелку (ответ «да» или «нет»). Всего 6 видео с разными людьми. Затем участники выбирали из пар фотографий опрашивавших их людей, чья история их тронула больше всего. В процессе эксперимента записывались психофизиологические показатели участников (с помощью прибора Телепат-104П измерялись ЭЭГ - 19-канальное измерение по системе 10-20 с электроокулографическим отведением для удаления артефактов, КТР, ЭКГ в первом отведении по Эйнтховену).

Результаты методик подверглись факторному анализу, в процессе которого было выделено 4 фактора. С помощью кластерного анализа испытуемые были разделены в соответ-

ствии с участием этих факторов на 4 кластера с характерными паттернами свойств. По данным оценки наблюдаемых и испытываемых эмоций 6 человек, снявшихся в видео, были поделены на три группы (те, к кому эмпатия была наиболее сильной, наименее, и средней) для каждого испытуемого. Был произведен многомерный многофакторный дисперсионный анализ с повторными измерениями, изучающий влияние факторов лжи, эмпатии и кластера эмпатии на мощности ЭЭГ в различных частотных диапазонах, рассчитанных с помощью Вейвлет преобразования, в результате которого были выявлены значимые отличия ($p=0,001$) для факторов лжи (градации правда-ложь), эмпатии (градации низкая, средняя, высокая эмпатия) и кластера эмпатии (4 кластера). Было обнаружено достоверное взаимодействие факторов лжи и эмпатии, при влиянии на мощности ЭЭГ в диапазонах частот основных ритмов мозга, также обнаружено достоверное взаимодействие факторов эмпатии к опрашиваемому и кластером эмпатии испытуемого при влиянии на мощности ритмов ЭЭГ. То есть, выделены значимые различия в мощностях в разных диапазонах ЭЭГ в зависимости от кластера, лжи или правды, и от того, эмпатировал ли испытуемый человеку на видео. Кроме того, были обнаружены особенности реакции во временной шкале (в течение 10 секунд ожидания). Основные различия были выявлены в выраженности Тэта ритма в зависимости от указанных условий.

Таким образом, эмпатия влияет на особенности протекания процессов в головном мозге, наблюдаемых при лжи. Поскольку при разных типах сопереживания реагирование во время лжи отличается, изучение склонности человека к тому или иному способу переживать эмпатию может позволить более точно определять ложь. Кроме того, можно сделать вывод о том, что эти процессы так или иначе связаны.

Мусс А.И., Селезнева Е. П., Кирсанова А.А.

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ И ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Изучение измененных состояний сознания (ИСС), казалось бы, находится в неразрывной связи с исследованиями сознания, тем более, что ряд авторов поднимает вопрос о соотношении «нормальных состояний сознания» и ИСС (Жане П., 2009; Ревонсуо А., 2013). Анализ литературы и данных исследований ИСС показал, что рассмотрение проблемы на протяжении нескольких веков велось в отрыве от проблемы сознания (см. Деннет Д, 2017; Chalmers D., 2017), хотя и были попытки классифицировать явление в контексте субъективного опыта (Тарт Ч., 2003). Этот вопрос стал актуальным и оформился в самостоятельную дисциплину не так давно (первое определение дано в 1966 году А. Людвигом), и скорее, в рамках клинической практики, тогда как проблема сознания развивалась, скорее, в русле философии (Исаков А.Н., Сухачев В.Ю., 1999).

Существует несколько подходов относительно того, в какой связи ИСС находится с ИСС: ИСС – автономная психическая система (Тарт Ч., 2003); ИСС неотделим от «нормального состояния сознания», так как является его порождением (Martindale K., 1981) или является смежным состоянием сознания (Dittrich A., 1981); ИСС занимает промежуточное положение между динамическими психическими процессами и стабильными свойствами личности (Мясищев В. Н., 1974); ИСС – нестабильное состояние перехода между стабильными состояниями сознания (Криппнер С., 2003). Таким образом, осознание подобного разрыва между теориями сознания и концепциями, описывающими измененные состояния сознания, указывает на необходимость поиска связи измененных состояний сознания с другими центральными для психологической теории конструктами.

В ряду ИСС стоит отметить также такое особое состояние как гипноз. Гипноз в специальной литературе может рассматриваться как продукт и как процесс (Ревонсуо А., 2013). При этом в среде практических специалистов существует допущение о решающем значении индивидуальных различий в протекании гипноза как процесса (Хип М., Драйден У., 2001; Эриксон М., Росси Э., 2013). Такая точка зрения во многом апеллирует к позиции Ж. Шарко, который был убежден в том, что гипноз присущ только истерическим больным, и П. Жане, который считал, что гипноз может переживаться каждым, но истерия усиливает такие переживания (Жане П., 2009). П. Шильдер (1926), заметил, что два пациента, погруженных в гипноз одинаково глубоко, могут быть по-разному вовлечены в гипнотические связи. Л. Шерток выделял два вида направленности гипнотического транса – психологическую и физиологическую (Шерток Л., 1992). Все это охватывает вопрос о переживании гипноза человеком, однако, не смотря на богатый практический опыт, за пределами рассмотрения часто остается вопрос, если есть связи между определенными личностными или индивидуальными чертами и конкретными гипнотическими процессами или феноменами.

Таким образом, необходимость изучения ИСС как для нужд исследователей, так и для практических разработок встречается с необходимостью поиска теорий и концептов, которые могут стать базовыми для изыскания в рамках данной темы. С учетом сравнительно небольшого числа исследований, изучающих взаимосвязь личности и индивидуальности человека с протеканием и переживанием «измененности» своего субъективного состояния, возможно, следует обратить внимание на теории личности как потенциальный источник новых идей.

Сергеев С.Ф., Грандильевский А.А.

ЛИЧНОСТЬ И СЕНСОРНАЯ АСИММЕТРИЯ

Сенсорный опыт человека обеспечивается скоординированной деятельностью сенсорных систем, формирующих индивидуальную субъективную реальность человека, определяет особенности его личностного развития, его личностный сенсотип. Ведущие сенсорные системы оказывают определяющее влияние на совместимость и эффективность общения человека, его личностное и когнитивное развитие (Зинченко Е.М., Лыкова Е.Ю., 2013), эффективность профессиональной деятельности (Бодров В.А., Доброхотова Т.А., Федорчук А.Г., 1990). Особенности зрительной асимметрии определяют общее умственное развитие человека, быстроту и точность восприятия объектов (Александрова М.Д., 1974). В работе исследуются различия в глазодвигательной активности ведомого и ведущего глаз при восприятии визуальной информации. Выдвинута гипотеза о селективной роли функциональной зрительной асимметрии при построении визуальной картины мира личности, отражая зоны интереса самоорганизующегося процесса формирования субъекта и личности, и позволяет оптимизировать формы представления зрительной информации, защищающие личность. Экспериментальная часть исследования проводилась в юзабилити-лаборатории кафедры компьютерных интеллектуальных технологий Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра Великого, оснащенной айтрекером (eye-tracking) – Tobii Pro TX300, который позволяет регистрировать параметры глазодвигательной активности и отслеживать траекторию взгляда испытуемого при решении зрительных задач. В этой технологии используется инфракрасная подсветка, излучение которой отражается от глазного яблока и регистрируется видеокамерой или другим специально разработанным оптическим сенсором. В процессе обработки видеозаписи формируется информация об ориентации глазного яблока в пространстве и его временной динамике. Айтрекер Tobii Pro TX300 состоит из стандартного LCD-монитора со встроенным блоком сле-

жения за направлением взгляда. На подключенном к монитору компьютере установлен пакет Tobii Studio, версии 3.4, позволяющий планировать и проводить эксперименты по изучению глазодвигательной активности в процессе решения различных познавательных задач. План эксперимента содержит выполнение батареи тестов, состоящих из инструкций и визуальной информации (текст, картинки, web-страницы и т.д.). После калибровки прибора, решаются когнитивные задачи отдельно для ведущего и ведомого глаза. На заключительном этапе проводится регистрация и интерпретация данных. Эксперимент проводился в лаборатории проектирования интерфейсов СПбПУ Петра Великого. Участвовали студенты СПбПУ женского и мужского пола в возрасте от 18 до 23 лет. Составлено два параллельных варианта теста. Первый проводился с активным ведущим глазом, а второй – с ведомым глазом. Каждый тест состоял из трех экспериментальных заданий: – строка с повторяющимися символами. Необходимо сосчитать количество заданных символов; – лабиринт. Задача испытуемого – найти из него выход; – поиск отличий. Испытуемый должен найти как можно больше отличий между двумя картинками. В результате экспериментов получены следующие результаты: – ведущий и ведомый глаза играют разную роль в создании визуальной картины личности; – при использовании ведущего глаза, взгляд испытуемого охватывает большую площадь изображения, в то время как ведомый фокусируется на конкретной области; – при использовании ведомого глаза, человек лучше концентрируется на задании, взгляд более упорядочен, чем при использовании ведущего глаза; – взгляд фокусируется на стороне используемого глаза (при открытом левом глазе – на левую сторону, при правом – на правую); – поле зрения смещается в область ведущего глаза (асимметрия поля зрения). Анализ результатов позволяет сделать вывод о различии стратегий глазодвигательной активности реализуемых ведущим и ведомым глазами, что поддерживает гипотезу о селективной роли сенсорной асимметрии при построении визуальной картины мира личности, определяющей зоны интереса субъекта и его активность.

Степанова Ю.В., Балин В.Д.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНУЮ ПАРАДИГМУ (НА ПРИМЕРЕ КАТЕГОРИИ ДВИЖЕНИЯ)

В отечественной психологии, в том числе в Санкт-Петербургской психологической школе, всегда существовало понимание необходимости применения в психологии естественнонаучных принципов. В.М. Бехтерев, А.Ф. Лазурский, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов и другие авторы применяли в своих работах принципы физики и биологии (Ананьев Б.Г., 1968; Ананьев Б.Г., 1977; Басов М.Я., 1975; Бехтерев В.М., 1928; Бехтерев В.М., 1991; Бехтерев В.М., 2012; Лазурский А.Ф., 1995; Лазурский А.Ф., 1997; Ломов Б.Ф., 1984; Мясищев В.Н., 2004). Кроме того, в связи с развитием системного подхода, возникла необходимость в математизации психологии (Ганзен В.А., 1974; Ганзен В.А., 1983; Ганзен В.А., 1984). Для формирования общей картины развития естественнонаучной парадигмы важно сделать лингвистический экскурс, так как для познания психической реальности нужен инструмент, каковым является язык.

В грамматической структуре языка выделяются три конструкта, относящиеся к базовым естественнонаучным категориям, которые могут рассматриваться в качестве предшественников естественнонаучной парадигмы: 1. Система наречий и предлогов местоположения 2. Система времён глагола 3. Наличие в некоторых языках категории глаголов движения. Для рассмотрения возьмём итальянский глагол “*inciampare*” (“споткнуться») и посмотрим, почему это действие считается движением. Когда человек спотыкается, он падает вперёд, т.к. его тело получает импульс, направленный ниже центра масс, и приобретает вращательный момент. И

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

даже если ему удастся удержаться благодаря компенсаторному рефлексу (Ананьев Б.Г., 1968; Ломов Б.Ф., 1984), он всё равно успевает преодолеть некоторое расстояние. Таким образом, движение в данном случае с физической и психофизиологической точки зрения присутствует, значит, итальянский глагол “*inciampare*” – это полноценный глагол движения. Это, возможно, свидетельствует о том, что у носителей данного языка существует представление о движении в физическом и психофизиологическом смысле на уровне языка. Данное предположение и стало исследовательской гипотезой, получившей авторское название модели *inciampata*.

Для подтверждения обозначенной гипотезы было проведено небольшое исследование на базе центра итальянского языка *Italica*. Испытуемыми были преподаватели центра – носители итальянского языка обоего пола в возрасте от 20 до 30 лет ($N = 8$), имеющие высшее педагогическое образование по специальности «Преподаватель итальянского языка как иностранного». Процедура исследования состояла в следующем: с каждым испытуемым проводилась лекция на итальянском языке длительностью 45 минут, а затем – беседа относительно представленной в ходе лекции информации и особенно самой модели *inciampata*.

Все испытуемые были согласны с предположением о том, что грамматическая категория глаголов движения в итальянском языке отражает восприятие движения в физическом и психофизиологическом смысле, что подтверждает гипотезу. Также все испытуемые в ответе на вопрос замечали, что подобное восприятие потери равновесия может быть связано с большой частотой падений на путь передвижения (спотыкания) среди итальянцев. В подтверждение своих слов испытуемые заметили, что в Италии хорошо развита эргономика рабочего пространства, а также существует большое количество программ превенции несчастных случаев, вызванных падением (в том числе для детей и пожилых людей).

Результаты данного исследования подтверждают наличие у носителей итальянского языка специфического восприятия движения – оно понимается как в физическом, так и в психофизиологическом смысле. Дальнейшие исследования в этом направлении позволят уточнить свойства языка как инструмента для описания психической реальности. Перспективным кажется также изучение пантомимики человека в психодиагностических целях, поскольку в ней и реализуется движение, отражающее психологический строй конкретного человека. Полученная модель *inciampata* представляет собой принцип анализа, который можно использовать для сравнения заголовков статей представителей разных психологических школ по наличию следующих критериев: биологические термины (психофизиологические, а также упоминание теории эволюции и законов генетики), физические термины (упоминание инвариантов, законов сохранения и т.д.), математические термины (создание математических моделей психических явлений, упоминание множеств, теории графов и т.д.)

Чувгунова О. А.

СПЕЦИФИКА ЭЭГ-ДАННЫХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЛАНИРОВАНИЯ

Способность к планированию является важной составляющей саморегуляции личности. Высокий уровень планирования и программирования действий рассматривается как одно из необходимых условий успешности деятельности (Diamond A., 2013). Для психологической практики важны знания о психофизиологической «цене усилия», то есть степени вовлеченности ресурсов мозга, в процессе планирования. Предыдущие исследования показали, что энергетические и когнитивные затраты в ходе планирования у испытуемых с высоким уровнем саморегуляции ниже, чем у испытуемых с низким уровнем саморегуляции (Чувгунова О.А.,

2017а). Однако, использованные в этих исследованиях стандартизированные психодиагностические опросники не всегда позволяют выявить некоторые индивидуальные особенности планирования. Настоящее исследование посвящено изучению специфики ЭЭГ-данных в зависимости от индивидуальных характеристик планирования, диагностированных с помощью качественных методов.

В исследовании приняли участие 54 студента 2-3 курсов факультета биологии СПбГУ ($M=20,1$ г., $SD=0,85$; м.-23, ж.-31). Индивидуальные особенности планирования были диагностированы с помощью интервью, разработанного на основе таксономии психологических ресурсов планирования (Чувгунова О.А., 2017б). В ЭЭГ-исследовании применялся стимульный материал на основе задач А.З. Зака для изучения формирования внутреннего плана действий (Чувгунова О.А., 2015).

Качественный анализ текстов интервью показал, что в целом респонденты не испытывают затруднений при самостоятельном планировании деятельности в соответствии с поставленной целью. Облегчает процесс планирования положительная внутренняя или внешняя мотивация («когда есть желание что-то изменить вокруг себя»), «когда предполагается поощрение» и т.п.), наличие достаточной информации о ситуации. В процессе планирования респонденты преимущественно используют такие ресурсы, как целеполагание, тайм-менеджмент, волевые черты характера. Индивидуальные стратегии планирования, исполнительные функции, система знаний и прошлого опыта в качестве ресурсов планирования применяются значительно реже. 39% респондентов предпочитают подробно планировать свою деятельность, что повышает их уверенность в себе, делает ситуацию более комфортной и контролируемой. 33,3% респондентов, напротив, в большинстве ситуаций действуют спонтанно. В ЭЭГ-исследовании приняли участие две группы испытуемых: 1) тщательно планирующие свою деятельность и упомянувшие в интервью все группы ресурсов; 2) не склонные к тщательному планированию и упомянувшие лишь 1-2 группы ресурсов. Был осуществлен спектральный анализ участков ЭЭГ, соответствующих формированию плана действий с последующим усреднением. Сравнение результатов показало, что у испытуемых, владеющих широким спектром ресурсов планирования, отмечается более низкая мощность в тета-, альфа- и высокочастотном диапазонах по фронтополярным отведениям по сравнению с испытуемыми, активно использующими лишь 1-2 группы ресурсов планирования. Вероятно, наличие большего числа психологических ресурсов планирования способствовало снижению энергетических и когнитивных затрат мозга. Также, испытуемые, тщательно планирующие свою деятельность и обладающие разнообразными ресурсами планирования, выполнили задания на формирование внутреннего плана действий успешнее, чем испытуемые с узким диапазоном ресурсов планирования и предпочитающие действовать спонтанно ($M=58,6$, $SD=10,4$ и $M=52,1$, $SD=12,2$ соответственно), хотя различие не является статистически значимым.

Таким образом, результаты настоящего исследования показали, что использование личностью широкого спектра психологических ресурсов планирования соотносится с меньшими энергетическими и когнитивными затратами на психофизиологическом уровне.

**Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ ОГОН № 15-36-01260.*

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В МЛАДЕНЧЕСКОМ И РАННЕМ ВОЗРАСТЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, НАРУШЕНИЯ РАЗВИТИЯ, ПРОГРАММЫ СОПРОВОЖДЕНИЯ

Андрущенко Н.В., Крюков Е.Ю., Мухамедрахимов Р.Ж.

АНАЛИЗ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ И ФАКТОРОВ СТРЕССА У МАТЕРЕЙ НЕДОНОШЕННЫХ НОВОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ С ВНУТРИЖЕЛУДОЧКОВЫМИ КРОВОИЗЛИЯНИЯМИ И ПОСТГЕМОРРАГИЧЕСКОЙ ГИДРОЦЕФАЛИЕЙ, ПОЛУЧАВШИХ НЕЙРОХИРУРГИЧЕСКОЕ ЛЕЧЕНИЕ*

Возрастающий интерес к психическому здоровью родителей недоношенных детей на ранних этапах выхаживания связан с исследованиями, показывающими распространенность у матерей высокого уровня стресса, тревоги и депрессии, которые влияют на родительско-детское взаимодействие и последующее социально-эмоциональное развитие младенцев (Holditch-Davis D. et al., 2003; Roque A. et al., 2017).

У преждевременно родившихся детей к медицинским факторам риска возникновения проблем развития добавляются социальные; их изучение представляется значимой задачей как для понимания закономерностей развития, так и для профилактики его расстройств (Мухамедрахимов Р.Ж., 1999). До 40% матерей недоношенных младенцев имеют признаки постпартальной депрессии, у 15-50% матерей отмечаются проявления посттравматического стрессового расстройства (Kersting A. et al., 2009; Vigod S.N. et al., 2010).

Эмоциональное состояние матерей, ухаживающих за недоношенными детьми, находящимися на первых этапах выхаживания, зависит от ряда факторов, имеющих сложный и неоднозначный характер взаимосвязей, например, уровень родительского стресса не коррелирует с медицинскими рисками для ребенка, определяемыми профессионалами неонатального отделения (Panagl A. et al., 2002; Holditch-Davis D. et al., 2015).

Несмотря на значительный интерес к социальной среде недоношенного младенца, можно отметить отсутствие комплексного подхода в ее изучении, недостаточно дифференцированный учет соматического, неврологического статуса и срока гестации недоношенных младенцев, отсутствие данных о воздействии нейрохирургических операций, перенесенных детьми в неонатальном периоде, на эмоциональное состояние их матерей.

В начале исследования были проведены клинические интервью с 20 женщинами в возрасте от 26 до 43 лет, роды у которых произошли на 24-37 неделе беременности и которые осуществляли уход за недоношенными младенцами с тяжелыми неврологическими осложнениями, находящимися на реанимационном или же на неонатальном отделении детской городской больницы. Все дети получали нейрохирургическое лечение по поводу структурных внутричерепных изменений – внутрижелудочковых кровоизлияний (ВЖК) второй и третьей степени, постгеморрагической гидроцефалии, имели соматические осложнения, связанные с недоношенностью.

10 матерей из 20 полностью соответствовали критериям включения в исследовательский проект, все они заполнили информированное согласие об участии. Причины исключения

матерей из исследования были различными: недостаточное владение русским языком – 1, перевод ребенка на другое отделение вследствие тяжести соматического состояния – 2, психопатологические реакции матери – 2, отказ от участия – 2, редкое посещение ребенка – 3.

В целях изучения особенностей эмоционального состояния матерям предлагался ряд методик – оценки материнского стресса («Гейдельбергская шкала стресса», Heidelberg Belastungsskala, HBS, Stasch, 2006 и модифицированная «Оценка стресса у родителей недоношенных детей, находящихся на отделении интенсивной терапии», Neonatal intensive care unit, NICU, Miler, 2015), депрессии (Шкала депрессии Бека, Beck Depression Inventory, BDI-II, 1996) и тревожности матери (Шкала тревожности Спилбергера-Ханина, State-Trait Anxiety Inventory - STAI).

Для изучения социально-демографических характеристик семьи, особенностей акушерско-гинекологического анамнеза матери, ребенка, его неврологического и соматического статуса, протоколов операций использовались специально разработанные формы.

Наивысшие показатели матери недоношенных младенцев продемонстрировали по шкалам стресса, отмеченного ими в 100% случаев («очень сильный» – 8 матерей, «сильный» – 2 матери). В качестве факторов стресса, кроме особенностей внешнего вида недоношенного ребенка, особенностей технизированной среды и вынужденного ограничения контактов с младенцем, матери называли аспекты взаимодействия с персоналом отделения, которые не отмечены в качестве значимых в работах зарубежных исследователей: недостаточное количество бесед и предоставление разной информации разными специалистами, неуверенность в том, что матери позвонят, если с ребенком что-либо случится.

Полученные результаты носят предварительный характер и требуют дальнейшего уточнения, однако, можно предположить, что выявленные особенности эмоционального состояния матерей связаны как с особой тяжестью изучаемой группы недоношенных детей, так и со спецификой организации работы неонатального отделения.

**Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда научных исследований (проект № 18-013-01183).*

Аникина В.О., Идиатулина Г.Р.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПРИВЯЗАННОСТИ У ДЕТЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ДОМЕ РЕБЕНКА С СЕМЕЙНЫМ ОКРУЖЕНИЕМ

Качество отношений, установленных с близким взрослым, их стабильность и предсказуемость определяет физическое и психическое здоровье детей раннего возраста (Gunnar, 2001, Боулби, 2003, Juffer & van IJzendoorn, 2005, St.Petersburg-USA Research Team, 2008, Johnson, 2011). Социальное окружение домов ребенка характеризуется социально-эмоциональной депривацией, низкой чувствительностью взрослых к сигналам ребенка, частой сменой ухаживающих взрослых (St. Petersburg – USA Orphanage Team, 2009, Мухамедрахимов, Иванова, Вершинина, 2007). В условиях учреждений у детей раннего возраста возникают как расстройства привязанности, так и нарушения социально-эмоционального функционирования (Juffer & van IJzendoorn, 2005, Smyke et al., 2010, Jonkman et al., 2014, Zeanah & Gleason, 2015). Тем не менее, исследования показывают, что изменение окружения детей, направленное на создание условий, приближенных к семейным, положительно сказывается на развитии ребенка во многих областях (St. Petersburg – USA Orphanage Team, 2009; Пак, 2017; Кушнир, 2017). Однако остается неизученным тот факт, способствует ли изменение социального окружения исчезновению признаков расстройств привязанности у детей, проживающих в условиях семейного окружения, связаны ли характеристики этих расстройств с характеристиками

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

социально-эмоционального функционирования детей, и отличаются ли они у детей из дома ребенка с семейным окружением и у детей, имевших опыт институционализации и проживающих в семьях. Было проведено исследование, направленное на более детальное изучение этих вопросов.

В исследовании было использовано Интервью для оценки привязанности (Disrutbances of attachment Interview, DAI, Zeanah, 1999) и система оценки поведения детей (Behavior Assesment System for Children, BASC 2, Reynold, Kamphaus, 2004), которые проходили близкие ребенку взрослые (мать в замещающих семьях и сотрудница дома ребенка, которая знает ребенка лучше всего). Выборку составили дети, проживающие в доме ребенка с семейным окружением ($n = 9$, $M(SD)=30,26(4,94)$), дети, проживающие в замещающих семьях ($n=22$, $M(SD)=36,62(7,70)$), контрольной группой выступали дети, живущие в условиях типичного дома ребенка ($n=19$, $M(SD)=30,94(4,88)$).

В результате было обнаружено, что дети из дома ребенка с семейным окружением по сравнению с детьми из типичного дома ребенка имеют меньшие значения реактивного расстройства привязанности, а также менее выраженные признаки агрессии, атипичности, гиперактивности, депрессии и более развитые навыки функциональной коммуникации. По сравнению с детьми, проживающими в замещающих семьях, значимых различий в нарушениях привязанности обнаружено не было, при этом дети из дома ребенка с семейным окружением имеют менее выраженные признаки агрессии, гиперактивности и тревоги и при этом показатели их адаптивности и функциональной коммуникации также ниже. Интересным результатом оказалась структура взаимосвязей изучаемых характеристик. Нами было обнаружено, что структура взаимосвязей нарушений привязанности и показателей социально-эмоционального функционирования у детей, проживающих в типичном доме ребенка и замещающих семьях, более схожа между собой и отличается от структуры взаимосвязей изучаемых нами показателей в доме ребенка с семейным окружением. Это может быть связано с тем, что семейное окружение поддерживается в доме ребенка на протяжении 15 лет с постоянной профессиональной супервизией сотрудников, в то время как сотрудницы типичного дома ребенка на момент исследования находились в ситуации начала внедрения Постановления №481 о внедрении семейного окружения в домах ребенка, матери из замещающих семей проходили только школу подготовки приемных родителей и не получают системного профессионального сопровождения, дети из этих семей жили в условиях социально-эмоциональной депривации дома ребенка или больницы до момента размещения их в семье. Эти результаты, тем не менее, требуют дальнейшего осмысления. В целом следует отметить, что данные нашего исследования демонстрируют, что дети из дома ребенка с семейным окружением имеют менее выраженные нарушения социально-эмоционального функционирования, как по сравнению с детьми из типичного дома ребенка, так и по сравнению с детьми из замещающих семей.

Аникина В.О., Туманьян К.Г.

ПРОГРАММА СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА В ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЬЯХ*

К настоящему времени широкое распространение получили исследования детей с опытом раннего пребывания в сиротских учреждениях и впоследствии принятых в замещающие семьи. В результате многочисленных исследований было обнаружено негативное влияние среды сиротского учреждения на развитие и функционирование ребенка, в частности, в областях физического, поведенческого, социально-эмоционального развития, а так же формирования привязанности (Мухамедрахимов, Солодунова, Черного, 2017).

В последние годы в Российской Федерации разработаны и успешно реализуются государственными и благотворительными организациями программы подготовки замещающих родителей. Однако отсутствуют программы, направленные на поддержку и сопровождение замещающих семей на начальном этапе после принятия ребенка в семью.

Анализ зарубежной литературы показал, что в качестве единой теоретической основы при разработке программ сопровождения выступает теория привязанности (Bick, Dozier, 2013; Van IJzendoorn, Juffer, Klein-Poelhuis, 2005). Известно, что в формировании определенных паттернов привязанности главную роль играют чувствительность к сигналам ребенка, отзывчивость и эмоциональная доступность близкого взрослого (матери или замещающего ее человека). Разработанные на базе теории привязанности программы сопровождения направлены, прежде всего, на повышение чувствительности матери к сигналам ребенка, ее следование за инициативами ребенка, улучшение качества взаимодействия в диаде «близкий взрослый – ребенок» и поддержку формирования адаптивного типа привязанности ребенка (Dozier et al., 2005; Groeneveld, Vermeer, Van IJzendoorn, Linting, 2011).

Анализ существующих программ сопровождения детей в замещающих семьях свидетельствует, что одной из наиболее разработанных, научно обоснованных и показавших свою эффективность программ является программа раннего вмешательства «ABC» («Attachment and Biobehavioral Catch-Up», ABC Intervention Program, Dozier M., University of Delaware), получившая распространение в США, Западной Европе и Австралии (Dozier et al., 2005, 2013). Положительный эффект программы «ABC» был отмечен в ряде исследований по показателям поведенческого и биологического развития детей. В результате проведения программы наблюдалось улучшение качества взаимодействия между ребенком и родителем в замещающей семье, повышение чувствительности матери к сигналам ребенка (Bick, Dozier, 2013), повышение показателей поведенческого контроля и саморегуляции (Lewis-Morrarty, Dozier, Bernard, Terracciano, Moore, 2012), а так же положительные изменения в нейроэндокринном (секреция кортизола) функционировании ребенка (Bernard, Hostinar, Dozier, 2015). В настоящее время сотрудниками кафедры психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей Санкт-Петербургского государственного университета реализуется научно-исследовательский проект «Изучение био-поведенческих показателей развития детей с опытом социально-эмоциональной депривации, участвующих в программе раннего вмешательства». Изучение биологических показателей проводится при поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых «Изучение нейрогуморальных показателей развития детей с опытом социально-эмоциональной депривации в раннем возрасте» (грант № 14.W01.17.460-МК). Основной целью проекта является сравнительное изучение био-поведенческого развития детей с опытом институционализации после перевода в замещающие семьи и участвующих в программе «ABC-вмешательства». Выборку исследования составляют три группы детей: дети, воспитывающиеся в замещающих и биологических семьях, а так же дети, в настоящее время проживающие в домах ребенка. Предполагается, что применение программы «ABC-вмешательства» на ранних этапах помещения детей в замещающие семьи окажет положительное воздействие на показатели привязанности, поведенческого функционирования и нейрогуморального развития детей, что позволит подтвердить эффективность программы для детей, переведенных в российские замещающие семьи.

**Исследование проводится при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук и докторов наук «Изучение нейрогуморальных показателей развития детей с опытом социально-эмоциональной депривации в раннем возрасте»; грант № 14.W01.17.460-МК.*

Беляевских В.С., Зарипова Л.З.

ИЗУЧЕНИЕ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИНАТАЛЬНЫЙ ПЕРИОД В СВЯЗИ С ТРИМЕСТРОМ БЕРЕМЕННОСТИ

В западных странах перинатальная психология развита как научно-практическое направление на высоком уровне, тогда как в России она начала приобретать популярность лишь в начале 21 века. Проблемы отношения беременной женщины к будущему ребенку, психоэмоционального состояния беременных достаточно освещены в научной литературе, однако, изучение зависимости протекания беременности от супружеских отношений, мало изучено. Все, что будущая мама ощущает, чувствует, испытывает, переживает тем или иным образом передается ребенку. Как положительные (музыкальная терапия Толчинская Е.А., 2009; арт-терапия Метляева Ю.В., Синева О.В., 2013; телесно-ориентированная терапия Былина Е.В., 2016 и др.), так и отрицательные влияния (состояние в кризисных ситуациях Брутман В.И., 1999; тревога и депрессия Добряков И.В., 2014; отрицательные эмоции Голубых А.И., Савенышева С.С., 2014, и др.). В этой связи особенно значимо исследование не только физиологического, но и психологического состояния женщины, которое складывается из множества факторов. В частности, одним из таких факторов является отношения в семье. В науке представлено обширное количество исследований феномена материнства, но вместе с тем достаточно дефицитным является знание о влиянии и роли мужчины как отца и супруга в перинатальный период в семье. Так как супруг является будущим родителем, он оказывает важное влияние на особенности протекания беременности. Для качественного внутриутробного развития ребенка необходимы условия гармоничных супружеских отношений. Супружеские отношения влияют на самочувствие беременной женщины и становятся главной опорой в этот сложный и долгий для нее период вынашивания ребенка. Это обстоятельство предопределило сферу нашего исследования и позволило ее сформулировать как «Изучение супружеских отношений в перинатальный период в связи с триместром беременности». Недостаточная изученность особенностей супружеских отношений в крайне важный и кризисный для развития семьи перинатальный период затрудняет оказание квалифицированной психологической помощи и поддержки семейным парам во время беременности.

При изучении динамики супружеских отношений в течение беременности выявлено, что женщины во втором триместре беременности представляют себя с активной жизненной позицией, сконцентрированными на себе. Желаемый образ партнера – гибкий и компромиссный, при этом женщины опасаются критичности супругов. Женщины третьего триместра описывают себя как беззащитных, зависимых, сконцентрированных на семье и будущем ребенке. В представлениях о партнере преобладают качества его недостаточной поддержки. Важно отметить, что чем больше женщина проявляет альтруистические черты, тем больше уклоняется от эмоциональных контактов с партнером, с переживанием самопожертвования и зависимости (Блох М.Е., 2013). Нас интересует динамика супружеских отношений не только со стороны женщины, но и со стороны мужчины. Супружеские отношения имеют свои характерные особенности. В 1-м триместре наблюдается страх неизвестности, тревога за младенца, во 2-м триместре - спокойствие и постепенное привыкание к роли родителя, в 3-м триместре - боязнь родов, тревога за здоровье будущего ребенка (Перлз Ф., 1971).

Целью нашего исследования является изучение особенностей супружеских отношений в перинатальный период в 1, 2 и 3 триместрах беременности. В исследовании принимало участие 60 супружеских пар (120 человек) в период вынашивания супругой первого ребенка, 20 пар в 1-й триместр беременности, 20 пар – во 2-й триместр и 20 пар – в 3-й. В исследовании используются «Методика диагностики супружеских отношений» (Левкович В.П., Зуськова О.Э., 1985), опросник «Общение в семье» (Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М., 1985). Результаты исследования расширяют научное представление об особенностях супружеских отношений в перинатальный период, а также позволят применять эти знания на практике, внесут вклад в область перинатальной психологии и медицины.

Горн А.С., Солодунова М.Ю.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ У ДЕТЕЙ С ОВЗ В ДОМАХ РЕБЁНКА

Младенчество и раннее детство – это особые сензитивные периоды, во время которых закладываются основные предпосылки социально-эмоционального развития ребенка, рассмотрение которых невозможно вне взаимодействия с близким взрослым (Bowlby J., 1969; Ainsworth M., 1976; Fogel A., 1993; Rochat P. & Striano T., 1999; Feldman R., 2003). Многочисленные исследования демонстрируют, что ограниченные возможности здоровья (ОВЗ) могут стать существенным препятствием развития эмоционального взаимопонимания между детьми и их близкими взрослыми (Brazelton B. et al., 1997; Emerson E. & Einfeld S., 2010; Kubicek F. et al., 2013; Oppenheim D. et al., 2014). В наиболее сложной для ситуации оказываются дети с ОВЗ, воспитывающиеся в условиях учреждений, поскольку социально-эмоциональная депривация является основной детерминантой нарушений эмоциональной регуляции и поведения детей (Johnson D., 2000; Kim P. et al., 2003; Sparling J. et al., 2005; Мухамедрахимов Р., 2008; St Petersburg – USA Orphanage Research Team, 2008; Ghera M., 2009). В свете стартовавшей в РФ программы «Десятилетие детства», принятия Концепции развития ранней помощи в Российской Федерации на период до 2020 года данная тема является особенно актуальной. Настоящее исследование направлено на изучение эмоциональной регуляции у детей с ОВЗ, воспитывающихся в различных условиях социально-эмоционального окружения. Особенно-стью исследования является функциональный подход, предполагающий деление детей с ОВЗ на группы в соответствии с уровнем функциональных способностей, а не медицинских диагнозов.

В исследовании приняло участие 260 детей с ОВЗ в возрасте 6-58 мес., проживающих в двух домах ребенка Санкт-Петербурга: дом ребёнка с семейным социальным окружением (ДРС) и традиционный дом ребёнка (ДРТ). На основании методики «Индекс функциональных способностей» (Мухамедрахимов Р. и др., 2000) были выделены три группы детей: 1) с незначительными, 2) умеренными и 3) серьезными нарушениями. Для изучения характеристик выражения эмоций и поведения у детей использовался метод структурированного видеонаблюдения «Оценка эмоций матери и ребёнка» (Osofsky J., Muhamedrahimov R., Hammer, 1998). Метод позволяет оценить позитивный и негативный эмоциональный тон, активность и деструктивную активность в последовательных ситуациях разлучения и воссоединения с близким взрослым.

Анализ результатов показал, что дети в ДРС вне зависимости от уровня функциональных способностей имеют схожие профили эмоциональной регуляции, включающие изменения позитивного и негативного тона в ситуациях взаимодействия/разлучения с близким взрослым. Схожий паттерн регуляции показывают и типично развивающиеся дети, в том числе воспитывающиеся в семьях, уменьшая позитивный эмоциональный тон и увеличивая негативный тон при разлучении с близким взрослым и увеличивая позитивный и уменьшая негативный тон в ситуациях воссоединения (Петрова О., 2016; Бабасадикова Ш., 2017). У детей в ДРТ профили эмоциональной регуляции зависят от уровня функциональных способностей: дети с незначительными нарушениями демонстрируют паттерн, схожий с паттерном детей в ДРС, в то время как дети с умеренными и серьезными нарушениями имеют другие паттерны, включающие в себя комбинации изменений эмоционального тона и активности. Включение в эмоциональную регуляцию поведенческого компонента в виде активности напоминает паттерны регуляции, характерные для детей с опытом депривации (Солодунова М., 2015).

Настоящее исследование показывает, что в условиях семейно ориентированного окружения дети с ОВЗ способны формировать паттерны эмоциональной регуляции, напоминающие паттерны типично развивающихся детей, вне зависимости от установленных медицинских диагнозов и уровня функциональных способностей. Это расширяет границы оказания ранней помощи детям с ОВЗ – от традиционных реабилитационных технологий до программ, способствующих развитию адаптационного потенциала и сохранению психического здоровья ребенка.

Грабельникова У.К., Дорошева Е. А.

**СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ, ОСОБЕННОСТИ
СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ И РЕГУЛЯЦИИ ЭМОЦИЙ У
МАТЕРЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ РЕБЕНКА С РАССТРОЙСТВОМ
АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА**

В подавляющем большинстве исследований синдром эмоционального выгорания рассматривается как следствие хронического стресса исключительно в аспекте профессиональной деятельности. Крайне мало исследований этого явления в сфере детско-родительских отношений.

Л.А. Базалева указывает на то, что «многие женщины испытывают в материнстве и демонстрируют окружающим тот феномен, который известен как эмоциональное «выгорание» специалиста в профессиональной деятельности» (Базалева Л.А., 2012). Она определяет воспитание и уход за ребенком как специфическую форму трудовой деятельности, которая характеризуется постоянством и невозможностью «уйти с работы» и имеет определенные риски для психологического благополучия женщины. Вслед за В.В. Бойко (1996), Л.А. Базалева рассматривает материнское эмоциональное выгорание как динамический процесс, который соответствует стадиям стресса, выделенным Г. Селье. Одним из значимых факторов, влияющих на формирование синдрома эмоционального выгорания родителей, является рождение ребенка с нарушениями развития, в частности с расстройством аутистического спектра.

Безусловно, наличие у ребенка серьезного хронического заболевания, выраженных нарушений развития уже само по себе является мощным фактором стресса для родителей. Но в случае с аутизмом объективные факторы стресса многократно усиливаются отсутствием обратной связи от ребенка, проявлениями его любви и привязанности. «Известно, что матери детей с аутизмом в силу их поведенческих особенностей (отсутствие контакта глаз, мутизм, отсутствие следования, кажущаяся эмоциональная холодность ребенка, непереносимость тактильного контакта и пр.) оценивают себя как «плохих» матерей» (Нестерова А.А. и др., 2016).

Помимо этого, следует отметить, что хроническая депривация потребностей, важных для любого человека, может спровоцировать развитие синдрома эмоционального выгорания. Материальные трудности, нехватка времени на собственные нужды увеличивают стресс у родителей детей с РАС. Формирование синдрома эмоционального выгорания в значительной степени зависит от того, какие стратегии совладающего поведения использует человек.

Чтобы подробнее изучить данную проблему, нами было проведено пилотное исследование, целью которого стало изучение структуры и специфики эмоционального выгорания матерей детей с РАС, а также стратегий совладающего поведения и регуляции эмоций, которые они используют. Актуальность работы обусловлена увеличением количества детей с РАС и, соответственно, необходимостью разработки комплекса мер по психологической помощи не только детям с РАС, но и их родителям. Полученные результаты могут использоваться в психологическом консультировании родителей детей с аутизмом.

Психодиагностический комплекс включал: «Опросник эмоционального выгорания для матерей» Л.А. Базалевой, «Преодоление трудных жизненных ситуаций» В. Янке, Г. Эрдманн, Опросник когнитивной регуляции эмоций Н. Гарнефски и В. Крайг. Также было проведено анкетирование и авторское интервью. Выборка: общий объем выборки составил 55 женщин в возрасте от 25 до 51 года.

Результаты: матери детей с РАС испытывают большую тревогу, напряжение, ощущение личных ограничений, чем матери, воспитывающие нейротипичных детей. В то же время не выявлено тенденций дистанцирования и отчуждения от ребенка. У матерей, воспитывающих

детей с РАС, отмечена специфика эмоциональной регуляции: они в большей степени, чем матери, воспитывающие нейротипичных детей, склонны использовать положительную переоценку проблемных ситуаций, связанных с детьми, подавлять неприятные мысли, связанные с ребенком, смиряться с существующей ситуацией как с неизбежностью. По данным интервью, важными ресурсами, позволяющими справиться со стрессом, оказываются успехи ребенка, сформировавшего какие-либо умения, любовь к ребенку, проявление эмоций любви и радости с его стороны, совместная деятельность матери и ребенка, наличие здорового сиблинга в семье, в некоторых случаях – социальная поддержка, общение с другими матерями детей с РАС.

Корнакова Ю.С., Пушкина Т.П.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЖЕНЩИН С БЕСПЛОДИЕМ НЕЯСНОГО ГЕНЕЗА

В последнее десятилетие бесплодие рассматривается как фактор, оказывающий значительное влияние на демографические показатели в стране, представляя проблему государственного уровня. Среди многочисленного многообразия форм женского бесплодия диагноз бесплодие «неясной этиологии» («неясного генеза», «психогенное», «идиопатическое»), при котором биомедицинские причины нарушения фертильности остаются невыясненными, колеблется от 4 до 40% от общего количества бесплодных пар (Актуальные вопросы акушерства и гинекологии, 2007 г.).

Причины бесплодия неясного генеза рассматриваются в медицине как отсутствие адекватного инструментария диагностики, в психологическом подходе – с точки зрения психосоматического направления и интегративном биопсихосоциальном подходе, где подчеркивается тесная связь эмоциональных и соматических явлений. В ряде исследований наличие нарушений эмоциональной сферы женщин с бесплодием неясного генеза отвергается (Р.Шенкер), а в других работах подтверждается (В.В. Бочаров, А. Галхардои, Г.Г. Филиппова и др.).

Психодиагностический комплекс включал: интегративный тест тревожности (А.П. Бизюк, Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев), методику «Оценка нервно-психического напряжения» Т.А. Немчина, методику дифференциальной диагностики депрессивных состояний В.А. Жмурова, методику диагностики уровня социальной фрустрации Л.И. Вассермана, опросник агрессивности (Басса-Дарки), тест оценки «эмоционального интеллекта» (Н. Холл), торонтскую шкалу alexitimии (TAS-20-R) (Дж. Тейлор), оксфордский опросник счастья (М. Аргайл), методику диагностики самооценки мотивации одобрения (Д. Марлоу, Д. Краун), методику для исследования специфики онтогенеза материнства (Филиппова Г.Г.) и интервью для сбора анамнестических данных. Выборку составили 60 женщин в возрасте от 25 до 41 года (средний возраст 30 лет): с понятным бесплодием (20 чел.), с бесплодием неясного генеза (20 чел.), фертильные и имеющие хотя бы 1 ребёнка (20 чел.).

В результате исследования выявлены значимые межгрупповые различия изучаемых показателей. Группа женщин с бесплодием неясного генеза отличается более высоким уровнем нервно-психического напряжения. Выявлено значимое преобладание в группе с психогенным бесплодием астенического компонента тревоги как эмоционального состояния и тревожности как фундаментальной личностной характеристики, что может являться специфической особенностью женщин с психогенным бесплодием и входить в структуру астено-невротического типа характера. Наличие нервно-психического напряжения и астенического компонента тревоги сопровождается преимущественно выраженной соматической и эмоциональной составляющей. На физиологическом уровне в виде дискомфорта, болевых ощущений, мышечном

тонусе, изменениях в сердечно-сосудистой и других физиологических системах. В эмоциональной сфере преобладает ощущение общего дискомфорта, которое выражается тревогой и страхами. Таким женщинам свойственна повышенная усталость, расстройство сна, вялость, пассивность и быстрая утомляемость, что может оказывать влияние на их эмоциональный тонус. В структуре тревоги (на уровне тенденции) в большей степени у группы с психогенным бесплодием преобладает фобический компонент тревожности ситуативный и личностный. На такие личностные особенности, возможно, могут накладываться негативные рассказы матерей о родах, заключающиеся в более подробном описании перенесенных физических страданий. Выявлены значимые дополнительные особенности женщин с бесплодием неясного генеза, заключающиеся в наличии более эмоционально формального отношения матери к процессу совместной игры, значимые различия по инициатору беременности, что возможно трактовать как отсутствие проявления инициативы со стороны таких женщин и наличие потребности опираться на другого. Также выявлено наличие отрицательной эмоциональной связи от матери, ее меньшая заинтересованность в эмоциональной жизни, с другой стороны, указываются субъективно близкие взаимоотношения с ней, что может быть рассмотрено как нарушение привязанности и свидетельствовать о некоторой зависимости женщин с психогенным бесплодием.

Полученные результаты исследования расширяют область существующих теоретических представлений, могут быть использованы в практической деятельности психологов и специалистов клиник, применяющих вспомогательные репродуктивные технологии.

Коршина Ю.Д., Мухамедрахимов Р.Ж.

ФОРМИРОВАНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ В РАННЕМ ВОЗРАСТЕ В РАЗЛИЧНЫХ УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ

Исполнительные функции (ИФ) относят к когнитивным процессам высшего порядка, которые обеспечивают целенаправленное поведение и вовлечены в контроль мыслей, действий и эмоций. В современных исследованиях раннего нейрокогнитивного развития выделяют два компонента ИФ: «когнитивный» («cool») и «аффективный» («hot»). В рамках данного подхода «когнитивный» компонент оценивают при выполнении абстрактных, эмоционально нейтральных и изолированных от контекста задач (Zelazo P., 2011), в то время как «аффективный» компонент реализуется в задачах, требующих эмоциональной регуляции, быстрой оценки аффективной значимости стимула, а также контроля над системой вознаграждения/подкрепления (Hongwanishkul D., 2005; Kim S., 2013). Исследования свидетельствуют, что использование «cool/hot» модели ИФ имеет значительные преимущества для прогнозирования дальнейшего развития ребенка. Так, показатели тестов на «hot» компонент в раннем возрасте значимо взаимосвязаны с последующими поведенческими проблемами, в частности, с экстерналистскими расстройствами поведения, с психопатологическими нарушениями и проблемами с психическим здоровьем (Carlson S.M., 2005; Hongwanishkul D., 2005; Brock L., 2009; Diamond A., 2013; Kim S., 2013). В значительном количестве работ подчеркивается особая роль социально-эмоционального окружения для формирования процессов ИФ на ранних этапах развития. Результаты крупных лонгитюдных проектов свидетельствуют, что у детей с опытом институционализации преобладают нарушения в области ИФ, которые наблюдаются вплоть до подросткового возраста, как в условиях учреждения, так и после помещения в замещающую семью. В связи с этим целью нашего пилотного исследования явилась оценка особенностей формирования аффективного компонента ИФ у детей раннего возраста, проживающих в различных условиях социально-эмоционального окружения.

В исследовании приняли участие 3 группы детей (22-48 месяцев): дети, проживающие в домах ребёнка; дети с опытом институционализации, проживающие в замещающих семьях; дети без опыта институционализации, проживающие в семьях их биологических родителей. Для оценки аффективного компонента ИФ использовали два теста: «Отсроченное угощение» («Snack delay», адаптировано из Kochanska G., 2000), «Завёрнутый подарок и Ожидание подарка» («Gift wrapped & Gift delay», адаптировано из Kochanska G., 2000).

Результаты исследования показали, что уровень выполнения тестов на аффективный компонент ИФ (при сравнении средних z-баллов по группам) был значимо ниже как у детей, проживающих в условиях депривации, так и имеющих опыт институционализации (проживающих в замещающих семьях) по сравнению с группой детей из биологических семей. Результаты исследования имеют важное теоретическое и практическое значение. Использование «cool-hot» модели ИФ расширяет теоретические представления об особенностях формирования процессов нейрокогнитивного развития у человека в раннем возрасте в условиях неблагоприятного социально-эмоционального окружения. Кроме того, полученные данные позволяют сделать вывод о том, что постинституциональные проблемы в области ИФ, выявляемые у детей, воспитывающихся в замещающих семьях и имеющих негативный опыт пребывания в детском сиротском учреждении, могут быть успешно преодолены при проведении специальных программ раннего семейного сопровождения. Полученные результаты могут быть использованы на практике для разработки и осуществления научно-обоснованных семейно-центрированных программ ранней помощи.

Плешкова Н.Л.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ МЛАДЕНЧЕСКОГО ВОЗРАСТА И ИХ РОДИТЕЛЯМ

Психологическая помощь детям младенческого возраста в большинстве случаев предполагает помощь и их родителям, т.к. психологическое благополучие младенца зависит от того, насколько мать (или другое заботящееся о ребенке лицо) способна удовлетворить эмоциональные и физические нужды младенца. Низкое качество заботы, таким образом, будет проявляться в трудностях эмоциональной регуляции, познавательного развития ребенка, а также в специфике его соматического функционирования, например, в нарушении пищевого поведения.

В настоящее время существует много программ, направленных на оптимизацию отношений в паре «мать-младенец». Данные программы имеют в своей основе теорию привязанности, а также некоторые положения психоаналитической теории, в которых подчеркивается важность для психического здоровья младенца удовлетворенности потребности в безопасности, а также взаимосвязь психологического благополучия матери с ее способностью адекватно распознавать нужды младенца и откликаться на них (Ainsworth et al., 1978; Beebe et al., 2012; Fraiberg et al., 1975). Целью некоторых программ является изменение паттернов родительского поведения и содействие сензитивному отклику, который, в конечном счете, изменяет состояние младенца (Bernard, Meade, Dozier, 2014; Knoche et al., 2012; Juffer, Bakermans-Kranenburg, Van IJzendoorn, 2008), работа с источниками материнской нечувствительности не предполагается. Эти программы обычно имеют руководства, в которых описано, что и в каких случаях необходимо делать профессионалу, а также используется видеозапись взаимодействия матери и ребенка. Совместный с психологом анализ и обсуждение видеозаписи обучает родителя точному распознаванию сигналов младенца. Другие программы направлены на изменение психи-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ческих репрезентаций (в том числе и бессознательных) матери, которые оказывают влияние на ее способность проявлять чувствительность к нуждам младенца (Baradon et al., 2005; Cramer et al., 1990; Fonagy, Sled, Baradon, 2016). Работа с репрезентациями предполагает обращение к внутренним переживаниям родителя по отношению к младенцу. Интерпретация, включающая в себя вербализованное понимание психологом внутриличностных и межличностных конфликтов и защит матери, способствует изменению ее поведения и отношений с ребенком. В рамках младенческо-родительской терапии интерпретации ограничены: по отношению к родителю – областью взаимодействия с младенцем, а также взаимосвязью прошлого опыта родителя и его актуального поведения с ребенком; по отношению к диаде – сферой влияния внутреннего конфликта родителя на способ адаптации младенца, а также в случае если и родитель, и ребенок используют общий механизм психологической защиты. Также в ходе психотерапевтической сессии, психолог работает непосредственно с ребенком, отражая его эмоциональные нужды и моделируя отношения с младенцем.

Вопрос о том, в каких случаях будет более эффективным содействовать чувствительному отклику родителя на поведенческом уровне, а в каких – работать с психическими репрезентациями, является важным, поскольку представленные выше подходы различаются по длительности работы с семьей, а также предполагают разные виды подготовки профессионалов. В исследовании П.О.Сванберг, Л.Меннет, С.Спикер (Svanberg, Mennet, Spieker, 2010), направленном на изучение эффективности программы сопровождения для младенцев и их матерей, было показано, что в случае умеренной чувствительности родителя, наиболее подходящей будет помощь в распознавании сигналов ребенка и выборе способа реагирования на них. Если изначально уровень родительской чувствительности значительно снижен и поведение родителя несет угрозу для ребенка, то более эффективно длительное сопровождение, направленное на разрешение внутренних затруднений родителя; а такие виды поддержки как информирование о потребностях ребенка, помощь в понимании его сигналов не повышают уровень чувствительности матери.

Солодунова М.Ю., Пальмов О.И.

ПРОГРАММЫ РАННЕЙ ПОМОЩИ ДЛЯ ДЕТЕЙ В ДОМАХ РЕБЕНКА

Обширные эмпирические данные свидетельствуют о важности ранних этапов развития в последующем психическом функционировании человека (The St. Petersburg–USA Orphanage Research Team, 2008; Zeanah C. et al., 2009; Rutter M. et al., 2010; The Leiden Conference, 2012), а опыт реализации программ ранней помощи доказывает позитивное влияние на развитие ребенка, в том числе с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), его взаимодействие с близкими взрослыми (Guralnick M., 1997; Пальмов О., 2008). История ранней помощи в РФ берет свое начало с 1990-х годов, когда в Санкт-Петербурге стартовала программа «Абилитация младенцев», был создан Институт раннего вмешательства (ИРАВ), а на базе детского сада № 41 была открыта русско-шведская Лекотека. Как ИРАВ, так и Лекотека были направлены на реализацию программ ранней помощи для детей, воспитывающихся в семьях. Первым шагом к развитию программ помощи для детей, оставшихся без попечения родителей, стал проект «Влияние изменения социального окружения на психическое здоровье детей», реализованный в 2000-2005 гг. в домах ребенка Санкт-Петербурга. Проект был направлен на создание в рамках традиционного для РФ учреждения для детей-сирот семейно-ориентированного социально-эмоционального окружения, что предполагало снижение численности детей в группах, их интеграцию по возрасту и уровню развития, запрет переводов детей из группы в группу,

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

выделение профессиональной роли «близкого взрослого», а также повышение компетентности персонала в области: 1) чувствительного и своевременного реагирования на потребности и сигналы ребенка; 2) качественного и уважительного взаимодействия взрослого и ребенка; 3) создания условий для формирования отношений привязанности у ребенка. В течение 10 лет после окончания данного научно-исследовательского проекта программа создания семейно-ориентированного окружения для детей с сиротским учреждении стала внедряться в дома ребенка различных регионов РФ и ближнего зарубежья. 24 мая 2014 г. право каждого ребенка, оставшегося без попечения родителей, на проживание «в условиях, приближенных к семейным», было закреплено Постановлением Правительства РФ №481 (Положение о деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей).

Дальнейшие изменения Законодательства РФ в области помощи детям раннего возраста, оставшихся без попечения родителей, привели к снижению количества детей-сирот в учреждениях, с одной стороны, к увеличению замещающих семей и к сохранению детей с ОВЗ в биологических семьях – с другой. Это поставило вопрос о сопровождении этих семей – в том числе, о предоставлении услуг ранней помощи в связи с воспитанием ребенка биологического или социального риска. Разукрупнение домов ребенка, их законодательно обусловленная семейная ориентация позволяют сегодня домам ребенка войти в систему ранней помощи для обозначенной группы семей (Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2016 г. №1839-р «О концепции развития ранней помощи в РФ на период до 2020 г.», Указ Президента РФ от 29.05.2017 г. №240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства»). Этому способствуют ресурсы домов ребенка: 1) укомплектованность специалистами медицинского и педагогического профиля; 2) семейно-ориентированный подход к организации проживания и сопровождения детей; 3) возможность для родителей участвовать в жизни ребенка; 4) обучение междисциплинарных команд специалистов домов ребенка по программе «Организационные основы деятельности Службы ранней помощи» (ИРАВ, 2018).

Мы убеждены, что лучшая среда для ребенка – это семья. Первостепенной задачей в настоящее время является совершенствование системы помощи семьям в трудной жизненной ситуации. Мы полагаем, что дома ребенка как Центры помощи семье – это мощный ресурс абилитации, на базе которого возможна реализация семейно-центрированных программ ранней помощи – как для детей, оставшихся без попечения родителей, так и для детей, проживающих в семьях.

Черного Д.И.

ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НЕДОНОШЕННЫХ ДЕТЕЙ В ДОМЕ РЕБЕНКА СЕМЕЙНОГО ТИПА

Введение. Результаты исследований недоношенных детей свидетельствуют о нарушениях их функционирования в различных областях психического развития (Baron & Rey-Casserly, 2010; Sansavini et al., 2011). Отмечается значительное количество недоношенных детей в сиротских учреждениях (Черного, 2015; The St. Petersburg-USA Orphanage Research Team, 2008; Vorria et al., 2003). В настоящее время в РФ политика государства направлена на уменьшение количества сиротских учреждений и активную поддержку помещения детей-сирот в замещающие семьи. Однако замещающие семьи предпочитают выбирать здоровых детей без особых потребностей в развитии. Таким образом, сиротские учреждения продолжают

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

функционировать, и в числе их воспитанников присутствуют недоношенные дети. Из исследований известно, что программы раннего вмешательства в сиротских учреждениях значительно улучшают психическое развитие детей. Несмотря на представленность недоношенных детей в сиротских учреждениях, данная группа отдельно не изучалась, в том числе в связи с влиянием раннего вмешательства. Целью настоящего исследования было оценить эффект социально-эмоционального вмешательства на общее психическое развитие недоношенных детей в домах ребенка.

Метод. Исследование было проведено в двух домах ребенка г. Санкт-Петербурга: доме ребенка обычного типа и доме ребенка, в котором было внедрено социально-эмоциональное вмешательство и созданы условия проживания детей, приближенные к семейным. Участники исследования. В исследование были включены условно здоровые дети. Общее количество обследованных детей составило 149 человек, распределенных по четырем группам: 1 группа – недоношенные дети в доме ребенка семейного типа ($N=22$; срок гестации – 34.3 ± 1.5); 2 группа – доношенные дети в доме ребенка семейного типа ($N=48$; срок гестации – 39.7 ± 1.0); 3 группа – недоношенные дети в доме ребенка обычного типа ($N=34$, 20 мальчиков; срок гестации – 34.1 ± 1.9); 4 группа – доношенные дети, воспитывающиеся в доме ребенка семейного типа ($N=45$; срок гестации – 39.4 ± 1.0). Выборка недоношенных детей представлена детьми, родившимся близко к сроку – на сроке гестации от 32 недель до 36 недель.

Методика исследования. Изучение психического развития детей было проведено при помощи методики оценки развития «The Battelle Developmental Inventory With Recalibrated Data and Norms» (BDI; Newborg et al., 1984). Показатель общего психического развития включает в себя суммарную оценку по шкалам социально-эмоционального, моторного, адаптивного, коммуникативного и познавательного развития. Сырые баллы по методике BDI были конвертированы в коэффициенты развития. Обследование детей было проведено в возрасте 3, 6, 9, 12, 18, и 24 месяцев. Для всех детей был использован хронологический возраст. Для обработки данных был проведен HLM и ANOVA методы анализа (ковариата – возраст поступления в дом ребенка).

Результаты исследования. Было обнаружено, что социально-эмоциональное вмешательство в доме ребенка оказало значимый эффект на общее психическое развитие недоношенных детей. Эффект вмешательства наблюдался в более высоком угле наклона кривой психического развития в течение первых двух лет жизни недоношенных детей (HLM анализ), и исследовательская группа имела выше показатели психического развития в каждом из обследованных возрастов (на основании ANOVA), по сравнению с недоношенными детьми из обычного дома ребенка. Эффект вмешательства для недоношенных детей наблюдался аналогично эффекту вмешательства для доношенных детей. Однако, даже подвергаясь вмешательству, недоношенные дети имели значимо более низкий уровень развития в изучаемых возрастных срезах по сравнению с доношенными детьми, проживающими в аналогичных условиях. Заключение. Результаты настоящего исследования в целом поддерживают важные теоретические представления о критическом влиянии первичного социально-эмоционального окружения на развитие ребенка в системе «ребенок – близкий взрослый». Результаты работы подчеркивают необходимость реорганизации учреждений, направленную на повышение качества социально-эмоционального окружения, организацию взаимодействия детей с ограниченным числом стабильных и отзывчивых близких взрослых. Также данное исследование показало, что необходима разработка специальной программы раннего сопровождения группы недоношенных детей младенческого и раннего возраста, воспитывающихся в домах ребенка.

Шабалина Е.В., Мухамедрахимов Р. Ж.

ПОКАЗАТЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДЕТЕЙ С СИНДРОМОМ ДАУНА И БЛИЗКИХ ВЗРОСЛЫХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОГРАММЫ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ В ДОМЕ РЕБЁНКА

Широко известно, что дефицит эмоционального общения с близким взрослым в раннем детстве отрицательно влияет на развитие ребенка (Боулби, 2003; O'Connor et al., 2000). Также существуют данные о том, что депривационные социально-эмоциональные условия в домах ребенка (ДР) можно изменить внедрением программы обучения персонала и структурных изменений с созданием для детей окружения, приближенного к семейному (St. Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008; Мухамедрахимов и др., 2009). В РФ большое количество детей с синдромом Дауна (СД) проживает в ДР, в которых в последние годы проводится реорганизация социального окружения (Постановление Правительства РФ от 24 мая 2014 г. №481), но в литературе нет данных о влиянии программы изменения окружения на развитие детей с СД в ДР. Кроме того, недостаточно изученными остаются особенности взаимодействия детей с СД с персоналом ДР, в т.ч. после создания в ДР условий, приближенных к семейным (Мухамедрахимов, Пальмов, 2008).

Цель данного исследования заключалась в изучении влияния проведенной программы изменения социально-эмоционального окружения детей, включавшей обучение персонала (направленного на повышение чувствительности и отзывчивости персонала) и структурные изменения (направленные на повышение стабильности персонала - уменьшение числа детей в группе, их интеграция по возрасту и уровню развития, выделение близких взрослых, организация «семейного часа») на качество взаимодействия детей с СД и персонала ДР. Предполагалось, что показатели взаимодействия детей с СД и персонала в ДР после окончания программы будут положительно отличаться от соответствующих показателей взаимодействия до начала ее проведения.

В выборку лонгитюда вошли 11 детей с СД: 6 девочек (Д) и 5 мальчиков (М). Средний возраст детей на 1-м этапе составил 24,6+10,8 мес. (4-37 мес.), на 2-ом этапе 37,6+11,6 мес. (12-48 мес.) и на 3-м этапе – 51+12,8 мес. (23-64 мес.). Выборка срезов включала 21 ребенка с СД: 12 детей на первом этапе (6 Д и 6 М, от 4-27 мес. (M+SD = 25+11), на этапе обучения – 6 детей (4 Д и 2 М, от 12-48 мес. (35,5+15), на этапе структурных изменений – 8 детей (3 Д, 5 М, 3-47 мес. (26,6+19,3), на последнем этапе – 21 ребенок (9 Д, 12 М, 4-64 мес. (34,6+22,4). Количество сотрудников на разных этапах различалось для обеих выборок.

Для оценки взаимодействия применялась методика Parent-Child Early Relationship Assessment (PCERA, Clark, 1985). Анализ данных проводился с применением многомерного дисперсионного анализа с ковариатой возраста детей (MANCOVA).

Результаты свидетельствуют об улучшении общего показателя взаимодействия детей с СД и сотрудников, общих показателей взаимодействия со стороны детей с СД, сотрудников и в диаде, а также специфических показателей. Установлено, что одни показатели значимо улучшаются в процессе проведения программы, а другие – после завершения ее реализации. Полученные данные говорят о положительном влиянии программы изменения окружения на качество взаимодействия детей с СД и сотрудников ДР.

ЛИЧНОСТЬ РЕБЕНКА И ПОДРОСТКА

Авдулова Т.П.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА «ГОРЬКУЮ КОНФЕТУ»

Экспериментальное исследование классического феномена «Горькой конфеты» по модели А.Н.Леонтьева на современной выборке среднего дошкольного возраста осуществлялось под нашим руководством в рамках магистерской диссертации О.А.Беловой.

Цель эксперимента: исследовать на поведенческом уровне способность ребенка к осуществлению морального выбора, изучить содержание и формы моральной саморегуляции. А.Н. Леонтьев связывает первое рождение личности в дошкольном детстве именно с появлением внутреннего морального регулятора.

Дифференциация полученных результатов эксперимента проводилась по следующей схеме:

1. Ребенок нарушает правила и не отказывается от конфеты.
2. Ребенок нарушает правила, демонстрируя явные сомнения, но не отказывается от конфеты.
3. Ребенок нарушает правила, демонстрирует муки выбора, затем возвращает игрушку на место, то есть конечное решение морально ориентировано.
4. Не нарушает правила на протяжении всего эксперимента.

Одним из показательных результатов исследования оказалось, что на выборке в 82 ребенка (возраст 5,1 – 6,4) ни один ребенок не продемонстрировал классический феномен «Горькой конфеты», то есть не отказался от поощрения в случае нарушения правила. В нашем исследовании процесс «работы совести» проявлялся у детей в момент принятия решения. В процессе выбора многие дети колебались, пробовали разные стратегии, возвращали игрушку. И в этот момент эмоциональные состояния детей были действительно очень разные: от безмятежного нарушения до мучительных сомнений и отказа от действия.

Как следует из полученных данных, самая большая доля респондентов (40%) постаралась соблюсти инструкцию, то есть следовала в реальном поведении нормам честности и послушания. Как правило, дети либо продолжали изо всех сил попытки дотянуться до игрушки, считая, что смогут выполнить задание, если приложат усилия, либо переставали пытаться, понимая тщетность усилий, и спокойно ждали исследователя.

Вторая по численности группа (35% от общего числа респондентов) нарушила инструкцию, взяв игрушку. Дети не смутились и не отказались от вознаграждения, а на вопросы исследователя, точно ли они не вставали и не двигали стул, даже несмотря на очевидное смещение стула от установленного места, утверждали, что ничего не делали, т.е. обманывали.

Третья группа респондентов по долевого соотношению (16%), так же, как и первая, предпочла соблюсти инструкцию, но при этом попыталась сначала ее нарушить. Эти дети показали дополнительную интересную реакцию: они включили процесс рационализации, объясняя, почему им не удалось достать игрушку, хотя очень хотелось получить награду (Я, наверное, маленький еще, вот вырасту, точно дотянусь).

Самая малочисленная группа респондентов (9%) сначала попыталась соблюсти инструкцию, потом нарушить, потом все же соблюсти, но в итоге выбрала нарушение в пользу вознаграждения. В этой группе некоторые дети (небольшое количество) демонстрировали признаки смущения при дополнительных вопросах экспериментатора.

В исследовании изучались и другие феномены. Моральный выбор в эксперименте «Горькая конфета» оказался значимо статистически связан с уровнем критичности дошколь-

ников ($R_s = -0,247$, при $p \leq 0,05$). Высокий уровень критичности (шкала оценки по данному параметру была обратной) обнаруживался у детей, осуществлявших выбор на основании правила. Вместе с тем, поведение морального выбора не показало связей с другими регуляторами поведения (произвольность) и не показало связей с целой группой индикаторов общей мозговой зрелости детей (комплекс нейropsychологического обследования). Данный отрицательный результат представляется принципиально важным, так как определяет источники морального выбора не в общей психической зрелости ребенка и даже не в способности к регуляции, отсрочке удовольствия и произвольности.

Моральное развитие ребенка требует включения воспитательных воздействий в ценностной сфере, сфере представлений о себе как о моральном субъекте и в развитии нравственных чувств.

Арпентьева М.Р.

ШКОЛА ДЛЯ ДЕТЕЙ В СИСТЕМЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕМЕЙНОЙ АКАДЕМИИ

Постановка проблемы. Содержание работы предлагаемой нами в дополнение к иным, более «традиционным» школам для супругов и родителей, «Школы для детей» с одной стороны, тесно перекликается с содержанием работы иных школ, но детям предлагается адаптированный к их возрасту перечень форм и содержаний индивидуальной, групповой, семейной и общинной работы.

Описание исследования и его результатов. Приведём основные тематические блоки работы с детьми, реализующие преимущественно в лекционно-игровой и тренинговой формах. Начало работы связано с лекционно-диагностическим занятием «Мама и папа: для чего они мне?» Далее идут занятия на темы: «Что делать, когда мама и папа ссорятся...», «Кого я люблю сильнее? Обоих!», «Чем бабушка и дедушка похожи и отличаются от мамы и папы», «Я стал сиротой... я уже не сирота», «Я – хочу быть!», «Прощать родителей: как и зачем», «Внимание или поддержка родителей», «Верю миру – верю себе», «Мир полон тайн: самовоспитание и самообучение», «Как воспитывать родителей: тайны родителей, которые должны знать дети», «Я – наследник семейных традиций», «Если папа и мама разводятся: что делать мне?», «Новый папа и новая мама: мой мир увеличивается...», «Хочу быть взрослым: посоветуйте!», «Я расту: растет и мой мир», «Помогать и уважать родителей», «Чужие взрослые: что с ними делать и не делать», «Родители: мое будущее, настоящее, прошлое», «Мои сестры и братья: любить или бежать?», «Другие дети – просто другие», «Уметь слушать: слова и тело», «Уметь слушаться». В заключение работы и в течение работы организуются тематические индивидуальные и групповые психологические консультации, в том числе по запросу детей и по запросу самих родителей.

Результаты работы оценивались на основе отзывов детей и родителей о росте гармонии семейных отношений, включая преодоление условно-негативных поведенческих форм реагирования (замещающее реагирование, сопротивление и агрессия, пассивность и отчуждённость, ревность и зависть и т.д.). По данным опросов более 90% респондентов (родителей и детей) отмечали, что «им стало легче» в общении и отношениях друг с другом, что они чувствуют себя более уверенно и компетентно (Арпентьева, Рожкова, 2014, 2016; Арпентьева, Алексеечкина, Головашкина, Рожкова, Чикалов, 2015; Ребенок должен..., 2013). Более гармоничным и уверенным стали и отношения детей к родителям и миру: уменьшилась тревога, выросло самопонимание и понимание мира (субъективное и объективное).

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Обсуждение результатов и выводы. Компоненты данной программы прошли апробацию в рамках работы центра «Содействие» в Калуге и центра «Милосердие» в Обнинске Калужской области в 2009-2017 годах, в том числе в рамках «Школы замещающего родителя», а также в работе психологов центров с детьми и взрослыми. Также важным моментом в обеспечении и завершении цикла «основных» программ является «Школа специалистов сопровождения замещающих семей», выполняющая функции супервизорско-методической и психолого-психологической помощи специалистам, работающим с замещающими семьями: а) в режиме активного сопровождения и б) в режиме организации групп и форм самопомощи членов замещающих семей. В качестве дополнительного аспекта необходима организация курсов повышения квалификации специалистов, работающих в службах по сопровождению замещающих семей, а также осуществление «второго уровня» подготовки слушателей семейной академии – «Школы замещающей семьи», развивающая позицию, знания и навыки, необходимые для профессионального родительства, а также для знания и навыки, помогающие детям правильно выбрать и реализовать детскую позицию.

Бочавер А.А., Поливанова К.Н.

ДЕТСКАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И ОСВОЕНИЕ УЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

Современные российские дети и подростки по сравнению со своими родителями и родителями осваивают уличное пространство хронологически позже, иначе его используют (меньше движения, больше общения), воспринимают окружающий мир скорее как опасный и требующий бдительности, а не как побуждающий к познанию. Характеризуя тенденцию, можно говорить о том, что на смену интересу к гаражам пришел интерес к кафе (Бочавер, Корзун, Поливанова, 2017).

Опрос 121 взрослого участника (91 женщина и 30 мужчин, 1936–1994 гг. рождения) с использованием анкеты «Пространства детства» показал, что родительский контроль в отношении местоположения детей был не очень распространен: мобильных телефонов не было, основными регуляторами служили доверие к детям и упование на их здравый смысл. Родителям было достаточно знать, где дети (что не всегда соответствовало реальности), а во многих семьях было вообще не принято контролировать занятия ребенка в то время, пока родители на работе. у 60 опрошенных из 121 родители были информированы о том, где и чем заняты дети, у 40 - родители не знали об этом, доверяя детям и их здравому смыслу, и у 17 респондентов родители целенаправленно бывали обмануты. Поведение детей регулировалось установленными родителями правилами о времени возвращения, местах, где разрешено и запрещено гулять, а также условиями допуска к прогулке (выполнением бытовых или учебных задач). 16 человек рассказали о тех или иных опасных эпизодах, связанных с самостоятельными перемещениями в их детском и подростковом возрасте, из них 6 историй – о том, как дети заблудились, 2 – как на них кто-то напал, и 8 – как они сами предприняли нечто небезопасное.

Опрос подростков (130 участников, 94 девушки и 36 юношей, 1997–2005 гг. рождения) с использованием анкеты «Свободное время», разработанной на основе ответов взрослых респондентов, включал в себя просьбу оценить в баллах сходство процитированных эпизодов из взрослых рассказов с личным опытом респондентов-подростков. Наиболее низкий балл получил отрывок об общении со сверстниками большой компанией вечером на территории закрытого детского сада, наиболее похожим на их собственный опыт оказался текст о прогулках в одиночестве или с близкими друзьями. Типичная реакция на историю о посещении

заброшенной сторожки: «Нет, ничего похожего. В заброшенные дома не лажу и ночью всегда дома». Такой паттерн реагирования на подростковые истории прошлых поколений может объясняться другим переживанием взросления, социально желательной формой реагирования, меньшим психологическим возрастом по сравнению с реконструированными по воспоминаниям подростками предыдущих поколений, и др.

Отдельным вопросом является пространство, в котором для современных детей и подростков становится возможно тренировать самостоятельность. Вероятно, частично эту площадку занимает интернет – как новая, вызывающая жгучий интерес детей, «модная» среда, которая во многом закрыта для их родителей и которая открывает детям многие возможности, так же, как и заставляет встречаться с рисками.

Бровкина Ю.Б., Осорина М. В.

СТРУКТУРА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ДЕТСКИХ ФАНТАЗИЙНЫХ МИРОВ

О существовании детских фантазийных миров (далее – ФМ) известно родителям, писателям, практическим психологам. Но их научное изучение сильно отстает: работ о ФМ детей крайне мало за рубежом, а в российской психологии эта тема практически не исследована.

Основные трудности обнаруживаются как на этапе сбора информации (поиск детей, готовых рассказать о своих ФМ, необходимость согласия родителей, организация и процедура интервьюирования и т.п.), так и на этапе анализа полученных данных ввиду их потаённости, внешней хаотичности и крайнего разнообразия.

Насущным вопросом является то, каким образом и о чем именно спрашивать ребенка в процессе интервью на тему фантазийного мира. Следующая проблема - на основе каких принципов построить описание детского ФМ, чтобы получить возможность описывать любые ФМ, сравнивать ФМ разных детей и обобщать полученный материал. Решению этих проблем была посвящена наша работа.

В исследовании участвовали 18 детей. В процессе интервьюирования с записью на диктофон была собрана подробная информация об их 18 ФМ, которая затем подвергалась многоаспектной обработке. Главным результатом нашей работы является создание процедуры сбора информации и единой структуры описания ФМ. Базой для того и другого стала система выделенных нами на основании анализа собранных материалов существенных характеристик, которыми обладает любой детский ФМ.

Структура описания фантазийных миров детей.

1. Временные характеристики фантазийных миров: 1) долгосрочность существования ФМ; 2) частота актуализации ФМ; 3) условия актуализации ФМ: «хочу», «могу», «надо».

2. Пространственные характеристики фантазийных миров: 1) характер локализации ФМ в пространстве реального мира и использование «переходных объектов»; 2) организация и конструктивная проработанность созданного ребенком фантазийного пространства.

3. Источники содержательного наполнения фантазийных миров: 1) реальный опыт и/или культурные тексты; 2) характеристика основного содержательного наполнения ФМ: ландшафт, объекты, субъекты, отношения, сюжеты и события.

4. Функции фантазийного мира в жизни ребёнка: 1) обогащение обыденной реальности; 2) совладение с жизненными трудностями; 3) самореализация; 4) творчество; 5) опосредованное самопознание через моделирование психических миров героев; 6) создание дополнительного круга общения.

5. Сочетание изменчивости и стабильности фантазийного мира: 1) стабильно воспроизводящиеся элементы ФМ; 2) характер динамики изменений ФМ.

6. Фантазийный мир как существенный компонент душевого мира ребёнка: 1) позиция ребенка в ФМ: создатель, гость или участник; 2) эмоциональные аспекты отношения ребенка к своему ФМ; 3) мера открытости ФМ ребёнка для других людей.

На основе проделанной работы мы получили возможность сформулировать рабочее определение исследуемого феномена: Детский фантазийный мир – это созданное фантазией ребенка и долгосрочно существующее игровое ментальное пространство, где присутствуют персонажи и происходят события, имеющие большую личностную значимость для его автора, который управляет этим миром, регулярно используя его для осуществления своих эго-потребностных целей.

Актуальность создания структуры психологического описания детских ФМ связана с её применимостью как в сфере научно-психологических исследований, так и в сфере психолого-педагогической работы с детьми.

Гогицаева О.У., Шибзухова Д.А.

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ

Анализ основных тенденций в изучении проблемы национальной идентичности представляет не только практический интерес, но и является актуальным предметом диалога, как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях. Данный вопрос преимущественно изучается в аспекте идентичности этнической и поднимается в работах О.У. Гогицаевой (2016), С.Д. Гуриевой (2015), Г.У. Солдатовой (2016) и др. Однако наиболее комплексные исследования по данной проблеме проводила, указывая на то, что данная идентичность формируется достаточно рано, Т.Г. Стефаненко. Автором выделяется три этапа в формировании этнической идентичности. В частности, в младшем подростковом возрасте (10–11 лет) этническая идентичность формируется в полном объеме, в качестве особенностей разных народов ребенок отмечает уникальность истории, специфику традиционной бытовой культуры. Многие психологи согласны с Пиаже в том, что «реализованной» этнической идентичности ребенок достигает в младшем подростковом возрасте, когда рефлексия себя имеет для человека первостепенное значение. В связи с этим представляет интерес, насколько выраженной оказывается этнический компонент идентичности у современных подростков.

В нашем исследовании приняли участие учащиеся 8-го класса, общим числом 165 человек, из них 103 мальчика и 62 девочки. Для изучения национальной идентичности мы использовали методику «Двадцать утверждений» М. Куна и Т. Макпартленда (обработка по М.Ю. Кузьмину), а так же методику «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой.

На первом этапе мы рассмотрели, насколько выраженными оказываются различные шкалы методики «Типы этнической идентичности». Высокими оказались показатели Этнической индифферентности и Этнофанатизма: часть учащихся демонстрируют выраженное безразличие к проблеме этничности, а часть – готовность идти на любые действия во имя этнических интересов, вплоть до этнических «чисток». По нашему мнению, такую «полярность» взглядов на проблему этнической идентичности можно объяснить особенностями становления личности подростка. Большинство из них еще не сформировали не только отношения к своему этносу, но и отношения к самому себе. Говоря о гендерной специфике,

можно отметить: у девочек, и у мальчиков сравнительно одинаково выражена шкала Норма, соответствующая нормальной выраженности этнической идентичности. Вместе с тем мальчики значимо больше демонстрируют этнонигилизм, отрицая собственную принадлежность к определенному этносу. Следует отметить, что в иерархии идентичностей одной из самых значительных является семья и отношение к родителям как у девочек, так и у мальчиков. При помощи методики «Двадцать утверждений» удалось установить, что, в среднем, в 8-м классе свою принадлежность к какому-либо этносу упоминал каждый 4-й учащийся. Это сравнительно много, учитывая, что о своей этнической принадлежности упоминал только каждый двадцатый подросток. Однако крайне мало по сравнению с другими компонентами идентичности. Получается, что, в среднем, школьники крайне редко идентифицируют себя с определенным этносом; данная идентичность является для них неактуальной.

Полученные результаты, по нашему мнению, можно интерпретировать следующим образом: с точки зрения современной теории конструкционизма, национальная и этническая идентичности представляют собой не некое устойчивое свойство личности, а «конструкт», который собирает личность, сталкиваясь с соответствующей проблемой. С одной стороны, это означает, что национальная идентичность является достаточно изменчивой. Личность, хотя и имеет представление о своей национальной принадлежности, однако не актуализирует ее, пока не столкнулась с какой-либо ситуацией, имеющей четкую национальную или этническую специфику. Этим и объясняется низкое количество самоописаний, которые могут быть отнесены к национальной идентичности. На основе интерпретации результатов исследования можно отметить: для большинства подростков, на данном возрастном этапе национальная идентичность связана, прежде всего, с ценностью семьи.

Данилова М.В.

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ПРЕДИКТОРЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ*

Вопросы удовлетворенности человека своей жизнью не теряют актуальности и находятся в поле внимания разных областей знания: философии, социологии, экономики, педагогики, психологии. Анализ исследований показывает, что в рамках научного дискурса нет единого понимания этого феномена, однако многие авторы отмечают, во-первых, субъективный характер восприятия удовлетворенности жизнью, во-вторых, большую ее зависимость от индивидуально-личностных характеристик, нежели от демографических и экономических факторов (Н.В. Андреевкова, А.В. Аистов, С.А. Водяха, А.И. Подольский и др.).

Согласно нашим исследованиям, удовлетворенность жизнью подростков тесно связана с возникновением возрастных новообразований личности и решением основных задач возраста: формирование доверия к себе как личностного образования, становление идентичности, выстраивание жизненных смыслов, осознание важности личностного роста и направленности на саморазвитие и самоосуществление (Л.А. Головей, Ю.Ю. Данилова, И.Б. Дерманова, М.В. Данилова, Е.Г. Трошкина, В.Р. Манукян, Л.В. Рыкман).

В представленном исследовании удовлетворенности жизнью участвовали 190 подростков 14-17 лет (73 юноши и 117 девушек). В ходе работы были применены: специально разработанные анкеты удовлетворенности условиями и разными сферами жизни, самооценки жизненной активности, шкала удовлетворенности условиями жизни из методики диагностики уровня психоэмоционального напряжения (ПЭН) и его источников (О.С. Копина и др.), шкала удовлетворенности жизнью Э. инера.

Анализ уровня удовлетворенности жизнью показал, что он соответствует показателям среднестатистической нормы (22,34, $\delta=6,3$), отражающей в целом позитивное восприятие подростками наполненности своей жизни событиями, деятельностью и отношениями. В предложенные подросткам анкеты были включены вопросы об удовлетворенности учебой, отношениями в семье, с друзьями и сверстниками, отдыхом, внешкольными занятиями, романтическими отношениями (по шкале от 0 до 10 баллов), а также о социальной активности, условиях проживания, обучения и материальном положении.

Корреляционный анализ выявил многочисленные положительные взаимосвязи ($p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$) параметров удовлетворенности условиями и разными сторонами своей жизни и социальной активности, центром которых стал общий показатель шкалы удовлетворенности жизнью Э. Динера.

Проведенный регрессионный анализ обнаружил параметры условий жизни, социальной активности и показателей удовлетворенности разными сферами жизни, обеспечивающих удовлетворенность жизнью в целом. Так, подростки воспринимают свою жизнь как идеал, если могут отдыхать ($\beta=0,281$; $p=0,001$), видеть свои жизненные перспективы ($\beta=0,197$; $p=0,005$), заниматься творчеством и получать новые знания ($\beta=0,159$; $p=0,01$), а также при оценке своих жилищных условий как хороших ($\beta=0,151$; $p=0,02$). Удовлетворенность занятиями ($\beta=0,208$; $p=0,006$), перспективами ($\beta=0,239$; $p=0,001$), отношениями в семье ($\beta=0,14$; $p=0,03$) и включенность в физическую активность ($\beta=0,16$; $p=0,01$) позволяют подростками считать, что обстоятельства их жизни в настоящее время складываются благополучно. Ощущение, что сейчас в жизни есть все, что нужно, возникает у них при удовлетворенности материальным положением ($\beta=0,327$; $p=0,000$), внешкольными занятиями ($\beta=0,198$; $p=0,004$), а также возможности отправления религиозных взглядов ($\beta=0,175$; $p=0,009$). Важно, что удовлетворенность достигнутым положением в окружающем социуме ($\beta=0,24$; $p=0,001$) и будущими перспективами ($\beta=0,20$; $p=0,005$) укрепляет подростков в уверенности, что и прошлые их поступки и события жизни были конструктивными и правильными.

Таким образом, анализ результатов позволил выявить наиболее важные социальные предикторы удовлетворенности жизнью в подростковом возрасте: наличие внешкольных занятий и интересов, позитивная самооценка жизненных перспектив, физическая и познавательная активность, отношения с семьей и ближайшим окружением, а также жилищные и материальные условия.

**Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 16-06-00307-ОГН.*

Дьячук А.А.

ВРЕМЕННАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ

Современные условия жизнедеятельности человека, технологические прорывы, которые вносят существенные изменения в образ жизни за короткое время, ставят новые проблемы понимания возможностей человека, траекторий его развития, качеств, необходимых не только в настоящем, но и позволяющих адаптироваться к изменениям завтрашнего дня. Проблема выделения данных качеств обсуждается как определение ключевых компетенций, навыков XXI в. Существует достаточно большое количество списков данных навыков. Практически во всех упоминается компетентность, связанная с планированием, целеполаганием, самоорганизацией, построением жизненных планов. Выделенные качества могут быть описаны как временная компетентность – способность распределять время в соответствии с поставленными целями и задачами и ценностным отношением ко времени, организация деятельности во времени с учетом личностных ресурсов.

Особое значение развитие временной компетентности (ВК) приобретает в подростковом возрасте, в котором происходит построение временной перспективы, определение своих возможностей и вариантов жизни, организацией своей активности, в том числе учебной деятельности. В соответствии со структурно-функциональной моделью ВК (Кузьмина, 2012) мы полагаем, что в подростковом возрасте диффузия временной перспективы соотносится с низким уровнем мотивационного компонента и приемов организации себя во времени.

Для проверки гипотезы был использован опросник О.В. Кузьминой «Личностные дезорганизаторы времени», шкала «Ориентации во времени» САТ, опросник самоорганизации деятельности Е.Ю. Мандриковой.

Анализ результатов 40 подростков в возрасте 14-15 лет показал, что 62,5% исследуемых подростков не видят чётко своих целей, испытывают трудности в постановке целей, им сложно даётся планирование деятельности и следование своему плану. У 57,5% выявлен низкий уровень самоорганизации, использования внешних средств организации деятельности. Трудности в расстановке приоритетов и распределении времени испытывают 65%, при этом 52,5% ориентированы на настоящее, происходящем «здесь и сейчас». Основными дезорганизаторами времени являются организационные, связанные с трудностями организации активности во времени (отметили 50% подростков); ценностно-смысловые, характеризующие отсутствие целей и перспектив (45%); мотивационные – отсутствие желания чего-то добиваться (40%); эмоциональная напряжённость, ограниченность во времени (60%). Ориентация на настоящее, отсутствие связи прошлого, настоящего и будущего ведут к трудностям организации во времени своей активности, что приводит к нежеланию планировать свои действия, более спонтанному поведению. Целеполагание превращается в мечты, а планирование рассматривается как то, что ограничивает активность, сужает круг возможностей. Сопоставление временной компетентности обучающихся с разной академической успеваемостью подтверждает выделенную тенденцию.

Академически успешным обучающимся свойственно ставить цели, планировать свою деятельность, прибегая к внешним средствам, проявлять настойчивость в ее достижении. Высокий уровень мотивационного, организационного дезорганизаторов, эмоциональной апатии и напряжения, низкие показатели планирования, целеустремленности, проявления настойчивости при реализации начатого дела, самоорганизации в сочетании с ориентацией на настоящее представлены в группе обучающихся, имеющих неудовлетворительные отметки. Выявленные трудности обучающихся связаны с ценностно-смысловым компонентом ВК – отношением человека ко времени как ресурсу. Проведенная развивающая навыки организации времени, операционально-технического компонента ВК работа была результативной у тех обучающихся, для которых время становится «ощутимым», выделяемым как значимое измерение активности.

Таким образом, необходимо не просто обучать навыкам тайм-менеджмента, а создавать условия для осознания значимости временного фактора в жизни человека, обращение к прошлому опыту и собственным психодинамическим качествам как ресурсу, повышения самоэффективности.

Жернова А.А., Жукова А. Д.

САМООЦЕНКА И УРОВЕНЬ СЕМЕЙНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ У ПОДРОСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Семья, ее устройство и взаимоотношения внутри семьи, оказывает колоссальное влияние на развитие ребенка. Она непосредственно влияет на психологическое здоровье подростка, его уровень стресса, самооценку, отношение к себе (Дмитриева, 2014; Шац, Коваленко,

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

2011). В том числе, на развитии подростка сказываются неблагоприятные ситуации, негативные взаимоотношения между членами семьи и наличие трудной жизненной ситуации.

Семья, находящаяся в трудной жизненной ситуации (ТЖС) - это семья, попавшая в ситуацию, объективно нарушающую жизнедеятельность ее членов, превышающую ее обычный адаптивный потенциал, и требующую для ее преодоления значительных психологических и материальных ресурсов (Финаева, 2012).

В настоящем исследовании наличие трудной жизненной ситуации определялось благодаря экспертной оценке, с помощью заполнения анкеты на каждого подростка.

В данной работе были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Уровень самооценки будет статистически значимо ниже у подростков, которые находятся в ТЖС.
2. Уровень семейной тревожности будет выше у подростков, которые находятся в ТЖС.
3. Уровень самооценки и семейной тревожности будут положительно коррелировать между собой.

Выборку исследования составили две группы подростков, в возрасте от 12 до 14 лет.

1. Подростки, находящиеся в трудной жизненной ситуации. (20 человек).
2. Подростки, не находящиеся в трудной жизненной ситуации. (20 человек).

К основным методам исследования в данной работе относятся: опросник «Анализ семейной тревоги» Э.Эйдемиллера, В.Юстицкис; методика диагностики самооценки Дембо-Рубинштейн (модификация А.М. Прихожан).

Для сравнения уровня семейной тревожности был использован критерий t-Стьюдента, и было получено, что уровень среднего значения общей семейной тревожности у подростков с ТЖС значимо выше, чем у подростков без ТЖС ($p \leq 0,05$). Полученные результаты могут быть обусловлены определенными условиями жизни подростка, которые и определяют высокую выраженность данного показателя. Уровень же актуальной самооценки значимо ниже у подростков, которые имеют трудную жизненную ситуацию, чем у тех, у кого данной ситуации нет. ($p \leq 0,05$; сравнение было проведено при помощи критерия t-Стьюдента). Общий показатель семейной тревожности коррелирует (Рo Спирмена) с удовлетворенностью собой (разница между я-идеальное и я-актуальное) ($r = -0,3$, $p \leq 0,05$). Полученные результаты дают возможность предположить о том, что чем меньше в семье ребенка происходит отрицательных ситуаций, тем меньше ребенок переживает и беспокоится из-за ситуации в семье и это положительно влияет на его уверенность в себе и своих силах. Субшкала «тревожность», по данной методике, коррелирует с актуальной оценкой себя и оценкой себя в будущем по следующим шкалам: «красота» ($r = -0,42$, $p \leq 0,05$; $r = -0,42$, $p \leq 0,05$), «доброта» ($r = -0,38$, $p \leq 0,05$; $r = -0,44$, $p \leq 0,05$), и «счастье» ($r = -0,33$, $p \leq 0,05$; $r = -0,43$, $p \leq 0,05$), что в свою очередь означает, что наша изначально выдвинутая гипотеза не подтвердилась.

Опираясь на проведенное исследование и полученные данные, можно сделать вывод о том, что трудная жизненная ситуация непосредственно влияет на самооценку ребенка, проявляясь в заниженном представлении ребенка о самом себе и своих качествах.

Также было выявлено, что при наличии у ребенка трудной жизненной ситуации, его уровень семейной тревожности, беспокойства о здоровье своих близких, о различных возникающих конфликтах в семье - выше, чем у тех подростков, у которых данной ситуации нет.

Жукова А.Д., Карпова Э. Б.

СТРУКТУРА САМООЦЕНКИ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ, В ПЕРИОД ВРЕМЕННОЙ СЕПАРАЦИИ ОТ РОДИТЕЛЕЙ

Подростковый период характеризуется формированием самооценки человека. На формирование самооценки подростков в числе других факторов оказывают влияние их семья и отношения с родителями. Была выдвинута гипотеза, что временная физическая сепарация от родителей будет оказывать негативное влияние на формирование самооценки подростка. В данном случае нас интересовали подростки, у которых сепарация произошла в результате трудной жизненной ситуации, и подростки временно проживали в социальных гостиницах.

Под трудной жизненной ситуацией (ТЖС) понималась ситуация, объективно нарушающая социальные связи человека с его окружением и условия нормальной жизнедеятельности, и субъективно воспринимаемая им как «сложная» (Кузина, 2006). В нашем исследовании к таким ситуациям относились: алкоголизация родителей, продолжительная болезнь родителей и пр.

В исследование приняли участие подростки, находившиеся в ТЖС, в возрасте от 12 до 14 лет: 1) юноши, проживали в социальной гостинице (20 человек) 2) юноши, проживали дома (18 человек). Для отбора обследуемых в группу по критерию наличия ТЖС была использована экспертная оценка – социальные работники заполняли анкету на каждого испытуемого. Для изучения структуры самооценки была использована методика Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан. Подростков просили оценить себя по 3-м параметрам («я-актуальное», «я-идеальное», «я в будущем») на 5 шкалах: больной – здоровый, глупый – умный, некрасивый – красивый, злой – добрый, несчастливый – счастливый. На основании перечисленных параметров были выделены три дополнительных показателя: 1) степень удовлетворенности собой (разница между «я-идеальное» и «я-актуальное»), 2) вектор развития (разница между «я в будущем» и «я-актуальное»), 3) вектор стремления (разница между «я-идеальное» и «я в будущем»). Для выбора статистического критерия сравнения средних каждый показатель по каждой шкале проверялся на нормальность распределения по критерию Шапиро-Уилка. В случае нормального распределения использовался t-критерий Стьюдента, в случае ненормального распределения – U-Манна-Уитни.

При сравнении среднегрупповых показателей актуальной и идеальной самооценки по всем шкалам статистически значимых отличий между группами получено не было; аналогично не выявлены отличия по показателю удовлетворенности собой. При этом обнаружены значимые различия ($p \leq 0.05$) между группами в представлениях о себе в будущем по шкалам: «здоровье», «доброта», «счастье». Во всех трёх шкалах представления о себе в будущем подростков, сепарированных от родителей, выше, т. е. ближе к «положительному полюсу». Для детализации картины было проведено сравнение групп по показателю «вектора развития». Были получены статистически значимые отличия ($p \leq 0.05$) по шкалам: «здоровье» и «счастье». По обеим шкалам подростки, сепарированные от родителей, продемонстрировали большие показатели по этому показателю, т. е. у них разрыв между актуальным представлением о себе и о себе в будущем больше, чем у подростков, проживающих с родителями. Сравнение групп по показателю «вектор стремления» выявило значимые различия ($p \leq 0.05$) по шкалам: «здоровье», «красота», «доброта», «счастье». По всем 4-м шкалам показатель «вектор стремления» у подростков, сепарированных от родителей, был меньше, т. е. разница между «я-идеальное» и «я в будущем» у них меньше по сравнению с подростками, проживающих в семьях.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Таким образом, в сравниваемых группах подростков различий по уровню актуальной самооценки не выявлено. Однако у подростков, проживающих временно отдельно от родителей, выявлен больший отрыв между представлениями о себе в настоящем и о себе в будущем, и эта разница происходит за счёт идеализации представлений о себе в будущем, что потенциально может снижать способность к адаптации.

Полученные результаты могут свидетельствовать о большом расхождении между актуальной и идеальной самооценкой у всех подростков, находящихся в трудной семейной ситуации (что, возможно, является проявлением переживаний ими трудной жизненной ситуации), и о сниженной реалистичности представлений о себе в будущем у подростков, временно сепарированных от родителей.

Изотова Е.И.

ВАРИАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ДЕТСТВЕ И ПОДРОСТНИЧЕСТВЕ

Для современного этапа развития психологии эмоций характерна многозначность термина «эмоциональное развитие», его подвижность и мультипарадигмальность. Данный факт, безусловно, позволяет рассматривать эмоциональную реальность личности с различных концептуальных позиций, обозначая очевидное пересечение и взаимозависимость зон развития эмоциональной сферы. При этом отсутствие универсальной модели возрастной динамики эмоциональной сферы ограничивает эвристические и прогностические возможности исследовательских программ и психологического сопровождения развития личности в дошкольный и школьный периоды ее возрастного становления.

Отвечая данному запросу, мы сконструировали базовую универсальную модель взаимодействия трех компонентов эмоционального развития – когнитивного, аффективного и реактивного (Изотова, 2016).

Соответственно, каждый возрастной период (ранний, дошкольный, младший школьный, подростковый) характеризуется как специфическим сочетанием данных компонентов в их доминирующих значениях, так и выраженными различиями в динамике развития эмоциональной сферы.

Целью нашего исследования было конструирование и эмпирическое обоснование модели эмоционального развития, взаимодействия ее компонентов в детском и подростковом возрастах.

В исследовании принимали участие 326 человек ($N = 326$). Среди них дети дошкольного возраста, младшего школьного и подросткового возраста, проживающие в г. Москве и регионах РФ (Татарстан, Бурятия, Краснодарский край).

Методы исследования: экспериментальный диагностический комплекс изучения эмоциональной сферы детей и подростков (Изотова, 2014); психодиагностические методы изучения социальных переживаний, в том числе аффективной децентрации и эмпатийности; психодиагностические методы изучения эмоционального интеллекта; фото и видео фиксация произвольного и непроизвольного выражения эмоциональных состояний; статистические методы анализа данных - корреляционный анализ (IBM SPSS Statistics v.22.0; R version 3.4.1 (2017-06-30)).

Выводы. Анализ полученных эмпирических данных при сопоставлении результатов разных возрастных групп участников исследования позволил выделить и обосновать взаимодействие и интраструктурные диспозиции когнитивного, аффективного, реактивного компо-

нентов эмоционального развития у детей дошкольного, младшего школьного и подросткового возрастов.

Необходимо отметить, что высокие положительные взаимосвязи имеют преимущественно те переменные, которые изначально отнесены нами к одному компоненту эмоционального развития. К примеру, «декодирование эмоций» и «представления об эмоциональных явлениях» имеют высокую положительную взаимосвязь ($r=0,150$). Это позволяет нам логично обосновывать факт влияния объема знаний об эмоциональных явлениях и способах выражения эмоций на способность распознавать эмоциональную информацию.

В тоже время мы наблюдаем ситуацию высокой взаимосвязи переменных имеющих отнесенность к разным компонентам эмоционального развития. К примеру, такую связь имеют переменные «модальность и валентность переживаний» (аффективный компонент) и «декодирование эмоций» (когнитивный компонент) ($r=0,242$), что подразумевает взаимосвязь чувствительности к эмоциональной ткани субъекта переживания и его способности и тонкой настройки к распознаванию эмоциональных проявлений у окружающих.

Самые интересные для нас результаты показали две пары переменных: «порог и интенсивность переживаний» с «формой произвольного эмоционального реагирования» (высокая отрицательная взаимосвязь $r=-0,779$); «произвольная регуляция эмоций» с «механизмами произвольного кодирования эмоций» (высокая положительная взаимосвязь $r=0,770$). В первом случае обосновывается структура эмотивности как совокупной характеристики эмоциональности личности, во втором случае – связь регуляционных возможностей личности и активизации механизмов произвольной регуляции выражения эмоциональных состояний (симуляции, подавления, маскировки).

Представленные факты позволяют не только констатировать актуальное взаимодействие компонентов эмоционального развития, но и осуществлять прогностический анализ относительно вектора и наполнения.

Кирсанов К.А., Карабанова О.А.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ КАК УСЛОВИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СЕОМОПРЕДЕЛЕНИЯ В СТАРШЕМ ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ*

Профессиональное самоопределение – задача развития подросткового и юношеского возраста. В периодизации психического развития Д.Б. Эльконина ведущей деятельностью старшего подросткового возраста выступает учебно-профессиональная деятельность на основе предварительного профессионального самоопределения. Реальная вовлеченность современных подростков в самостоятельные профессиональные выборы значительно варьируется. Общество ставит перед подростками задачи по выбору своей индивидуальной траектории развития в мире профессий. Однако, в то же время в силу возрастания социальной неопределенности в информационном, быстро изменяющемся мире общество не предоставляет подросткам однозначной и четкой картины в понимании того, каков мир возможных профессий, что такое профессиональный успех, какие ценности и моральные принципы значимы в реализации различных видов профессиональной деятельности (Пряжников Н.С.). В условиях транзитивности общества, неоднозначной и сложной картины мира возможных профессий подросток оказывается перед задачей ориентации в основанная ответственного профессионального выбора. Современные исследования показывают, что идентичность в сфере профессии в подростковом и юношеском возрасте часто находится в процессе становления, хотя

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

профессиональные выборы формально уже сделаны, обнаруживая себя в виде статуса предпринятой идентичности (Орестова В.Р.). Ценности выступают как личные идеалы, являющиеся основой мотивации деятельности и определяющие ее личностный смысл. Ключевой задачей развития в подростковом возрасте является формирование иерархии ценностей, как результата столкновения подростка с необходимостью осуществления сложных жизненных выборов. Ценности, с одной стороны, как устойчивые желаемые, внеситуативные цели могут выступать ориентирами для принятия решений в процессе профессионального самоопределения, а с другой стороны, сложность и неопределенность пространства профессиональных выборов может выступать как средство для более четкого осознания значимых ценностей с последующим выстраиванием их иерархии.

Целью нашего исследования стало изучение ценностных ориентаций как условия предвартельного профессионального самоопределения.

Выборку составили подростки 10-11 классов в количестве 143 человек.

Методики исследования включали модифицированную методику на определение личного профессионального плана (Н.С. Пряжников), интервью на определение статуса эго-идентичности в сфере профессии (методика Д.Марсиа в модификации Карабановой О.А., Орестова В.Р.) методику ценностных ориентаций (Ш. Шварц).

Полученные результаты демонстрируют преимущественную ориентацию подростковой аудитории на ценности личного фокуса. Наблюдается высокая значимость таких ценностей как благосклонность, гедонизм, репутация, саморегуляция и достижения. Ценности скромности, конформизма и власти являются низко значимыми для подростковой аудитории. Корреляционный анализ обнаружил значимые взаимосвязи между ценностными ориентациями и предпочитаемыми профессиональными выборами. Кластерный анализ позволил выделить три группы подростков по предпочитаемому мотивационному типу, варьирующему по преобладанию социального, либо личного фокуса. Было показано, что восприятие ценности труда; ориентировка в особенностях профессиональной деятельности; условиях и факторах, обеспечивающих успешность трудовой деятельности взаимосвязаны с предпочитаемыми ценностными ориентациями и соответствующему мотивационному типу. Содержание, реалистичность и обоснованность личных профессиональных планов подростков, в целом соответствуют статусу идентичности в сфере профессионального выбора.

**Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-013-01067.*

Коньшина Т.М., Садовникова Т.Ю.

ИССЛЕДОВАНИЕ АВТОНОМИИ В ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В СТАРШЕМ ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Изучение автономии подростка в отношениях с родителями является актуальной задачей психологии развития. В современных и классических работах в качестве источника личностной автономии указываются взаимоотношения с родителями (Дж. Боулби, У. Бронфенбрер, М. Кляйн, М. Эйнсворт; Э. Эриксон, Э. Фромм, О.Е. Дергачева, С.К. Нартова-Бочавер, Д.А. Леонтьев, Е.Р. Калитеевская, Т.И. Сытько, О.П. Макушина, О.А. Карабанова, Н.Н. Поскребышева, Г.В. Бурменская, и др.). На уровне межличностных отношений автономия развивается в контексте отношений с родителями. Существует дефицит русскоязычного инструментария для изучения автономии подростков в детско-родительских отношениях.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Цель исследования: изучение структурных показателей автономии в детско-родительских отношениях (ДРО) в старшем подростковом возрасте.

Выборка: 249 учащихся (107 юношей и 142 девушки) 9-11 классов общеобразовательных школ города Москвы в возрасте 14-17 лет ($M = 15,93$; $SD = 0,877$).

Методы: методика «Шкала эмоциональной автономии» (ШЭА) (Emotional Autonomy Scale, EAS) (Steinberg, 1986) в авторской модификации для русскоязычной выборки. Для анализа данных использовался пакет статистических программ SPSS 23.0.

В оригинальной модели методики ШЭА авторы выделяют четыре шкалы на основе 20 высказываний: «Независимость» ($\alpha = 0,51$), «Индивидуация» ($\alpha = 0,60$), «Родители как люди» ($\alpha = 0,61$) и «Деидеализация» ($\alpha = 0,63$). На нашей выборке шкалы ШЭА характеризуются более низким уровнем внутренней валидности, по сравнению с результатами авторов ШЭА на англоязычной выборке.

Эксплораторный факторный анализ позволил выделить четыре шкалы, три из которых характеризуются высоким и допустимым уровнем внутренней согласованности (Наследов, 2006; Митина, 2011), т.е. α -Кронбаха находится в диапазоне 0.6-0.7 и превышают аналогичные показатели в исследовании Steinberg, Silverberg (1986). Методом эксплораторного факторного анализа была выделена новая факторная структура опросника ШЭА, направленного на изучение структурных показателей автономии подростков в детско-родительских отношениях.

В первую шкалу вошло 4 высказывания, отражающих уровень доверия и эмоциональной близости: «Я обращаюсь к родителям за помощью перед тем, как попытаться решить проблему самостоятельно» (α -Кронбаха = 0,709).

Вторая шкала направлена на выявление характеристик когнитивного компонента автономии в детско-родительских отношениях. Шкала содержит 7 высказываний, отражающих образ родителей «как обычных людей», с точки зрения подростка, а также представления подростка о его образе в глазах родителей. Содержание шкалы согласуется с понятием «ориентирующий образ», как контекста социальной ситуации развития, предложенный О.А. Карабановой (2002, 2012). Пример высказывания: «Я хотел(а) бы, чтобы мои родители поняли, кто я на самом деле» (α -Кронбаха = 0,633).

В третьей шкале содержатся высказывания, отражающие семейную лояльность подростка. Пример высказывания: «Даже когда мы с родителями расходимся во взглядах, они всегда правы» (α -Кронбаха = 0,606).

Четвертая шкала содержит высказывания о поведенческой автономии в ДРО. Пример высказывания: «Есть вещи, которые я буду делать иначе, чем моя мать и отец, когда я сам буду родителем». α -Кронбаха = 0,328, что свидетельствует о низкой степени согласованности данной шкалы. Высказывания шкалы требуют дополнительного анализа.

Среди обследованных подростков самый высокий средний показатель был выявлен в поведенческом компоненте автономии в ДРО (2,77). Показатель когнитивного компонента автономии в ДРО равен 2,37, ценностного компонента – 2,33, и наименьший показатель получен для эмоционального компонента автономии в ДРО – 2,21.

В нашем исследовании предложена новая структурная модель методики «Шкала эмоциональной автономии», позволяющая описать структурные характеристики автономии подростка в ДРО. Мы планируем использовать полученные результаты при дальнейшей разработке методики исследования автономии подростков в ДРО.

Лебедева Е.И., Самсонова В.В.

**ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА И УРОВЕНЬ
НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОГО НАПРЯЖЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ
С ВЫСОКИМ ИНТЕЛЛЕКТОМ**

Подростковый возраст переживается как остро кризисный. Это связано со сложностью психологических задач взросления, которые необходимо решить подростку в этот период жизни (психологическое отделение от родительской семьи, выбор профессии, первая любовь, требования социализации). Подростку предстоит ответить на множество вопросов о себе, о мире, о своем будущем. Поиск ответов на эти вопросы часто сопровождается с, одной стороны, чувством одиночества, с другой, отражается на эмоциональном и функциональном состоянии подростка.

Цель исследования - изучение особенностей переживания одиночества на разных уровнях нервно-психического напряжения.

Объектом исследования этой работы являются подростки с высоким интеллектом в возрасте 13-14 лет (96 человек), участники «Программы развития интеллектуально одаренной молодежи» (реализуется НКО «Одаренная молодежь»). В программу подростки отбираются в школах Санкт-Петербурга по показателям высокого уровня интеллекта и творческих способностей. Подростков с высоким уровнем интеллекта отличают некоторые индивидуальные качества, которые осложняют переживание кризисного периода жизни (перфекционизм, склонность к критике, сомнениям). Эти качества повышают риск осложнения переживания подросткового кризиса.

Решались следующие задачи: исследование взаимосвязи уровня нервно-психического напряжения и переживания одиночества; изучение особенностей временной перспективы; изучение компонентов и самооценки.

Было выдвинуто предположение о связи уровня нервно-психического напряжения с образом одиночества, образом Я и особенностями временной перспективы.

Использованные методы: «Дифференциальный опросник переживания одиночества» Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева; «Метод мотивационной индукции» Ж. Нюттена; тест М. Куна и Т. Макпартленда «Кто я?»; «Тест нервно-психической адаптации» И.Н. Гурвич; УИТ СПЧ-М Н.А. Батурина и Н.А. Курганского.

Участники исследования были объединены в три группы: с высоким, средним и низким уровнем нервно-психического напряжения. Был проведен сравнительный анализ результатов, полученных разными группами.

Гипотезы исследования подтвердились. То же можно сказать и об аспектах идентичности: подростки с высоким уровнем нервно-психического напряжения, в то время как подростки с низким уровнем того же показателя – «Деятельное Я».

Подростки с низким уровнем нервно-психического напряжения, переживают одиночество, как состояние ресурсное, дающее возможность понять себя лучше и обдумать предстоящие решения. Они решают задачи «здесь и сейчас» и смело планируют ближайшее будущее. Их представление о себе определяется, прежде всего, через их деятельности – интересы, опыт, увлечения. У подростков этой группы несколько завышенная самооценка. Это может быть связано с нереалистичным уровнем притязаний в подростковом возрасте. Для подростков с высоким уровнем нервно-психического напряжения характерен негативный образ одиночества. Они чувствуют неудовлетворенность своими отношениями с окружающими, сомневаются в своей ценности для других. Наиболее актуальными мотивами для них являются мотивы общения и взаимодействия с другими. Их Образ Я так же больше связан с оценкой другими

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

их личных качеств и особенностей поведения. Однако они, так же как и подростки со средним уровнем нервно-психического напряжения имеют адекватную самооценку. Видимо, в этом случае высокий уровень интеллекта помогает регулировать эмоциональные сложности.

Полученные факты имеют практическую значимость для развития научного подхода в психологической работе с подростками в целом и в работе с подростками с высоким уровнем интеллекта, в частности.

Леонова Е.В., Шатова С.С.

МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ НАВРСТВЕННО-ЭТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА СУБЪЕКТНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ*

Субъектность как потребность и способность человека, проявляющаяся в актуализации и развитии своих возможностей (ресурсов) для достижения поставленных целей, рассматривается в процессуальном и содержательном аспектах. Содержательный аспект включает нравственно-этический и творческо-преобразующий компоненты.

Актуальность исследования психологических механизмов развития нравственно-этического компонента субъектности обусловлена реалиями современного постиндустриального общества. Интенсивный технологический прогресс может привести к непредсказуемым деструктивным результатам, поэтому исключительно важной является способность каждого члена общества к нравственной оценке как собственной деятельности, так и внешних, в первую очередь, информационных воздействий. Сензитивным периодом для развития нравственно-этического компонента субъектности, по В.И. Слободчикову, является стадия принятия (6,5-11 лет).

Экспериментальная работа по психологическому сопровождению становления нравственно-этического компонента субъектности младших школьников посредством приобщения к культуре (на примере православной культуры) проводилась со школьниками четвертых классов школ г. Обнинска.

В качестве экспериментальной группы (ЭГ) были выбраны четвероклассники, изучающие Основы православной культуры в рамках курса ОРКСЭ (N=20). В контрольную группу (КГ) вошли четвероклассники, изучающие Основы светской этики (N=30).

Психологическое сопровождение осуществлялось посредством включения в уроки ЭГ ряда компонентов психологического содержания: 1) создание условий для установления эмоциональной сопричастности младших школьников православной культуре, 2) организация процесса закрепления учебного материала посредством совместного пробного действия с обязательной рефлексией сопутствующих эмоциональных переживаний.

Исходя из системного подхода Б.Ф. Ломова нами были определены информационный, регуляционный и аффективный критерии сформированности нравственно-этической ориентации и методы их оценки. Информационный критерий оценивался по показателям способности выделять нравственное содержание ситуации на основе семантического контент-анализа учебного задания (оценка поступков по картинкам), дифференциации конвенциональных и моральных норм (Анкета «Оцени поступок» по Э.Туриэлю в модификации Е.А.Кургановой и О.А.Карабановой).

В ЭГ в отличие от КГ произошли статистически значимые положительные изменения в уровне сформированности способности выделять нравственное содержание ситуации ($\Phi^*_{эмп}=1,785$, $p=0,038$). В ЭГ ребят, различающих конвенциональные и моральные нормы, достоверно больше, чем в КГ ($\Phi^*_{эмп}=2,398$, $p=0,007$). Аффективный критерий оценивался по

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

показателям направленности интересов и сферы предпочтений с помощью методики «Швек-семицветик» (сост. И.М. Витковская). В ЭГ направленность интересов обучающихся переориентируется от исполнения своих желаний к пониманию необходимости помочь другому ($\varphi^* \text{эмп} = 1,94$; $p = 0,025$). В ЭГ доля желаний, относящихся к категории «нематериальные блага» увеличилась с 29% до 37% ($\varphi^* \text{эмп} = 1,498$, $p = 0,067$) в то время, как в контрольной группе, наоборот, доля желаний данной категории снизилась с 33% до 24%. Регуляционный критерий оценивался по готовности следовать моральной норме в «вербальном» поведении и уровню развития моральных суждений с помощью методики «Моральные дилеммы: как поступить» О.Б. Логиновой. В КГ имеет место гетерохронность развития моральных суждений, которая выражается в разбалансировке или несоответствии в уровне освоения моральных норм внутри единого содержания, а в ЭГ уровень развития моральных суждений достаточно устойчив внутри каждой нормы.

Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что эффективным психологическим механизмом развития нравственно-этического компонента субъектности младших школьников является приобщение к православной культуре с активизацией эмоциональной сопричастности решения проблем морального выбора с обязательной рефлексией.

**Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-413-400001 p_a.*

Малышева Н.Г., Шаехов З.Д.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ И ИХ ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ*

С наступлением 21 века цифровые технологии активно начинают внедряться в общество. Это, прежде всего, мобильные телефоны, интернет и социальные сети. Особенностью детей, родившихся в начале данного века является то, что их относят к поколению «Z» или цифровому поколению (Рикель, Ермолаева, 2017), которое активно использует цифровые технологии. По нашему мнению, использование цифровых технологий может повлиять на формирование ценностных ориентаций среди подрастающего поколения. На сегодняшний день достаточно широко в психологической науке исследуется роль интернета в социализации и интернет-коммуникациях (Белинская, Тихомандрицкая, 2009), в развитии аддикций (Войскунский, 2009), мотивации его использования (Арестова и др., 2000) и психологии виртуальных пространств (Зинченко, 2011), при этом, остаётся недостаточно изученными ценности у современных подростков, проживающих в различных регионах России.

Цель данного исследования – проанализировать сходства и различия ценностей подростков, проживающих в Башкирии и Татарстане, а также их гендерные особенности.

Методика исследования: «Ценностные ориентации Ш. Шварца», адаптированная в 2011 году (Шварц и др., 2011), включает в себя три уровня ценностей. Сравнение между группами проводилось с помощью U-критерия Манна-Уитни.

В исследовании приняли 60 респондентов, из которых 30 из Татарстана, 30 из Башкирии. Гендерные характеристики участников исследования: из каждого региона было выбрано по 15 юношей и по 15 девушек. В ходе анализа нами было установлено, что на первом уровне ценностей у современных подростков преобладают благожелательность - забота, универсализм - забота о природе, гедонизм и самостоятельность - поступки. На втором уровне ценностей среди детей поколения «Z» преобладает универсализм, то есть для них характерно понимание, терпимость и поддержание благополучия своего окружения. На третьем уровне – самоутверждение.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Далее нами был выявлен ряд гендерных различий. Так, между юношами и девушками, проживающими в Башкирии, были обнаружены следующие различия: на первом уровне ценностей различия проявились по всем шкалам, кроме власть - доминирование и ресурсы, на втором уровне – по всем, кроме шкал традиция и власть; на третьем уровне различия между юношами и девушками наблюдались в ценностях консерватизма и самоутверждения. Уровень значимости от 0,46 до 0,004.

У респондентов, проживающих в республике Татарстан, также были обнаружены некоторые гендерные различия: на первом уровне – по шкалам: самостоятельность мысли и поступков, стимуляция, гедонизм, достижение, универсализм - забота о других и толерантность, благожелательность – забота и чувства; на втором уровне – по шкалам: самостоятельность, благожелательность и универсализм; на третьем – открытость к изменениям и самоутверждение. Уровень значимости колеблется от 0,014 до 0,000.

В обоих регионах указанные ценности преобладают в группе девушек. Однако существенных различий среди мужчин, проживающих в двух республиках, не обнаружено. При этом были установлены достоверные различия между девушками, проживающими в разных исследуемых регионах, по показателям таких ценностей, как: традиция, conformidad в правилах и межличностных отношениях, скромность - на первом уровне; conformidad и универсализм - на втором; консерватизм - на третьем. У девушек, проживающих в Башкирии, более выраженными оказались все вышеуказанные ценности. Уровень значимости полученных данных от 0,046 до 0,000.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что девушки придерживаются ценностей, принятых в том обществе, в котором они проживают, чаще, чем юноши.

В дальнейших исследованиях необходимо сравнить полученные результаты с другими регионами, которые позволят дать ответ на особенности проявления ценностей.

**Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 18-013-01206А «Социокультурные и гендерные факторы психологического благополучия поколения XXI века».*

Марченко Е.В., Кошенова М.И.

ВЛИЯНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ ВОСПИТАНИЯ НА САМОЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОДРОСТКОВ

Одним из наиболее важных вопросов современной психологии и педагогики является проблема формирования личности, способной самостоятельно выбирать и реализовывать конструктивную жизненную стратегию. Очевидно, что самоэффективность, также как и личностная компетентность, имеет «конкретно-историческое происхождение» и существеннейшим образом определяется событиями жизненного пути.

Б.Г. Ананьев особо подчеркивал роль общения как движущей силы развития человека. Становление и развитие личности ребёнка в первую очередь определяется качеством межличностного общения с родителями, практикуемыми в семье стратегиями воспитания. Подростковый возраст в этом плане представляет особый интерес: и как этап «примерки» родителями новых воспитательных стратегий (в том числе в условиях общества анонимии), и как время выбора жизненной стратегии подростком.

Цель исследования: выявление психологического содержания и структуры воспитательных стратегий родителей, их влияния на личностную эффективность подростков.

Объект исследования – феноменология «личностной эффективности».

Предмет исследования – влияние воспитательных практик родителей на формирование личностной эффективности детей в подростковом возрасте.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Гипотеза: выбор родителями стратегии воспитания своего ребенка оказывает значительное влияние на формирование его личностной эффективности.

С целью изучения влияния родительских стратегий воспитания на самооффективность подростков было проведено пилотажное исследование на базе МБОУ СОШ №50 г. Новосибирска. В исследовании приняли участие 34 ученика в возрасте от 14 до 16 лет.

Банк применявшихся диагностических методик: опросник «Подростки о родителях» ADOR (Вассерман, Горьковая, Ромицына, 2001); «Шкала общей самооффективности» (Шварцер, Ерусалем, Ромек, 1996); Методика «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана, адаптированная Н.А. Сиротой и В.М. Ялтонским.

В результате проведенного исследования был обнаружен целый ряд статистически значимых связей, убедительно свидетельствующих о том, что стратегии родительского воспитания тесно связаны с самооффективностью и способностью или неспособностью подростка к решению проблем.

Нам удалось выявить, что самооффективность как личностная характеристика в первую очередь связана именно с воспитательными стратегиями отцов. Кроме того, мы вынуждены констатировать, что эти связи носят парадоксальный характер, идущий вразрез с теоретическими конструктами и данными других эмпирических исследований: так, мы выявили, что требования отцов к детям соответствовать образцу идеального ребенка, ориентироваться на оценки окружающих и соответствовать их ожиданиям, причем требования жесткие, нарушения которых связаны с неизбежным наказанием, сопрягающиеся по отношению к мальчикам - со стремлением развивать различные способности подростка, обеспечивать более широкое образование, а по отношению к девочкам – с определенным эмоциональным дистанцированием, напрямую связаны с самооффективностью подростка. Это дает нам основание утверждать, что требовательность отцов, наличие четких правил и в то же время ориентация на предоставление широкого спектра сфер для самореализации, отношение к подростку с позиций доженствования и обеспечивают развитие самооффективности. Обнаружена также разнонаправленность результативности схожих воспитательных стратегий, практикуемых родителями: враждебность отца повышает личностную самооффективность подростков, а враждебность матери ее блокирует.

Таким образом, наша гипотеза о том, что выбор родителями той или иной стратегии воспитания по отношению к своему ребенку оказывает значительное влияние на формирование его личностной эффективности, подтвердилась. Тем не менее, очевидно, что данная проблема требует своего дальнейшего исследования, что определяется не только высокой социальной значимостью проблемы, но и сложностью самого механизма формирования личностной самооффективности в кризисный период онтогенеза.

Молчанов С.В.

МОРАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ*

Современное общество предлагает новые условия социальной ситуации развития для подростков. Моральное развитие современных подростков и молодежи осуществляется в условиях открытого информационного пространства. Это пространство характеризуется высокой социальной неопределенностью и противоречивостью, неоднозначностью социальных ценностей, норм и стандартов. Одновременно информационное пространство выступает источником развития образа социального мира, основой поведения и деятельности, принятия

решений и морального самоопределения. Подростковый возраст характеризуется высоким уровнем ориентировки на сверстника, где сверстник может выступать и как носитель социальных и моральных норм, образец для подражания, так и как партнер по отработке этих норм во взаимодействии (Н.Айзенберг). Подростковый возраст в периодизации психического развития Д.Б. Эльконина характеризуется следующими ведущими типами деятельности: интимно-личностным общением в младшем подростковом и предварительным профессиональным самоопределением в старшем подростковом возрастах, которые начинают все активнее реализовываться в пространстве интернет коммуникации, становящейся для части подростков более значимой, чем реальное «офлайн» общение. Ограниченность реальной вовлеченности современных подростков и юношей в совместную деятельность со сверстниками и социальные практики, перемещение их интересов и коммуникации в виртуальное пространство порождает риски формирования неадекватной картины морально-ценностных отношений между людьми в обществе, что находит выражение в явлениях агрессии, насилия, виктимности, неоправданной терпимости к нарушению моральных норм. Интернет и коммуникация в интернете становятся как источником новых возможностей для самореализации, так и потенциальным источником опасности и угрозы нормативному психическому развитию подростков. Моральные нормы начинают претерпевать изменения по сравнению с ситуациями межличностного общения в физическом пространстве.

Целью нашего исследования стало изучение моральных установок подростков активно взаимодействующих в интернет-пространстве.

Выборку составили подростки 10-11 классов, учащиеся московских школ в общем количестве 102 человек.

Были использованы следующие методики исследования: методика оценки моральных суждений «Справедливость-забота» (автор Молчанов С.В.), методика моральных выборов МОРС, оригинальный опросник поведения в интернете, опросник на наличие интернет-зависимости (автор Чен в адаптации Малыгина В.Л. и коллег).

Полученные результаты продемонстрировали достаточно высокий уровень активности подростков в использовании интернета и социальных сетей. Были выделены несколько групп подростков с разным уровнем погруженности в интернет-общение. Были показаны различия в особенностях моральных установок подростков с разными моделями поведения в интернет-общении. Размывание границ общения, изменение модели взаимодействия приводит к изменению моральных установок современных подростков. Ориентация на формы взаимодействия, соответствующие идеям инструментального обмена («ты мне, я тебе»), межличностной конформности с фокусировкой на внешнюю оценку (2 и 3 стадии морального развития в рамках концепции морального развития Л.Кольберга) становятся более распространенной среди российских подростков, активно участвующих в интернет общении.

**Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-013-01080.*

Молчанова Г.В.

РОЛЬ СЕМЬИ И ДЕТСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В ПРОЯВЛЕНИИ ФЕНОМЕНА «ПОКАЗНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ» В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Феномен показного потребления в дошкольном возрасте активно рассматривается современными исследователями в рамках потребительской социализации, причем под потребительской социализацией понимается социализация путем использования определенных предметов и услуг. В дошкольном возрасте начинается становление потребительской социализации, на которую активно оказывают влияние стереотипы семейного потребления, а также

СМИ. В исследованиях А.Н. Аянян (2015) и И.В. Романовой (2016), осуществленных под руководством Г.В. Молчановой, показаны возрастные особенности потребительской социализации в дошкольном и младшем школьном возрастах: отмечена четкая зависимость уровня развития потребительской социализации от типа семейного воспитания и социометрического статуса в детском коллективе, специфики познавательной деятельности. В рамках потребительской социализации в дошкольном и младшем школьном возрастах проявлялся феномен показного потребления, как компенсаторный механизм коммуникативных трудностей. В исследованиях Г.В. Молчановой (2017, 2018) определены доминирующие мотивы показного потребления в дошкольном и младшем школьном возрастах: в дошкольном возрасте доминирует мотив «наладить взаимоотношения со сверстниками», а в младшем школьном возрасте – наряду с мотивом «наладить взаимоотношения со сверстниками» добавляется новый мотив «привлечь внимание».

В нашем исследовании сделана попытка проследить влияние дисгармоничного стиля семейного воспитания на специфику мотивов показного потребления у дошкольника, а также влияние детской субкультуры на особенности проявления феномена показного потребления в дошкольном возрасте. В исследовании приняли участие 137 детей в возрасте 5,0-6,7 лет, посещающих дошкольные образовательные учреждения г. Москвы.

Результаты исследования показали, что дисгармоничный тип воспитания в семье оказывает влияние на доминирующий мотив показного потребления у дошкольника в детском коллективе при доминирующей гиперпротекции в семье – доминирует мотив показного потребления «наладить взаимоотношения» ($K=9,3$ (Краскела-Уоллиса), $p \leq 0,05$); при потворствующей гиперпротекции – доминирует мотив «привлечь внимание» ($K=8,6$ (Краскела-Уоллиса), $p \leq 0,05$); при гармоничном типе воспитания у дошкольников доминирует мотив показного потребления «быть похожим на сверстника» ($K=10,57$, $p \leq 0,05$). В дошкольном возрасте нарушено влияние мультипликационных и компьютерных образов на субкультуру (61%). Специфика показного потребления в рамках детской субкультуры проявляется посредством демонстрирования определённых атрибутов (игрушек) в сюжетно-ролевой игре и изобразительной деятельности. Проводя анализ влияния детской субкультуры на показное потребление в дошкольном возрасте с помощью непараметрического критерия Краскела-Уоллиса, было выявлено, что сформированная детская субкультура влияет на доминирование мотивов показного потребления – «желание выделиться» (11,377, $p \leq 0,05$) и «быть похожим на сверстника» (9,33, $p \leq 0,05$).

Таким образом, по доминирующему типу показного потребления в дошкольном возрасте можно определить преобладающую роль либо семейного фактора, либо детской субкультуры, и, как следствие, оказывать адекватную психологическую помощь ребенку в социализации.

Навдусhevич Г.В., Трошихина Е.Г.

РАЗВИТИЕ КАЧЕСТВА АССЕРТИВНОСТИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ ИЗ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА В ЮНОШЕСКИЙ

Ассертивность (от англ. assertiveness) – способность человека уверенно и с достоинством отстаивать свои права, не попирая при этом прав другого человека (Мещерякова, Зинченко, 2006). Данное понятие пришло в психологическую науку из зарубежных практик, ассертивных тренингов по исправлению поведения взрослого человека, и затем клиницистами было положено начало более глубокого изучения ассертивности (Рэкос, 1991). Ассертивность

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

в настоящее время разносторонне изучается российскими исследователями (И.В. Попова, В.П. Шейнов, В.М. Львов, В.Г. Ромек, Е.В. Хохлова, Н.Е. Харламенкова, Н.Ю. Ражина). Однако очень мало работ, раскрывающих особенности развития качества асертивности в подростковом и юношеском возрасте.

Нами было проведено исследование асертивности у подростков и юношей, в котором приняли участие школьники в количестве 201 человека. Исходя из цели исследования, было выделено три возрастные группы: младшие подростки (11-13 лет), старшие подростки (14-16 лет) и юношеский возраст (17-18 лет).

Использованы методики: тест на «Асертивность» Д. Левинсона в модификации М. Шлепецкого, опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (СПСС) С. Хобфолла в адаптации Н.Е. Водопьяновой, Многофакторный личностный опросник Р. Кэттелла 16PF (версия С).

Сравнительный анализ средних значений шкал методики «асертивность» в трех возрастных группах выявил статистически значимое различие по суммарному показателю асертивности. У юношей уровень асертивности значимо выше, чем у младших подростков, из чего следует, что асертивность (как проявляемое качество) имеет тенденцию к возрастанию при переходе из младшего подросткового возраста в юношеский. Корреляционный анализ шкал методик Асертивность и Р. Кэттелла выявил только по одной взаимосвязи в группах младших и старших подростков, что свидетельствует о том, что качество асертивности еще не встроено в личность подростков. В юношеской возрастной группе обнаружены взаимосвязи шкал «частоты использования асертивности» с адекватной самооценкой (MD); «приемлемости асертивности» с уверенностью в себе (O); «суммарной асертивности» с экспрессивностью (F), смелостью (H) и самостоятельностью (Q2). Можно сказать, что качество асертивности обретает свои очертания и уже встроено в структуру личностных черт юношей.

Корреляционный анализ шкал методик «Асертивность» и «СПСС» также выявил, что в группах младших и старших подростков асертивность слабо связана с преодолевающими стратегиями, тогда как в юношеской возрастной группе обнаружены положительные взаимосвязи со стратегиями: «асертивные действия», «вступление в социальный контакт», «поиск социальной поддержки», «манипулятивные действия» и отрицательная взаимосвязь со стратегией «избегание». Можно сказать, что чем выше уровень асертивности у юношей и девушек, тем чаще они прибегают к активным, конструктивным стратегиям преодолевающего поведения. Юноши и девушки с высокой асертивностью более контактны и общительны. Для них приемлема и значима поддержка со стороны другого человека. Вместе с тем у них велико желание манипулировать, контролировать и управлять действиями других людей. И, наконец, в юношеском возрасте высокая асертивность исключает избегание, игнорирование сложных, проблемных ситуаций.

Кроме того, обнаружено, что стратегия «агрессивные действия» положительно связана со шкалой «частота использования асертивности» и не связана со шкалой «приемлемость асертивности». Это значит, что те, кто часто прибегают к асертивности и используют агрессивную стратегию не обязательно считают, что асертивное поведение приемлемо. Скорее всего здесь трудность заключается в способности различать асертивность и агрессивность.

Таким образом, качество асертивности берет свое начало в младшем подростковом возрасте, далее начинает слабо проявляться в поведении старших подростков, а затем продолжает достаточно сильно развиваться и активно проявляться в поведении девушек и юношей.

Никифорова Е.Э., Афонькина Ю.А.

ОСОБЕННОСТИ ЭМПАТИИ У ДОШКОЛЬНИКОВ КАК КОМПОНЕНТА ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К МИРУ

Ценности как психологический феномен являются одним из базовых понятий психологии (Ежкова, 2016), а развитие эмоционально-ценностного отношения к миру у дошкольников занимает одно из центральных мест в современной концепции содержания дошкольного образования (Кондратьева, 2015; Римашевская, 2013).

Основным компонентом выступает эмпатия, которая в психолого-педагогической науке понимается, как способность человека эмоционально отзываться на переживания другого индивида (Божович, 2008; Петровский, 2001). Развитие эмпатии у дошкольников является важным моментом, способствующим становлению личности и приобщению к культурным ценностям.

Противоречие между необходимостью стимулировать процесс развития эмпатии у дошкольников и недостаточность научных представлений о ее особенностях в данный возрастной период определило проблему исследования.

Цель исследования – изучение особенностей эмпатических реакций у детей 5-6 лет (на материале анализа социальных коллизий).

Для достижения цели была разработана и апробирована психодиагностическая методика, основанная на такой особенности детского мышления, как антропоморфизм.

Научная новизна исследования состоит в том, что в ходе работы был научно обоснован и разработан диагностический инструментарий по изучению эмпатических реакций у дошкольников. Полученные данные об особенностях проявления эмпатии у детей позволили расширить научные представления о ее генезисе, что составляет теоретическую значимость исследования.

Практическая значимость определяется разработкой направлений коррекционно-развивающей работы психолога с дошкольниками по развитию эмпатии.

Исследование проводилось в 2017-2018 гг. с 20-ю детьми 5-6 лет на базе МБДОУ № 156 г. Мурманска.

Предложенная диагностическая методика имеет проективный характер, отражает противоречивые взаимоотношения людей и домашних питомцев, предполагающие борьбу мотивов. Детям демонстрировали фотоизображения животных в проблемных ситуациях, просили рассказать, что изображено на картинке, а затем беседовали о значимых моментах.

Были выделены критерии качественного анализа результатов методики (эмоциональная вовлеченность, правильность понимания социальной коллизии, адекватность интерпретации, интерес к заданию, контактность), каждый из которых впоследствии рассматривался с позиции определенных показателей, проранжированных в баллах, что позволило определить уровни сформированности эмпатических реакций.

Качественный и количественный анализ диагностических данных, позволил выделить следующие особенности: большинство детей характеризует нечувствительность к социальным коллизиям (75% испытуемых), преобладание утилитарной мотивации (85%), доминирование личностных мотивов над социальными (75%), низкий интерес к социальному содержанию (60%), потребность в помощи взрослого для интерпретации предложенных ситуаций (65%). 30% детей продемонстрировали неадекватную эмоциональную оценку ситуаций.

С учетом выявленных особенностей была разработана и апробирована коррекционно-развивающая программа из 20 занятий, отражающих социальные коллизии через образы человека и животных.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

По сравнению с данными, полученными до проведения коррекционно-развивающих занятий, наблюдаются значительные изменения: дети стали более чувствительными к проблемным ситуациям (80%), они научились понимать социальные коллизии и эмоции других (70%), опираясь при этом на собственный опыт, стали выражать желание содействовать и предлагать адекватные варианты помощи (85%).

Согласно Т-критерию Вилкоксона, показатели развития эмпатических реакций у дошкольников после проведения формирующего эксперимента превышают первоначальные значения (уровень достоверности $\geq 99\%$).

Таким образом, разработанная система коррекционно-развивающих занятий эффективна и положительно повлияла на развитие эмпатии.

Олешкевич В.И.

ОНТОЛОГИЯ САМОСОЗНАНИЯ В ДИАГНОСТИКЕ РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Психологические исследования личности в современной медицине, несмотря на существующие большие заделы в различных областях психологии, остаются не только недостаточно широко распространенными, но и методологически недостаточно разработанными. Это относится также и к психопсихологическому исследованию детей и подростков. Хотя в этих случаях формально и утверждается о необходимости оценки развития, но в реальности чаще всего здесь характеристика развития определяется посредством традиционных тестовых проб на мышление, внимание, память и пр. На самом деле в таких случаях психологи нуждаются в некоторой новой психологической онтологии, на основе которой можно было бы реконструировать и описывать не только возрастные характеристики развития, но также и индивидуальные особенности развития, и в конечном счете выходить на оценку индивидуальных норм развития человека. И такой онтологией, как показывает наш опыт, может стать онтология развития самосознания.

Говоря об онтологии самосознания, мы имеем в виду традицию изучения сознания, которая развивалась немецкой классической философией и была разработана в «Феноменологии духа» Гегеля. Здесь сознание обязательно предполагает самосознание, которое является основой, ядром последующего развития мышления, деятельности и личности. Базовой оппозицией самосознания является субъект-объектное отношение, отношение Я-иное, Я-мир. Именно это отношение развивается в ходе жизни индивидуума, причем развивается двухсторонне, вместе с развитием внутреннего субъекта развивается и объект. И наоборот, развитие объектной стороны самосознания приводит к развитию субъекта. Опыт наших исследований позволяет утверждать, что это отношение, обе его стороны можно достаточно четко эмпирически верифицировать, в частности, есть возможность это отношение диагностировать как объективно, извне, анализируя объект самосознания, так и вставая на феноменологическую позицию индивидуума, т.е. диагностировать, основываясь на феноменологической методологии. Далее разрабатывая этот подход, опираясь на работы М.М. Бахтина и Л.С. Выготского, мы конкретизируем полюс объекта в виде отношения Я и Другого, а также оппозиции свое и чужое, которые также удастся достаточно точно диагностировать. На этом пути может быть выстроена достаточно точная структурная диагностика развивающегося самосознания. Данная онтология и методология является не только онтологией самосознания, но и онтологией развития самосознания, и в этом отношении она значима для осуществления психологической диагностики детей и подростков. Это приводит к тому, что можно говорить не только о струк-

турной диагностике, но и о генетической диагностике развития самосознания. Поскольку в рамках данной онтологии полагается, что развивается именно самосознание и соответственно оно формирует новые образования личности, мышления, деятельности, то таким образом возможно диагностировать развитие личности в целом. Базовыми особенностями этого развития, с данной точки зрения, являются структурные характеристики самосознания. Такой подход к исследованию предполагает возможность совмещения различных точек зрения на процесс развития самосознания: видеть с точки зрения себя, с точки зрения Другого, и, наконец, с объективной точки зрения. Здесь, прежде всего, важна внутренняя феноменологическая точка зрения, ибо развитие самосознания идет изнутри внутренней оппозиции «Я-Другой», за счет развития которой и происходит изменение переживаний, развитие самости, но это возникает каждый раз за счет столкновения с иным, другим, через процессы вживания, проекции «своего» на «иное», а также через переработку и интеграцию получаемого психического материала. В рамках данного подхода все три исследовательские позиции могут быть успешно совмещены в целостном представлении о состоянии развития личности индивидуума. Такого рода знания могут непосредственно использоваться в реализации задач коррекции, профилактики отклонений развития.

Петрикова Н.В., Григорович Л. А.

СТЕПЕНЬ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТИ Я-КОНЦЕПЦИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РАЗЛИЧИЙ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО

Изучение особенностей личностного развития является одним из приоритетных направлений для исследований в психологии. Развитие личности в контексте её индивидуальной истории изучается в трудах С. Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 2010), К. А. Абульхановой (Абульханова, 1991), и др. В рамках этих концепций личность понимается как субъект жизненного пути, способный самостоятельно организовывать себя и свою жизнь. Развитие субъекта тесно связано с процессом личностного самоопределения, результатом которого является формирование знаний о себе, о своём будущем. В психологии разделяют низкий, средний и высокий уровни сформированности личностного самоопределения. (Кузнецова, 2011). В процессе личностного самоопределения субъект получает способность самостоятельно принимать решение и совершать выбор (Буякас, 2002).

Совершение выбора для субъекта – это рискованная деятельность, связанная с упущением одной возможности и реализацией другой. В стремлении определиться с приоритетной возможностью и снизить степень неопределённости субъект формирует собственное представление о будущем.

В психологии особенности содержания образа будущего у субъектов с различными показателями личностного самоопределения являются малоизученными.

В связи с малоизученностью данного вопроса нами было проведено эмпирическое исследование, целью которого стало изучение особенностей содержания образа будущего у старших подростков с различной степенью дифференцированности их Я-концепции.

Нами было выдвинуто предположение, что объём, количество тем и тематическая вариативность содержания образа будущего различны у старших подростков с различной степенью дифференцированности их Я-концепции.

Для проверки сформулированной нами гипотезы, в данном эмпирическом исследовании приняли участие 254 учащихся 9-11-ых классов средних общеобразовательных школ в возрасте 15-17 лет.

Для решения задач данного эмпирического исследования были использованы следующие методики: «Вербальный вариант методики Тест «Я в прошлом. Я в настоящем. Я в будущем» М. Куна, Т. МакПартленда в модификации Т.В. Костяк. (Марцинковская и др., 2009) и проективная методика «Сочинение о будущем» Т.Д. Марцинковской, Т.В. Костяк. (Марцинковская и др., 2009).

В результате анализа полученных данных, посредством программы математической статистики IBM SPSS Statistics 22 и метода математической статистики «Критерий углового преобразования Фишера», были получены следующие результаты: статистически значимо чаще у старших подростков, у которых в содержании Я-концепции встречается от 0 до 3 личностных характеристик, отсутствуют представления о своём будущем. Статистически значимо чаще у старших подростков, у которых в содержании Я-концепции встречаются от 0 до 3 личностных характеристик, в содержании образа будущего в 1-3 предложениях описывается одна тема, связанная с профессиональными и учебными перспективами. Статистически значимо чаще у старших подростков, у которых в содержании Я-концепции встречаются от 7 до 10 личностных характеристик, в содержании образа будущего, в нормальном объёме, раскрываются две темы. Одна из них связана с профессиональными и учебными перспективами, а вторая – с представлениями о будущем круге общения и характере коммуникации с ним.

На основании проведённого анализа, были сформулированы следующие выводы:

Существуют различия в содержании образа будущего у старших подростков с различной степенью дифференцированности их Я-концепции.

Содержание образа будущего у старших подростков с низкой степенью дифференцированности Я-концепции статистически значимо чаще может отсутствовать или в 1-3 предложениях содержать описание одной темы, связанной с профессиональными и учебными перспективами.

Содержание образа будущего у старших подростков с высокой степенью дифференцированности Я-концепции статистически значимо чаще может в нормальном объёме содержать описание 2 тем, связанных с профессиональными и учебными перспективами, а также – с кругом общения и характере коммуникации в нем.

Таким образом, можно предположить, что полученные различия в содержании образа будущего у старших подростков с различной степенью дифференцированности Я –концепции, связаны с особенностями развития у них коммуникативных навыков, самосознания, и рефлексии.

Полученные результаты могут расширить знания об особенностях формирования образа будущего и быть использованы специалистами для проведения профориентационных мероприятий.

Пряжников Н.С., Молчанов С.В.

МОРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВЫБОРА В ОБЛАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СЕМИНАРИИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ*

Профориентация рассматривается как специально организованная помощь самоопределяющейся личности в выборе профессии и планировании карьеры. Считается, что психологи-консультанты знают, что нужно личности, чтобы добиться профессионального и карьерного успеха. Но в современных подходах акцент делается на том, чтобы постепенно готовить подростка к самостоятельному и осознанному выбору, что и обеспечивает «самоо-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

пределение». Если для младшего подросткового возраста в области профессионального самоопределения важно сориентироваться в мире профессий, своих реальных и потенциальных ресурсах (способностях, здоровье, особенностях характера и др.), то для старшего подросткового возраста все более значимым становится ценностно-смысловая ориентировка. Такая ориентировка предполагает размышления о том, что такое успех, как блага и достижения будут соотноситься с представлениями подростка о достойном и недостойном. Соответственно, возможен парадокс, когда самоопределяющийся подросток готов к успешным окончанию школы, поступлению и даже трудоустройству, но при этом, сам для себя так и не осознал смысла такого успеха. Этим объясняет нередкие разочарования студентов в своих престижных выборах, и разочарования в карьерных достижениях. Мы считаем, что по мере взросления подростка, все более актуальным для него становится уточнение «жизненного замысла», где сами профессиональные и карьерные выборы выступают лишь как средство (или условие) реализации главной идеи (смысла) своей жизни. Общая логика развития подростка как субъекта самоопределения включает в себя переход от ориентировки в мире профессий, учебных заведений и мест работы к постепенному перенесению акцента на поиск и постоянное уточнение смысла своей жизни и карьеры. В консультации подростков, для которых самостоятельный моральный поиск по разным причинам затруднен (не созрели интеллектуально и духовно, не оказалось рядом достойных и умных учителей), важно не ожидать быстрого результата, поскольку такой поиск является делом сугубо личностным и даже интимным. Наиболее плодотворной стратегией работы представляется психологическое (ценностно-смысловое) просвещение, когда подростки постепенно знакомятся с разными вариантами профессионального успеха и карьеры. Это расширяет общекультурный кругозор, помогает сориентироваться в сложных пространствах смыслов, с возможностью выхода на более интересный уровень самоопределения, когда выбранные ими профессии и варианты карьеры в большей степени соотносятся с жизненными замыслами.

Таким образом, профориентация в современном понимании предполагает активизацию ценностно-смыслового поиска (морального самоопределения), когда выбираемые профессии и варианты планирования карьеры рассматриваются как пути к реализации жизненного замысла.

Целью эмпирического исследования стало определение моральных оснований выборов в области профессионального самоопределения в подростковом возрасте. Выборку исследования составили 116 человек – учащиеся 10-11 классов.

Методики исследования. Методика личной профессиональной перспективы, оригинальная методика «2 героя», интервью на определение статуса идентичности в области профессии, методика «Справедливость-забота».

Полученные результаты показали амбивалентную картину восприятия мира профессиональной деятельности подростков в понимании значимости честного труда для достижения успеха в профессиональной деятельности. Для значительной части подростковой аудитории успешность труда связана с нетрудовыми факторами. Уровень развития моральных суждений связан с характером восприятия профессии, критериев успешности в профессии и путей достижения успеха в профессии. Наличие выборов и плана действий в области профессионального будущего не всегда связано с самостоятельным самоопределением.

Полученные результаты могут быть использованы для программ профессионального самоопределения при работе в подростковой аудитории.

**Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-013-01067.*

Сергуничева Н.А., Василенко В.Е.

СТРАХИ И ТРЕВОЖНОСТЬ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ В СВЯЗИ С ОСОБЕННОСТЯМИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МАТЕРЕЙ С ДЕТЬМИ*

Страхы и тревожность относятся к основным проблемам в развитии дошкольников. Отсутствие ярко выраженных страхов и умеренная тревожность - параметры психоэмоционального благополучия и маркеры эмоциональной компетентности ребенка.

Целью одного из блоков нашего исследования эмоциональной компетентности дошкольников стало выявление взаимосвязей страхов и тревожности старших дошкольников с характеристиками взаимодействия матерей с детьми.

В исследовании приняли участие 61 диада мать-ребенок, возраст детей - от 5 до 6 лет (30 мальчиков и 31 девочка, средний возраст 5 лет 4 мес.), посещающих ГБДОУ №120 и ГАДОУ №53 г. Санкт-Петербурга.

Для исследования страхов и тревожности дошкольников использовались тесты А.И. Захарова, М. Панфиловой и Р. Тэммл. М. Дорки, В. Амен, параметров взаимодействия матерей с детьми - опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицки-са, опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия Е.И. Захаровой и анкета Е.И. Изотовой.

Общее количество страхов у дошкольников соответствует нормативным значениям, при этом тревожность высокая. У девочек выраженность страхов больше за исключением про-странственных страхов и страхов кошмарных снов, по которым нет различий. Из показателей взаимодействия матерей с детьми у матерей снижены эмпатия и умение воздействовать на состояние ребенка. Матери мальчиков более склонны к недостаточности требований-запретов ($p \leq 0,05$). В целом для родителей характерна высокая степень участия в эмоциональном развитии детей. Корреляционный анализ по Спирмену выявил большое количество взаимосвязей между показателями страхов и стилевых характеристик воспитания. Так, общее количество страхов меньше при большей выраженности расширения родительских чувств ($p \leq 0,01$) и неустойчивости стиля воспитания ($p \leq 0,05$). Эти 2 параметра оказались взаимосвязаны и с отдельными видами страхов. Так, при расширении родительских чувств менее выражены страхи причинения физического ущерба, страхи кошмарных снов ($p \leq 0,01$) и страхи животных и сказочных персонажей ($p \leq 0,05$). При неустойчивости стиля воспитания менее выражены социальное опосредованные страхи и страх смерти ($p \leq 0,01$). Страхи животных и сказочных персонажей также менее выражены при неразвитости родительских чувств ($p \leq 0,05$). Страх смерти менее выражен при предпочтении в ребенке детских качеств, воспитательной неуверенности матерей ($p \leq 0,01$) и недостаточности требований-обязанностей ($p \leq 0,05$). Страхи кошмарных снов менее выражены при фобии утраты ребенка ($p \leq 0,01$). Интересно то, что страх смерти оказался более выражен при показателях благополучия в эмоциональном взаимодействии – при более высоком показателе по блоку «Чувствительность матери» и более высоком показателе безусловного принятия ребенка ($p \leq 0,05$). Это можно объяснить сензитивностью старшего дошкольного возраста к этому виду страха.

Неожиданным оказалось также то, что тревожность у детей менее выражена при вынесении конфликта между супругами в сферу воспитания ($p \leq 0,05$). Возможно, эта взаимосвязь связана с компенсаторными механизмами - дети постепенно адаптируются к конфликтной ситуации. Тревожность у детей более выражена при более низкой эмпатии матерей, что закономерно ($p \leq 0,05$).

Таким образом, страхи у старших дошкольников менее выражены при эмоциональной включенности матерей в воспитание (расширение родительских чувств) и при тех стилевых

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

характеристиках воспитания, которые свидетельствуют о некоторой мягкости матерей: неустойчивость стиля воспитания, воспитательная неуверенность, недостаточность требований, предпочтение детских качеств. Эти параметры не являются показателями зрелости стилевых характеристик воспитания, но связаны с такими личностными чертами матерей, которые, по-видимому, не провоцируют у детей усиление страхов. Тревожность более выражена при снижении эмпатии матерей. Планируется уточнение действия компенсаторных механизмов в эмоциональной сфере.

**Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект №18-013-00990 «Семейные факторы эмоциональной компетентности дошкольников»).*

Серебrenникова Е.С., Спицына В.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОТЦЕ В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Отец – это основа таких понятий как «отечество», «Отец-всевышний» и «святой отец» (в религиозном контексте). Влияние отца на ребенка дошкольного возраста многогранно и неоспоримо.

Согласно З. Фрейду присутствие сильного отца гарантирует сыну правильное решение для выбора объекта в противоположном поле. Согласно классическим психоаналитическим взглядам в результате симбиотической идентификации с матерью первичная полоролевая идентичность мальчика оказывается феминной. Для достижения мужской идентичности мальчик должен дезидентифицироваться с матерью и идентифицироваться с отцом. Успешность в мужской идентификации мальчика зависит от его способности к дезидентификации (Фрейд, 2017). Представление о своем отце есть некая комплексная величина, за которую реальный отец отвечает лишь частично, а значительно большая доля ответственности за нее лежит на сыне (Фрейд, 2017). Именно поэтому представления об отце и их психологическое содержание, которые развиваются на этапе дошкольного детства, столь важны для дальнейшей жизни любого ребенка. Изложенные выше факты и побудили нас избрать для исследования тему «Психологическое содержание представлений об отце в дошкольном возрасте».

Целью нашего исследования было выявление структуры и содержания представлений об отце в дошкольном возрасте. Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что эмоциональный аспект в психологическом содержании представлений об отцовстве в старшем дошкольном возрасте преобладает над поведенческим и когнитивным.

Экспериментальная работа состояла из этапа диагностики представлений об отце детей старшего дошкольного возраста, предусматривающей возможность детализации общей картины представлений об отце, получения целостного невербального представления образа отца у исследуемой группы детей. Ими стали 28 детей ДОУ № 280 Ворошиловского района гор. Волгограда, из которых 14 были дети старшей группы в возрасте от 5 лет 4 месяцев до 6 лет 2 месяцев и 14 дети подготовительной группы в возрасте от 6 лет 2 месяцев до 7 лет 3 месяцев.

Большое внимание в своём исследовании мы уделили проблеме оценки эффективности диагностических методик при определении целостного невербального представления об отце у детей дошкольного возраста. Для определения места отца в жизни семьи использовался диагностический метод «Рисунок семьи». Следующим диагностическим методом был «Характеристики отца», авторская диагностика М.А. Мацук, направленная на определение представлений об отце в трех аспектах: эмоциональном, поведенческом и когнитивном, при этом каждый из данных аспектов состоял из шести признаков: «Доминирование и компетентность отца», «Чувство защищенности, вызываемое отцом», «Когнитивные способности отца», «Социальное положение отца», «Энергичность отца» и «Дисциплинированность отца». Третья

диагностическая методика «Незаконченные предложения об отце» – методика, содержащая семь незаконченных утверждений о собственном отце, заимствованных из методики «Незаконченные предложения» Дж.М. Сакса и С. Леви. И последней методикой – «Представления об отце», авторская методика М.А. Мацук, которая заключается в том, что ребенок заканчивает предложения о своем отце или человеке его заменяющем, либо, в случае отсутствия мужского примера, представляет себе отца (Мацук, 2008).

В результате диагностики «Характеристики отца» была подтверждена первая часть гипотезы о том, что эмоциональный аспект в психологическом содержании представлений об отцовстве в дошкольном возрасте преобладает над поведенческим и когнитивным. Это можно объяснить как повышенным чувством эмпатии со стороны детей, так и недостаточным знанием и проведенным временем с отцом, чтобы в большей степени оценивать его по поведению.

В целом, после проведения комплекса диагностик мы пришли к выводам о том, что представления об отцах у детей исследуемой группы положительные, но недостаточно четкие. Чтобы представления об отцах у детей стали бы более четкими необходима дальнейшая работа по проведению комплекса мероприятий, способствующих развитию реалистичных и позитивных представлений об отце со всеми участниками образовательного процесса, а впоследствии анализ динамики результатов развивающей работы.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования ее результатов для акцентирования внимания воспитателей и родителей на роли отца в жизни ребенка и понимании того, что отцовство – это половина родительства.

Смирнова О.М., Савина О.О.

РЕШЕНИЕ ВОПРОСОВ РОБОЭТИКИ ПОДРОСТКАМИ В СОЦИАЛЬНЫХ ДИЛЕММАХ

Проблема. В XXI веке влияние роботов на нашу жизнь настолько велико, что они все чаще заменяют человека, в связи с чем уже сейчас важно развивать культуру взаимодействия человека и человекоподобных роботов. Однако препятствиями для широкого распространения социальных роботов являются не только цена и технические возможности, но и готовность человека к тесному взаимодействию (Хамина, Симонова, 2014). Необходимо уточнение моделей человеческого социального поведения, социальных взаимодействий человека и робота (Шандаров и др., 2014). Приближение роботов по внешним и внутренним характеристикам к человеку высвечивает морально-этические вопросы взаимодействия человека и робота, что особо актуально современным подросткам, которые будут реализовывать себя и принимать решения в цифровом обществе.

Дизайн исследования. Цель: Изучить принятие подростками решения о правовом статусе социальных роботов. Гипотеза: подросткам свойственно наделять робота человеческими качествами и правами.

Разработаны задачи-дилеммы для принятия решения (в письменной форме). Дилеммы представляли собой описания этических ситуаций взаимодействия с роботами: 1) предложение в одиночку лететь в исследовательскую космическую экспедицию в компании роботов; 2) права наследования роботами имущества человека (хозяина); 3) возможности использования робота в быту, в качестве друга; 4) поездка на роботизированной машине; 5) словесная провокация конфликта роботом.

В исследовании приняли участие подростки 12-17 лет, 124 юноши и девушки, ученики школы г. Москвы.

Результаты и обсуждение. Большинство подростков (61%) отказались от предложения в одиночку лететь в исследовательскую космическую экспедицию на Луну в компании

роботов, аргументируя это тем, что без общения с человеком им будет очень одиноко, боязнь непредвиденных ситуаций, не учтённых в программе робота, страхом перед роботами. В свою очередь 39% соглашались, указывая, что глупо упускать уникальную возможность, что роботы – почти те же люди и в них нет ничего страшного, что с ними даже безопаснее, чем с человеком. Рассматривая вопрос права наследования роботами имущества человека (хозяина), подростки чаще отказывают им в этом праве (64%), объясняя это тем, что роботу не нужны ни деньги, ни дом. В противовес этому мнению, 36% подростков считают, что робот имеет право на наследование, потому что он это заслужил. Получить робота в качестве подарка отказались лишь 19% опрошенных, 82% предпочли бы его использовать (в некоторых случаях даже видеть в качестве замены друга или питомца). Большинство опрошенных подростков (65,3%) согласились ездить по рабочим делам на роботизированной машине. В ситуации словесного замечания со стороны робота-консультанта 79% опрошенных эмоциональноотреагировали, приписав роботу намеренное желание обидеть, что свидетельствует об очеловечивании робота. 21% обиделись бы на робота. 6% нашли бы ситуацию комичной и посмеялись. Лишь 7% предполагают, что фраза не может быть спонтанной, а уже должна быть запрограммирована в базу данных робота, а значит, это просто шутка программиста. Выводы. При принятии решения подростками в ситуации потенциального взаимодействия этического плана проявлялись амбивалентные тенденции в отношении готовности к активному деловому взаимодействию с роботами, к признанию за роботом прав человека, к возможности доверить свою жизнь роботу, а также различия в эмоциональных реакциях. Подросткам в критических ситуациях присущи тенденции очеловечивать робота, действовать как в привычной повседневной жизни, принимать заявления робота на свой счёт и реагировать на них так, как если бы это сказал человек (как с человеком). Дальнейшая перспектива видится в более углубленном изучении различных аспектов принятия решения (соотношения эмоциональных, когнитивных и поведенческих компонентов, а также анализа гендерных, возрастных и индивидуально-личностных особенностей).

Спицына В.В., Солодкова А.М.

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА СО СВЕРСТНИКАМИ НА ПРОЯВЛЕНИЯ ЭМПАТИИ ДЕТЬМИ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В современных условиях всеобщей гуманизации человеческих взаимоотношений вопрос о развитии доброжелательного, отзывчивого, готового прийти на помощь молодого поколения является актуальным.

Целью нашего исследования было изучение влияния развития сотрудничества со сверстниками на проявления эмпатии детьми старшего дошкольного возраста.

В соответствии с проблемой и целью исследования были поставлены следующие задачи: 1. Рассмотреть сущность понятия «эмпатия» в отечественной и зарубежной психологии. 2. Выделить особенности психологического содержания эмпатии в старшем дошкольном возрасте. 3. Выявить взаимосвязь развития эмпатии как психологического новообразования старшего дошкольного возраста и общения со сверстниками.

Нами были подобраны следующие диагностические методики: методика «Одень куклу» (Смирнова Е.О., Холмогорова В.М.), направленная на выявление умения детей обращаться за помощью к своим сверстникам, просить нужную для них вещь, выслушивать и реагировать на просьбы других детей; методика «Эмотивность» (Урунтаева Г.А., Афонькина Ю.А.), направленная на выявления способности детей к проявлению эмотивности – отзывчивости и чувствительности к окружающему миру, переживаниям других людей; методика «Диагности-

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

ка развития общения со сверстниками» (Орлова И.А., Холмогорова В.М.), предназначенная для выявления наличия интереса ребёнка к сверстнику, чувствительности к воздействиям, инициативности ребёнка в общении, просоциальных действий, сопереживания и средств общения. (Урунтаева, Афонькина, 1995).

Проведя исследование по методике «Одень куклу» (Е.О. Смирнова, В.М. Холмогорова) в группе, состоящей из 36 испытуемых в возрасте от 5 лет 2 месяцев до 5 лет 8 месяцев, мы выявили, что 60% испытуемых не смогли справиться с заданием. При обнаружении в своём конверте лишних или неподходящих вещей, дети пытались надеть их на свою куклу, не обращая внимания на то, что эти вещи вовсе не от их куклы, а от куклы соседа. Испытуемые не обращались за помощью к своим сверстникам, не просили необходимую для их наряда вещь, а просто молча забирали у другого ребёнка нужную ему вещь, не реагируя на просьбы и желания сверстников.

При чтении сказки С.Лагерлеф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» в рамках методики «Эмотивность» (Г.А. Урунтаева, Ю.А. Афонькина), мы фиксировали особенности эмоционального поведения детей старшего дошкольного возраста: вхождение в сказочный сюжет, сопереживание и сочувствие персонажам, оценку событий. Таким образом, нами было отмечено, что 18 испытуемых из 36 (что составляет 50%), склонны к проявлению эмотивности. Эти дети проявляли сопереживание персонажам по мере развития сюжета: проявляли сопереживание, соответствующее состоянию персонажей, превращающееся иногда в копирование их действий. Вероника А. делала глоток воображаемой воды точно так же, как гусь Мартин; Диана Н. опускала уголки губ, когда плакал Нильс; Михаил П. прижимал ладони к лицу, как мать Нильса в момент отчаяния. Также испытуемые проявляли желание общаться друг с другом, делиться своими переживаниями и оценками (переглядывания, взаимные подталкивания, восклицания, относящиеся к конкретным персонажам: «Зачем, ну зачем гуси туда полетели?»).

Результаты исследования по методике «Диагностика развития общения со сверстниками» (Орлова И.А., Холмогорова В.М.) позволяют нам сделать вывод о том, что у 15 детей из 36 (что составляет 42%) пока ещё недостаточно развита внеситуативная форма общения со сверстниками. Испытуемые не проявляли интерес к сверстнику, не стремились привлечь внимание сверстника к своим действиям, не демонстрировали свои возможности, не вовлекали сверстников в совместные действия, не были способны наблюдать за действиями сверстников, стремиться подстроиться под них и подражать их действиям.

Проведенная опытно-экспериментальная работа позволяет нам сделать вывод о том, что те испытуемые, у которых развита внеситуативная форма общения со сверстниками, склонны к оказанию помощи другому и проявлению эмпатии. Это значит, что предложенная нами гипотеза нашла свое подтверждение в результатах эксперимента.

Степанова М.А.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ Л.И. БОЖОВИЧ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

С активным развитием психологической практики и появлением различных по своей направленности центров помощи детям и их родителям остро ощущается потребность в рефлексии научных оснований практической работы. При этом если испытываемые детьми трудности в усвоении предметных знаний поддаются психолого-педагогической коррекции, то нарушения поведения имеют тенденцию с возрастом усугубляться, и в тех случаях, когда удается добиться ощутимых сдвигов, главными помощниками зачастую оказываются интуиция и опыт, а отнюдь не профессиональные знания.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В связи с этим представляется важным с теоретической точки зрения и полезным с практической обратиться к накопленным в психолого-педагогической науке данным, касающимся становления личности ребенка. В данном случае речь пойдет о Л.И. Божович, (110-летие со дня рождения Л.И. Божович отмечается в нынешнем году) и созданной ею научной школе. Сегодня есть все основания говорить о том, что практическая психология образования обрела самостоятельный статус как новая отрасль прикладной психологии во многом благодаря полученным в школе Л.И. Божович сведениям о возрастных закономерностях формирования личности в детском возрасте.

Созданная Л.И.Божович в 1945 году лаборатория воспитания детей школьного возраста перешла в 1976 году к И.В. Дубровиной и вскоре стала лабораторией детской практической психологии. Впоследствии И.В. Дубровина отмечала, что «лаборатория на протяжении своего существования меняла названия... но не содержание своих основных исследований... Переход нашего коллектива к проблеме, новой для науки и актуальной для практики, - разработке научных основ детской практической психологии – не случаен, он подготовлен всей предшествующей историей работы лаборатории».

Ученица Л.С. Выготского Л.И. Божович считала важным проследить логику мысли Л.С.Выготского и ставила задачу создания целостной концепции детской личности. Под личностью она понимала такой «уровень психического развития человека, который позволяет ему управлять и обстоятельствами своей жизни и самим собой». Формирование личности проходит ряд этапов, а центром развития является сознание, включающее в себя как интеллектуальные, так и аффективные компоненты. Единицей исследования личности как целостной иерархической системы должен стать поступок: он сопровождается борьбой мотивов и принятием решения, поступок осуществляется в соответствии с победившим и устойчиво доминирующим в структуре личности мотивом. Проанализировав поступки, можно построить модель данной личности.

Мотивационная сфера человека представляет собой мотивационную иерархию, на вершине которой находятся устойчиво-доминирующие мотивы, определяющие личностную направленность человека. По мере развития мотивационной сферы и формирования личности поведение начинает побуждаться опосредованными мотивами, то есть мотивами, которые приобретают побудительную силу за счет опосредования их духовными потребностями.

Еще одно ключевое понятие – внутренняя позиция ребенка, которая «складывается из того, как ребенок на основе своего предшествующего опыта, своих возможностей ... относится к тому объективному положению, которое он занимает в жизни в настоящее время и какое положение он хочет занимать».

Именно внутренняя позиция становится непосредственной движущей силой развития у ребенка новых психических качеств. Л.И. Божович интересовало применение полученных знаний в практике, и она сформулировала программу воспитательной работы:

- цели воспитания касаются личности в целом;
- содержание воспитательного процесса учитывает специфические для каждого периода движущие силы развития и формирующиеся особенности личности;
- особое значение имеет организация детского коллектива;
- критерий воспитательного процесса – появление устойчивого стремления действовать в соответствии с требованиями воспитания в любых условиях.

Эти идеи Л.И. Божович могут стать надежным основанием психологической работы с испытывающими трудности взросления детьми и их родителями.

Тимофеева О.В., Денисова И. В.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ В ОБЩЕНИИ У ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Ведущим видом деятельности подросткового периода является общение. Наличие трудностей в его процессе может привести к неблагоприятному развитию личности. Одними из значимых сложностей в межличностном общении подростков можно считать эмоциональные барьеры, в изучении которых мы опирались на классификацию В.В. Бойко. Он выделяет следующие помехи в установлении эмоционального контакта: неумение управлять эмоциями, дозировать их; неадекватное проявление эмоций; негибкость, неразвитость, невыразительность эмоций; доминирование негативных эмоций; нежелание сближаться с людьми на эмоциональной основе.

В данной работе описываются отличия эмоциональных барьеров у подростков с разными уровнями межличностной зависимости. Мы предположили, что подросткам с низким уровнем межличностной зависимости от других не свойственны эмоциональные барьеры. Для их сверстников с высокими показателями межличностной зависимости, напротив, характерно преобладание всех вышеперечисленных помех в установлении эмоционального контакта. У подростков же со средним уровнем межличностной зависимости от окружающих эмоциональные барьеры проявляются в зависимости от ситуации.

В исследовании приняли участие 163 подростка 11–15 лет, в том числе 94 девочки и 69 мальчиков. В качестве метода сбора эмпирических данных применялся стандартизированный самоотчет, конкретизированный тест-опросниками диагностики эмоциональных барьеров в общении В. В. Бойко (Фетискин, 2002) и межличностной зависимости Р. Гиршфильда (Макушина, 2005). Для обработки полученных результатов был выбран непараметрический статистический критерий U-Манна-Уитни. Было проведено попарное сравнение данных по каждому эмоциональному барьеру у подростков с низким и средним, средним и высоким, низким и высоким уровнями межличностной зависимости.

Нами были получены следующие результаты. У подростков с низким уровнем межличностной зависимости отсутствуют такие эмоциональные барьеры, как неумение управлять эмоциями, дозировать их; негибкость, неразвитость, невыразительность эмоций; доминирование негативных эмоций. Группа подростков со средним уровнем зависимости от других людей характеризуется наличием неумения управлять эмоциями, дозировать их и отсутствием негибкости, неразвитости, невыразительности эмоций. Такие данные являются следствием экспрессивной окрашенности подросткового периода, а также нестабильностью гормонального фона. У группы подростков с высоким уровнем межличностной зависимости наблюдается преобладание следующих эмоциональных барьеров: неумение управлять эмоциями, дозировать их; негибкость, неразвитость, невыразительность эмоций; доминирование негативных эмоций. Полученные результаты можно объяснить особенностями, которые свойственны зависимым людям. Аддикты характеризуются наличием большого спектра неприятных эмоций сильной интенсивности, внутренней напряженностью, озбоченностью, пессимистичностью, снижением настроения и т.д. Для всех подростков свойственно выраженное проявление эмоциональных барьеров «неадекватное проявление эмоций», «нежелание сближаться с людьми на эмоциональной основе». Возможной причиной таких результатов у подростков с высоким уровнем межличностной зависимости выступает высокий уровень эмоционального напряжения и отношение к партнеру как объекту удовлетворения собственных потребностей. У их сверстников с низким показателем зависимости от других наличие данных эмоциональных барьеров объясняется отсутствием потребности в близких отношениях, где подросток осваивает нормы проявления собственных переживаний.

Таким образом, отличия у подростков с низким, средним и высоким уровнями межличностной зависимости в эмоциональных барьерах при общении существуют, но наблюдаются не во всех перечисленных нами помехах в установлении эмоционального контакта.

Толстых Н.Н.

ЛИЧНОСТЬ И ВОЛЯ: НЕДОПИСАННАЯ КНИГА Л.И. БОЖОВИЧ

В этом году исполняется 110 лет со дня рождения Л.И. Божович – исследователя личности, развивавшей в своих работах идеи своего учителя и соратника Л.С.Выготского.

В поисках того конструкта, который можно было бы считать центральным для понимания структуры личности и процесса ее развития, Л.И.Божович прошла несколько этапов. В книге 1968 г. «Личность и ее формирование в детском возрасте» таким конструктом выступила направленность личности. В более позднем цикле статей «Этапы формирования личности в онтогенезе» она пишет об особом образом понимаемом сознании. В последнем из написанных ею текстов – докладе, который был подготовлен к конференции «Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология», состоявшейся в декабре 1981 года уже после ее смерти (Божович, 2008. С. 357-366), Божович приходит к выводу о том, что ключом к пониманию процесса развития личности является воля. Волю в этом контексте она рассматривает не как отдельную психическую функцию, а как характеристику целостной человеческой личности, а развитие воли – как «механизм» развития личности.

В последние годы жизни Л.И. Божович писала книгу о воле, которую не успела закончить. Были опубликованы только отдельные фрагменты этой книги, наброски к ней (Божович, 1995). Из них со всей очевидности следует, что Божович по сути дела возвращается к неоднократно высказывавшейся Л.С. Выготским мысли о том, что центральной линией развития является овладение человеком своим поведением, развитие воли. При этом термины воля и произвольность, волевое и произвольное поведение используются Божович как синонимы.

В последующие годы ряд исследователей (Н.И. Гуткина, В.А. Иванников, Е.О. Смирнова) высказывали мысль о целесообразности разведения этих понятий, демонстрируя, в первую очередь, различия феноменологии этих разных форм поведения: волевого и произвольного. Некоторые зарубежные психологи (L.Farber) также писали о феноменологическом многообразии воли. Упомянутые отечественные психологи в итоге, однако, приходят к выводу о том, что в основе и воли, и произвольности лежит один и тот же обозначенный Выготским механизм – овладение своим поведением через его опосредствование культурным знаком.

С нашей точки зрения, есть серьезные основания полагать, воля и произвольность не только различаются феноменологически, но имеют разные источники и подчиняются разным механизмам развития. Эта идея, как представляется, имплицитно была заложена в тех определениях, которые в свое время формулировала Л.И. Божович, выделяя как основную черту развития личности «возникновение у человека способности вести себя независимо от непосредственно воздействующих на него обстоятельств (и даже вопреки им), руководствуясь при этом собственными, сознательно поставленными целями. Возникновение такой способности обуславливает активный, а не реактивный характер поведения человека и делает его не рабом обстоятельств, а хозяином и над ними, и над самим собой» (Божович, 2008. С.322). Обычно обращают внимание (и, прежде всего, сама Л.И. Божович) на эту способность быть хозяином своего поведения, владеть своим поведением, оставляя в тени те собственные, сознательно поставленные цели, руководствуясь которыми человек и строит свое поведение, свою жизнь.

Откуда они берутся? С нашей точки зрения, развитие способности самому определять цели своего поведения – это и есть развитие воли, воления, в то время, как способность подчинять этим целям собственное поведение – это саморегуляция, произвольность. Механизмы последней, кстати, могут быть задействованы и в процессе организации своего поведения в соответствии с целями, заданными другими.

Федотова А.В.

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ ПОДРОСТКОВ К АГРЕССИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В настоящее время исследователи рассматривают интернет и в частности социальные сети как особый институт социализации, который в подростковом возрасте вытесняет традиционные (Белинская, 2013; Марцинковская, 2010; Солдатова и др, 2011). Было показано, что именно в рамках общения в социальных сетях сегодня происходят характерные возрастные и личностные изменения (Собкин, Федотова, 2018). В силу напряженности социально-политической обстановки в стране общение в русскоязычном сегменте интернета в целом характеризуется повышенной агрессивностью. Проблема агрессии и насилия в подростковом возрасте никогда не теряет свою актуальность, поскольку именно данный период является ключевым для становления идентичности как в личностном, так и в социальном плане. (Ананьев, 1968; Выготский, 1984). В связи с этим, изучение проявлений агрессии именно в социальных сетях представляется крайне важным.

В данной работе исследуются особенности восприятия старшеклассниками демонстрируемых в социальных сетях сцен насилия и агрессии. Приведенные данные получены в ходе анкетного опроса, проведенного в 2016 г. Центром социологии образования ИУО РАО под руководством В.С. Собкина.

В рамках исследования были опрошены 2074 учащихся 5, 7, 9 и 11-х классов школ московской области. Согласно полученным данным, большинству подростков (66,1%) не нравится наблюдать сцены насилия в социальных сетях, четверть опрошенных воспринимают их равнодушно, 6,3% нравится смотреть такие сцены и 2,3% специально выбирают страницы, на которых демонстрируются сцены насилия. При просмотре сцен насилия подавляющее большинство подростков (85,9%) ни с кем себя не отождествляют, 7,1% отождествляют себя с агрессором и такое же количество (7,0%) – с жертвой. Большинство подростков склонны всегда сочувствовать жертвам насилия (59,2%), 19,4% сопереживают, только когда речь идет о знакомых, 21,4% отвечают, что никогда не испытывают жалости к жертвам. Среди наиболее важных факторов, оказывающих влияние на восприятие подростками агрессии необходимо отметить пол, возраст, социальный статус среди одноклассников, а также активность и интенсивность пользования социальными сетями. В отношении к демонстрации агрессии проявляются явные различия между мужской и женской субкультурой: мальчикам чаще нравится наблюдать такие сцены, они специально их выбирают, чаще отождествляют себя с агрессором и не склонны испытывать сочувствие к жертвам. Девочки склонны более негативно относиться к подобным сценам и воспринимать их отстраненно.

С возрастом происходят заметные сдвиги в отношении подростков к демонстрации сцен насилия в социальных сетях: уменьшается доля тех, кому не нравится видеть сцены насилия и возрастает доля равнодушных к ним, уменьшается эмоциональная включенность и сопереживание жертве. Подростки, относящие себя к лидерам в коллективе, глубже переживают ситуации агрессии, демонстрируют эмоциональную включенность, тогда как среднестатусные подростки воспринимают их более отстраненно. Лидеры и одиночки реже испытывают сочувствие к жертве. Подростки, наиболее активно и интенсивно использующие социальные сети, более лояльны к проявлениям агрессии и менее склонны испытывать сочувствие к жертве.

Дополнительный анализ показал, что подростки, которым приходилось на собственном опыте сталкиваться с агрессией в сети, иначе относятся к просмотру сцен насилия. Наличие опыта участия в подобных ситуациях в роли как агрессора, так и жертвы, способствует пози-

тивному восприятию сцен агрессии, более глубокому переживанию при просмотре подобных ситуаций, способствуя вживанию в сцену, в отличие от тех, кто не имеет такого опыта или наблюдал их со стороны.

Таким образом, формирование у подростков позитивного отношения к проявлениям агрессии во многом обуславливается наличием у них опыта участия в конфликтных ситуациях. Подчеркнем, что доля подростков, имеющих подобный опыт, заметно увеличивается по мере взросления и более активного погружения в социальные сети, что может способствовать росту агрессивности.

Хузеева Г.Р.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ В СИТУАЦИИ ТРАНЗИТИВНОСТИ

В современной ситуации возрастает значимость изучения идентичности подрастающего поколения. Подростковый возраст и возраст юности особенно важны для психологического анализа структуры и содержания персональной и групповой идентичности. Это возраст формирования ценностных ориентаций, направленности личности и перспективы будущего.

Целью нашего исследования является изучение особенностей и динамики развития идентичности современных подростков и юношей.

Методологической основой исследования выступает концепция формирования социальной и личностной идентичности, разработанная Э. Эриксоном, теория социальной идентичности Г. Тэшфела и теория самокатегоризации Дж. Тернера, а также исследования личностной и социокультурной идентичности в рамках отечественной психологии (Андреева, 2004; Т.Г. Стефаненко, 2015; Т.Д. Марцинковская, 2017 и др.).

Объектом исследования выступает личностная и социальная идентичность подростков и юношей.

Предметом выступает структура и содержание идентичности подростков и юношей, особенности межэтнического восприятия.

Мы предположили, что динамика развития идентичности подростков и юношей обусловлена, с одной стороны, особенностями и требованиями современного транзитивного общества, с другой стороны, отражает возрастные задачи развития.

Для изучения структуры и содержания личностной и социокультурной идентичности использовался следующий методический инструментарий: для определения особенностей и содержания идентичности использовалась методика «Кто Я» (М.Кун, Т.МакПартленд); для определения образа ценностной идентичности использовалась методика «Успешный человек» (Хузеева Г.Р.); для определения структуры социальной идентичности – методика «Структура социальной идентичности» (Хузеева Г.Р., лаборатория психологии подростка ПИ РАО под рук. Т.Д.Марцинковской); для изучения значимости референтных групп – методика «Референтные группы» (Модификация: лаборатория психологии подростка под рук. Т.Д.Марцинковской); для определения особенностей этнической идентичности, выраженности этноцентризма, отношения к своему и чужим этносам – «Свои – Чужие» (Хузеева Г.Р.).

В исследовании приняли участие 100 человек, из них 60 юношей (Московский Государственный Педагогический Университет, г. Москва) и 40 школьников (ГБОУ Школа №2088 ЮВАО г. Москвы, ГБОУ «Школа №806» ЗАО г. Москвы). Средний возраст школьников – 15 лет, студентов – 20 лет.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

По результатам исследования были сформулированы следующие выводы:

В идентичности подростков и юношей преобладает стремление к сохранению позитивной идентичности, а также преобладают характеристики личности, а не групповой принадлежности, что может быть обусловлено индивидуалистским характером современного общества;

Развитие личностной идентичности идет в направлении большей дифференциации и интеграции идентичности, в направлении к большей индивидуализации и осознания своей уникальности, что соответствует задачам каждого возраста;

Развитие социальной идентичности идет в направлении от осознания своей принадлежности к формальным группам к осознанию принадлежности и значимости групп, связанных с межличностными отношениями и перспективой будущего (пол, профессия);

Развитие восприятия «своей» и «чужой» групп идет в направлении от высокой эмоциональной напряженности при восприятии своей и чужой групп к большей эмоциональной стабильности, толерантности, от ориентации на внешние характеристики к ориентации на более широкий круг и внутренние характеристики других групп.

Таким образом, выделенные направления отражают динамику развития идентичности от 15 до 22 лет.

Чернова А.А., Маркелова А.С.

СОВМЕСТНАЯ ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТА И ВОООБРАЖЕНИЯ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

Одним из условий личностного развития ребенка является поддержка его познавательной активности. Возраст 3-6 лет является сенситивным периодом для формирования познавательной активности (Л.С. Выготский, А.В.Запорожец, А.Н. Леонтьев). Поэтому важно в этот период создать максимально благоприятные условия для развития дошкольника. Совместная проектная деятельность поддерживает детскую инициативу и реализацию ее в социально значимых формах, а также позволяет получить позитивный опыт реализации собственных замыслов.

Цель нашего исследования – изучение совместной проектной деятельности как условия развития интеллекта и воображения старших дошкольников.

На базе МАДОУ №1 и МБДОУ №130 г. Ростова-на-Дону совместно с Академией психологии и педагогики ЮФУ был разработан и реализован проект «Дети и Наука». В исследовании участвовали две группы воспитанников детских садов в возрасте от 5,5 до 6,5 лет: экспериментальная группа 48 человек, участвующие в проекте «Дети и наука», и контрольная группа 47 человек. Для реализации данного проекта «Дети и наука» использовалась совместная проектная деятельность для знакомства с миром науки и профессиями.

Данная модель проекта позволяет выстроить более тесное взаимодействие всех участников образовательно-воспитательного процесса: воспитатель (педагог) – ребенок - родитель, ДОУ – семья – ВУЗ.

В рамках проекта осуществляется несколько этапов: диагностика ребенка и определение его образовательной траектории, знакомство дошкольников с миром науки и профессиями, посещение научно-популярных занятий, которые организовали для дошкольников преподаватели Южного федерального университета, подготовка и выступления с презентациями дошкольников с родителями.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

На первом этапе значимых различий между двумя группами детей по показателям интеллекта и воображения не было выявлено.

В конце года после завершения проекта нами были получены следующие результаты: по показателям интеллекта в экспериментальной группе высокие результаты наблюдаются у 28% детей, выше среднего – 50% респондентов, средние – 22% испытуемых. В контрольной группе получили следующие результаты: выше среднего – 30% детей, средние – 70% респондентов. Эмпирическое значение U-критерия по интеллекту – $U_{\text{эмп}}=224$ ($p \leq 0.01$).

Результаты, полученные в двух группах по исследованию воображения. В экспериментальной группе высокие результаты наблюдаются у 50% детей, средние – 50% детей. Низкие результаты не получил никто. Среднее значение по группе – 4,4. Результаты, полученные в контрольной группе следующие: высокие результаты получили только 20% детей, средние – 60% детей, низкие – 20% детей. Средние значения по группе – 2,9, что также ниже результата первой группы. Эмпирическое значение U-критерия по воображению – $U_{\text{эмп}}=257,5$ ($p \leq 0.01$).

Результаты эксперимента показали, что старшие дошкольники могут успешно выполнять проектную деятельность совместно с родителями и педагогами. Так как замысел ребенка опережает развитие его технических возможностей, то помощь родителей и педагогов просто необходима. Совместная проектная деятельность поддерживает и развивает детскую инициативу и любознательность. Совместная деятельность с родителями гармонизирует отношения между детьми, родителями и педагогами. Развивает такие психические процессы, как интеллект и воображение. Реализация проекта дает возможность дошкольнику более полно и широко развивать мышление, анализировать информацию, познавательную активность, знакомится с новыми интересными науками, проявлять свои творческие способности.

Шелина С.Л.

РОЛЬ ПОЗИЦИИ РОДИТЕЛЯ В ФОРМИРОВАНИИ СТРАТЕГИЙ АКТИВНОСТИ РЕБЕНКА

Рассмотрение вопросов становления личности предполагает фиксацию двух типов процессов: 1) освоения социальных норм; 2) обретения самостоятельности.

Социализация – результирующая взаимодействия ребенка со значимыми взрослыми и детьми. По содержанию норм и ценностей, форме эти типы активности – пересекающиеся, а не тождественные множества (Ж. Пиаже). Детская субкультура (В.В. Абраменкова) содержательно дополняет конструкции мира взрослых. В большинстве случаев самостоятельность осваивалась ребенком именно на полигонах взаимодействия с детьми. Роль взрослого в большинстве случаев предопределена спецификой культуры, ориентированной на воспитание либо зависимости, либо относительной независимости. И именно взрослым запускается процесс социализации. Представляется спорным существующее утверждение о том, что зависимость от «взрослых» разрушается с момента «второго» рождения личности, когда в подростковом возрасте собственная активность начинают играть определяющую роль. Операциональная составляющая несет в себе «следы» нормативно-организационной надстройки деятельности, в рамках которой ранее реализовывалось то или иное целевое действие (Шелина С.Л.).

Таким образом, крайне важно учесть как исходные формы взаимодействия ребенка со взрослым, так и факт наличия у него особых форм взаимодействия в рамках детской общины. Сейчас в больших городах редуцирована «дворовая игровая» активность. Соответственно,

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

возникает вопрос о возможности реконструкции утраченных форм. Такую попытку предпринял С.В. Реутский, создав методику «Игры со сменяющимися правилами», где транслятором игровых форм дворовой общины выступает взрослый. Но каким в этом случае должен быть этот взрослый? Ранее проведенное нами исследование (Шелина С.Л., Митина О.В.) свидетельствует о том, что наиболее консервативным звеном при решении вопросов блока «подчинение/партнерство» является группа «воспитателей». Современные родители продемонстрировали готовность реализовывать отношения, где «другой» имеет право на выражение своего отношения и свои выборы. Учитывая эти данные, были проведены два годовых цикла игровых занятий в группах дошкольников 3-5,5 лет с родителями на базе детского клуба «Орленок» (г. Москва). В каждой из четырех групп одновременно играли по 5-7 семей (ребенок + родитель).

Результаты проекта дают основание выделить в качестве определяющего фактора развития детей этого возраста именно *позицию родителей*. Анализ видеозаписей игр позволил выделить два типа родительских позиций. Условно обозначим их как «клиническая» и «развивающая». «Клиническая» выражается вопросом: «Как «отредактировать» это поведение ребенка?». «Развивающая» позиция озвучена вопросами: «Какие свои психологические задачи решает ребенок в данный момент?» Демонстрируемая тренером в качестве образца и воспроизводимая родителями на занятиях «развивающая» позиция позволили получить следующие результаты. Подтвердилось общее положение о роли «группы прорыва» для развития всех сопричастствующих (Цукерман Г.А., Венгер А.Л.), что обеспечило возможность провести вторичный «прецедентный» анализ видеозаписей - фиксировать первый факт появления у кого-то из детей определенной формы активности и факты использования этой формы другими. В целом дети освоили модель решения задач разной степени сложности различными способами на основании *собственного выбора*, что в итоге принципиально изменило их *отношение* к происходящему. Даже застенчивые дети стали проявлять *инициативу*. Имело место *экспериментирование* с вариантами решений игровых задач, увеличилось количество попыток решить *усложненный вариант* игрового задания. «Неудачи» стали переживаться менее остро. При этом родители перестали чувствовать себя «виноватыми» в ситуациях «плохого» поведения детей. Пришло понимание, что за этой формой поведения стоит определенная функциональная необходимость – основа для развития самостоятельности.

Шулева Е.И.

ФОНОСЕМАНТИКА ОБРАЗА МИРА СОВРЕМЕННОГО ПОДРОСТКА

Современная психология все активнее использует возможности предоставляемые другими науками, в частности информатикой в проведении исследований. В докладе представлены результаты эмпирического исследования проведенного в октябре 2017 г.

Цель работы – фоносемантический анализ образа мира подростка.

В выборку вошли 50 человек учащихся 9 классов, в возрасте 14-15 лет.

Использовалась модифицированная методика «Неоконченные предложения». При анализе данных применялась демоверсия компьютерной программы «Vaal-mini» предназначенная для оценки эмоционального воздействия фонетики слова и текста на подсознание человека. В ее основу положены исследования А.П. Журавлева (Журавлев, 1991) и В.В. Левицкого (Левицкий, 1994). Все смысловые единицы, полученные в ходе исследования, были подвер-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

гнуты фоносемантическому анализу с использованием демоверсии компьютерной программы «Vaal-mini». Программа позволяет оценить неосознаваемое эмоциональное воздействие фонетической структуры текстового материала на подсознание человека.

Результаты фоносемантического анализа по биполярным шкалам применяемым программой «Vaal» показали, что в фоносемантике образа мира подростка присутствуют 10 основных характеристик имеющих как негативные (страшный, злой, плохой, сложный, угловатый, шероховатый), так и положительные значения (веселый, яркий, храбрый, сильный). Данные определения отражают как особенности подросткового этапа развития (противоречивость, максимализм, идеализм), так и особенности социального влияния, сопротивляясь которому положительные качества способны изменить свою полярность.

Результаты контент-анализа подтвердили, что для психической природы подростков более свойственны определения: сильный, веселый, яркий, они характеризуют молодость, свежесть восприятия, жизнелюбие и ту радостную любознательность, которая наблюдалась в ходе исследования. Под влиянием разнообразных раздражающих факторов (биологических и социальных) подростки способны проявить негативные характеристики, которые компьютерная программа определила как плохие, злые, страшные. Однако при описании своего, индивидуального образа мира респонденты не указывали негативные социальные явления, присутствующие в подростковой среде (алкоголизм, наркоманию, правонарушения). Все это они перенесли в описание образа мира своего сверстника (Шулева, 2018). Цветовой фон, установленный при анализе семантических единиц программой «Vaal-mini» – синий и фиолетовый. Это цветное сочетание, раскрывающее высокую чувствительность респондентов к внешним воздействиям, тонкую чувствительность во взаимоотношениях с окружающими и в оценке жизненных явлений, а также пассивно-созерцательную позицию. Кроме того, согласно трактовке М. Люшера, оно указывает на незрелость позиции подростков, их ранимость, желание освободиться от жестко ограниченных рамок деятельности, наличие трудностей адаптации к новой ситуации. Цветовые характеристики также указывают на мечтательность и поэтичность их натуры, глубоко скрываемую ими сентиментальность, эстетическую ориентированность, а также нешаблонность мышления, стремление к своеобразным видам занятий и увлечений. Общий фон настроения – минорный. Таким образом, фоносемантический анализ ответов подростков с помощью программы «Vaal-mini» показал, что по биполярным шкалам их содержание их ответов оценивается как противоречивое, включающее как положительные, так и отрицательные характеристики с преобладанием последних и позволил оценить общий минорный тон настроения респондентов, несмотря на огромное желание респондентов продемонстрировать противоположные результаты.

ЛИЧНОСТЬ И ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ВЗРОСЛОГО

Головей Л.А.

ВОЗРАСТНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ СТРЕССОВ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ*

Повседневные неприятности рассматриваются как острые стрессовые факторы с короткой продолжительностью. К ним относятся трудности и проблемы, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни. Сила их воздействия зависит от восприятия и оценки человеком (Лазарус и др.). Несмотря на незначительность этих стрессоров, накапливаясь, они могут иметь серьезные последствия для здоровья и психологического благополучия (Ландервиль, Визина, 2004 и др.). Факторами, опосредующими реакции на стрессоры, являются пол, возраст, личностные ресурсы человека.

Мы предположили, что возраст может выступать в качестве регулятора, влияющего на совокупность личностных ресурсов совладания с повседневными стрессорами.

Задачами исследования явилось выявление влияния возраста и личностных особенностей на характер восприятия стрессоров повседневной жизни.

Выборка исследования: 118 мужчин и 216 женщин в возрасте от 20 до 60 лет.

Методы: Опросник стрессоров повседневной жизни (Петраш и др., 2018), Шкала воспринимаемого стресса (Аббаков и др.), тест Кеттелла, опросник САМОАЛ, методика Дембо-Рубинштейн; тест Уровня субъективного контроля Роттера, опросник копинг-стратегий Лазаруса, Фолкмана.

Исследование выявило присутствие повседневных стрессоров во всех сферах жизни взрослых: среднее количество стрессоров за две недели на одного человека – 14,7, сила переживания и количество стрессоров у женщин выше во все периоды взрослости ($p \leq 0,000$; $0,016$).

Анализ частоты и силы переживания стрессоров выявил их зависимость от возраста. Наиболее насыщенным стрессорами у женщин является период ранней взрослости, у мужчин – период средней взрослости.

Анализ корреляционных связей частоты повседневных стрессоров с личностными характеристиками выявил последовательное уменьшение их количества и перестройку с возрастом. В ранней взрослости обнаружено 106 взаимосвязей повседневных стрессоров с личностными характеристиками, в средней взрослости – 51, в поздней всего – 45.

В ранней взрослости наиболее тесно с частотой и силой переживания стрессоров ($p \leq 0,001$; $\leq 0,005$) взаимосвязаны показатели уверенности в себе (8 связей), самооценки, позитивного отношения к будущему (38 связей), интернальности в области достижений, неудач и общей интернальности (25 связей), самоактуализации (12 связей), копингов (15 связей).

В средней взрослости сохраняется роль самоконтроля, эмоциональной стабильности (13 связей), интернальности (13 связей), самопонимания и аутосимпатии (2 связи). Дифференцируются взаимосвязи со стратегиями совладания (8 связей), приобретают значение стратегии самоконтроля и планирования, принятия ответственности и социальной поддержки.

В период поздней взрослости утрачивают связи все показатели локализации контроля, увеличивается роль самоактуализации (16 связей) и копингов (9 связей), среди которых наиболее представлены конфронтационный, социально-ориентированный и избегающий. Характер этих связей свидетельствует об актуализации непродуктивных стратегий совладания.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Регрессионный анализ выявил в качестве предиктора в позднем возрасте удовлетворенность материальным положением ($p \leq 0,003$).

Таким образом, исследование показало значение ресурсов личности в совладании со стрессорами повседневной жизни, а также выявило роль возраста в активизации и переструктурировании личностных ресурсов взрослых. Наибольшее напряжение ресурсов совладания со стрессорами повседневной жизни наблюдается в период ранней зрелости, при ведущей роли самооценки, направленности на будущее, напряженности копингов и их слабой дифференцированности. В средней зрелости количество задействованных ресурсов уменьшается и дифференцируется, снижается роль самооценки, приобретают значение продуктивные копинги. В поздней зрелости возрастает значение самоактуализации, отмечается рост непродуктивных копинг-стратегий и материальной обеспеченности.

**Исследование поддержано грантом РНФ «Комплексное изучение стрессоров повседневной жизни и ресурсы их преодоления в разные периоды зрелости», проект № 16-18-10088.*

Груздева И.А., Головей Л.А.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ВНУТРИЛИЧНОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ПЕРИОД ЮНОСТИ

Сенситивным периодом для профессионального самоопределения является юношеский возраст. На становление профессионального самоопределения влияет множество взаимосвязанных факторов, в том числе, наличие внутриличностных конфликтов. Ряд авторов рассматривают наличие конфликтов как фактор, стимулирующий развитие, другие говорят об их негативном влиянии. Исследователи выявляют взаимосвязи ценностных конфликтов в юности с развитым внутренним миром, творческим потенциалом, и в то же время с существованием защитной бездеятельности и затруднениями реализации планов будущего.

Задачей данной работы является рассмотрение внутриличностных конфликтов в мотивационно-ценностной сфере в их взаимосвязи с профессиональным самоопределением в юности. Мы предположили, что одним из факторов, влияющих на профессиональное самоопределение, могут быть внутренние конфликты в ценностной сфере, роль этих конфликтов может по-разному проявляться в зависимости от пола.

Выборка: 99 юношей и 138 девушек в возрасте 15-18 лет.

Для выявления внутриличностных конфликтов использовалась методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» Е.Б.Фанталовой. Показателями профессионального самоопределения: статус профессиональной идентичности (методика А. Азбель) и степень выраженности профессионального типа личности (тест Холланда). Интегральным показателем выраженности внутреннего конфликта является индекс расхождения ценности и доступности (ИК).

Анализ результатов выявил высокую индивидуальную вариативность ИК (от 5 до 69 б.). ИК у девушек составляет 36,79, что говорит о тенденции к дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере. ИК у юношей - 32,21, что соответствует нормативным значениям (различие достоверно при $p \leq 0,002$). Внутренний конфликт (ВК) и внутренний вакуум (ВВ) больше выражены у девушек ($p \leq 0,06$; $0,003$). Наличие нейтральных зон (НЗ) в мотивационно-личностной сфере имеет большую выраженность у юношей ($p \leq 0,009$). Полученные данные говорят о существовании более выраженных конфликтов в мотивационно-ценностной сфере девушек. У них имеется расхождение между ценностями и их доступностью, между потребностями и возможностями их удовлетворения, выражен ВВ, свидетельствующий о том,

что доступность ценностей превышает значимость их удовлетворения. Значительно меньше представлены бесконфликтные, нейтральные зоны (НЗ). Для выяснения взаимосвязей внутриличностных конфликтов с профессиональным самоопределением, был проведен корреляционный анализ, обнаруживший половые различия во взаимосвязях. У девушек статус моратория прямо связан с ИК ($p \leq 0,05$) и ВВ ($p \leq 0,01$) и обратно с НЗ ($p \leq 0,05$). Сформированная идентичность образует обратную связь с ВВ ($p \leq 0,05$). Это свидетельствует о том, что у девушек, находящихся в поиске профессиональной идентичности, более выражены конфликты в мотивационно-ценностной сфере: ИК и ВК, менее представлены НЗ, т.е. поиск идентичности связан с мотивационно-ценностным конфликтом, а формирование идентичности сопровождается уменьшением зоны внутреннего вакуума. У юношей навязанная идентичность образует 2 обратные взаимосвязи ($p \leq 0,05$; $p \leq 0,01$) с ИК и ВК, и одну прямую с НЗ ($p \leq 0,05$). Степень выраженности профессионального типа у юношей прямо взаимосвязана с ИК и ВК ($p \leq 0,01$).

Полученные взаимосвязи отражают противоречивый характер профессионального самоопределения юношей, при котором уменьшение внутренних конфликтов (ИК, ВК) и увеличение нейтральных зон препятствуют формированию идентичности, но в то же время соответствуют большей сформированности профессионального типа личности. В целом, более высокий уровень внутреннего конфликта соответствует более успешному профессиональному самоопределению в юности.

Калина И.А., Стрижницкая О.Ю.

ОСОЗНАННОСТЬ В ОТНОШЕНИЯХ ОTCОВ СО ВЗРОСЛЫМИ ДЕТЬМИ

Согласно эволюционной теории пола В.А. Геодакяна, на мужчинах эволюция экспериментирует, по его данным мужчины рождаются с большим разбросом по практически всем качествам (Геодакян, 1986). Считается, что мужчины в первую очередь интересуются и развивают свои способности в мире предметов и понятий, миром отношений интересуются меньше и осваивают его хуже. Исследования же показывают (Easterlin, 2010, Riff, 1995) важность отношений, в том числе семейных, в формировании субъективного благополучия человека. Их взаимосвязь широко освещена в литературе на примере женщин: существуют работы, посвященные влиянию взаимоотношений матери с ребенком на развитие ребенка (Петрова, 2008), исследования, направленные на изучение личностных изменений матери во взаимоотношениях с ребенком (Костарева, 2013). Исследований, посвященных мужчинам, существенно меньше.

На сегодняшний день можно достоверно утверждать, что отсутствие отца связано с многочисленными отрицательными последствиями для ребенка (Макадей, 2010). Рассмотрение отцовства с других точек зрения остается дискуссионной областью. Можно выделить исследования, посвященные влиянию «образа отца», как на самоотношение (Манёров, 2013), так и на межличностное взаимодействие (Прилепских, 2005). Исследования мужчин в роли отца совместно с их детьми сконцентрированы на дошкольном или школьном возрасте детей (Токарева, 2012, Красильникова, 2015), в то время как рассмотрение влияния отцовства на самих мужчин только начинает привлекать внимание исследователей. Исследования, посвященные взаимоотношениям мужчин и их взрослых детей, все чаще появляются в зарубежной литературе (Jimenez, 2014). Однако в современной отечественной психологии таких работ недостаточно.

В нашей работе мы решили обратиться к изучению взаимоотношений отцов со взрослыми детьми. В исследовании приняли участие 15 пар: отцы в возрасте от 42 до 78 лет и их взрослые дети в возрасте от 18 до 40 лет. Средний возраст отцов – 57,8; Средний возраст детей – 26,6, из них 4 мужчин и 11 женщин.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Методы: методика определения социально-психологической дистанции в межличностных отношениях (СПД) (Духновский, 2016), семантический дифференциал межпоколенных отношений (Стрижикская, Монтеро-Лопес, 2016), шкала оценки осознанности и внимательности (ШОС) (Юмартова, Гришина, 2016).

На основании полученных данных можно говорить о том, что отцы в среднем характеризуются большей осознанностью и внимательностью ($M=60$), нежели их взрослые дети ($M=57.86$). По шкалам «коммуникативная дистанция» (отцы $M=42.86$; дети $M=40.53$) и «эмотивная дистанция» (отцы $M=50.64$; дети $M=48.87$) показатели отцов в среднем также выше.

Корреляционный анализ выявил связь между шкалой оценки осознанности и шкалой «положительный – отрицательный образ самого себя» СПД ($p \leq 0.01$) для всей выборки. Осознанность отцов положительно связана со шкалой «когнитивная дистанция» СПД ($p \leq 0.05$), в то время как осознанность детей отрицательно связана с показателем «активность-пассивность» семантического дифференциала ($p \leq 0.05$). Дети оценивают параметр «надежные-ненадежные» выше, чем отцы ($p \leq 0.05$). Также обнаружены корреляции с возрастом: у отцов с возрастом положительно связаны показатели «поддерживающие-неподдерживающие» ($p \leq 0.05$) и «надежные-ненадежные» ($p \leq 0.05$) семантического дифференциала. У детей с возрастом положительная связь показателя «теплые-холодные» ($p \leq 0.05$) и отрицательная связь показателя «нужные-ненужные» ($p \leq 0.05$).

Таким образом, можно предположить, что осознанность связана с критичностью в самооценке, при этом осознанность отцов, возможно, связана с их стремлением понять и принять установки, мотивы, цели, личностные характеристики их детей, в то время как осознанность детей, вероятно, связана с большей пассивностью в отношениях с отцами.

Полученные данные позволили наметить некоторые тенденции взаимоотношений отцов со взрослыми детьми, что может дать больше информации о субъективном благополучии мужчин в период старения.

Карпинский К.В.

СУБЪЕКТНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ ПРИ РАЗНЫХ ТИПАХ СМЫСЛОЖИЗНЕННОГО СОСТОЯНИЯ

Магистральной линией личностного развития человека в онтогенезе является его становление субъектом собственной жизни. Для данной линии персоно- и субъектогенеза характерны специфические противоречия и задачи развития – смысловые задачи, к числу которых относятся поиск, сохранение и практическая реализация индивидуального смысла жизни (Карпинский, 2016). Успешность решения этих задач существенно влияет на развитие личности как субъекта жизни, по меньшей мере, на развитость некоторых ее субъектных свойств и способностей. Чем продуктивнее поиск, сохранение и практическая реализация смысла жизни, тем интенсивнее протекает субъектогенез. Психологическим индикатором, интегрально отражающим успех-неуспех личности в решении смысловых задач, является устойчиво доминирующее у нее смысловое состояние – благополучное, кризисное, конфликтное или стагнативное (Карпинский, 2017).

На основании изложенных теоретических посылок была выдвинута гипотеза о том, что смысловое состояние выступает психологическим (субъективным) индикатором достигнутого уровня (актуального статуса) развития личности в качестве субъекта жизни.

Эмпирическое исследование проводилось на популяционной белорусской выборке объемом 240 испытуемых в возрасте от 20 до 55 лет (средний возраст $35,06 \pm 7,77$ года), в том числе 142 женщины и 98 мужчин.

В соответствии с гипотезой при эмпирическом анализе предполагалось обнаружить существенные различия в уровне выраженности (развитости) субъектных свойств у людей, находящихся в разных смысловых состояниях. Под субъектными свойствами понимались индивидуально-психические свойства личности, которые обуславливают ее способность к саморегуляции и самодетерминации различных форм поведения, видов деятельности и жизнедеятельности в целом. Из множества таких свойств в контексте настоящего исследования у испытуемых измерялись: общая самооффективность (Р. Шварцер, М. Иерусалем), автономия (К. Рифф), самоорганизация деятельности (Е.Ю. Мандрикова), общая интернальность (Дж. Роттер), общий уровень осознанной саморегуляции (В.И. Моросанова).

Полученные результаты позволяют констатировать наличие значимых различий между людьми, находящимися в разных смысловых состояниях, по уровню развитости и выраженности субъектных свойств. Это означает, что при разных типах смысловых состояний личности ее субъектное развитие проходит с разной интенсивностью и продуктивностью. Действительным причинным фактором, который обуславливает эти различия, выступает, конечно же, не само смысловое состояние, а мера собственной субъектной активности, которую личность прикладывает к решению смысловых задач. Смысловое состояние лишь отражает то, насколько активно и успешно личность совладевает с этими задачами, и, следовательно, насколько она продвинулась в своем субъектном развитии. Выявлена общая закономерность, которой подчиняется развитие личности в качестве субъекта жизни при разных типах смысловых состояний. Она практически одинакова (инвариантна) для развития самых разных субъектных свойств, что указывает на ее устойчивый характер. Данная закономерность состоит в том, что при последовательном переходе от кризисного к стагнативному, конфликтному и благополучному состоянию уровень развитости и функциональной выраженности субъектных свойств личности прогрессивно возрастает.

В целом данная закономерность указывает на то, что разные типы смысловых состояний высвечивают различные статусы (уровни) развития личности в качестве субъекта жизни. Состояние стагнации соответствует бессубъектности, т.е. незрелости субъекта жизни, когда смысловые задачи развития даже не приняты личностью. Состояние кризиса корреспондирует либо с первичной бессубъектностью, либо с вторичной десубъектизацией, т.е. со срывом развития личности, обусловленным нерешенностью или нерешаемостью принятых смысловых задач. Состояние благополучия соответствует ситуации развитой и полноценно функционирующей субъектности, когда смысловые задачи приняты и успешно решаются личностью. Состояние конфликта соотносится с ограниченной субъектностью, при которой успешно решая одни смысловые задачи, личность сталкивается с невозможностью или неспособностью решить другие задачи, как правило, связанные с практической реализацией найденного и сохраняемого смысла жизни.

Кобзева О.В.

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

В юношеском возрасте центральным психическим процессом выступает развитие самосознания, которое заставляет личность соизмерять все свои мотивы и поступки с определенными принципами и образом собственного «Я», поэтому умение приспосабливаться к изменившейся среде стимулирует формирование новых способов поведения для преодоления

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

затруднений, компенсирует недостаточность привычного поведения в непривычных условиях, создает оптимальные условия для жизнедеятельности.

Жизнестойкость выступает основой жизненной программы, которую индивид будет реализовывать в течение всей жизни. Она позволяет справиться со стрессовыми ситуациями, сохраняет внутреннюю сбалансированность в неблагоприятных ситуациях, позволяет реализовать свои психологические возможности в неблагоприятных ситуациях и адаптироваться в социуме (С. Мадди). Изучение ее в юношеском возрасте позволит разработать систему мероприятий, способствующую предупреждению функциональных нарушений психики, сокращению времени адаптации.

Исследование проходило в 2018 году на базе ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет». В нем приняли участие 175 студентов в возрасте 18-19 лет.

Изучение жизнестойкости проходило с помощью «Теста жизнестойкости» (Д.А. Леонтьев), структуры личности – пятифакторного личностного опросника МакКрэе-Коста, структуры и содержания идентичности – методики «Кто я» (модификация Т.Д. Марцинковской).

Жизненные цели юношей не имеют реальной опоры в настоящем времени и не подкрепляются личной ответственностью за их реализацию (66,8+23,3). Внутренне напряжение в стрессовых ситуациях характерно для 56% респондентов, что свидетельствует о невозможности адекватного восприятия как себя, так и социума. Особенностью юношеского возраста является отсутствие убежденности в том, что «происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности» (29+10,8), однако борьба воспринимается ими как необходимое условие влияния на происходящее, даже если успех невозможно спрогнозировать (26,2+10,2), поэтому все происходящие с ними события они воспринимают как стимулирующие личностное развитие за счет опыта (13,1+5,1). Юноши удовлетворены своей жизнью, но при этом хотят перемен. Решающее значение в ситуациях выбора для них играют комфорт и безопасность. Доминирование мотивации избегания неудач объясняет выбор ими простых, легкодостижимых, не требующих риска целей. Доминирующий фактор в структуре личности – эмоциональность (54+12,3). Они чувствуют себя беспомощными, неспособными справиться с жизненными трудностями, с тревогой ожидают неприятностей. Доверяя чувствам и интуиции, молодые люди мало обращают внимание на текущие повседневные дела, хотя проявляют интерес к различным сторонам жизни (53+8,4). Они чувствуют личную ответственность за близких, терпимо относятся к недостаткам других, стараются избегать разногласий, не любят соперничать, предпочитая сотрудничество (51+6,1).

Анализ структуры и содержания идентичности в юношеском возрасте показывает, что в объективных самоописаниях преобладают социально-ролевые, относящиеся к разным социальным ролям и позициям (студентка, будущая мама, дочь/сын). Характерной особенностью этого возрастного периода выступает отсутствие самоописания интересов и увлечений, а также четкой структуры и иерархии идентичности (в каждой категории присутствует не более 2 самоописаний), поэтому, возможно, личностная идентичность у них не выражена. В юношеском возрасте увеличение способности личностью выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность, связано с общительностью, оптимизмом, групповым взаимодействием ($p \leq 0,01$).

Таким образом, высокий уровень жизнеспособности в юношеском возрасте позволяет не только контролировать свои потребности, но и формирует оптимальную систему взаимоотношений с окружающими, стимулирует создание собственных конструктов, которые позволяют быстро и успешно адаптироваться к постоянно меняющимся условиям социума.

Кыштымова И.М., Шахова И.С.

РАЗВИТИЕ СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Личностная зрелость солдата определяет его готовность к выполнению воинского долга, при этом сложность социальной ситуации, трансформация ценностей в развивающемся информационном пространстве приводят к «размыванию» ценностно-смысловых установок юношей, призываемых в ряды вооруженных сил. Исследование смысловой сферы личности воинов, определение условий ее становления приобретает особое значение в связи с необходимостью развития личности солдат в период их воинской службы и исходя из тезиса А.Н. Леонтьева о том, что «смысл – системообразующее свойство личности».

Гипотетическим предположением, верифицируемыми в процессе исследования, было суждение о том, что развитие смысловой сферы личности солдат продуктивно в процессе реализации формирующей программы, основанной на принципе инкультурации – усвоения значимых («камертонных») ценностей, установок, смыслов национальной культуры. Нами разработана программа, предполагающая диа-полилоговое общение в процессе чтения и обсуждения прецедентных художественных текстов, трениговую форму проведения, добровольность участия.

Программа была апробирована в войсковой части г. Иркутска. В исследовании принял участие 91 человек – солдаты, проходящие службу по призыву (41 человек – экспериментальная группа, 50 – контрольная).

Для диагностики уровня смыслового развития солдат использовались методика психо-семиотического анализа вербального авторского текста (ПАТ) И.М. Кыштымовой и методика предельных смыслов (МПС) Д.А. Леонтьева.

Исследование проходило в два этапа. Первый был проведен в период начала воинской службы солдатами (ноябрь 2015 года), второй – перед увольнением солдат из рядов Вооруженных Сил (ноябрь 2016 года).

При сравнительном анализе уровня развития смысловой сферы солдат контрольной и экспериментальной групп на начальном этапе исследования статистически значимых различий в уровне развития смысловой сферы не выявлено. В период завершения воинской службы между группами обнаружены достоверные различия в уровне выраженности смысловых показателей.

Так, значение показателя ПАТ «смысл 1» (предполагающего определение уровня смыслового развития: бытовой, социальный, национально-культурный или духовный) в экспериментальной группе составило 2,45, а в контрольной – 1,795 ($p=0,003$), показателя «смысл 2» (эгоцентрический, группоцентрический, гуманистический, духовный), 2,275 и 1,75 ($p=0,001$); показателя «гражданские установки»: 1,225 и 0,34 (при $p=0,000$), соответственно.

При анализе данных контрольной группы выявлено, что у солдат, которые на первом этапе исследования (в начале службы) показали высокие уровни смыслового развития, произошло снижение значений, а у юношей, изначально демонстрировавших низкий уровень смыслового развития, показатели значимо повысились. В экспериментальной группе такой зависимости не выявлено – у всех солдат констатирована статистически достоверная динамика по показателям смысловой сферы, определяемых с помощью методики ПАТ: «ответственность» ($p=0,012$), «смысл 1» ($p=0,001$), «смысл 2» ($p=0,003$), «объектоцентризм» ($p=0,002$) и МПС: «средняя длина цепи», ($p=0,006$), «абсолютное число категорий ($p=0,050$)». Важные для личности военнослужащего смысловые категории, коррелирующие, согласно полученным нами данным, с готовностью к жертвенному поступку, гражданскими установками и патриотизмом, обнаружили значимую динамику. В результате проведенного эксперимента у солдат

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

экспериментальной группы значительно увеличился уровень нервно-психической устойчивости ($p=0,000$): 6,08 – 6,91 ($p=0,000$). В контрольной группе средние показатели НПУ обнаружили отрицательную динамику: 6,86 – 5,13 ($p=0,000$).

Можно заключить, что:

1) сложившиеся в армии условия продуктивны для становления личности солдат с низким и средним уровнем смыслового развития и непродуктивны для юношей с исходным высоким уровнем развития личностного смысла;

2) реализация в воспитательном пространстве армейской службы принципа инкультурации позволяет достичь цели развития смысловой сферы всех солдат, их патриотизма, гражданских установок и способности к жертвенному поступку.

Муртазина И.Р.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ СТРЕССОРОВ И ПРЕДПОЧИТАЕМЫЕ КОПИНГ-СТРАТЕГИИ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И АРХАНГЕЛЬСКА

В последнее время в рамках изучения стресса внимание исследователей сместилось с рассмотрения сильных критических событий на менее интенсивные повседневные стрессоры. Р. Лазарус обозначил их понятием «daily hassles», заметив, что слабые по интенсивности, но действующие длительное время и часто повторяющиеся стрессоры могут превышать адаптивные возможности человека, приводя к серьезным последствиям, более сильным, чем критические жизненные события (DeLongis, Coyne, Dakof, Folkman, Lazarus, 1982; Kanner, Coyne, Schaefer, Lazarus, 1981; Lazarus, 1999). Современные исследования подтверждают, что стресс существенно влияет на физическое (DeLongis, Coyne, Dakof, Folkman, Lazarus, 1982) и психическое здоровье человека (Almeida, 2005; Lazarus, 1999; Totenhagen, Curran, 2011). Проживание в регионах с низким температурным режимом, малым количеством солнечной радиации, высокой влажностью оказывает негативное влияние на здоровье человека и снижает устойчивость к стрессовым воздействиям (Симонова, 2014). К стрессогенным факторам мегаполисов относятся: информационная перегрузка, техногенные фрустрации, формализация социальных связей, ускорение ритма жизни.

Цель исследования – изучение особенностей восприятия повседневных стрессоров, а также взаимосвязи повседневных стрессоров, воспринимаемого стресса и копинг-стратегий у жителей Архангельска и Санкт-Петербурга.

В исследовании приняли участие 334 респондента (118 мужчин и 216 женщин) от 20 до 65 лет ($M=37,8$ лет). В том числе, 158 жителей Архангельска и 176 - Санкт-Петербурга.

Методики: опросник повседневных стрессоров (Петраш и др., 2018), опросник «Шкала воспринимаемого стресса-10» (ШВС-10), (Абабков и др., 2016), копинг-тест Р.С. Лазаруса (Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В., 2007); анкета.

Результаты исследования: наиболее насыщенными повседневными стрессорами для всей выборки являются профессиональная сфера, сфера общего самочувствия человека и семейная сфера; в меньшей степени стрессоры выражены в сферах, связанных с взаимоотношениями с окружающими, нарушением планов и события окружающей действительности. Женщины демонстрируют более высокий уровень воспринимаемого стресса, интенсивности и частоты повседневных стрессоров ($p<0,001$). При сравнении восприятия стрессоров жителей разных городов выявлено, что жители Архангельска в качестве более насыщенной стрессо-

рами указывают семейную сферу, в то время как для жителей Петербурга более актуальными являются финансовые проблемы, проблемы внешней среды и чувство одиночества.

Показатели частоты повседневных стрессоров обнаружили прямые связи с уровнем перенапряжения и общим уровнем выраженности стресса (ШВС-10). В обеих группах уровень перенапряжения и уровень воспринимаемого стресса выше среднего, сопротивляемость стрессу – на среднем уровне. Наибольшее перенапряжение у архангелогородцев вызывают профессиональные проблемы, трудности во взаимоотношениях с окружающими, вынужденная конкуренция, необходимость публичных выступлений; у петербуржцев – финансовые трудности, планирование и переживание одиночества. Тесные связи между уровнем воспринимаемого стресса и повседневными стрессорами у архангелогородцев выявлены в профессиональной сфере, сферах, связанных с конкуренцией и планированием; в группе петербуржцев – в финансовой сфере и сферах, связанных с переживанием одиночества и общим самочувствием.

Наиболее выраженными копинг-стратегиями в обеих группах являются: «самоконтроль», «положительная переоценка» и «планирование решения проблем»; наименее выражена – стратегия «принятие ответственности». Наибольшая интенсивность повседневных стрессоров в разных сферах у петербуржцев наблюдается при использовании стратегий: «конфронтация», «поиск социальной поддержки», «принятие ответственности», «избегание» и «положительная переоценка»; у архангелогородцев – при конфронтации, поиске социальной поддержки и избегании.

Высокий уровень перенапряжения у петербуржцев наблюдается при копинг-стратегиях: «поиск социальной поддержки», «принятие ответственности» и «избегание»; в группе из Архангельска – при использовании копинг-стратегий «поиск социальной поддержки» и «избегание». Высокий уровень противодействия стрессу у петербуржцев отмечается при предпочтении стратегии «избегание» и отсутствии планирования решения проблемы. У архангелогородцев высокий уровень противодействия стрессу связан с «избеганием», отсутствием планирования решения проблемы и положительного переосмысления сложившейся ситуации. Высокий уровень общего показателя воспринимаемого стресса у петербуржцев связан с поиском социальной поддержки, принятием ответственности и самоконтролем; у архангелогородцев – с поиском социальной поддержки и избеганием.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить специфику восприятия повседневных стрессоров, особенности взаимосвязи повседневных стрессоров, воспринимаемого стресса и копинг-стратегий у жителей Архангельска и Санкт-Петербурга.

**Исследование поддержано грантом РФФИ «Комплексное изучение стрессоров повседневной жизни и ресурсы их преодоления в разные периоды взрослости» № 16-18-10088.*

Петраш М.Д.

ТИП ОТНОШЕНИЯ К БОЛЕЗНИ И СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ*

В современной научной литературе тип отношения к болезни исследуется в контексте определенного заболевания. Изучение способа реагирования в случае проблем со здоровьем и адаптации к новому состоянию у здоровых людей остается нераскрытым, однако такие люди могут представлять особую группу психологического риска из-за несерьезного отношения к собственному здоровью до появления выраженных симптомов заболеваний. Отдельный интерес представляет категория медицинских работников, т.к. именно им знакомы не только сим-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

птомы и течение определенных заболеваний, но и возможные их последствия. Можно предположить, что у работников здравоохранения будет преобладать гармоничный тип отношения к болезни.

Цель нашего исследования заключалась в изучении типов отношения к болезни у медицинских работников, а также взаимосвязи «типов» с копинг-стратегиями.

В исследовании приняли участие 82 человека (27 мужчин и 55 женщин). Все являются сотрудниками учреждений здравоохранения г. Санкт-Петербурга: 25 врачей, 20 фельдшеров и 37 медсестер.

Дизайн исследования: методика диагностики типов отношения к болезни (ТОБОЛ) (Вассерман и др., 2005), методика для определения стратегии совладающего поведения Р.Лазаруса (ССП) (Вассерман и др., 2010).

По данным статистического анализа преобладающими типами отношения к болезни у медицинских работников являются анозогнозический 50% и эргопатический 23,2%. Выявленная тенденция сохраняется в квалификационных группах (врачи, фельдшера и медсестры), а также в группах мужчин и женщин. Сравнительный анализ в квалификационных группах показал статистически значимые различия в сторону наибольшей выраженности у медсестер неврастенического ($p=0,024$) и эгоцентрического ($p=0,019$) типов, а также на уровне тенденции по признаку сенситивного типа отношения к болезни ($p=0,060$). В группах по полу выявлены статистически значимые различия по трем типам реагирования: неврастенического ($p=0,008$), сенситивного ($p=0,001$) и эгоцентрического ($p=0,020$). Наибольшая выраженность отмечается у женщин.

С помощью корреляционного анализа по всей выборке выявлено, что копинг-стратегия «конфронтация» отрицательно связана с анозогнозическим типом ($p=0,046$) и положительно с меланхолическим ($p=0,023$). Стратегия «принятие ответственности» отрицательно коррелирует с апатическим типом ($p=0,031$); положительно с неврастеническим ($p=0,047$) и эгоцентрическим ($p=0,007$). Наибольшее количество связей выявлено со стратегией «бегство-избегание», которая имеет положительные связи с негармоническими типами отношения к болезни ($0,001 \leq p \leq 0,05$): тревожным, неврастеническим, меланхолическим, паранойяльным, дисфорическим и одну отрицательную связь с анозогнозическим типом.

В группе мужчин выявлены прямые связи стратегии «бегство-избегание» с негармоническими типами отношения к болезни: апатическим ($p \leq 0,05$), паранойяльным и положительные связи копинга «планирование решения проблемы» ($0,001 \leq p \leq 0,05$) с анозогнозическим, эргопатическим типами. Отбрасывание мыслей о возможных последствиях проблем со здоровьем, стремление к сохранению своего профессионального статуса осуществляется за счет целенаправленного анализа ситуации.

В группе женщин выявлены отрицательные связи ($p \leq 0,05$) анозогнозического типа со стратегиями «конфронтация» и «поиск социальной поддержки». Стратегия «принятие ответственности» отрицательно коррелирует ($p \leq 0,05$) с апатическим типом и положительно с сенситивным и дисфорическим. Отсутствие социальной поддержки, а также возможности активного противостояния трудностям способствуют пренебрежительному отношению к своему здоровью у женщин, занятых в сфере здравоохранения.

Проведенное исследование позволило выявить специфику отношения к своему здоровью у медицинских работников (тип отношения к болезни). Выявлены различия во взаимосвязях копинг-стратегий и типов отношения к болезни в группах мужчин и женщин.

**Тезисы подготовлены при поддержке гранта РФФИ, проект № 16-06-00315-ОГН.*

Савеньишева С.С.

ПОВСЕДНЕВНЫЕ СТРЕССОРЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: МОДЕРИРУЮЩАЯ РОЛЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ*

Современные исследования стресса взрослого человека показывают, что высокий его уровень оказывает сильное негативное влияние на здоровье человека и психологическое благополучие. Причем анализ влияния критических жизненных событий, сильных стрессов и повседневных стрессоров на уровень воспринимаемого стресса указывает на более мощное влияние именно повседневных стрессоров, в связи с чем мы обратились именно к теме повседневных стрессоров. Анализ отечественных и зарубежных публикаций показывают на более высокий уровень стресса у женщин, однако, возрастной фактор изучен в меньшей степени. При этом возрастные и гендерные различия в уровне повседневных стрессоров и взаимосвязи с психологическим благополучием на российской выборке практически не изучены.

В связи с этим целью нашего исследования является изучение уровня и взаимосвязи повседневных стрессоров, воспринимаемого стресса и психологического благополучия в период зрелости с учетом возрастно-половых факторов.

В исследовании приняло участие 323 человека (207 женщин и 116 мужчин) в возрасте от 20 до 60 лет, проживающих в Санкт-Петербурге и Архангельске.

Методы: Опросник повседневных стрессоров (Головей Л.А., Петраш М.Д., Савеньишева С.С., Стрижицкая О.Ю.), Шкала воспринимаемого стресса (Абаков В.А.), Шкала психологического благополучия (К. Рифф), Шкала удовлетворенности жизнью (Э. Динера).

Результаты. Сравнительный анализ уровня воспринимаемого стресса и общего уровня повседневных стрессоров выявил более высокий уровень воспринимаемого стресса, интенсивности и частоты повседневных стрессоров у женщин. Анализ отдельных групп стрессоров показал, что наиболее яркие различия наблюдаются в уровне личностных стрессоров и стрессоров, связанных с хозяйственно-бытовой сферой.

Сравнительный анализ показателей психологического благополучия у мужчин и женщин не выявил различий в общем уровне психологического благополучия и удовлетворенности жизнью, однако, анализ отдельных компонентов показал, что уровень автономии и компетентности у мужчин выше.

Регрессионный анализ взаимосвязей психологического благополучия, удовлетворенности жизнью и повседневными стрессорами у женщин показал, что только личностные повседневные стрессоры являются предикторами более низкого уровня удовлетворенности жизнью, тогда как предикторами более низкого уровня психологического благополучия являются повседневные стрессоры, связанные с хозяйственно-бытовыми вопросами и отношениями с близкими и друзьями.

Анализ взаимосвязей психологического благополучия, удовлетворенности жизнью и повседневных стрессоров у мужчин выявил только связи параметра компетентности с отдельными стрессорами.

Анализ взаимосвязей психологического благополучия, удовлетворенности жизнью и воспринимаемым стрессом и у мужчин, и у женщин показал, что они тесно связаны и с уровнем напряжения, и сопротивляемостью стрессу.

В ходе корреляционного анализа не было выявлено взаимосвязей изучаемых параметров с возрастом и у женщин, и у мужчин, однако, сравнительный анализ в разных возрастных группах позволил обнаружить обратную закономерность, связанную с полом. Так, был выявлен более высокий уровень повседневного стресса и при этом более высокий уровень

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

психологического благополучия у мужчин в возрасте 31-40 лет, по сравнению с более младшей и старшей возрастными группами, тогда как у женщин наоборот наиболее низкий уровень повседневного стресса был обнаружен в возрастной группе 31-40 лет.

Выводы. Результаты нашего исследования согласуются с результатами о более высоком уровне воспринимаемого стресса и повседневных стрессоров у женщин, по сравнению с мужчинами. Наше исследование показало, что повседневные стрессоры играют ключевую роль в психологическом благополучии и удовлетворенности жизнью у женщин, но не мужчин. Возраст по-разному влияет на уровень повседневного стресса и психологического благополучия у мужчин и женщин.

**Исследование поддержано грантом РНФ «Комплексное изучение стрессоров повседневной жизни и ресурсы их преодоления в разные периоды взрослости», проект № 16-18-10088.*

Титова Д.В., Манукян В.Р.

ВОЛОНТЕРСТВО В ЖИЗНИ ВЗРОСЛЫХ: ЗНАЧИМОСТЬ И МОТИВЫ

Интерес к волонтерскому движению динамично растет в России не только со стороны общественности, но и со стороны научного мира. Основное внимание ученых направлено на изучение демографических, психологических особенностей волонтеров, выявлению мотивации. Изучение мотивации волонтеров в основном исходит из практических задач, связанных с привлечением и удержанием потенциальных волонтеров. На сегодняшний день представлено несколько моделей мотивации: одномерная модель (противопоставляющая альтруистические и эгоистические мотивы); двухмерная (оси альтруизм-эгоизм и внешняя-внутренняя); трехмерная модель (альтруистические, материальные и социальные мотивы); многомерные модели. К наиболее популярным относится теория функциональной мотивации Е.Клери (functional motivation theory, E. Clary), которая выделяет 6 мотивов (психологических функций волонтерской деятельности): выражение ценностей, понимание (желание узнать что-то новое, научиться чему-то), социальная функция, карьера, защитная функция, самосовершенствование.

Мы предполагаем, что выбор волонтерской деятельности способствует реализации жизненных задач личности, в связи с чем представляется интересным помимо осознаваемой мотивации изучить роль волонтерства в жизни взрослых.

С этой целью было проведено пилотажное исследование, в котором приняли участие взрослые волонтеры различных благотворительных организаций Санкт-Петербурга (27 чел.). Средний возраст выборки: 36 лет.

Метод: полуструктурированное интервью (открытые вопросы: «что явилось для Вас толчком заняться волонтерской деятельностью», «какое место занимает волонтерская деятельность, что дает и привносит в Вашу жизнь», «как изменилась Ваша жизнь с тех пор, как Вы занялись волонтерством», «пришлось ли Вам от чего-то отказаться, чтобы заниматься волонтерской деятельностью»).

Как и ожидалось, среди первичных побуждений, явившихся толчком к тому, чтобы начать заниматься волонтерской деятельностью, были названы не только альтруистические порывы. Выявленные побуждения можно расположить в континууме «Я - Другой человек - Социум».

К полюсу «Я» можно отнести желание новых впечатлений, желание расширить свои знания и умения (в том числе профессиональные), саморазвитие.

К полюсу «Другой человек» можно отнести желание помочь другим людям, а также стремление к обмену опытом.

Примером ответов на полюсе «Социум» могут служить: «убежденность в необходимости передачи знаний», «желание изменить общественное мнение».

Респонденты разделились на две группы: те, для которых волонтерство в их жизни занимает не первое место и является скорее дополнением, которым, как хобби, можно заниматься в свободное от более важных вещей время. Вторая группа респондентов – те, для которых волонтерство является таким же равнозначным видом деятельности, как и другие виды деятельности в жизни (работа, семья и т.п.).

Волонтерская деятельность влияет на разные сферы жизни: межличностные отношения, профессиональная сфера, личностная сфера. Степень влияния волонтерства на жизнь респондентов также варьируется. Около трети респондентов отметили, что их жизнь никак не изменилась.

В группе волонтеров, для которых волонтерская деятельность не стоит на первом месте, было выделено две подгруппы: те, которым приходится отказываться от чего-то важного в жизни для того, чтобы заниматься волонтерством («время с семьей», «личная жизнь», «свободное время»), и те, которым не приходится ни от чего отказываться.

Таким образом, пилотное исследование показало, что волонтерская деятельность по-разному встраивается в структуру жизни взрослого волонтера (может быть равнозначной другим сферам жизни и быть «дополнительной»), может конкурировать с другими сферами жизни (вынуждая человека отказываться от чего-то другого), влияет на различные сферы жизни (профессиональную, межличностную, личностную).

Данные утверждения требуют дальнейшего более тщательного исследования и выявления связей с другими психологическими фактами.

Хазова С.А., Крылова М.А.

МЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЙ В МОЛОДОСТИ

Направление исследований в области совладания, поведения человека в трудных, проблемных, стрессовых ситуациях, с каждым годом все больше развивается. Но работ, касающихся когнитивного оценивания, ментальной репрезентации трудной жизненной ситуации, на наш взгляд, существует недостаточно (Александрова О.В., Битюцкая Е.В., Крюкова Т.Л., Хазова С.А. и др.). Вслед за М.А. Холодной, под ментальной репрезентацией мы понимаем построение образа с оценкой ситуации. В зависимости от происходящего она может изменяться, посредством интеллектуальных «усилий» человека.

Одной из задач нашего исследования было изучение представления и оценки трудной, стрессовой ситуации молодыми людьми ($n=34$) в возрасте от 21 до 35 лет ($M=27,2$).

Используемые методики: 1. Словесное описание понимания трудной жизненной ситуации; 2. Семантический дифференциал оценки трудных жизненных ситуаций (25 шкал), составленный для целей исследования.

В начале хотелось бы отметить те ситуации, которые молодыми людьми представляются как субъективно трудные (общее количество ответов - 59): невозможность быстрого принятия решений, безвыходная ситуация (25,4%): «...человек не может сразу найти решения... Трудная – то есть та, в которой человек не знает как себя вести, как и что делать» (Мария, 22г.); потеря эмоционального равновесия, нарушение жизнедеятельности (25,4%): «Ситуация, нарушающая формы жизнедеятельности человека (человек без определенного места жительства,

жестокое обращение, конфликты, безработица)» (Сергей, 30 л.); одиночество, предательство, нереализованность (15,2%): «Отсутствие поддержки, помощи, понимания, при возникновении трудностей, со стороны близких людей...» (Ирина, 25 л.); финансовые трудности (15,2%): «...обстоятельства заставляют трудиться день и ночь, при этом никакого удовлетворения ты не получаешь» (Дмитрий, 24 г.); болезнь (смерть) близкого (18,9%): «...произошла трагедия (смерть), повлекшая за собой трудности в существовании; когда человек не может позволить себе жить в удовольствие. Когда духовно тяжело жить без этого человека...» (Анастасия, 27 л.); приобретение опыта, сил (5,1%) – «...это как бы «пинок» для меня, чтобы начать двигаться дальше...» (Мария, 22 г.), «...в итоге ты находишь решение, извлекаешь опыт» (Ольга, 34 г.).

На основе эмпирических данных, полученных при обработке семантического дифференциала, были сделаны следующие выводы. Для молодых людей в описании трудных жизненных ситуаций наиболее часто встречающимися являются характеристики, относящиеся к разрешимости/неразрешимости и значимости проблемы: «меняющаяся» ($M=4,9$; $SD=1,4$), «разрешимая» ($M=4,7$; $SD=1,7$), «значимая» ($M=4,6$; $SD=1,9$), «личная» ($M=4,6$; $SD=1,9$), «жизненная» ($M=4,3$; $SD=2,0$). Наименьшую роль играют шкалы, в которых присутствуют прилагательные, характеризующие силу и положительную переоценку ситуации: «слабая» ($M=1,3$; $SD=1,5$), «маленькая» ($M=1,9$; $SD=1,4$), «радостная» ($M=1,5$; $SD=1,1$), «хорошая» ($M=1,5$; $SD=1,3$), «интересная» ($M=1,9$; $SD=1,8$). Среднее значение было выявлено по шкалам, относящимся к безопасности преодоления трудностей: «уравновешенная» ($M=2,6$; $SD=2,0$), «безопасная» ($M=3,3$; $SD=2,4$), «обнадеживающая» ($M=3,2$; $SD=2,1$).

Таким образом, на основе данной методики можно выявить отношение респондентов к трудным ситуациям, а также представления и оценивание проблемы с точки зрения эмоциональной напряженности, силы, разрешимости, безопасности и т.д.

Перспективным, на наш взгляд, является направление, в котором будут рассмотрены когнитивно-стилевые характеристики личности и их влияние на совладающее поведение, защитные механизмы личности на основе построения ментальных репрезентаций.

Чурбанова С.М.

АКТИВИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО ВОООБРАЖЕНИЯ НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПОВ СИНЕКТИКИ И ВИЗУАЛИЗАЦИИ КАК УСЛОВИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ПОЗИТИВНОЙ «Я - КОНЦЕПЦИИ» В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Проблема творческой деятельности как фактор позитивного развития личности в большей мере рассматривалась представителями гуманистического направления (Э. Фромм, А. Маслоу). Было показано, что для креативных личностей характерны такие черты, как стремление к самовыражению, к активной деятельности, к выходу за заданные рамки, высокая степень принятия себя, положительный «образ Я». И.Н. Семенов и С.Ю. Степанов рассматривают личностную рефлексии, развивающуюся в юношеском возрасте как важный механизм творческой деятельности, «запускающей» процесс самосознания и переосмысление образа собственного «Я» (Семенов, 2005). Исследования ряда авторов (Ананьев, 1982; Дубровина, 2008; Ермолаева-Томина, 2003) отмечают социальную обусловленность и ценность творческого потенциала в развитии личности подростков и юношей. Положе-

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

ние о роли социальной детерминации в развитии креативности позволяет использовать различные развивающие программы и техники. Преобладающим методом обучения является проблемно-диалогический метод (Данилова, 1976). Одним из известных методов развития творческих способностей является метод синектики или аналогий (от англ. *synectics* – «совмещение разнородных элементов»), предложенный У. Гордоном в 40-х годах XX века. Синектика «включает» механизмы личностной рефлексии, так как, работая с личностными аналогиями, субъект должен отождествить себя с заданным явлением и через это прийти к самоидентификации. В основу еще одной программы развития творческого воображения включены принципы синектики и метод художественной экспрессии (Limont, 1990). Синектика, использующая аналогии как интеллектуальные механизмы творческого процесса, и изобразительная визуализация в рисунке, развивающая образное мышление и воображение, являются взаимодополняющими эффективными техниками повышения креативности в познавательной и личностной сферах у младших школьников и подростков (Limont, 1990; Churbanova, Shcherbinina, 1993).

Цель настоящего исследования – создание условий для позитивного изменения «Я-концепции» в юношеском возрасте на основе метода развития творческого воображения (Limont, 1994).

В исследовании приняли участие 24 студента различных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова (Бакинский филиал) в возрасте от 18 до 23 лет.

Исследование выполнялось совместно с А.Я. Гаджиевой.

На первом этапе респондентам предлагалось пройти процедуру выравнивания выборов, включающую следующие методики: Опросник ЭМин для измерения эмоционального интеллекта (Люсин, 2006); Тест жизнестойкости С. Мадди (Леонтьев, Рассказова, 2006). Далее применялся метод сортировки и общая выборка была разделена на две эквивалентные группы: экспериментальную и контрольную.

На втором этапе применялась программа эмпирического исследования. Пре- и пост-тесты включали методики: Дембо – Рубинштейн (Прихожан, 1988) для оценки – «Я-реальное» и «Я-идеальное». Применялись: метод свободного самоописания (МСС), опросники «Родственная Я-концепция» и «Коллективная и независимая Я-концепция» (Дорошева, Князев, Корниенко, 2016). После каждой встречи выполнения заданий по экспериментальной программе респондентов просили сделать письменный самоотчет, в которых они описывали свои мысли и переживания во время создания образов в рисунках.

На третьем этапе все респонденты отвечали на вопросы анкеты:

- 1) Произошло ли что-то значимое в жизни в период, когда проходили занятия?
- 2) Что изменилось после проведения занятий?

Проведенное пре- и пост-тестовая оценка экспериментальной программы обнаружила значимые различия только по шкалам «общительность» и «застенчивость» параметра «Я-реальный»; но и значимое снижение разницы между показателями «Я-реальный» и «Я-идеальный» (Wilcoxon T-test, $p=0.05$). Было показано, что для более успешной коррекции личностных особенностей необходима большая продолжительность эксперимента.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты могут дополнить положения, связанные с проблемой поиска условий оптимизации «Я-концепции» в юношеском возрасте; способствовать организации психологической помощи в развитии понимания себя, позитивного отношения к себе через методы развития воображения в изобразительной творческой деятельности.

Шумская Л.И.

НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ СТАНОВЛЕНИЮ ЛИЧНОСТИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Современный процесс социализации личности осуществляется в условиях сложнейших вызовов времени, формирования нового уклада жизни людей. Сущностными признаками новой социальной реальности выступают: информатизация мирового социального пространства; нарастание тенденции глобальной национальной самоидентификации стран (Бразилия, Индия, Китай); в экономике – ускорение смены технологических укладов, роботизация производства, развитие цифровых технологий; трансформация требований к специалисту со стороны рынка труда и рост конкуренции. Как следствие, усиливается разрыв между рынком труда и рынком образовательных услуг, что влечет за собой неудовлетворенность трудом и самих работников и работодателей, активизацию неформальной (теневой) экономики.

Проведенные в настоящее время исследования (А.Л. Журавлев, Е.К. Завьялова, Н.Д. Иванова, О.А. Карпова, А.Н. Чиликин, В.А. Штроо, Л.И. Шумская) свидетельствуют о существенном возрастании требований со стороны современного рынка труда не только к качеству профессиональной подготовки специалиста, но и качеству его личности. Речь идет о становлении и развитии релевантных личностных характеристик и компетенций будущего специалиста как носителя комплекса актуальных профессиональных и социальных ролей (управленца, инноватора, лидера и участника команды, маркетолога). В обсуждаемом контексте важен учет особенностей социализации личности.

Так, нами установлено наличие следующих принципиально новых проявлений в личностных диспозициях современной учащейся молодежи: жизненный прагматизм, потребность в полноценной самореализации себя как личности; приоритет профессиональных и индивидуально-личных ценностей (профессиональная компетентность, семья, любовь, друзья, здоровье, материальное благополучие, свобода), установка на быстрый успех, обеспечивающий достойную жизнь в обществе; опосредованный характер ценностей гражданственности, патриотизма, предполагающий последовательный учет интересов государства и самой личности; снижение духовно-нравственной составляющей труда; установка на эмансипацию, самостоятельное принятие решений; существенное усиление влияния неформальной среды общения и электронных источников информации.

Для обеспечения эффективного управления процессом личностно-профессионального становления обучающихся возникает настоятельная необходимость диверсификации образования посредством: мониторинга изменений, происходящих на рынке труда; разработки и внедрения новых образовательных практик (обучение делом, проектирование инновационных технологий) с целью стимулирования конкурентоспособности, предприимчивости, культуры профессиональной деятельности формирующейся личности; подготовки нового поколения педагогов; развития партнерского взаимодействия между работодателями, бизнес-сообществами, образовательной сферой и родительской общественностью.

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ

Антонова Д.В., Бочаров В.В.

МОТИВАЦИЯ СОКРЫТИЯ ВИЧ И ГЕПАТИТА С ОТ СЕКСУАЛЬНОГО ПАРТНЕРА (ПО ДАННЫМ ПРОЕКТА «ПРОФИЛАКТИКА ВИЧ-ИНФЕКЦИИ СРЕДИ ПИН», САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

В России наблюдается эпидемия ВИЧ-инфекции (Покровский и др., 2017). Соккрытие увеличивает количество пациентов с ВИЧ. Зависимость от ПАВ и гепатит С усугубляют течение ВИЧ (Устинов и др., 2015). В последние годы половой путь передачи вышел на первое место, в связи с чем, можно говорить обо всем населении как группе риска по ВИЧ (Штейман, 2016).

Цель – выявление мотивации сокрытия ВИЧ-инфекции и гепатита С от сексуального партнера.

Исследование проводилось в рамках работы над кандидатской диссертацией. Нами были реализованы первые два этапа. Участвовали 64 респондента с ВИЧ, некоторые были инфицированы гепатитом С.

1. Социально-психологический этап. Был проведен опрос, направленный на выявление причин сокрытия ВИЧ и гепатита С. На основе ответов нами был определен перечень причин сокрытия и далее составлена их классификация.

2. Разработка «Анкеты риска и опыта жизни с ВИЧ и гепатитом С». Апробация проводилась на лицах, посещающих проект «Профилактика ВИЧ-инфекции среди ПИН», (БОФ МСП «Гуманитарное действие»). Цель фонда – профилактика ВИЧ и других социально-значимых заболеваний среди лиц, употребляющих наркотические вещества инъекционно (ПИН), работников коммерческого секса (КСР), общего населения (Дугин, 2015). Мы изучали группы ПИН и КСР. Анкета выявляет социально-демографические данные, опыт рискованного поведения в отношении заражения, опыт жизни с заболеваниями (в том числе мотивацию сокрытия и раскрытия, наблюдаемые реакции при раскрытии, факторы, которые могут способствовать раскрытию).

На первом этапе участвовал 21 респондент в возрасте от 31 до 51 года (11 женщин (52,4%), 9 мужчин (47,6%); средний возраст = 39,3). На основе ответов было выделено 15 причин сокрытия заболеваний.

Далее была составлена следующая классификация:

1. эгоистические (страх отказа в сексе, равнодушное отношение к возможности заражения другим лицом и др.);
2. социальные (страх оценки, разглашения диагноза, стигматизации и др.);
3. внутриличностные (непринятие диагноза/себя с диагнозом и др.);
4. межличностные (страх потери отношений, мести и др.).

На втором этапе в исследовании приняли участие 43 респондента в возрасте от 19 до 52 лет (женщины 55,8%, мужчины 44,2%), средний возраст = 35,48; из них КСР – 10 человек (средний возраст = 31,1).

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Сравнение по полу. Мужчины статистически достоверно отличаются по следующим характеристикам: чаще говорят партнеру о гепатите ($U=133,000$, $p=0,008$), легче говорить о гепатите партнеру ($U=60,000$, $p=0,068$), сексуальные предпочтения ограничиваются женщинами (у женщин – наоборот) ($U=12,000$, $p=0,000$); реже встречается гепатит С ($U=158,000$, $p=0,031$), реже участвуют в групповом сексе ($U=150,000$, $p=0,015$), реже сдают тест на ВИЧ по причине заботы о здоровье ($U=159,500$, $p=0,077$), отсутствует опыт оказания секс-услуг ($U=157,000$, $p=0,019$).

Сравнение группы КСР и не КСР. Группа КСР статистически достоверно отличается по характеристикам: только женский пол ($U=91,500$, $p=0,014$), младше по возрасту ($U=107,500$, $p=0,097$), раньше узнают о диагнозе ВИЧ ($U=63,000$, $p=0,003$), чаще тестируются на ВИЧ ($U=99,500$, $p=0,032$) и делают это по причине заботы о здоровье ($U=110,500$, $p=0,098$), более склонны обвинять в заражении гепатитом ($U=8,500$, $p=0,000$) и ВИЧ ($U=80,500$, $p=0,003$) других, реже сообщают о ВИЧ постоянным партнерам ($U=121,000$, $p=0,061$), большее количество партнеров в год ($U=95,000$, $p=0,016$).

Почти все респонденты сообщали о наличии ВИЧ партнерам (1 человек не сообщал – 2,34%; 7 – не всем – 16,27%; 35 – всем – 81,39%). У 30 человек был диагноз гепатит С (69,76%), 25 из них сообщали всем партнерам (83,33%), 4 – не всем (13,33%), 1 – никому (3,33%).

Таким образом, была создана классификация причин сокрытия ВИЧ и гепатита С. На ее основе будет составлена Анкета мотивации, по результатам которой будет строиться индивидуальный профиль мотивации. Представители группы ПИН, в большинстве своем сообщают о ВИЧ и гепатите С своим сексуальным партнерам. Группа мужчин отличается несколько большим благополучием, что, вероятно, может объясняться тем, что в группе женщин практически половина представлена КСР.

Быков Р.А.

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АПАТИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМ

НИЗКОЙ МОТИВАЦИИ И ВЫГОРАНИЯ

СПЕЦИАЛИСТОВ БЮДЖЕТНОГО СЕКТОРА*

Современный междисциплинарный подход призывает исследователей найти рабочие объяснительные конструкторы для решения основных вопросов психологии личности (проблема мотивации поведения, проблема развития личности и др.), которые могут быть рассмотрены с применением подходов, актуальных для социологии и философии, акцентирующих внимание на влиянии социального контекста. Приложение подобных подходов видится особенно актуальным в сфере изучения самочувствия работников бюджетного сектора, занятых в социально важных сферах: образовании, здравоохранении, культуре, поскольку процессы, происходящие внутри личности, неразрывно связаны с социальными требованиями и социальным контекстом.

Целью нашего исследования была попытка выйти на междисциплинарный уровень анализа проблем самочувствия работников бюджетного сектора с помощью концепции социальной апатии, выявить характеристики социального контекста, определяющего психологические компоненты личности. Обращение к данной концепции позволит трактовать проблемы современных индивидов, обозначаемые в литературе как выгорание, смыслоутрата, экзистенциальный вакуум и др., как социальную апатию, тем самым объединив общие для данных терминов симптомы безразличия, скуки, истощения и равнодушия, и подчеркнув принад-

лежность данной проблемы к широкому социальному контексту (Farber, 2000; Лэнгле, 2008; Юханнисон, 2011).

За последние десятилетия усилились темпы распространения в обществе синдрома выгорания, что обусловлено произошедшей трансформацией личностных ценностей, которая в значительной степени повлияла на общую сущность социального и культурного контекста работы. В частности, снизился авторитет профессионалов: «героями», начиная с 80-х гг., становятся не идеалистично настроенные учителя или врачи, а биржевые брокеры и управляющие крупными корпорациями (Schaufeli et al., 1998). Проблему выгорания специалистов большинство исследователей рассматривает либо с позиции влияния профессиональных условий, либо – внутриличностных факторов. Вне поля зрения остаются характеристики современного социума, которые являются значимыми предпосылками к распространению подобных «социальных» болезней. Это подтверждает необходимость поиска новой объяснительной схемы для интерпретации доминирующего состояния современного общества.

Результаты пилотажного исследования (метод анкетирования - 150 респондентов, полуструктуризованного интервью – 17 респондентов) самочувствия и мотивации к труду студентов-медиков, врачей и учителей позволяют говорить о значимости и определяющем влиянии на их жизненное пространство ряда социальных характеристик, которые мы положили в основу концепции социальной апатии.

Согласно разработанной концепции, для современного общества характерны такие черты, как рост ценностной дезориентации, меланхолия, экзистенциальный вакуум и экзистенциальная скука. Источники социальной апатии рассматриваются с точки зрения тенденций распространения состояния отчуждения, инструментальной рациональности и трансформации ценностей индивидов. Под влиянием данных обстоятельств социальная апатия становится формой ухода от активной социальной жизни, выступающей не просто некоторым временным состоянием безразличия, а способом защиты или адаптации к современным условиям растущей индивидуализации, актуализированного потребления и неопределенности. Следование потребительским требованиям времени и отчуждение от экзистенциальных установок и высоких смыслов профессии приводит к распространению среди специалистов бюджетной сферы социальной апатии, которая проявляется как безразличное отношение к работе и саморазвитию, безынициативность, пассивность, низкая мотивация, патерналистские настроения, незаинтересованность в улучшении профессиональной практики. Если это форма адаптации, то необходимы дальнейшие исследования в рамках гуманитарных наук, рассматривающие как ее негативные, так и позитивные последствия.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00166.*

Быкова Е.Ю.

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ДОМИНИРУЮЩЕГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ УЧИТЕЛЕЙ*

В современной исследовательской литературе проблемы снижения образовательных результатов и текучести педагогических кадров принято связывать с распространением среди учителей синдрома эмоционального выгорания. Данный феномен рассматривается, как правило, в рамках психологии труда, а потому понимается в узком профессиональном контексте как психосоциальное расстройство в результате взаимодействия внутриличностных характеристик (например, высокой потребности в достижениях) и внешних негативных условий

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(Величковская, 2008; Schaufeli et al., 2014; Водопомянова, 2016). Психологи обнаружили массу негативных стрессовых факторов (начиная от трудностей с дисциплиной школьников и заканчивая необходимостью заполнять многочисленную документацию), усложняющих положение современных учителей (Guglielmi et al., 1998; Pines et al., 2005; Волканевский, 2010; Thoonen et al., 2011; Осьмук и др., 2013). Однако до сих пор не разработаны эффективные методы профилактики выгорания педагогов (Шмерлина, 2007; Митина, 2010), что обуславливает необходимость критического анализа существующих в литературе подходов к объяснению и решению проблем выгорания учителей.

Изучение порядка 100 отечественных и зарубежных научных работ по данной теме, изданных за последние 20 лет, позволило выделить целый ряд недостатков в имеющихся концепциях синдрома выгорания учителей:

Во-первых, большинство подобных исследований носят описательный характер, 90% из них основываются на инструментарии Maslach Burnout Inventory (в России наиболее распространена методика В.В. Бойко) и потому не вносят какой-либо значимый вклад в развитие понимания эмоционального выгорания. Меняется только численность опрошенных и место опроса.

Во-вторых, отсутствует значимая теоретическая модель для объяснения результатов исследований. Такой подход приводит к описательному перечислению отношений «стрессор-симптом», но с кратким объяснением природы этих отношений или вообще с его отсутствием.

В-третьих, количество публикаций, посвященных проблемам выгорания в педагогической среде, сильно превосходит число работ о поддержке и профессиональном развитии учителей. Это позволяет говорить о недостаточном внимании к методам поддержки удовлетворенности учителей с учетом их психологических и мотивационных потребностей (Munson, 2002).

В-четвертых, можно отметить устаревание концепции выгорания, предложенной К. Маслак в 1980-е годы (Maslach, 1981), поскольку сам феномен выгорания трансформируется, его сущность и причины меняются в сторону растущей индивидуализации, в то время как изначально MBI был разработан для выявления эмоционального истощения, обусловленного идеалистическим отношением к работе (Farber, 2000).

В-пятых, акцентирование внимания на профессиональном контексте предполагает достаточно узкий взгляд на проблему выгорания учителей, для которого характерно ограниченное и изолированное видение особенностей положения одной профессиональной группы, построенное на изучении отдельно взятых педагогических коллективов, хотя они могут существенно отличаться друг от друга даже в рамках одной системы образования.

Таким образом, сведение проблемы выгорания учителей к институциональным условиям осуществления педагогической деятельности приводит к общей ограниченности изучения данной темы. Вследствие этого современные исследования выгорания характеризуются определенной стагнацией на уровне накопления и перепроверки данных, а также острой нехваткой новых идей и подходов. В связи с этим видится актуальной переориентация изучения синдрома выгорания учителей в сторону проблематики психологии личности (Ермакова, 2010), что позволит дать более глубокое понимание природы и причин распространения синдрома выгорания среди современных учителей, а также рассмотреть данную проблему с точки зрения изменения ценностно-смысловых ориентаций педагогов в контексте влияния общего социального контекста.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00166.*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПСИХИЧЕСКОМ ЗДОРОВЬЕ И ЗДОРОВОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА И ИХ РОДИТЕЛЕЙ

Одной из приоритетных задач, прописанных в Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования, является охрана и укрепление физического и психического здоровья детей (Приказ от 17.10.2013 №1155). Образовательная область «Физическое развитие» включает в себя приобретение опыта в становлении ценностей здорового образа жизни, овладение его элементарными нормами и правилами.

Исследования Г.В. Ильиной (2014), В.А. Деркунской (2013), Л.И. Пономаревой (2013), З.И. Тюмасевой (2013) показали, что у ребенка начинает проявляться интерес к своему здоровью, его сохранению и укреплению именно в дошкольном возрасте. Причем детское дошкольное образовательное учреждение играет значимую роль в формировании представлений о физическом и психическом здоровье у детей. Вместе с тем, не следует забывать о вкладе родителей в развитие представлений о здоровье и формировании конкретных навыков ЗОЖ. В раннем и дошкольном возрасте ребенок еще не способен осознанно и адекватно следовать нормам гигиены и санитарии, заботиться о своем здоровье и здоровье окружающих. Все это требует от родителей личного примера, каждодневного выполнения норм здорового образа жизни. Ребенку необходимо показать устоявшиеся семейные традиции ЗОЖ, а значит, прежде чем научить ребенка, эту потребность и эти навыки родители должны выработать у себя. Зачастую педагогам ДОУ приходится бороться с пагубными пристрастиями (например, в питании или просмотре телевизора и игр на планшете) и «с нуля» формировать те навыки ЗОЖ, которые в норме уже должны быть сформированы (например, мытье рук перед едой).

В данном исследовании приняло участие 30 детей 5-6 лет, посещающих МБДОУ Алексеевского муниципального района РТ, и их родителей. Исследование проводилось с помощью индивидуальной беседы с детьми и анкетирования родителей на выявление знаний о ЗОЖ, а также посредством анализа двигательной активности детей в течение дня.

Было выявлено, что представления о здоровом образе жизни детей достаточно сформированы у половины группы. 50% детей имеют полное представления о ЗОЖ, знают, как поддерживать свое здоровье в полном порядке и как сформировать у себя здоровый образ жизни. При наблюдении за двигательной активностью детей в течение дня оказалось, что эти же дети очень активны в различных видах деятельности: прыгают на скакалках, играют с мечами, а так же играют в подвижные игры, используя спортивное оборудование. Они же играют каждый день в сюжетно-ролевую игру «Больница», изучают строение человека и профилактику заболеваний. 30% детей имеют допустимый уровень представлений о ЗОЖ, понимают, что такое «здоровый образ жизни», но не все имеют представление, как сформировать его. 20% детей продемонстрировали уровень ниже допустимого: они не имеют никакого представления о здоровом образе жизни и о том, как сформировать его.

Большинство родителей (76,7%) имеют представление о здоровом образе жизни ребенка и о том, как его нужно формировать. 40% родителей формируют его с помощью различных методов. У остальных 36,7% семей представление о ЗОЖ искажено и/или они используют не все возможные методы его формирования. Многие семьи следят за здоровым образом жизни, но не все учитывают его тонкости. Часть проводит с детьми различные гимнастики, отдых на природе, закаливание, правильно питаются, а часть - нет, поэтому уровень сформированности знаний о ЗОЖ у их детей недостаточный. А 23,3% семей даже не имеют представления о том, как формировать здоровый образ жизни у своего ребенка.

Совершенно очевидно, что положительный результат может быть достигнут только при тесном взаимодействии ДОУ и семьи, так как потребность в здоровом образе жизни формируются только при одинаковом отношении к нему у родителей и педагогов. Только при соблюдении этого условия ребенок воспримет бережное отношение к своему здоровью как непреложную истину, единственно правильный стиль жизнедеятельности.

Гроголева О.Ю.

**СУВЕРЕННОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
КАК ПРЕДИКТОР СУИЦИДАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В
ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ***

Ситуация, связанная с высоким уровнем суицидального риска у современных подростков, не перестает оставаться актуальной. По данным Минздрава Омской области наблюдается следующая статистика суицидальных действий у подростков: в Омской области незавершенных суицидов 1319 случаев (74 – среди несовершеннолетних), в Омске – 759 (46 – среди несовершеннолетних). Случаев завершенного суицида в регионе – 516, (21 – среди несовершеннолетних), в том числе в Омске – 220 (13 – среди несовершеннолетних) (Гордеева, 2016). Риск суицида, несомненно, связан с возрастными особенностями подростков: импульсивность, вспыльчивость, эмоциональная неустойчивость, растерянность в конфликтных ситуациях и др. Однако важно помнить, что подобные возрастные проявления – результат не только физиологических, пубертатных изменений. Суицидальные намерения подростков – это, прежде всего, следствие дисгармоничных отношений с самим собой и окружающей средой. Подобное состояние личности может быть связано с депривированностью психологического пространства, что проявляется в чувстве отстраненности от реальности, самоотчужденности и проблемами с выбором объектов самоидентификации (Нартова-Бочавер, 2014). В связи с этим представляется актуальным исследование взаимосвязи параметров суверенности психологического пространства (СПП) с суицидальной направленностью подростков.

Цель исследования – выявление взаимосвязи между суицидальной направленностью подростков и параметрами СПП.

Задачи исследования: 1) выявить выраженность параметров суицидальной направленности у подростков; 2) определить степень суверенности психологического пространства у подростков; 3) провести корреляционный анализ между изучаемыми конструктами.

Выборку составили 104 подростка в возрасте 13-16 лет, учащиеся средних школ г. Омска.

Решение исследовательских задач осуществлялось с помощью следующего психодиагностического инструментария: опросник «Суверенность психологического пространства-2010» (СПП-2010), методика определения суицидальной направленности (ИСН).

Более подробно остановимся на результатах решения задачи по обнаружению взаимосвязей. Применение коэффициента корреляции Спирмена показало, что между всеми шкалами методики «СПП-2010» обнаружена значимая обратная взаимосвязь с такими параметрами суицидальной направленности как «депрессивность» и «невротизация». Выявленная обратная взаимосвязь между шкалой «Суверенность физического тела», «депрессивностью» ($r=-0,247$; $p<0,05$) и «невротизацией» ($r=-0,238$; $p<0,05$) свидетельствует о том, что при нарушении целостности телесных границ (применении физического насилия, контроля пищевого поведения, отсутствия комфорта в жизненном пространстве) у подростков возрастает вероятность возникновения дистимных состояний, апатии, эмоциональной неустойчивости, тревожности и возможного отказа от социальных контактов. Обнаруженные взаимосвязи между «депрессивностью», «невротизацией» и шкалами «Суверенность территории» ($r=-0,276$; $p<0,01$), «Суверенность привычек» ($r=-0,259$; $p<0,01$), «Суверенность социальных связей» ($r=-0,303$; $p<0,01$), «Суверенность ценностей» ($r=-0,226$; $p<0,05$) позволяют прийти к следующему заключению. Склонность к суицидальному риску возрастает у подростков, которые оказываются в условиях невозможности контролировать интенсивность социальных контактов и вторжений на свою территорию, фрустрированности потребностей, связанных с организацией собственного

времени и пространства, а также в отношениях отчужденности, эмоционального неприятия или симбиотической зависимости от значимых других, которые, возможно, не разделяют и не уважают вкусы и ценности несовершеннолетнего.

Таким образом, результаты исследования подтвердили тот факт, что нарушенность личностных границ и депривированность по всем параметрам психологического пространства может способствовать невротизации личности, возникновению депрессивных состояний, которые являются признаками суицидальной направленности подростков. Вселяет надежду одно из положений теории суверенности, что «психологическая суверенность стремится сохранить или повысить свой уровень и развивается в онтогенезе в направлении усиления и расширения по отношению к психологическому пространству» (Нартова-Бочавер, 2014). Поэтому ранняя диагностика и психологическое сопровождение подростка в трудных жизненных ситуациях может снизить риск возникновения опасных суицидальных установок.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00500.*

Даниленко О. И., Юревич О.И.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ АНТИЦИПАЦИОННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ*

Концепция антиципационной состоятельности (АС) В.Д.Менделевича и созданная им методика для определения уровня АС стимулировала теоретические и эмпирические исследования российских ученых (Менделевич, 1996; 2011; Менделевич, Соловьева, 2002; Ничипоренко, Менделевич, 2006; Абитов, 2007; Сумина, 2008 и мн. др.). Внимание специалистов к этой характеристике личности объясняется тем, что благодаря АС субъект может подготовиться к еще не наступившим событиям, что создает возможность благоприятного преодоления трудностей, обеспечивает психическую стабильность и сохранность физического и психического здоровья человека (Менделевич, 2011. С. 213). Первоначально исследования АС развивались в рамках медицинской психологии; получила обоснование антиципационная концепция неврозогенеза. В дальнейшем АС стала рассматриваться в рамках психологии личности. В частности, предметом исследования является место АС в системе личностных характеристик, среди которых присутствует личностная тревожность (ЛТ).

Как связаны АС и ЛТ? Кажется очевидным, что такая связь есть, но направленность ее неочевидна. АС предполагает способность субъекта заглядывать в будущее, в том числе прогнозировать события, представляющие для него опасность. Поэтому можно предположить, что АС развивается у людей с повышенным уровнем ЛТ. С другой стороны, высокий уровень ЛТ может препятствовать формированию АС, поскольку провоцирует сосредоточенность субъекта на возможных актуальных угрозах. Опубликованные данные эмпирических исследований также противоречивы. Зафиксированы связи между показателем ЛТ и показателями компонентов АС как отрицательные (Сумина, Ничипоренко, 2007; Граница, 2014), так и положительные (Овчинников и др., 2017).

Цель нашего исследования – выявить наличие и направленность связей между показателями АС и ЛТ. Мы исходим из предположения, что более высокий уровень АС присущ людям с более низкой ЛТ, то есть о наличии отрицательных связей между этими показателями. Проверка этого предположения осуществлялась в двух различных выборках.

Для получения данных о ЛТ в обеих выборках использовался опросник Спилберге-Ханина; для получения данных об АС использовались два разных опросника.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Первая выборка включала 135 человек в возрасте от 18 до 45 лет, проходивших обучение в сообществе молодых предпринимателей.

Для получения данных об АС использован опросник Менделевича, позволяющий получить данные об уровне общей АС и ее трех компонентов: личностно-ситуативной, временной и пространственной АС. Выявлено наличие отрицательных связей показателей ЛТ и общей АС ($\text{cor} = -0,37$ при $p=0,000$); личностно-ситуативной АС ($\text{cor} = -0,18$ при $p=0,042$); пространственной АС ($\text{cor} = -0,53$ при $p=0,000$). Корреляция ЛТ и временной АС статистически незначима.

Второе исследование проходило на базе вуза. Опрошено 276 студентов старших курсов разных специальностей. Для получения данных об АС использован опросник АС-BV3-2, позволяющий получить данные об уровне общей АС студентов и ее пяти компонентов: дисциплинированности, предусмотрительности, саморегуляции в учебной деятельности, психосоматическая саморегуляция, самооценка успешности (Даниленко, Горбунов, 2018).

Выявлено наличие отрицательных связей показателей ЛТ и общей АС студента ($\text{cor} = -0,34$ при $p=0,000$); предусмотрительности ($\text{cor} = -0,33$ при $p=0,000$); саморегуляции в учебной деятельности ($\text{cor} = -0,26$ при $p=0,000$); психосоматической саморегуляции ($\text{cor} = -0,25$ при $p=0,000$); корреляции с показателями дисциплинированности и самооценки успешности статистически незначимы.

Таким образом, с использованием разных методик, направленных на измерение уровня АС, были выявлены отрицательные связи между показателями АС и ЛТ, что подтверждает сформулированную гипотезу. Можно предположить, что существуют психологические механизмы, препятствующие развитию АС у людей с повышенным уровнем ЛТ; выявить их может дополнительное исследование.

**Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №16-06-00477а.*

Денисова К.С.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РИСКА СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ АДАПТАЦИИ У СОТРУДНИКОВ ВНЕВЕДОМСТВЕННОЙ ОХРАНЫ

На современном этапе проведено множество исследований, посвященных психологическим характеристикам сотрудников силовых структур и воздействию на них стресс-факторов служебной деятельности (Палецкая, Рыбников, 2003; Шутко, 2003; Овчинников, 2006; Бербин, 2011; Berg, 2006; Jayesh, 2014). Большинство сотрудников вневедомственной охраны, подразделением Росгвардии, несут службу в повседневных условиях, что приводит к постепенному снижению уровня адаптации. Нарушение нервно-психического баланса может пойти по трем путям: невротизации, соматизации и девиации поведения (Александровский, 1986). Соматизация отражает процесс развития функциональных расстройств – нарушения функционирования органа или системы без достаточного органического основания в сочетании с важной ролью психологических факторов (Холмогорова, 2000). Внимание специалистов к факторам риска промежуточных уровней снижения адаптации, выражающегося в жалобах соматического характера донозологического уровня, может позволить сохранить здоровье сотрудников и предотвратить развитие более серьезных дезадаптационных процессов.

Целью исследования являлось изучение психологических факторов риска снижения уровня адаптации у сотрудников вневедомственной охраны, проявляющейся через субъективные жалобы на соматическое неблагополучие.

Выборка составила 224 сотрудника вневедомственной охраны г. Санкт-Петербурга. В основную группу вошли 112 сотрудников (56 мужчин и 56 женщин), предъявляющих субъек-

активные соматические жалобы диффузного спектра по результатам интервью и заполнения симптоматических опросников. Контрольную группу составили 112 сотрудников (56 мужчин и 56 женщин) без каких-либо соматических недугов. Все сотрудники, вошедшие в окончательную выборку, имели стаж службы от 7 до 15 лет, занимали должности младшего начальствующего состава и были признаны здоровыми всеми врачами в рамках ежегодного медицинского осмотра.

Для изучения психологических факторов риска снижения уровня адаптации, проявляющегося в ощущении субъективного соматического неблагополучия, был использован метод бинарной логистической регрессии. В наблюдение было включено 196 (87,5%) из 224 случаев. В качестве независимой переменной рассматривалось наличие либо отсутствие субъективных жалоб соматического характера как ранних признаков снижения уровня адаптации. В качестве зависимых были отобраны те переменные, по которым были выявлены достоверные различия между основной и контрольной группой при изучении их психологических особенностей и личностных черт. Доля правильно спрогнозированной принадлежности к группе составила 78,6%. Результаты выражены следующим итоговым уравнением: $z = 4,338 + 0,354 * \text{«Уровень общей интернальности»} - 0,326 * \text{«Тревожная оценка перспективы»} (ситуационная) (Интегративный тест тревожности) - 0,165 * \text{«Пониженная работоспособность»} (Опросник невротических расстройств) - 0,125 * \text{«Манипулятивные действия»} (опросник SACS Хобфолла) - 0,054 * \text{«Фаза резистенции»} (опросник эмоционального выгорания В.В. Бойко) + 0,050 * \text{«Удовлетворенность службой»} - \text{уровень притязаний»} (методика Дембо-Рубинштейн).$

Соответственно, сотрудник может быть отнесен к группе риска снижения уровня адаптации при наличии таких психологических особенностей, как экстернальный тип субъективного контроля, ситуационная проекция своих тревог в будущее, сниженная работоспособность, склонение других к выполнению нужных действий для достижения собственных целей, избирательное эмоциональное реагирование в сочетании со стремлением сократить свои служебные обязанности, а также невысокие притязания на удовлетворенность служебной деятельностью.

Полученные результаты имеют несомненную практическую значимость для совершенствования системы медико-психологического сопровождения сотрудников силовых ведомств, а также могут использоваться при профессиональном психологическом отборе кандидатов на службу.

Дудченко З.Ф.

П.Б.ГАННУШКИН К ВОПРОСУ О ДУШЕВНОМ ЗДОРОВЬЕ

История целенаправленной жизни Петра Борисовича Ганнушкина – одна из ярких страниц психиатрии. Ученик С.С. Корсакова и В.П. Сербского, взяв все наиболее ценное от своих учителей, развивается в крупнейшего ученого-клинициста, подлинного основателя русской малой психиатрии. П.Б. Ганнушкин в совершенстве владел методами клинической диагностики, обладал исключительным обаянием, его авторитет среди больных был безграничен. Аналитический ум, эрудиция, наблюдательность позволили ему сформироваться тонким диагностом и вдумчивым клиницистом. Следует отметить человеческие качества Ганнушкина, такие как удивительная простота, мягкость, душевность, скромность, уважение к людям. Как учитель, он воспитал в лучших традициях русской психиатрии целую плеяду учеников, тем самым подняв корсаковскую школу на большую высоту. В своих лекциях отстаивал самостоятельность психиатрии, постоянную связь ее с жизнью. В книге «Психиатрия, ее задачи, объем, преподавание», выпущенной в 1924 году, дал четкое обоснование для разделения кафедр психиатрии и невропатологии.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В 1907 году Ганнушкин с соратниками основал журнал «Современная психиатрия», который отражал интересы общественной психиатрии. Как общественный деятель, принимал активное участие в созыве Первого съезда Русского союза психиатров и невропатологов памяти С.С. Корсакова в 1911 году.

Ганнушкин оставил научное наследие, монография «Психопатии», выпущенная уже после смерти Ганнушкина в 1933 году, не потеряла своего интереса и глубокого принципиального значения. В его трудах отмечается глубокий интерес к проблеме границ психического здоровья и болезни. Во втором номере журнала «Современная психиатрия» в 1908 году он публикует статью «Постановка вопроса о границах душевного здоровья». В статье Ганнушкин говорит о том, что существует необходимая связь между феноменами здоровья и болезни, подчеркивая, что в области патологии действуют те же законы и силы, что и в норме. Положения статьи находят подтверждение в современном понимании здоровья. С позиции биопсихосоциальной модели здоровья «здоровье» и «болезнь» представляют континуум, на одном полюсе которого находится «здоровье», на другом «болезнь». Ганнушкин в своей статье пишет «... приходится признать, что между здоровьем и болезнью нельзя провести никакой определенной грани, что между нормальными и патологическими явлениями возможны и на самом деле существуют в жизни са-мые разнообразные и самые многочисленные переходные ступени» (Ганнушкин, 1908; с.49). Ганнушкин говорит, что если это очевидно для соматической сферы, то тем более это характерно для области душевных явлений, однако подчеркивает, что «... в области душевных явлений – найти и определить границу между здоровьем и болезнью, гораздо более трудно, чем в сфере соматической» (Ганнушкин, 1908. С.50).

По мнению Ганнушкина, границу между здоровьем и болезнью «занимают те, кто постоянно живет на этой границе, а не переходит из состояния здоровья в состояние болезни или наоборот лишь временно на короткий срок оставаясь на этой границе... это те, кто роковым образом с самого рождения привязан к этой границе, кто является аборигеном этой пограничной полосы» (Ганнушкин, 1908. С.59). Выделяет основные признаки индивидуумов, находящихся на границе между здоровьем и болезнью: 1) постоянство, врожденность психических особенностей; 2) психические особенности отражаются на всей душевной жизни; 3) наличие психических особенностей определяет нахождение между здоровьем и болезнью. Ганнушкин пишет, что эти индивидуумы резко отличаются от обыкновенных нормальных людей, однако, оказавшись в специальном заведении, резко отличаются от душевнобольных. В реальности, участвуя в общественной жизни, они представляют социальный феномен, который, несомненно, надлежит изучать.

Следует отметить особое отношение и живой интерес П.Б. Ганнушкина к психологии. В 1931 году его клиника стала базой психологической лаборатории института высшей нервной деятельности. Ганнушкин был убежденным сторонником единства психологии и психиатрии, необходимого для развития обеих наук как о человеке здоровом, так и о больном.

Егорочкина Е.А., Дмитриева Ю.А.

УРОВЕНЬ ТРЕВОЖНОСТИ У СУБЪЕКТОВ С РАЗНЫМИ ПСИХОДИНАМИЧЕСКИМИ СВОЙСТВАМИ

Проблема изучения тревожности актуальна на сегодняшний день из-за большого количества факторов, влияющих на увеличение уровня тревожности у людей. К таким факторам относятся: дефицит времени, жизненная неопределенность и оперативность выполнения заданий. Все это влияет на здоровье и благополучие людей, а также успешность выполне-

ния деятельности. В настоящее время изучению феномена тревожности посвящено большое количество работ. Как показано многими исследователями, особенно важно разделение понятий тревоги как состояния наряду с другими эмоциональными состояниями эффектами и чувствами (З. Фрейд, А.М. Прихожан), и тревожности как черты, свойства личности и уровня развития личности с интенсивными переживаниями состояния тревоги (К. Хорни, Дж. Тейлор, Р. Мэй).

Целью данного исследования является исследование психодинамических свойств, уровня тревожности у субъектов с разными психодинамическими свойствами.

Задачи исследования: 1) определить уровень тревожности у субъектов и выявить особенности психодинамических свойств у субъектов; 2) проанализировать взаимосвязь уровня тревожности с психодинамическими свойствами субъектов.

Гипотеза исследования: уровень тревожности взаимосвязан с психодинамическими свойствами субъектов.

Выборка исследования: 30 студентов ВУЗа технических специальностей, в возрасте от 18 до 22 лет.

Методики исследования. Для диагностики уровня тревожности использовалась методика «Личностная шкала проявлений тревоги» Дж. Г. Тейлора, адаптация Т.А. Немчина. Для диагностики психодинамических свойств субъектов использовались методики: «Опросник структуры темперамента» В.М. Русалова и «Определение типов темперамента» Г.Ю. Айзенка.

Метод математической обработки: критерий корреляции rs Спирмена. Все расчёты проводились в статистическом пакете IBM SPSS Statistics.

Результаты исследования. По результатам психологической диагностики по методике «Личностная шкала проявлений тревоги» Дж.Г. Тейлора, в адаптации Т.А. Немчина, было выявлено, что показатели среднего значения уровня тревожности находятся в пределах нормы с тенденцией к высокому уровню тревожности.

По результатам психологической диагностики по методике В.М. Русалова было выявлено, что большинство показателей (эргичность и социальная эргичность, предметная и социальная пластичность, темп и социальный темп) находятся в пределах нормы. Только два показателя – эмоциональность и социальная эмоциональность, – немного ниже нормы.

По результатам психологической диагностики по методике Г.Ю. Айзенка, удалось определить, что показатели среднего значения экстраверсии превышают норму. Показатель нейротизма находится в пределах нормы.

Для подтверждения гипотезы исследовались взаимосвязи уровня тревожности и психодинамических свойств у субъектов. По результатам корреляционного анализа были выявлены следующие значимые взаимосвязи. Получена обратная взаимосвязь уровня тревожности и показателя экстраверсии ($r_s = -0,41$, $p \leq 0,05$). Чем выше уровень экстраверсии у студентов, тем ниже уровень тревожности. Выявлена значимая обратная взаимосвязь уровня тревожности и социального темпа ($r_s = -0,49$, $p \leq 0,01$). Чем выше уровень социального темпа, тем меньше уровень тревожности.

Выводы. 1. По результатам проведённого исследования уровня тревожности и психодинамических свойств студентов, было выявлено, что большинство показателей находятся в пределах нормы, и только показатель экстраверсии выше нормы, а показатели эмоциональности и социальной эмоциональности немного ниже нормы.

2. Получены статистически значимые взаимосвязи уровня тревожности с психодинамическими свойствами субъектов. Выявлены две обратные взаимосвязи уровня тревожности с экстраверсией и социальным темпом. Таким образом, чем выше уровень социального темпа и экстраверсии, тем меньше уровень тревожности.

Злоказов К.В., Леонов Н.И.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СУБЪЕКТА О ЦЕЛИ, ПОСЛЕДСТВИЯХ И ОТНОШЕНИИ ОКРУЖАЮЩИХ КАК ПРЕДИКТОРЫ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Введение. Среди проявлений деструктивного поведения наиболее сложным для прогнозирования выступает проективная деструктивность. В отличие от реактивной, предполагающей немедленный агрессивный ответ субъекта, проактивная отличается подготовкой и планированием разрушительных действий, предполагает косвенное и отсроченное по времени выражение агрессии. Прогнозирование проактивной деструктивности требует более глубокого взгляда на механизм ее осуществления. В данной работе предлагается рассмотреть его ключевые составляющие под углом зрения концепций целенаправленного планируемого поведения, разработанных под влиянием социально-когнитивного подхода.

К началу 60х годов XX века в социальной психологии начали формироваться социально-когнитивные концепции поведения. Они строились на идее Э.Торндайка о том, что субъект приступает к действию, ожидая определенного результата. Наиболее популярными современными концепциями являются «теория выбора целей поведения» («goal-setting behavior») (Locke, 1975) и «теория осознанного действия» (theory of reasoned action) (Fishbein, 1975; Ajzen, 1991). Они позволяют предсказывать стратегии социального поведения в различных видах социального взаимодействия. Рассмотрим их ключевые положения.

Теория выбора целей поведения разработана Edwin A. Locke с соавторами. Ее идея в том, что степень сформированности представления о цели влияет на действия субъекта по ее осуществлению. Поэтому, осознавая цель, субъект мотивирован к ее достижению. Конкретизированная цель повышает эффективность действий субъекта, она мобилизует его усилия. Цель мотивирует субъекта, заставляя большее время находится в активированном состоянии, вместе с тем, стабилизирует и фокусирует на деятельности, не давая ему отвлечаться.

Исследование процесса выбора цели у делинквентных подростков, выполненное Paul D. Grimsley, показало, что они в основном ставят нереалистичные цели. Стремясь к их достижению, подростки нарушают социальные нормы – обманывают, применяют силу, присваивают себе чужие успехи.

Теория осознанного действия была создана Martin Fishbein и Icek Ajzen. Согласно ее положениям, намерение к осуществлению действия позволяет предсказать, станет ли субъект воплощать его в реальность. Намерение содержит осознаваемый план действий и побуждение к его воплощению. Побуждение неоднородно, оно имеет два источника: а) представление относительно последствий поведения («Если выучу, то дам экзамен»), б) представление о мнении окружающих («Мой друг считает, что мне нужно готовиться к экзамену»). Таким образом, действие может состояться, если субъект, понимает, что именно он хочет, а также при понимании того, как отнесутся к результату окружающие. В отличие от теории деятельности А.Н. Леонтьева, теория осознанного действия учитывает представление субъекта о ресурсах, которыми он располагает (время, способности), а также отношение референтных персон к его цели (родственников, друзей и пр.).

Вывод. Обе социально-когнитивные теории включают сходные представления субъекта для прогнозирования поведения. К ним относятся представления о цели, о последствиях (результатах), а также об отношении (оценке) окружающими поведения. Эти представления образуют имплицитную модель социального поведения, где каждый из элементов осознается субъектом и влияет на реализацию действия. Изучение этих представлений может быть полезным для прогнозирования риска проактивного деструктивного поведения.

Игнатова Е.С., Руднова Н.А.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОКРАСТИНАТОРОВ В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВЬЮ *

В современном эмоционально насыщенном и динамичном обществе сложно поддерживать высокий уровень продуктивности (Uzun Ozer, 2010). Соответственно возникает и реализуется осознанное желание в восполнении ресурсов и осознанном откладывании выполнения своевременных действий (Виндекер и др., 2016) либо перенос их на более поздний срок (Варваричева, 2010). Это касается не только направлений профессиональной деятельности, но и личностной – например, сферы здоровья. Возникает необходимость мониторинга состояния здоровья и его укрепления (Sirois, 2007).

В рамках настоящего исследования была поставлена задача выявить личностные особенности прокрастинаторов в контексте отношения к здоровью.

Выборку составили 137 человек в возрасте от 19 до 65 лет ($M = 32,9$; $SD = 8,73$), 32% - мужчины, 47% респондентов имеют стаж работы более 10 лет, 16 % - лица с высоким уровнем прокрастинации, 10% - с низким.

Исследование проводилось в форме интернет-тестирования. Респонденты заполняли форму на сайте <https://onlinetestpad.com>, получали обратную связь по результатам опроса сразу по завершении тестирования. Полная анонимность участников являлась дополнительным критерием достоверности данных.

Для исследования общего уровня прокрастинации применялась «Шкала общей прокрастинации К.Х. Лэй», адаптированной Виндекер О.С., Останиной М.В. Для исследования личностных особенностей использовался короткий портретный опросник Большой пятерки (Б5-10) (в адаптации Егоровой М.С., Паршиковой О.В.). Для исследования показателей здоровья использовались краткая форма оценки здоровья SF-36, а также индекс откладываемого лечения (TDI, Treatment Delay Index) (Sirois et al., 2003). Полученные данные подверглись обработке методами математической статистики. Для сравнения показателей здоровья у лиц с высоким и низким уровнем прокрастинации использовался U-критерий Манна-Уитни; для определения взаимосвязи личностных особенностей и показателей здоровья у лиц с высоким и низким уровнем прокрастинации – корреляционный анализ по Спирмену и множественный регрессионный анализ. При обработке данных использовался пакет статистических программ Statistica 8.0.

В результате сравнительного анализа было обнаружено, что лица с высоким уровнем прокрастинации более интровертированы ($U = 2,20$; $p \leq 0,05$) и менее добросовестны ($U = 4,29$; $p \leq 0,001$), чем с низким.

В результате корреляционного анализа у прокрастинаторов обнаружены связи между показателями личностных свойств и здоровья. Экстраверсия положительно связана с открытостью опыту ($r = 0,75$; $p \leq 0,05$), физическим функционированием ($r = 0,48$; $p \leq 0,05$), интенсивностью боли ($r = 0,45$; $p \leq 0,05$). Открытость опыту положительно связана с физическим функционированием ($r = 0,43$; $p \leq 0,05$). Их интровертированность и стремления к поиску и освоению нового опыта напрямую связаны с физическим функционированием: физической активностью и переносимостью физических нагрузок.

Для дальнейшего уточнения взаимосвязей в группе прокрастинаторов использовался множественный регрессионный анализ. Предикторами прокрастинации являются экстраверсия и интенсивность боли: Прокрастинация = $-0,07^*$ Экстраверсия – Интенсивность боли* (где * $p \leq 0,05$). Согласно полученной регрессионной модели для прокрастинаторов характерны интровертированность, что согласуется с P. Steel (Steel, 2010), и ориентированность на интенсивность боли, степень выраженности которой влияет на способность заниматься повседневной деятельностью.

Перспективой исследования выступает изучение построение модели «личность – здоровье» с учетом уровня прокрастинации.

**Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ, проект № 18-313-00157 «Роль прокрастинации во взаимосвязи личностных особенностей и показателей здоровья».*

Иосифян М.А., Арина Г.А.

**ОСОЗНАВАЕМЫЕ И НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ ЦЕННОСТИ:
ИХ СОГЛАСОВАННОСТЬ И СВЯЗЬ С ПРИНЯТИЕМ РЕШЕНИЙ
О ЗДОРОВЬЕ**

Введение. Современные исследования показывают, что имплицитная мотивация оказывает влияние на поведение, связанное со здоровьем (Keatley et al., 2012, 2013). Имплицитные процессы в психологии здоровья изучены меньше, чем эксплицитные (Sheeran et al., 2013). В связи с этим, знаний о том, как имплицитные ценности связаны с эксплицитными и с принятием решений, связанных со здоровьем, недостаточно. В связи с этим, цель данной работы заключается в том, чтобы изучить эксплицитные (осознаваемые) и имплицитные (неосознаваемые) ценности, степень их согласованности между собой, а также их связь с принятием решений, связанных со здоровьем. Исследование опирается на теорию ценностей Шварца (Bardi, Schwartz, 2003; Schwartz, 1992), а также на представления о имплицитном социальном познании (Greenwald et al., 1998).

Методы. В исследовании приняли участие 46 человек (от 19 до 22 лет, средний возраст 20.5 лет, 11 мужчин). Респонденты заполнили опросник ценностей Ш. Шварца (Schwartz, 2009), также прошли имплицитные ассоциативные тесты, измеряющие имплицитные ценности альтруизма, достижений, здоровья и саморазвития. Индивидуальные корреляции между этими имплицитными ценностями и аналогичными им эксплицитными ценностями были использованы как показатель степени согласованности между осознаваемыми и неосознаваемыми ценностями. Респондентам был предоставлен список из 6 ситуационных конфликтов между здоровьем и другими ценностями (здоровье-альтруизм, здоровье-достижения, здоровье-саморазвитие), которые было необходимо решить.

Основным методом проверки гипотезы о связи между эксплицитными/имплицитными ценностями и принятием решений, связанных со здоровьем, был регрессионный анализ. Была составлена регрессионная модель, в которой эксплицитные/имплицитные ценности здоровья, антагонистичные им в рамках данного исследования эксплицитные/имплицитные ценности альтруизма, достижений и саморазвития, а также степень их согласованности выступили в качестве независимых переменных. Зависимой переменной был показатель принятия решений, связанных со здоровьем (чем он выше, тем большее количество конфликтных ситуаций респондент решал в пользу здоровья).

Результаты. Средний уровень согласованности (корреляции) между имплицитными и эксплицитными ценностями в нашей выборке составил 0.133 (по результатам тест Вилкоксона, он незначимо отличался от нуля; $p = 0.160$). Регрессионный анализ показал, что эксплицитные ценности альтруизма, саморазвития и достижений связаны с решением конфликтных ситуаций: чем значимее эти ценности, тем чаще конфликтные ситуации решаются не в пользу здоровья ($t = -1.832$, $p = 0.049$, $SE = 0.196$). Кроме того, чем выше согласованность между осознаваемыми и неосознаваемыми ценностями, тем чаще конфликтные ситуации решаются в пользу здоровья, а не других ценностей ($t = 3.549$, $p = 0.0009$, $SE = .268$). Вместе эти переменные объяснили 27% вариативности зависимой переменной (принятия решений, связанных со здоровьем). Эксплицитная и имплицитная ценности здоровья не были связаны с принятием решений напрямую, однако, как показал медиаторный анализ, они были связаны опосредованно – через согласованность между осознаваемыми и неосознаваемыми ценностями. Чем выше осознаваемая и неосознаваемая ценность здоровья, тем выше согласованность между осознаваемыми и неосознаваемыми ценностями. Чем выше эта согласованность, тем чаще принимаются решения в пользу здоровья.

Выводы. В целом, данное исследование показало, что эксплицитные и имплицитные ценности связаны с принятием решений в конфликтных ситуациях по отношению к здоровью. Было показано, что рассогласованность между осознаваемыми и неосознаваемыми ценностями альтруизма, достижений и саморазвития негативно связана с принятием решений в пользу здоровья. Будущие исследования могут изучить наличие каузальности между согласованностью осознаваемых и неосознаваемых ценностей и принятием решений, связанных со здоровьем. Если каузальность будет обнаружена, то согласованность между этими ценностями может выступить в качестве мишени для профилактических программ.

Кабачек В.А., Архипова М.В.

ВЛИЯНИЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ НА ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Представление о глубокой зависимости здоровья от душевного состояния существовало во все времена; представления эти носили полунтуитивный, полумпирический характер и нашли свое отражение как в художественной литературе, так и в верованиях и традициях всех народов (Григорьев, 2007; Гримак, 1989; Прохоров, 2004). Авторитет в заявленной области, Н.Д. Левитов признавал допустимость и вместе с тем ограниченность экспериментирования при изучении психических состояний, однако настаивал, что поиски в этом направлении должны продолжаться (Прохоров, 2004).⁰

Представленное исследование посвящено изучению психического состояния человека во время пребывания в православном храме на Литургии.

Объектом исследования выступили посетители (прихожане и «захожане») православного храма, всего 40 взрослых человек, из них 12 мужчин и 28 женщин.

Предмет исследования – психические состояния человека как результат пребывания на Литургии в православном храме.

Цели исследования – определение, изменяется ли психическое состояние человека во время пребывания на Литургии в православном храме; изучение особенностей состояния, формирующегося во время церковной службы.

Исследование обращено к центральной практике православной церкви, ставит своей целью осознание и анализ богослужебной практики с точки зрения психологии состояний, построено по принципу квази-эксперимента.

Методики исследования: 1) Ассоциативный эксперимент (авторская модификация); 2) Самоопросник актуального состояния (САН); 3) Цветовой тест отношений (вербальный вариант, авторская модификация).

Процедура сбора данных. Респонденты дважды заполняли опросники: перед и по окончании богослужения. При анализе ответов методик САН и ЦТО использовался Т-критерий Вилкоксона. Данные ассоциативного эксперимента подвергались контент-анализу.

Результаты математического анализа методик САН и ЦТО.

ЦТО. Просуммировав номера выбранных респондентами цветов и отбросив нулевые сдвиги, объем выборки составил 30 человек ($n=30$). Учитывая, что имеется только один отрицательный сдвиг, он является нетипичным. По критерию Вилкоксона показатели в замере 2 достоверно выше, чем в замере 1.

Шкала Самочувствия (САН). Отбросив нулевые сдвиги, объем выборки составил 38 человек ($n=38$). Отрицательных сдвигов всего 7, они являются нетипичными. По критерию Вилкоксона показатели в замере 2 достоверно выше, чем в замере 1.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Шкала Активность (САН). Отбросив нулевые сдвиги, объем выборки составил 37 человек (п-37). Отрицательных сдвигов всего 7, они являются нетипичными. По критерию Вилкоксона показатели в замере 2 достоверно выше, чем в замере 1.

Шкала Настроение (САН). Отбросив нулевые сдвиги, объем выборки составил 36 человек (п-36). Отрицательных сдвигов всего 6, они являются нетипичными. По критерию Вилкоксона показатели в замере 2 достоверно выше, чем в замере 1.

Гипотеза о том, что пребывание на православном богослужении оказывает положительное влияние на психическое состояние человека, подтверждается. С какой бы целью человек ни приходил в церковь на богослужения – помолиться, покаяться, поблагодарить Бога или попросить Его о чем-нибудь, поприсутствовать на службе или просто обрести силы жить дальше, – результаты проведенного пилотажного исследования говорят о том, что состояние в целом изменяется в сторону улучшения. Неслучайно, из описания своего состояния после присутствия на Литургии, 37,5% респондентов отметили радость, 35% – успокоение, по 15% – умиротворение и удовлетворение.

Религиозная жизнь человека является сокровенной сферой, во многих случаях недоступной для объективных измерений, из-за чего часто принижается ее значимость в секуляризованных кругах. Эмпирические исследования в данной области являются редкостью, и поэтому особенно ценны. Изучение психологических феноменов церковной жизни актуально, так как количество христианских общин растет, а исследований в этой области проводится чрезвычайно мало.

Катунова В.В.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНЫХ РЕАКЦИЙ НА ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Проблема девиантного (отклоняющегося) поведения является одной наиболее сложных и неоднозначных в области психологии. Ее обоснованию и решению посвящено большое количество эмпирических и теоретических исследований в психологии и смежных науках (Змановская, 2004; Клейберг, 2004; Менделевич, 2001 и др.), но, тем не менее, требуемая практическими реалиями комплексность подхода к этой проблеме до настоящего времени еще не достигнута. Важным, но слабоизученным вопросом в проблеме отклоняющегося поведения является диагностика отношения окружающих к различным формам такого поведения как обратной социальной связи, направляющей вектор этого поведения.

Целью данной работы послужили типологизация основных поведенческих реакций на столкновение личности с девиантными проявлениями в поведении окружающих, а также поиск зависимости между типами личностных реакций участника или наблюдателя на проявления девиантного поведения и формами этих девиаций. При организации экспериментального исследования мы просили его участников написать ретроспективное эссе с описанием случая контакта с проявлением отклоняющегося поведения в повседневной жизни из своего личного опыта, а также описать свою реакцию на это проявление (дословно вопрос «Что Вы сделали в этом случае или хотели сделать?»).

Исследование проводилось со 140 студентами 3-4 курсов, преимущественно женского пола (97% выборки), часть из которых получает психологическое образование (51% участников), а часть (49%) – биологическое.

Дальнейший качественный анализ написанных эссе позволил выявить основные типы личностных реакций – как активных (анализ причин, вмешательство и др.), так и пассивных

(отторжение, оправдание и др.), конструктивных и деструктивных в социальном плане. Их типы и встречаемость достаточно логично согласуются с особенностями социального обусловливания поведения личности в современных условиях. Так же установлено, что реакции проявления социально-личностных защит внешнего участника чаще связаны с его ситуативной пассивностью в социальном плане. Проявление активных стратегий больше характерно для студентов, обучающихся в области психологии, чем биологии. Но для последних в большей степени характерны поведенческие реакции, связанные с принятием различных форм девиантного поведения. Будущие психологи, изучавшие курс «Психология отклоняющегося поведения», более критичны к девиантным проявлениям в поведении окружающих, но часто проявляют при этом профессиональный подход – пытаются анализировать социальные, личностные и ситуативные причины, определяющие отклонение в поведение другого.

В ходе исследования выявлен ряд достоверных связей между отдельными типами описанных испытуемыми девиаций и их реакциями на поведение такого рода: «агрессия» и «аутоагрессия» – «анализ причин», «агрессия» – «активная защита», «аномалии сексуального поведения» – «отрицание», «безнравственное поведение» – «социальное обобщение» и ряд других. Наибольшую частоту встречаемости в описанных случаях имеет реакция «отторжение», заключающаяся в выраженном дифференцировании своих и поведенческих особенностей и поведения другого (других). Также выявлен ряд значимых отличий между реакциями обучающихся по направлениям психологии и биологии. Нами проведен анализ выявленных связей и попытка их интерпретации относительно социально-личностных (гендер, уровень интеллекта, место проживания), возрастных, и профессиональных особенностей испытуемых.

Установлено, что две группы испытуемых (студенты психологической и биологической направленности) в ряде случаев демонстрируют достоверно различные по частоте встречаемости реакции (интроекция, оправдание действий и т.д.) на девиантное поведение других членов социума. Мы также предположили, что выраженное критичное отношение большинства будущих психологов к ситуациям девиантного поведения свидетельствует об их недостаточной профессиональной и личностной зрелости. Профессиональная типологизация личности и ее поведенческих форм в научном поле для будущих психологов может быть сопряжена с проблемой снижения уровня их социальной толерантности.

Результаты исследования позволили сделать вывод о выраженности личностных стратегий реакций на поведенческие девиации другого (других). Выявленные особенности обратной социальной связи позволили сделать заключение о продуктивности такой диагностики отношения окружающих к различным формам девиантного поведения.

Козлова К.В., Муравьева О.И.

СПЕЦИФИКА ВЫГОРАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЕ ПРОГРАММИСТОВ

Проблема выгорания программистов сегодня активно изучается зарубежными учеными (Shih, Jiang, Klein, Wang, 2013, Cook, 2015), однако в отечественной литературе она рассматривается в недостаточной степени, о чем говорит немногочисленное количество работ и публикаций (Лайкова, 2015; Рудницкий, 2014). При этом существует ярко выраженный запрос в профессиональной среде программистов на практические исследования выгорания. На специализированных профессиональных форумах программисты описывают случаи выгорания из собственной жизни и возможные способы выхода из этого состояния.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Цель исследования заключалась в том, чтобы выявить специфику выгорания программистов, что обусловило постановку следующих задач: 1) определить наблюдается ли выгорание в выборке программистов; 2) определить степень выраженности отдельных его компонентов; 3) сравнить показатели выгорания программистов с показателями других профессиональных групп.

В исследовании приняли участие 85 программистов, работающих в IT-компаниях Томска, Санкт-Петербурга и Москвы. Для определения уровня выгорания использовалась методика «Профессиональное выгорание» К. Маслач и С. Джексона в адаптации Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой (2008), которая измеряет выраженность компонентов выгорания по трем субшкалам: Эмоциональное истощение (ЭИ), Деперсонализация (ДП) и Редукция личных достижений (РЛД).

Результаты показали, что значительно более половины специалистов в нашей выборке (68%) подвержены выгоранию в крайне высокой и высокой степени, у 27%-обнаружена средняя степень выгорания и только у 5%-низкая степень выгорания.

Решая вторую задачу, было обнаружено, что РЛД как компонент является наиболее выраженным по сравнению с другими компонентами выгорания. Очень высокая и высокая степень выраженности по этому компоненту наблюдается у 65 % программистов в нашей выборке, по компоненту ЭИ – у 30%, а по показателю ДП – у 38% специалистов. То есть именно РЛД вносит наиболее значимый вклад в интегральный показатель выгорания.

Сравним полученные данные с нормативными средними значениями, которые приводятся авторами методики Профессиональное выгорание на основе исследований профессий социального круга. По шкалам ЭИ (среднее у программистов – 21,0, стандартное отклонение – 7,7; нормативное среднее – 22,15, стандартное отклонение – 8,6) и ДП (среднее – 10,0; стандартное отклонение – 4,6; нормативное среднее – 10, стандартное отклонение – 5,2) отличий не обнаружилось. По шкале РЛД выявлено, что программисты значительно в большей степени страдают снижением личной и профессиональной самооценки по сравнению с группами социальных профессий (среднее – 28,0, стандартное отклонение – 5,5; нормативное среднее – 32,2, стандартное отклонение – 7,2).

Сравним наши данные с данными, полученными на выборках других профессиональных групп (Орел, 2001). По шкале ЭИ среднее значение в нашей выборке 21,0; у учителей – 21,25; у преподавателей ВУЗов – 18,57; у социальных работников – 21,35; у врачей и медсестер – 22,19; у работников службы психического здоровья – 16,89. По шкале ДП среднее значение в нашей выборке 10,0; у учителей – 11,00; у преподавателей ВУЗов – 5,57; у социальных работников – 7,46; у работников медицины – 7,12; у работников службы психического здоровья – 5,52. По шкале РЛД (инвертированная шкала) среднее значение в нашей выборке 28,0; у учителей – 33,54; у преподавателей ВУЗов – 39,17; у социальных работников – 32,75; у работников медицины – 36,53; у работников службы психического здоровья – 30,87.

Таким образом, РЛД является наиболее выраженным компонентом выгорания по сравнению с другими, что и определяет специфику этого феномена у программистов. Иными словами, выгорание программистов характеризуется, в первую очередь, снижением профессиональной мотивации, удовлетворенности самореализацией в профессиональной сфере, негативной оценкой своей компетентности и продуктивности. В то время как в других профессиональных группах оно проявляется, прежде всего, в снижении эмоционального тонуса, повышенной психической истощаемости и аффективной лабильности, утрате интереса и позитивных чувств к окружающим, ощущение «пресыщенности» работой и неудовлетворенностью жизнью в целом.

Косяк С.С., Пушкина А.В.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ НАРЦИССИЗМА И СОЗАВИСИМОСТИ

Современный урбанистический уклад жизни, иерархия государственных институтов, активно растущее и искажающееся социальное взаимодействие, поддерживаемые экономической политикой страны и современными бизнес-стратегиями, – всё это негативно сказывается на ментальности и поведении людей, на детско-родительских отношениях и процессах воспитания детей, начиная с самого раннего возраста. Дефицитарность контактов матери и ребенка создает предпосылки для искаженного формирования психологических границ, базового доверия к миру, чувств любви, самооценности и личностной значимости. А также происходит закрепление деструктивных механизмов преодоления тревоги, гнева, стыда и вины. Подобные повреждения организации психики predispose к формированию дезадаптивных стилей поведения и в целом созависимости как базовой аддикции для формирования различных форм аддиктивного поведения (Емельянова, 2014; Короленко, Дмитриева, 2000). Еще один актуальный психологический феномен современности – нарциссизм, который, в зависимости от социоэнергетического поля контактирующих людей (способствующего, препятствующего или пренебрегающего характера), может быть соответственно конструктивным (проявляющимся в позитивном представлении человека о себе, в целостном принятии собственной индивидуальности, непохожести), деструктивным (закрывающимся в нарушении адекватного восприятия себя и окружающих, в искаженной самооценке, в уходе от реального Я к идеальному, в высокой тревожности, обидчивости, агрессивности как во вне, так и на себя) и дефицитарным (отражающимся в полном отсутствии внутреннего стержня Я, следующей из этого абсолютной ориентации вовне, избирательных алекситимических проявлениях, субъективной беспомощности, внутренней пустоте, апатии, скуке) (Кабанов, Незнанов, 2003).

Таким образом, созависимые люди и нарциссы имеют схожие личностные черты и сходную природу формирования – нарушение первичной симбиотической связи в ранний детский период со стороны матери, первичной группы или последующих референтных групп. Поэтому мы решили исследовать особенности нарциссических проявлений у созависимых людей.

Комплекс психодиагностических методик включал в себя: Я-структурный тест Г. Аммона, индекс функционирования Self-системы, методику определения созависимости Спанн-Фишер, диагностику самооценки мотивации одобрения Д. Марлоу и Д. Крауна.

Выборка: 60 человек, мужчины и женщины в возрасте от 25 до 60 лет с высоким, средним и низким уровнем созависимости.

В ходе эмпирического исследования подтвердились гипотезы о том, что чем выше уровень созависимости личности, тем более она склонна к проявлению деструктивного и дефицитарного нарциссизма, а также о том, что созависимое поведение личности в большей степени связано с такими составляющими нарциссизма, как низкая самооценка, тотальная беспомощность и беззащитность, склонность к максимизации самооценки окружающих при декларированном безразличии и абсолютной независимости от внешней оценки, подозрительность и неприязнь к людям, обидчивость, мстительность, аутоагрессивные и гетероагрессивные тенденции, низкий уровень социальности и избегание установления близких контактов.

Таким образом, мы видим многогранность и противоречивость образа созависимых людей: демонстрируя внешне дефицитарный нарциссизм (слабость, жертвенность, беспомощность, беззащитность, ориентацию во вне, кажущееся слияние с партнером), они внутри себя несут деструктивный нарциссизм (холодность, раздутость, высокомерие, преувеличение собственной важности, жестокость, изолированность, неумение выстраивать близких доверительных отношений), но принять себя такими они не могут, предпочитая в качестве спасения уход в фантазии.

Купцова С.А.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВЬЯ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Инновации в современном обществе стимулируют развитие новых творческих идей в системе образования, без них невозможно дальнейшее развитие общества в целом. Однако нередко вводимые инновации приводят к противоречивым результатам. С одной стороны нововведения в системе образования неизбежны, они совершенствуют педагогическую деятельность, дают стимул творческой инициативе. С другой стороны часть инноваций с огромным информационным потоком не учитывает влияние на физическое и психическое здоровье участников образовательного процесса. Возникает потребность психолого-педагогического обоснования деятельности системы образования по развитию культуры здоровья.

На наш взгляд, психолого-педагогическая деятельность по развитию культуры здоровья, формированию здоровьесберегающей среды в современной системе образования возможна на основе: принципов непрерывности, системности, развивающего характера системы образования; деятельностного, целостного, личностно-ориентированного подходов, современных представлений о здоровьесберегающей деятельности; понимания образования как культуросообразной и культуuroобразующей среды. Критериями оценки здоровьесберегающих технологий должны быть: психофизиологических и психологических параметры здоровья и уровни развития культуры здоровья всех участников образовательного процесса; самостоятельная творческая деятельность учащихся.

В современной философской, педагогической и психологической литературе понятие «культура» имеет достаточно широкое употребление и может быть определено с нескольких позиций и подходов.

В нашей работе под «культурой» мы будем понимать эволюционирующий во времени, многообразный в своих проявлениях, специфический способ бытия человека в мире (отношения и поведение в различных сферах).

В современном мире понятие «культура» неразрывно связано с понятием «здоровье». Термин «здоровье» используется в философии, педагогике, экологии, медицине, психологии для обозначения функционирования, адаптации и развития человеческого организма и рассматривается в рамках природосообразного и ценностно-личностного подходов (В.И. Вернадский, В.П. Казначеева, Л.Г. Татарникова, В.А. Ясвин и др.). Мы придерживаемся следующей позиции - здоровье - это динамическое состояние, способность человека адекватно реагировать на внутренние и внешние раздражители, умение адаптироваться к окружающей среде. При этом психологический уровень здоровья, на наш взгляд, предполагает такое состояние психической деятельности, которое позволяет поддерживать оптимальное эмоциональное состояние, работоспособность, ценностное отношение к своему здоровью и здоровью окружающих людей.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что существует неразрывная связь здоровья с культурой. В нашей работе культура здоровья понимается как духовно-нравственный потенциал личности, характеризующий своеобразие взаимодействия человека со средой (окружающими людьми, природой и самим собой), включающая систему элементов: здоровьесберегающие знания, эмоционально-ценностное отношение к здоровью и здоровьесберегающее поведение. Культура здоровья обусловлена физиологической и психологической составляющими. Поэтому освоение навыков ЗОЖ возможно через организацию деятельности школьников средствами психологических дисциплин, средствами организации творческой самостоятельной работы школьников.

Процесс развития культуры здоровья у обучающихся, как мы полагаем, должен проходить по следующим направлениям: формирование системы знаний о здоровье, ЗОЖ; фор-

мирование системы эмоционально-ценностного отношения к здоровью; активизация здоровьесберегающей деятельности.

Выделим условия развития культуры здоровья – общие и частные. Общие: организационные, кадровые, учебно-методические. Частные: диагностические, психофизиологические, психолого-педагогические.

В целом,

развитию культуры здоровья в современной системе образования будет способствовать создание и внедрение в процесс обучения специализированных психолого-педагогических дисциплин, а так же творческая самостоятельная работа обучающихся.

Купченко В.Е.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ РИСКА СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ*

В России самоубийство находится на пятом месте среди причин смерти. Каждый двенадцатый подросток в возрасте 13-17 лет пытается совершить попытку суицида. В связи с острой актуальностью проблемы саморазрушающего поведения у молодежи и подростков целью нашего исследования явилось выявление и феноменологическое описание модели социально-психологических и личностных предикторов риска суицидального поведения у подростков.

Методологической основой данного исследования являются личностный принцип, принцип единства сознания и деятельности, принцип развития. Комплексный подход при реализации исследовательского проекта проявляется в создании дизайна исследования, в соответствии с которым личностные предикторы изучаются на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровнях. Разработан диагностический комплекс, основанный на принципе целостности функционирования личности, взаимодействия и компенсаторном характере функционирования личности. Исследование направлено на реализацию профилактических, диагностических и коррекционных задач при работе с подростками, имеющими суицидальный риск. В рамках исследования комплексно изучены объективные и субъективные предикторы суицидального поведения, их сочетание в подростковом возрасте.

Диагностика социально-психологических предикторов проведена с помощью опроса учителей, родителей, метода наблюдения. С целью диагностики склонности к суициду мы применили опросник суицидального риска (модиф. Т.Н. Разуваевой), методику определения суицидальной направленности (ИСН), «Карту риска суицида» (Л.Б. Шнейдер), авторскую анкету для оценки поведенческих критериев риска суицида. Для диагностики личностных предикторов суицидального риска использовался опросник изучения акцентуаций личности К. Леонгарда-С. Шмишека, опросник «Суверенность психологического пространства» (С.К. Нартова-Бочавер), опросник на изучение агрессии Басса-Дарки, методика на изучение импульсивности П. Хиршфилда (адапт. Л.И. Дементий), исследование восприятия самоконтроля подростком Л. Хамфри (адапт. Л.И. Дементий), методика изучения тревожности Кондаша (в модиф. А.М. Прихожан), методика на самооценку Дембо-Рубинштейн, методика готовности к риску Шуберта, методика на изучение адаптивных стратегий поведения. Для диагностики социально-психологических предикторов суицидального риска использован опросник для родителей «Анализ семейных взаимоотношений» (АВС) (подростковый вариант) (Эйдемиллер, Юстицкис), опросник «Родителей оценивают дети» (И.А. Фурманов, А.А. Аладьин), авторская модификация теста на определение фейсбук-зависимости Б. Конрада, социометрический метод Я. Морено.

В настоящее время выборку составили 600 подростков 13-15 лет, 600 родителей, 20 педагогов. Аппарат математической статистики предполагает подсчет значимости различий средних, проведение корреляционного анализа, кластерный и регрессионный анализ.

По полученным на сегодняшний день результатам исследования предикторов суицидального риска у подростка можно сформулировать следующие краткие выводы:

1. У подростков с высоким суицидальным риском показатели «депрессивности», «невротизации», «негативного настроения» выше, показатели «общительности» ниже, чем у подростков с низким суицидальным риском.

2. На депрессивность подростков прямое влияние оказывают нападения на собственность и вербальная виктимизация со стороны сверстников. Существует прямое влияние общей виктимизации на «негативное настроение» подростков.

3. Компоненты суицидального риска «общее снижение настроения, негативная оценка собственной эффективности» взаимосвязаны с проявлением косвенной агрессии, негативизмом, общей агрессивностью.

4. Подростки с высоким суицидальным риском значительно выше, чем подростки со средним и низким суицидальным риском, оценивают такой показатель трудной жизненной ситуации как «длительная».

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00500.*

Миронова Е.А., Тетеухина О.В.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ СОЗАВИСИМОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Цель: выявление специфики созависимого поведения осужденных мужчин молодежного возраста и особенностей его формирования от объекта «тюрьма».

Материал и методы: 120 мужчин молодежного возраста (18-30 лет): 60 – без судимости, 60 – лица, пребывающие в местах лишения свободы (30 – осужденные впервые, 30 – рецидивисты).

Тест-опросник механизмов психологической защиты «индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик, Г. Келлерман, Х.Р. Конте), индивидуально-типологический опросник (Л.Н. Собчик), тест портретных выборов (Л. Сонди). Программа Statistica 8: корреляционный анализ (непараметрическая версия, ранговый коэффициент корреляции Спирмена), U-критерий Манна-Уитни. Критерием созависимости в работе выступает фактор М+ в избыточности (далее m+!) метода портретных выборов Л. Сонди, трактуемый автором как гипертония потребности в цеплянии, которая стоит на грани страсти.

Результаты: m+! встречается как среди мужчин без судимости, так и среди заключенных, однако возможности реализации данной потребности различны. У мужчин без судимости фактор М+ статистически значимо связан с множеством личностных качеств, что свидетельствует о наличии у них большого арсенала инструментов, с помощью которых они начинают реализовывать потребность в поиске и принятии, у осужденных данные связи отсутствуют. m+! человеком без судимости не воспринимается как угроза, поисковая активность в виде экстраверсии растет, тревожность снижается, возрастает такой вид психологической защиты, как отрицание, этический тормоз в виде совести снижается, человек, не стесняясь, начинает искать объект. У осужденного таких ресурсов нет, что ведет к падению активности, отрицанию, аутодеструктивным тенденциям. Мужчины осужденные впервые вытесняют потребность в

поиске и принятии, однако объект привязанности у них все же есть, у рецидивистов мы обнаружили вытеснение потребности в персональной любви – объект привязанности отсутствует, так же как и самой потребности в этом объекте нет, в следствие чего m+! по Сонди падает не на конкретного человека, а на некую общность, в чем и состоит механизм включения в созависимые отношения от объекта – тюрьма.

Никифоров Г.С.

К ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ В РОССИИ*

Оформление психологии личности как научного направления происходит на Западе на рубеже 50-х – 60-х годов XX века и связано, прежде всего, с именем Г. Олпорта во время его работы в Гарвардском университете. Вторая половина XIX – начала XX века это время формирования основополагающих положений теории личности в отечественной психологии.

В 1887 году П.П. Викторов выступает на первом съезде российских психиатров с докладом «Учение о личности как нервно-психическом организме». Его считают пионером в России по этой сложнейшей тематике. Теоретическая разработка проблем личности и индивидуальности находит отражение в конце 80-х годов в работах В.Ф. Чижа, крупнейшего русского психолога того времени и одного из основателей экспериментальной психологии в России (Психология личности и индивидуальности, 2016). Ее итогом стала большая работа «Элементы личности», которая была опубликована в журнале «Вестник психиатрии». Он делал особый акцент на том, что господствующее настроение человека выступает как его главное психическое свойство. Подчеркивал, что разрушение психической жизни непременно начинается с ослабления высших чувствований. Выдающийся русский психиатр и психотерапевт А.Ф. Лазурский, яркий представитель научной школы В.М. Бехтерева, является автором не только первой полноценной теории личности в отечественной психологии, но и практически первой в мире (Теория личности. 100 лет забвения и развития, 2017). Основные положения своей концепции ученый представил в докладе «Классификация личностей» на заседании философского общества в 1913 году. Он придавал важную роль отношениям личности с окружающей ее действительностью, указывая на их особое значение в достижении душевной гармонии личности, под которой понимал разносторонность, полноту и согласие психических функций человека. Все творчество В.М. Бехтерева пронизано идеей «цельного» познания человека или, как принято говорить сегодня, целостного подхода к его изучению. Личность, по Бехтереву, – это человек со своим индивидуальным укладом в единстве умственных и душевных качеств, активным отношением к окружающим его внешним условиям, способный к управлению своим поведением и собственной деятельностью (Объективное изучение личности, 1999). Главное, что организует личность, – это ее направленность, то есть то, что придает ее жизнедеятельности устремленный, нацеленный характер, что руководит мыслями, действиями и поступками. Претендующая на полноту теория личности должна ответить на один из центральных для нее вопросов: что такое здоровая личность. Впервые в отечественной и мировой психологии основные положения психологического обеспечения здоровья личности на всем протяжении ее жизненного пути были представлены в фундаментальной работе С.С. Корсакова «Курс психиатрии» (1901) и докладе В.М. Бехтерева «Личность и условия ее развития и здоровья» на втором съезде российских психиатров в 1905 году.

**Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 18-013-00568 «Отношение к профессиональному здоровью специалистов технического профиля нефтеперерабатывающей отрасли».*

Никифоров Г.С., Дудченко З.Ф.

**И.П. МЕРЖЕЕВСКИЙ О ФАКТОРАХ ДУШЕВНЫХ
И НЕРВНЫХ БОЛЕЗНЕЙ В РОССИИ**

Отцом русской научной психиатрии по праву считается И.М. Балинский, основавший в 1857 г. Первую в России кафедру душевных и нервных болезней в Императорской медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге.

Дело, начатое Балинским, продолжил его ученик Иван Павлович Мержеевский, возглавивший упомянутую кафедру в 1877г. При нем сформировалась научная школа, в которой разрабатывались проблемы психиатрии и невропатологии. Неоценим его вклад в становление русской земской психиатрии. И.П. Мержеевский уделял много внимания пропаганде профилактики психических заболеваний. По свидетельству близко знавших его людей это был выдающийся по энергии и таланту человек, высоконравственный и благородный. Был неизменно сдержан, изысканно вежлив и корректен со всеми. В 1887 г. На первом съезде российских психиатров Иван Павлович Мержеевский выступил с программным докладом на тему «Об условиях, благоприятствующих развитию душевных и нервных болезней в России, и о мерах, направленных к их уменьшению». Съезд состоялся в Москве и проходил с 5 по 11 января в большой аудитории Политехнического музея. В работе съезда приняли участие 440 врачей, из них 86 специалистов-психиатров. Мержеевский был единогласно избран председателем и блестяще провел его заседания.

В своем докладе И.П. Мержеевский важную роль в развитии душевных и нервных заболеваний отводит фактору наследственности. Лица, которым присуще определенное неблагополучие в этом вопросе, испытывают затруднения в процессе социализации, на их долю приходится большое число правонарушений. Браки между такими лицами, у которых имеют место предпосылки к душевным заболеваниям, воспроизводят потомство, обреченное на психическое вырождение. Мержеевский поясняет, что в возникновении и развитии душевных заболеваний играет роль не только та психическая организация, которую человек получил по наследству, но и среда, в которой он пребывает. Он делает на этом особый акцент. В связи с этим говорит о распространении алкоголизма как одной из форм социальной патологии. Душевные и нервные болезни обусловлены в большинстве случаев ненормальными общественными условиями. Развитие торговли, промышленности, появление новых финансовых и коммерческих учреждений породило стремление к наживе, быстрому обогащению, что повлекло за собой множество банкротств и разочарований и послужило источником сильных нравственных потрясений, обусловивших нарастание душевных и нервных болезней. Затрагивая тему образования, Мержеевский обращает внимание на то, что чрезмерные требования школы, интенсификация учебного процесса пагубно отражаются на нервной системе учащихся. Люди с ослабленным самоконтролем, проявляющемся в недостатке способности к дисциплине и выдержке, легче поддаются всевозможным растлевающим доктринам и философским течениям пессимистической направленности, одной из форм проявления которой является нигилизм.

Представленные в докладе Мержеевского положения получили дальнейшее развитие в работах его ученика и преемника В.М.Бехтерева и одного из основоположников отечественной психиатрии С.С. Корсакова.

Посохова С. Т.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В МЕНЯЮЩИХСЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ

В условиях глобального информационного прессинга, затрагивающего все сферы жизнедеятельности человека и общества, адаптация превращается в один из механизмов самораскрытия личности, обеспечивающего трансформацию внешних изменений во внутренние условия создания новых способов взаимодействия с реальностью и с собой. Целостность адаптирующейся личности, вопреки дезорганизующим социокультурным и информационным воздействиям, определяется особенностями осознания изменяющейся реальности, репрезентацией себя в новой картине мира, саморегулирующей адаптационного потенциала, трансформацией способов взаимодействия с изменяющимися социумом, культурой, предметной и природной средой, выраженной эго-ориентацией и реконструкцией образа Я. Личность сохраняет собственную целостность и возможность развития в новых условиях с помощью разных индивидуальных адаптационных стратегий.

В настоящее время понятие «стратегия» занимает прочную позицию в психологической науке, хотя его содержание и специфика остаются во многом неопределенными. Стратегия выражает вектор действий и поступков личности, ее вовлеченность в переживание происходящего, зависимость поведения от прошлого опыта и индивидуального смысла будущего. Понятием «стратегия» описывается адаптация к социальным, культурным, природным факторам, к изменениям внутренней среды организма, к изменяющемуся образу Я. Оно используется по отношению к какой-либо конкретной ситуации и по отношению к жизни личности вообще. Спектр известных адаптационных стратегий чрезвычайно широк: «уверенная, социальная, гибкая, нормативная» (Витенберг Е.В.), «эмоциональная, когнитивная, коммуникативная» (Алдашева А.А.), «субъективно ориентированная, объективно ориентированная» (Коваленко В.П., Наталенко В.П., 1991), «активная, пассивная» (Завьялова Е.К., Посохова С.Т., 2004) и т.п. Однако все многообразие стратегий личностной адаптации может быть сведено в два класса: стратегии самораскрытия личности и стратегии самосохранения личности.

Стратегия самораскрытия предполагает, что при изменении привычных внешних или внутренних условий существования личность отказывается от устаревших, не соответствующих новым условиям стереотипов взаимодействия с окружающей реальностью и собой, начинает активно создавать новую систему взаимоотношений. По своей сути стратегия самораскрытия – это стратегия преобразования себя и прежнего образа жизни. В эпицентре стратегии – совершаемые самой личностью внутренние и внешние трансформации, преодоление трудностей, неудовлетворяющих отношений. Личность ориентирована на собственные резервы, собственный внутренний потенциал, готова отвечать за свои действия и решения. Многие преграды воспринимаются как преодолимые, доминирует мотив успеха, преобладает позитивный эмоциональный фон.

Стратегии самосохранения характеризует такой способ взаимодействия личности с изменяющейся реальностью, который обеспечивает возможность соблюдения в неизменном виде сложившегося образа жизни и ранее эффективных стереотипов межличностного взаимодействия. Ядро этой стратегии адаптации составляют негативные эмоции: тревога, фрустрация, депрессия, сопровождающиеся ощущением невозможности удовлетворения самых насущных потребностей. Прошлое кажется прекрасным, настоящее воспринимается драматично. Доминирует ощущение невозможности самостоятельно преодолеть объективно или субъективно возникших преград, помощь ожидается извне. Активные поиски выхода из проблемных ситуаций минимальны.

Индивидуальная стратегия необходима для сохранения уникальности личности, постоянно взаимодействующей с изменяющейся окружающей реальностью, для создания ею собственной картины мира и образа своего Я. Индивидуальная стратегия – личностно регулируемый способ упорядочения поведения, межличностного взаимодействия. Ее отсутствие может привести к хаосу существования, к остановке развития личности.

Скородумов А.А.

О ВОЗДЕЙСТВИИ НА СОЗНАНИЕ В ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ГРУППАХ СМЕРТИ»

16 мая 2016 года обозреватель «Новой газеты» Галина Мурсалиева опубликовала статью «Группы смерти. 18+». Напомню, что в статье шла речь о закрытых группах во «ВКонтакте», организующих самоубийства подростков посредством воздействия на сознание. Основой для публикации послужили показания родственников жертв и мониторинг тех самых групп. В предисловии к статье говорилось, что в ходе журналистского расследования было выявлено 130 суицидов детей, случившихся в России с ноября 2015-го по апрель 2016 года, — почти все они были членами одних и тех интернет-сообществ. Уже на следующий день, то есть 17 мая 2016 года, в интернет-газете «Лента.ру» выходит статья на эту же тему (Тодоров, 2016), а 20 мая 2016 года Главное управление Следственного комитета РФ по Санкт-Петербургу (месту регистрации ООО «ВКонтакте») приняло решение о возбуждении уголовного дела. Следствие проанализировало подростковые суициды за 2015-2016 годы и, найдя в них наличие ряда общих черт, пришло к выводу, что все суициденты состояли в одних и тех же интернет-сообществах. Таким образом, резонансные статьи «Новой газеты» и «Ленты.ру» подняли проблему пропаганды суицида в интернете, обратили внимание органов государственной власти, общественности и ученых на явление, о существовании которого они не подозревали, и помогли правоохранительным органам установить основных фигурантов страшной истории.

В нашем исследовании была предпринята попытка анализа методов воздействия на сознание участников интернет-сообществ с названиями: «АПГ», «ARG», «Мы дети мёртвого поколения», «Мы дети ненужного поколения», «Синий кит», «Киты плывут вверх», «Разбуди меня в 4:20» «Никомуненуженькая», «Няпока», «Секта снов», «Тихий дом» «ХАЙП», «Привет со дна», «Sedative» и некоторых других, имеющих до 200 тысяч подписчиков и пропагандирующих самоубийства. Среди доступных для анализа документов были публикации журналистских расследований и тех, кому удалось внедриться в подобные сообщества для изучения деятельности изнутри, а так же интервью с представителями правоохранительных и следственных органов. Особую ценность для анализа представляли скриншоты экранов компьютеров участников вышеуказанных интернет-сообществ. Наибольшее количество скриншотов было представлено в публикации К.Озимко (Озимко К.Д., 2017).

Анализ вышеуказанных документов показал, что, как правило, администратор (куратор) группы выбирал из числа подписчиков потенциальные жертвы и начинал давать им задания. В большинстве случаев давалось 50 заданий, рассчитанных на 50 дней, последним из которых было задание на совершение суицида, т.е. 50 заданий постепенно вырабатывали у участника его согласие на совершение суицида. Многие задания были направлены на причинение себе боли (царапины и порезы на руках, губах и других частях тела; многие — на преодоление чувства страха, выработку необычных привычек (выходы ночью на крышу, на железнодорожные рельсы, подъемы на строительные краны и т.д.). Дата совершения суицида сообщалась на 26 день, а с 30 по 49 день порезы на руках требовалось делать ежедневно. Кроме того, в эти же дни обязательным заданием был просмотр видео с определенным содержанием. Одновременно с выполнением заданий, происходило ежедневное общение с администраторами, в процессе которого участникам внушали, что они никому не нужны, от них только одни проблемы, и всем будет лучше, если они закончат жизнь самоубийством.

Таким образом, выполнение заданий и общение с администраторами формировали у участников пассивность и подчинение, отречение от собственного «я», неспособность принятия самостоятельных решений, невозможность выбора в критической ситуации, склонность к

бескомпромиссным решениям и поступкам, фанатизм, а также состояния депрессии и апатии. Можно предположить, что в некоторых случаях 50 заданий были избыточными, т.е. участник группы был готов совершить суицид раньше, чем на 50-й день. В других случаях, когда участник проявлял самостоятельность и не подчинялся администратору, его запугивали. Несмотря на то, что в настоящее время деятельность таких интернет-сообществ блокируется, это не является полным решением проблемы, поэтому необходимы более глубокие исследования, результаты которых позволят разработать меры профилактики подобных явлений.

Смирнова Т.Г., Коноплёва Е.А.

ФАКТОРЫ РИСКА СУИЦИДОВ У ПОДРОСТКОВ

РФ традиционно входит в когорту стран с высоким уровнем суицидальной активности населения, при этом отмечается негативная динамика в виде «омоложения» суицидов (Войцех, 2008). В настоящее время проблема суицидального поведения подростков является актуальной для широкого круга специалистов, как в области психического здоровья, так и в системе школьного образования, в системе правоохранительных органов. Подростковый возраст является узкой, но крайне важной категорией, поскольку именно в этом возрасте происходит манифестация и закрепление суицидальных паттернов как способов решения возникающих проблем (Попов, Пичиков, 2017). Понимание причин и механизмов развития суицидоопасных состояний является основой построения стратегически эффективных программ профилактики и оказания помощи подросткам с суицидальной активностью.

Нами была предпринята попытка изучения суицидального поведения подростков и юношей с целью выявления социально-демографических, клинических и психологических параметров суицидальности.

Объектом исследования являлись материалы проверок и уголовных дел, возбужденных Следственным комитетом по СПб в период с 2013 по 2017 год по фактам совершения суицидальных действий несовершеннолетними. Было изучено 270 случаев суицидального поведения.

В исследовании применялись метод ретроспективной оценки психологического состояния лица накануне суицида (психологическая аутопсия (Shneidman E., Farberow N., 1961)), анализ продуктов деятельности (интернет-переписка, рисунки, предсмертные записки), методы математико-статистической обработки (таблицы сопряженности, критерий Фишера, кластерный анализ) в программе SPSS 17. Обработке подверглись 40 случаев завершённых суицидов (летальный исход). Возраст погибших в результате самоубийства - от 12 до 18 лет; лица мужского пола – 18 чел., женского – 22 чел.

Нами составлена таблица с качественными характеристиками суицидентов путём выделения трёх групп параметров – социально-демографические, клинические, психологические – относительно которых был проанализирован каждый случай.

Получено, что доминирующим способом суицида несовершеннолетних в Санкт-Петербурге является падение с большой высоты (80% случаев), при этом основной личностный смысл суицида – уход (39,5%) и призыв (23,7%). Почти 70 % суицидентов воспитывались в дисфункциональных семьях. С точки зрения клинических параметров: почти в половине случаев имели место верифицированный психиатрический диагноз или обращение к психологу (констатирована психическая патология непсихотического регистра). У юношей (в сравнении с подростками) в три раза чаще наблюдались суицидальные попытки в прошлом, а в целом в 70% случаях выборки отмечалось наличие суицидальных тенденций (мыслей, высказыва-

ний), самоповреждающего поведения в прошлом. По употреблению психоактивных веществ подростки и юноши имеют соотношение 1:10. С точки зрения психологических параметров установлено, что больше половины случаев (62,5 %) характеризуется наличием конфликтных взаимоотношений, причём в юношеском возрасте в 2,5 раза увеличивается количество конфликтов. У всех суицидентов присутствовали те или иные личностные акценты, отмечаемые свидетелями и окружающими лицами: не было гармоничных личностных структур, отсутствовала сглаженность, цельность, адаптированность.

Выявлено три основных блока черт суицидентов: 1) заниженная или завышенная самооценка; 2) замкнутость, скрытность; склонность переживать всё внутри себя при создании внешне нормального фасада; склонность к внутренней драматизации событий; неконфликтность; неспособность к адекватному поиску помощи среди окружающих; 3) вспыльчивость, импульсивность, раздражительность; отрицание правил социума; конфликтность. На первом месте (почти 80%) по комбинации факторов у несовершеннолетних стоит характерологическая черта «импульсивность» в сочетании с «суицидальными действиями» в прошлом. Далее следует сочетание «конфликта со сверстниками» с «приёмом психоактивных веществ». Также, в более половины случаев встречались комбинации «диагноз – нарушение самооценки» и «диагноз– приём психоактивных веществ». Наиболее частыми признаками, встречающимися в моделях в разном сочетании являются следующие: нарушение самооценке, наличие конфликтов со сверстниками.

Таким образом, исследование подтвердило нашу гипотезу о том, что суицидальное поведение – явление полифакторное, то есть суицидальный мотив сопряжён с параметрами, имеющими биопсихосоциальную природу.

Топоногова А.А.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ У ЛЮДЕЙ, ЖИВУЩИХ С ВИЧ

Тема нашего исследования обусловлена ежегодно возрастающим количеством людей, инфицированным вирусом иммунодефицита человека. В Новосибирске и области на сегодняшний день зарегистрировано более 38000 человек, живущих с ВИЧ. Современная антиретровирусная терапия позволила перевести это заболевание из смертельных в разряд хронических. Поэтому понятие приверженности лечению является одним из ключевых в вопросе жизни с ВИЧ. Если человек принимает 90 % и более прописанных ему таблеток, он считается приверженным.

В последнее время многие исследователи (Булюбаш, 2015; Ярославская, Ярославская, 2014) рассматривают социальную поддержку в рамках заболеваний разной нозологии и отмечают, что пациенты, которые удовлетворены поддержкой значимых людей, лучше адаптированы к болезни, больше довольны своей жизнью, лучше приспособлены к последствиям заболеваний.

Нами рассматривались особенности социальной поддержки у приверженных и неприверженных лечению пациентов.

Социальная поддержка как феномен рассматривается западными и отечественными учёными: (Cobb, 1976; Cohen, 1985; Сирота, Ялтонский, 2013; Холмогорова 2007). Под социальной поддержкой нами понимается доступность для человека ресурсов (эмоциональной вовлеченности, инструментальной поддержки, социальной интеграции и пр.) от близких людей или знание об их наличии.

Выборка составила 45 человек: 22 женщины, 23 мужчины с установленным диагнозом ВИЧ, состоящих на учёте в Новосибирском центре по борьбе и профилактике СПИД. Группы разделены по фактору приверженности/неприверженности лечению.

Психодиагностический комплекс включал: разработанное полуструктурированное интервью, опросник восприятия социальной поддержки F-SOZU-22, опросник многомерной шкалы восприятия социальной поддержки MSPSS, методику «Семейная социограмма», опросник Д. Кроуна и Д. Марлоу, 2006. Математическая обработка данных проводилась с использованием SPSS22 для расчётов двухфакторного дисперсионного анализа и Excel вручную формулами для углового преобразования Фишера и критерий сравнения U-Манна-Уитни.

В результате нашего исследования мы получили, что уровень воспринимаемой эмоциональной поддержки в группе неприверженных лечению ниже, чем в группе приверженных. Таким образом, неприверженные лечению пациенты в меньшей степени ощущают эмоциональную вовлечённость, привязанность и заботу от значимых людей. Уровень воспринимаемой инструментальной поддержки в группе неприверженных лечению ниже, чем в группе приверженных. Иными словами, реальную помощь от значимых людей или готовность её оказать неприверженные лечению пациенты ощущают в меньшей степени, чем приверженные. Уровень социальной интеграции, т.е. возможность быть и причислять себя к какой-либо группе у неприверженных лечению пациентов оказался ниже, чем у приверженных. Поле социальной поддержки отличается по объёму и источнику. В группе приверженных лечению объём выше более чем в два раза, по сравнению с группой неприверженных. Источник социальной поддержки «семья» при анализе показал значимые различия в группах: приверженные пациенты чаще воспринимают «семью», как источник помощи, чем неприверженные лечению. Это подтверждается данными анализа полуструктурированного интервью, где обнаружены значимые различия: неприверженные лечению пациенты чаще всего скрывают от семьи свой диагноз. Данные полуструктурированного интервью о стигматизации и её уровне показали, что «медицинский персонал» воспринимается как наибольший источник стигматизации. Уровень стигматизации в группе приверженных лечению пациентов оказался выше, чем неприверженных. При рассмотрении самостигматизации оказалось, что приверженные лечению пациенты отмечают, что после постановки диагноза они стали лучше относиться к себе и бережнее к своему здоровью.

В дальнейшем исследование может быть продолжено в направлении изучения взаимосвязи социальной поддержки и дезадаптивного поведения у людей, живущих с ВИЧ.

Усова Л.В.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Здоровье населения – это показатель деятельности органов власти в сфере демографии, медицины и экономики. Изменения в сторону увеличения продолжительности жизни населения в Российской Федерации до 72,5 лет, не гарантируют «качественное» здоровье.

Цель исследования – провести анализ состояния здоровья населения в Краснодарском крае.

Задачи исследования: проанализировать источники по проблемам здоровья; проанализировать региональные статистические данные.

Результаты: Известно, что Краснодарский край располагается на юге России, и принято его считать одним из благополучных регионов для проживания, где оптимально сочетаются

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

эффективно развивающаяся экономика региона и среда обитания. Одним из индикаторов благополучия региона является именно заболеваемость населения. Для оценки состояния здоровья жителей Кубани были проанализированы данные Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. Одним из важнейших демографических показателей является уровень смертности. Так, умерших в 2017 г. зафиксировано 69764 человека, а родившихся – 67297 человек. Только за этот период естественная убыль населения составила – 2467 человек, необходимо отметить, что за 2017 г. детей, умерших до года, – 298 человек, по сравнению с 2013 г. снизилась на 114 ребенка.

Динамика заболеваемости населения в регионе неуклонно растет. Так, заболеваемость населения по основным классам болезней, зарегистрированных у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, увеличилась за период 2010-2017 гг. на 693 тыс. человек. (2010 г. – 3006 тыс. человек, 2017 г. – 3699 тыс. человек). В структуре заболеваний преобладают заболевания органов дыхания, новообразованиями, болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ и др. Так, увеличение хронических заболеваний может быть связано с низким уровнем профилактической медицины. Серьезным индикатором заболеваемости являются показатели новообразований. Ежегодно эти данные динамично растут. В 2017 году зарегистрированных пациентов с этим диагнозом, установленным впервые в жизни, было 472,3 на 100 тыс. человек населения. Также обеспокоенность вызывает осложнения беременности, родов и послеродового периода. Здоровье женщин, безусловно, оказывает влияние на формирование будущего поколения (Усова, 2011). Помимо общей заболеваемости населения особую тревогу вызывает показатели инвалидизации в регионе. Общее число инвалидов, впервые признанных инвалидами, по данным Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея в 2017 г. насчитывало 34,8 тыс. человек. Главными условиями установления инвалидности является стойкое нарушение здоровья (Усова, 2014). Общее количество инвалидов свидетельствует об общем ухудшении здоровья населения.

Таким образом, анализ некоторых показателей здоровья населения Краснодарского края свидетельствуют о некоторых проблемах в здоровье и необходимости более пристального внимания к нему.

Фуреева Т.О., Филатова-Сафронова М.А.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОСЕКСУАЛЬНОЙ СФЕРЫ МУЖЧИН ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ ПОЛОВОЙ КОНСТИТУЦИИ

По данным Росстата (2017), в России на 1000 зарегистрированных браков приходится 829 разводов. Чаще всего разводятся пары, прожившие в браке пять-девять лет. Тенденция роста разводов в Российской Федерации отчасти обусловлена сексуальной несовместимостью партнеров. Её предпосылками являются: сексуальная неграмотность населения, раннее начало половой жизни, вступление в брак без проверки на совместимость. Решение данной проблемы представляется возможным путем изучения особенностей психосексуальной сферы, как женщин, так и мужчин зрелого возраста. По мнению М.А. Филатовой-Сафроновой, психосексуальная сфера человека представлена следующими компонентами: психофизиологическим (типом половой конституции); психологическим (особенностями характера), социально-психологическим (гендерными особенностями, локусом контроля) (Филатова-Сафронова, 2011).

Учитывая значимость проблемы, целью исследования стало выявление особенностей психосексуальной сферы мужчин зрелого возраста с различными типами половой конституции.

Объектом исследования выступила психосексуальная сфера мужчин зрелого возраста, предметом – психосексуальная сфера мужчин зрелого возраста с различными типами половой конституции (далее по тексту ТПК). Было предположено, что организация психосексуальной сферы мужчин зрелого возраста с разными ТПК определяется различным взаимовлиянием ее структурных компонентов: у мужчин с крайними вариантами половой конституции (слабый и сильный типы) детерминантой выступает психофизиологический уровень; у мужчин со средним ТПК – социально-психологический.

В исследовании приняли участие 90 мужчин в возрасте от 32-47 лет, состоящих в официальном браке более 5 лет.

Для решения исследовательских задач использованы методики: Шкала векторного определения половой конституции мужчин Г.С. Васильченко; 16-факторный личностный опросник Кеттелла; методика С. Бем (модификация О.Г. Лопуховой); опросник Уровня субъективного контроля (УСК). Сравнительный анализ полученных результатов осуществлялся с применением t-критерия Стьюдента; χ^2 -критерия Фишера; дисперсионного анализа. Обработка результатов проводилась в лаборатории факультета психологии и педагогики Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязева.

По итогам проведенного эмпирического исследования выявлено, что большинство мужчин зрелого возраста обладают средним типом половой конституции. Психологическими особенностями мужчин со слабым и средним типами половой конституции являются тревога, сомнения, независимость. Психологическими особенностями мужчин с сильным типом половой конституции являются сдержанность, жесткость. Среди мужчин со слабым типом половой конституции преобладают мужчины с фемининными качествами. Для мужчин со средним и сильным типами половой конституции характерны маскулинные черты. Мужчины зрелого возраста вне зависимости от ТПК характеризуются интернальным локусом контроля. Исключение составляет сфера здоровья: в ней все мужчины демонстрируют экстернальный локус. Мужчины со слабым ТПК проявляют большую ответственность в производственных отношениях. Мужчины с сильным ТПК в семейных отношениях.

Детерминантой психосексуальной сферы мужчин со слабым ТПК является психофизиологический уровень (ТПК). Детерминантой психосексуальной сферы мужчин со средним ТПК является социально-психологический уровень (гендерные особенности). Детерминантой психосексуальной сферы мужчин с сильным ТПК является психофизиологический уровень (тип). Таким образом, гипотеза о различном взаимовлиянии структурных компонентов психосексуальной сферы у мужчин с различными ТПК подтвердилась. Действительно, у мужчин с крайними вариантами половой конституции (сильный и слабый типы) детерминантой выступает психофизиологический уровень; у мужчин со средним ТПК – социально-психологический.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы как самостоятельно, например, в семейном консультировании супружеских пар и индивидуальном психологическом консультировании, так и в качестве базы для дальнейших исследований в области психосексуальной сферы людей.

Шаповал В.А.

ДИСКРИМИНАНТНАЯ МОДЕЛЬ ДЛЯ ПСИХОДИНАМИЧЕСКОГО СКРИНИНГА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Проблема профессионального психологического здоровья (ППЗ) сотрудников полиции (СП) до настоящего времени не теряет своей актуальности, о чем свидетельствует стабильно высокий уровень противоправного поведения (включая коррупционное, агрессивное-насильственное, адиктивное) и дисциплинарных нарушений, совершаемых самими правоохранителями. Вместе с тем у ведомственных психологов до настоящего времени отсутствует действенный психодиагностический инструментарий, позволяющий осуществлять эффективный скрининг ППЗ СП в условиях массовых недобровольных психопрофилактических обследований (ППО). Профессиональное психологическое здоровье рассматривается нами в качестве интегральной, универсальной, неспецифической профессиональной метакомпетенции сотрудников полиции, включающей в себя практически весь набор требований к профессионально-психологическим характеристикам его личности, отраженных в современной нормативно-правовой базе. С учетом признания ведущей роли бессознательного в детерминации девиантного поведения при операционализации концепта ППЗ в валидный психодиагностический конструкт за основу нами была взята модель личности Г. Аммона – методологическая парадигма, позволяющая осуществлять его (ППЗ) квалитметрию путем соотношения конструктивных и деструктивно-дефицитарных компонентов неосознаваемой Я-структуры личности СП с помощью шкал специально разработанного на многотысячных институциональных выборках сотрудников ОВД Психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс» (Шаповал, 2012).

Для разработки интегральных индексов из всего многообразия шкал ПОЛО «Ресурс» было отобрано пять «позитивных» шкал: общей конструктивности и ее первый фактор; профессионализма и ее первый фактор; профессионально-психологической успешности и шесть «негативных» шкал: общей дезадаптации, ее первый фактор и он же с коррекцией; непрофессионализма, ее первый фактор и он же с коррекцией. Далее на основе разности показателей «позитивных» и «негативных» шкал в принудительно нормализованных Т-баллах рассчитывались 6 интегральных индексов, отражающих ресурс: личностной конструктивности; конструктивности ядра личности; конструктивности ядра личности с коррекцией; субъектно-профессиональной идентичности; субъектно-профессиональной идентичности ядра личности; субъектно-профессиональной идентичности ядра личности с коррекцией; а также показатель профессионально-психологической успешности. С помощью процентильного разбиения по 7 вышеперечисленным интегральным показателям рассчитывалась принадлежность испытуемого к одной из 7-уровневых градаций с учетом его пола и возраста. Сведение последних к итоговому 4-уровневому показателю (группе ППЗ) осуществлялось с помощью решающих правил, полученных на основе дискриминантного анализа психологических данных СП мужского пола ($n=7\,066$) с помощью пошагового метода Уилкса. В качестве зависимой переменной для «обучения» дискриминантного распознавателя образов использовался показатель группы, полученный на основе процентильного разбиения с последующей группировкой z-приведенного значения показателя интегрального фактора ППЗ СП. Полученная каноническая линейная дискриминантная функция, включает все 7 переменных и обладает высокой дискриминативной способностью (λ -Уилкса=0,111; $\chi^2=15\,518,48$; $p=0,0001$). Проводился расчёт значений групповых центроидов и уравнений классифицирующих функций, описывающих отдельно каждую из 4-х групп. Принималось экспертное решение об отнесении обследуемого к одной из них, имеющей большее значение. Проверка результатов классификации показала высокую общую прогностичность полученной модели (92,7%), в том числе 1 группы – 100 %, 2 – 88,9 %, 3 – 91,3 % и 4 – 99,8 %. Аналогично была получена дискриминантная модель для СП женского пола ($n=4\,616$), общая прогностичность которой также оказалась высокой (94,1%), в том числе 1 группы – 99,9 %, 2 – 91,0 %, 3 – 96,0 % и 4 – 95,6 %. Полученные дискриминантные модели позволяют эффективно осуществлять психодинамический скрининг ППЗ СП.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ануфриук К.Ю.

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И СПОСОБЫ САМООСУЩЕСТВЛЕНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ*

Юношеский возраст имеет важное значение для формирования жизненных стратегий личности и ее полноценного включения во взрослую жизнь. В данный период, в связи с развитием самосознания, открытием своего внутреннего мира, все большую актуальность получает проблема самоосуществления.

В самом общем виде под самоосуществлением понимается процесс воплощения себя, своего потенциала в материальной и духовной действительности. Одна из попыток структурировать разные понятия, относящиеся к разным аспектам самоосуществления, была принята Лукиной Е.А. (2006), которая рассматривает самовыражение, самореализацию и самотрансценденцию как разные его способы, или формы. Под самовыражением понимается самопроявление, самопредъявление, демонстрация себя, под самореализацией – продуктивное использование, реализация своего потенциала в социально значимой области, под самотрансценденцией — стремление к смыслу, посвящение себя чему-то или кому-то.

Способы самоосуществления во многом определяются психоэмоциональным благополучием личности. Данное понятие мы рассматриваем как объединяющее такие характеристики, как удовлетворенность жизнью (Е. Diener, М. Аргайл и др.) и доминирующее эмоциональное состояние (Л.В. Куликов, Р.М. Шамионов и др.). Мы поставили перед собой цель – выявить взаимосвязи параметров психоэмоционального благополучия со способами самоосуществления.

Для изучения способов самоосуществления подростков использовалась адаптированная нами анкета «Способы самоосуществления» Е.А. Лукиной (2006). В инструкции юношам предлагалось проранжировать те или иные формы поведения дважды: первый раз – с учетом того, насколько для них важно так себя вести, а затем – насколько им это удастся. Для изучения психоэмоционального благополучия использовалась методика диагностики психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности Л.А. Курганского и Т.А. Немчина, Шкала удовлетворённости жизнью Э. Динера, Шкала удовлетворенности условиями жизни О.С. Копиной из методики экспресс-диагностики уровня психоэмоционального напряжения (ПЭН) и его источников. В исследовании приняли участие 96 десятиклассников школ г. Санкт-Петербурга. Способы самоосуществления (и в аспекте важности, и в аспекте того, насколько они удаются) оказались связанными с такими психическими состояниями, как интерес и эмоциональный тонус (большинство корреляционных связей значимы при $p=0,01$). Вероятнее всего, интерес к более полному и глубокому отражению действительности, повышенный эмоциональный тонус выступают ресурсами для реализации своей сущности, желаний, целей, потребностей и мотивов. Самовыражение (1), самореализация (2), самотрансценденция (3) в аспекте того, насколько они удаются, оказались связанными с психическим состоянием комфортности ($r_1=-0,349$, $r_2=-0,460$, $r_3=-0,277$ при $p=0,01$). В случае, если юноши, девушки полагают, что им удастся воплощать себя, они испытывают психическое состояние удовлетворенности, эмоционального комфорта, и наоборот. Успешная реализация различных способов самоосуществления выступает, вероятно, важным фактором субъективного благопо-

лучия в данный период развития. Это находит подтверждение и в полученных взаимосвязях способов самоосуществления с удовлетворенностью жизнью. Общий показатель удовлетворенности обнаруживает связь со всеми способами самоосуществления ($p=0,05$ в случае важности способа, $p=0,01$ в случае, если удастся). Удовлетворенность условиями жизни связана только с такой формой самоосуществления, как самореализация, с ее важностью ($r=0,258$, $p=0,05$) и с тем, насколько она удастся ($r=0,261$, $p=0,05$). Вероятно, высокая удовлетворенность предоставляемыми возможностями (получения информации, использования денег и пр.) создает условия для успешной самореализации в юношеском возрасте.

**Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ проект № 16-06-00307а.*

Волченкова Е.А., Молчанова О.Н.

ПОТЕРЯННЫЕ ВОЗМОЖНЫЕ «Я» И ИХ СВЯЗЬ С КОМПОНЕНТАМИ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Возможные Я можно рассматривать как временной аспект Я-концепции, представленный когнитивными репрезентациями индивидуально значимых ожиданий, надежд, опасений и страхов (Markus, Nurius, 1986). Одним из видов возможных Я являются потерянные возможные Я – это автобиографические воспоминания о некогда значимых для человека надеждах и устремлениях, которые ввиду обстоятельств или собственного решения оказались утраченными или невоплощенными (King, Hicks, 2007). Возможные Я обладают мотивационным потенциалом, организуя поведение человека в направлении к желаемому образу «Я», усиливая мотивацию к изменениям, повышая оптимизм и уверенность в том, что это изменение возможно (Ouyette et al., 2004). Однако, если возможные Я не были реализованы человеком, не воплотились в его жизнь, будут ли они влиять на текущее поведение человека, на его удовлетворенность жизнью и субъективное благополучие? Какие именно параметры потерянных возможных Я (субъективная значимость, частота обращения, степень сожаления и др.) будут связаны с субъективным благополучием? Выступают ли эти параметры предикторами общего благополучия и отдельных его компонентов? Решению данных вопросов посвящено настоящее исследование. Для анализа потерянных возможных Я применялась методика К. Хукер (Hooker, 1992), модифицированная для изучения потерянных возможных Я (Frazier, Hooker, 2006). Психологическое благополучие исследовалось с помощью шкал удовлетворенности жизнью Э. Динера и субъективного счастья С. Любомирски (Осин, Леонтьев, 2008) и опросника психологического благополучия К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой и др. (2005). Выборка (42 человека) была сформирована случайным образом: добровольцы проходили опросник на онлайн-платформе. Средний возраст респондентов составил 27 лет ($SD = 12,57$), из них – 27% мужчин и 73% женщин. В данном исследовании проверялась связь параметров, потерянных возможных Я и параметров субъективного благополучия. Как показал корреляционный анализ Спирмена, отрицательно связаны количество предпринятых действий для реализации потерянного возможного Я и эмоциональный компонент субъективного благополучия ($-0,512$; $p=0,05$): чем больше человек предпринял действий для осуществления своей мечты, и, в конечном итоге, все равно был вынужден от нее отказаться, тем менее счастливым он себя ощущает. Личностный рост как компонент переживаемого благополучия связан с такими параметрами потерянных возможных Я, как субъективная значимость ($0,507$; $p=0,05$) и способность их реализации ($0,502$; $p=0,05$). Если человек полагает, что он лишь на время «потерял» значимое возможное Я, что он еще может его воплотить в жизнь, то это ведет к переживанию личностного развития. Субъективная значимость утрачен-

ных возможных Я также положительно связана с позитивными отношениями ($0,490$; $p=0,05$), выступающими как компонент психологического благополучия. Возможно, позитивные отношения с другими играют компенсаторную роль, помогая человеку пережить утрату важной для него мечты. Самопринятие как ресурс благополучия отрицательно связан со степенью сожаления об утраченном возможном Я ($-0,698$; $p=0,01$) и частотой обращения к этому невоплощенному Я ($-0,543$; $p=0,01$). Этот результат соотносится с представлением о самокопании как «дурной» рефлексии (Леонтьев, Осин, 2014), которая, как показано в исследованиях, положительно коррелирует с пессимизмом, депрессией и нейротизмом. На основе проведенного регрессионного анализа было установлено, что такие параметры возможных Я, как значимость потерянных возможных Я, предпринятые для их реализации шаги, размышления о них и способность их реализации могут выступать предикторами отдельных компонентов субъективного благополучия. Исследование потерянных возможных Я позволяет по-новому осмыслить феномен «Я – во времени» и его мотивационный потенциал, поскольку потерянные возможные Я, отражая «будущее в прошлом», могут оказывать влияние на настоящую жизнь человека и его субъективное благополучие.

Головей Л.А., Данилова Ю.Ю.

ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ КАК ФАКТОР СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПОДРОСТКОВ*

Субъективное благополучие в подростковом возрасте в значительной мере зависит от переживаемого жизненного опыта и опыта социальных отношений. Важную роль играет чувство эмоциональной близости и связанности с родителями, включающее социальную поддержку, помогающую справиться с жизненными стрессами. Удовлетворенность жизнью исследователи рассматривают в качестве обобщенного показателя психологического здоровья личности, понимая под ней субъективное представление о том, что события и ситуации жизни складываются благополучно (Селигман М., 2009 и др.).

Целью исследования явилось изучение взаимосвязей удовлетворенности жизнью с событийной насыщенностью и эмоциональной значимостью событий прошлого, настоящего и будущего у подростков, воспитывающихся в семьях и в детском доме. Мы предположили, что событийная и эмоциональная насыщенность разных периодов жизни могут играть неоднозначную роль во взаимосвязях с удовлетворенностью жизнью в разных социальных ситуациях развития.

Выборку составили 286 подростков в возрасте 14-16 лет (160 девушек и 126 юношей), в том числе 77 воспитанники детского дома (41 девушка, 36 юношей), 144 (71 девушка, 73 юноши) подростка, воспитывающиеся в полных семьях; 65 (30 девушек, 35 юношей) - в неполных.

Методы: «Психологическая автобиография» Е.Ю. Коржовой (1998); «Шкала удовлетворенности жизнью» Е.Динера (Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., 2008).

Сравнительный анализ количества событий выявил, что подростки из семей значимо чаще, чем воспитанники детского дома, отмечают, что их жизнь в прошлом была насыщена позитивными событиями ($p=0,001$, $p=0,009$) и чаще отмечают позитивные события в настоящем ($p=0,043$). Эмоциональная значимость событий составляет в среднем для позитивных событий 4,59 балла, для негативных – 4,10 по 5-балльной шкале, что свидетельствует о высокой эмоциональной вовлеченности подростков в жизненный контекст. При этом эмоциональная значимость позитивных событий выше ($p=0,004$). Наиболее высокая общая удовлетворенность жизнью выявлена у подростков из полных семей - 24,67 б; у подростков из неполных

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

-22,88 б, самые низкие значения у подростков из детского дома - 20,17 б ($p=0,05$). Достоверные различия выявлены также по параметрам «жизнь складывается благополучно» ($p=0,05$), «в жизни ничего бы не поменял» ($p=0,001$).

Анализ взаимосвязей жизненных событий и их эмоциональной значимости с удовлетворенностью жизнью выявил как общие черты, так и специфику в зависимости от социальной ситуации. Так у подростков из неполных семей и из детского дома выявлены прямые связи количества негативных событий прошлого с ощущением, что «жизнь складывается благополучно», а у подростков из полных семей эта связь отрицательная (все связи при $p=0,05$; $0,001$). Позитивные события настоящего и эмоциональная значимость всех событий и событий настоящего положительно связаны с показателем «жизнь складывается благополучно» в группах подростков из семей (обе связи при $p=0,05$), а также с показателем «в жизни ничего бы не поменял» ($p=0,001$) у подростков из неполных семей. Таким образом, насыщенность событиями жизни и их эмоциональная значимость оказались факторами, влияющими на психологическое благополучие подростков. Характер связей свидетельствует о том, что негативный опыт прошлого выступает в качестве предпосылки удовлетворенности настоящим, у подростков, имеющих травматический опыт расставания с родителями в прошлом. Выявлена также роль эмоциональной значимости событий жизни и событий настоящего в субъективном благополучии, что свидетельствует о важности эмоциональной наполненности жизни подростков в их субъективном благополучии.

**Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ проект № 16-06-00307а.*

Дерманова И.Б., Голованова Н.Ф.

САМООСУЩЕСТВЛЕНИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ПОДРОСТКОВ*

Самоосуществление – это потребность и процесс воплощения себя, поиск и реализация своей сущности (К. Гольдштейна, Ш. Бюлер, М.К. Мамардашвили и др.). Исследуя самоосуществление подростков, мы предположили, что у них одновременно представлены три разных его способа: самовыражение, самореализация и самотрансценденция (Голованова Н.Ф., Дерманова И.Б., Ануфриюк К.Ю., 2016). При этом каждый из способов самоосуществления может иметь как конструктивный, так и не конструктивный характер, в зависимости от общей направленности этого процесса, его мотивационной доминанты. Суммируя знаки различных способов самоосуществления можно описать общую направленность данного процесса, обозначив его точкой на шкале Я – Другой (Дело). Чем ближе к полюсу Я, тем более представлены интересы собственной личности, чем ближе к полюсу Другой (Дело), тем больше доминируют внешние интересы.

Мы предположили также, что поскольку самоосуществление – одна из самых глубинных и сущностных потребностей человека, его реализация должна быть тесно связана с его психологическим благополучием.

Выборка: подростки от 14 до 17 лет в количестве 55 человек, учащиеся общеобразовательных школ г. Санкт-Петербурга. Методики: Для измерения направленности на самоосуществление использовалась методика В.Ю. Котлякова на выявление смыслов и авторская анкета «Варианты и направленность самоосуществления». Для оценки общего благополучия личности использовались методики «Психологическое благополучие личности» К. Рифф (в адаптации Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной), методика оценки психического состояния (Н.А. Курганский, Т.А. Немчин). А также методики ИЖУ Э. Динера (в адаптации Н.В. Паниной) и анкеты на удовлетворенность жизнью.

По результатам исследования обнаружилось, что ведущим способом самоосуществления подростков является самореализация (72,19%), второе место занимает самовыражение (68,47%), третье – самотрансценденция (66,38%). Признание важности и позитивная оценка эффективности самоосуществления соотносится с выраженными характеристиками удовлетворенности и субъективного благополучия. Наибольшее количество связей с исследуемыми характеристиками имеет позитивная оценка самореализации (15) связей, на втором месте – ощущение, что удастся самовыражение (12 связей) и на третьем – самотрансценденция (9 связей). А неудовлетворенность результатами самоосуществления связана со сниженным эмоциональным фоном и скорее с показателями неблагополучия.

Особенно остро переживается такое расхождение в оценке самореализации (15 связей), а наименее остро – в оценке самотрансценденности (1 связь). В целом у подростков преобладает направленность самоосуществления на себя, но представлены обе тенденции (на себя $M=7,50$; $\sigma=3,41$; на других $M=6,18$; $\sigma=3,31$). Оба варианта направленности на самоосуществления не обнаружили устойчивых корреляций с удовлетворенностью и психологическим благополучием, что заставило нас предположить наличие более сложных зависимостей. Для их выявления проводился факторный анализ, по результатам которого были обнаружены различные варианты их соотношения. Направленность на самоосуществление в целом скорее соотносится с психологическим благополучием, но в то же время психологическое благополучие возможно и без нее, да и сама эта направленность может быть связана с психологическими проблемами.

Таким образом проведенное исследование подтвердило ранее выдвинутые предположения об одновременной представленности различных способов самоосуществления у подростков и о различных вариантах их соотношения с направленностью и показателями психологического благополучия личности.

**Работа поддержана грантом РГНФ 16-06-00307а.*

Дивисенко К.С.

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ВЕРУЮЩИХ: КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ*

В последние десятилетия наблюдается активное становление отечественной психологии и социологии религии, тем не менее, анализ субъективных показателей качества жизни людей, относящих себя к той или иной религии/конфессии, остается малоизученной областью.

Принятие и усвоение верующими определенной системы мировоззренческих координат, которые предлагает религия, оказывается одним из важных жизненных ресурсов индивида. В ряде зарубежных эмпирических исследований показано, что религиозность положительно влияет на качество жизни: способствует преодолению различных трудностей повседневной жизни, а также помогает справляться с тяжелым течением и последствиями различных болезней (Дивисенко, Белов, 2017).

Исследование субъективного благополучия как восприятия людьми качества собственной жизни является междисциплинарной областью. В силу отсутствия общепринятого понимания данной категории и ее близости другим теоретическим конструктам она часто используется в качестве «зонтичного» понятия, операционализация которого зависит от целей исследования.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В нашем исследовании для анализа субъективного благополучия верующих были использованы Тест смысловых ориентаций (Леонтьев, 2000), Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера (Осин, Леонтьев, 2008), а также скрининговая версия Теста жизнестойкости (Осин, 2013). Перед нами стояла задача выявления уровня благополучия верующих и определения социальных факторов, которые вносят значимый вклад в оценку и восприятие ими собственной жизни. В качестве независимых переменных учитывались социально-демографические характеристики респондентов: пол, возраст, уровень образования, семейный статус, наличие детей, самооценка уровня материальной обеспеченности (по покупательской способности). Кроме конфессиональной принадлежности контролировалась регулярность религиозных практик: частота посещения богослужений, участия в таинстве Причастия, молитвы и чтения Библии.

Анкетный опрос проведен в 2017 году. Общее число респондентов составило 560 человек, из них православных — 158, протестантов — 402. Результаты исследования свидетельствуют о достаточно высоком уровне субъективного благополучия и жизнестойкости верующих, причем значение всех трех показателей достоверно выше у протестантов. Так, среднее значение по шкале удовлетворенности жизнью составило $22,0 \pm 5,8$ и $23,7 \pm 6,0$ ($F = 8,8$; $p = 0,003$) у православных и протестантов соответственно, показателя осмысленности жизни — $101,8 \pm 16,9$ и $111,2 \pm 18,0$ ($F = 32,4$; $p = 0,000$), жизнестойкости — $22,8 \pm 7,7$ и $26,2 \pm 7,8$ ($F = 22,9$; $p = 0,000$). Регрессионный анализ (алгоритм шагового отбора) подтвердил, что самооценка материального положения, частота чтения Библии, а также семейный статус (а именно «замужем/женат») оказывают влияние на значение всех трех зависимых переменных. Кроме того, на удовлетворенность жизнью оказывает влияние частота молитвы, на степень осмысленности жизни — конфессиональная принадлежность, уровень образования и также частота молитвы. Уровень жизнестойкости связан с наличием детей и возрастом (прямая зависимость).

Подводя итог, отметим, что целевой характер выборки, ориентированный на опрос практикующих христиан, дает возможность вычислить нормативные значения для наиболее «сильной» группы как православных, так и протестантов. Выявленное влияние регулярности молитвы и чтения Библии на субъективное благополучие и жизнестойкость связано в первую очередь с тем, что большинство респондентов — протестанты. Зафиксированный православный сдвиг в ответах протестантов требует дальнейшего анализа: либо этот факт является отражением объективно более высокого уровня их благополучия, либо объясняется когнитивной «схемой», определяющей выбор ответов в правой части шкалы, которая обусловлена религиозной принадлежностью.

**Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00138*

Иванова Т.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КУРСАНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ ОПЫТОМ ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ЧС

Деятельность сотрудников ГПС МЧС России при проведении пожарно-спасательных работ и ликвидации чрезвычайных ситуаций связана со значительными физическими и еще более значимыми психоэмоциональными нагрузками, а также осложнена воздействием многочисленных неблагоприятных и опасных факторов окружающей среды.

На основании исследования психологического благополучия участников ликвидации наводнений в Комсомольске-на-Амуре в 2013 году, С.В. Яремчук, В.С. Колдунова делают вывод, что ЧС – это специфические условия, создающие вызов для личности, требующие от нее максимального напряжения личностных ресурсов, актуализации собственных качеств и перестройки личности. Эмпирические данные показывают, что сотрудники МЧС не демонстрируют снижения ресурсов личности и степени осмысленности жизни, поскольку вовлечение в экстремальную ситуацию является их жизненным и профессиональным выбором, а мобилизация их жизненных ресурсов связана с усилением восприятия своей жизни и своих действий как осмысленных (Яремчук С.В., Колдунова В.С., 2014).

Цель исследования провести сравнительный анализ показателей психологического благополучия курсантов с различным опытом ликвидации последствий ЧС.

Выборка составила 146 курсантов факультета пожарной безопасности СПб УГПС МЧС России (средний возраст $20,4 \pm 0,5$ г.), из них 45 – без опыта ликвидации последствий ЧС, 51 – однократный опыт, 50 – двукратный опыт ликвидации последствий наводнений (ЧС федеральная).

Использовалась методика «Шкала психологического благополучия», разработанная К. Райфф, адаптированная Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко.

При сравнении средних показателей методом t-критерия Стьюдента статистически значимых различий в группе не участвовавших и участвовавших один раз не обнаружено ($t_{\text{Эмп}} = 0,8$). Результат сравнения показателей групп участников ликвидации последствий ЧС ($t_{\text{Эмп}} = 2,3$, $p \leq 0,05$) и группы не участвовавших и участвовавших дважды ($t_{\text{Эмп}} = 3,4$, $p \leq 0,01$), что указывает на увеличение расхождений в соответствии с опытом участия. Исследование показало увеличение средних показателей в группе с двукратным участием в ликвидации последствий ЧС по шкалам психологического благополучия «Автономия», «Управление средой», «Самопринятие», «Общий балл субъективного благополучия». Статистически значимые различия по шкале «Управление средой» обнаружены во всех группах, наибольшая достоверность различий между показателями группы не участвовавших и участвовавших дважды (уровень значимости при $p \leq 0,01$). Курсанты, участвовавшие в помощи другим людям, выполняли социально-значимые задачи, что отразилось на усилении у будущих специалистов экстремального профиля активности в управлении ситуацией, способности эффективно использовать жизненные обстоятельства. Наибольшее количество расхождений обнаружено между показателями групп не участвовавших и участвовавших дважды. В данных группах обнаруживаются статистически значимые различия по общему баллу субъективного благополучия, что говорит о том, что мобилизация жизненных ресурсов в связи с вовлечением в экстремальную ситуацию связана с осознанием профессионального выбора и осознания себя как профессионала. Ресурс конкретизируется в показателях шкал, получающих наибольшее расхождение с группой не участвовавших в ЧС: «положительные отношения», «управление средой», «самопринятие». Более высокие показатели у группы участвовавших дважды в ЧС указывают на позитивную самооценку, уверенность в себе и позитивной оценке собственной способности приобретать и поддерживать контакт с окружающими.

Таким образом, сравнительный анализ показателей психологического благополучия курсантов с различным опытом ликвидации последствий ЧС показал, что у курсантов с двукратным опытом ликвидации последствий ЧС знание и принятия себя и своего опыта, осознанность контроля над ситуацией, доверительные, близкие отношения с другими людьми, способность проявлять и принимать заботу составляют значимый компонент психологического благополучия.

Крюкова Т.Л., Хохлова Ю.А.

**КОГНИТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ В ОЦЕНКЕ СОСТОЯНИЯ
СОБСТВЕННОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ***

Изменения в поведении и самоощущениях при переменах зависят от двух факторов, отмечают авторы (Taylor, 2016; Webb, T.L. и Sheeran, P., 2006): намерения и способности меняться / менять ситуацию. Анализ современных исследований, а именно, Ш. Тейлор в теории когнитивной адаптации утверждает, что есть только три стратегии наилучшей активности при жизненных переменах: поиск смысла, попытка вновь обрести чувство управления жизнью, контроля над ней; воссоздание самоуважения и других компонентов гармоничного самоотношения. Установлено, что намерение измениться - самый большой предиктор изменений. Если добавить к этому позитивное отношение к изменениям (видим ли мы изменения как благоприятные или неблагоприятные?), предвидит ли субъект хороший результат, способен ли противостоять социальному давлению для изменений/или не изменений, то конечный результат перемен как благоприятный более вероятен. Начата проверка гипотезы о том, что сила намерения меняться в сочетании с последовательностью поведения и быстротой реальных перемен (непродолжительный промежуток времени между намерением и действием), вероятно, возможны лишь при снижении когнитивных искажений; либо они снижают ошибки мышления за счет приобретения нового опыта. Высокий уровень когнитивных искажений не способствует успешной когнитивной перестройке и затрудняет продуктивное совпадение с переменами.

Проблема когнитивных искажений в оценке субъективного благополучия неблагополучия практически не изучена. Людивольно или невольно способны искажать оценку своего собственного благополучия под влиянием многих факторов, субъективных и объективных. К субъективным факторам можно отнести такие, как уровень самооценки, самоэффективности, наличие оптимистических или пессимистических жизненных ориентаций, удовлетворенность жизнью, параметры самоотношения, характер воздействия жизненного опыта на личность человека, стереотипы. К объективным факторам мы отнесим реальные события жизненного пути и их оценку субъектом.

Нельзя не считаться с выделяемыми причинами возникновения когнитивных искажений. Во-первых, это влияние социальных стереотипов, установок, норм, которым подвергается любой человек, взаимодействуя с социумом. Во-вторых, это личностные особенности индивида. Так, низкая самооценка может способствовать возникновению такого вида когнитивных искажений, как «исключение хорошего» или «катастрофизацию». В-третьих, моральные и эмоциональные факторы. Еще одной причиной появления когнитивных искажений могут быть ограниченные возможности сознания / интеллекта человека относительно процессов обработки информации. Также человек не контролирует все свои мысли, часть из них связаны с работой бессознательного, не привязаны к определенному предмету или ситуации. В эмпирическом исследовании проверялась сопряженная гипотеза: Оценка человеком собственного благополучия и неблагополучия, как и Я – концепция, в целом, нередко находится под влиянием его когнитивных искажений (ошибок мышления, стереотипов). Выборка: 101 человек в возрасте от 20 до 60 лет. Среди психодиагностических методов: Шкала когнитивных искажений (*Cognitive Distortions Scale - CDS*, Covin, R., Dozois, D.J.A., Ogniewicz, A. и Seeds, 2011) (адаптируется); Обзор жизненного опыта: оценка влияния изменений в жизни (*Life Experiences Survey - LES*, Sarason, I.G., Johnson, J.H., и Siegel, J.M., 1978) (апробация авторов, 2018).

Мы также предполагаем, что чем больше перемен происходит в жизни человека, как позитивных, так и негативных, тем менее благополучным он себя считает. Оказалось, что

когнитивные искажения или ошибки мышления, особенно в межличностных отношениях, чаще встречаются у женщин, т.к. они более эмоционально реагируют на жизненные события, нежели мужчины ($p < 0,002$). Тип ошибочного мышления связан с уровнем самооценки: люди с низкой самооценкой чаще склонны использовать такие типы ошибочного мышления как «Катастрофизация» и «Исключение хорошего». При оценке качества жизни и удовлетворенности в пределах нормы, собственное благополучие или неблагополучие оценивается выше, чем за пределами нормы. Частота встречаемости когнитивных искажений собственного благополучия связана и зависит от уровня оптимизма и самоэффективности субъекта. Чем выше уровень оптимизма и самоэффективности, тем реже люди склонны когнитивно исказить оценку своей жизни.

Таким образом, оказалось, что оценка состояния собственного благополучия человеком при жизненных переменах оказалась тесно сопряжена с когнитивными способностями адекватно (без искажений) воспринимать жизненные перемены.

**Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-013-01005А.*

Лепехин Н.Н., Абдина М. А.

МОТИВАЦИОННЫЕ ПРЕДИКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПЕРСОНАЛА МЕДИЦИНСКОЙ КЛИНИКИ

Современные исследователи обращают внимание на многоаспектность психологического благополучия (Diener, 2009), которое, в частности, зависит от характера активности субъекта (Umphrey, Sherblom, 2014), индивидуальных характеристик (Steel и др., 2008), а также внешних факторов: социального контекста (Helliwell, Putnam, 2007), организационного контекста (Robinson, 2010), характера работы (Dall'Ora и др., 2016; Gorman-Murray, Bissell, 2018). Много работ посвящено факторам благополучия медицинского персонала: стилю руководства, условиям работы, отношениям в группе и др. (Cumplings, 2018). Психологическое благополучие врачей критически зависит не только от стрессов на рабочем месте, организации работы и менеджмента, но также от индивидуальных диспозиций и аттитудов (Wallace и др., 2009). Одним из предикторов психологического благополучия является внутренняя мотивация (SDT), при этом сотрудники, занимающие более высокие позиции в организации обладают более высоким уровнем внутренней мотивации (Осин и др., 2013).

В исследовании проверялась гипотеза о взаимосвязи внутренней мотивации, а также удовлетворенности условиями работы и уровня психологического благополучия медицинского персонала.

Выборка: 125 врачей, 39 руководителей, 34 медсестер и 82 администраторов из трех медицинских клиник.

Методы: шкала психологического благополучия Рифф, адапт. Жуковой; шкала удовлетворения общих базовых потребностей, шкала удовлетворение базовых потребностей на работе, Deci, Ryan, адапт. Дергачевой; опросник удовлетворённости работой, каф. эрг. и инж. псих. СПбГУ.

Результаты. Обнаружилась взаимосвязь уровня психологического благополучия с показателями удовлетворения общих базовых потребности в автономии ($r = 0,58^{**}$), потребности в отношениях ($r = 0,59^{**}$), а также показателями удовлетворения базовых потребностей на работе: в автономии ($r = 0,26^{**}$), компетентности ($r = 0,41^{**}$), в отношениях ($r = 0,29^{**}$), (где $** - p < 0,01$). Дисперсионный анализ выявил влияние фактора должностной позиции на степень удовлетворения базовых потребностей: удовлетворение потребности в компетенции на работе

– $p=0,000$, наибольшие различия по данному показателю обнаружались между руководителями и врачами – $p=0,003$, и между руководителями и администраторами – $p=0,001$. Выявлено влияние фактора должностной позиции на уровень психологического благополучия – $p=0,05$. Обнаружена взаимосвязь психологического благополучия и показателей удовлетворенности работой: общий показатель удовлетворенности работой – ,22**, нововведения – ,29**, условия труда ,19**, стабильность – ,18**, карьерный рост – ,18**, ежедневный менеджмент – ,17**, коммуникации – ,13*, оплата труда и поощрения – ,14* (где ** – $p=0,01$, * – $p=0,05$). Дисперсионный анализ выявил влияние фактора должностной позиции на удовлетворенность работой по показателям: условия труда; карьерный рост ($p=0,000$); коммуникации; нововведения ($p=0,01$); и в целом на общую удовлетворенность работой ($p=0,000$). Наибольшие различия обнаружались между руководителями и врачами по показателю удовлетворенности нововведениями ($p=0,001$) и по показателю удовлетворенности карьерным ростом ($p=0,004$); по показателю оплаты труда и поощрения между администраторами и врачами ($p=0,004$) и администраторами и руководителями ($p=0,001$). Определение предикторов психологического благополучия с помощью пошагового метода регрессионный анализа $R = 0,659$, $R^2=435$ выявило следующие предикторы: общая потребность в отношениях – $\beta = 0,406$, общая потребность в автономии – $\beta = 0,304$, для обоих $p=0,000$; потребность в компетентности на работе – $\beta = 0,166$, $p=0,002$. В тоже время статистически значимого влияния предикторов, связанных с удовлетворенностью работой не обнаружено.

Можно сделать вывод о решающем вкладе внутренней мотивации в отношении уровня психологического благополучия персонала медицинских клиник.

Манукян В.Р.

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЧНОСТИ: ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

В настоящее время исследования позитивного функционирования человека ведутся в русле сближения эвдемонистического и гедонистического подходов. Значительное количество теоретических разработок подводит исследователей к созданию интегративных конструктов внутреннего благополучия; во многих из них подчеркивается важная роль эмоций и ощущения счастья, наряду с осмысленностью жизни и направленностью на саморазвитие (Cohn, Fredrickson, et al., 2009; Ryff, et al., 2008; Батурин и др. 2013; Воронина, 2005 и др.).

Обсуждаемый нами конструкт психоэмоционального благополучия (Трошихина, Манукян, 2017) позволяет наиболее полно охарактеризовать внутреннее благополучие человека через рассмотрение его различных компонентов: личностных (или психологических, по модели С. Ryff), когнитивных (различные показатели удовлетворенности жизнью), аффективных (устойчивые эмоциональные состояния, баланс аффекта) и, следовательно, подойти к пониманию благополучия с позиций целостности, с учетом всей сложности и противоречивости внутреннего мира.

Целью данного исследования явилось изучение дифференциально-психологических аспектов психоэмоционального благополучия личности: его зависимости от факторов пола, возраста и образования. В исследовании приняли участие 160 человек в возрасте 18-55 лет (ср. возраст 32,6), 99 женщин и 61 мужчин, с различным уровнем образования, материального положения, профессионального и семейного статуса.

Параметры психоэмоционального благополучия изучались с помощью комплекса методик: для оценки удовлетворенности использовались Шкала удовлетворенности жизнью

Е. Динера в адаптации Е. Н. Осина, Д. А. Леонтьева, субтест «Удовлетворенность условиями жизни» экспресс-диагностики уровня психоэмоционального напряжения и его источников О.С. Копиной. Для изучения эмоциональных характеристик использовались: методика «Оценка психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности» (Н.А. Курганский, Т.А. Немчин), Интегративный тест тревожности (А.П. Бизюк, Л.И. Вассерман, Б. В. Иовлев) и шкала счастья М. Фордиса. Эвдемонические характеристики психологического благополучия изучались с помощью Шкалы К. Рифф в адаптации Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной, шкалы личностного роста опросника «Индекс стремлений» Э. Деси, Р. Райана в адаптации Ю. А. Котельниковой и шкалы «Ценность саморазвития» морфологического теста жизненных ценностей (В. Ф. Сопов, Л. В. Карпушина).

Изучение половых различий (Т-критерий Стьюдента) показало, что женщины значительно больше напряжены и тревожны, вместе с тем, они больше направлены на саморазвитие, что отразилось в значимых различиях по всем шкалам, измеряющим данный аспект (шкала Личностного роста Рифф, Шкала Деси-Райана, шкала Сопова-Карпушиной; $0,000 < p < 0,025$). Результаты позволяют предположить, что психоэмоциональное благополучие женщин по сравнению с мужчинами имеет более эвдемонистический характер. Корреляционный анализ позволил изучить сопряженность компонентов психоэмоционального благополучия с возрастом. Так, оказалось, что с возрастом снижается общая тревожность, уменьшается процент времени переживания несчастья, увеличивается тенденция к переживанию интереса как устойчивого эмоционального состояния, растет чувство компетентности и способности формировать позитивные отношения ($p=0,01$). Вместе с тем, снижается ощущение личностного роста, уменьшается зазор между важностью саморазвития и оценкой достижений в этой сфере ($p=0,01$). Это позволяет заключить, что психоэмоциональное благополучие с возрастом приобретает более гедонистический характер.

С ростом уровня образования, с одной стороны увеличивается переживание личностного роста ($p=0,01$) и интерес к саморазвитию, а с другой – повышается удовлетворенность жизнью в целом ($p=0,05$), что подтверждается и регрессионным анализом. Таким образом, образование является фактором, влияющим в равной мере на гедонистические и эвдемонистические аспекты благополучия.

**Исследование выполняется при поддержке гранта РФФИ, проект №16-06-00307-ОГН.*

Пушкина А.В.

СПЕЦИФИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У ЛЮДЕЙ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ПРОКРАСТИНАЦИИ

Прокрастинация рассматривается как откладывание «на потом» намеченных дел или принятия решений. В последнее время прокрастинацию считают болезнью общества, т. к. сильно увеличивается рост людей с высоким уровнем прокрастинации. Фьорре считает тревожность и страхи важнейшими характеристиками, провоцирующими прокрастинацию. Ковылин В.С. получил данные о связи прокрастинации с заниженной самооценкой, неуверенностью к себе, опытом прошлых неудач, что может вызвать тревогу и страх в выполнении данной работы, особенно если результаты будут оцениваться. Шемякина О.О. считает, что прокрастинация является защитной реакцией на различного рода страхи: страх неудачи, страх оценки, страх потери контроля над ситуацией, страх перед успехом. Откладывание важных дел способствует реакции избегания. В таком случае проблема не решается, человек ее игнорирует, наблюдаются такие негативные последствия как снижение адаптации, повышается

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

тревожность и депрессивность, формируется не конструктивное поведение. Психологическое благополучие включает в себя состояние субъективного переживания человека, ощущение счастья, общей удовлетворенности и осмысленности жизнью. Поэтому мы решили исследовать взаимосвязь между прокрастинацией и психологическим благополучием.

Психодиагностический комплекс включал: шкалу общей прокрастинации Б. Тукмана, шкалу субъективного благополучия, факторы благополучия Рифф, Оксфордский опросник счастья.

Эмпирическая база исследования: 43 человека, мужчины и женщины, жители Новосибирска, работающие в различных сферах. Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью метода ранговой корреляции Спирмена. Для обработки использовалась программа STATISTIKA 8.0.

Результаты исследования: получена отрицательная значимая связь между шкалой прокрастинации Б. Тукмана и шкалой «Психологическое благополучие» Рифф ($R=-0,53$, $p=0,000$), обратные корреляции между шкалой Тукмана и шкалой «Автономия» ($R=-0,62$, $p=0,000$) Рифф и шкалой «Субъективное благополучие» ($R=-0,41$, $p=0,007$). Обратная связь с Оксфордским опросником счастья ($R=-0,71$, $p=0,000$). Следовательно, чем выше уровень прокрастинации, тем ниже позитивные отношения с другими, позитивная оценка себя, способность следовать своим собственным убеждениям, способность эффективно управлять своей жизнью и самореализация. Тем в большей степени зависимость от оценки и мнения окружающих в принятии важных решений, тем ниже уровень удовлетворения своих потребностей, негативное оценивание себя и в своих действий. Тем меньше перспектив и осмысленность жизни. Тем выше уровень депрессии. Тем ниже способность устанавливать и поддерживать дружеские отношения, тем хуже психическое и физическое состояние. Тем меньше удовлетворенность браком и выше конфликтность в браке и экспрессивность. Менее выражена способность передавать субъективное отношение говорящего к его содержанию.

Рыкман Л.В., Депцова М.В.

СИСТЕМА ЖИЗНЕННЫХ СМЫСЛОВ И ОСОБЕННОСТИ

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У СТУДЕНТОВ

МЕДИЦИНСКИХ КОЛЛЕДЖЕЙ*

В психологии проблема смысла жизни фигурирует в трудах многих ученых (К.Г. Юнг, А. Адлер, С.Л. Рубинштейн, В. Франкл, Д.А. Леонтьев и др.). Многие отечественные авторы (К.А. Абульханова-Славская, В.Н. Дружинин, Э.Ф. Зеер, Н.С. Пряжников и др.) убеждены в том, что высокий уровень развития духовных ценностей, наличие смысла жизни является показателем гармонично развитой, благополучной личности. Однако ощущается недостаток исследований связи смысла жизни и позитивных аспектов функционирования личности.

Целью исследования является изучение системы жизненных смыслов в связи с особенностями психоэмоционального благополучия в период юношества.

В исследовании приняли участие 49 человек. Использованы методики: изучение привычных состояний Немчина-Курганского, шкала удовлетворенности жизнью (УЖ) Динера, методика «Удовлетворенность различными сферами жизни», модификация Дембо-Рубинштейн, методика исследования СЖС Котлякова, шкала психологического благополучия Рифф.

Исследование УЖ респондентов позволило разделить их на три группы, взяв за основу нормативные данные методики Динера: 1 - с УЖ ниже среднего, 2 - со средней УЖ, 3 - с УЖ выше среднего. Были применены однофакторный дисперсионный и корреляционный анализы.

Исследование показало, что психическая активность, комфорт, интерес, эмоциональный тонус существенно выше в группах со средним и высоким уровнем удовлетворенности жизнью по сравнению с группой, неудовлетворенных жизнью в целом ($p=0,05$). При этом в группе с высоким уровнем УЖ степень интереса, эмоционального тонуса и комфорта у этой группы средняя, а по показателю психическая активация – низкая. Группа 2 (средняя УЖ) демонстрирует аналогичную степень выраженности всех показателей, хотя значения по всем шкалам существенно ниже ($p=0,05$). Минимальные же показатели по всем шкалам со статистически значимым различием наблюдаются у группы с высоким УЖ. Это говорит о высокой степени интереса, эмоционального тонуса и комфортности. На основе этих данных можно говорить о преобладании доминирующего позитивного состояния у студентов с высокой и средней степенью УЖ. Студенты с высоким и со средним уровнем УЖ в большей степени удовлетворены общением со сверстниками, своей семьей, положением в обществе и своими перспективами, чем другими сферами жизни. Группа с низким УЖ удовлетворена более прозрачными сферами: питанием, общением и школой. В группе с высоким уровнем УЖ существенно выше оценивается удовлетворенность семьей, отдыхом, материальное благополучие, романтическими отношениями и хобби. Все студенты по показателям психологического благополучия ощущают свой личностный рост и умение выстраивать позитивные отношения со сверстниками. Однако у студентов с высоким уровнем УЖ значимо выше показатели по всем школам психологического благополучия, по сравнению со студентами с низким уровнем УЖ. Таким образом, интегральный показатель благополучия существенно выше у тех, кто удовлетворен жизнью ($p=0,05$). Изучение системы жизненных смыслов показало, что в группе с низким уровнем УЖ преобладают экзистенциальные смыслы жизни, то есть потребности придавать ценность самому проживанию жизни, иметь свободу выбора, а с высоким УЖ студенты находят смыслы в самореализации, нахождении своего предназначения, реализации способностей, в семье, желании заботиться о членах семьи.

Для всех респондентов наиболее системообразующими являются коммуникативный и экзистенциальный смыслы. Потребность в общении, в ощущении своей нужности, причастности к жизни других людей прямо связано с наличием жизненных целей и ощущением компетентности, а также удовлетворенностью материальными благами ($p=0,01$). Ценность самого проживания жизни, экзистенциальный смысл прямо связан с удовлетворенностью общением, и при этом обратно связан с ощущением личностного роста и автономии. Т.е., кто наслаждается жизнью, имеют гедонистический смысл жизни и высокий уровень удовлетворенности своими занятиями, хобби ($p=0,05$).

**Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект №16-06-00307-ОГН.*

Сапоровская М.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ В ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЬЯХ*

Психологическое благополучие личности – проблема современности, которая обретает широкий общественный резонанс. Один из тревожных эффектов происходящих экономических, политических, социальных процессов – постоянный рост числа неполных семей. Актуальность обретает необходимость осмысления феномена и эмпирического изучения психологического благополучия взрослых и детей в полных и неполных семьях.

Цель - изучение особенностей компонентов психологического благополучия членов полных и неполных семей.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Выборка: 40 полных с супружеской диадой (возраст от 40 до 55 лет) и 40 неполных семей с одним ребенком (возраст детей в эмпирических группах от 18 до 25 лет).

Методы: «Шкала психологического благополучия» (К. Рифф, адаптация Н.Н. Лепешинского); «Шкала субъективного благополучия» (А. Перуз-Баду, адаптация М.В. Соколовой); «Семейно-обусловленное состояние» (Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис); «Включенность Другого в собственную Я-концепцию» (Арон, Смоллан, адаптация Т. Л. Крюкова и Д.Н. Захарченко).

Основные результаты. По интегративному уровневому показателю психологического благополучия (ПБ) значимых различий между испытуемыми из полных и неполных семей нет, но в компонентах благополучия существуют значимые различия. Взрослые дети из полной семьи демонстрируют большую (при $p=0.001$), чем взрослые дети из неполных семей, удовлетворенность отношениями с другими людьми, способность сопереживать и заботиться об окружающих, способность к контролю внешней деятельности, постановку, планирование и реализацию целей в жизни. Взрослые дети из неполных семей демонстрируют большую самостоятельность, независимость в сочетании с повышенной социальной тревогой (при $p=0.04$). Психологическое благополучие и индекс субъективного благополучия у матерей из полных семей значимо выше, чем у матерей из неполных семей (при $p=0.001$). Отсутствие супруга, взросление ребенка, его сепарация от матери – значимые факторы переживания одиночества, «ненужности», утраты смысла жизни у женщин, усиления страха потери значимых людей. Они более неудовлетворены качеством своей жизни, эмоциональным, физическим и психологическим состоянием. Показали психологического благополучия у супругов значимых различий не имеют (они находятся в зоне средних значений). Однако, женщинам в супружеских парах свойственны большая напряженность в профессиональной сфере, переживания о собственном здоровье, семейная тревожность. Выявлены корреляционные связи между психологическим благополучием мужа и компонентами психологического благополучия жены. Ориентация жены на свой личностный рост связана с низкими показателями нервно-психического напряжения у мужа, его общим позитивным эмоциональным состоянием. Однако та же переменная связана с низким показателем общего благополучия у мужей. Данные результаты могут говорить о наличии конкуренции между супругами за возможность реализации собственного потенциала в жизни. Включенность мужа в Я – концепцию жены сопряжена с категориями «Личностный рост» и «Цели в жизни». Чем меньше личного психологического пространства (большая включенность мужа), тем меньше переживание собственной реализованности, целенаправленности и контроля. Чем более жена ориентирована на поиск социальной поддержки вне супружеской семьи (друзья, родственники), тем, по оценке мужей, хуже качество супружеских отношений.

Важный результат – наличие корреляционных связей между высокими показателями по шкалам «Личностный рост» и «Цели в жизни» у отцов и низкими показателями по шкале «Автономия» у взрослых детей. Чем более отцы ориентированы на реализацию собственного потенциала и достижение успеха в жизни, тем меньше самостоятельности и независимости они позволяют своим детям.

Результаты данного исследования имеют значение не только с позиции описания актуальных процессов и благополучия людей в семейном контексте, они позволяют нам осмыслить систему индикаторов психологического благополучия семья как группового субъекта, что является важнейшей задачей исследований в этой предметной области

**Исследование проводится при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-013-01001.*

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ЛИЧНОСТЬ В СИТУАЦИИ БОЛЕЗНИ: РАЗВИТИЕ ИДЕЙ В.Н. МЯСИЩЕВА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Александрова О.В.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ ВЗРОСЛЫХ В СИТУАЦИИ ТЯЖЕЛОЙ БОЛЕЗНИ РЕБЕНКА*

Душевные страдания возникают не сами по себе, они связаны с определенной трудной жизненной ситуацией (ТЖС). Таким тяжелым потрясением может выступать болезнь ребенка с неясным прогнозом для его жизни. Когда человек формирует более осознанные отношения с собственной жизнью и миром, это в определенной степени позволяет управлять собственной жизнью, запуская тем самым конструктивный механизм психической адаптации к сложившейся ситуации. Экзистенциальные установки можно определить, как своеобразные модели понимания мира, определяющие поведение человека на пути к пониманию жизни как задачи (цели, проекта). Компонентом установок является представление о будущем.

Гипотеза: в тяжелой жизненной ситуации, связанной с тяжелой болезнью ребенка, экзистенциальные доминанты, образующие симптомокомплексы переживания сложившейся ситуации (экзистенциальные установки), будут соотноситься с субъективной оценкой текущей ситуации и копинг-поведением взрослых родственников болеющего ребенка.

Выборка: 132 человека – матери (80,3%) и другие близкие родственники детей тяжелыми заболеваниями (19,7%) в возрасте от 20 до 60 лет. Возраст детей от 3 месяцев до 18 лет; длительность заболевания в среднем составила 2,5 года (не терминальные состояния).

Методики. 1) Модифицированная методика «Незаконченные предложения» (Сакс, Леви). В ходе контент-анализа были выделены мотивационные компоненты общей экзистенциальной установки: направленность на себя - позиция «Я» (*надеюсь на себя и др.*); направленность во вне - «Окружающий мир» (*я опасюсь злых людей и др.*); акцент на болеющем ребенке и его болезни - «Болеющий ребенок. Болезнь» (*надеюсь на выздоровление сына и др.*). Эмоциональные компоненты: негативный (*боюсь смерти и др.*); позитивный (*будущее будет светлым и др.*), неопределенный (*жизнь кажется непредсказуемой и др.*).

2) Авторская методика «Семантический дифференциал жизненных ситуаций» («СДЖС») (Александрова, Дерманова, 2016).

3) Методика копинг-стратегий Лазаруса (адапт. Л.И. Вассермана).

Результаты. В результате корреляционного анализа были обнаружены связи между мотивационными детерминантами и копинг-поведением, а также между эмоциональными компонентами установок и субъективной оценкой ситуации. Мотивационная доминанта «Болеющий ребенок. Болезнь» соотносится с копинг-стратегией «Бегство-избегание» ($r=0,481$; $p\leq 0,01$). Концентрация на состоянии ребенка и на переживаниях, связанных с его болезнью, сопровождается поведением по принципу отрицания, неоправданных ожиданий. Доминанта «Окружающий мир» соотносится с копинг-стратегией «Конфронтация» ($r=0,688$; $p\leq 0,05$) – попытках совладать с ситуацией за счет не всегда целенаправленной поведенческой актив-

ности. Усиление позиции «Я» образует отрицательную связь с копингом «Дистанцирование» ($r=-0,303$; $p\leq 0,05$), свидетельствуя об увеличении вовлеченности в ситуацию, снижении таких защитных механизмов, как рационализация, отстранение и т.п. Негативный характер экзистенциальных переживаний соотносится с пессимистической оценкой ситуации (фактор «Пессимизм-Позитивная энергия», $r=-0,486$; $p\leq 0,05$) и сопровождается снижением значимости ситуации (фактор «Включенность в ситуацию и ее значимость», $r=-0,499$; $p\leq 0,05$). Последнее можно рассматривать как способ защиты психики от разрушающего воздействия ситуации. Непредставленность позитивных эмоциональных переживаний связана с оценкой ситуации как безнадежной, неопределенной (фактор «Безысходная неопределенность-Обнадеживающая определенность», $r=-0,273$; $p\leq 0,05$). Наиболее позитивное эмоциональное состояние сохраняется при актуализации доминанты «Окружающий мир», сопровождающейся оценкой ситуации как разрешимой (фактор «Установка на разрешимость ситуации», $r=0,732$; $p\leq 0,05$), менее стрессогенной (фактор «Стрессогенность-Комфортность», $r=0,668$; $p\leq 0,05$). То есть «Экзистенциальные доминанты «Я» и «Болеющий ребенок. Болезнь» образуют негативные симптомокомплексы с копинг-поведением и переживанием ситуации. Более адаптивной является установка на «Окружающий мир», которая до определенной степени оказывает поддерживающее влияние на психику человека в ТЖС.

**Работа выполнена при поддержке РГНФ 16-06-00307а.*

Анушкина А.Ю.

ИСКАЖЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА

Профессиональная деятельность врача в настоящее время не ограничивается знанием симптомов болезней и дозировок лекарств. Важную роль в повышении качества лечения играет коммуникативный процесс во взаимодействии врача и пациента. Терапевтическая функция такого общения заключается в благоприятном влиянии на психическое состояние больного при сообщении ему информации о его состоянии, снятии страха перед заболеванием и его лечением, вселении уверенности в улучшение самочувствия (Урванцев, 2015). Трудности, возникающие в процессе общения, могут вызывать разного рода психологические проблемы, как у пациента, так и у врача. Одним из барьеров в общении, который может привести к снижению эффективности лечения, является момент искажения информации.

Со стороны врача искажение информации в общении в пациентом может проявляться в следующем:

1) «*Эффект плацебо*» – искажение информации об инертном биологическом веществе ради позитивного воздействия на пациента. На эффект плацебо могут влиять различные факторы, такие как вкус, цвет и размер таблеток, выступающих в роли плацебо, интонация, с которой врач дает рекомендации, сам внешний вид врача, стоимость рекомендуемого лечения и другие факторы (Хайлов, 2012). Данный эффект при общении применим не всегда, например, в реанимационных отделениях или отделениях с «острыми» пациентами.

2) *Профессиональные личностные защиты* (непризнание собственных врачебных ошибок). Врачебные ошибки можно разделить на два вида: происшедшие по вине врача и те, в которых врач не виноват. Ошибки, произошедшие по вине врача, бывают обусловлены безответственностью врача в работе и недостатками в его самообразовании. Ошибки, в появлении которых врач не виноват, возникают вследствие уровня развития медицины в настоящее время и вследствие того, что некоторые заболевания атипичны, как по своей симптоматике, так и по своему течению. (Конечный, Боухал, 1983);

3) *Скрытие важной для пациента информации, чтобы не травмировать его.* Данный пример искажения информации распространен в практике врачей-онкологов и является довольно спорным. С одной стороны, пациент должен знать результаты обследования, диагноз, прогноз. С другой стороны, к примеру, в США, существует практика определения границ сообщения информации – среди врачей принято спрашивать у пациентов, что именно пациент хочет знать, а что – нет. В некоторых случаях, пациенты сами оставляют запрос на сокрытие информации и просят врачей самих принимать решение об их информировании (Drane, Reich, 2002). В российских реалиях как такового «кодекса правдивости» не существует и ответственность о сообщении информации лежит полностью на враче.

4) *Манипуляция пациентами с целью финансовой выгоды.* Врачи, имея контракт с какой-либо фармацевтической фирмой, убеждают пациента в том, что им поможет конкретный препарат (зачастую дороже аналогов). В случае обнаружения искажения информации со стороны врача, пациент может испытывать определенные психологические трудности – неловкость, гнев, разочарование, ощущение предательства. Так же это может вызвать утрату доверия к сфере здравоохранения в целом.

Таким образом, проблема искажения информации в общении врача и больного заслуживает внимания и предполагает дальнейшие психологические исследования с целью оптимизации профессионального коммуникативного процесса.

Березина А.А., Гвоздецкий А.Н., Климанова С.Г., Трусова А.В.

СООТНОШЕНИЕ «ЭЛЕМЕНТАРНЫХ» И «КОМПЛЕКСНЫХ» ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ПРИ ЗАВИСИМОСТИ ОТ АЛКОГОЛЯ*

По мнению современных исследователей, пациентов с алкогольной зависимостью (АЗ) характеризует повышенная импульсивность и ряд нарушений исполнительных функций (ИФ). Нарушения ИФ рассматриваются и в качестве предпосылки формирования АЗ, и в качестве значимой характеристики когнитивного функционирования при этом заболевании (Day et al., 2015). Однако данные о нарушении различных ИФ при алкогольной зависимости неоднозначны (Wilcox et al., 2014, Smeraldi et al. 2015). Одной из причин имеющихся противоречий выступает тот факт, что в понятие исполнительных функций включают когнитивные параметры, связанные с целенаправленным поведением, соотношение которых до конца не прояснено (Miyake et al., 2000).

Целью данной работы выступает теоретическое рассмотрение и систематизация результатов тестов ИФ при зависимости от алкоголя.

В качестве теоретической основы нами была взята концепция Мияке и коллег (Miyake et al., 2000), согласно которой существует иерархическое разделение «комплексных» и «элементарных» исполнительных функций. «Элементарные» функции включают торможение ответа, рабочую память, переключение между задачами и обеспечивают выполнение тестов «комплексных» исполнительных функций.

Задачи работы: проанализировать паттерн нарушения «элементарных» исполнительных функций, характерный для лиц с алкогольной зависимостью; проанализировать соотношение между «элементарными» и «комплексными» исполнительными функциями при алкогольной зависимости.

Выборку исследования составили 75 человек с синдромом зависимости от алкоголя (F10.25, F10.26), проходящих стационарное лечение в Национальном медицинском исследовательском центре психиатрии и неврологии им. Бехтерева, 21 женщина (28%). Средний возраст – 42 года ($\sigma=8,6$).

Методы. Использовалась краткая батарея оценки когнитивных функций при аффективных расстройствах (ВАС-А): для измерения «элементарных» исполнительных функций: субтест «последовательность цифр» (функция «рабочая память»; $M=17$ ($\sigma=3,7$), субтест Струпа (функция «переключение между задачами»; нейтральный – $M=31$ ($\sigma=8,4$); эмоциональный – $M=31$ ($\sigma=9,6$); для оценки «комплексных» функций: тесты вербальной беглости (ВБ) ($M=54$ ($\sigma=13,0$)) и «Башня Лондона» (БЛ) ($M=14$ ($\sigma=4,2$)). Также для измерения «элементарных» ИФ применялся тест длительного поддержания зрительного внимания, версия идентичные пары цифр (СРТ-IP, функция торможения ответа ($M=2,1$ ($\sigma=0,71$))).

Результаты. Для выявления паттерна «элементарных» ИФ пациентов с АЗ был проведен анализ главных компонент по «элементарным» ИФ. Выбранный вариант, объясняющий наибольший процент дисперсии (81,66%), включил только «торможение ответа» и «рабочую память», данная компонента статистически значимо разделила составные переменные на две группы по уровню значений ($p\leq 0,001$). При анализе межгрупповых различий по БЛ с использованием критерия W-Вилкокса были получены значимые различия ($p=0,044$) между группой с низким (значение БЛ $M=13$ ($\sigma=3,8$)) и высоким уровнем (значение БЛ $M=15$ ($\sigma=4,8$)). С использованием критерия t-Стьюдента такая же закономерность была обнаружена по ВБ ($p\leq 0,001$), в группе с низким и высоким уровнем компоненты значения средних по ВБ $M=48$ ($\sigma=11,0$) и $M=60$ ($\sigma=13$) соответственно.

Обсуждение. Полученные данные подтверждают, что специфика когнитивного функционирования при АЗ характеризуется повышенной импульсивностью и низкими показателями рабочей памяти, а также соответствуют точке зрения некоторых современных исследователей, согласно которой употребление алкоголя при сформированной зависимости рассматривается как рефлекторное, когда поведение индивидуума в ответ на алкогольные стимулы является в большей степени автоматическим, нежели подверженным процессам саморегуляции (Wilcox et al., 2014, 2015). Предположение Мяке и коллег о вкладе «элементарных» ИФ в «комплексные» лишь отчасти подтверждается в исследуемой группе.

Полученные данные могут указывать на наличие иерархичности исполнительных функций и на специфическое устройство «элементарных» исполнительных функций у лиц с алкогольной зависимостью.

Таким образом, требуется дополнительное изучение особенностей исполнительных функций при алкогольной зависимости, что позволит улучшить качество взаимодействия с пациентами и программы когнитивной реабилитации.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ/ОГОН, проект №16-06-01043.*

Бочаров В.В., Шишкова А.М.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КЛИНИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ БОЛЬНЫХ АДДИКТИВНЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ С СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ И ПОКАЗАТЕЛЯМИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ИХ МАТЕРЕЙ*

Выраженная прогредиентность, частые рецидивы, низкая эффективность лечения и тяжелые последствия для соматического, психического и социального функционирования, характерные для клиник опиоидной зависимости и алкоголизма могут становиться непосильным «бременем» для родственников, опекающих таких больных. Истощение ресурсов и фрустрация, связанная с неэффективностью собственных действий, направленных на борьбу с болезнью могут приводить к эмоциональному выгоранию родственников больных, страдающих аддикцией.

Целью настоящего исследования являлось изучение взаимосвязи клинических параметров больных аддитивными расстройствам с социально-демографическими характеристиками и показателями эмоционального выгорания их матерей.

В исследовании приняли участие 35 матерей пациентов с опиоидной зависимостью и 26 матерей больных алкоголизмом. Группы не различались по основным социально-демографическим показателям: возраст матерей (средний возраст - 61,15; SD=7,04), возраст аддитивного больного (средний возраст - 35,85; SD=5,89), семейное положение матерей, их трудовой статус и т.д. Различий также не было обнаружено по таким клиническим показателям, как возраст начала и стаж употребления ПАВ аддиктом, количество ремиссий и т.п. На момент обследования матерей, больные аддикцией находились на этапе реабилитации в СПбГБУЗ «ГНБ» и ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева».

Все матери прошли диагностику с помощью специализированного инструментария оценки уровня эмоционального выгорания родственников, который представляет собой двух-полюсный конструктор включающий показатели, отражающие феномены выгорания: «Истощение», «Цинизм», «Редукция личных достижений», «Деструктивная разрядка напряжения» и показатели, отражающие феномены вовлеченности, противоположные выгоранию: «Энергия», «Наполненность смыслом», «Поглощенность», «Самозффективность в лечении родственника».

На первом этапе исследования было проведено сопоставление изучаемых групп матерей по основным показателям инструментария оценки уровня «эмоционального выгорания». На втором этапе были проанализированы взаимосвязи клинических параметров больных аддитивными расстройствам с социально-демографическими характеристиками и показателями эмоционального выгорания их матерей. Для ведения базы данных использовался статистический пакет SPSS 19. Сравнительный анализ результатов был проведен при помощи критериев U Манна-Уитни и t – Стьюдента. В качестве меры связи использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Проведенное сопоставление групп матерей по показателям «вовлеченности-эмоционального выгорания» показало значительное сходство выборок, различия были обнаружены лишь по показателю «Цинизм», который оказался значимо более высоким в группе матерей больных алкоголизмом ($p \leq 0,05$). Принципиальное отсутствие различий по параметрам «вовлеченности-выгорания» позволило нам исследовать изучаемые взаимосвязи на общей группе матерей аддиктов.

Среди обнаруженных нами корреляций наибольшее внимание привлекает взаимосвязь параметра стаж систематического употребления ПАВ аддикта с показателем «Редукция личных достижений» его матери ($p \leq 0,01$). Эта корреляция свидетельствует о нарастании ощущения собственной неэффективности матерей по мере увеличения срока систематического употребления алкоголя или опиатов их зависимыми детьми. Вместе с тем, показатель «Редукция личных достижений» отрицательно коррелирует с уровнем образования матерей ($p \leq 0,05$). То есть матери с более высоким образовательным уровнем, как правило, обнаруживают меньшую выраженность ощущения собственной неэффективности в процессе преодоления болезни ребенка.

Таким образом, проведенное исследование позволило обнаружить прогнозируемые взаимосвязи между клиническими показателями аддиктов, социально-демографическими характеристиками и показателями эмоционального выгорания их матерей.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Методология и инструментарий оценки уровня эмоционального выгорания родственников больных с аддитивными расстройствами», № 17-06-00533.*

Бурлакова Н.С., Олешкевич В. И.

ВОЗМОЖНОСТИ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ПАТОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

В традиционной психиатрии и медицинской психологии ставились задачи, ориентированные прежде всего на психологическую оценку болезненных проявлений и нарушений в соответствии с классификациями психических расстройств. Сегодня по целому ряду причин такой подход оказывается недостаточным. Дело здесь хотя бы в том, что современная педагогика, психология и даже медицина ставят задачи организации психического развития на базе достаточно широкого разнообразия первичных биологических форм организации человеческой жизни. Такой подход представляет собой развитие культурно-исторической точки зрения на психическое развитие, сформулированной когда-то Л.С. Выготским, а затем получившим развитие у целого ряда его последователей, таких как А.Р.Лурия, П.Я. Гальперин и другие. Здесь в центре стоит понимание и исследование именно культурно-исторического развития психики индивидуума, которое предполагает возможность различных типов развития, характера развития, на основе разных биологических и социальных условий, определяющих и организующих психическое развитие. В этом отношении можно сказать, что психическое развитие в начале существует вовне, объективно, а это значит, что в рамках этих объективаций его и можно «ухватить». В этой связи можно говорить о задаче специальной разработки методологии культурно-исторически обоснованного патопсихологического исследования детей и подростков. Внутри него нужно выделить задачи разработки отдельных, особенно значимых исследовательских операций, один из типов которых связан с разработкой анализа анамнеза, который нужно разделить на историю болезни и на психосоциальную историю развития ребенка. В данном случае последняя предстанет перед нами как текст, который необходимо понять, заполнить в нем разного рода (в том числе и амнестические) пробелы для реконструкции в конечном счете особенностей психического развития пациента. Здесь должна быть и социальная история, и семейная (семейный сценарий), а также семейная мифология и история отношений к ребенку со стороны его социального окружения, и, наконец, история формирования особенностей самосознания ребенка. Иными словами, некоторое целое психического развития, заданное также и изнутри роста и формирования самосознания ребенка. Эта исследовательская операция может быть методически детально разработана. Вторая операция связана с уточнением в клинко-психологической беседе с семьей или ее представителями сложившейся картины развития ребенка в результате выполнения первой операции. Третья операция может быть связана с клинко-психологической беседой с ребенком, в результате которой происходит уточнение, как выясненная до сих пор картина его развития видится изнутри, как внешние обстоятельства его развития трансформируются в характеристики его самосознания. В конечном счете можно уяснить, как внешнее перешло во внутреннее и как оно там преобразовалось.

Таким образом, с одной стороны, получаем понимание культурно-исторических механизмов развития ребенка, а с другой стороны, уясняем структуру его самосознания, т.е. то, как ребенок чувствует себя, как думает, как принимает решение, как видит мир и пр. С третьей стороны, мы объединяем эти два взгляда, интегрируем их, так что наше понимание является как пониманием развития извне, так и пониманием его изнутри.

Вассерман Л.И.

КЛИНИЧЕСКАЯ НЕЙРОПСИХОЛОГИЯ В МНОГОМЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КОГНИТИВНО-АФФЕКТИВНЫХ СООТНОШЕНИЙ: СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Нейропсихология, как известно, является одной из фундаментальных нейронаук. В последние десятилетия выделяется клиническая нейропсихология, которая в теоретическом, методологическом и методическом планах чрезвычайно расширила свои возможности за счет синтеза с теорией информации и искусственного интеллекта, нейролингвистикой, математическим моделированием, но, главное, за счет сопряженных исследований с нейровизуализацией, нейрофизиологией и другими методами прижизненного анализа мозговых структур, сохраняя в качестве основного метода исследования традиционные клинико-морфологические сопоставления, особенно при хорошо клинически верифицированном материале, дополняемом цифровой ЭЭГ.

Применение в клинической нейропсихологии новых диагностических технологий позволяет считать ее одной из ведущих медицинских дисциплин, целью которой является комплексное многомерное изучение на системной основе роли отдельных структур головного мозга в механизмах психической деятельности и целенаправленного эмоционального поведения. Фундаментальные и прикладные возможности клинической нейропсихологии более чем востребованы не только в клинических и нейронауках, они позволяют развивать множество других направлений, так называемой, биологической психологии (А.Р.Лурия, И.М.Тонконогий, А.Пуанте и др.). Благодаря новым технологиям методология и методическое обеспечение клинической нейропсихологии выходят за рамки традиционной системы клинико-морфологических сопоставлений как основы нейропсихологического диагноза в неврологии, нейрохирургии и психиатрии. Фокус нейропсихологического тестирования смещается с оценки топического диагноза повреждения мозга на более глубокое понимание специфической взаимосвязи «мозг-поведение» и психосоциальных последствий его повреждения, на более пристальное внимание к роли глубоких неспецифических структур мозга в организации психических функций, эмоционального реагирования в стрессовых ситуациях и устойчивости к стрессу. Современные нейропсихологические батареи методик, дополняемые объективными исследованиями нейровизуализационного и нейрофизиологического спектра, позволяют патогенетически уточнять и верифицировать клинико-психологический диагноз (Lezak, Howisson и др.). Следует, однако, сказать, что в случаях исследования больных психозами, болезнью Альцгеймера и ряда других форм патологии мозга технология комплексных исследований требует еще весьма серьезных научных разработок.

Сейчас наиболее эффективная комплексная многомерная нейропсихологическая диагностика развивается на основе структурно-функционального подхода на модели височной эпилепсии. Именно при этой клинической и патогенетически сложной патологии мозга сочетание указанных диагностических технологий позволяет выявлять и квалифицировать патологию базальных отделов височно-лобных долей и лимбического комплекса – областей, генерирующих (при патологии) эпилептические пароксизмы, когнитивную дефицитарность, особенно при атрофии гиппокампа, изменении размеров миндалины, нарушениях метаболизма в префронтальной и орбитофронтальной коре и др. При височной эпилепсии с депрессивными расстройствами в наших исследованиях (Вассерман Л.И., с соавт.) обнаружены аномальные структурные изменения: сопряженные аффективно-когнитивные расстройства (выявляемые объективно с помощью многомерной психодиагностической тестовой методики А. Рея и специализированного опросника А. Бека) четко коррелирующие с данными нейровизуализации (Вассерман Л.И., Ананьева Н.И., Вассерман Е.Л., и др.).

Подчеркнем, что классические структурные методы (рентгенологические и др.) характеризуются преимущественно пространственным разрешением, их результаты не могут быть развернуты во времени и сами по себе не несут информацию о функциях системы или органа. Судить о нормальном или нарушенном функционировании можно только опосредованно. Функциональные методы (ЭЭГ, психодиагностика, и др.), напротив, обеспечивают объективное временное, но весьма низкое пространственное разрешение. Промежуточное положение занимает именно структурно-функциональный подход. Он обеспечивает в известной мере и пространственное и временное разрешение, позволяя судить и о функциях, и о структуре объекта. В основе данного подхода лежат либо сопоставления результатов относительно независимых измерений, выполненных в разное время у одного и того же испытуемого, либо комплексирование одновременно производимых одноканальных или многоканальных измерений. Основная цель комплексирования состоит в достижении показателей точности и достоверности в определении, интересующих исследователя параметров структуры или/и функций органа или системы. Таким образом, комплексированная система, как показывает опыт, приобретает качества, которые не могут быть достигнуты принципиально каждым методом в отдельности, обеспечивает ее непрерывность и целостность.

Структурно-функциональный подход на основе многоканальных комплексных измерений особенно актуален в клинике височной эпилепсии, при которой страдают медиобазальные (лимбико-стриарные) структуры и их связи с неокортексом. Дефицитарность этого морфофункционального комплекса непосредственно формирует механизмы когнитивной и аффективной деятельности имеет самое непосредственное отношение к метаболизму нейротрансмиттеров, к теории и практике психофармакологии и психофармакотерапии.

Вассерман Л.И., Макаришина Е.В., Степанчук А.П.

НЕЙРОПСИХОЛОГИЯ: КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ И КЛИНИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

В настоящее время задачи нейропсихологии как одной из фундаментальных нейронаук существенно расширяются. Совершенствование инструментальных методов исследования мозга (нейровизуализация и др.) позволяют использовать структурно-функциональный подход в нейропсихологии и уделять большее внимание патогенетическому и адаптационному направлениям в теории и практике клинических нейронаук.

Примером могут служить работы, касающиеся исследований взаимосвязей нейрокогнитивных и эмоционально-личностных расстройств с данными нейроморфологии (воксельная МРТ, морфометрия), а также нейрофизиологии (ЭЭГ) на адекватных клинических моделях, например, больные с эндоморфными и экзономорфными («органическими») депрессиями, а также с височной амигдаллярно-гиппокампальной, лимбической эпилепсией с депрессивными расстройствами. Анализ нейрокогнитивных профилей в этих группах больных выявляет определенное сходство в морфогенезе аффективных расстройств, сопряженных с когнитивной дефицитарностью функциональных систем активного внимания, навыков планирования и организации, зрительно-моторной координации, памяти и конструктивной деятельности (тест А. Рея). Полученные результаты позволяют рассматривать височную эпилепсию как височно-фронтальную, учитывая мозговые механизмы когнитивных и сопряженных с ними расстройств аффективного спектра, морфогенез которых обусловлен дисфункциями височно-базальных структур с дефицитарностью префронтального и орбитофронтального неокортекса, их морфологических и функциональных взаимосвязей.

МРТ исследования показали, что нейрокогнитивный дефицит при аффективных расстройствах, независимо от клинических характеристик больных, связан с деструкциями упомянутых областей мозга, и, вероятно, имеет общий патогенез: аномалии строения и патологии гиппокампа, миндалевидного комплекса, ряда других глубоких структур мозга и их связей с префронтальной и орбитофронтальной корой обоих полушарий. Кроме того, МРТ-морфометрия выявила при аффективных расстройствах явления гидроцефалии мозга, расширения желудочковой системы, в частности, щелей субарханоидального пространства, атрофию и деструкцию миндалевидного комплекса, гиппокампа или аномалии их строения (при сопоставлении с впервые проведенными исследованиями нормативной выборки). Таким образом, нейropsychологические и МРТ исследования указывают на сложные взаимодействия структурных и функциональных изменений мозга при аффективных расстройствах эндогенного и органического генеза.

Есть основания утверждать, что в настоящее время нейропсихология и нейровизуализация – единый комплекс в исследованиях многомерных структурных и функциональных изменений в патогенезе аффективных расстройств и фокальной эпилепсии, а также в квалификации негативной психопатологической симптоматики при шизофрении (с учетом анализа расстройств метаболизма нейротрансмиттеров (серотонина и других), связанных с этими мозговыми структурами. Дисфункции структур переднего неокортекса позволяют рассматривать патогенез аффективных расстройств и эмоциональной регуляции поведения также опираясь на результаты совместных нейропсихологических и МРТ исследований. Эти исследования должны быть существенно расширены за счет применения функциональной МРТ на адекватных клинических моделях, включая больных психосоматического профиля.

Междисциплинарные исследования, в которых ключевую роль играет анализ нейрокогнитивных и аффективных расстройств необходим для экспериментального обоснования совладающего со стрессом поведения (копинг-поведения) и устойчивости к эмоциональному стрессу, учитывая современные концепции когнитивной теории копинга и патогенетические механизмы его психосоциального генеза. Концепции эмоционального стресса и роли психосоциальных факторов межличностного взаимодействия в психической адаптации в целом – одна из, вероятно новых, но важных задач современной нейропсихологии и социальной психологии здоровья.

Возможности «новой» нейропсихологии также очевидны для исследований морфофункциональной обусловленности адаптивного потенциала личности в контексте функциональной межполушарной асимметрии и анализе различных эмоциогенных «модулей» мозга в патогенезе эмоционально-личностных расстройств, например при агнозиях на лица. Патология гипоталамо-гипофизарно-таламических, височно-медио-базальных, височно-теменных, фронтальных структур мозга с учетом современных концепций о «знаках» эмоций – положительных (левое полушарие) или отрицательных (правое полушарие) представляется необходимой для уточнения положений информационной теории эмоций, подтверждения когнитивной концепции эмоционального поведения в контексте ФМА и психической адаптации в целом, в ее морфогенетической обусловленности. Адаптивное поведение, как известно, обусловлено множеством сложных системно организованных процессов в интегративной деятельности мозга.

Нейропсихология в современных междисциплинарных исследованиях может рассматриваться как связующее звено в системе «мозг-психика», решая вопросы соотношений теоретических моделей «нейродизонтогенеза» и «нейродегенерации» при мозговой патологии и, тем самым экспериментально обосновывая биопсихосоциальное единство в системе клинических нейронауков.

Голева Н.В.

ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА К ТЕРАПИИ ПАЦИЕНТОВ С ПАНИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ

Панические атаки, хронические тревожные состояния и расстройства в сфере настроения в последнее время стали одним из ведущих поводов для обращения за квалифицированной помощью. Пациенты не обращаются по поводу данных заболеваний к медицинским психологам и длительное время практически безуспешно лечатся у специалистов различных профилей, переходя от одного к другому (Старшенбаум, 2015). В результате проведенного на базе ФСНКЦ ФМБА России исследования было также обнаружено, что треть всех пациентов с паническим расстройством посещают более 7 врачей прежде, чем попадают на прием к медицинскому психологу. Каждый такой пациент обходится здравоохранению в несколько раз дороже обычного пациента, поскольку доминирующий на данный момент биомедицинский подход не учитывает всех факторов формирования клинической картины. Между тем, распространенность панического расстройства, по данным эпидемиологических исследований, составляет 1,9-3,6 %, а по некоторым источникам до 5 % населения (Синельников, 2012). Поэтому важно и экономически выгодно вовремя распознавать и корректировать психосоматический компонент.

Основной целью представленного исследования является анализ эффективности системы комплексной психологической коррекции, в том числе психофизиологической реабилитации с применением оборудования с БОС в комплексной терапии пациентов с паническими расстройствами.

Исследование проводилось на базе ФСНКЦ ФМБА России города Красноярск в 2015-2017 гг. Всего за данный период к медицинскому психологу по направлениям врачей амбулаторно-поликлинического звена и в порядке самообращения обратилось 627 пациентов трудоспособного возраста от 22 до 50 лет с различными соматическими заболеваниями. У 438 (69,8%) пациентов был диагностирован выраженный психосоматический компонент, у 40 (9,1%) из которых фиксировалась выраженная симптоматика панического расстройства. С каждым пациентом до начала интервенции было проведено развернутое психологическое обследование (структурированное интервью и психодиагностическое тестирование).

В результате было обнаружено, что компонентами панического расстройства являлось чувство внутреннего напряжения и хроническое беспокойство, сопровождающееся повышенной концентрацией внимания на телесных ощущениях и страхом смерти. Основные жалобы пациентов: плохое самочувствие, долгая слабость после ПА, сниженное настроение, жалость к себе, неуверенность в своих силах и уныние, множественные вегетативные проявления.

На основе полученных данных была разработана психотерапевтическая программа, направленная на коррекцию выявленных при первичном обследовании особенностей, влияющих на развитие панического расстройства, включающая в себя консультации медицинского психолога, психофизиологические тренировки на оборудовании с БОС, задачей которых являлось снижение уровня стресса и тревоги, а также выработка навыка релаксации и саморегуляции. В ходе работы применялись методики клиент-центрированной терапии Роджерса, когнитивно-поведенческой психотерапии А. Бека и рационально-эмотивной терапии А. Эллиса. Терапия для каждого пациента длилась в среднем от двух до четырех месяцев (8-20 консультаций) в зависимости от тяжести течения панического расстройства, длительности пребывания в ПА и индивидуальных особенностей. Завершающим этапом стала диагностика и анкетирование по специально разработанной для этой группы пациентов анкете.

По результатам терапии были получены следующие данные: снижение уровня тревоги наблюдалось у 75% пациентов, сформированность навыка контролировать симптоматику - у 90%, полное исчезновение соматических симптомов панического расстройства было выявлено у 50%, ощущение подконтрольности ситуации и чувство безопасности - у 63%, у 90% пациентов исчез страх смерти, ещё у 56% снизилось количество и длительность панических атак.

Таким образом, представленные выше результаты позволяют сделать вывод об эффективности использования терапии с использованием указанных методик.

Грандильевская И.В., Шлойдо Д.Е.

ОСОБЕННОСТИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Нарушенное пищевое поведение отличается от адекватного (гармоничного) несбалансированностью, неполноценностью рациона при доступности продуктов; отклонениями в количестве и качестве съедаемого (например, повторяющиеся эпизоды употребления чрезмерно большого количества пищи или употребление в пищу несъедобных веществ); очень низкой или очень высокой ценностью питания в системе ценностей человека (Менделевич, 2008). Большое значение имеют и особенности пищевой мотивации. При нарушенной пищевой мотивации основным стимулом к приему пищи является не чувство голода, а другие раздражители (Вознесенская, 2004). Этиология нарушений пищевого поведения (НПП) и механизмы их формирования не до конца изучены. Известно, что НПП вызываются взаимодействием факторов различной природы – социокультурных, психологических, биологических.

Актуальность исследования этих факторов определяется значительной распространенностью расстройств пищевого поведения (примерно 13% в популяции) и серьезностью их последствий для физического и психического здоровья (Culbert, Racine, Klump, 2015). Более того, расстройства пищевого поведения часто сочетаются с другими психическими расстройствами, что усложняет процесс лечения и ухудшает прогноз.

Целью нашего исследования было изучение пищевого поведения студентов в его взаимосвязи с психологическими особенностями, а также используемыми копинг-стратегиями (защитное избегание, поиск социальной поддержки, разрешение проблемы).

В исследовании приняли участие 12 девушек возраста от 20 до 22 лет. Они проходили онлайн-опрос, в который были включены три методики: голландский опросник пищевого поведения, шкала оценки пищевого поведения (русскаяязычная адаптация О.А. Ильчика, С.В. Сивухи, О.А. Скугаревского, С. Суихи) и индикатор стратегий преодоления стресса Дж. Амирана.

Результаты исследования показали, что для девушек характерны нарушения пищевого поведения по типу эмоциогенного и экстернального. Первый выражается в склонности принимать пищу в ответ на эмоциональный дискомфорт - есть, чтобы повысить настроение, успокоиться, снять эмоциональное напряжение. Второй проявляется в привычке питаться, ориентируясь на внешние стимулы (вид, запах пищи). Также примерно у 60% испытуемых были обнаружены некоторые проявления булимии (побуждения к очистительному поведению и эпизодам переедания) и у 65% испытуемых - интероцептивная некомпетентность (неспособность точно определять чувство голода и чувство насыщения). Кроме того, результаты корреляционного анализа свидетельствуют о наличии надежных связей ($p \leq 0,01$) между булимией и интероцептивной некомпетентностью ($r = 0,79$), а также между интероцептивной некомпетентностью и перфекционизмом ($r = 0,79$). Менее значимые корреляции ($p \leq 0,05$) установлены между: 1) эмоциогенным пищевым поведением и интероцептивной некомпетентностью ($r = 0,72$); 2) эмоциогенным пищевым поведением и экстернальным пищевым поведением ($r = 0,65$); 3) ограничительным пищевым поведением и стремлением к худобе ($r = 0,65$).

Таким образом, были выявлены некоторые личностные характеристики, связанные с НПП: стремление к худобе и интероцептивная некомпетентность, которая, в свою очередь, коррелирует с перфекционизмом.

К сожалению, гипотеза о наличии связи между отдельными НПП и различными копинг-стратегиями не подтвердилась. Отрицательная связь между булимией и стратегией поиска социальной поддержки была обнаружена только на уровне тенденции, что, возможно, обусловлено малой численностью выборки и необходимостью более углубленного психологического обследования, выходящего за рамки данной работы.

Дегтярева А.А., Арина Г. А.

**МАТЕРИНСКИЙ СТРАХ ОТНОСИТЕЛЬНО ЗДОРОВЬЯ И БОЛЕЗНИ
РЕБЕНКА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ
В СИТУАЦИИ БОЛЕЗНИ**

Болезнь ребенка как особая медико-психологическая ситуация является стрессогенным фактором, который качественно изменяет не только структурно-функциональный и социально-экономический статус семьи, но также влияет и на эмоциональную сферу родителей. Столкновение с болезнью ребенка провоцирует возникновение особой деятельности по построению образа болезни у родителей, а также появление новых и актуализацию уже имеющихся страхов в отношении здоровья и болезни ребенка и трансформацию избираемых способов совладания.

Целью настоящего исследования явился сравнительный анализ структуры и содержания материнских страхов относительно здоровья ребенка в 2 ситуациях: преморбидно (как свойственных матерям здоровых детей) и в ситуации реальной болезни ребенка

Теоретико-методологической основой данного исследования выступили культурно-историческая концепция развития психики Л.С. Выготского; концепция внутренней картины болезни (Николаева В.В., Тхостов А.Ш., Арина Г.А.); транзактная модель стресса и совладающего поведения (Lazarus R.S., Folkman S.); модель житейского смысла (Leventhal H.); теоретические представления о самоэффективности (Bandura A.).

В настоящем исследовании приняло участие 54 матери: 34 участницы имели условно здоровых детей (без хронических заболеваний; 1 группа) и 20 участницы имели детей с хроническими соматическими заболеваниями различной этиологии с благоприятным течением (2 группа).

Методы и методики: клинико-психологическое интервью, Шкала тревоги Ч.Д. Спилберга (с модификациями); опросник совладания со стрессом К. Карвера в адаптации Е.И. Рассказовой, Т.О. Гордеевой и Е.Н. Осина (с модификациями); опросник диагностики отношения к болезни ребенка В. Е. Каган, И. П. Журавлева; разработанная авторами методика «Незаконченные предложения» (как метод изучения страхов матерей и факторов совладания со страхом).

В результате проведенного эмпирического исследования были выделены общие компоненты predispositionalных и ситуационно заданных страхов относительно здоровья и болезни ребенка, а также различия между ними. Матери обеих групп боятся собственно болезни ребенка, возможной некомпетентности врача, наличия побочных эффектов терапии или ее неэффективности. В качестве основных ресурсов совладания с собственными переживаниями у матерей обеих групп выступают наличие у ребенка хорошего состояния, легкость течения самой болезни, наличие поддержки от других людей. Тем не менее, страхи о самой болезни и ее аспектах (например, взаимодействие с врачом) у матерей хронически больных детей являются более дифференцированными и выходящими за границы наличной ситуации болезни. Так, матери хронически больных детей боятся того, что ребенок может уже никогда не поправиться или что вследствие болезни он будет отличаться от сверстников: будет ограничен в возможностях или отстанет по учебной программе. Помимо этого, матери хронически больных детей беспокоятся о том, что врач будет безучастно относиться к заболеванию ребенка, будет не в силах помочь ребенку или не сможет установить с самой мамой такой контакт, при котором оба будут понимать друг друга. При этом матери второй группы не испытывают страх перед самой лечебной ситуацией, в отличие от матерей условно здоровых детей. Страхи матерей 1 группы часто связаны с собственной жизнью и возможностями (неспособность предпринять нужные действия в ситуации болезни ребенка или потерять контроль над собственной жизнью).

Также было выявлено, что субъективная интенсивность материнской тревоги значимо возрастает независимо от наличия реальной ситуации болезни, что может говорить о ее социокультурной детерминации как устойчивого стереотипа реагирования на болезнь ребенка. В отношении избираемых стратегий совладания в ситуации болезни ребенка матери здоровых детей переоценивают собственные возможности по реализации конструктивных стратегий совладания.

Таким образом, в реальной ситуации болезни ребенка происходит трансформация предрасположенных страхов о здоровье и болезни ребенка, а также используемых стратегий совладания. Дальнейшее изучение особенностей эмоционального реагирования родителей в ситуации болезни ребенка поможет расширить научные представления об особенностях семьи, имеющей хронически больного ребенка.

Игнатъев П.Д., Трусова А.В.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ БОЛЬНЫХ АЛКОГОЛИЗМОМ: КРОССКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

В рассмотрении аддиктивного поведения особое место занимает оценка этнопсихологических особенностей представителей различных культурных групп, обусловленных нормами и традициями. Специфической особенностью восточной культуры, в отличие от западной, является склонность к девиантной реакции на повседневный стресс в виде алкоголизации. Несмотря на то, что общепринятым является рассмотрение алкогольной зависимости с позиций биопсихосоциальной модели, кросскультурные исследования индивидуально-психологических особенностей больных алкоголизмом крайне немногочисленны.

Целью данного исследования явилось сравнительное изучение особенностей мотивационной сферы лиц с зависимостью от алкоголя, проживающих в г. Санкт-Петербург (Группа 1) и Республике Саха, Якутия (Группа 2).

Материалы и методы исследования. В исследовании приняли участие 60 пациентов с диагнозом F-10.2: «Алкогольная зависимость» в соответствии с МКБ-10. Пациенты находились на стационарном лечении в наркологических клиниках при НМИЦ ПП им. В.М. Бехтерева и ГБУ РС (Я) «Якутский республиканский наркологический диспансер». Группа 1 (n=30): мужчины – 24 человека (80%), женщины – 6 человек (20%), возраст ($M \pm SD = 40,8 \pm 9,3$), этнический состав – русские 100% (30 человек); Группа 2 (n=30): мужчин – 18 человек (60%), женщин – 12 человек (40%), возраст ($M \pm SD = 39,5 \pm 9,8$), этнический состав – якуты 76,7% (23 человека), эвены 10% (3 человека), русские 13,3% (4 человека). Внутригрупповых различий по клиническим характеристикам не было обнаружено.

Для определения ведущей мотивационной системы регуляции поведения использовался опросник каузальных ориентаций Э. Деси и Р. Райана в адаптации Д.А. Леонтьева, О.Е. Дергачевой, Л.Я. Дорфмана. Для оценки уровня развития рефлексии использовался опросник М. Кунга, Т. Макпарленда. Для анализа толерантности к неопределенности был использован опросник толерантности и интолерантности к неопределенности С. Баднера в модификации Т.В. Корниловой.

Результаты. 1. Результаты анализа локуса каузальности по таким шкалам, как автономный ($M \pm SD = 136,5 \pm 19,2$), внешний ($M \pm SD = 93,1 \pm 20,3$), безличный ($M \pm SD = 83,1 \pm 17,8$), показали, что данные параметры во всей обследованной группе соответствуют среднему уровню. Группа 1 отличается ориентацией на автономный локус каузальности ($p \leq 0,04$), в то время как группа 2 отличается большей выраженностью безличного локуса каузальности ($p \leq 0,03$).

2. По результатам методики Куна-Макпартленда наиболее значимой сферой по всей выборке является «рефлексивное Я» (Ме-9,0, Q3-Q1=6,0). При анализе гендерных различий, данный компонент больше выражен у женщин ($p \leq 0,05$). Далее следуют социальные стороны собственной личности, с выделением различных социальных ролей (Ме-3,5, Q3-Q1=5,0), эмоционально окрашенное отношение к деятельности (Ме-2,0, Q3-Q1=2,0).

3. По данным изучения толерантности к неопределенности было установлено, что у испытуемых наблюдается средний уровень переносимости неопределенности (Ме-5,0, Q3-Q1=4,0), значение интолерантности к неопределенности соответствует уровню выше среднего (Ме-8,0, Q3-Q1=3,0). По данному параметру существенных различий как региональных, так и гендерных, не было обнаружено.

4. Были выявлены негативные взаимосвязи между изучаемыми показателями: отрицательная корреляция между «автономным локусом каузальности» и «коммуникативным Я» ($r = -0,276$, $p = 0,03$), между «безличным локусом» и возрастом формирования синдрома отмены алкоголя ($r = -0,296$, $p = 0,03$). В группе 1 обнаружены негативные взаимосвязи между «внешним локусом каузальности» и возрастом формирования ААС ($r = -0,396$, $p = 0,03$), «безличным локусом» и «деятельным Я» - компонентом ($r = -0,395$, $p = 0,03$). В группе 2: отрицательная корреляция между «автономным локусом» и «коммуникативным Я» - компонентом ($r = -0,384$, $p = 0,03$).

Заключение. Результаты показали, что у лиц с алкогольной зависимостью, участвовавших в исследовании, имеет место полидетерминация поведения в виде осуществления регуляции на ситуативно-реактивном уровне, выражающееся в одновременном учете индивидуальных мотивов и внешних требований, что порождает импульсивность, спонтанность реагирования. Вместе с этим наблюдается повышенная непереносимость ситуаций неопределенности, в отсутствии готовности воспринимать многозначные и динамические ситуации, в их избегании. Обнаруженные взаимосвязи между показателями методик показывают, что локус каузальности является значимым фактором в самовосприятии и рефлексии личности.

Исурина Г.Л., Смирнова Е.А.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК И ДЛИТЕЛЬНОСТИ ЗАБОЛЕВАНИЯ У ПАЦИЕНТОВ С НЕВРОТИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

Неослабевающий интерес психологов к проблеме невротических расстройств обусловлен не только спецификой этого заболевания, этиопатогенез которого непосредственно связан с психологическим фактором, но и их растущим числом, а также выраженной тенденцией к увеличению случаев затяжного течения. В этой связи значимой становится проблема повышения эффективности лечения таких пациентов за счет поиска дополнительных психотерапевтических «мишеней», направленных на коррекцию факторов хронизации заболевания. Поэтому изучение возможных психологических предикторов затяжных форм течения невротических расстройств является актуальной задачей.

Целью исследования являлось изучение взаимосвязей клинико-психологических характеристик больных с невротическими расстройствами и длительности заболевания.

Исследование проводилось в Национальном медицинском исследовательском центре психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева. В исследовании приняли участие 65 пациентов: 38 – со смешанным тревожным и депрессивным невротическим расстройством и 27 – с другими типами невротических расстройств; средняя длительность заболевания в выборке составила 6 лет. В соответствии с задачами исследования были сформированы 2 группы пациентов с различными типами течения заболевания – острое невротическое расстройство (до 1 года) и хроническое невротическое расстройство (более 1 года).

В исследовании использовались опросник жизнестойкости С. Мадди; опросник совладающего поведения Р. Лазаруса; методика для изучения частоты переживания различных эмоций (в адаптации Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева); опросник для изучения психологического благополучия П. Беккера; опросник невротической личности KON-2006 Е.Александровича (в адаптации П. Тромбчиньского).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что пациенты с разной длительностью заболевания обнаруживают большое количество сходных черт и характеризуются высоким общим объемом выраженности невротических черт личности; предпочтением конструктивных копинг-стратегией и относительно редким использованием неконструктивных; низкими показателями жизнестойкости; частым переживанием негативных эмоций, низким общим показателем психического благополучия при достаточно высокой оценке интеллекта и низкой оценке психического здоровья.

Пациенты с большой длительностью заболевания в сравнении с пациентами с острой невротической реакцией обнаруживают достоверные различия по такой характеристике, как педантизм (неуверенность в правильности своих действий и решений, склонность к перфекционизму в мышлении и действиях, педантичность), которая по сути отражает психологическую ригидность, более выраженную в данной группе. Длительность заболевания положительно связана с показателями жизнестойкости и отрицательно – с показателями «интеллект» и «принятие ответственности». Регрессионный анализ показал, что частое переживание эмоции «печаль» и низкая представленность копинг-стратегии «принятие ответственности» могут рассматриваться как факторы, способствующие длительному течению заболевания и его хронизации.

Таким образом, результаты корреляционного, дисперсионного и регрессионного анализов позволили выделить характеристики, которые могут рассматриваться в качестве психологических предикторов затяжного течения невротических расстройств: психологическая ригидность, сниженное настроение, сниженная самооценка интеллекта, редкое использование копинг-стратегии «принятие ответственности». Эти характеристики могут выступать в качестве дополнительных психотерапевтических «мишеней».

Клейман Е. О., Бурина Е. А.

ВЗАИМОСВЯЗЬ НЕВРОТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ С РАЗЛИЧНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ МАССЫ ТЕЛА У МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН

Нарушениями массы тела называют отклонения индекса массы тела (измеряется отношением массы тела к квадрату роста в метрах) от нормальных показателей: значения ниже 18,5 свидетельствуют о дефиците массы тела, показатели от 18,5 до 24,99 попадают в рамки нормы, 25-30 – избыточная масса тела, а показатели выше 30 соответствуют ожирению. По данным Всемирной организации здравоохранения более 1,9 млрд. взрослых имеют избыточный вес, из них свыше 650 млн. страдают ожирением (ВОЗ, 2017). Дефицит массы тела является гораздо менее изученной проблемой – на данный момент не существует официальной статистики. По мнению Е. Blanco-Schumacher, диетолога Центра онкологии Хелен Ф. Грэхем в Уильмингтоне (Северная Каролина, США), 8-9% населения земли имеют дефицит массы тела (Reese M., 2008). Одним из методов коррекции нарушений массы тела является психотерапия, в ходе которой можно выделить различные терапевтические мишени. В частности, ими могут стать неосознаваемые внутриличностные конфликты.

Целью данного исследования явилось изучение невротических конфликтов девушек с различным индексом массы тела как одной из возможных причин развития нарушений массы

тела. Под невротическим конфликтом понимался выраженный внутриличностный конфликт в сочетании с высоким показателем общей невротичности.

В исследовании приняли участие 58 девушек в возрасте 18-23 лет ($M=21$ год): дефицит массы ($n=16$), нормальная масса ($n=35$), избыточная масса тела и ожирение ($n=7$).

Для реализации задач исследования использовались следующие методики: социаль-но-биографическая анкета, опросник невротических черт личности KON-2006, методика изучения внутриличностных конфликтов. Результаты обрабатывались в программе SPSS Statistics 23 с применением критериев U-Манна-Уитни и Т-Стьюдента для независимых выборок.

В ходе анализа результатов по методике «Невротические черты личности» было выявлено отсутствие значимых различий в выраженности невротических черт личности в группах. Исследуемые черты не выражены или выражены на среднем уровне у всех респондентов. Возможно, малочисленность выборки повлияла на отсутствие достоверных связей. Статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) по методике изучения внутриличностных конфликтов были получены по шкале «конфликт между уровнем притязаний и уровнем реальных достижений». Показатели данной шкалы в группе лиц с ожирением ($M=2,71$; $SD=0,05$) достоверно ниже, чем в группе с дефицитом ($M=3,88$; $SD=1,20$) и нормальной массой тела ($M=3,83$; $SD=1,31$), однако все из них попадают в область средних значений. Вероятно, девушки, страдающие ожирением, склонны реально оценивать свои возможности и ставить перед собой достижимые цели. Кроме того, были выявлены статистически значимые различия по шкале «конфликт между стремлением к удовлетворению собственных потребностей и требованиями окружающей среды» у лиц, страдающих избыточной массой тела ($M=2,86$; $SD=0,90$) данный конфликт менее выражен, чем у лиц без отклонений ($M=3,77$; $SD=1,09$). Целесообразно предположить, что для респондентов избыточная масса тела связана с низкой значимостью данного конфликта по причине того, что они не склонны отказывать себе в удовлетворении потребностей, что может приводить к переданию. Между группами с дефицитом массы тела и нормальной массой достоверные различия были выявлены по шкалам «конфликт между потребностями к независимости и получению помощи» и «конфликт между потребностями к доминированию и подчинению». По обоим шкалам показатели в группе респондентов с нормальной массой тела выше ($M=4,00$; $SD=0,94$ и $M=3,66$; $SD=0,94$ соответственно), чем в группе лиц с дефицитом ($M=3,31$; $SD=1,20$ и $M=2,67$; $SD=1,36$). Вероятно, молодые женщины с дефицитом массы тела склонны регулировать свое поведение и осознавать имеющиеся ресурсы для достижения успеха.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы в терапии пищевого поведения. В дальнейшем представляется интересным изучение типов пищевого поведения (van Strien T. et al, 1986) и их взаимосвязи с различными нарушениями массы тела.

Кожевникова А.О., Пятакова Г.В.

ЗАЩИТНО-СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ С ИДИОПАТИЧЕСКИМ СКОЛИОЗОМ НА ЭТАПЕ ПОДГОТОВКИ К ХИРУРГИЧЕСКОМУ ЛЕЧЕНИЮ*

Идиопатический сколиоз (ИС) – заболевание неясной этиологии, проявляющееся в прогрессировании деформаций позвоночника, сопровождающееся выраженными болевыми ощущениями, нарушениями функций соматических систем. В подростковом возрасте ИС может достигать степени, уродующих фигуру деформаций, требовать сложного хирургического лечения, направленного как на улучшение соматических функций, так и на устранение косметического дефекта. Заболевание, уродующее тело, может создавать трудную жизненную ситуацию в жизни подростка, сопровождаться переживаниями кризисного уровня и требо-

вать включения копинг-стратегий и защитных механизмов для нивелирования эмоциональных трудностей. При этом включение механизмов психологической защиты и сознательный выбор стратегий совладания определяется особенностями ситуации болезни и личностными характеристиками подростков.

Цель исследования – изучение особенностей защитно-совладающего поведения подростков с ИС на этапе подготовки к хирургическому лечению. В исследовании приняли участие 25 подростков в возрасте 12-17 лет с диагнозом ИС в степени хирургической патологии, находящиеся на этапе подготовки к операции в хирургическом стационаре.

Методики: полуструктурированное интервью для оценки травматических переживаний у детей и подростков (Н.В. Тарабрина), «Линия жизни» (А.А. Кроник), «Индекс жизненного стиля» (адапт. Л.И. Вассермана), индикатор копинг-стратегий Д. Амирхана (адапт. В.М. Ялтонским и Н.А. Сиротой), тест-опросник самоотношения (В.В. Столина, С.Р. Пантелева). Проведена статистическая обработка результатов.

Результаты исследования. Показано, что события, связанные с операцией (госпитализация, реабилитационный период, медицинские манипуляции), воспринимаются пациентами как травматические. У 59% обследованных подростков выявлен средний уровень травматических переживаний, у 31% – высокий, у 10% – низкий. Показатель напряженности защитных механизмов, свидетельствующий об уровне дискомфорта в предоперационный период, превышает нормативные значения у 78% подростков. 75% определяют предстоящую операцию как важное положительное событие в своей жизни, уникальную возможность улучшить самочувствие и внешность.

Анализ частоты применения копинг-стратегий в предоперационный период показал, что подростки с ИС достоверно чаще используют условно-адаптивные стратегии «Планирование решения проблемы» и «Поиск социальной поддержки» по сравнению со стратегией «Избегание». Многочисленные положительные связи между параметрами, отражающими напряженность защитных механизмов и показателями частоты использования копингов у подростков с ИС, могут говорить о том, что система последних недостаточно сформирована и выполняет факультативные функции в адаптационном процессе на этапе подготовки пациента к операционному лечению.

В качестве личностных показателей, оказывающих влияние на актуализацию копингов у подростков с ИС в жизненной ситуации в связи с предстоящим хирургическим лечением, рассматривались характеристики ведущего психологического новообразования подросткового возраста – параметры самоотношения. Оказалось, что 78 % подростков с ИС характеризуются выраженными показателями по интегральной шкале самоотношения, неуверенностью в позитивном отношении со стороны окружающих (60%) и низким уровнем самопонимания (59%). Проведенное сравнение частоты использования защитных механизмов и копинг-стратегий в группах подростков с различным уровнем интегрального показателя самоотношения показало, что подростки с высокими уровнем интегрального показателя самоотношения значимо реже прибегают к избеганию, подростки с высокими оценками по шкале «Самопринятие» реже используют проекцию как защитный механизм. Сформированное позитивное самоотношение в трудной жизненной ситуации может способствовать использованию условно-продуктивных копингов.

Таким образом, ситуация подготовки к хирургическому лечению является для подростков с ИС трудной и требующей активизации защитно-совладающего поведения. Подростки с ИС чаще используют условно-адаптивные копинг-стратегии «Планирование решения проблемы» и «Поиск социальной поддержки». Выявлены взаимосвязи между показателями позитивного самоотношения и частотой применения условно-адаптивных вариантов защитно – совладающего поведения у подростков с ИС в трудной жизненной ситуации на этапе подготовки к операции.

**Выполнено при финансовой поддержке РФФИ проект № 17-06-00642.*

Кошанская А.Г.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ БОЛЬНЫХ САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ II ТИПА ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ВАРИАНТАХ ЕГО ТЕЧЕНИЯ

Сахарный диабет (СД) II типа является наиболее распространенным эндокринным заболеванием, развивающимся в основном у лиц зрелого возраста. Декомпенсированное течение заболевания приводит к инвалидизации, которая обусловлена наличием сосудистых осложнений: микроангиопатии (ретинопатия и нефропатия) и, макроангиопатии (инфаркт миокарда, инсульт, гангрена нижних конечностей), нейропатии, снижающих качество жизни (КЖ) больных.

С целью определения взаимосвязи характера течения СД II типа с качеством жизни нами были обследованы 92 больных на базе эндокринологического отделения ГБУЗ РА «Адыгейская республиканская клиническая больница» с помощью краткого общего опросника оценки статуса здоровья (SF-36), применяемого для оценки качества жизни в условиях соматического заболевания, Торонтской алекситимической шкалы (TAS) и тест-опросника депрессии (Beck Depression Inventory) Аарона Т. Бека для выявления симптомов депрессивного расстройства.

По варианту течения заболевания больные СД II типа разделены на 2 группы: 1) больные инсулиннезависимым СД (ИНСД), принимающие сахароснижающие препараты, – 47 чел.; 2) больные инсулинпотребным СД (ИПСД), больные СД II типа, получающие инсулин, – 45 чел.

При проведении корреляционного анализа связи качества жизни пациентов и возраста была выявлена тесная обратная связь с показателями роли физического и эмоционального функционирования (PF $r = -0,5$; $p \leq 0,05$; RF $r = -0,25$; $p \leq 0,05$), боли (BP $r = -0,25$; $p \leq 0,05$), социальной активности (SF $r = -0,2$; $p \leq 0,05$) и жизнеспособности (VT $r = -0,3$; $p \leq 0,05$). Связь КЖ с возрастом указывает на то, что чем старше больной, тем ниже его жизнеспособность, социальная активность и тем ниже объем повседневной физической нагрузки, тем в большей мере его беспокоят болевые ощущения и тем ниже фон настроения, выше уровень алекситимии. При увеличении продолжительности заболевания возникло более выраженное ограничение жизнедеятельности из-за физических нарушений (PF) и болевых ощущений (BP). Качество жизни больных ИПСД, по сравнению с лицами с ИНСД, оказалось существенно сниженным по всем шкалам опросника SF-36. В подгруппе больных ИПСД достоверно снижены показатели оценки общего состояния здоровья в настоящее время (GH; $p \leq 0,01$).

Полученные данные свидетельствуют о значительно более интенсивном влиянии факта восприятия заболевания СД II типа с необходимостью применения инсулинотерапии на уровень субъективной оценки жизнеспособности (VT) и психического здоровья (MH), чем у больных ИНСД ($p \leq 0,05$). Снижение КЖ пациентов ИПСД определяется прогрессированием поздних диабетических осложнений с возникновением некоррегируемых физических ограничений, болевых ощущений и снижением социальной активности. Субъективная оценка больными СД объема своей повседневной нагрузки снижается при всех характерных для диабета осложнениях. У больных СД II типа снижается социальная активность, ограничивается круг общения (SF), что может быть связано с ухудшением физической мобильности в следствие микроангиопатии нижних конечностей ($p \leq 0,02$), фиксацией на состоянии здоровья и общими изменениями в эмоционально-мотивационной сфере, сопутствующими тяжелому течению СД. При низкой оценке своего психического здоровья (MH) у больных ИПСД преобладает депрессивный фон настроения, усиливаются покорные и гиперконформные формы поведения, что выражено у них в большей степени, чем у больных ИНСД. Больные СД отмечают, что при

увеличении уровня алекситимии и депрессивного состояния ухудшается общее состояние здоровья, физическая активность (PF $r = -0,29$; $p \leq 0,001$), жизнеспособность (VT $r = -0,28$; $p \leq 0,002$) и психическое здоровье (MH $r = -0,27$; $p \leq 0,003$).

Таким образом, показатель качества жизни больных СД II типа является критерием, изменяющимся в зависимости от прогрессирования заболевания – перехода ИНСД в ИПСД. Анализ соотношений между показателями качества жизни и уровнем выраженности алекситимии и депрессивного состояния указывает на неудовлетворенность пациентов своими физическими возможностями и в целом состоянием здоровья. При ИПСД увеличивается ограничение повседневной деятельности из-за боли, снижения жизненного тонуса, настроения и социальной активности.

Маркина О.С.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ БАРИАТРИЧЕСКИХ ПАЦИЕНТОВ

Реабилитация больных после хирургического вмешательства является важной задачей успешного процесса лечения от болезни. Психологическая составляющая становится обязательным компонентом реабилитационного процесса медицинского лечения. В работе представлены результаты программы психологического сопровождения пациентов хирургического отделения ФГБУ ЛРЦ Минздрава России, госпитализированных для проведения бариатрической операции (хирургическое вмешательство по снижению лишнего веса) в 2016-2017 гг. Психологическая программа соответствует стандартам международных протоколов ведения бариатрических больных и включена как обязательная часть работы с пациентами в ФГБУ ЛРЦ Минздрава России.

Выборку составили 22 пациента. Средний возраст 36 лет с индексом массы тела 31-77. Предложенная в рамках проведения лечения стратегия проведения хирургического вмешательства (бандажирование желудка, продольная резекция или гастрощунтирование) не оказывала решающего влияния на реализуемую схему психологического сопровождения.

К психосоциальным противопоказаниям при бариатрических операциях относят:

- отсутствие мотивации следовать рекомендациям врача и желания показываться врачу в контрольные сроки после операции

- психотические расстройства, тяжелая депрессия (если они не вызваны ожирением)
- асоциальность, неспособность заботиться о себе
- алкогольная и наркотическая зависимость

Выявление данных факторов на предоперационном этапе становится первоочередной задачей психолога по обеспечению эффективности и безопасности бариатрической операции.

В послеоперационный период большинство трудностей пациентов связаны с ответственностью, которая непременно сопровождает их в процессе реабилитации: режим питания, изменение привычного образа жизни, принятие нового образа тела.

Разработанная программа психологического сопровождения на этом этапе призвана решить следующие задачи:

- сформировать мотивации достижения поставленного результата, приобретение новых привычек пищевого поведения;
- преодолеть состояние тревоги и подавленного настроения;
- оказать поддержку в формировании адекватного отношения к изменению образа тела, укрепить самооценку и разрешить психологических проблем-причины развития ожирения;

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

- укрепить навыки межличностной коммуникации, преодолеть страх посещения общественных мест и расширения круга социальных контактов.

Таким образом, интегративная программа по работе с пациентами с ожирением включает в себя следующие этапы:

1. *Диагностический*: определение типа характера, выраженных акцентуаций, клинически значимых социальных дезадаптаций и психопатий, а также исследование смысла переживания; вторичных выгод от лишнего веса; индивидуальных стратегий поддержания лишнего веса – пищевых стратегий; мотивации на снижение веса. Результатом данного блока является составление индивидуальной программы психологического сопровождения на постоперационном и реабилитационном этапах.

2. *Психокоррекционный*: повышение уровня осознания собственной способности контролировать события и ситуации своей жизни, отношения с другими людьми и состояние своего здоровья, в том числе – массу тела. На данном этапе используются техники краткосрочной стратегической терапии, когнитивно-поведенческой, телесно-ориентированной и системной семейной психотерапии. Основная задача работы – устранение психологических барьеров, препятствующих формированию нового образа жизни.

3. *Поддерживающий*: формирование механизмов психо-социальной адаптации и научении конструктивному поведению в микро– и макросоциальной среде. Человек работает для предотвращения рецидива и сохранения эффекта оперативного вмешательства. Задача психолога-консультанта – оказать поддержку в формировании и принятии новых гастрономических привычек (ограничения в еде, необходимость придерживаться определенной диеты), поддержка пациента в решении следовать новому образу жизни длительное время, предупреждение о трудностях, которые могут возникнуть и обсуждение возможных стратегий их преодоления.

Соколова Е.Т., Андреев К.О.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И КЛИНИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ СТИЛЯ МЕНТАЛИЗАЦИИ

Существующие эмпирические исследования социального познания соотносятся с разными теоретико-методологическими подходами, одним из которых является концепция ментализация, понимаемая как способность представлять психические состояния – свои собственные и других людей. Выбор способа операционализации данного конструкта во многом зависит от необходимости сохранения специфического контекста интимно-личностных отношений, но в то же время – от возможности статистической оценки полуженного материала. Этим требованиям отвечает модель Д. Вестена для анализа нарративов в Тематическом апперцептивном тесте, иллюстрирующих ситуации эмоционально наполненного социального взаимодействия. В рамках данной модели анализируются особенности репрезентации Я-Другой по показателям когнитивной сложности представлений, понимания социальной причинности, аффективного тона отношений и эмоционального вклада в отношения. Перечисленные категории описывают устойчивые конфигурации восприятия психического мира. Индивидуальные и клинические вариации стилевой структуры ментализации интерпретируются нами в парадигме когнитивно-аффективной дифференцированности/интегрированности системы репрезентаций, соотносимой с уровнями понятийной организации сознания (Выготский). Так, синкретические формы проявляют себя в неупорядоченности, неустойчивости, нерасчлененности репрезентаций своих переживаний и внутреннего мира Другого. Переход к комплексному мышлению предполагает большую структурированность и сложность, в том числе внутри по-

иска социальной причинности, однако подобные представления направляются конкретно-ситуативными образами, вне связи с субъективными состояниями партнеров (Соколова, 2017).

Цель исследования – выявить стилевые особенности структуры ментализации у пациентов с диагнозом шизофрения.

Выборка: 80 пациентов с диагнозом шизофрения, наблюдавшихся на базе ФГБНУ НЦПЗ, 40 респондентов без психиатрических диагнозов.

Методики: 1) Тематический апперцептивный тест с интерпретацией данных по модели Д.Вестена; 2) Субтест 1. «Истории с завершением» из методики на социальный интеллект (Дж. Гилфорд) для выявления фактора понимания последствий поведения.

Результаты. Для исследуемых контрольной группы анализ внутреннего мира доступен и представлен разными типами ментализации. В группе пациентов отмечается редукция символически опосредствованных способов понимания психического, нарушения системной организации ментализации устойчивы, достоверно отличны от нормы ($p \leq 0,05$). Обследованные пациенты характеризуются трудностями регуляции собственной аффективной жизни, превалированием враждебных ожиданий от социальных связей (Соколова, Андреев, 2018). Подобные негативные установки соотносятся с преимущественно недифференцированным представлением о межличностных отношениях: нарушением границ между своими переживаниями и чувствами Другого, между реально происходящим и субъективно воспринимаемым; не ограниченная рациональностью ментализация с легкостью подвергается «затоплению» примитивными аффектами (синкретический стиль). Отсутствие психологического компонента в объяснении детерминации межличностного поведения (сниженное «понимание социальной причинности») соотносится с трудностями в области социального интеллекта (0,325, $p \leq 0,001$). Роль субъектности в социальном познании минимальна, гораздо большее значение придется внешним и ситуативным факторам (комплексный стиль), другим лицам; в понимании психического влетены элементы магического, сверхъестественного, бредового.

Выводы. Таким образом, у пациентов с диагнозом шизофрения в сравнении с психически здоровыми исследуемыми нарушения ментализации представлены конфигурациями преимущественно недифференцированных аффективно заряженных репрезентаций межличностных отношений. Дополнительные формы социальной категоризации упрощают и искажают как самовосприятие, так и восприятие Другого, в частности, понимание социальной причинности и субъективной ответственности в близких отношениях.

Соловьева С.Л., Власова Н.В.

СТИГМАТИЗАЦИЯ ПАЦИЕНТОВ КАРДИОЛОГИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ

Принятие роли больного, связанное с соблюдением режима, диеты, дозированием физических и эмоциональных нагрузок, предполагает изменение стиля жизни и рассматривается в связи с явлениями стигматизации и самостигматизации, которые имеют последствия в виде отказа от социальных достижений. Снижая параметры психологической удовлетворенности в краткосрочной перспективе, проявления стигмы тем не менее улучшают психосоматические показатели в долгосрочном плане. Определение оптимальной степени стигматизации является решением проблемы качества жизни и здоровья пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Для решения данной задачи было обследовано 32 пациента (37,5% мужчин и 62,5% женщин) в возрасте от 36 до 65 лет, находящихся на лечении в кардиологической клинике, с разной степенью тяжести соматического состояния.

В исследовании были использованы клиничко-психологический и экспериментально-психологические методы: SCL-90, опросник «Межличностные отношения» Шутца и «Личностный дифференциал»; методика «ТОБОЛ»; опросник N.Sartorius, адаптированный

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

для кардиологической клиники. При математико-статистической обработке результатов применялись корреляционный, регрессионный, факторный, дисперсионный, кластерный анализы, таблицы сопряженности и хи-квадрат.

В результате экспериментально-психологического исследования было выявлено, что низкий уровень стигматизации связан с более тяжелым соматическим состоянием: средний показатель стигматизации пациентов с диагнозом «инфаркт» имел минимальные значения; с диагнозом «стенокардия напряжения» - средние значения; с диагнозом «вегето-сосудистая дистония» - наибольшие значения. Коэффициент множественной детерминации регрессионного анализа показал, что в 64% случаев ($R^2=0,642$) уровень стигматизации обусловлен факторами «Межличностные особенности» и «Типы отношения к болезни и лечению». При этом как низкий, так и высокий уровень стигматизации имеет тесные взаимосвязи с психологическими факторами. Максимальный факторный вес среди межличностных особенностей имели: «социальное избегание» (0,839); «холодность» (0,778); «конкуренция» (0,770); «уступчивость» (0,746). Максимальный факторный вес среди типов отношения к болезни имели: тревожный (0,904); ипохондрический (0,804); неврастенический (0,761), для которых характерна интрапсихическая направленность реагирования, проявляющаяся в реакциях по типу раздражительной слабости, тревожном, подавленном, угнетенном состоянии, «уходом в болезнь» и отказе от борьбы. Эгоцентрический (0,761) и паранойяльный (0,737) типы отношения к болезни с интерпсихической направленностью личностного реагирования проявлялись в форме враждебности, негативизма, агрессии. Избегающий стиль поведения, формируя интрапсихическую или интерпсихическую направленность личностного реагирования на болезнь, обуславливал нарушение социальной адаптации в виде изоляции либо в форме агрессивной конфронтации с окружающими. Неудовлетворенная потребность в социальной поддержке клинически обнаруживала себя в повышении уровня депрессии и тревоги. Если представление о стигме включало в себя не столько принятие роли больного с целью сохранения здоровья, сколько акцентирование отношения окружающих в связи с приобретением диагноза, то явление стигматизации приобретало негативное содержание. В этом случае стигма в роли патологической адаптации могла приобретать значение «условной выгоды», избавляя больного от необходимости предъявлять себе слишком строгие требования.

Исследование факторов, влияющих на стигму, показало, что в среднем диапазоне значений она не имеет связей с психологическими чертами и является ресурсной, адаптивной: вместе со стигмой пациент получает алгоритм поведения в стрессовой ситуации, который определяется ограничениями соматического диагноза; формируется новая идентичность. Кроме того, присвоение стигмы позволяет пациенту снизить уровень требований по отношению к собственной личности, сохраняя самоуважение.

Стангер М.Я., Лукьянова Е.Л.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ

(НА ПРИМЕРЕ ОНКОБОЛЬНЫХ БОЛГАРИИ)

Рак считается болезнью XX века, но рост заболеваемости продолжается, и в последние годы появляются не только в общемировые проблемы, но и социально-психологические. На сегодняшний день определены основные причины данной болезни, однако никто не может объяснить, почему одни люди болеют, а другие нет, хотя подвержены тем же рискам. Возможно, необъяснимость данного факта, в последние десятилетия подталкивает ученых Болгарии к активному изучению психологического и соматического компонентов больных раком на разных стадиях заболевания. В настоящее время существует четкое представление о том, что рак является не просто болезнью того или иного органа в теле, а заболеванием всего организма.

Н.А. Русина отмечает, что рак – это не просто болезнь, это образ жизни и особое смысловое пространство. Изучение личностных особенностей больных онкологическими заболеваниями, их внутренней картины болезни, указывают на особую роль психологического фактора в развитии и течении злокачественных опухолей. Успех в борьбе со злокачественными новообразованиями зависит не только от специалистов-онкологов, но и от психологов. Личностные особенности больных являются одними из важных компонентов преодоления онкологического заболевания.

Цель настоящего исследования - выявить личностные особенности онкологических больных.

Диагностический комплекс составили следующие методики: анкета «Я и болезнь», тест Кеттелла (8PF), рисунок «Моя болезнь», тест на исследование ценностей (SOV), тест на исследование тревожности STAI.

В исследовании приняли участие 2 группы больных с диагнозом рак молочной железы I-ой и II-ой стадии. Первую группу составили больные, проходящие химиотерапию в больнице на базе «КОЦ – Бургас» ЕООД – Городского клинического онкологического диспансера, г. Бургас, Болгария (25 человек); во вторую группу вошли больные, проходящие реабилитацию на базе «СНЦ – Онкоболни и приятели» – Городская Ассоциация пациентов и друзей рака, г. Бургас, Болгария (25 человек).

Проведенное исследование, позволило сделать следующие выводы:

1. У большинства обследуемых обеих групп первая реакция на диагноз – страх, тревога, беспокойство. Также проявляются реакции отрицания и принятия болезни. На этапе реабилитации, обследуемые меняют свое отношение к болезни, страх сменяется верой в лечение и в себя. Основными причинами болезни, обследуемые считают стресс, загрязненную экологию, переживания, связанные с утратой близких и неправильный образ жизни. Основную помощь на этапе лечения ожидают от государства (стоимость лечения очень высокая), на этапе реабилитации – помощь и поддержку семьи и друзей.

2. По результатам обследования по методике Кеттелла обследуемые обеих групп демонстрируют тенденцию к ригидности, что способствует к застреванию на болезни, скептицизму и холодности. Обнаружены в обеих группах высокие показатели интеллектуализации свидетельствует об осмыслении заболевания, поиске различных путей эффективного лечения. Противоречие в доминировании шкал по данной методике свидетельствует о сознательной готовности человека к изменению черт личности, которое может проявляться в крайностях. Так, отзывчивые, общительные люди могут стать замкнутыми, малоразговорчивыми и наоборот.

3. Доминирование шкалы S по методике SOV показывает, что основой личности больного онкологическим заболеванием является любовь, любовь не только к себе, но и к миру. Высокие показатели по шкалам Т, R. Р свидетельствуют о том, что обследуемые пытаются понять смысл жизни, раскрыть истину, принимают болезнь как испытание, посланное свыше. В их жизни особое место занимает Бог.

4. Показатели личностной и ситуативной тревожности в первой группе обследуемых выше, чем во второй. По низким показателям тревожности выявлены статистически значимые различия в группах обследуемых. По личностной тревожности $\phi^*_{эмп} = 2,913$, по ситуативной тревожности составляет $\phi^*_{эмп} = 3,31$. Что позволяет утверждать, что по мере наступления выздоровления происходит снижение как личностной, так и ситуативной тревожности.

5. Результаты обследования по проективной методике «Моя болезнь» (участвовали только больные 2-ой группы) демонстрируют, что рисунки обследуемых в 80% случаев выполняются в форме «коллаж», большинство рисунков отражает желание человека справиться с болезнью и поиск социальной поддержки.

Чередникова Т.В.

ДИАГНОСТИКА РАССТРОЙСТВ ЛИЧНОСТИ С ПОЗИЦИЙ ОЦЕНКИ УНИВЕРСАЛЬНЫХ СВОЙСТВ ПСИХИКИ (К ЮБИЛЕЮ Л.М. ВЕККЕРА)

Фундаментальная теория психики Л.М. Веккера раскрывает универсальные свойства психического как отражающие базовые свойства объективного мира: пространство-время и модальность-интенсивность. Эти свойства характеризуют любые психические процессы и структуры, в том числе и высший уровень их интеграции – личность, которая имеет свои личностные пространство, время, модальность, интенсивность. На примере широко известных методов психодиагностики личностных свойств, таких как тесты Роршаха, Люшера, семантического дифференциала, Л.М. Веккер показал, что основные критерии их диагностических заключений «... воплощены преимущественно в пространственно-временных и модально-интенсивностных характеристиках личности, субъекта» (Веккер, 1981. С. 308). Именно эти исходные характеристики, «взятые в адекватных и правильных сочетаниях», воплощают в себе особенности организации любой психической структуры, и только на их основе должны строиться все производные единицы психических измерений. Исходя из этих принципов, было проведено исследование возможностей диагностики психопатологических расстройств личности методикой «Цветоструктурирование» (Чередникова, 2000; 2004), измеряющей различные параметры пространственной структуры и цвето-интенсивностных свойств раскраски тестового рисунка.

Выборка и методы исследования. Общая выборка исследования включала 300 человек – пациентов ГБУЗ «Психоневрологический диспансер Фрунзенского района» Санкт-Петербурга, с клиническими диагнозами (согласно МКБ-10) психических расстройств шизофренического спектра (РШС) – 175 человек, и органических заболеваний головного мозга (ОЗГМ) – 125 человек.

Методы исследования личности включали следующие методики: опросник Мини-Мульт (Mini-Mult) (Kincannon, 1968; Зайцев, 1981) и тест «Цветоструктурирование». При этом помимо половозрастных и социальных характеристик пациентов были учтены также клинические переменные, такие как диагноз, длительность, фаза течения болезни, тип ремиссии, группа инвалидности. Для оценки корреляционных связей был использован коэффициент ранговой корреляции Пирсона, выбранный критерий достоверности $\alpha = 0,05$.

Результаты и обсуждение. Различные пространственно-структурные и модально-интенсивностные характеристики раскраски (тон, яркость, светлота цвета и др.) имели значимые корреляции ($p \leq 0,05$) с некоторыми расстройствами личности и поведения, а также с астенией и группой инвалидности, отражающей степень эмоционально-волевого дефекта и социальной дезадаптации личности пациентов с РШС и ОЗГМ. Кроме того, наиболее ценный материал для диагностики расстройств личности и ее эмоционально-волевой сферы представляли данные качественного анализа раскраски тестового рисунка. Общая картина рисунка, особенности целостного пространственно-цветового образа птицы имели свои типические черты у пациентов с выраженным негативизмом, неконформностью, агрессивностью, эмоциональной холодностью и др. При этом в графический образ пациенты часто проецировали свои проблемы, страхи, содержание бредовых идей или галлюцинаций, что так же имело диагностическую значимость, поскольку раскраска рисунка как тест не обладала очевидной валидностью и не вызвала у пациентов защитных реакций.

Выводы. Невербальные методы исследования личностных расстройств при РШС и ОЗГМ, на примере авторской методики «Цветоструктурирование», показывают, что оценка универсальных пространственно-временных и модально-интенсивностных характеристик

рисунка оказывается весьма адекватным и продуктивным способом объективно выявлять и измерять различные личностные расстройства, что подкрепляет правоту сформулированных Л.М. Веккером принципов психического измерения. А разработка универсальных единиц измерения, основанных на базовых характеристиках психического (подобно тому, как в физике все величины базируется на оценках пространства (м), времени (сек) и энергии-материи (г)), может быть далеко не фантастической мечтой, а весьма перспективным и привлекательным делом. Оно открывает возможности перевести, наконец, психологию личности из области описательной и гуманитарной науки в ранг естественнаучной дисциплины, о чем мечтал Лев Маркович Веккер.

Черномурова П.А.

МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПАЦИЕНТОВ С ХРОНИЧЕСКОЙ БОЛЬЮ В СПИНЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНИК MINDFULNESS*

Хроническая боль в спине на сегодняшний день является не только проблемой современной медицины и клинической психологии, но и одной из важнейших всемирных социально-экономических проблем (Рачин, Логвинова, 2014). Снижение физической активности, повышенная раздражительность, страх повторного повреждения, некомпенсированная функциональность и особенности окружения пациента, могут препятствовать снижению боли, успешной реабилитации, восстановлению трудоспособности и адаптации (Данилов, Данилов, 2013).

Обзор теоретической литературы и результатов зарубежных исследований указывает на то, что для эффективного лечения хронической боли важно воздействовать не только на физиологические процессы, но и на когнитивные, эмоциональные и поведенческие факторы, связанные с её формированием.

Целью данного исследования является изучение возможностей улучшения эмоционального состояния и снижения болевой интенсивности у пациентов с хронической болью в спине в ходе программы медико-психологического сопровождения с использованием техник mindfulness.

Данные современных исследований подтверждают, что занятия осознанной медитацией способствуют снижению боли, улучшают эмоциональное и физическое состояние, снижают уровень стресса и помогают адаптироваться людям с хронической болью к повседневным проблемам (Kerr C.E., 2011; Zeidan F., 2011; Robins C.J., 2012).

Выборка исследования представлена 30 пациентами, находящимися на амбулаторном лечении в центре лечения боли ФСНКЦ ФМБА России: 25 женщин и 5 мужчин. Средний возраст пациентов - $54,8 \pm 15,2$. Для оценки эффективности программы медико-психологического сопровождения пациентов с хронической болью в спине выборка была разделена на контрольную и экспериментальную группу. Пациенты контрольной группы получали медикаментозное лечение, но не участвовали в программе медико-психологического сопровождения.

Методы исследования включали анализ и обобщение научной и методической литературы по выбранной теме, методы беседы и сбора анамнеза. Также применялся ряд диагностических методик: шкала личностной и ситуативной тревожности Спилбергера-Ханина, шкала депрессии Бека, Цифровая рейтинговая шкала. Для сопоставления показателей, измеренных до и после программы медико-психологического сопровождения на одной и той же выборке испытуемых, использовался Т-критерий Вилкоксона.

Нами были сопоставлены результаты первичной и повторной диагностики двух групп по всем трем шкалам. После оказания психологической помощи пациентам в условиях амбулаторной терапии центра лечения боли выявлены достоверные различия по параметрам личностной тревожности, депрессии, интенсивности боли в момент исследования, интенсивности наиболее сильного приступа боли за последние 4 недели и средней интенсивности боли за последние 4 недели. По результатам повторной диагностики можно сделать вывод о том, что программа медико-психологического сопровождения с использованием техник *mindfulness* положительно повлияла на уровень тревожности, депрессии и интенсивности боли. Пациенты стали в меньшей степени проявлять тревожность и симптомы депрессии. Также после прохождения программы снизилась интенсивность ощущения боли на момент исследования, в среднем за последний месяц и интенсивность наиболее сильного приступа боли за последние 4 недели. Важно отметить, что динамика в сторону нормализации состояния больных выше в экспериментальной группе, чем в группе контроля.

Полученные данные позволяют направить внимание практикующих врачей, психологов и пациентов нашей страны на то, что во время терапии хронической боли важно воздействовать не только на физиологический фактор возникновения боли, но и на психологический, который является ведущим в её поддержании. Мультидисциплинарный подход к проблеме хронической боли может способствовать снижению интенсивности боли и улучшению эмоционального состояния пациентов.

**Исследование выполнено при поддержке Красноярского краевого фонда науки в рамках участия в конференции: «Ананьевские чтения — 2018. Психология личности: традиции и современность».*

Чулошников А.И., Левченко Е. В.

О СУБЪЕКТНОМ ПОДХОДЕ К КЛАССИФИКАЦИИ ВИДОВ БОЛИ

С начала опытного исследования процессов, протекающих в живых организмах, боль рассматривалась как предмет физиологии, сущность которого сводилась лишь к ноцицепции (Melzac, 2013). Однако в связи с парадигмальным сдвигом в сторону биопсихосоциального подхода боль начинает рассматриваться и как явление психики, не исчерпывающееся физиологией (Данилов, 2013). Тем не менее, сложившаяся объективистская, “физиологизирующая” традиция, утвердившаяся в основаниях классификации различных видов боли, до сих пор предлагает по существу ноцицептивные критерии (локализация, логика деструктивного процесса, тип рецептора) (Ball, 2011), игнорируя психологическую составляющую переживания боли. Подобная ориентация на объективное, позитивистски ориентированное познание этого явления оставляет множество “лакун” при описании различных феноменов боли и ее видов (Шостак, 2008; Штрахова, 2009; Linton, 2013). Вследствие отсутствия “отсылки” к каким-либо органическим или иным позитивистским параметрам термин “психологическая/эмоциональная боль”, существующий в рамках художественного и обыденного психологического знания, не входит ни в одну из научных классификаций боли (Biro, 2010; Eisenberger, 2003).

Проблема исследования состоит в дефицитарности объективистской традиции изучения боли, выражающейся в игнорировании субъективной и субъектной составляющих боли как явления психики.

Целью исследования является изучение субъективного опыта переживания боли.

Методологические и методические трудности, возникающие при этом, состоят в нарушении рефлексивности в момент переживания боли, неэквивалентности эксперименталь-

но вызванной боли опыту переживания реальной боли, а также в этических ограничениях (Хайдарова, 2013; Noble, 2005). Учет названных трудностей привел к решению изучать опыт переживания боли в ретроспективе, как эпизод автобиографической памяти (Нуркова, 2009). Для сбора автобиографических воспоминаний о боли нами был применен метод автобиографического нарратива (Преображенская, 2009; Сапогова, 2005). Инструкция состояла в предположении описать опыт самой сильной пережитой боли (без конкретных указаний на вид боли, аспекты переживания, форму описания).

В исследовании приняло участие 112 человек (67 женщин, 45 мужчин) ($M = 26,4$; $\sigma = 4,6$). Рассказы о боли были обработаны методом контент-анализа. Разработанная система категорий оценивалась тремя экспертами (согласие экспертов по каждой категории $\geq 72\%$).

Результаты показали, что боль, описываемая участниками исследования, может быть разделена на три вида: физическая (48%), психологическая (41%) и недифференцированная (11%). Критериями определения вида боли являлись связь с субстратом (указание на повреждение организма), идентификация боли субъектом как “физической”, “психологической/эмоциональной” или невозможность этой идентификации как испытуемым, так и привлеченными экспертами.

Таким образом, выявлено существование субъективной картины боли, содержание которой не исчерпывается описанием ноцицептивных ощущений. Субъект, носитель боли способен осуществлять ее категоризацию в терминах физической и психологической/эмоциональной боли (используя их с примерно одинаковой частотой). Выявленная в описаниях каждого десятого участника исследования недифференцированная боль может проявляться на этапе, предшествующем категоризации. В этом случае выявленные виды боли могут рассматриваться и как этапы ее переживания и осмысления субъектом: 1) этап предкатегоризации – недифференцированная боль; 2) этап категоризации – дифференциация боли на физическую и психологическую/эмоциональную; 3) этап посткатегоризации – тотальная боль (при ее высокой интенсивности и большой длительности).

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости разработки психологии боли, в которой человек будет рассматриваться не как пассивный ее носитель, страдалец, а как субъект, принимающий боль и способный в определенных пределах ею управлять.

Щелкова О.Ю., Усманова Е.Б.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ПАЦИЕНТОВ С ОПУХОЛЕВЫМ ПОРАЖЕНИЕМ КОСТЕЙ*

Целью нашей работы стало проведение анализа связанного со здоровьем качества жизни (КЖЗ) больных с опухолевым поражением костей и выявление влияния психологических факторов на КЖЗ этой категории больных.

Материал и методы. В период с 2012 по 2015 г. были получены данные психологического исследования 120 пациентов с опухолевым поражением костей, находящиеся на лечении в Российском онкологическом научном центре имени Н.Н. Блохина. Пациенты были разделены на четыре группы в зависимости от диагноза: больные остеосаркомой (41 человек), пациенты с гигантоклеточной опухолью (ГКО) (31 человек), больные хондросаркомой (30 человек) и пациенты с метастазами в кости скелета светлоклеточного рака почки (аденокарцинома) (18 человек). В исследовании применялись методы исследования КЖЗ: «SF-36 Health Status Survey», EORTC QLQ-C30 с дополнительным модулем BM 22, а также психодиагностические

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

опросники: «Большая пятерка», «Способы совладающего поведения», «Смысложизненные ориентации», «Тип отношения к болезни».

Результаты. КЖЗ пациентов с метастатическим поражением костей снижено по сравнению с КЖЗ больных с первичным опухолевым поражением костей по ряду параметров, к которым относятся: общее состояние здоровья, физическая, ролевая и социальная активность; для пациентов этой группы характерны более распространенные ограничения жизнедеятельности и активности личности, связанные с интенсивными болевыми ощущениями, одышкой и бессонницей, что согласуется с более низким объективным соматическим статусом больных с метастазами.

Пациенты с ГКО характеризуются более низкими показателями КЖЗ по сравнению с больными остеосаркомой и хондросаркомой: им свойственна пониженная субъективная оценка общего состояния здоровья и социальной активности, более значительные ограничения в выполнении повседневной деятельности в связи с общим физическим состоянием и распространенными болевыми ощущениями.

Выявлено, что при опухолевом поражении костей наилучшие показатели КЖЗ имеют пациенты, характеризующиеся следующими особенностями поведения и личности: высокий уровень осмысленности жизни и личностных ресурсов, кооперативность, преобладание в ситуации болезни когнитивной стратегии преодоления «положительная переоценка». Наихудшие показатели КЖЗ демонстрируют пациенты с низким уровнем личностных ресурсов, низкой осмысленностью жизни, высокой социальной зависимостью и широким спектром неадаптивных типов отношения к болезни (тревожный, ипохондрический, неврастенический, меланхолический, сенситивный, эгоцентрический и паранойяльный типы).

Заключение. КЖЗ пациентов с метастатическим поражением костей значительно снижено по сравнению с КЖЗ больных с первичным опухолевым поражением костей. Выявлены психологические факторы, влияющие на КЖЗ всех исследованных групп с опухолевым поражением костей: уровень осмысленности жизни и личностных ресурсов, склонность к сотрудничеству, копинг-стратегия «положительная переоценка», тип отношения к болезни.

**Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (Рег. № № 17-36-00011 «а1»).*

Яковлева М.В., Лубинская Е.И.

ЛИЧНОСТНЫЙ АСПЕКТ В КОНТЕКСТЕ ПРИВЕРЖЕННОСТИ ЛЕЧЕНИЮ У ПАЦИЕНТОВ ПОСЛЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ОПЕРАЦИЙ НА СЕРДЦЕ*

Ишемическую болезнь сердца (ИБС) считают опасным заболеванием с неблагоприятным клиническим прогнозом. Медико-социальная эффективность лечения этого заболевания на сегодняшний день не достигает желаемого уровня: «Коэффициенты смертности от ИБС в нашей стране в 3 раза превышают среднеевропейские показатели» (Оганов Р.Г., Масленникова Г.Я., 2007, с. 4). Проблема лечения ИБС остается одной из приоритетных задач мирового здравоохранения.

Одним из наиболее эффективных методов лечения ИБС признается хирургическое лечение – высокотехнологичные операции на сердце, в том числе операция коронарного шунтирования (КШ). Считается, что «клиническая эффективность операции определяется реабилитационной программой, направленной на закрепление результатов лечения, физическую

и медико-психологическую реадaptацию больных ИБС» (Аретинский В.Б., 2008). Таким образом, определяется значимость фактора приверженности лечению, поскольку большая доля ответственности за результаты лечения переходит на самого пациента.

У перенесших хирургическое лечение ИБС пациентов приверженность терапии ниже, чем у проходящих консервативное лечение (Kulik A. et al., 2011). Следовательно, данный контингент требует более пристального изучения. Высказывается мнение, что психологические факторы не оказывают влияния на степень приверженности лечению (Fuster V., 2012) и что не существует т. н. «специфического профиля личности неприверженного пациента» (Hevey D. et al., 2007). Однако очевидно, что личностный фактор и его влияние на приверженность еще недостаточно изучены: исследований, направленных на изучение влияния психологических факторов приверженности лечению, не так много, а данные, полученные в них, противоречивы (WHO, 2003) и зачастую анализировались медицинским сообществом без участия специалистов-психологов. В связи с этим была определена цель настоящего исследования – сравнительный анализ личностных характеристик больных ИБС с различной приверженностью лечению после операции КШ. Для этого применялась психодиагностическая методика «Большая пятёрка».

Исследование проводилось на базе Федерального государственного бюджетного учреждения «Национальный медицинский исследовательский центр имени В.А. Алмазова» Минздрава России (Санкт-Петербург). В исследовании приняло участие 103 пациента (разделенных на две группы: 53 приверженных лечению и 50 неприверженных), страдающих ИБС и перенесших операцию коронарного шунтирования, из них 82,5% мужчины и 17,5% женщины (средний возраст выборки 60,14±8,95 лет).

Были получены следующие основные результаты. Пациенты, не соблюдающие медицинские рекомендации, продемонстрировали значительно более низкие показатели, нежели приверженные терапии пациенты, сразу по нескольким шкалам методики. У данных пациентов отмечаются более низкие значения по шкале «самосознание, организованность» ($p \leq 0,001$), а также по шкале «личностные ресурсы» ($p \leq 0,001$). У этих пациентов также были отмечены статистически значимые отличия от группы приверженных лечению по шкале «готовность к согласию» – для неприверженных пациентов характерны более низкие значения по данной шкале ($p \leq 0,05$). С другой стороны, приверженные лечению пациенты отличаются более низкими значениями по шкале «эмоциональная стабильность» ($p \leq 0,05$) по сравнению со второй группой, что может объясняться тем, что характерные для пациентов серьезные переживания, в частности относительно своего заболевания, осознание ими тяжести заболевания, а также обеспокоенность своим будущим в сочетании со склонностью к напряженности, тревожности и боязливости приводят к более серьезному и осознанному отношению к проводимой терапии и, следовательно, к более строгому выполнению врачебных рекомендаций.

Таким образом, личностные особенности пациентов имеют прогностическое значение в отношении приверженности лечению после операции КШ: большая организованность, готовность к сотрудничеству и стремление к саморазвитию (личностные ресурсы) имеют благоприятное значение. Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что была подтверждена связь психологических показателей пациентов с возможностью отнесения их к группе приверженных или неприверженных лечению.

Учитывая полученные в исследовании данные, следует констатировать необходимость психологического сопровождения пациентов в кардиохирургическом отделении, в особенности в процессе реабилитации после высокотехнологичного хирургического лечения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-00689 А).

**ПСИХОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЙ В.Н. МЯСИЩЕВА
И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ**

Аверьянов А.И.

**ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ
ПСИХОЛОГОВ-ЛОГОТЕРАПЕВТОВ**

Логотерапия, или «Третья Венская школа» В.Франкла, является одной из самых представительных и влиятельных школ экзистенциальной психотерапии, наряду с американской, британской и швейцарской. Как экзистенциальная психология и психотерапия в целом, логотерапия сегодня переживает своеобразный ренессанс, а профессиональная подготовка логотерапевтов осуществляется более чем в 40 странах мира. В этой ситуации закономерно встает вопрос о специфических личностных качествах, которыми должны обладать те, кто намерен стать хорошим (=эффективным) специалистом.

Поскольку до сих пор отсутствуют какие-либо исследования, направленные на изучение личностных качеств логотерапевтов, мы решили прицельно проанализировать работы В.Франкла, а также обратиться напрямую к его ученикам и последователям – известным зарубежным экспертам в области смыслоориентированной терапии – с одним вопросом: «Какие личностные качества, на Ваш взгляд, отличают логотерапевта от терапевта других направлений/модальностей?». В качестве экспертов выступили восемь логотерапевтов из Австрии, Канады, США, Израиля и Колумбии.

Сам Франкл не рассматривал специально вопрос личностных качеств логотерапевта, но, читая его книги, мы находим немало важных характеристик. Что касается экспертных мнений зарубежных специалистов, то все они были единодушны в том, что логотерапевты имеют специфические личностные качества, некоторым из которых невозможно научить (и научиться) и которые, по выражению Э.Лукас, должны изначально «дремать в сердце» человека (Аверьянов, 2018).

Суммируя результаты нашего исследования, мы условно разбили личностные качества логотерапевтов на качества первого порядка (основные) и качества второго порядка (дополнительные).

К основным были отнесены такие качества, как: вера в безусловный смысл, который не может быть утрачен ни при каких обстоятельствах; сильная любовь к людям и вера в их духовный потенциал; способность к самотрансценденции и самодистанцированию; приверженность высокоморальным ценностям; совестливость; любовь к логотерапии как к делу своей жизни (призванию), энтузиазм и готовность посвятить себя выполнению полезной работы; скромность как умение жить в соответствии с принципами и ценностями, о которых терапевт говорит и которым учит; способность быть собой, быть настоящим.

К дополнительным качествам были отнесены следующие: способность выстраивать отношения с клиентом на основе равенства; осознание важности благодарности; развитые способности страдать и любить; реализм (принятие страдания как части нормальной жизни); направленность в будущее; аутентичность (терапевт применяет к себе те же методы и подходы, что и к клиенту); внимательность и восприимчивость к смыслам; сохранение достоинства личности клиента; метафизическая ориентированность; направленность на интегрирование; наличие собственной системы ценностей и уважение ценностей своих клиентов; способность найти уникальный подход к каждому клиенту.

Следует подчеркнуть, что разделение личностных качеств логотерапевта на основные и дополнительные не означает, что какие-то из них являются более значимыми и важными. Комбинируясь тем или иным образом, они создают уникальный личностный профиль терапевта. В. Франкл, который определял психотерапию как сочетание искусства и техники, вывел известную формулу, согласно которой $\Psi = x + y$, то есть выбор метода (Ψ) зависит от двух неизвестных переменных: уникальности личности пациента (x) и своеобразия и неповторимости личности терапевта (y). Собственно, отсюда и появляется разница в эффективности при использовании одного и того же метода разными психотерапевтами (Франкл, 1990).

В заключение стоит сказать, что знание о личностных особенностях логотерапевтов в значительной степени может помочь тем, кто выбирает профессиональный путь в психологии/психотерапии, определиться с направлением своего развития и, возможно, обрести призвание.

Бурина Е.А., Добрякова А. Ю.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ, ПЕРЕЖИВАЮЩИХ ОСЛОЖНЕННОЕ ГОРЕ

Переживание утраты близкого человека представляет собой сложный процесс, который нередко может приобретать патологический (осложненный) характер (Линдеман, 1984; Jacobs, 1993; Prigerson, 1995; Rubin, 2000; Smith, 2007). Горе можно считать осложненным, когда оно является условно неадекватным по силе, длительности или форме переживания. Доля таких пролонгированных реакций от общего числа реакций горя в среднем колеблется от 6-9% до 20% (Clayton, 1971; Raphael, et al, 1993; Middleton, 1997). При необходимости дифференцировать нормальное течение горя от патологического следует рассматривать полный спектр переживаний во всех сферах, в частности, изучать поведенческие и эмоциональные проявления, когнитивный комплекс симптомов, а также соматические жалобы.

Данная работа посвящена изучению особенностей эмоциональных переживаний. Целью исследования явилось выявление эмоциональных особенностей лиц, переживающих прогнозируемую и внезапную утрату.

В исследовании приняли участие 42 человека, переживающих утрату близкого родственника, характеризующуюся признаками патологического горя. Утрата произошла более года назад, но все еще является актуальным переживанием для респондентов.

Для реализации задач исследования был подобран методический аппарат, включающий авторское полуструктурированное интервью, а также 5 методик: «Гиссенский опросник соматических жалоб» (в адаптации Абабкова с соавт., 1993), «Шкала личностной и реактивной тревожности Спилбергера-Ханина» (1976), «Шкала депрессивности Бека» (1961), «Тест нервно-психической адаптации» (Гурвич, 1992), «Шкала астенического состояния (ШАС)» (в адаптации Чертовой, 2010). Обработка была проведена с использованием стандартных методов математической статистики, включенных в пакеты SPSS 15.0.

По результатам проведенного интервью, респонденты были разделены на две группы, в зависимости от переживаемого типа утраты: прогнозируемая ($n = 21$) и внезапная ($n = 21$). Средний возраст респондентов в обеих группах составил 35 лет.

Были проанализированы изученные эмоциональные особенности.

Результаты исследования показали, что респонденты, переживающие внезапную утрату характеризуются особой интенсивностью соматических жалоб, высоким уровнем реактивной и личностной тревожности по сравнению с лицами, переживающими прогнозируемую утрату. Критический уровень депрессии был диагностирован в 2,7 раза чаще в группе респондентов,

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

переживающих внезапную утрату. Результаты теста нервно-психической адаптации выявили, что состояние предпатологии в случаях внезапной утраты встречалось в 2,3 раза чаще, чем при прогнозируемых утратах и в 2,5 раза чаще встречались признаки нервно-психической патологии. Умеренный уровень астении также был диагностирован чаще в группе участников, переживающих внезапную утрату.

По результатам интервью такие показатели, как: гнев, подавленность, шок, чувство одиночества, чувство собственной беспомощности, ощущение бессмысленности жизни, желание уединиться, страх потери другого близкого человека и страх собственной смерти, несправедливость мира, усталость и общая слабость, недостаточная мотивация для выполнения своих привычных дел, апатия, потеря интереса к новостям, работе, друзьям, социальным действиям, ухудшение самочувствия, применение медикаментов отмечались чаще лицами, переживающими внезапную утрату.

Представляется справедливым предположить, что внезапность утраты определяет и степень тяжести протекания процесса горевания. Для более четкой клинической дифференциации необходимы дальнейшие исследования психопатологической структуры, динамики, исходов депрессивных состояний, связанных с утратой близкого. Важным также является определение основных факторов, которые могут служить прогностическими критериями возникновения и исходов данных состояний, что необходимо для предупреждения тяжелых или затяжных форм переживания утраты.

Вассерман Л.И., Чугунов Д.Н.

ПСИХОДИАГНОСТИКА И ПСИХОТЕРАПИЯ: МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Психодиагностика личностных особенностей и их возможная психокоррекция, как известно, являются неразрывно связанными, дополняющими друг друга процессами, актуализирующими мотив самопознания и самоорганизации с помощью профессиональных приемов и технологий с одной стороны и развивающими фундаментальные научные представления о человеке как предмете познания (Б.Г.Ананьев) с другой стороны. Поддержание гомеостатического равновесия организм-среда подразумевает, в том числе психодинамическое изменение аффективных, когнитивных и поведенческих компонентов значимых отношений личности в соответствии с актуальными потребностями в контексте жизненной ситуации. Этим объясняется возрастающий научно-практический интерес к исследованию динамики копинг-поведения и механизмов психологической защиты (МПЗ) в процессе онтогенетического развития личности, в ходе ее последующей многоуровневой адаптации к меняющимся условиям жизни, а также, в случае необходимости, и при обращении за психотерапевтической помощью. Неосознаваемая активность МПЗ способна усугубить, смягчить или нейтрализовать поведенческие реакции на эмоционально значимые для личности ситуации, что подчеркивает важность их качественного исследования на этапе сбора анамнестических и психодиагностических данных, в динамике лечебно-коррекционного процесса, а также в ходе последующих катамнестических наблюдений.

В.Н.Мясищев подчеркивал важность генетической, исторической и социальной составляющих для изучения и понимания всей системы отношений личности. Традиционно принято рассматривать МПЗ как базовый способ «организации» индивидуального опыта, направленный на уменьшение уровня тревоги и напряжения в связи с субъективной оценкой возможной

угрозы. Личностная активность в этом случае направлена на гносеологическое «исследование» требований ситуации и доступных ресурсов, что на индивидуальном уровне воплощает модель замкнутого адаптационного цикла «диагностика-коррекция-диагностика». При этом утверждается, что для решения адаптационных задач любой психический процесс может стать МПЗ (А.Фрейд, N.McWilliams и др.).

В настоящее время представлена более сложная схема процесса психической адаптации: первоначальная ситуация, субъективно воспринимается как «сложная», угрожающая привычному образу жизни; последовательно возникающая в связи с этим личностная фрустрация активизирует адаптационные ресурсы в виде механизмов совладающего со стрессом поведения. Дефицитарность адаптационного потенциала личности способствует эскалации потенциально стрессовых ситуаций, при этом, дезадаптивные копинг-стратегии, как правило, связаны с высоким уровнем напряжения психологических защит более глубокого уровня в виде различного рода когнитивно-аффективных искажений (катастрофизация, проекция, регрессия и т.п.), соматических и психосоматических симптомов, а также поведенческих девиаций. Понимание патогенеза нарушений психической адаптации на основе современной системной биопсихосоциальной модели предполагает учет вышеотмеченных тенденций и адекватное использование методов психологической диагностики. Системное сопоставление субъективного восприятия актуального состояния и данных объективного психодиагностического исследования позволяет получить не только психотерапевтические «инсайт-эффекты», связанные с осознанием каузальных причин несовпадения, но и верифицировать психотерапевтический диагноз, формируя целостное представление о начальном, промежуточном и ожидаемом катамнестическом уровне адаптации личности. При этом, как подчеркивал В.Н. Мясищев, учитывается, что единство личности «цементируется» смысловым единством прошлого, настоящего и будущего в их субъективном, дифференцированном значении.

Несомненно, что различные психокоррекционные подходы, направленные на патогенетическую реконструктивную психотерапию системы отношений личности (Б.Д.Карвасарский), включая функциональные взаимосвязи МПЗ и копинг-стратегий, способствуют повышению ее адаптивного потенциала. Современные психотерапевтические направления подразумевают качественную многоэтапную психодиагностику профиля психологических защит и предпочитаемых копинг-стратегий в сопоставлении с уровнем достигнутой адаптации. Вместе с этим, остаются недостаточно изученными глубинные соотношения и взаимовлияния динамики МПЗ и копинг-поведения в процессе адаптации личности к стрессовым ситуациям (Абабков, 2009) и, в том числе, в ходе психокоррекционных и психопрофилактических мероприятий.

Гижук Т.В.

ОПТИМИЗАЦИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ КАРТИНЫ КАРЬЕРЫ: АЛГОРИТМ ИНДИВИДУАЛЬНОГО БИОГРАФИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА

В процедуре предлагаемого нами индивидуального биографического тренинга можно выделить два этапа: диагностический и формирующий.

Задача диагностического этапа заключается в актуализации сложившейся субъективной картины карьеры личности и выявлении её существенных особенностей. Данный этап включает в себя следующие процедуры: поиск личностно значимых и профессионально важных событий, определение их значимости, установление хронологии событий, целевой и причинный анализ межсобытийных связей. Психологическая реконструкция

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

системы причинных и целевых связей между событиями карьеры способствует пониманию личностью её профессионального пути, позволяет осмыслить собственную карьеру, по-новому взглянуть на события своей профессиональной жизни, увидеть собственную роль в её детерминации.

После ознакомления испытуемых с результатами диагностического среза целесообразно приступить к процедуре оптимизации субъективной картины карьеры. В соответствии с этим формирующий этап индивидуального биографического тренинга должен решать следующие задачи:

1. Осознание личностью позитивного профессионального опыта при чувстве нереализованности. Чувство нереализованности возникает из-за обесценивания имеющихся достижений, своего профессионального опыта и может быть изменено через повышение удельного веса прошлого в целостной картине профессионального пути.

2. Повышение профессионального оптимизма личности. Несовпадение между идеальным представлением о своей судьбе и реально проживаемой жизнью может быть скомпенсировано за счет расширения репертуара осознаваемых воспоминаний. Для решения поставленной задачи могут применяться следующие приёмы: переосмысление трудной ситуации, позитивное истолкование неприятного переживания и др. Результатом использования перечисленных приемов должно стать более позитивное восприятие своего профессионального пути и рост сензитивности личности к позитивным моментам своей профессиональной жизни.

3. Повышение субъективной продуктивности профессиональной карьеры личности возможно путём заполнения «белых пятен», выявленных на диагностическом этапе, дополнительными содержаниями. Приёмами здесь могут быть: обращение к воспоминаниям о начале карьеры и субъективно «пустым» отрезкам профессионального пути. В результате такой работы происходит присвоение личностью репертуара «драгоценных» фрагментов карьеры, которые в дальнейшем становятся ресурсом для саморегуляции.

4. Повышение степени однородности субъективной картины карьеры личности, которое возможно путём «стирания» из субъективной картины карьеры случайно названных событий. Благодаря этому освобождается место для более значимых событий с последующей работой над осознанием их роли в карьере. Важным моментом здесь является переориентация фокуса оценки своей жизни с внешней формальной стороны на оценку, соответствующую внутренне принятым критериям успешности.

Результаты апробации индивидуального биографического тренинга указывают на эффективность его применения для оптимизации смысловой и осознанной саморегуляции карьеры личности. У участников тренинга диагностируются устойчивые во времени позитивные изменения личностного смысла профессиональной деятельности: наблюдается снижение бессмысленности и негативного смысла профессии при одновременном, синхронном увеличении позитивного смысла профессиональной деятельности. Параметры субъективной картины карьеры личности после тренинга приближаются к функциональному оптимуму данного образа: наблюдается рост насыщенности субъективной картины карьеры значимыми событиями в целом и её временных модусов (прошлого, настоящего и будущего).

Таким образом, индивидуальный биографический тренинг является эффективным средством оптимизации субъективной картины карьеры, что в свою очередь приводит к росту субъектного отношения личности к своей карьере.

Грандильевская И.В., Тромбчиньски П.К.

ПОДГОТОВКА КЛИНИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ НА БАЗЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Нет ничего важнее для психолога, чем уверенное владение практическими навыками своей работы. На факультете психологии СПбГУ особое внимание уделяется разным видам психологической практики, направленной на обретение опыта в области психологического консультирования. Для этого в 2003г. на факультете был открыт Психологический Центр, включающий три отдела: организационного, профессионально-личностного и психологического консультирования. С момента основания работа отдела психологического консультирования осуществлялась по трем направлениям: обучение клинических психологов, психологическая помощь студентам и населению. Обучение ориентировано на практику, предоставляемую в рамках вне учебной деятельности и включает: интеграцию теоретических знаний в практическую деятельность; формирование, развитие и закрепление практических навыков, личностных и профессиональных качеств, психолога; самостоятельную работу студентов под супервизией.

В Центре практику проходят студенты 5 и 6 курсов (специальность «Клиническая психология»). Консультации проводят студенты в присутствии супервизора (сотрудник центра). Студент сталкивается с реальной проблемной ситуацией, требующей навыков ведения беседы и творческого подхода, создания новых отношений, уникальной встречи консультанта и клиента. После встречи супервизор дает студенту обратную связь. В конце дня группа совместно с преподавателем обсуждает эмоциональный и технический аспекты, проведенной студентом сессии, рассматриваются варианты технической стороны работы консультанта.

Клиентами являются люди, желающие получить бесплатную психологическую консультацию. Информация о Центре представлена на сайте факультета, где клиент может записаться на прием. Причины обращения: трудности адаптации; стресс; межличностные проблемы (студенческая группа, друзья, семья); чувство одиночества; проблемы взаимоотношений с противоположным полом; зависимости; половая идентификация; страхи; личностные трудности (оказание психологической поддержки); утрата и др. На 2017 и 2018 год примерно треть обратившихся ограничили себя одной встречей, в других случаях проведено от 2-5 встреч.

Основные цели организации практики в Центре: формирование навыков установления контакта с клиентом и создание атмосферы безопасности и доверия в сессии; развитие способности диагностировать проблематику клиентов, выдерживать структуру процесса и продвигаться по основным его этапам; умение выбирать и применять адекватные целям методы, техники и приемы; развитие рефлексии и анализа в ходе консультации и после; умение анализировать процесс беседы в ходе наблюдения; и др. Данный подход в обучении раскрывает внутренние ресурсы будущего консультанта, творческое использование приёмов консультирования, умение создавать уникальные отношения с клиентами, «простраивать» свой стиль работы, развивать гибкость в использовании разных стилей взаимодействия с клиентом. Обучение студентов в Центре облегчает и сокращает их адаптацию к профессии за счёт повышения уверенности в себе, приобретения внутренней опоры, способности не бояться делать ошибки, а также развития способности принимать компетентные и ответственные решения.

В 2017 году Психологический центр был трансформирован в Психологическую клинику СПбГУ. Под клиникой подразумевается включение обучающегося в относительно самостоятельную профессиональную деятельность и получение им практических компетенций под руководством квалифицированного специалиста. В структуре Психологической клиники выделяется 3 отделения: профессионально-личностного консультирования, психического

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

здоровья детей младенческого и раннего возраста, Служба психологической помощи СПбГУ. В Службе психологической помощи консультации проводятся студентами старших курсов, аспирантами и преподавателями факультета психологии, имеющими подготовку и опыт в области психологического консультирования. Один день в неделю консультации проводят студенты направления «Клиническая психология». Опыт работы показывает высокую эффективность в подготовке специалистов-психологов.

Исурина Г.Л., Карпова Э.Б.

ПСИХОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЙ И ПАТОГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ В.Н. МЯСИЩЕВА.

Основные положения концепции В.Н. Мясищева во многом формировались на основе клинического опыта, что позволило ему создать единую систему, включающую концепцию личности, концепцию неврозов и психотерапевтическую систему. В России до сих пор не существует другой психотерапевтической системы, которая была бы разработана на основе четких и взаимосвязанных концепций личности и психологического происхождения невротических расстройств.

Разработанная В.Н. Мясищевым психология отношений во многом способствовала возврату и сохранению в отечественной научной психологии категории личности. Раскрывая смысл этой категории, он сделал ее доступной для многих поколений психологов, врачей и педагогов. В.Н. Мясищев развивал свою концепцию, основываясь на определении человека как активного субъекта отношений, деятельности и познания. Понимание личности как системы отношений человека с окружающей средой является, как показало время, плодотворным при изучении и разрешении психологических проблем человека; оно существенно повлияло на судьбу отечественной медицинской психологии и психотерапии.

Основные задачи патогенетической психотерапии В.Н. Мясищева формулируются следующим образом: 1) изучение личности больного неврозом, особенностей формирования, развития, функционирования и нарушений его системы отношений; 2) выявление и изучение этиопатогенетических механизмов невротического состояния; 3) осознание причинно-следственных связей между ситуацией, личностью и болезнью; 4) осознание характера нарушений собственной системы отношений; 5) реконструкция нарушенной системы отношений. Эти задачи отражают поэтапный характер психотерапевтического процесса: от изучения личности пациента и пациентом, через различные этапы осознания, к коррекции нарушенной системы отношений.

Следует обратить внимание на некоторые специфические особенности этой психотерапевтической системы. Во-первых, задачи психотерапевтической системы фокусируются преимущественно на когнитивных аспектах (осознании и понимании). Во-вторых, особое внимание уделяется исследованию личности пациента. В.Н. Мясищев неоднократно подчеркивал, что нарушения системы отношений носят индивидуальный характер, связанный со значимостью отношений, а внутренний психологический конфликт в каждом конкретном случае не только характеризуется индивидуальной неразрешимостью, но и имеет индивидуальное конкретное содержание и не может быть сведен к некой общей схеме. В-третьих, выявление и изучение этиопатогенетических механизмов невротического состояния и причинно-следственных связей между ситуацией, личностью и болезнью предполагает осознание пациентом психологических механизмов своего заболевания уже на довольно ранних этапах психотерапии. Это осознание не имеет собственно терапевтического значения, но, как показывает прак-

тика, именно подобное осознание создает необходимую мотивацию для активного участия пациента в психотерапевтическом процессе. В-четвертых, осознание пациентом собственных отношений, собственного «вклада» в развитие нарушений не является завершающим этапом психотерапии. Завершающим этапом является изменения, реконструкция нарушенной системы отношений – процесс, протекающий в сопровождении психотерапевта.

Дальнейшее развитие идей В.Н. Мясищева в 70-е года прошлого века связано с созданием личностно-ориентированной (реконструктивной) психотерапией. Эта психотерапевтическая система отражает новый этап развития патогенетической психотерапии В.Н. Мясищева, который связан как с анализом накопленного практического опыта и результатов научных исследований, так и с развитием групповой психотерапии, что позволило углубить и развить представления о целях и задачах патогенетической психотерапии, механизмах лечебного действия, ее формах и методах, особенностях взаимодействия пациента и психотерапевта, собственно психотерапевтическом процессе и его этапах.

Козлов В.В.

ПРИНЦИП ПОЗИТИВНОСТИ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Многолетняя работа в прикладной психологии показывает, что применение принципа позитивности приносит большой эффект как в повышении социальной эффективности групп и личности, так и улучшении их внутреннего психологического комфорта, удовлетворенности.

Принцип позитивности подразумевает реализацию двух аспектов психологической работы:

1) центрирование психолога и клиента на положительном опыте. Одним из первых шагов в психологической работе является нахождение позитивных смыслов в проблемном состоянии, если это удастся, клиент, может быть, впервые получает возможность увидеть то, что с ним происходит, в ином свете.

2) опора на факты и реальность, опыт жизни, в том числе на житейскую мудрость и подлинность обыденного знания.

Часто личность и группа, являющиеся объектом психолога, находятся в дисбалансированном состоянии, которое они оценивают как “плохое” или “проблемное”. Иногда нахождение позитивных элементов в ситуации уже является шагом в трансформации, когда система из кризисного состояния за счет позитивного отношения и поддержки переходит к состоянию более высокого порядка, на следующую ступень интеграции. Позитивная установка во взаимоотношениях с личностью и группой в психологии может являться инструментом, методом в процессе работы.

Позитивность предполагает несколько шагов во взаимодействии с клиентом:

- осознание состояния личности, группы и детерминант кризисной ситуации (рефлексия актуального состояния системы);

- эмпатичное, эмоционально-чувственное вживание в проблемную ситуацию (отождествление с системой);

- постановка общей цели, внутренней стратегии и тактики, психо-технологическое насыщение предполагаемого процесса трансформации ситуации (моделирование перспективного состояния системы);

- реальное разрешение проблемной ситуации, осуществление позитивной перенастройки ситуации (приведение системы в равновесное состояние на новом качественном уровне).

Мы принимаем кризисные состояния личности и группы как особо благоприятные для развития. При этом следует отметить несколько переменных, которые позволяют рассматри-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

вать кризисные состояния как проблемную ситуацию, требующую социально-психологического вмешательства:

- кризисные ситуации вызывают положительные сдвиги только на первых фазах (повышение общей активности системы за счет внутренних ресурсов, имеющих интенцию к “гомеостазису”, поддержанию равновесного состояния);

- при высокой интенсивности или длительности травмирующей, конфликтной ситуации возможен срыв адаптационных механизмов личности и группы;

- высока вероятность “застывания” в ситуации без внешней энергетической поддержки и внешней рефлексивной позиции;

- как правило, кризис сопровождается потерей жизненных сил (витальности), когда конфликтное напряжение лишает группу и личность внутренней энергии, понижением социальной эффективности;

- кризисные ситуации имеют энергетический потенциал, фиксирующий личность и группу на негативном аспекте опыта. Это сопровождается потерей перспективных целей жизни, может привести к более продолжительным психологическим реакциям типа депрессии, апатии, повышению тревожности, другим деструктивным изменениям личности вплоть до психической и физической патологии. На уровне группы кризис может завершиться потерей общегрупповых целей, разрушением интегративных механизмов, к деструктивному психологическому климату и распаду.

Использование принципа позитивности также обусловлено тем фактом, что человек, сонастроенный с положительными состояниями, является существом с высокой жизненной энергией, степенью самоактуализации, проявленности в жизни, в творчестве, в социуме. Принцип позитивности соответствует позиции активного сострадания, когда психолог четко осознает свои возможности и ограничения, и, исходя из этого, строит процесс психологической работы в соответствии с состоянием и возможностями человека, с учетом его потенциальности.

Лебедева Е.И.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В БАЛИНТОВСКИХ ГРУППАХ

Умение выстраивать терапевтические отношения с клиентом - один из ключевых факторов профессиональной компетентности психологов-практиков. Искажения могут возникать из-за неосознанных установок, которые активизируются в профессионально сложных ситуациях. Методом профилактики возникновения контрпереносов являются балинтовские группы. Данный вид групповой работы способствует развитию профессионального мышления и препятствует эмоциональному выгоранию. В отличие от супервизии, балинтовские сессии делают акцент не на технической, а на личностной стороне.

Технология балинтовских групп разработана М.Балинтом, английским терапевтом, который в 50-х годах предложил метод анализа профессиональных случаев неудач в практике профессий, связанных с общением. Предметом балинтовского анализа являются психологические защиты, эмоции, моменты идентификации. Важнейшим условием эффективности проведения глубокого анализа личного профессионального опыта является создание психологической безопасности. Психологическая безопасность – переживание психологического комфорта, основанного на осознании собственного статуса, чувстве собственного достоинства, принятии себя. Принцип психологической безопасности отмечается как самый существенный в балинтовских сессиях многими авторами: Н.М. Лебедева, С.А. Кулаков, В.А. Винокур, Х. Оттен.

Однако сам предмет анализа балинтовской сессии противоречит требованию обеспечения психологической безопасности. Необходима открытая презентация коллегам своих профессиональных неудач (угроза профессиональному статусу), вероятность переживания сильных эмоций (затрагиваются значимые ситуации личного и профессионального опыта), угроза позитивному представлению о себе («я неуспешен»). Эти угрозы помогают нивелировать четкая технология проведения сессий. Однако методология и технологии практики балинтовских групп могут существенно отличаться в разных сообществах. В частности, в группах проводимых В.А. Винокуром, акцент делается на рассказ референта, широко используются ассоциации участников группы. После рассказа о своем случае референт на время символически «выходит» из круга и слушает обсуждение своей истории молча. В группе, проводимой Г.Л. Исуриной в ЦТК «12 коллегий», после представления случая, значительная часть времени просвещается вопросам, которые участники задают рассказчику, чтобы лучше понять историю и подготовить свои версии интерпретации случившегося.

Возникает вопрос, как достигаются условия психологической безопасности при реализации разных подходов? За счет минимизации неопределенности, при сохранении широкой возможности содержательного многообразия.

1. Четкая структура балинтовской сессии.
2. Особая позиция заявителя истории. Поддержание условий его личной ценности и важности истории.
3. Следование правилам группы (правила могут отличаться, но они известны всем участникам сессии, все согласны с их справедливостью и обязательностью для всех).
4. Устойчивый состав группы (закрытость).
5. Точный временной формат работы (регулярность, продолжительность).
6. Профессионализм ведущего, вызывающий доверие у всех участников группы.
7. Стиль поведения участников группы сложился и определен: допустимость/недопустимость поведенческих реакций, высказываний регулируется «неписанными» правилами группы (мера допустимости юмора, уровень жесткости интерпретаций и т.д.).

Итак, общий принцип соблюдения психологической безопасности в балинтовских группах обеспечивается соблюдением баланса: свободы проявлений участников и опоры на правила, глубины анализа и соблюдения психологической дистанции. Конкретные проявления этого баланса - результат традиций сложившихся в группе.

Ляшкова С.В., Чехлатый Е.И.

ДИНАМИКА КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ПРОЦЕССЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ РЕКОНСТРУКТИВНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ (ЛОРПТ) У ПАЦИЕНТОВ С НЕВРОТИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ И ИХ СВЯЗЬ С ВЫБОРОМ РАЗЛИЧНЫХ МИШЕНЕЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Целью исследования было изучение динамики клинико-психологических характеристик 150 больных с разными типами невротических расстройств в процессе индивидуальной личностно-ориентированной реконструктивной психотерапии (ЛОРПТ), проводимой 48 врачами-психотерапевтами, с которыми в конце лечения проводилось полуструктурированное интервью о выбиравемых ими мишенях психотерапии. При помощи качественного и количественного анализа материалов интервью была выявлена специфика выбора мишеней психотерапии при проведении индивидуальной ЛОРПТ у больных с разными типами невротических расстройств, связь выбора мишеней психотерапии с динамикой показателей клинико-психологических характеристик больных.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Анализируя динамику клинико-психологических показателей в процессе психотерапии у пациентов, включенных в исследование, можно отметить следующее. В целом у больных с невротическими расстройствами, включенных в программу исследования, была обнаружена достоверная позитивная динамика – снижение выраженности невротической симптоматики у всех больных. После лечения интенсивность, разнообразие и субъективная тяжесть симптомов снизились, большинство средних показателей достигли диапазона нормативных значений.

Больные с разными типами невротических расстройств до лечения различались по субъективной интенсивности и характеру симптоматики. Так, интенсивность жалоб и связанный с ними дистресс были более выражены при истерическом типе невротического расстройства за счет субъективной оценки тяжести симптомов. У больных с обсессивно-фобическим типом был значительно повышен обсессивно-компульсивный компонент симптоматики. У больных с неврастеническим типом отмечалась более интенсивная межличностная изоляция.

В результате психотерапии у больных с истерическим типом интенсивность симптомов и состояние дистресса достоверно снизились; у больных с обсессивно-фобическим типом невротического расстройства также достоверно снизилась выраженность симптоматики, ее интенсивность и субъективная тяжесть симптомов. Положительная динамика в оценке симптоматического состояния больных с неврастеническим типом также статистически достоверна. В результате психотерапии субъективная интенсивность психопатологических симптомов снизилась у больных всех типов невротических расстройств.

Для анализа взаимосвязи между выбором определенных психотерапевтических мишеней и результативностью психотерапии (положительным сдвигом индекса общей выраженности симптоматики) использовался точный критерий Фишера. В результате проведенной математической обработки было выявлено, что симптоматическая динамика связана с выбором определенных психотерапевтических мишеней прямой и обратной связью. Было установлено, что положительный эффект от выбора некоторых мишеней психотерапии зависит также и от этапа психотерапии, на котором врач-психотерапевт выбирал ту или иную мишень психотерапии.

Таким образом, при проведении индивидуальной ЛОРПт больных невротическими расстройствами наблюдается динамика их клинико-психологических характеристик, имеющая определенную специфику в зависимости от типа невротического расстройства. Выбор врачами-психотерапевтами различных мишеней при проведении индивидуальной ЛОРПт также имеет специфику и связан с динамикой указанных характеристик.

Платунов А.В., Ксюпов Т.Б.

О СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ – САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ ПСИХОТЕРАПИИ

В последние десятилетия в общественном сознании произошли значительные перемены, связанные с изменениями реальных условий жизни российского общества: политических, экономических и др. Это связано с небывалым до сих пор в истории человечества темпом развития технологий, скоростью изменения представлений о природе человека, социуме и постоянным размыванием границ привычных ценностных ориентаций общества. Все эти процессы неизбежно проявляют себя во всех сферах человекознания, в том числе и в медицине. Накопленные в более ранние периоды представления в этой области на современном этапе подвергаются постоянному пересмотру, что зачастую приводит к редукции целых научных систем, отказу от предшествующих взглядов на природу здоровья и болезни в пользу технологического и утилитарного их понимания. Происходящие глобальные процессы пересмотра представлений в области медицины в целом и психотерапии в частности, приводят к утрате

целостности представлений в такой сложной области, как неврозология и психотерапия, что и послужило поводом для инициирования настоящего исследования.

В современных условиях психотерапия характеризуется массированным импортом зарубежных методов, что, безусловно, происходило и раньше, однако в настоящее время трудно определить фундаментальную концептуальную основу, на которой они построены: зачастую это транскультуральные представления, а то и вовсе эклектическая смесь мистических представлений восточных культур и механистических представлений Запада. В сложившихся условиях качество психотерапии неизбежно падает, а количество методов и лиц, их практикующих, возрастает.

Наше исследование ставит своей целью сохранить выдающееся наследие отечественных воззрений на психотерапию и неврозологию, которые берут свое начало от В.М. Бехтерева, успешно развиваются его последователями и учениками А.Ф. Лазурским, В.Н. Мясищевым, а позже Б.Д. Карвасарским и его школой, и в настоящее время оформлены и продолжают развитие в пространстве Санкт-Петербургской школы психотерапии.

Основная роль в ее формировании принадлежит Б.Д. Карвасарскому, под руководством которого блестящие ученые и клиницисты провели огромную работу по изучению невротических расстройств, соматопсихических и психосоматических соотношений при различных заболеваниях, подняли представления о психогенных механизмах дезадаптации человека на подлинно научный уровень. Продолжая и развивая идеи своих учителей, Б.Д. Карвасарский с соратниками (Г.Л.Исурина, В.А.Ташлыков) создал метод личностно-ориентированной реконструктивной психотерапии и активно внедрял его в деятельность руководимого им отделения неврозов, заложил базу научного обоснования эффективности психотерапии. Всестороннее изучение научной деятельности Б.Д. Карвасарского, оказавшей огромное влияние на становление психотерапии в нашей стране (под его руководством было защищено 24 докторских и 100 кандидатских диссертаций в области неврозологии, медицинской психологии и психотерапии), позволит понять масштабы проведенной работы и наметить дальнейшие конструктивные пути развития Ленинградской - Санкт-Петербургской школы психотерапии. Это особенно актуально именно в настоящее время, когда в погоне за современным ритмом жизни и социальным запросом на психотерапию мы рискуем предать забвению полученные на протяжении десятилетий знания в этой области и надолго затормозить развитие научной, клинической психотерапии.

Подсадная М.О., Арсеньева В.В.

МЕТОДОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ РЕКОНСТРУКТИВНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Основные методы динамического направления в психотерапии были разработаны за рубежом; в нашей стране единственным методом, а точнее психотерапевтической системой, является личностно-ориентированная реконструктивная психотерапия Б.Д. Карвасарского, Г.Л. Исуриной, В.А. Ташлыкова (ЛЮРПт).

Личностно-ориентированная реконструктивная психотерапия является психотерапевтической системой, так как она опирается на оригинальную теорию личности (психология отношений В.Н. Мясищева, в которой личность понимается как система отношений человека к действительности); теорию психопатологии невротических расстройств (патогенетическая концепция неврозов и психотерапии) и практический метод, заключающийся в ре-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

конструкции нарушенной системы отношений. Среди не до конца разработанных аспектов ЛОРПт можно отметить отсутствие иного, кроме клинического, метода измерения динамики невротических расстройств в процессе психотерапии. Особенностью ЛОРПт является то, что ее можно проводить как в индивидуальном, так и в групповом варианте. ЛОРПт применима для решения различных задач: она эффективно работает в лечении неврозов, ПТСР, различных фобий, также применяется в лечении психических расстройств непсихотического уровня (или в стадии ремиссии), помогает при декомпенсации личностных расстройств, способствует личностному развитию здоровых людей; используется в личной психотерапии специалистов, групповой и индивидуальной супервизии.

Причиной малой распространенности ЛОРПт является то, что она до сих пор была не до конца разработана в методическом плане: основной массив знаний находится в научных публикациях, статьях и диссертациях, а учебно-методических руководств, включающих в себя все этапы обучения, практически нет, и они продолжают разрабатываться и сегодня в рамках учебных заведений, как государственных, так и частных.

В последние несколько лет ЛОРПт получила новый виток развития, чему способствовало образование в 2013 году Общества ЛОРПт в рамках НП «Петербургская школа психотерапии и психологии отношений» (ПШПиПО). Руководителем Общества ЛОРПт стал С.А.Подсадный, ученик и соратник создателей ЛОРПт Б.Д. Карвасарского, Г.Л. Исуриной и В.А. Ташлыкова. Являясь носителем метода ЛОРПт и обладая многолетним опытом в психотерапии, С.А.Подсадный подготовил ряд специалистов, работающих в ЛОРПт, которые стали преподавателями ПШПиПО и в настоящий момент реализуют программу обучения, включающую в себя три уровня подготовки: базовый, методический (средний) и высший. Каждый уровень состоит из двух модулей (модуль включает 72 часа).

Базовый уровень включает глубокую подробную теоретическую подготовку (лекции и семинары) в сочетании с практической работой (собственная групповая психотерапия, супервизии, клинические разборы с реальными пациентами).

Методический уровень является уникальным за счет возможности собственной работы под очной супервизией. После каждой проведенной сессии проводится групповое обсуждение.

Высший уровень предполагает формирование собственного стиля психотерапии, основанного на личностном профиле психотерапевта.

Условием для участия в полном цикле обучения является прохождение личной психотерапии у специалиста Школы и групповой супервизии. Программа обучения рассчитана на врачей-психиатров, психотерапевтов и клинических психологов. Обучение проводится в малых группах (6-12 человек).

В настоящее время обучение прошли специалисты из разных городов России (Новосибирск, Хабаровск, Самара, Ростов) и ближайшего зарубежья (Казахстан, Украина).

При успешном завершении всего курса обучения выпускники способны работать в рамках рассматриваемой психотерапевтической системой как в индивидуальной, так и в групповой форме; для них открывается возможность стать членами Общества ЛОРПт, присоединиться к профессиональному сообществу и получать в дальнейшем супервизионную поддержку.

Среди ближайших перспектив Общества ЛОРПт – расширение географии и количества слушателей программы, а также создание учебно-методических пособий на основе научных исследований и опыта преподавания.

Романова Е.А., Миланич Ю.М.

ЭФФЕКТЫ АРТТЕРАПИИ В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ С НЕВРОЗОПОДОБНЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ

У детей с неврозоподобными расстройствами резидуально-органического генеза обнаруживаются признаки недостаточности предпосылок интеллекта, незрелости эмоционально-волевой сферы и самооценки, низкой фрустрационной толерантности и конфликтности общения (Мнухин, 1968; Девятова, 2005; Мамайчук, Вейц, 2012; Исаев, 2013; Вейц, 2014). Такие психологические особенности определяют высокий риск социальной дезадаптации и требуют оказания своевременной психокоррекционной помощи.

Цель исследования: оценить эффекты арттерапии в работе с детьми с неврозоподобными расстройствами.

Исследование проводилось на базе психотерапевтического отделения ЦВЛ «Детская психиатрия» им. С.С. Мнухина. Участие приняли 55 детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста с резидуально-органическим поражением ЦНС в анамнезе и неврозоподобными расстройствами. *Основная группа* (29 человек) получала логопедическую помощь и проходила арттерапевтическую программу с элементами музейной, изобразительной и музыкальной терапии. Программа была направлена на развитие коммуникативных навыков, эмоциональной идентификации и вербализации, автономии, самоконтроля, зрелой самооценки, а также предполагала гармонизацию отношений с другими, коррекцию эмоционально-личностных проблем. *Контрольная группа* (26 человек) получала только логопедическую помощь. Психологическое обследование проводилось дважды с детьми основной группы (до и после программы) и детьми контрольной группы (через два месяца).

Использовались: 1) методика «Лесенка» для изучения оценки детьми сторон своего «Я», 2) методика Р. Жила для описания отношений к значимым людям и способов поведения во фрустрационных ситуациях, 3) опросник Ахенбаха, заполняемый родителями, для характеристики эмоционально-личностных особенностей и самоконтроля (шкалы «Агрессия», «Тревожность», «Замкнутость», «Нарушения социализации», «Проблемы с вниманием»).

Выявленные изменения психологических характеристик у детей основной группы и отсутствие таковых в контрольной рассматривались как эффект арттерапии.

У детей с неврозоподобными расстройствами после арттерапии выявлены тенденции к более критичному отношению к своим умственным и речевым способностям, что указывает на формирование более зрелой самооценки. При этом дети стали оценивать себя как более радостных и удачливых, так как были вовлечены в увлекательную деятельность, где организована атмосфера принятия, поддержки и свободы самовыражения и высказывания. Проведенный цикл занятий показал эффективность в развитии самоконтроля и проблемно-фокусированного выхода из фрустрационных ситуаций. Этому способствовала необходимость четкого планирования и контроля за изобразительной и музыкальной деятельностью. При этом в отличие от учебных и логопедических, такие занятия были более увлекательными, отвечающими эмоциональным потребностям детей. Развитие самоконтроля также было определено работой по улучшению эмоциональной идентификации и вербализации. Не было доказано влияния арттерапии на гармонизацию отношений к большинству близких людей. Исключение составило повышение субъективной значимости членов расширенной семьи, что может быть показателем развития автономии ребенка и сепарации от матери. Это связано с расширением представлений о семейных сюжетах в произведениях искусства, включением разных членов семьи в сюжеты собственных рисунков, формированием желания поделиться успехами в музыкальном и изобразительном творчестве с большим количеством людей. Вмешательство не

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

способствовало снижению выраженности эмоционально-личностных качеств агрессивности и тревожности. Однако после арттерапии дети показали большую открытость в общении, готовность вступать и поддерживать контакт.

В целом показана позитивная динамика в процессе арттерапевтического вмешательства, однако требуется дальнейшая разработка методов и техник арттерапии для детей с неврозоподобными расстройствами и проверка их эффективности.

Скрицкая Т.В.

КПТ ПОДХОД В РАБОТЕ С ИПОХОНДРИЕЙ: РАЗБОР СЛУЧАЯ

Когнитивно-поведенческая терапия становится все более популярной среди специалистов, что вполне закономерно и объяснимо методологической проработанностью, доступностью литературы и возможностью получить профессиональную подготовку в рамках данного подхода. Также КПТ позволяет фокусировано работать с конкретным запросом клиента и чаще получать запланированный результат.

Интерес представляет случай консультирования и КПТ клиентки А, обратившейся по поводу тревоги за свое здоровье и регулярных обследований у врачей разных специальностей, которые не диагностируют у нее никаких заболеваний и настоятельно рекомендуют обратиться к психологу.

На данный момент работа с клиенткой находится на терапевтической стадии.

Анамнез: клиентка А.: женщина, 26 лет, старший ребенок у матери, высшее образование (филолог, бакалавр), училась на бюджете. На данный момент специальность и работа любимые. В отношениях 10 месяцев, проживает с мужчиной, с которым планируют заключение брака, детей нет.

Анамнез заболевания: с 2013г. стала часто простывать, перенесла пневмонию, которую долго не могли диагностировать и подозревали туберкулез. Провела в стационаре 6 месяцев. После выписки из стационара стала ходить по врачам каждый месяц и обследоваться. После стационара последовательно обращалась за психологической помощью к трем специалистам, чтобы «разобраться в себе и наладить свою жизнь». Долше всего, в течение полутора лет, оставалась в психоаналитической терапии, которую прекратила по собственной инициативе в 2016г. Результат аналитической терапии оценивает как хороший. Психоанализ и наличие новых отношений не снижают крайнюю озабоченность А. собственным здоровьем, фиксацию на ощущениях в теле и поиске у себя новых заболеваний. Весной 2018г. невролог ставит диагноз F41.2 – смешанное тревожное и депрессивное расстройство и назначает медикаментозное лечение. На фоне приема препарата клиентка отмечает снижение тревоги и улучшение сна. Параллельно с этим, у нее появляется беспокойство, что без психотерапии, после прекращения приема лекарства симптомы быстро вернутся в прежнем виде. Учитывая мотивацию А. на работу с психологом, высокий интеллект, готовность выполнять домашние задания и вести дневник СМЭР, клиентке была предложена модель КПТ.

В течение первых 5 сессий удалось собрать анамнез жизни и заболевания, также на основе дневника СМЭР была построена концептуализация, для определения плана дальнейшей терапии.

Когнитивная концептуализация А.:

- Значимые сведения из детства: алкоголизация и конфликтные отношения у родителей; развод родителей в 3 года; отсутствие фигуры привязанности; не сформированы близкие, доверительные отношения с мамой, бабушкой и дедом.

- Глубинные убеждения: я необразованная; я дебилка; другие люди не принимают меня.
- Промежуточные убеждения, предположения, правила: меня нельзя игнорировать; я должна много работать, мои коллеги должны также стараться по работе; меня должны ценить.
- Компенсаторные стратегии: интерес к работе и хобби; избегает ситуаций, где необходима работа в группе; тенденция к ограничительному поведению.

Представленная концептуализация позволяет составить план дальнейшей терапии.

В процессе работы у клиентки ярко проявляется predisпозиция в виде ипохондрической настроенности, склонности к соматизации. Вторичные выгоды от симптомов не осознаются. Установлено по методике ТАС (шкала Алекситимии), что А. испытывает трудности с пониманием и описыванием своего эмоционального и физического состояния, что также указывает на целесообразность работы с данной клиенткой в КПТ через прояснение ее автоматических мыслей, глубинных убеждений и когнитивных искажений. В дальнейшей работе целесообразно совмещение КПТ и Личностноориентированной реконструктивной психотерапии для лучшей осознанности и получения стойких изменений в процессе терапии.

Результаты терапии на начальном этапе: у клиентки постепенно развивается способность осознавать и называть свои эмоции, также происходит формирование связей между симптомами и актуальной ситуацией в жизни.

Фахрутдинова Л.Р.

ПСИХОТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕЖИВАНИЯ В КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

Категория переживания вызывает в последние годы все больший интерес с позиции фундаментальных исследований, с точки зрения понимания психологических механизмов функционирования психического целого. Базовый характер категории переживания отмечали С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский и др.

Нами раскрыт психологический механизм саморазвития сознания, субъекта, личности через переживание впечатлений в системном комплексе, представляющем собой диалектическую пару, ПЕРЕЖИВАНИЕ-РЕФЛЕКСИЯ. Впечатление оставляет «след», «отпечаток» на субстанциональности переживания и является пусковым механизмом для развития переживания, одновременно становясь ее частью. Поскольку переживание и рефлексия являются частями системного комплекса и составными частями – противоположностями диалектической пары, то самозапуск переживания впечатления имплицитно запускает и рефлексивные процессы. На первых этапах переживания впечатления доминирует переживание, на последних этапах переживание «иссушается», «перерабатывается» в образы мира, новые значения и смыслы, и доминирует рефлексия. Процесс «переработки» впечатления в системном комплексе ПЕРЕЖИВАНИЕ-РЕФЛЕКСИЯ прерывается, изменяется, искажается, уменьшается. Это-защитными механизмами (Фахрутдинова, 2012). Далее «непереработанные» или недостаточно «переработанные впечатления «оседают» в психическом целом, большей частью в неосознаваемой форме, и нередко обозначаются практическими психологами как «замороженные» переживания».

По мнению Л.С. Выготского, а также представителей зарубежной психотерапии (Дильтей, Лэйнг, Лэнгль, Роджерс и др.), переживание представляет собой внутренний, субъективный план, придает субстанциональность субъективного мира человека. Операционализация переживания позволила нам исследовать субъективный план, субстанциональность субъектности человека через пространственно-временные, информационно-энергетические, телесные, эмоциональные, когнитивные и психосемантические характеристики переживания.

Исследование структурно-динамической организации переживания в ситуации консультирования имеет большие перспективы, поскольку позволяет «изнутри» заглянуть во внутренний мир человека, исследовать влияние психотерапевтического процесса непосредственно во время терапевтического воздействия. Ранее, нами исследовалась структурно-динамическая организация переживания в ситуации гештальттерапии (Fahrutdinova, Nugmanova, 2015). Было выявлено достоверное изменение телесной составляющей переживания в сторону ее увеличения. Поскольку телесная составляющая доминирует на начальных стадиях переживания впечатления, результаты показывают, что происходит «возврат к началу переживания «замороженного переживания»», что имеет эффект самоощущения усиления телесной составляющей переживания. Изменение переживания как целостного явления в сторону положительного, приятного, вдохновляющего самоощущения, свидетельствует о том, что в целом переживание впечатления идет в сторону своего конструктивного разрешения. Проводя диагностику в процессе консультирования можно определять стадию переживания впечатления, с проблемами которого обратились за психологической помощью.

Нами в психологическом консультировании проводится диагностика субъективных процессов консультирования клиента с помощью методического аппарата, полученного в результате наших исследований. Кроме того, сам процесс консультирования нами выстраивается в логике психологического механизма саморазвития сознания соответственно этапам переживания впечатления в системном комплексе «ПЕРЕЖИВАНИЕ – РЕФЛЕКСИЯ».

Таким образом, нами открыт психологический механизм саморазвития сознания, личности через переживание впечатления в системном комплексе «ПЕРЕЖИВАНИЕ – РЕФЛЕКСИЯ», который позволяет постигать происходящие процессы в психологическом консультировании. Операционализация переживания впечатления позволяет нам проводить психологическую диагностику и проводить исследование эффективности психотерапевтического воздействия.

Филипович В.И.

ОСОБЕННОСТИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ИСПОЛНЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРИ НЕВРОЗАХ

Аутентичное бытие означает личностное бытие и рассматривается как центральная способность и задача человеческого существования в экзистенциально-гуманистическом направлении психологии. Персональный экзистенциальный анализ (А. Лэнгле) подчеркнул важность актуализации личностного начала в человеке. Аутентично живущий человек испытывает чувство экзистенциальной исполненности – удовлетворенности от самореализации. Аутентичная личность способна дистанцироваться от содержаний «Я», открываться к их постижению. Личность способна преодолевать границы себя, проецировать себя в мир и создавать себя в ценностях мира – самотрансцендироваться. Способность рефлексировать жизненные ситуации, определять события и возможности в жизненном опыте реализуется в решимости воплотить сделанный выбор. Способность завершать то, что было начато, воплощать решения проявляться в персональной уверенности и чувстве долга.

На наш взгляд, нарушение механизмов, обеспечивающих аутентичное личностное бытие, создает неполноценные личностные состояния, в которых личность становится уязвимой к различным внешним воздействиям, утрачивает способность быть причиной себя. Сравнительное изучение процессов личностной динамики при пограничной психической патологии и в норме позволит выявить их возможные искажения при неврозах.

Методика исследования: «Шкала экзистенции» А. Лэнгле и К. Орглер, направленная на изучение субъективного опыта экзистенциальной исполненности личности.

Выборка исследования. Основную группу (ОГ) составили 45 пациентов отделения пограничных психических состояний УЗ «ГОКЦ «Психиатрия – наркология» города Гродно с диагностированными пограничными психическими расстройствами невротического спектра, госпитализированных в течение 2017-2018 годов. В группу сравнения (ГС) вошли работники учреждений образования и здравоохранения, добровольно ответившие на вопросы методики (N=46). Психические расстройства в ГС в анамнезе не представлены.

Результаты. Было выявлено, что пациенты, входящие в основную группу, демонстрируют более низкие показатели по каждой шкале, нежели респонденты группы сравнения. Полученные различия между группами статистически достоверны: $U(\text{персональность})=643$, $z=3,11$, $p=0,0019$; $U(\text{экзистенция})=661,5$, $z=2,97$, $p=0,0030$; $U(\text{экзистенциальная исполненность})=606$, $z=3,41$, $p=0,0007$.

Большинство значений, полученных по шкале самодистанцирование и шкале свободы в основной группе, располагается ниже границы оптимума, заданного методикой; шкала самотрансценденции характеризуется большим разбросом значений. Шкала персональности в основной группе ($x(\text{cp})=88,96$, $\sigma=20,30$) в отличие от группы сравнения ($x(\text{cp})=102,15$, $\sigma=11,96$) характеризуется выраженной областью низких значений и вторым узким пиком в диапазоне средних оптимальных значений. Второй пик объясняется неоднородностью группы, обострением экзистенциальной чувствительности у невротической личности. Шкала экзистенции в группе сравнения ($x(\text{cp})=99,39$, $\sigma=14,71$) характеризуется пиком в области среднего оптимального значения, в основной группе ($x(\text{cp})=88,29$, $\sigma=19,56$) средние значения попадают на нижнюю границу диапазона оптимума. Выраженность экзистенциальной исполненности в основной группе ($x(\text{cp})=177,24$, $\sigma=36,06$) характеризуется наличием обширной области низких значений, для группы сравнения ($x(\text{cp})=201,54$, $\sigma=23,67$). Субъективное переживание предельных данностей собственной жизни изменяется в случае наличия у личности невротической симптоматики. Личность не чувствует, что живет полноценно. Процесс самодистанцирования при неврозах нарушен, что искажает возможность аутентичного поиска персонально значимых задач и сфер самореализации. Личность экзистенциально дезориентирована, не знает, на какие цели направить свои внутренние ресурсы, на что решиться. Невротический симптом уменьшает внутреннюю неопределенность личности относительно себя и своего места в мире, но подменяет собой экзистенциально аутентичный процесс диалога личности с миром.

Фурсова Е.С., Фёдорова М. И.

СОЦИОДРАМА КАК МЕТОД ГРУППОВОЙ РАБОТЫ

Социодрама как метод групповой терапии был разработан Я.Л. Морено в качестве специального вида психодрамы. В центре социодрамы - роли, отношения между группами людей, коллективные представления.

В нашем случае социодрама использовалась как метод первичной профилактики ВИЧ-инфицирования. Участниками социодрамы были учащиеся 10-11-х классов школ, 50 человек. В качестве целей социодрамы были определены следующие: снижение вероятности проявления рискованного поведения, осознание существующих ресурсов для укрепления и сохранения здоровья.

Опишем социодраму с точки зрения основных элементов и основных фаз процесса. Основные элементы социодрамы представлены ведущим, ролями, сценой. Роли были предложены участникам заранее. Выбор ролей был обусловлен включёнными в ситуацию людьми, а также необходимыми элементами самой проблематики. Итак, были выбраны обобщённые роли самих подростков, родителей, врачей, обывателей, представляющих общество в целом. Роль врачей была выбрана как более безопасная позиция, для того чтобы уйти от стигматизи-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

рованной роли ВИЧ-инфицированных. Также были представлены роль здорового образа жизни, роль стереотипов и предрассудков, а также роль, названная «люди риска», как выражение рискованного поведения подростков. Группы участников знали название только своей роли, роли других групп они должны были угадать. В проведении социодрамы участвовали семь ведущих по количеству групп, так, чтобы у каждой группы был модератор.

Большое внимание было уделено организации пространства. Так, был построен импровизированный Невский проспект с пешеходным переходом, светофором, проезжающим по нему транспортом, кафе, сквером, ремонтными работами, расположенными на нём домами. Это было сделано для разработанной нами для разогрева игры «Прогулка по Невскому проспекту». Для основного этапа была выбрана рассадка участников в форме аквариума, который состоял из внутреннего малого круга для тех, кто участвует в дискуссии, и большого внешнего круга для активных наблюдателей. Наблюдатели в процессе групповой дискуссии могли по очереди подходить к участнику своей роли и также высказывать свои мысли, идеи, переживания.

Основное содержание социодрамы отражало её основные фазы: разогрев, действие, шеринг.

Разогрев, целью которого было вызвать спонтанный интерес к ситуации, состоял из двух этапов. На первом этапе участники, вытянув карточку с названием роли, познакомились с основной информацией об этой роли, представленной в виде скриншотов Интернет-страниц, подготовленных для каждой роли. На этом этапе участники должны были составить мнение и представление о своей роли, определить поведение в заданной роли, свой взгляд на проблему из роли. Этому этапу предшествовало введение участников в роль. Второй этап представлял собой игру «Прогулка по Невскому проспекту», суть которой заключалась в том, что участники должны были проявить себя в предложенных ролях, а также догадаться, какую роль играют другие группы. Разогрев позволил участникам по-настоящему вжиться в роли, прочувствовать их. Кроме того, участники одновременно и проживали собственные роли, и наблюдали за поведением участников в других ролях. Ведущие также участвовали в процедуре разогрева, спонтанно выбрав себе роли и проигрывая их.

На основном этапе использовались групповая дискуссия и обмен ролями. В групповой дискуссии принимали участие по одному представителю от каждой группы. Остальные участники были активными наблюдателями. Групповая дискуссия направлялась заранее спланированными вопросами. Обмен ролями был представлен скульптурой, отражающей взаимоотношения различных ролей, с проговариванием участниками чувств, мыслей, отношений из новой роли.

Шеринг проводился в форме ролевой обратной связи, когда участники описывали свой опыт, отвечая на предложенные вопросы, а также идентификационной обратной связи, в которой участники говорили о ресурсе, который помог бы предупредить заражение ВИЧ-инфекцией: компетентность в вопросах укрепления здоровья, организация досуга, поддержка учителей и родителей.

Щукина М.А., Гаранжа А.В.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ЧАТ-КОНСУЛЬТАЦИЙ ПСИХОЛОГОВ НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

Оценка эффективности консультативного процесса – важная задача консультативной психологии, которая приобретает особую актуальность, когда речь идет о новых формах дистанционного консультирования посредством Skype, e-mail, чатов. В описываемом исследовании осуществлен опыт изучения консультативных диалогов в чат-формате мето-

дом контент-анализа, позволяющий выявить основные смысловые единицы и коннотации в высказываниях клиента, делающий возможным количественную оценку их динамики в консультативном процессе.

Цель исследования – отслеживание динамики психологического состояния абонента в процессе чат-консультации.

Проведен контент-анализ 51 консультативный диалога 17 сотрудников (по три диалога у каждого) Благотворительного фонда «Твоя территория», из которых 4 мужчин, 9 психологов-консультантов, 8 волонтеров с психологическим образованием либо получающих его. Фонд – некоммерческая организация, осуществляющая кризисную психологическую помощь детям, подросткам и молодежи до 23 лет в форматах чат-консультирования и ответов на электронные письма. Средний возраст абонентов составил 17,15 лет, 20,83% из них мужского пола. По характеру запроса 21 консультация по переживанию утраты, 16 – предсудебного состояния, 3 – насилия, 11 – прочие (сложности в учебе, страх сдачи ЕГЭ, болезнь). Каждый диалог анализировался на наличие вербальных и смысловых индикаторов актуального психологического состояния абонента по категориям: состояния абонента, физиологические проявления состояния, восприятие окружающей действительности, презентация мыслей, самопрезентация, возможность контроля и регуляции своего состояния, отношения со значимыми людьми, ресурсы для изменения своего состояния или ситуации, намерения и планы, понимание причин своего состояния, признание ценности консультации, использование графических средств изображения экспрессии.

Для выявления динамики изменения состояния абонента в процессе консультации, переписка была условно поделена на две части («начало» и «конец», которые определялись по отношению к временному центру консультации, среднее время диалога 82,76 минуты) и количество единиц анализа фиксировалось отдельно для каждой части диалога. Сравнительный анализ по критерию знаковых рангов Вилкоксона актуального состояния абонента между условными частями диалога показал значимые сдвиги по 21 критерию из 37. Установлено, что в процессе консультативного диалога в формате чата у абонента увеличивается частота проявлений эмоций спокойно-нейтрального спектра ($p=0,001$) и снижается проявление негативных эмоциональных переживаний: вина/стыд ($p=0,022$), гнев ($p=0,002$), чувство одиночества ($p=0,002$), страхи ($p=0,003$), растерянность/неопределенность ($p=0,01$), безнадежность/бессмысленность ($p=0,023$), грусть/тоска ($p=0,005$). Также в завершении диалога значимо снижается количество самоописаний в негативных тонах ($p=0,049$), описание абонентом своих негативных мыслей ($p=0,005$). К концу диалога повышается количество высказываний, направленных на конструктивное решение проблемы, включая обращение за помощью к значимым людям или специалистам и выработку плана по изменению своего состояния ($p=0,003$), увеличивается количество высказываний о намерении выполнить рекомендации консультанта ($p=0,001$). В финале беседы абоненты чаще отмечают ценность проведенной консультации, важность психологической помощи такого формата ($p=0,004$).

Сравнительный анализ динамики по критериям контент-анализа в группе волонтеров и консультантов показал, что у консультантов присутствуют значимые сдвиги по критерию «ценность и важность разговора для абонента», а также «конструктивное решение проблемы». Можно предположить, что консультанты больше уделяют внимание поиску решения проблем абонентов, резюмированию итогов консультации и получению обратной связи. Волонтеры больше внимания уделяют изучению актуальной ситуации абонента с формулированием рекомендаций по дальнейшим действиям.

Якимкина О.Л., Подсадный С.А., Сивохина Т.А.

**ПРИМЕНЕНИЕ ЛИЧНОСТНО - ОРИЕНТИРОВАННОЙ
РЕКОНСТРУКТИВНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ (ЛОРПТ) В РЕАБИЛИТАЦИИ
ОНКОЛОГИЧЕСКИХ ПАЦИЕНТОВ**

В настоящее время важной задачей в реабилитации онкологических пациентов является изменение качества жизни в послеоперационный период. Психотерапевтическая помощь в восстановительном периоде после операции способна облегчить пациентам принятие своего заболевания и те трудности, которые сопровождают их в течение всего последующего лечебного процесса, а по сути всей жизни.

Исследование проводилось на базе отделения реабилитации Самарского Онкологического диспансера. Было обследовано 257 пациентов, проходящих реабилитацию по поводу удаления молочной железы. Из них 37 больных проходили индивидуальную ЛОРПТ, 51 пациент – краткосрочную групповую ЛОРПТ. Контрольную группу составили онкобольные, проходившие реабилитацию по другим программам.

Использовались следующие методики: опросник качества жизни SF-36, шкала дистресса, корреляционный анализ, метод математической статистики (χ^2 Пирсона).

По результатам исследования было выявлено, что показатели по шкале физического функционирования, отражающие возможность самообслуживания и выполнения физических нагрузок, улучшились у 35% пациентов основной группы, в контрольной группе - у 21% обследуемых; ощущение себя наполненным энергией и жизненной силой отметил 41% больных основной группы, тогда как в контрольной только 15%; улучшение в социальном функционировании отметили 13% респондентов экспериментальной группы и 11% - контрольной; 67% пациентов основной группы отметили более спокойное и гармоничное отношение к себе и близким и в контрольной группе - 54%; об улучшении состояния здоровья высказался 21% респондентов основной группы и 17% - контрольной; 47% пациентов отметили улучшение и снижение интенсивности боли в основной группе и 32% в контрольной; 28% пациентов основной группы отметили заметное улучшение в аспекте ролевого функционирования, обусловленное физическим состоянием (18% в контрольной); 78% пациентов основной группы обратили внимание на качественное улучшение состояния своего эмоционального фона и его стабильность (61% пациентов в контрольной группе).

Таким образом, применение ЛОРПТ в реабилитации онкобольных положительно влияет на улучшение качества жизни пациентов, стабилизацию их физического и психического состояния. Изменение пациентом отношения к себе и к окружающим помогает онкологическим пациентам лучше и качественнее справляться с трудностями, связанными с их заболеванием.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА С АТИПИЧНЫМ РАЗВИТИЕМ

Бучкина И.П.

РЕЧЕВОЙ НЕГАТИВИЗМ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВЫХ НАРУШЕНИЙ У ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ОТ 2 ДО 4 ЛЕТ С МОТОРНОЙ АЛАЛИЕЙ

Моторная алалия – мультисиндромное состояние тотального недоразвития преимущественно экспрессивной речи, проявляющееся в первичном нарушении формирования языковых операций фонологического, лексического и синтактико-морфологического программирования высказывания (Корнев, 2006). Моторная алалия – особый тип психоречевого дизонтогенеза, при котором ведущими нарушениями являются речевые трудности в освоении родного языка. При моторной алалии помимо нарушений речевой системы всегда имеются симптомы нарушений когнитивной и эмоционально-волевой сфер. Психическое развитие детей с моторной алалией проходит своеобразно и отличается от нормотипического (Корнев, 2006; Лынская, 2018; Соботович, 2003). К числу особенностей относят речевой негативизм – отказ, нежелание ребенка осуществлять произносительные пробы. Речевой негативизм не является специфическим нарушением при моторной алалии, но встречается довольно часто, усложняет структуру речевого нарушения и затрудняет коррекционную работу.

Выраженность речевого негативизма у разных детей в возрасте от 2 до 4 лет с моторной алалией колеблется от легких проявлений до тотальных форм. Чаще специалисты сталкиваются с избирательным отказом детей от попыток произносить новые слова, отсутствующие в экспрессивной речи. При этом слова, которые ребенок уже умеет произносить, он легко называет. Реже приходится наблюдать тотальное проявление речевого негативизма, когда ребенок в любой ситуации отказывается произвольно произносить любые слова, даже те, которые умеет. Речевой негативизм – психологический симптом, с которым сталкиваются прежде всего логопеды в процессе коррекционной работы.

Согласно О.Е. Громовой (2008), проявления речевого негативизма сглаживаются благодаря развитию языковых способностей детей с алалией. Чем лучше ребенок с моторной алалией говорит, тем менее выражен у него речевой негативизм. При наличии речевого негативизма в структуре языковых нарушений у детей в возрасте от 2 до 4 лет с моторной алалией специалисту необходимо осуществлять выбор стратегии коррекционной работы с учетом этого психологического симптома.

На начальных этапах коррекционной работы при минимальных языковых возможностях целесообразной и максимально оправданной может быть терапия, ориентированная на развитие сенсорной интеграции детей (Айрес, 2017). В дальнейшем специалист может использовать обучение через обстановку и ситуацию. В игровой ситуации и эмоционально позитивной обстановке специалист формирует у ребенка потребность высказаться. При этом качество речи ребенка не оценивается. Поощряются любые звуки, звукокомплексы и контуры слов. В дальнейшем возможно использование приема рекастинга, суть которого состоит в частичном повторении сказанного ребенком и включении в высказывание специалиста той грамматической формы или лексической единицы, которой необходимо научить ребенка. В процессе работы может быть рекомендовано использование метода развертывания, суть которого состоит в следующем. Слыша высказывание ребенка, специалист грамматически правильно

разворачивает его и производит. После устранения речевого негативизма в работе может быть реализован имитационный подход, суть которого состоит в повторении ребенком вслед за специалистом слов и высказываний разной степени сложности.

Помимо этого, в коррекционной работе с самых первых встреч занятия обязательно включают в себя игры и задания, направленные на преодоление нарушений фонематического слуха. Коррекция нарушений фонематического слуха – сквозное направление в работе с детьми с моторной алалией, которое реализуется с первого до последнего занятия. Это повышает языковую компетентность детей, позволяет им лучше говорить.

Таким образом, через выбор различных стратегий коррекционной работы, благодаря комбинированию разных моделей оказания помощи и конкретных развивающих приемов в работе у детей в возрасте от 2 до 4 лет с моторной алалией не только растет их языковая компетентность, но и полностью преодолевается речевой негативизм.

Городный В.А., Ляско Е.Е.

РЕЧЕВОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ 6-7 ЛЕТ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА И СИНДРОМОМ ДАУНА*

В рамках проекта по изучению отражения в характеристиках голоса и речи ребенка эмоционального, психофизиологического и психоневрологического состояния (руководитель проекта – Ляско, 2018-2020) проведено исследование речевого развития детей 6-7 лет с расстройствами аутистического спектра (РАС), с синдромом Дауна (СД) и типично развивающихся (ТР).

В исследовании участвовало 28 детей 6–7 лет: с РАС (n=10), с СД (n=8) и ТР (n=10). Запись речевого материала детей проведена по методике, разработанной в Группе по изучению детской речи (Ляско и др., 2012). Проведен анализ активного лексикона детей по частоте встречаемости слов с разным числом слогов и различных частей речи, анализ ответных реплик детей в диалогах «взрослый – ребенок». Фонетический анализ проведен на основе системы записи фонетических знаков SAMPA для русского языка.

Спектрографический анализ проведен в программе “Cool Edit Pro”. Из речи детей выделены слова. Для слов и гласных из слов детей определены длительность, значения частоты основного тона (ЧОТ), вычислена вариативность ЧОТ. На стационарном участке гласного считали значения ЧОТ и значения двух формантных частот (F1, F2). На двухформантной плоскости построены формантные треугольники ударных и безударных гласных /a/, /i/, /u/ из слов детей. Вычислены значения площадей формантных треугольников гласных (Ляско, Григорьев, 2013) и индекса артикуляции гласных (VAI) (Roy et al, 2009). Статистический анализ данных проведен в программе “Statistica.10”.

Речевой репертуар детей трех групп представлен словами из 1-5 слогов и простыми фразами. ТР дети используют в речи слова из 6-7 слогов, сложные фразы по типу сложносочиненного и сложноподчиненного предложения. Ответные реплики у детей с РАС и с СД представлены преимущественно одним словом, сложные фразы отсутствовали. В лексиконе детей всех групп встречаются разные части речи. Для детей с РАС и детей с СД отмечено наличие слов, значение которых сложно определить даже в контексте ситуации. Определены акустические характеристики речи, специфичные для ТР детей, детей с РАС и детей с СД в возрасте 6-7 лет. Обнаружено, что для ТР детей характерны максимальные значения VAI ударных гласных. Для детей с РАС характерны высокие значения ЧОТ, вариативности ЧОТ слов и ударных гласных из слов, высокие значения площадей формантных треугольников ударных гласных и

VAI безударных гласных, несформированность ряда согласных фонем. Для детей с СД показаны высокие значения длительности слов и ударных гласных из слов, низкие значения VAI ударных гласных, несформированность ряда согласных фонем и наличие фонем, нехарактерных для русского языка. Выявлена связь между значениями VAI ударных гласных и диагнозом ребенка – у детей с СД значения VAI ниже по сравнению с детьми с РАС и ТР сверстниками.

Таким образом, в исследовании получены данные о специфических особенностях речевого развития детей с расстройствами аутистического спектра и с синдромом Дауна. Определены различия в акустических характеристиках слов детей с РАС и детей с СД по сравнению с типично развивающимися сверстниками.

**Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ № 18-18-00063.*

Григорьев А.С.

ОШИБКИ ВЗРОСЛЫХ ПРИ РАСПОЗНАВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ ТИПИЧНО РАЗВИВАЮЩИХСЯ ДЕТЕЙ*

Целью работы явилось изучение особенностей распознавания лексического значения слов, вырезанных из контекста фразы, типично развивающихся детей. В исследовании участвовало 240 детей в возрасте от 5 до 16 лет (по 10 мальчиков и 10 девочек в каждом возрастном срезе). Речевой материал для детей в возрасте 5-7 лет взят из базы данных детской речи «CHILDRU» (Ляко и др., 2007); детей в возрасте 8-16 лет - записан в средней школе имени А.С. Пушкина. Дети развивались в соответствии с возрастной нормой по заключению педиатров; не имели диагностированных нарушений слуха и речи.

Исследование одобрено Этическим Комитетом Санкт-Петербургского государственного университета.

Аудиозапись речи детей с параллельной видеорегистрацией их поведения проводили в ситуации диалога с экспериментатором с использованием стандартного набора вопросов. Количество вопросов экспериментатора варьировало в зависимости от возраста детей, стандартными для всех детей явились 9 вопросов. Такого количества оказывалось достаточно для построения диалога, в котором дети употребляли сходные (однокоренные) или одинаковые слова, что требовалось для дальнейшего сравнения акустических характеристик ударных и безударных гласных, произнесенных детьми разного возраста. Для осуществления перцептивного анализа созданы тестовые последовательности, каждая тестовая последовательность состояла из 30 слов, каждое слово повторялось по три раза, интервалы между предъявлениями разных слов составляли 15 секунд, между повторениями – 5 секунд. Для создания тестовых последовательностей использовали слова, на которые падает смысловое ударение, вырезанные из контекста фразы. Всего создано 42 тестовых последовательности, по 21 последовательности, содержащей речь мальчиков и речь девочек.

В исследовании приняли участие 543 аудитора (188 мужчин и 355 женщин) в возрасте $19,3 \pm 1,2$ лет. Аудиторам для заполнения были предложены анкеты, в которых напротив номера каждого слова было необходимо побуквенно записать значение данного слова. Каждый из аудиторов указывал информацию о себе – пол, возраст, опыт общения с детьми (отсутствие, бытовой). Бытовой опыт подразумевал наличие у аудитора собственных детей, младших детей в семье или у близких родственников и друзей, с которыми аудитор проводит много времени.

Все аудиторы не имели диагностированных нарушений слуха, у части ($n=35$) аудиторов производили измерение порогов слуха с помощью метода аудиометрии. Использовался двухканальный тональный аудиометр AD229E.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Значимых различий в распознавании лексического значения слов детей между аудиторами разного пола выявлено не было; значимых различий не было обнаружено между аудиторами, имеющими бытовой опыт и не имеющими опыта общения с детьми. Аудиторы лучше всего распознавали лексическое значение слов, вырезанных из речи детей 8-летнего возраста, хуже всего – слова из речи детей 7 лет и 11 лет (менее 50%).

В работе выявлены акустические параметры, влияющие на распознавание лексического значения слов детей – длительность стационарного участка ударных гласных и интенсивность основного тона ударных гласных. Проведен анализ слов, лексическое значение которых аудиторы распознали неверно. Введен термин «ошибки» аудиторов для обозначения неправильно распознанного лексического значения слов.

Ошибки, допускаемые аудиторами, разделены на три типа: в начале слова - например, слово /русский/ заменено на - /по русский/; в конце слова - /математика/ - /математику/; слово не распознано полностью - замена на другое слово или пропуск. Наибольшее количество ошибок аудиторов связано с нераспознаванием значения слова ребенка в каждом из проанализированных возрастов. Исключение составляют слова 8-летних детей, при распознавании которых наибольшее число ошибок - 59,4% допущено в конце слова. Полученные в работе данные могут быть использованы при проведении мультидисциплинарных исследований, посвященных формированию речи в онтогенезе.

**Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект №18-18-00063.*

Крайнюков С.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДЕТСКОГО И ПОДРОСТКОВОГО ТРАВМАТИЗМА

В последние десятилетия наблюдается существенный рост физического травматизма среди населения. Различного рода травмы ежегодно получают 18% жителей России, из них каждый седьмой – травмы костей. При этом наибольшая частота и сложность травм приходятся на детский и подростковый возраст (Воронович, Петренко, 1997; Корж, Бондаренко, 1994; Корнилов, 2001). Помимо объективных причин, связанных с интенсификацией движения транспорта, увеличением темпов высотного строительства и др., травматизм может быть связан с психологическими факторами. Так, исследования, проводимые в институте Г.И. Турнера, показали, что дети, получившие физические травмы, в будущем в девять раз чаще подвержены к получению подобного вида травм (Андрианов, Парфенов, Затекин, 1987). По данным А.А. Горлова и Е.К. Вишневецкой (1991) не менее 50% детских травм обусловлены психологическими причинами. В то же время исследования психологических факторов детского и подросткового травматизма носят немногочисленный и фрагментарный характер, что не позволяет разработать эффективные технологии его профилактики. В отдельных работах авторы указывают на такие факторы детского и подросткового травматизма, как эмоциональная неустойчивость, трудности самоконтроля, повышенная склонность к риску, недисциплинированность, сниженные характеристики внимания, неразвитость сенсомоторной координации, особые психофизиологические состояния (усталость, эмоциональное возбуждение, спешка, игровой раж) и др. (Горлов, Вишневецкая, 1991; Ермакова, 1983; Мамайчук, Воробьева, Скворцов, 1987).

С целью выявления психологических факторов травматизма нами было обследовано 29 подростков (15-17 лет) с компрессионными переломами позвоночника с неосложненными (без неврологических расстройств) повреждениями от 1 до 4 позвонков в грудном и по-

ясничном отделах. Контрольную группу составили 34 здоровых подростка. Исследование проводилось на базе Санкт-Петербургского Восстановительного центра детской ортопедии и травматологии «Огонёк», где подростки проходили консервативное лечение. Проводилось психологическое тестирование по следующим методикам: «Опросник формально-динамических свойств индивидуальности» (Русалов, 1997), «Многофакторный личностный опросник (14PF)» (Cattell, 1970), «Тест фрустрационных реакций» (Rosenzweig, 1945), авторская методика «Образ жизни» (Крайнюков, 2015) для исследования особенностей повседневной активности. Математико-статистическая обработка данных проводилась с использованием t-критерия Стьюдента, факторного анализа по методу главных компонент с применением варимакс-вращения.

Согласно полученным данным у подростков с компрессионными переломами позвоночника, в отличие от здоровых подростков, отмечаются сниженный интерес к интеллектуальной деятельности, повышенная доминантность, самоуверенность, социальная смелость, дезадаптивные реакции на фрустрацию (повышенная фиксация на препятствиях, пониженные потребностно-настойчивые реакции). В отличие от здоровых сверстников, они уделяют достоверно меньшее время учебной деятельности и сну на фоне повышенного времени пассивного досуга и общения. В результате факторного анализа у подростков с компрессионными переломами позвоночника был обнаружен специфический фактор «Беспечность», имеющий самый большой вес в их факторной модели (23% дисперсии) и включающий такие характеристики, как активность, спокойствие в сочетании с эмоционально-волевой неустойчивостью, жесткостью, социальной смелостью, общительностью. Указанные характеристики могут обуславливать сниженную восприимчивость обследованных подростков к сигналам опасности, склонность к рискованному поведению, что в свою очередь повышает вероятность получения ими физических травм.

Полученные результаты являются важными для разработки эффективных технологий психологической профилактики травматизма среди детей и подростков с учетом их психологических особенностей.

Куражова А.В.

АКУСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧИ БЛИЗНЕЦОВ В ВОЗРАСТЕ ОТ 3 ДО 6 ЛЕТ*

Близнецы, относимые к группе риска по специфике пренатального развития, адаптационного периода, а также раннего постнатального периода, имеют ряд особенностей речевого развития. Вокально-речевое развитие близнецов на ранних этапах онтогенеза характеризуется более поздним появлением лепетных конструкций и слов (Куражова, Ляксо, 2012), фразовой речи, медленным увеличением словарного запаса, артикуляционными ошибками. Формирование речи близнецов с точки зрения акустических характеристик изучено недостаточно.

Цель исследования: проанализировать временные и спектральные характеристики речи детей-близнецов в возрасте от 3 до 6 лет, сравнить уровень речевого развития детей в пределах близнецовой пары.

Работа выполнена с использованием методики, разработанной группой по изучению детской речи СПбГУ (Ляксо, 2002; Ляксо, 2008; Ляксо и др., 2012). В исследовании участвовало 5 пар дизиготных близнецов 3-6 лет жизни. Аудиозапись и видеосъемку речи детей в процессе взаимодействия с матерью или экспериментатором осуществляли в домашних условиях в модельных ситуациях. Применялись методы инструментального спектрографического, фо-

нетического и перцептивного анализа речевых сигналов. В период с 3 до 6 лет речевое развитие близнецов в парах характеризуется усложнением слоговой структуры слов, увеличением четкости артикуляции звуков, усложнением фразовой речи. В возрасте от 3 до 4 лет речь детей представлена преимущественно репликами из одного слова, в период с 4 до 6 лет репликами из одного слова, простыми фразами. К шестилетнему возрасту в речи детей увеличивается частота встречаемости сложных реплик, что согласуется с данными, полученными на одиночно рожденных детях (Ляско, 2008). У первых детей из пары зарегистрирована более сложная структура ответных реплик по сравнению со вторыми детьми. Все эти изменения отражаются в динамике временных и спектральных характеристик гласных из слов детей-близнецов. На протяжении анализируемого периода значения частоты основного тона (ЧОТ) гласных звуков из слов детей характеризуется высокими значениями, наблюдается снижение ЧОТ к шестилетнему возрасту детей, что коррелирует с увеличением размеров речевого тракта ребенка (Vogterian, Kent, 2007). ЧОТ и формантные частоты гласных из слов первых детей в парах близнецов имеют более низкие значения по сравнению с теми же характеристиками гласных из слов вторых детей. За счет этого формантные треугольники гласных из слов первых детей располагаются в более низкочастотной области по сравнению с формантными треугольниками гласных из слов вторых детей. Динамика площади формантных треугольников гласных с возрастом отражает изменение четкости артикуляции звуков детьми (Ляско, Григорьев, 2013). Площадь формантных треугольников гласных звуков из слов близнецов уменьшается в период с 3 до 4 лет в связи с тем, что четкость артикуляции звуков детьми снижается из-за усложнения фразовой речи. К шести годам площадь формантных треугольников увеличивается до максимальной по сравнению с предыдущими возрастными срезами. Выявлены различия между первыми и вторыми по порядку рождения детьми, связанные с вариантами ошибок при произнесении согласных звуков. У вторых по порядку рождения детей частота встречаемости ошибок, связанных с пропуском согласного и добавлением слогов значимо выше, чем у первых детей из пары. При замене согласных первые по порядку рождения дети произносят звуки, сходные по месту образования с заменяемым звуком, вторые дети более простые для произнесения звуки. Это свидетельствует о более четко согласованной работе артикуляционных органов первых по порядку рождения детей. Основные тенденции формирования акустического аспекта речи детей-близнецов согласуются с результатами, полученными на одиночно рожденных детях (Ляско, 2003; Ляско и др., 2013). Однако отмечаются некоторые специфические черты формирования речи детей-близнецов, различия между детьми в пределах пары.

**Работа выполнена при поддержке РНФ № проекта 18-18-00063.*

Ляско Е.Е.

ОТРАЖЕНИЕ СОСТОЯНИЯ ДЕТЕЙ В ХАРАКТЕРИСТИКАХ ГОЛОСА И РЕЧИ: ДЕТИ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА, СИНДРОМОМ ДАУНА, ТИПИЧНО РАЗВИВАЮЩИЕСЯ*

В рамках проекта по изучению отражения в характеристиках голоса и речи ребенка эмоционального, психофизиологического и психоневрологического состояния осуществлена запись речи детей типично развивающихся (ТР), детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) и детей с синдромом Дауна (СД) в возрасте 4-16 лет.

Запись речи детей (n=200 детей) проведена в стандартизированных модельных ситуациях с параллельной регистрацией поведения ребенка. Речевой материал детей с атипичным развитием (n=93) включен в создаваемую базу данных речи «AD-Child.Ru». Проведен перцептивный, фонетический, лингвистический и инструментальный спектрографический ана-

лиз речи детей и осуществлена оценка их невербального поведения. Перцептивный анализ проведен с целью определения возможности распознавания взрослыми – аудиторами (n=500) значения слов и высказываний детей, эмоционального состояния, пола и возраста детей на основе прослушивания тестовых последовательностей, содержащих речевой материал детей. В звуковом редакторе «Cool Edit Pro» определяли длительность высказываний, слов; значения частоты основного тона (ЧОТ) и первых трёх формант гласных в словах детей. Считали параметры, характеризующие четкость артикуляции – индекс артикуляции гласных (VAI) (Rooy et al, 2009) и площади формантных треугольников гласных в словах детей (Ляксо, Григорьев, 2013). Фонетический анализ осуществлён в системе транскрибирования САМПА для русского языка. Степень выраженности нарушений развития разной этиологии оценивали по заключению специалистов – педиатров, психиатров, и на основе опросников, заполняемых родителями и специалистами. Результаты проведенной части исследования показали возможность определения взрослыми значения, сказанного детьми – значимо хуже взрослые распознают речь детей с СД по сравнению с речевым материалом ТР детей и детей с РАС. Состояние дискомфорта и комфорта детей аудиторы распознают с большей вероятностью, чем нейтральное состояние. У детей с РАС взрослые чаще распознавали состояние дискомфорта, чем состояние комфорта. Возраст ТР детей взрослые определяли в соответствии с реальным возрастом, детей с РАС – ниже реального, детей с СД – несколько выше реального. При определении пола детей взрослые больше сигналов мальчиков относят к речевым сигналам принадлежащим девочкам. Выявлены акустические характеристики речи, специфические для детей с РАС и СД. Показано, что речь детей с РАС характеризуется высокими значениями ЧОТ, ее вариативностью, высокими значениями третьей «эмоциональной» форманты, «атипичной» спектрограммой сигнала и высокими значениями VAI. Установлена связь между степенью выраженности аутистических расстройств (по опросникам CARS, VADIC), и уровнем сформированности речи, акустическими характеристиками речи – высокими значениями ЧОТ (высоким голосом) и низкими значениями VAI (нечеткой артикуляцией). Для детей с РАС в возрасте 5-10 лет отсутствует возрастная динамика значений ЧОТ. Для детей с СД выявлены минимальные значения VAI и площадей формантных треугольников гласных, низкие значения третьей форманты и высокие значения длительности гласных в словах.

Представленные данные могут быть использованы при разработке критериев, позволяющих рассматривать речь в качестве индикатора состояния типично развивающегося информанта и критериев, позволяющих использовать речевой статус ребенка в качестве дополнительного метода для диагностики заболевания ребенка и динамики его состояния.

**Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ № 18-18-00063.*

Павликова М.И., Фролова О.В.

ИНТОНАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧИ ДЕТЕЙ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ*

Речь является одним из главных показателей развития ребенка. В исследованиях речи взрослых много внимания уделяется интонации как средства выражения смысла высказываний и невербального показателя человеческих эмоций. Под интонацией понимают совокупность мелодики, ритма, темпа, интенсивности, акцентного строя, тембра и других просодических элементов речи. Считается, что интонацию родного языка ребенок в младенчестве осваивает раньше, чем вербальный строй речи (Жинкин, 1958). Однако утверждение остается

до сих пор не доказанным, поскольку отсутствуют объективные измерения интонационных характеристик младенцев и детей дошкольного возраста.

Основная задача исследования заключалась в сравнении интонационных характеристик речи у детей 5-7 лет, имеющих нормальное развитие, и у детей с легкой формой умственной отсталости (F70 по МКБ-10).

Речь и поведение детей группы нормы записывались в детском саду, речь детей с умственной отсталостью – в детском доме. Производился перцептивный и инструментальный анализ речи 10 детей (5 девочек и 5 мальчиков) с нормальным развитием и 10 детей (6 мальчиков и 4 девочки) с умственной отсталостью легкой степени.

Определялись: темп речи – по длительности фраз и длительности всех гласных в словах; словесное ударение – по длительности предударных, ударных и заударных гласных; логическое ударение – за счет значительного изменения частоты основного тона (ЧОТ) ударного гласного в выделенном слове.

Длительность фраз в диалоге с взрослым в группе нормы достоверно больше, чем у детей с умственной отсталостью ($p \leq 0.01$). Темп речи зависит от скорости произнесения отдельных звуков. Чем больше длительность звуков, тем более медленный темп речи, поскольку за единицу времени произносится меньшее количество звуковых единиц. Показательной в этом отношении является длительность всех звуков во фразах, и, в частности, длительность гласных звуков. Средняя длительность гласных различается у детей группы нормы и детей с умственной отсталостью. У детей с умственной отсталостью длительность гласных больше, чем у детей группы нормы ($p \leq 0.0001$), т.е. для детей с умственной отсталостью характерен замедленный темп речи.

У детей группы нормы наблюдается правильное ударение в словах за счет повышенной длительности ударных гласных. Длительность ударных гласных превышает длительность предударных и заударных ($p \leq 0.0001$). Это свидетельствует, что словесное ударение в норме в 5-7 лет уже сформировано. У детей с умственной отсталостью правильное ударение наблюдается только у половины детей.

Логическое ударение во фразе сопровождается либо значительным повышением ЧОТ (подъем) на ударном гласном выделенного слова, либо понижением ЧОТ (падение). У детей с умственной отсталостью наблюдаются и другие мелодические изменения ЧОТ на логически ударных гласных (ровный, куполообразный, U-образный контур). Кроме того, у них наблюдаются более значительные изменения ЧОТ на логически ударных гласных, которые в среднем в два раза выше, чем в группе нормы ($p < 0.001$). Указанные различия приводят к тому, что речь детей с умственной отсталостью может восприниматься с измененной (восклицательной) интонацией, не свойственной детям группы нормы.

Выделенные интонационные характеристики отражают общие особенности речи у детей с умственной отсталостью. Для них характерно значительное преувеличение всех интонационных характеристик и их нестабильность. Помимо обычного логического ударения во фразе, встречается множественное выделение случайных слов, т.е. значительные изменения ЧОТ на неударных словах. Разнообразие контуров изменения ЧОТ на логически ударных гласных также подчеркивает своеобразное интонирование, характерное, в частности, детям в младенчестве (Павликова, Макаров, Ляксо, 2015), которое мешает правильному воспроизведению речи.

Таким образом, можно сделать вывод, что у детей с легкой степенью умственной отсталости в возрасте 5-7 лет отсутствует точная интонация, свойственная русскому языку.

**Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (18-18-00063).*

Пятакова Г.В.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ПОДРОСТКОВ С ОРТОПЕДИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ*

Реалии современной жизни привели к значительной распространенности ортопедических заболеваний, которые являются фактором риска нарушений психического и психологического здоровья. Психологическое здоровье детей – высший уровень психического здоровья, потенциал личностной зрелости. Специфика его нарушений в детском возрасте проявляется как реакция на специфические ситуации, зависит от возраста ребенка, носит функциональный характер. Дети и подростки с ортопедическими заболеваниями оказываются в трудной жизненной ситуации, связанной с заболеванием и сложностью лечения, повседневными и травматическими стрессорами, необходимостью выработки нового поведения. В этих условиях важное значение имеют психологические новообразования, обладающие адаптационным потенциалом. Критериями психологического здоровья в подростковом возрасте могут выступать общие и специфические показатели сформированности психологических новообразований, соответствующих особенностям жизненной ситуации ребенка.

Цель исследования – выявление общих и специфических характеристик психологического здоровья подростков с разными ортопедическими заболеваниями в зависимости от ситуационных факторов. Было обследовано 90 детей подросткового возраста: 30 пациентов ортопедической клиники, страдающих ювенильным хроническим артритом (ЮХА), 30 детей с последствиями физической травмы, полученной в результате несчастного случая и по неосторожности и требующей хирургического вмешательства, 30 здоровых детей. Применялись клинико-биографический метод, стандартные психодиагностические методики. Результаты исследования показали, что у подростков с ортопедическими заболеваниями в качестве критериев психологического здоровья можно рассматривать показатели субъективной удовлетворенности различными аспектами жизни и уровень сформированности отношения к заболеванию. Самооценочные показатели психосоциального статуса подростков с различными формами ортопедических заболеваний характеризуются более низким уровнем, по сравнению со здоровыми подростками, и зависят от особенностей адаптации ребенка в условиях заболевания. В группе подростков с ЮХА и в группе подростков с последствиями физической травмы, преобладает смешанный тип отношения к болезни, включающий когнитивные, эмоциональные и поведенческие реакции на заболевание. Вероятно, в подростковом возрасте существует многомерное пространство, в котором формируется возможное отношение к заболеванию. Разнонаправленные варианты отношения к заболеванию у подростков с ЮХА и с подростков с последствиями травмы определяются особенностями социальной ситуации, характеризующейся наличием травматических событий и переживаний. Среди «чистых» типов отношения к заболеванию у подростков с ЮХА чаще других вариантов отношения встречается эргопатический тип. У подростков с последствиями травмы одинаково часто встречается отношение к болезни по эргопатическому и анозогнозическому вариантам, при которых психическая и социальная адаптация существенно не нарушаются. У подростков с ЮХА и у подростков с последствиями физической травмы высокие самооценочные показатели психосоциального статуса согласуются с выраженностью адаптивных реакций в ситуации болезни. У подростков с низкими самооценочными характеристиками преобладают дезадаптивные реакции интрапсихической и интерпсихической направленности. Репертуар вариантов адаптивного поведения в трудной жизненной ситуации, обусловленной физической травмой, шире, чем при прогрессирующем ортопедическом заболевании (ЮХА). Подростки с ортопедическими заболеваниями предпочитают незатратные способы адаптации. Пассивный способ приспособления к жизненной ситуации является относительно продуктивным вариантом, а самооценочные характеристики могут выступать в качестве психологического ресурса адаптации и представлять собой критерии психологического здоровья подростков с ортопедической патологией.

**Выполнено при финансовой поддержке РФФИ проект № 17-29-02321.*

Смирнов А.Г., Григорьев А.С.

**ОСОБЕННОСТИ ВЫЗВАННЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ НА ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ
ОДНОСЛОЖНЫХ СЛОВ У ДЕТЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ
ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКА ЧТЕНИЯ***

Овладение ребенком речью является сложнейшим процессом, успешное протекание которого предполагает понимание смысла слова. Одним из методов, позволяющих исследовать механизмы мыслительной деятельности – это метод вызванных потенциалов (ВП). Задачей исследования являлось определение особенностей ВП на чтение смысловых и девиантных слов детьми, умеющими и не умеющими читать.

Структура исследования была организована так, чтобы дети, умеющие читать, могли успеть прочитать слова. Дети, не умеющие читать, должны были успеть прочитать по слогам или буквам. Данные интервалы были подобраны эмпирически на группе детей, умеющих читать. Дети читали все слова, которые предъявляли на мониторе.

В исследовании участвовал 31 ребенок, 15 из которых отчетливо читали и понимали смысл слова (возраст 6.2 ± 0.7 лет), а 16 – могли читать либо буквы, либо слоги (5.8 ± 0.4 лет). В качестве стимулов были выбраны односложные смысловые и близкие по звучанию девиантные слова. При составлении девиантных слов учитывалась их близость по звучанию к выбранным смысловым словам. Были выбраны следующие слова: звук – знак – звак, враг – прут – врук. Так как дети 5-6 лет с трудом способны концентрировать внимание в течение 5-6 минут, всего в одном блоке для предъявления было выбрано 20 девиантных стимулов. Всего предъявлялось 66 стимулов, общая длительность исследования не превышало 6 минут.

Электронцефалограмму регистрировали при помощи электронцефалографа «Мицар-ЭЭГ-200». В качестве регистрирующих электродов использовали электроды фирмы Nikolett, которые располагали на области головы в соответствии с системой 10-20. Предъявление стимулов, последующее усреднение и анализ потенциалов осуществляли с помощью программы Psytask. В наших исследованиях наибольший интерес представляют длиннотентные потенциалы, которые, предположительно, и связаны с анализом словесной информации.

Анализ полученных результатов показал, что во всех отведениях амплитуда ранних компонентов с ЛП около 140 и 250мс у детей, умеющих читать (группа 1), на 2-5мкВ выше, чем у детей, не умеющих читать (группа 2). Кроме того, у детей 1 группы выраженность компонентов ВП была четче, а вариабельность меньше, чем у ВП детей 2 группы.

Структура компонентов в лобно-центральных областях одинакова в обеих группах детей, за исключением, как уже было отмечено, амплитудных значений. ЛП компонентов в этих областях не различаются. В теменных отведениях (P3-Pz-P4) у детей 1 группы в ответ на предъявление девиантного слова отмечается отчетливый длительный (около 300мс) поздний медленный негативный компонент с пиковым значением ЛП 820 ± 45 мс (в отведении P3) и амплитуды – 3.25 ± 1.01 мкВ. В ответ на смысловое слово данный компонент практически не отмечается, а пересечение с нулевой линией наступает после 1с и более отчетлив справа (P4). У детей, не умеющих читать, данный компонент в ответ на девиантное слово отсутствует. В последней группе детей конфигурация ВП в теменных отведениях как на девиантный, так и на смысловой стимул не различается. В затылочных отведениях конфигурация ВП в обеих группах схожа. Только в группе детей, которые не читают, компонент P340 меньше по амплитуде на бмкВ и сглажен из-за того, что после неотчетливого пика идет медленное снижение амплитуды потенциала в течение 600-700мс, в отличие от ВП у детей, умеющих читать, где он снижается в течение 150-200мс. В ответ на девиантный стимул у детей 1 группы отмечается

неотчетливое негативное отклонение длительностью около 200мс с ЛП около 600мс после предъявления слова.

Отсутствие различий в лобных отведениях в обеих группах детей объясняется тем, что дети должны были проговаривать предъявляемое слово независимо от того, девиантное оно или нет. В теменных отведениях отмечаются различия в поздних компонентах ВП в группе детей, которые умели читать, что, по-видимому, связано с осознанием смысла слова, несмотря на то, что и девиантное слово проговаривалось.

**Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-16-00024а).*

Столярова Э.И.

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА С СИНДРОМОМ ДАУНА В УСЛОВИЯХ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В работе представлены результаты наблюдения за детьми раннего возраста с синдромом Дауна (СД), проходившими цикл реабилитационных занятий по развитию базовых движений, навыков самообслуживания, коммуникативных и социальных навыков в отделении раннего вмешательства Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения социального обслуживания населения «Центра социальной реабилитации инвалидов и детей инвалидов Калининского района Санкт-Петербурга». В состав обследуемой группы вошло 18 детей, из них: в возрасте от 6,8 мес. до 1 года – 5 детей, от 1 года до 2-х лет – 8 детей, от 2-х лет до 3 лет – 5 детей. У всех детей отмечалось несоответствие уровня развития биологическому возрасту по данным тестирования по шкалам KID и RCDI. В процессе групповых и индивидуальных занятий проводились непосредственное наблюдение и видеозапись поведения детей в ситуациях: «привлечение внимания» (инициатива ребенка), «диалог, инициированный взрослым», «общение детей между собой».

Привлечение внимания. Поводом для привлечения внимания взрослого для детей всех групп являлись нежелательные для них ситуации (падение в игре, выполнение трудного предлагаемого упражнения, отсутствие матери и т.д.), при этом дети используют вокализации и мимику отрицательной эмоциональной окраски, движения тела. Дети средней и старшей группы привлекают внимание взрослого в случаях, когда они желают получить интересующий их предмет, заняться игрой и т.д. Типичные примеры поведения при этом: ребенок показывает рукой на интересующий предмет, неоднократно переводит взгляд с взрослого на предмет, кивает головой в сторону предмета, гримасничает, вокализует, «ходячие» дети – тянут взрослого в нужную сторону. Периодически два ребенка употребляли слова «там» и «вот» в сочетании с указательным жестом и одна девочка при обращении к маме – слово «мама».

Диалог взрослых – ребенок. Общение с детьми с СД в форме диалогов происходило только по инициативе взрослого в процессе совместных игр, рассматривания книг или картинок, бытовых ситуаций. Реплики взрослого как правило представляли собой семантически простые вопросы или реплики – побуждения к действиям. В своих ответных репликах дети преимущественно используют только невербальные средства общения: вокализации, мимику, жесты. У старших детей в ряде случаев в качестве ответной реплики наблюдались речеподобные вокализации и артикуляторные движения, соответствующие определенному слову. Одна девочка старшей группы в диалогах успешно использовала и жесты, и простые речевые сигналы. Структура диалогов и стратегия коммуникативного поведения взрослого обуславливалась индивидуальными особенностями психоневрологического статуса детей: нарушениями

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

концентрации внимания, гиперактивности. Для таких детей взрослый вынужден многократно повторять один и тот же вопрос, различными приемами сосредотачивать внимание ребенка, при этом дети быстро утомляются и стремятся к самовольному прекращению общения, используя активную отвергающую жестикуляцию, недовольные вокализациями, отворачивание, убегание.

Диалог между детьми. Как правило, дети самостоятельно не проявляли желания общаться друг с другом. Находясь в общей игровой комнате, дети сосредотачивались на своих занятиях, и даже если бросали заинтересованные взгляды на других детей, не предпринимали попыток вступить с ними в контакт. В тех случаях, когда взрослые «организовывали» взаимодействие детей, общение продолжалось непродолжительное время и резко обрывалось.

В заключение следует отметить различный уровень коммуникативных потребностей и возможностей детей. Наибольшую активность проявляют дети, в составе семей которых есть еще дети и бабушки, что обеспечивает детям с СД постоянное нахождение в сфере социального общения.

Фролова О.В., Бедалова Ш.Г.

ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧИ ДОШКОЛЬНИКОВ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ И РАССТРОЙСТВАМИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ*

Цель исследования – определение особенностей акустических характеристик речи детей 4-7 лет с диагнозами умственная отсталость легкой степени и смешанные специфические расстройства психологического развития по сравнению с типично развивающимися сверстниками. Произведены аудиозапись речи и видеозапись поведения детей из детского дома: 10 детей с умственной отсталостью легкой степени (группа УО, F70, МКБ-10), 20 детей с диагнозом смешанные специфические расстройства психологического развития (группа СР, F83) и 60 типично развивающихся детей, воспитывающихся в семьях (группа ТР). Речевой материал включен в базу данных «AD-Child.Ru», создаваемую в Группе по изучению детской речи СПбГУ. Проведен перцептивный анализ речи детей, направленный на определение возможности распознавания взрослыми носителями языка ($n=242$): 1) лексического значения фраз и слов ребенка, вырезанных из контекста фразы; 2) эмоционального состояния ребенка – при прослушивании его высказываний. Осуществлен спектрографический анализ речи детей с использованием звукового редактора «Cool Edit Pro». Определяли длительность высказываний, слов; длительность, значения частоты основного тона (ЧОТ), диапазона ЧОТ, первых трёх формант гласных в словах детей. Считали индекс артикуляции гласных и площадь формантных треугольников ударных и безударных гласных (с вершинами в точках, соответствующих значениями первой и второй формант гласных /а/, /у/, /и/), что позволяло судить о четкости артикуляции детей (Ляксо, Григорьев, 2013; Roy et al, 2009). Фонетический анализ слов детей осуществлён профессиональным фонетистом в системе транскрибирования САМПА для русского языка. Установлено, что значение высказываний и слов ТР детей носители языка распознавали с более высокой вероятностью, чем значение высказываний и слов детей со смешанными специфическими расстройствами психологического развития и в особенности детей с умственной отсталостью. Высказывания детей группы УО взрослые определяли, как более эмоциональные, чем высказывания детей групп ТР и СР. Значения длительности и ЧОТ гласных в словах детей группы УО выше, чем соответствующие параметры гласных в словах

ТР детей и детей группы СР; значения длительности и ЧОТ гласных в словах детей группы СР выше, чем в словах ТР детей. Диапазон частоты основного тона и частота третьей (эмоциональной) форманты гласных в словах детей группы УО максимальны по сравнению с детьми других групп. Формантные треугольники ударных и безударных гласных в словах детей с УО имеют минимальную площадь, по сравнению с формантными треугольниками гласных детей других групп. Значение индекса артикуляции ударных и безударных гласных в словах детей с УО ниже, чем ТР детей. Вероятность распознавания значения высказывания ребенка носителями языка связана с длительностью высказывания $F(1,78)=6,284$, $p \leq 0,011$, $Beta=0,284$ $R^2=0,08$ – регрессионный анализ. Эмоциональность высказывания ребенка (по данным перцептивного анализа) связана с диапазоном ЧОТ высказывания и с максимальными значениями ЧОТ в высказывании $F(2,77)=25,586$, $p \leq 0,000$, $Beta=0,9$ $R^2=0,399$ – мультирегрессионный анализ. Фонетический анализ слов детей показал, что дети с УО используют меньше различных губных, зубных, альвеолярных согласных, чем дети других групп; для детей с УО характерны замены согласных, нетипичные для ТР и СР дошкольников.

Таким образом, в работе установлены специфические особенности акустических характеристик речи детей с УО и СР, которые при дальнейшей разработке данного направления исследований могут быть использованы в качестве дополнительного объективного метода диагностики нарушений развития.

**Работа проводится при финансовой поддержке РНФ № 18-18-00063*

Черенкова Л.В., Соколова Л.В.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМОВ АНТИЦИПАЦИИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С АТИПИЧНЫМ РАЗВИТИЕМ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОГНИТИВНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Под антиципацией понимается способность человека действовать и принимать решения с определенным временно-пространственным упреждением в отношении ожидаемых, будущих событий. В настоящее время антиципация рассматривается как базовое свойство нервной сети, которое может реализовываться на всех уровнях организации поведения с характерной спецификой проявления на каждом из них. Значительный вклад в изучение процессов антиципации вносят онтогенетические исследования. Специфика проявления антиципационной активности в разные периоды онтогенеза заключается в том, что на каждом возрастном этапе существуют разные уровни организации репрезентаций как продукта антиципационной активности субъекта, равно как и разные уровни реализации репрезентативной деятельности. В период дошкольного детства проявление антиципационной активности в большей степени связано с формированием перцептивного и категориального уровней антиципации, которые отражают активное использование «структурных» схем, хранящихся в оперативной и долговременной памяти. Особый интерес представляет изучение специфики формирования антиципационных способностей у детей с различными неврологическими нарушениями. Наиболее яркими примерами атипичного развития ребенка является ранний детский аутизм и задержка психического развития, которые нередко сопровождаются задержкой и речевого развития, при которых наблюдается нарушение процесса формирования ментальной репрезентации. Исследование этой проблемы наиболее эффективно при использовании прайминг-парадигмы.

Процедура прайминга позволяет выявить участие механизмов внимания в отборе информации — поиск того этапа в системе переработки информации, где прекращается дальнейший анализ информации, не имеющей отношения к поставленной задаче, и продолжается более детальный анализ нужной информации. С помощью прайминг-парадигмы исследовали влияние предваряющей зрительной стимуляции на скорость и точность распознавания тестовых звуков в зависимости от интервала между тестовым и прайм-стимулами. Сравнение влияния предваряющей зрительной стимуляции на распознавание тестовых звуковых сигналов у детей с задержкой психического развития и детей с типичным развитием соответствующего хронологического возраста показало достоверные различия выраженности прайминг-эффекта и временного окна облегчения при распознавании в условиях предъявления конгруэнтных и неконгруэнтных сочетаний звуковых и зрительных стимулов у этих групп детей. При этом была установлена зависимость данных характеристик выполнения задачи от уровня развития речи. Сравнение влияния предваряющей зрительной стимуляции на распознавание тестовых звуковых сигналов у детей с расстройством аутистического спектра и детей с типичным развитием соответствующего возраста показало достоверные различия по выраженности прайминг-эффекта и наличия эффекта облегчения при распознавании в условиях предъявления конгруэнтных и неконгруэнтных сочетаний звуковых и зрительных стимулов. При этом не было выявлено достоверных различий между группами детей с низкой и высокой выраженностью расстройства. Однако после выработки распознавания гетеромодальных комплексов сигналов временная структура эффекта облегчения реакции на конгруэнтные сочетания стимулов при введении неконгруэнтных сочетаний приближается к наблюдаемой у детей с типичным развитием в большей или меньшей степени в зависимости от выраженности расстройства. Это свидетельствует о нарушении процессов использования предвосхищающих схем при организации антиципационной деятельности у детей с расстройствами аутистического спектра.

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДИЗОНТОГЕНЕЗА

Габуня Н.М., Шалина О. С.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Активно развивающееся в России инклюзивное образование связано с гибкостью образовательной системы в отношении детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) (Султанова, Иванова, 2018). Высокий уровень «подстройки» под ребенка с ОВЗ зависит от качества диагностического обследования. В Москве коррекционный маршрут для каждого ребенка определяет Центральная психолого-медико-педагогическая комиссия (ЦПМПК) путем предоставления законному представителю обследуемого заключения с рекомендацией определенной образовательной программы и уточнением направления коррекционной работы. Однако полноценного и всестороннего представления о самом ребенке заключение комиссии не дает. Специалисты образовательных учреждений вынуждены самостоятельно проводить обследование таких детей для того, чтобы понимать, как им лучше строить свою работу с конкретным ребенком. Каждый вид дизонтогенеза имеет свою специфику, что отражается на способностях и возможностях ребенка, его деятельности и психических функциях. Процесс диагностики организуется с учетом этих особенностей, с ориентацией на сильные и слабые стороны ребенка. Важно принимать во внимание и личностные особенности ребенка. Еще В.М. Бехтерев писал о том, что личность человека начинается свое формирование с первых лет жизни (Бехтерев, 1997). Это не может не оказывать влияния на процесс диагностики. При повторном обследовании детей с заключениями ЦПМПК с рекомендацией предоставления специальных условий образования по типу адаптированной основной образовательной программы для детей с задержкой психического развития (ЗПР) был реализован личностно-ориентированный подход диагностики. Для обследования был подобран блок методик, максимально адекватный для детей с ЗПР. В него были включены как классические методики, не требующие переработки, так и модифицированные. Способ предъявления и стимульный материал варьировались в зависимости от интересов и способностей ребенка. Инструкции формулировались четко и кратко, в них использовались простые словосочетания и знакомые детям фонематически однозначные слова – незнакомые или непонятные слова так же, как и непонимание слов в связке, усложняют понимание и процесс выполнения психодиагностических проб, что приводит к быстрому истощению. Доступная и лаконичная инструкция выполняет свою задачу более успешно. Задания предъявлялись в соревновательно-игровой форме, что повышало интерес детей к пробам и положительно влияло на концентрацию и устойчивость внимания. С этой же целью привлекались интересы ребенка. Большинство обследуемых детей хорошо воспринимали методики и процесс обследования. Наибольшую гибкость приходилось проявлять в работе с детьми с признаками расстройств аутистического спектра (РАС): все обследование проводилось через призму интересной ребенку деятельности, например, через сказки или с включением в задания любимой игрушки. Соревновательная форма не вызвала положительного отклика, предположительно, из-за низкой социальной мотивации детей с РАС. Этот же блок методик, ориентированный на старших дошкольников с ЗПР, менее успешно проявил себя в отношении дошкольников того же возраста с умственной отсталостью и синдромом Дауна: многие инструкции и стимульный материал потребовали радикальной переработки, некоторые методики оказались вовсе не доступны таким детям. Соревновательная форма и попытка предъявления заданий через игру также оказались неэффективной в этих двух случаях. Это подтверждает значимость корректного подбора методик и способа предъявления проб.

Демьянов Ю.Г.

СЕМЕЙНЫЙ ФАКТОР В ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЯХ У ДЕТЕЙ И ИХ КОРРЕКЦИИ

Успех в оказании психологической и психиатрической помощи детям с различными психопатологическими проявлениями во многом зависит от адекватного участия их родителей в проводимой лечебно-коррекционной работе.

Данное сообщение основано на результатах обследования и лечения детей в Центре восстановительного лечения «Детская психиатрия» им. С. С. Мнухина в Санкт-Петербурге. Анализировалась клиническая картина патологии ребенка, отношение родителей к самому ребенку, к его болезни и возникающие трудности в проведении психологической коррекции и психотерапии в следствие деструктивного поведения членов семьи. Патогенное влияние членов семьи на ребенка проявлялось в разных вариантах:

1. Как «пусковой механизм» для раскрытия патологических признаков.
2. Как этиологический и патогенетический фактор.
3. Как психогенетический и патоπλαстический фактор.
4. Как фактор, утяжеляющий картину заболевания.
5. Как фактор, препятствующий адаптации ребенка к социуму.

Негативное влияние родителей на патологические проявления у детей носило осознанный и не осознанный характер. Варианты деструктивного влияния родственников на клиническую картину заболевания преимущественно сводились к таким, как: 1. Отрицание наличия патологии у ребенка. 2. Проявление «сверхзаботы» с хаотичным, непоследовательным и непродуктивным вмешательством в лечебный процесс. 3. Уклонение от участия в семейной психотерапии с неприятием своей роли в характере проявления патологических признаков у ребенка. 4. Установка родителей на то, что «все само собой благополучно разрешится без всякого лечебного вмешательства». 5. Самоустранение родителей от лечебного процесса с требованием к специалистам сделать ребенка «хорошим и здоровым и при том не применять никаких лекарств». 6. Обвинение всех специалистов, принимавших в настоящее время и ранее участие в диагностике и лечении ребенка, в некомпетентности. Психологический и психопатологический анализ семейных отношений проводился среди детей преимущественно со следующими проявлениями: психопатоподобный синдром, патохарактерологическое формирования личности, невротические реакции детского возраста, атипичный ранний детский аутизм, врожденная умственная отсталость с тяжелой семейно-бытовой запущенностью, сенсорная алалия, шизофрения.

Психотерапия проводилась в стиле системной семейной психотерапии нередко в сочетании с необходимой в той или иной конкретной ситуации индивидуальной и диадной психокоррекционной работой.

Коновалова Н.Л.

ИНТЕГРАТИВНЫЕ РЕСУРСЫ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

В целях успешной социальной интеграции молодые люди с ограниченными возможностями здоровья в реальной жизненной ситуации должны уметь оценивать качества людей и ориентироваться в ситуациях общения, регулировать собственное поведение, что зависит от степени сформированности социальных навыков, активности межличностного восприятия,

степени познания окружающих. Способность умственно отсталых подростков к познанию социальных взаимодействий, усвоению принятых в обществе норм поведения затруднены, в связи с особенностями их психического развития. Поэтому развитие социальных навыков у детей с нарушением интеллекта является необходимым компонентом их обучения и воспитания.

Как показывают исследования Э. Торндайка, Г. Олпорта, Д. Векслера, Дж. Гилфорда формирование межличностного взаимодействия во многом обусловлено развитием социальных способностей, которые включаются этими учеными в понятие «социальный интеллект». В.Н. Куницына предлагает четкое разделение социальной компетентности и социального интеллекта. Их различие автор связывает с тем, что социальный интеллект является средством познания социальной действительности, а социальная компетентность – продуктом этого познания. Именно поэтому необходимо изучать социальный интеллект у людей с умственной отсталостью, развитие которого является важным условием для их успешной социальной адаптации и интеграции в общество.

В исследовании использован тест на определение социального интеллекта Дж. Гилфорда, адаптированный Е.С. Михайловой.

Экспериментальную группу составили учащиеся с диагнозом «легкая умственная отсталость» (F70) – 30 человек, контрольную группу – 30 подростков с нормальным психическим развитием, всего 60 подростков в возрасте от 14 до 16 лет.

Анализ выполнения отдельных субтестов методики Дж. Гилфорда испытуемыми обеих групп показал, что имеются как количественные, так и качественные отличия между обследованными. Достоверность различий определялась с помощью t-критерия Стьюдента. В ходе нашего исследования обнаружены специфические особенности социального интеллекта у умственно отсталых подростков. Старшеклассники с легкой степенью умственной отсталости испытывают трудность в усвоении норм и правил поведения в обществе. Для них характерно недостаточное понимание контекста ситуаций межличностного общения. Они испытывают большие трудности в анализе ситуаций межличностного взаимодействия и, как следствие, плохо адаптируются к разного рода взаимоотношениям между людьми (семейным, деловым, дружеским и другим).

В вербальном общении подростки с интеллектуальной недостаточностью в большей степени ориентируются на вербальное содержание сообщений. При этом они могут ошибаться в понимании смысла слов собеседника, так как не учитывают (или скорее неправильно понимают) сопровождающие их невербальные реакции. Они с трудом понимают невербальные компоненты общения, в том числе язык телодвижений, взгляды и жесты. При этом среди испытуемых обеих групп выявляется большой диапазон индивидуальных различий по качеству выполнения разных субтестов, что свидетельствует о неоднородности групп по степени сформированности отдельных социальных способностей. Показано, что более половины обследованных умственно отсталых подростков обладают потенциальными возможностями усвоения нормативных требований общества, понимания последствий поведения и невербальных реакций людей в типичных ситуациях общения. Они способны ориентироваться в обычных повседневных ситуациях межличностного взаимодействия и понимать логику развития событий, опираясь на имеющийся жизненный опыт.

Проведенное исследование объясняет определенные трудности межличностного восприятия и познания людей умственно отсталыми подростками, что диктует необходимость разработки целенаправленного психолого-педагогического сопровождения этих подростков с включением активных методов социально-психологического обучения правилам поведения, коммуникативным навыкам для успешной интеграции в общество.

Посохова С.Т., Изотова М.Х.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ЛИЦАМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИИ

Межличностное взаимодействие людей с разными возможностями здоровья всегда развивалось по двум направлениям, которые сегодня обозначаются как социальная эксклюзия и социальная инклюзия. Социальная эксклюзия выражает невозможность удовлетворять потребность в принадлежности социальной группе или социуму, что приводит к разрыву психологических связей личности с окружающими людьми, группой, к реальному и символическому уходу.

При относительно независимом существовании лиц с разными возможностями здоровья в одном обществе психологическая помощь автономно направлена на решение проблем тех, кто имеет интеллектуальные, сенсорные, речевые, физические ограничения, без особого внимания к тем, с кем они будут общаться. Модель такой помощи можно позиционировать как дизонтогенез-центрированную.

Психологическая помощь представляет собой систему диагностических, коррекционных, сопровождающих технологий, обеспечивающих лицам с ограниченными возможностями здоровья условия для социализации и адаптации. Эффекты психологической помощи, организованной с учетом особенностей дизонтогенеза, затрагивают все психические процессы, все личностные образования: перцептивные, эмоциональные, мыслительные, мотивационные, рефлексивные и т.п.

Создается основа для определения диапазона специальных социальных и жизненных сфер, в которых лица с разным видом дизонтогенеза могут реализовать собственные, уже скорректированные возможности. Это касается образования, профессиональной деятельности, досуга. Позитивные результаты дизонтогенез-центрированной психологической помощи позволили многим инвалидам полноценно раскрывать свои адаптационные возможности, личностные потенциалы.

Инклюзия предполагает объединение людей с разными возможностями здоровья и их межличностное взаимодействие при выполнении одной деятельности, решении общей задачи. Возникает дополнительная цель психологической помощи – обеспечение условий для конструирования реального диалога всех субъектов взаимодействия в разных жизненных сферах. Диалого-центрированная модель обеспечивает минимизацию процессов межличностного отчуждения, актуализацию личностного потенциала каждого субъекта взаимодействия, предупреждает появление социально-психологических барьеров конструктивного общения лиц с разными возможностями здоровья. Психологические эффекты диалого-центрированной помощи определяются тем, что диалог объединяет жизнь общающихся в единое событие, исключает какие бы то ни было формы насильственного воздействия друг на друга и повышает ценность духовной доминанты как феномена культуры.

Один из вариантов диалого-центрированной модели – поэтапное формирование диалога (Посохова, Белан, 2016). Системное помогающее воздействие затрагивает все психические образования субъектов с проблемы в развитии и нормативно развивающихся. Формирование диалога – длительный процесс, состоящий из преддиалога, спонтанного вербального и невербального общения, появления признаков взаимной диалогической направленности, живого диалога. В результате повышается заинтересованность в общении, уменьшаются симптомы аутистического спектра и появляются новые коммуникативные навыки у лиц с ограниченными возможностями здоровья. У лиц с нормативным развитием – актуализируются нравственные установки в виде способности сопереживать, оказывать действенную помощь (Посохова, Белан, 2016).

Модель культурного посредника – вариант, акцентирующий воздействие искусства на эмоциональную сферу лиц с ограниченными и сохранными возможностями здоровья. Воздействие средств музыки, танца, театра, музея на эмоции рассматривается как ресурс успешной интеграции. Направленное музыкальное воздействие способствует повышению точности дифференциации эмоций, расширению спектра положительных эмоциональных переживаний при ослаблении тревоги и страхов, уменьшению эмоциональных барьеров в общении лиц с интеллектуальными нарушениями. Они приобретают навыки контроля агрессивных тенденций и эмпатии.

Разживина М.И., Уланова Н.Н.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОПТИМАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ

В настоящее время тенденция к росту числа инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) вносит определенные коррективы в жизнь общества в целом. Человек, имеющий какие-либо проблемы со здоровьем, вынужден мириться с тем, что не может жить полноценной жизнью, и чувствует ограничения со стороны социума. Если инвалидизация наступает не в детстве, а более взрослом возрасте, то помимо различного рода ограничений, человеку приходится столкнуться с тем, что разрушаются привычные стереотипы поведения, выработанные в процессе прошлого опыта, изменяется система ценностей и эталонов, образ будущего. Особенно остро встает проблема, касающаяся необходимости доступной образовательной среды для лиц с ОВЗ в вузах. В ситуации продолжающейся адаптации к условиям заболевания у студента-первокурсника добавляется необходимость адаптации к новой образовательной среде (Апушкина, Разживина, Уланова, 2017).

В современных вузах создаются все условия для всестороннего развития личности. Для лиц с ОВЗ огромным адаптационным ресурсом становится возможность реализовать себя не только в учебной деятельности, но и в научном, спортивном, культурно-массовом направлениях. Такие мероприятия предоставляют студенту возможность расширения контактов, освоения новых социальных ролей, реализации научного и спортивного потенциала, что в свою очередь создает условия для личностного роста.

Проблема предоставления высшего образования инвалидам в России характеризуется низкой степенью разработанности, в свою очередь, профессиональное образование лиц с ОВЗ – важная сфера, позволяющая им приобрести самостоятельность и экономическую независимость, адаптироваться и интегрироваться в общество (Яковлева, Уланова, Шишкова, 2016).

В современном вузе одной из основных задач является подготовка конкурентоспособного специалиста. Учитывая возможности здоровья студентов, преподавателям и специалистам необходимо создавать индивидуальные условия для их оптимальной адаптации в образовательную среду.

Для решения этой задачи необходимы новые образовательные технологии, ориентированные на сочетании двух подходов: личностного и деятельностного. При их реализации анализу подвергается деятельность студента с учетом его личностного потенциала, потребностей и способностей.

Понятие личностного потенциала неразрывно связано с понятием адаптации и подразумевает сложные механизмы совладания с изменчивой действительностью – не только приспособление к заданным условиям, но и готовность к их изменению и способность к самостоятельному созданию необходимых условий. Способность человека выполнять задуманное вне

зависимости от внешних условий, в том числе в неблагоприятных условиях, является неоспоримой ценностью как во многих областях профессиональной деятельности, так и в повседневной жизни (Кальгин, 2016). Детальное изучение особенностей личности обучающихся с ОВЗ, их способности к самореализации, а также к личностному и профессиональному развитию, даст возможность разработать программу по более оптимальной интеграции студентов в социум. В настоящее время недостаточно изучена проблема психологических адаптационных ресурсов студентов с ОВЗ, позволяющих успешно встроиться в систему высшего образовательного учреждения. Работа в данном направлении позволит решить ряд задач, связанных с представленной проблемой.

Исследования в данной области дадут возможность разрабатывать обучающие программы для преподавателей, работающих со студентами с ОВЗ высших учебных заведений.

Семенова Ю.А.

ОЦЕНКА СОБСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ И ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ УЧАЩИХСЯ КОРРЕКЦИОННЫХ ШКОЛ

Исследования, посвященные учащимся коррекционных школ, приобретают все большую значимость в связи с внедрением инклюзивного образования. Важность осмысления проблем детей с особыми потребностями как проблем социальных специально подчеркивал Л.С. Выготский. По его мнению, «процесс развития дефективного ребенка двояким образом социально обусловлен: социальная реализация дефекта (чувство малоценности) есть одна сторона социальной обусловленности развития, социальная направленность компенсации на приспособление к тем условиям среды, что созданы и сложились в расчете на нормальный человеческий тип, составляет ее вторую сторону» (Выготский, 1984, с.22). К сожалению, на сегодняшний момент наблюдается недостаток исследований в области социального самочувствия учащихся коррекционных школ. В исследовании ценностных ориентаций подростков с дефектом слуха было выявлено, что степень выраженности слухового дефекта оказывает влияние на эмоциональную оценку жизненных перспектив, определенность и сформированность жизненных планов, систему жизненных ценностей, особенность структуры социальных взаимодействий и их характер. Однако не столько степень выраженности самого дефекта оказала влияние, сколько отношение к нему. Было установлено, что в зависимости от отношения к дефекту он может выполнять как frustrating, блокирующую, отрицательную роль в социальном развитии, так и выступать как смыслообразующий фактор личностного развития подростка.

Основная цель исследования заключалась в выявлении взаимосвязи между самооценкой состояния здоровья у учащихся коррекционных школ и их социальным самочувствием.

Предполагалось, что в зависимости от характера оценки своего здоровья («негативная», «нейтральная», «потенциал для развития») учащиеся коррекционных школ будут по-разному оценивать успешность своего будущего, выделять приоритетные ценности, фиксировать свои жизненные угрозы и определять отношение к себе ближайшего социального окружения.

В исследовании, проведенном Центром социологии образования ФГБНУ «ИУО РАО» в 2017 г., участвовало 349 учащихся 7–12 классов коррекционных учреждений Ленинградской области. Участникам была предложена анкета, состоящая из 30 вопросов, направленных на оценку качества образования. Для настоящего исследования были отобраны вопросы, касающиеся сформулированной гипотезы исследования.

На основе отношения респондентов к своему недугу были выделены три подгруппы: не замечающие отклонений в своем здоровье (54,5%); отмечающие негативное влияние состоя-

ния здоровья на жизнь (17,6%); учащиеся, состояние здоровья которых побуждает к общению с другими людьми (27,9%).

Анализ полученных материалов показал, что самооценка здоровья оказывает существенное влияние на оценку социального самочувствия учащихся коррекционных школ. В зависимости от своего отношения к состоянию здоровья, учащиеся по-разному оценивают свои будущие перспективы, позицию в социальной иерархии класса, характеризуют систему жизненных ценностей и угроз. Так, отрицание каких-либо отклонений в своем здоровье, влечет за собой положительную оценку социального окружения, определенность в жизненных и профессиональных планах. Напротив, переживание негативных последствий нарушения здоровья приводит к негативной оценке жизненных перспектив, неопределенности планов относительно будущего, выраженности возможных угроз со стороны социального окружения. И наконец, оценка своего здоровья как фактора, побуждающего к общению с другими людьми, влияет на положительную оценку социального самочувствия.

Таким образом, учет влияния социального окружения на самочувствие ребенка с особенностями в развитии является важнейшим фактором, обуславливающим успешность реализации стратегии инклюзивного образования.

Сизова Я.Н.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ С ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТЬЮ*

Современные исследования обнаруживают явную связь между личностными образованиями, специфической организацией психических особенностей (устойчивость, атрибутивный стиль, самооценка, уровень тревожности и др.) и тем, как субъект преодолевает различного рода трудности (Гущина, 2005; Исаева, 2009; Лапкина, 2015 и др.). Личностная беспомощность как системная характеристика субъекта рассматривается в качестве внутренних условий, обуславливающих влияние внешних условий, в том числе, неконтролируемых жизненных событий. От того, как будут развиваться навыки совладания в подростковом возрасте, зависит не только способность решать трудные жизненные задачи, но и в целом благополучие личности в старшем возрасте.

Цель нашего исследования заключается в изучении особенностей совладающего поведения у подростков с личностной беспомощностью.

Выборки испытуемых формировались по результатам диагностики личностной беспомощности (Д.А. Циринг, М.О. Климова), позволившей выявить подростков с признаками самостоятельности (N=91), личностной беспомощности (N=115) и испытуемых с промежуточными значениями (N=88). Далее было проведено исследование предпочитаемых способов поведения в трудных жизненных ситуациях (опросник «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса, адаптированный Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтык, М.С. Замышляевой).

В исследовании были выявлены значимые различия в группах самостоятельных и беспомощных подростков по шести шкалам: конфронтационный копинг (U=3759,0, при $p=0,000$), дистанцирование (U=3388,5, при $p=0,000$), принятие ответственности (U=3685,0, при $p=0,000$), бегство-избегание (U=3387,5, при $p=0,000$), планирование решения проблемы (U=3953,0, при $p=0,002$), положительная переоценка (U=4296,5, при $p=0,027$). Копинг-стратегия «Планирование решения проблемы» реже используется подростками с личностной беспомощностью. Реализация данной копинг-стратегии подразумевает проблемно-ориентированные усилия по изменению ситуации, выработку определенного плана по разрешению задачи, реализацию

его и внесение необходимых изменений в зависимости от конкретных условий. Подросткам с личностной беспомощностью больше свойственны способы разрешить сложную ситуацию с помощью конфронтационной стратегии, предполагающей не столько целенаправленную поведенческую активность по решению проблемы, сколько действия, направленные на отреагирование негативных эмоций или на изменение ситуации. Подростки с личностной беспомощностью, использующие при совладании с трудностями дистанцирование, чаще прилагают усилия по отделению от ситуации и уменьшению ее значимости. Принятие ответственности за проблему на себя, признание личной роли в возникшей сложной ситуации как совладающая стратегия поведения значимо чаще используются субъектами с личностной беспомощностью. Такие подростки в сложной ситуации склонны к самообвинению, поиску причины случившегося в себе и своем поведении, значимо чаще принимают ответственность на себя, даже если проблема оказывается неподвластной их влиянию. К стратегии «Бегство-избегание» в трудных ситуациях подростки реже прибегают самостоятельные подростки. Они чаще проявляют поисковую активность в процессе решения проблем, обнаруживают способность изменять свой образ действий в зависимости от требований конкретной ситуации, пробуют больше вариантов действий, направленных на решение задачи. Положительная переоценка ситуации как копинг-стратегия чаще используется самостоятельными испытуемыми. В стрессовых ситуациях усилия подростка направлены на создание положительного смысла ситуации, поиск пользы в происходящем, извлечение выводов из случившегося.

Таким образом, подростки с самостоятельностью чаще совладают с трудностями при помощи проблемно-ориентированных копинг-стратегий в отличие от сверстников с личностной беспомощностью. Выявленные особенности могут быть предпосылками развития совладающего с трудностями поведения у субъектов с личностной беспомощностью.

**Исследование выполнено при поддержке ФПМУ ЧелГУ (2018 г.).*

Сизова Я.Н., Пономарева И.В.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПОДРОСТКОВ С ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТЬЮ*

В процессе решения жизненных проблем человеку приходится сталкиваться с трудностями, преодоление которых может осуществляться с помощью волевой регуляции. Ю. Куль выделяет два типа волевой регуляции: самоконтроль и саморегуляцию (Куль, 1970). Индивидуальная предрасположенность человека к какому-либо типу определяется его волевой диспозицией: ориентацией на действие или ориентацией на состояние. Субъекты с ориентацией на действие успешнее реализуют свои намерения в действии, более устойчивы по отношению к стрессам. Людям, ориентированным на состояние, свойственны эмоциональное напряжение, сосредоточение на обстоятельствах, препятствующих исполнению намерения (Куль, 1970).

Особенности волевой регуляции обусловлены «внутренними» условиями, личностными характеристиками субъекта. В связи с этим важно проанализировать особенности волевой регуляции у субъектов с личностной беспомощностью, которые отличаются низкой способностью преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить цели и достигать их, преодолевать трудности (Циринг, 2010). Исследование проводилось на базе общеобразовательных учреждений г. Челябинска, участвовали подростки 14-16 лет. По диагностике личностной беспомощности (Д.А. Циринг, М.О. Климова) были сформированы выборки подростки с признаками самостоятельности (N=44), личностной беспомощности (N=54) и с промежуточными значениями (N=49). Далее было проведено исследование воле-

вой регуляции (опросник «Контроль за действием» Ю. Куля). Статистическим инструментом сравнительного анализа выступил непараметрический критерий U-Манна-Уитни. В результате проведенного исследования были выявлены значимые различия в выделенных группах по всем показателям: контроль за действием при планировании ($U=721,0$, $p=0,001$), контроль за действием при реализации ($U=829,0$, $p=0,010$), контроль за действием при неудаче ($U=448,0$, $p=0,000$).

Результаты показывают, что уровень волевой регуляции у подростков с признаками самостоятельности выше, чем у их сверстников с личностной беспомощностью. Низкий показатель контроля за действием при планировании у беспомощных испытуемых говорит о недостаточной способности в процессе инициации действия отвлекаться от неполноценных, конкурирующих намерений. Таким подросткам сложнее приступить к реализации деятельности, планы подвержены частой смене, поставленная цель достигается редко.

Самостоятельные субъекты, напротив, ориентированы на действие, отличаются решительностью и настойчивостью при планировании деятельности. Контроль за действием при реализации ориентирован на состояние у подростков с личностной беспомощностью. В процессе выполнения деятельности субъект акцентирует внимание на собственном состоянии, а не на реализации действия, отличается низкой настойчивостью и малой эффективностью деятельности. При реализации намерения самостоятельные подростки ориентируются на действие, концентрируются на выполняемой деятельности, проявляют большую гибкость при переключении с одного вида деятельности на другой. При неудаче контроль за действием у респондентов с личностной беспомощностью характеризуется ориентацией на состояние, то есть, беспомощные подростки испытывают трудности инициации процесса реализации намерения в ситуациях, которые могут привести к недостижению цели. Испытуемые, переживая о возможной неудаче, отвлекаются от активных действий. Подростки с самостоятельностью, несмотря на стрессовые условия, способны инициировать процесс реализации намерения, способны начинать и прекращать действия, изменять и направлять их, концентрируясь в меньшей степени на мыслях о недостижении цели.

Таким образом, самостоятельные подростки в большей мере ориентированы на действие, чем их ровесники с личностной беспомощностью. Выявленные особенности волевой регуляции у испытуемых с личностной беспомощностью и самостоятельностью могут оказаться полезными при разработке рекомендаций родителям и педагогам по развитию навыков регуляции поведения у подростков.

**Исследование выполнено при поддержке РФФИ (номер проекта 17-36-01097-OGN-18).*

Сорокин В.М., Бочарова А.Н.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ А.Г. ЛИТВАКА. НЕРАЗРЫВНОСТЬ ИДЕЙНЫХ ТРАДИЦИЙ ПСИХОЛОГИИ ДИЗОНТОГЕНЕЗА (К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

А.Г. Литвак относится к плеяде ярких представителей отечественной психологии дизонтогенеза второй половины XX столетия, во многом определившей ее современное состояние. В конце 2017 ему исполнилось бы 80 лет. После окончания педагогического института работал в школе для слепых детей, закончил аспирантуру, защитил кандидатскую, а вскоре и докторскую диссертации. Почти два десятилетия руководил кафедрой тифлопедагоги в РГПУ им. А.И. Герцена.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Многочисленные исследования, проведенные А.Г. Литваком и его сотрудниками сенсорно-перцептивных процессов у лиц с резидуальной зрительной патологией показали, что первичные нарушения в условиях глубоких дефектов зрения не представляют собой однородные образования как это следовало из теории структуры дефекта Л.С. Выготского, а имеют свою сложную микроструктуру и зависят не только от остроты зрения, возраста появления глазного заболевания, стажа нарушенного зрения, но и от характера нозологии, особенностей светочувствительного аппарата, преломляющих сред глаза, аккомодации, динамики колебаний ясного видения, динамики последовательного зрительно образа и др. Это в свою очередь давало основание говорить о чрезвычайно высоких потенциальных возможностях развития психики даже в условиях сенсорной депривации, что позволяет достигать уровня развития нормально видящих детей независимо от степени снижения остроты зрения. Сказанное говорит о том, что в процессе компенсации нарушений зрения разворачивается не только в рамках перцептивных систем за счет перестройки сенсорной организации человека, но и во много зависит от личности человека ее стремления максимально использовать остаточное зрение. Именно поэтому в трудах А.Г. Литвака категория личности приобретает особый адаптивно-компенсаторный смысл, позволяющий раскрыть творческие возможности лиц с патологией зрения.

А.Г. Литвак вслед за Б.Г. Ананьевым, по сути, возродил в рамках психологии дизонтогенеза традицию использования комплексного подхода, заложенную еще В.М. Бехтеревым и реализованную его учениками и основоположниками специальной психологии в России Г.Я. Трошиним и А.А. Крогиусом в начале XX столетия. К большому сожалению, оба ученых несмотря на европейскую известность несправедливо были надолго забыты. На основании собственных экспериментальных исследований А.А. Крогиус пришел к выводу о необыкновенно высоких сохранных возможностях слепых людей, их творческом потенциале и о целесообразности в ряде случаев их совместного обучения со зрячими. Он неоднократно подчеркивал, что сам дефект зрения непосредственно влиять на процесс формирования личности не может, личность развивается в процессе воспитания, недостатки которого оказывают влияние на развитие личности.

По сути, заслугой А.Г. Литвака является возвращение имени А.А. Крогиуса в научное пространство современной психологии дизонтогенеза и возрождение традиций комплексного подхода исследования личности в условиях сенсорной патологии (Крогиус А.А., 1926; Литвак А.Г., 1973).

Так же, как и А.А. Крогиус в 20-е годы А.Г. Литвак в 70-е годы реализовал в своем учебнике сложные обобщения и реинтерпретации огромного психолого-педагогического опыта, накопленного за почти сорокалетний период. Безусловно, «Очерки психологии слепых и слабовидящих» как учебник представляет сегодня преимущественно исторический интерес особенно на фоне достижений современных нейронаук, когнитивной психологии и психологии развития. Но изящество психологического анализа, особая поэтика и простота текста учебника, делает весьма сложной, но жизненно необходимой, задачу создания нового и современного учебника тифлопсихологии.

Следует констатировать, что научное наследие Алексея Григорьевича Литвака наряду с такими его современниками как В.И. Лубовский, Л. И. Солнцева, Ю.А. Кулагин, Т.В. Розанова, И.М. Соловьев, К.С. Лебединская, С.Я. Рубинштейн способствовало не только возрождению специальной психологии в нашей стране, но и создало условия ее бурного развития.

Стебляк Е.А.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ О ПЛАНИРОВАНИИ

С целью выявления и анализа структуры и содержания представлений умственно отсталых старшеклассников (УО) о планировании было опрошено 34 умственно отсталых респондента 14-18 лет, обучающихся в 7-10 классах адаптивной школы (25 лиц мужского пола, 9 – женского). Респонденты объясняли значение слова «планы» (методика «Условный собеседник» М.А. Холодной, 2012). Инструкция побуждала респондентов к построению микротекстов, состоящих из связных речевых высказываний, а не отдельных слов, как в оригинальном варианте.

Контент-анализ выявил категории предмета планирования (34,5%), планируемых сроков (19%); действий, входящих в состав деятельности планирования и реализации плана (13,8%); закономерностей планирования (11,2%) и условий осуществления планов (5,2%). Остальные суждения представлены тавтологичными, неадекватными (11,2%) и категориальными (3,5%) ответами.

Суждения о предмете планирования входят в ядро представления УО респондентов о планировании, так как свойственны каждому опрошенному. УО респонденты считают допустимым планирование разнообразных видов деятельности и широкого круга действий. Они планируют потребительское поведение, перемещения в пространстве, действия (сделать), профессиональную деятельность и бизнес, учебную деятельность, взаимодействия с людьми (помогать, ухаживать, с кем жить), репродуктивное поведение (завести ребенка), отдых, строительство (построить). Предметом планирования в их понимании способны стать учеба, покупки, армия, работа, отдых, практически все. Респонденты уточнили, что планированию подлежат дела, жизнь, цели, чем занят, настоящее, будущее, время; то, что будет; то, что делать дальше; то, чего добиваться. Однако понимание сферы применимости планирования исключает сферы личностного развития, интеллектуального роста, о чем свидетельствует полное отсутствие глаголов, обозначающих коммуникативную и познавательную активность, ментальные действия и переживания. Некоторые УО респонденты отождествляют понятие план с планируемым занятием, делом или событием, например, «Это посуду мыть, это убираться. Это полы мыть. / Это дела, это работа, планировать день». Широкая представленность данной категории указывает на непонимание когнитивной специфики и функционального назначения деятельности планирования. В основном респонденты считают допустимым планирование непродолжительного временного промежутка – до года или нескольких лет. Большинство опрошенных категорически не соглашались с возможностью планирования жизни, что частично объясняет причины их неготовности к формированию долгосрочных замыслов.

Были названы следующие действия, входящие в состав деятельности планирования и реализации плана: думать, строить, подстраивать, предусматривать, распределять, выполнять, мечтать, обсуждать, сделать.

Суждения о закономерностях планирования указывают на возрастающую сложность планирования по мере удаления отрезков жизнедеятельности в будущее, на страх неуспеха в случае заблаговременного планирования, на ответственность человека и возможность исправления допущенной ошибки путем совершения второй попытки действия, на фактор невезения, способный разрушить выстроенный план; на возможность откладывания сроков исполнения замысла на будущее, на период взрослости; на вариативность исходов планирования и длительность сроков осуществления задуманного и др.

В суждениях об условиях осуществления планов не упоминается качество самого пла-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

на. Обращает на себя внимание утверждения о необходимости веры, уверенности, ритуала «привязывания листочка с планом к веточке дерева». Техники контроля за исполнением планов, перенесения невыполненных пунктов на следующий срок и т.п. не упоминаются.

Отмеченные особенности дискурса планирования могут выступить ориентиром для конструирования корректирующего педагогического дискурса на ту же тему. Включение представленных мнений в обсуждение позволит побудить воспитанников к формулировке собственного мнения.

Цветков В.В.

ТЕХНОЛОГИЯ ПОЭТАПНОГО ФОРМИРОВАНИЯ САМОРЕГУЛЯЦИИ

У ДЕТЕЙ С СИНДРОМОМ ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ И

ГИПЕРАКТИВНОСТИ

С введением Федерального государственного образовательного стандарта появились новые требования к обучающимся, к результату освоения ими основной образовательной программы. Теперь от них требуется высокая степень регуляции на всех уровнях психической деятельности. Для такой регуляции необходима соответствующая сформированность функциональных систем, а саморегуляция становится базовой характеристикой субъекта и основой его адаптивных возможностей. Учебная деятельность детей с дефицитом внимания и гиперактивностью (СДВГ) затруднена в виду дефицитарности функций психики. Особенности этих детей указывают на то, что основные сферы, обеспечивающие успешность учебной деятельности, находятся в зоне риска.

Мы предприняли попытку создания технологии, позволяющей в современной образовательной системе формировать регуляторные механизмы у детей с СДВГ. В терминологии теории функциональных систем П.К. Анохина поведенческий акт и действие имеют структуру, которая состоит из определенных стадий (Анохин 1980). Каждой стадии свойственны специфические задачи, время перехода на следующую стадию, использование физиологических и психических ресурсов. Системообразующим фактором является полезный результат.

Рассматривая действия детей с СДВГ с позиции теории функциональных систем, мы должны заметить, что основные сложности возникают как внутри стадий, так и на этапе перехода от одной стадии к другой, что в итоге приводит к отсутствию результата. Так, недостаточность мотивации (волевого усилия) приводит к отсутствию необходимой «настройки» на предстоящую деятельность, а неполноценность принятия учебной задачи – к ее неверному выполнению из-за неполноценности образа конечной цели действия.

Отсутствие коррекции неэффективных программ уже при исполнении действия влечет за собой низкое качество работы. Ребенок с СДВГ становится неуспешным в учебной деятельности из-за неполноценности исполнения учебных действий и операций.

В соответствии со структурой функциональной системы П.К. Анохина мы создали соответствующие визуальные символы, наделенные вербальным правилом. Афферентному синтезу соответствуют правила:

№1 «Настройся на задание» – направлено на управление мотивацией,

№2 «Выслушай задание» – направлено на прием значимой для конечного результата информации,

№3 «Не понял – переспроси» – направлено на уточнение принятой информации.

Стадии принятия решения и акцептора результатов действия соответствуют:

№4 «Представь задание» – направлено на формирование представления о предстоящем действии и конечной цели,

№5 «Составь план» – направлено на детализацию программы на основе аналитической деятельности.

Эфферентному синтезу, выполнению действия и оценке результата действия соответствуют:

№6 «Проверь. Сравни. Исправь. Сообщи» – направлено на реализацию программы, ее коррекцию и соотнесение с желаемым результатом (целью).

Между 5 и 6 правилами существует этап разработки действий, который не обозначен значком-символом, но представляет собой технологию заполнения плана-карты. Разграничение на этапы оправдано в связи с поэтапностью формирования умения и перехода его в навык, что создает условия для интериоризации и управления действием (Гальперин, 2006). Опора на внешние символические объекты связывает этап действия с когнитивно-эмоциональными процессами и создает условия для дальнейшего самоуправления своим поведением уже без опоры на внешние стимулы в виде используемых нами знаков. Визуальный знак и вербальное правило (императив) постепенно редуцируются до ключевого слова и символа, переходя во внутренний план, становясь внутренним регулятором действия. Знаки-правила, сначала являясь внешними регуляторами, со временем становятся саморегуляторами (Выготский, 2005).

Разграничение на этапы позволяет определить наиболее дефицитарный, выделить слабое звено и сосредоточиться на его коррекции. Представленная структура дет возможность самому ребенку понять, на каком этапе он ошибается.

Юхновец Т. И.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ, БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ-ДЕФЕКТОЛОГОВ И РАБОТАЮЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Необходимость жить в стремительно изменяющемся мире инициирует возникновение области психологических проблем. Зарубежными и отечественными учеными разработаны терминологический аппарат, концепции, диагностический инструментарий для оценки ее различных аспектов. В настоящее время происходит накопление и формирование базы данных, связанных с учетом различных факторов, условий, динамики протекания, стратегий преодоления, детерминирующих результат взаимодействия человека и изменяющейся среды.

Объектом исследования выступила толерантность к неопределенности; предметом – толерантность к неопределенности учителей-дефектологов как профессионально значимое качество педагога. Цель заключалась в определении различий между группами студентов-первокурсников, студентов-выпускников и работающих учителей-дефектологов; составлении не только количественного, но и качественного группового описания изучаемой характеристики. В исследовании приняли участие 110 первокурсников, 154 студента-выпускника и 90 учителей-дефектологов. Испытуемым предлагался диагностический пакет, включавший в том числе методику «Толерантность к неопределенности MSTAT-I (Д. Маклейн, адапт. Е.Г. Луковицкой, 1998).

Первичная обработка данных показала, что, несмотря на то, что средние значения лежат в области статистической нормы (методика стандартизирована в 1998 г; N=1516), они значительно ниже стандартизированных средних значений, и, соответственно, дисперсии реальных экспериментальных выборок выходят за нижнюю границу статистической нормы. Например, по шкале «Общий показатель толерантности к неопределенности» в кластере сту-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

дентов-первокурсников $M=88$; $\sigma=19,7$; в группе студентов-выпускников – $M=85,4$; $\sigma=16,7$; и в микро-выборке учителей-дефектологов – $M=85,4$; $\sigma=11,7$. Такое распределение значений наблюдалась по всем шкалам методики, но особенно ярко по шкалам: «Отношение к неопределенным ситуациям», «Отношение к сложным задачам», «Избегание неопределенности». Это свидетельствует о высоком уровне разнородности изучаемых признаков в распределении, а также о недостаточно выраженных свойствах, необходимых для успешного преодоления неопределенности, характерных как для студентов, так и для работающих специалистов. На следующем этапе был проведен дисперсионный анализ с целью выявления возможности формирования изучаемых свойств.

Оказалось, что более толерантными к неопределенности явились первокурсники, тогда как выпускники и учителя проявили интолерантность к наступающим неизвестным ситуациям. Математический анализ был продолжен в направлении непараметрического сравнения выборок друг с другом, дополнен качественным содержательным описанием.

Выводы: должна проводится целенаправленная систематическая работа по формированию такой важной характеристики субъекта педагогической деятельности как умение работать в неопределенных ситуациях, так необходимая современному учителю. Иначе, спонтанно формируется комплекс личностных свойств (отрицательное отношение к сложным задачам, отрицательное отношение и избегание неопределенности), препятствующих эффективному разрешению сложных педагогических ситуаций.

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Авдеева О.В., Шляпников В. Н.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ У КОМИ-ЗЫРЯН И РУССКИХ

За последние десятилетия количество работ, посвященных изучению волевой регуляции, неуклонно растет. Результаты исследований свидетельствуют о том, что волевая регуляция является одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на выбор деятельности, количество прилагаемых усилий, а также уровень достижений (Иванников и др., 2014). В связи с этим исследование механизмов развития и функционирования волевой регуляции конкретных видов деятельности представляется важным направлением развития психологической науки. Представления о воле как о высшей психической функции свидетельствуют о необходимости изучения социокультурных факторов развития волевой регуляции. Перспективным направлением исследования волевой регуляции становится кросс-культурный подход, который хорошо зарекомендовал себя в изучении многих психических явлений, но в психологии воли практически не использовался. В связи с этим была выдвинута гипотеза о наличии различий показателей волевой регуляции у представителей разных этнокультурных групп, в частности, у русских и коми-зырян.

С целью проверки выдвинутой нами гипотезы было проведено исследование, участие в котором приняли 200 человек, разделенные на две группы: 1) группа коми-зырян, проживающих в г. Сыктывкар (100 человек), 2) группа русских, проживающих в г. Москве (100 человек). Группы были уравнены по полу и возрасту, и большей частью состояли из студентов и молодых специалистов.

Для диагностики индивидуальных особенностей волевой регуляции респондентов, нами использовались методики: субшкала «Контроль за действием при планировании» из опросника «Шкала контроля за действием» Ю. Куля (НАКЕМР-90) в адаптации С.А. Шапкина (1997); «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» (Г.С. Никифоров, В.К. Васильева и С.В. Фирсова), формализованная модификация методики самооценки (СО) Дембо-Рубинштейн в адаптации В.А. Иванникова, Е.В. Эйсмана (1990).

В ходе исследования было обнаружено, что представители коми-зырян значимо превосходят русских по уровню поведенческого (коми: $M=17,05$, $SD=3,92$, русские: $M=15,85$, $SD=4,14$, $U=4153,00$, $p=0,04$) и социального самоконтроля (коми: $M=16,70$, $SD=3,81$, русские: $M=15,04$, $SD=3,51$, $U=3719,00$, $p=0,00$). Также представители коми-зырян значимо превосходят русских по самооценкам волевых качеств: дисциплинированный ($p=0,001$), настойчивый ($p=0,01$), волевой ($p=0,01$), инициативный ($p=0,05$), выдержанный ($p=0,05$), терпеливый ($p=0,01$), упорный ($p=0,001$), спокойный ($p=0,01$), внимательный ($p=0,01$). Значимых различий по методике «Шкала контроля за действием» (Ю. Куль) обнаружено не было.

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что представители русских и коми-зырян значимо различаются по целому ряду показателей волевой регуляции. У представителей коми-зырян по сравнению с русскими наблюдаются более высокие значения уровня поведенческого и социального самоконтроля, а также самооценок ряда волевых качеств (дисциплинированный, настойчивый, волевой, инициативный, выдержанный, терпеливый, упорный, спокойный, внимательный). Можно предположить, что эти различия связаны с общей волевой мобилизацией, характерной для представителей коми-зырян, и обусловлены историей и традиционным образом жизни народов и связанными с ними, климатическими, социально-демографическими, социально-экономическими и культурными факторами. Обнаруженные закономерности свидетельствуют в пользу представлений о воле как о высшей психической функции, которая формируется на основе индивидуальных свойств в процессе освоения личностью различных видов деятельности, в том числе, связанных с традиционным образом жизни той или иной этнической группы.

**Исследование выполнено за счет гранта РФФ, проект № 17-78-20226.*

Атагунов Р.И.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА МИРА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КОНТРАКТНОЙ СЛУЖБЫ

Личный состав российской армии комплектуется как по призыву, так и по контракту. В настоящее время число служащих по контракту превышает число солдат срочной службы. Сегодня они составляют основную боевую силу армии. Это обстоятельство заставляет обратить пристальное внимание на их ментальные и психологические характеристики.

В данном исследовании нами был проведен анализ некоторых особенностей мировосприятия солдат контрактной службы. Измерялись удовлетворенность жизнью (шкала SWLS Э. Динера в русскоязычной версии Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина), опросник Р. Янов-Бульмана в адаптации М.А. Падуна и А.В. Котельниковой для измерения социальных убеждений (вера в благосклонность мира, вера в справедливость мира, вера в свое позитивное «Я», вера в свою способность к самоконтролю, вера в удачу), методика Дж. Даккита (вера в конкурентный мир, вера в опасный мир) в адаптации О.А. Гулевич, О.А. Аникеенко, И.К. Безменовой, шкала веры в справедливый мир К. Далберт (вера в общую справедливость, вера в справедливость «для меня») в адаптации С.К. Нартовой-Бочавер, М.Б. Подлиппняк и Ю.В. Хохловой.

Выборку составили 175 солдат-контрактников Центрального военного округа. Для сравнения использовалась выборка из 171 солдата срочной службы. Обе выборки были полностью мужскими. При этом первая была заметно старше по возрасту (средний возраст 26,8 и 20,1, соответственно).

В представленном исследовании были получены следующие основные результаты. Для солдат контрактной службы характерен высокий уровень удовлетворенности жизнью. Соответствующий показатель равен 27,51, что выше, чем у солдат-срочников (26,18), и выше, чем в других группах российской молодежи (Алишев, 2016). По обоим шкалам опросника Дж. Даккита получены результаты, находящиеся ниже среднего значения, равного 36. В большей степени это касается веры в то, что мир основан на конкуренции (27,18) и в меньшей степени веры в опасность мира (32,47). Таким образом, для военнослужащих характерно восприятие мира, как основанного преимущественно на сотрудничестве (для солдат срочной службы это характерно в меньшей степени).

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

По двум шкалам методики К. Далберт получены повышенные результаты, свидетельствующие о том, что военнослужащие склонны воспринимать мир как справедливо устроенный. Например, показатель по шкале общей справедливости равен 28,68 при медианном значении по шкале, равном 21 и максимальном – 36. Показатель по шкале справедливости «для меня» также является высоким и равняется 30 (при медианном значении 24–25 и максимальном 42).

По всем шкалам опросника социальных убеждений Р. Янов-Бульмана также получены результаты, превышающие медианные значения. То есть военнослужащие в основном верят в благосклонность мира, в его справедливость, обладают позитивным образом «Я», верят в свою способность контролировать события и, вместе с тем, верят в удачу. Кроме того, все эти показатели у них на уровне статистической значимости (α 0,001–0,02 по t-критерию Стьюдента) выше, чем у солдат-срочников.

Корреляционный анализ показал, что большинство измерявшихся параметров имеют положительные или отрицательные связи (использовался коэффициент линейной корреляции Пирсона) друг с другом на уровне статистической значимости. В этом плане особый интерес вызывает то обстоятельство, что в исследовании обнаружена значимая положительная связь ($p \leq 0,01$) между удовлетворенностью жизнью и всеми тремя переменными, характеризующими восприятие мира как справедливого.

Полученные результаты свидетельствуют о ментальном благополучии военнослужащих контрактной службы и о позитивном восприятии ими окружающей социальной действительности и самих себя.

Бочавер А.А., Резниченко С.И.

ЧТО ПОБУЖДАЕТ МОЛОДЕЖЬ ВЫХОДИТЬ ИЗ ДОМА?

Уникальность домашней среды обусловлена тем, что она может вызывать привязанность, наполняться смыслами, связанными с семейным и историческим контекстом, она мультифункциональна – это отличает дом от других сред, в которых находится человек. Как правило, выход за пределы дома является рутинным актом, необходимым для нормального социального функционирования, но граница «дом – не дом» имеет не только бытовое, но и символическое значение: освоение этой границы происходит с возрастом и является признаком взросления. Типичными особенностями современного общества являются ангедония, слабо развитые интересы детей и подростков, широко обсуждаются «инфантильность» современных подростков, отсутствие у них целеустремленности и стремления отделяться от родителей и занимать взрослую позицию по отношению к жизни. В этом контексте тема отношений к дому и освоения молодежью новых пространств становится чрезвычайно актуальной как с точки зрения получения новых теоретических знаний, так и расширения представлений о репертуаре ресурсных практик среди современных подростков и молодых людей.

В представленном исследовании участвовали 245 респондентов (45 мужчин=18,4%), $R_{\text{возраст}} = 17\text{--}38$ лет, $M_{\text{возраст}} = 19,0$; $M_{\text{возраст}} = 22,2$, $SD_{\text{возраст}} = 6,2$, студентов гуманитарных специальностей московских вузов. Они отвечали на вопросы о том, какие причины могут побудить их выйти из дома, разделяя их на внешние (локализованные вне дома) и внутренние (локализованные внутри дома). Данные были обработаны с помощью квантитативного частотного анализа, а также контент-анализа. Кодировка проводилась по двум основаниям – типу потребностей, содержащихся в ответе и ориентации ответов.

Среди внешних причин чаще всего называются привлекательные объекты (встречи с друзьями, учеба, покупки и т.п.), а среди внутренних преобладают стимулы, провоцирующие избегание (уйти от шума, от ссоры и т.п.); это более однообразные, преимущественно позитивные ответы; среди них значимо преобладают ($\chi^2=74,39$; $p=0,000$) те, которые способствуют удовлетворению потребностей высшего порядка – побуждают респондентов к общению, развитию и другим привлекательным формам деятельности. Среди внутренних причин преобладают ($\chi^2=21,67$; $p=0,000$) те, которые характеризуют фрустрацию базовых потребностей, главным образом, в психологической безопасности.

В отношении внешних причин выхода из дома женщины чаще ($\chi^2=6,15,45$; $p=0,046$) фокусируются на неудовлетворенных базовых потребностях, а мужчины чаще женщин упоминают потребности высшего порядка. Среди внутренних причин выхода из дома мужчины и женщины одинаково часто упоминали фрустрированные базовые потребности как причину для покидания дома.

Дом в целом рассматривается обитателями как среда, в которой можно удовлетворить преимущественно базовые потребности, и если это удастся, то основными причинами выхода из дома служат аттракторы, сулящие удовлетворение высших потребностей. Однако дом не универсален в качестве ресурса, для поддержания баланса человеку помимо дома требуется дополнение в виде других сред. Человек может стремиться выходить из дома как для удовлетворения потребностей высшего порядка, так и из-за переживаемой фрустрации базовых потребностей.

**Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 14-18-02163.*

Бочарова Е.Е.

РЕГУЛЯТИВНЫЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ*

Обращение исследователей к разработке проблемы социальной активности личности и групп обусловлено, прежде всего, реалиями современного общества, ключевыми характеристиками которого являются транзитивность, изменчивость, неопределенность. Отметим, что психологическое содержание транзитивности общества связано с изменчивостью картины мира, представлений, ценностей и неопределенностью социальных норм, установок (Дубовская, 2014; Леонтьев, 2011; Марцинковская, 2015; Шамионов, 2018), что в своей совокупности приводит к порождению новых форм социальной активности, трансформации и/или исключению «старых». Социальная активность, согласно мнению исследователей, являет собой сознательную и целенаправленную деятельность личности и ее целостно социально-психологическое качество, которые, будучи диалектически взаимообусловлены, определяют и характеризуют степень (меру) персонального воздействия субъекта на предмет, процессы и явления окружающей действительности, отличающегося социальной значимостью (Дубов, 2012; Коган, 1970).

Цель исследования – изучение регулятивных и мировоззренческих факторов обусловленности различных форм социальной активности старшеклассников общеобразовательных школ г. Саратов (N=60; средний возраст соответствует 16,43; SD=0,53; 56% - женского пола).

Методики и методы исследования. Анкета, направленная на выявление различных форм социальной активности (альтруистическая, досугово-коммуникативная, социально-политическая, интернет-сетевая, социально-экономическая, гражданская, образовательно-развивающая, религиозная, духовная, протестная, радикально-протестная, субкультурная) (min=1

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

балл; $\max=5$ баллов); «Шкала базисных убеждений» Р. Янов-Бульман (в адаптации Падун, Котельникова, 2008); опросник «Стиль саморегуляции поведения и деятельности» (Моросанова, 1998). Анализ результатов исследования осуществлен на основе методов описательной статистики, факторного анализа с использованием процедуры Varimax.

Факторизация эмпирических данных позволила выделить 3 фактора, объясняющих 57,7% общей дисперсии. 1 фактор «Саморегуляция социальной активности» (27,2% объясняемой дисперсии) представлен переменными: общий уровень саморегуляции (0,940), планирование (0,788), оценка результатов (0,710), гибкость (0,688), духовная активность (0,641), социально-экономическая активность (0,610), доброжелательность окружающего мира (-0,575). Полученные данные свидетельствуют о рациональной согласованности последовательного планирования с предвосхищением ожидаемых результатов своей социально-экономической, духовной активности и проявлением способности оперативно ориентироваться в случае возникновения сомнения в благосклонности окружающего мира. 2 фактор «Справедливость» (21,3%) представлен переменными: справедливость (0,806), самостоятельность (-0,763), досугово-коммуникативная активность (0,746), альтруистическая активность (0,720), интернет-сетевая активность (0,690), образ Я (0,684). Убеждение в справедливости окружающего мира, ожидание подтверждения ценности собственного Я актуализируют досугово-коммуникативную, альтруистическую и интернет-сетевую формы активности. 3 фактор «Протестная активность» (8,97%) представлен переменными: протестная активность (0,746), радикально-протестная активность (0,736), моделирование (-0,508). Возможно, эти данные говорят о том, что неспособность быстро ориентироваться в меняющейся ситуации инициирует протестную и радикально-протестную активность.

Полученные результаты свидетельствуют о значимости регулятивных и мировоззренческих факторов различных форм социальной активности.

**Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 18-18-00298.*

Васина Е.А.

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ УМЕНИЯ ЛИЧНОСТИ: ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Жизненная стратегия представляет собой сложный, многоплановый феномен субъектно-личностного бытия. С точки зрения К.А. Абульхановой-Славской (1991), стратегия является некоторым универсальным законом, способом самоосуществления человека в различных сферах его жизни и означает способность к самостоятельному построению своей жизни, к принципиальному, осмысленному ее регулированию в соответствии с кардинальным направлением.

Понятие жизненной стратегии объединяет поведенческий, ценностный, смысложизненный аспекты становления, развития и самореализации личности; это динамическая система ценностных ориентаций, включающая жизненные цели и представления человека о своем будущем, которые воплощаются в повседневном поведении посредством соответствующих способов и ресурсов. Стратегия как устойчивая форма поведения складывается на основе комплекса социальных умений и навыков, формируемых в период первичной социализации в семье.

В научной литературе анализируются различные типологии жизненных стратегий, где в качестве оснований выступают: жизненная позиция личности и связанная с ней активность; характер направленности личностных изменений; степень согласованности с целями и задача-

ми общества; тип социальной адаптации и другие. Основу разработанной нами диагностической методики «Пословицы» (2018), направленной на изучение поведенческой стороны жизненных стратегий, составляют два базовых критерия: стремление к достижению собственных целей и сохранение отношений с другими людьми. Методика соответствует концептуальной модели опросника К. Томаса и выявляет репертуар основных поведенческих тенденций личности. Активность в достижении своих целей и ценностное отношение к людям дифференцируют 5 жизненных стратегий (избегание, соперничество, приспособление, компромисс и сотрудничество), которые актуализируются в повседневных деловых и межличностных контактах, ролевом и партнерском общении, в противоречивых ситуациях.

Инструментальной базой жизненных стратегий выступают способы взаимодействия человека с социальным окружением, основанные на процессах социального познания и научения. Это социальные и социально-психологические умения, освоенные в процессе социализации, которые представляют собой коммуникативные и поведенческие паттерны, аккумулирующие социальный опыт личности. Они могут быть ориентированы на кооперацию и противоборство; на доминирование, подчинение или ассертивное взаимодействие, способствовать или препятствовать созданию и сохранению гармоничных отношений с другими людьми, а также собственной самореализации субъекта.

Социальные умения и навыки этикетного поведения, заботливости, уважительного отношения к людям, помогающего поведения и др. формируются в родительской семье и транслируются из поколения в поколение (социально наследуются). Определяющую роль здесь играют коммуникативные и воспитательные стратегии, применяемые родителями в период первичной социализации ребенка. Репертуар социальных умений индивидуален, связан с особенностями стиля семейного воспитания, распределением внутрисемейных ролей и эффективностью их исполнения.

Социальные и социально-психологические умения, сформированные в семье, являются инструментальной основой жизненных стратегий, выступают как личностный ресурс и становятся в дальнейшем основой успешного профессионально-делового и личного общения. Комплексное рассмотрение жизненных стратегий и социальных умений, их структуры и динамики в контексте проблем социализации и социальной зрелости личности является перспективной научной задачей.

**Исследование подготовлено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 18-013-00904 «Формирование социальных умений личности в семье».*

Гагарина М.А.

ЛИЧНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ ДОЛЖНИКОВ И ЗАЕМЩИКОВ: ВЗГЛЯД ЭКСПЕРТОВ

Проблема роста задолженностей среди населения и их последующего взыскания обладает высокой социальной значимостью, поскольку затрагивает интересы широкого круга лиц: как самих заемщиков и должников, так и представителей кредитных организаций. Долговое и инвестиционное поведение связано с личностными чертами большой пятерки (Brown, 2014; Nyhus, 2001), при исследовании которых используют самоотчеты. В своем исследовании мы обратились к рассмотрению того, какими видят должников эксперты.

Гипотеза исследования. Мы предположили, что оценки экспертов подтвердят имеющиеся в научных публикациях (например, Brown, 2014) данные о большей экстравертированности, доброжелательности и меньшей сознательности должников.

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Всего нами было опрошено 260 экспертов, из них 185 – судебные приставы, 75 – сотрудники кредитных организаций. Использовались следующие методики: авторская анкета, Личностный дифференциал (ЛД) и короткий портретный опросник Большая пятерка в адаптации М.С. Егоровой, О.В. Паршиковой. Сотрудники кредитных организаций были опрошены о заемщиках и должниках, судебные приставы – только о должниках.

Результаты исследования. Самой распространенной причиной образования задолженности, по мнению судебных приставов, является безответственность и непонимание последствий (85%), а, по мнению сотрудников кредитных организаций – неспособность четко планировать свой бюджет (35%). Судебные приставы достоверно чаще оценивают вероятность намеренного обмана со стороны заемщиков (17% vs 17%; $\chi^2=3,6$, $p=0,05$), а сотрудники кредитных организаций достоверно чаще объясняют просроченные платежи неспособностью планировать бюджет (35% vs 18%; $\chi^2=8,16$, $p=0,01$). Эксперты оценивают должников достоверно ниже, чем заемщиков по шкалам сила (среднее 3,7 vs 4,1; $t=-3,7$, $p=0,00$) и оценка (среднее 3,3 vs 4,1; $t=0,98$, $p=0,00$) методики «Личностный дифференциал». То есть, как более нечестных, враждебных, раздражительных, зависимых и т.п. При сравнении оценок должников и заемщиков по личностным чертам Большой пятерки обнаружены достоверные различия по всем шкалам (t-критерий Стьюдента, $p=0,001$). Должники воспринимаются более интровертированными (среднее 3,3 vs 3,9), эмоционально неустойчивыми (среднее 3,7 vs 3,0), закрытыми к получению нового опыта (среднее 2,9 vs 3,6), менее сознательными (среднее 2,7 vs 3,8) и менее доброжелательными (среднее 2,9 vs 3,8). В результате сравнительного анализа оценок должников судебными приставами и сотрудниками банка было выявлено, что судебные приставы оценивают должников более негативно, чем сотрудники кредитных организаций по шкалам сила (среднее 3,6 vs 3,9) и оценка (среднее 2,9 vs 4,2) методики «Личностный дифференциал». Достоверные различия (t-критерий Стьюдента; $p=0,05$) в оценках должников обнаружены по шкалам «экстраверсия», «сознательность» и «доброжелательность». По оценке судебных приставов, должники достоверно более экстравертированные (среднее 3,5 vs 3,0), менее сознательные (среднее 2,4 vs 2,9) и менее доброжелательные (среднее 2,5 vs 3,5). Все различия в оценках должников судебными приставами и сотрудниками кредитных организаций, полученные как по методике ЛД, так и по Большой пятерке, могут быть объяснены тем, что указанные специалисты взаимодействуют с должниками на разных этапах образования проблемной задолженностей. Fitch и др. описали изменения, которые происходят в жизни должника как долговую спираль, при переходе от одного витка к другому происходит увеличение степени эмоционального напряжения: от тревоги и беспокойства, до состояния тяжелого стресса и суицидальных попыток (Fitch, 2007).

Двоеглазова М.Ю., Двоеглазова М.А.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ О ВЛИЯНИИ СЦЕН НАСИЛИЯ В СМИ НА КРИМИНАЛИЗАЦИЮ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И УРОВЕНЬ ПРЕСТУПНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ

О необходимости целенаправленного управления формированием у подрастающего поколения правового сознания, основ информационной безопасности, устойчивой потребности в получении высококачественной информационной продукции свидетельствуют статистические данные о количестве преступлений различной степени тяжести, совершенных несовершеннолетними на территории РФ в период с 2010 по 2017 гг.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Целью нашего исследования было изучение социальных представлений старшеклассников о влиянии сцен насилия в СМИ на криминализацию общественного сознания и уровень преступности в обществе.

В проверке гипотезы о наличии различий в социальных представлениях юношей и девушек о влиянии сцен насилия в СМИ на криминализацию общественного сознания и уровень преступности в обществе приняли участие 70 респондентов (46 девушек и 24 юноши), средний возраст - 16,6 и 16,3 соответственно. Все респонденты являются учащимися Мурманского международного лицея.

Диагностика социальных представлений старшеклассников осуществлялась при помощи авторской анкеты, разработанной на основе теории социальных представлений С. Московичи; взглядов К.А. Абульхановой, А.И. Донцова, Т.П. Емельяновой о специфике социальных представлений личности. Методы математико-статистической обработки данных: частотное распределение признака, проценты, χ^2 Пирсона, ϕ Фишера.

Результаты обработки данных позволяют сформулировать следующие выводы:

1) социальные представления юношей и девушек о возможности влияния информации, передаваемой СМИ, на уровень преступности в обществе одинаковы ($\phi_{\text{эмп.}}=0,117$, $p\leq 0,05$). 71,43% респондентов считают, что СМИ, будучи одним из социальных институтов общества, могут оказывать прямое и косвенное воздействие на уровень преступности в обществе;

2) по мнению как юношей, так и девушек человек, воспринимающий сцены насилия в художественных фильмах, может переживать удовольствие от их просмотра ($\chi^2_{\text{эмп.}}=0,004$, $p\leq 0,05$, $\phi_{\text{эмп.}}=0,708$, $p\leq 0,05$). 51,4% респондентов (66,67% юношей и 63,04% девушек) положительно ответили на данный вопрос;

3) социальные представления юношей и девушек об изменении эмоционального состояния человека после длительного просмотра сцен насилия с телеэкрана различны ($\phi_{\text{эмп.}}=2,057$, $p=0,02$);

4) социальные представления респондентов о специфике изменения эмоционального состояния после длительного просмотра сцен насилия с телеэкрана одинаковы ($\chi^2_{\text{эмп.}}=3,9494$, $p\leq 0,05$). Девушки и юноши считают, что после длительного просмотра сцен насилия с телеэкрана наиболее часто человек испытывает агрессию (33,88% респондентов), тревогу (27,91%), безразличие (15,12%), раздражение (9,3%) и эйфорию (9,3%);

5) социальные представления о влиянии систематического и продолжительного восприятия сцен насилия с телеэкрана на провокацию человека к агрессии неодинаковы ($\chi^2_{\text{эмп.}}=12,1$, $p\leq 0,05$). Мнение большей части девушек положительно, юношей – отрицательно;

6) социальные представления респондентов о возможности совершения преступления на основе подражания телевизионным героям одинаковы ($\chi^2_{\text{эмп.}}=3,407$, $p\leq 0,05$). 71,43% респондентов (66,67% юношей и 73,9% девушек) ответили на данный вопрос положительно;

7) наиболее часто информацию агрессивного содержания транслируют каналы НТВ, Первый канал, РЕН ТВ, Россия 24 ($\chi^2_{\text{эмп.}}=5,289$, $p\leq 0,05$);

8) по мнению 60% респондентов (50% юношей и 61,22% девушек) в вечерние часы по телевидению наиболее часто транслируется информация агрессивного содержания.

Трансляция средствами массовой информации большого количества сведений, содержащих сцены насилия (экономическом, политическом, физическом, психологическом и пр.), обуславливает ухудшение эмоционального состояния населения, способствует криминализации сознания, снятию психологических барьеров перед совершением правонарушений и преступлений различной степени тяжести, что в свою очередь определяет увеличение количества преступлений в обществе.

Есикова Т.В.

ПСИХОЛОГИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Проблема психологии становления и развития правовой личности в современном мире является достаточно актуальной, так как происходящие изменения в социально-политической, культурной и образовательной сферах общества определяют правовые компетенции личности с принципиально новым содержанием.

Понятие «правовая личность» отражает степень и индивидуальные особенности прогрессивно-правового развития личности, обеспечивает ее правомерную деятельность. Правовую личность характеризует правовое сознание, включающее представления о праве, правовое мышление, правовые установки и правомерное поведение; способствует выработке культурного стиля правомерного поведения и включению в ценностно-нормативную систему личности тех ценностей, которые охраняются правом.

Для определения степени развития качеств правовой личности, оценивания уровня развития того или иного качества, определены критерии оценивания: когнитивный критерий личности, показывающий уровень развития правовых понятий, включающий в себя правовые представления, правовые знания; оценочно-правовой критерий личности, определяющий развитие правовых, нравственных и эстетически-окрашенных чувств, эмпатии, способности воспринимать и чувствовать справедливость и правду; практически-правовой критерий личности, отражающий выражение правовых и этических знаний в деятельности, поведенческой манере и речи; личностно-правовой критерий, определяющий наличие и степень развитости таких качеств правомерной личности как искренность, самокритичность, целеустремленность, стремление к самосовершенствованию, самостоятельность, креативность, уравновешенность, сдержанность, толерантность, бескорыстность и совестливость.

Совокупность правовых представлений, правового мышления, правового сознания, правовой культуры и результатов правового воспитания и правовой социализации мы назвали правовым потенциалом личности.

Исследование правовой личности было проведено на выборках испытуемых дошкольного, младшего школьного, подросткового, юношеского возраста и молодости. Использовались методики в соответствии с возрастом, направленные на выявление развития нравственной и когнитивно-правовой сферы личности, таких ученых как Д.С. Безносков, М.И. Воловикова, С.Я. Ермолич, Р.Р. Калинина, Л. Колберг, Р.М. Лернер, А.Г. Маклаков, Дж. Роттер, А. Н. Славская, Л.А. Ясюкова, и авторские методики Т.В. Есиковой.

В результате проведенного эмпирического исследования нами были выявлены возрастные особенности содержания и выражения правовых ориентаций в рамках стадий культурно-исторической обусловленности развития личности. Значимая связь отмечается между зависимой переменной «рефлексивность» и независимыми переменными «соперничество», «приспособление» ($R=0,626$; $RR=0,392$). Выявлено сильное воздействие на зависимую переменную как каждой независимой переменной в отдельности, так и их совокупности ($F=6,499$; $p=0,000$). Значимая связь наблюдается между зависимой переменной «личностный адаптационный потенциал» и независимыми переменными «сотрудничество», «приспособление», «социальная толерантность», «уверенность в себе» ($R=0,710$; $RR=0,505$). 50,5% дисперсии переменной «личностный адаптационный потенциал» обусловлено влиянием данных предикторов. Выявлено сильное воздействие на зависимую переменную как каждой независимой переменной в отдельности, так и в их совокупности ($F=36,476$; $p=0,000$).

Исследование интер- и интрапсихических форм активности правовой личности, направленной на разрешение проблемных ситуаций, достоверно свидетельствует о том, в про-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

цессе развития личность перерабатывает внешние воздействия и из подчиненного субъекта деятельности превращается в рефлексирующую личность, нуждающуюся в использовании правовых ориентаций для удовлетворения своих потребностей и адекватного функционирования в обществе. Становление и развитие правовой личности возможно осуществлять в процессе антиципации, построения положительного образа «Я», при определенных специально созданных психолого-педагогических условиях в системе образования.

Игнатенко М.С., Пекун М.Е.

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИМПЕРСКОГО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

В условиях современного общественного развития сложился реальный внутренний спрос на употребление терминов «империя», «имперский», которыми оперируют журналисты, политические и общественные деятели. Однако используемые понятия в общественно-политической, научной лексике нечетко концептуализированы, требуют осмысления и интерпретации в исследовательском плане. Несомненно, следует обратиться к накопленному историческому опыту многовекового периода существования империй, имперской культуре, имперскому сознанию, имперскому образованию. Исследование может способствовать формированию новых взглядов, новых подходов, технологий и методов изучения ранее неизвестных, сложных, трудно поддающихся анализу идеологизированных социальных и политических явлений и процессов.

Проведённый анализ отечественной научной литературы показал, что в основном исследователи затрагивают исторический, культурологический и политологический аспекты, преимущественно обращаются к понятиям империя, имперская культура, имперское образование. Появилась область научного исследования «Имперология» (Яковенко, 1996). Внимание учёных акцентировано на формах общественного сознания: нравственном, политическом, религиозном, профессиональном, индивидуальном. Что касается имперского сознания, то оно недостаточно изучено, о чём свидетельствует несколько исследовательских работ, посвященных данной проблеме. В этой связи, представляется важным обратиться к психологическому аспекту имперского сознания.

Отечественные исследователи рассматривают имперское сознание как часть общественного сознания, представления о месте своей страны в мире и в истории, связанные с генезисом, развитием и воспроизведением феномена империй. Это целостный, объёмный комплекс разнородных идей, концепций, чувствований и представлений о месте своей страны в мире и в истории. Имперское сознание формируется исторически и складывается веками (Анисимов, 1996). По мнению Е.В. Анисимова, имперское сознание обусловлено элементами внешнеполитических доктрин, актуальными в данный момент идеологическими концепциями, традиционными ценностями, религиозными и конфессиональными представлениями, а также сиюминутными суждениями и общественными чувствованиями. Исследователем рассматриваются исторические причины, обусловившие специфику русской модели имперского сознания. Так, например, отмечается влияние представлений о некой особой роли России и русских в мировой истории, что стало основой имперских стереотипов, которые в свою очередь стали составляющими имперского мышления «советского человека» – человека неопределённой национальности, но чёткой принадлежности к идеологизированной империи - Советскому Союзу (Анисимов, 1996). Н.С. Шкурко обращает внимание на схожесть настроений, царивших в российском обществе в конце XIX, с современной ситуацией (Шкурко, 2009). И.Г. Яковенко так же отмечает, что исторически русский народ является имперским. Носи-

тель имперского сознания как тип личности уходит с исторической сцены вместе с самой империей, когда на первый план постепенно выходит осознание ценностей бытия и отдельной человеческой жизни, того, что с точки зрения традиционного имперского сознания осмысливается как «нравственное падение, утрата эсхатологической перспективы» (Яковенко, 1997). А.А. Захаров в своей работе рассматривает живучесть имперского мифа в России и относит ее к «остаточным явлениям», свидетельству болезненного расставания с амбициями великой державы. Отмечает, что аналогичный синдром сопровождал и другие европейские народы, которым пришлось в XX в. распрощаться с имперским величием (Захаров, 2006).

Таким образом, исследования ряда учёных показывают, что общественное сознание в современной России в значительной мере остаётся имперским. Однако данная проблема рассматривается преимущественно в историческом аспекте, что указывает на необходимость психологического исследования феномена «имперское сознание».

Иванова Н.А.

ДОМИНИРУЮЩИЕ ЭКСПЛИЦИТНЫЕ МОТИВЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ У МУЖЧИН, ИГРАЮЩИХ В КОМПЬЮТЕРНЫЕ ОНЛАЙН-ИГРЫ. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Социокультурный подход к мотивации объединил в себе множество исследований, результаты которых позволяют прийти к выводу, что изучение любого мотива и связанного с ним поведения невозможно без учета социокультурного аспекта. Из работ Д. Макклеланда, Р. Костнера и Дж. Вайнбергера известно деление мотивов на имплицитные и эксплицитные (Brunstein, Schmitt, 2004). В настоящем исследовании определяются эксплицитные (декларируемые) мотивы повседневной жизни игроков в компьютерные игры, которые, возможно, объясняют увлеченность современных мужчин компьютерными играми, отвечая на вопрос, какие же социокультурные потребности, отраженные в декларируемых мотивах повседневной жизни игроков, игроки удовлетворяют в виртуальной игровой среде.

Выборка и процедура. Исследование состояло из пилотного и основного этапов. Общая выборка составила 1774 игроков в массовые онлайн-игры военно-исторической тематики. В исследовании принимали участие мужчины в возрасте от 14 до 75 лет, играющие в компьютерные игры от нескольких часов в неделю до нескольких часов в день. Анализ демографических данных показал, что их средний возраст около 37 лет, около трети из них, судя по их ответам, имеют высшее или неоконченное высшее образование, более половины женаты и около 40% имеют детей. По типу занятости большинство респондентов (от 50 до 66%) – работники по найму в государственных или частных учреждениях.

Сбор данных производился с помощью онлайн-опросов игроков, включающих вопросы про ситуации, которые респондентам наиболее интересны в жизни, а также вопросы социального-демографического характера.

Статистические методы, применённые в исследовании: частотный анализ, критерий Краскала-Уоллиса, критерий Манна-Уитни, критерий χ^2 Пирсона, корреляционный анализ, дискриминантный анализ. Программы для обработки данных: R V, SPSS 21.

На основании результатов пилотного исследования (N=300) был сформирован список из 19 обобщенных ситуаций и деятельности, который в дальнейшем предлагался другим респондентам уже в виде закрытого вопроса. В основной части исследования вопрос был сформулирован следующим образом: «Насколько перечисленное интересно Вам в жизни?» и предполагал оценку каждого из 19 мотивов по пятибалльной шкале Ликерта. Таким образом определялась выраженность тех или иных мотивов в выборке. Далее методом дискриминант-

ного анализа респонденты были разделены на группы в зависимости от степени выраженности у них тех или иных мотивов.

Результаты. Наиболее выраженными по 5-балльной шкале Ликерта декларируемыми мотивами повседневной жизни у мужчин-геймеров являются познавательные мотивы ($M=4,2$; $sd=0,87$) а также мотивы достижения ($M=4,2$; $sd=0,89$). Также высокие оценки получили мотивы поиска новизны и необычности ($M=4,0$; $sd=0,87$). Наименее выраженными декларируемыми мотивами оказались мотивы общения и взаимодействия с другими людьми ($M=3,5$; $sd=1,03$).

Методом дискриминантного анализа были выделены три группы респондентов:

1) с мотивацией познания и достижения рационального типа ($N=599$) – с выраженными мотивами познания и обучения и достижения, но при этом не испытывающие потребности переживать сильные эмоции.

2) с мотивацией познания и достижения эмоционального типа ($N=628$) – с выраженными мотивами познания и обучения и достижения, но при этом ищущие новизну, необычность, динамичность, необходимым компонентом мотивации которых является стремление испытывать сильные эмоции.

3) с мотивацией неопределенного типа ($N=234$) – со сниженной выраженностью всех мотивов, особенно мотивов общения и взаимодействия с другими людьми.

Таким образом, в исследовании были выявлены не только общие тенденции в мотивационной направленности играющих мужчин, сходных по своим социально-демографическим показателям, но также разная окраска мотивации познания и достижения, в зависимости от выраженности стремления респондентов испытывать сильные эмоции.

Кетлер Е.Р., Дмитриева Ю.А.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВЫБОРА СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ

Конфликты неотъемлемая часть жизни любого субъекта в современном мире. По мнению большинства психологов, в том числе Я. Щепальского, конфликт понимается как столкновение отличных друг от друга субъективных и объективных направлений в мотивах, отношениях, действиях и поведении людей. Наиболее распространенной тематикой исследований в данной сфере является изучение стратегий поведения в конфликте (Я. Щепальский, Б. Гурней, А.Ф. Лазурский, Г. Селье, Н.И. Леонов и др.). Выбранные стратегии поведения и итоги конфликтов могут быть как положительными (продуктивными), так и отрицательными (деструктивными). Таким образом, актуальным является изучение личностных факторов, лежащих в основе той или иной стратегии поведения.

Целью данной работы является исследование взаимосвязей стратегий поведения субъектов в конфликтных ситуациях с их личностными особенностями – особенностями межличностных отношений субъектов и состояниями агрессии. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1) выявить особенности стратегии поведения в конфликте, особенности межличностных отношений и состояний агрессии субъектов;

2) исследовать взаимосвязи стратегий поведения в конфликте с особенностями межличностных отношениях и состояниями агрессии субъектов.

Гипотеза исследования: стратегии поведения в конфликте взаимосвязаны с состояниями агрессии и особенностями межличностных отношений субъектов.

Выборку исследования составили 32 студента ВУЗа.

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Методики исследования: опросник «Стиль поведения в конфликте» К. Томаса, опросник «Диагностика состояний агрессии» Басса-Дарки, методика «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири.

Метод математической обработки: коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Математическая обработка данных проводилась с помощью статистического пакета IBM SPSS.

Результаты исследования. По результатам психологической методики «Стиль поведения в конфликте» К. Томаса было выявлено, что для субъектов доминирующими стилями поведения являются соперничество и приспособление. Соперничество выражается в стремлении добиться удовлетворения своих интересов в ущерб другой личности.

По результатам диагностики межличностных отношений было обнаружено, что все показатели не превышают норму, исключение составляют лишь показатели по шкале «Альтруистический тип отношений», где среднее значение незначительно выше нормы. У субъектов наблюдается тенденция к помощи окружающим в ущерб собственным интересам.

По результатам диагностики состояний агрессии выявлено, что показатели среднего значения индекса агрессивности и показатели среднего значения индекса враждебности находятся в диапазоне нормы. Данные результаты свидетельствуют об отсутствии деструктивных тенденций в области субъектно-объектных отношений у испытуемых.

Для подтверждения гипотезы были проанализированы взаимосвязи стратегий поведения в конфликте субъектов с особенностями их межличностных отношений и состояниями агрессии. По результатам корреляционного анализа были выявлены следующие значимые взаимосвязи. Так, имеется прямая взаимосвязь между стратегией поведения в конфликте «приспособление» и показателем физической агрессии ($r_s = 0,38, p \leq 0,05$). Выявлены взаимосвязи стратегий поведения в конфликте с особенностями межличностных отношений. Стратегия «соперничество» положительно коррелирует с показателем подозрительности в отношениях ($r_s = 0,40, p \leq 0,05$); а стратегия «избегания», ухода от конфликтной ситуации – с показателем «альтруизм» ($r_s = 0,38, p \leq 0,05$).

Выводы. 1. По результатам психологической диагностики были выявлены доминирующие стратегии поведения в конфликте у студентов: соперничество и приспособление. Также были выявлены особенности межличностных отношений и состояний агрессии у субъектов, согласно которым практически все значения не превышают норму.

2. По результатам корреляционного анализа данных психологической диагностики выявлены прямые взаимосвязи 3 стратегий поведения в конфликте (приспособления, соперничества и избегания) с показателем физической агрессии и особенностями межличностных отношений.

Кленова М.А.

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ*

Понятие социальной активности достаточно широко используется как в отечественной, так и в зарубежной науке. Несмотря на то, что в разных направлениях исследований данный феномен определяется схожими по своему смысловому содержанию критериями, - у современных ученых отсутствует четкое понимание того, что именно представляет собой «социальная активность».

Научно-практический анализ социальной активности молодежи показал, что она проявляется в культурно-досуговой, образовательной, профессиональной сферах, сфере со-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

циального развития. Также можно выделить художественно-эстетическую, спортивную, политическую, экономическую, научно-исследовательскую, семейную, гражданско-правовую социальную активность. Отечественными учеными проведен критериальный анализ уровней характеристик социальной активности по признаку инициативности и организаторских способностей (Балабанова, 2017). Особое место среди современных исследований феномена социальной активности занимает изучение протестных настроений в молодежной среде, их психологическое и социально-психологическое содержание (Шлыкова, 2016; Михайлова, Скогоров, 2017; Челпанова, 2016 и др.). Пересматриваются и находят практическую область применения классические теории по психологии народов Н.К. Михайловского, Г. Лебона (Окатов, 2015; Горбатов, 2014). Протестная активность в социальных сетях изучается в работах С.Г. Ушкина (Ушкин, 2015). Многие исследователи рассматривают социальную активность молодежи в контексте общественной и политической деятельности (Уткин, 2015; Руднева, 2017; Чаплинская, 2017; Симонова, Левченкова, 2017; Исаева, Никулина, Радченко, 2012; Кулешова, Минников, 2016 и др.). Социальная активность рассматривается как альтернатива экстремистской и протестной деятельности, форма становления гражданской идентичности (Чальцева, 2013; Гудкова, Матвеев, Матвеева, 2016; Баканач, 2016; Шаронов, 2016; Шегаяев, 2017; Гусейнов, 2016 и др.). Изучение политической активности, по мнению некоторых авторов, может быть связано с системой социальных отношений в целом.

В последние годы огромную научную популярность набирают исследования, связанные с изучением социальной активности молодежи в пространстве интернета (Завгородний, 2012; Рябикина, Богомолова, 2015; Пилишвили, Минаева, 2016; Красильщиков, Осетров, 2017; Кружкова, Воробьева, Никифорова, 2016 и др.).

Зарубежные ученые в области социологии, психологии и педагогики также рассматривают понятие социальной активности. Необходимо отметить, что сущностные характеристики в определении понятия в отечественной и зарубежной науке значимо отличаются. Так, если мы обратимся к основному определению социальной активности, взятому из терминологического словаря, то обнаружим, что социальная активность в отечественной научной традиции понимается как способность человека производить общественно значимые преобразования в мире на основе присвоения богатств материальной и духовной культуры, проявляющаяся в творчестве, волевых актах, общении, поведении. В то же время, обращаясь к зарубежным источникам, определяющим понятие социальной активности, мы находим, что оно понимается, прежде всего, как социальная деятельность. В качестве основного определения социальная активность рассматривается как любая совместная деятельность. Тем не менее, интерес со стороны зарубежных исследователей в отношении феномена социальной активности – весьма значительный.

Таким образом, современные исследования социальной активности личности и группы сосредоточены вокруг достаточно широкого круга проблем, являющихся весьма важными для жизни человека в обществе и самого общества. Несмотря на то, что структурный, компонентный, содержательный состав социальной активности в работах современных отечественных и зарубежных исследователей представлен достаточно широко, тем не менее, социальная активность должна рассматриваться с точки зрения социальной ситуации в обществе: изучение протестной активности, радикальной и экстремистской активности, активности в интернет-пространстве – это те формы социальной активности, которые должны быть рассмотрены более подробно и с учетом тех вызовов со стороны современного общества, которые являются наиболее актуальными.

**Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 18-18-00298.*

Кольцова В.А., Синякина Е.Г.

ФОРМИРОВАНИЕ И ПРОЯВЛЕНИЕ КОЛЛЕКТИВИЗМА В БЫТОВОЙ ЖИЗНИ РУССКОГО НАРОДА

Целью нашего исследования является раскрытие условий формирования коллективизма в бытовой русского народа как творца отечественной культуры, субъекта исторического процесса.

Россия вплоть до начала XX века являлась крестьянской страной, где крестьянство составляло около 90% населения страны, и именно здесь, в народной гуще, зарождались и укоренялись те черты, которые легли в основу российского менталитета.

Главным же способом жизни крестьянства на протяжении многих веков являлась община, выступавшая исторически необходимой формой существования крестьян, условием их жизни. Она не закабаляла человека, не принижала его, а, напротив, обеспечивала его реализацию как труженика и как личности в рамках существовавшего в дореволюционной России общественного строя (Поземельная община, 1898). Иных способов выживать, трудиться, развиваться при существовавших в то время низком уровне знаний и примитивных средствах труда не было. Только сообща, благодаря коллективным усилиям, взаимной поддержке и взаимопомощи, крестьяне могли вырастить урожай, обеспечить необходимые условия своего проживания. Отсюда вытекают такие коренные характеристики русского народа, как соборность, желание и потребность жить в «миру».

Общинность касалась всех сторон жизни русского крестьянина - не только совместных полевых работ, но и оказания помощи сельчанам при возникновении у них сложных жизненных обстоятельств. Община заботилась о больных односельчанах, помогая им в работе по дому, обеспечивая их пропитание и присматривая за их детьми.

Непреложной обязанностью считалась помощь вдовам и сиротам в проведении земледельческих работ и в их бытовой жизни. Обидеть вдову, отказать ей в необходимой поддержке считалось делом безбожным. Иногда община принимала решение обрабатывать сообща участки сирот и вдов, осуществлять за них платежи и повинности. Из общественных закромов им бесплатно выдавали хлеб.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов во многих общинах принимались решения сельского схода о помощи семьям ратников.

Следует отметить, что помощь со стороны общины оказывалась не только в виде благотворительных действий, но и путем осуждения нерадивости, бесхозяйственности, лености, осуществления контроля над имущественным состоянием селян и стимулирования их трудовой активности. Так, «сельские общины принимали меры против окончательного разорения ослабевших домохозяев. Во многих из числа исследованных общин мир постоянно наблюдал за беднеющими крестьянами: чуть только начинала накапливаться недоимка за домохозяином, мир уже следил за тем, чтобы недоимщик не продавал скот, не отчуждал на сторону навоза, хозяйственных орудий, хлеба на корню и прочее» (Сборник материалов для изучения общины, 1880, с. 25).

Таким образом, социально-экономические условия существования русского народа, общинный образ жизни объективно способствовали формированию его коллективизма и взаимопомощи.

Коржова Е.Ю., Микляева А.В.

**РОЛЕВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ОПЕКУНОВ
В КРОВНЫХ ОПЕКУНСКИХ СЕМЬЯХ***

В настоящее время в России насчитывается около полумиллиона детей, оставшихся без родительского попечения, и примерно треть из них находятся под опекой кровных родственников (чаще всего, бабушек). При достаточно большом внимании современной психологии к проблемам замещающей семьи (Брецких, 2009; Гибадуллин, 2014; Ослон, 2006; Peterson, 2014; Starks, 2014 и др.), семьи кровной опеки изучены весьма фрагментарно. В психологических исследованиях на сегодняшний день описаны следующие особенности опекунских семей (Бобкова, 2015; Богомякова, 2015; Осипова, 2008): 1) ролевое смешение семейных ролей опекунов, проявляющееся в попытках выполнять ролевые функции отца и матери и одновременно свою семейную роль в соответствии с родственными отношениями; 2) сопряженное с ним искажение образа ребенка в процессе его взросления, приводящее к нарушениям отношений.

В статье представлены результаты исследования ролевой идентичности опекунов, воспитывающих детей, которые приходится им кровными родственниками.

Исследование проводилось с помощью структурированного интервью, в рамках которого использовались элементы «Цветового теста отношений». В нем приняли участие 29 опекунов, все женщины, в подавляющем большинстве – бабушки опекаемых детей (96,6%), средний возраст 57,6±9,3 лет, возраст опекаемых детей 11,8±3,3 лет. Контрольную группу составили 30 матерей, воспитывающих кровных детей, в возрасте 40,7±6,0 лет, возраст детей 11,2±2,6 лет, и 12 бабушек, проживающих вместе с кровными детьми и внуками, в возрасте 60,6±9,7 лет, возраст внуков 12,1±2,7 лет.

Результаты. Ролевая идентичность бабушек-опекунов в большей степени схожа с ролевой идентичностью бабушек, проживающих вместе с кровными детьми и внуками, нежели матерей, воспитывающих кровных детей, однако при этом характеризуется более высокой степенью внутренней конфликтности. Так, для бабушек-опекунов оказались характерными достоверно более низкие оценки (U-критерий, $p \leq 0,05$) стимулов «мой (опекаемый) ребенок», «жизнь нашей семьи», «Я», чем аналогичные оценки в выборках кровных матерей и бабушек, проживающих с детьми и внуками.

Результаты кластерного анализа (Ward's method) позволяют утверждать, что для бабушек-опекунов характерно «слипание» ролей опекуна и родителя, с одной стороны, и фокусировка на опекаемом ребенке, приводящая к дезинтеграции жизни семьи, с другой, чего не наблюдается в выборках матерей и бабушек, где ребенок / внук интегрирован в жизнь семьи как целостной системы.

На основе результатов корреляционного анализа (rs) можно утверждать, что описанные тенденции нарастают по мере увеличения стажа опеки, что проявляется, в первую очередь, в более негативных оценках бабушек-опекунов опекаемого ребенка, собственной семьи и собственной жизни. Представленные в литературе данные о связи подобной тенденции с взрослением опекаемого, в частности, с достижением им подросткового возраста, в нашем исследовании подтверждения не нашли.

В ходе исследования была также выявлена специфика в понимании бабушками-опекунами задач, связанных с ролью опекуна. В сравнении с кровными матерями и бабушками, проживающими со своими детьми и внуками, бабушки-опекуны достоверно чаще (ϕ^* , $p \leq 0,05$) ориентированы на «организационное сопровождение» жизни ребенка (обеспечение бытового комфорта, возможности получения образования и профессии – 39,1 % от общего числа ответов на вопрос «Какие задачи Вы ставите перед собой в отношении опекаемого ребенка?»), в то

время как матери и бабушки упоминают, прежде всего, задачи, связанные с формированием личности ребенка (66,4% и 49,6% соответственно). Нарастание внимания опекуна к «внешней» стороне жизни ребенка также положительно связано со стажем опеки ($p \leq 0,05$).

В целом, результаты показывают, что ролевая идентичность опекунов в кровных опекунских семьях имеет яркую специфику, и семьи кровной опеки необходимо выделять в качестве отдельного объекта исследований в предметной области психологии семьи.

**Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-013-00085.*

Кошутин О.Н.

ДИФФЕРЕНЦИЯ ЖИЗНИ: СУБЪЕКТИВАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ПСИХОЛОГИЯ СЕКСУАЛЬНОЙ ИНВЕРСИИ

Б.Г. Ананьев видел в личности вершину развития человека в совокупности общественных отношений. Обмен: вещества/телом, значения/отношением, духа/мыслью связывает жизнь в обществе с жизнью общества. Социум селектирует репликацию семья-плод-семя в эпицентре индивидуальности как средоточии субъектности, задаваемой подвижностью тела с раскрытием антропологических свойств через осознание, овладение и использование такового (схема Б.Г. Ананьева, 1968). Пол как «первичная особенность человеческой природы» проявляется в диморфизме «на всех уровнях жизнедеятельности и поведения» (Ананьев, 1977). Мотивация сексуальности (сил природы) и осмысление социальности (сил общества) инспирируют субъектные связи. Гетерогенное жизненное противоречие придает действию субъективную проекцию. Рожденный парой – третий, обретает качество жизни в сложном общении предков с потомками.

Течение жизни выражено функциональностью действующего в структурности отношений. От тотемного «прародителя» жизненность детерминируется родо-семейными зависимостями, дифференцируется групповым многообразием, стратифицируется по классовым, меритократическим, креативным основаниям. Человеческое (по Аристотелю) сомкнуто в топосе полисного общения. В противопоставлении к соседям раннее сообщество воспроизводило сходство/различие внутри себя «без сведений об иных типах общества» (Стросс, 2016). Глобальная размерность общения с повышенным динамизмом сетевой мобильности фундирует сложность индивидуального самоопределения. Множатся инверсии: однополых интеракций, спанкофилии, BDSM. Но специфика коитуса не ратифицирует гендер. При антропологической константе (различии по полу) подмена базового брака однополым контрактом искажает нормы родства.

Возрастающая сексуализация жизни общества усиливает половые отличия - главный дифференциал индивидуального развития. Ослабление при этом гендерной поляризации, заметил И.С. Кон, «не отменяет полового диморфизма, не устраняет половых различий в личностных свойствах» (2011). Имитация мужчиной женщины и женщиной мужчины подтверждает двуполый атрибут секса. Влечение к своему полу, вывернутое отношение купирует рекреацию: снятие напряжения, восстановление сил, аккумуляцию энергии; потенции иного пола не присваиваются. Не вживание в свое тело, не совладение с телом противоположного пола исключают из жизни сферу двуполого сосуществования. В церемониале этикета, игры, танца, в наибольшей мере - в половом акте, разность мужского и женского сливается во взаимно дополняемую единую эмоцию/ощущение наслаждения общности жизни. Отказ от тайны женско-мужского соития/зачатия как предтечи рождения деформирует интимную составляющую структуры общения, трансформируя отношение к своей и чужой телесности. Деструк-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

тируется идентификационное «Я» при установлении подобия с другим человеком (не животным/не роботом) и различия по принадлежности к иному полу. Стигма транссексуализма «жизнь в чужом теле» закрепощает коммуникативность, затрудняя субъектное взаимодействие с противоположным полом. Личностное своеобразие замыкается в гомосоциальности. Паттерн «неполноценности или отсутствие социальной адаптивности и самоинтереса» в группе лиц гомосексуальной ориентации (100% случаев) выявлен в психологическом исследовании А.Ким и Е.Шумаковой (2014).

Субъектная экспансия, раздвижение субъективности в многообразии видов и уровней «системы общения» индивидуализирует вторичную человеческую особенность («коммуникативные свойства личности» Б.Г. Ананьев, 1977). Социогигический тренаж в раскрывающейся, расширяющейся, развертывающейся коммуникативности наполняет личное смыслами «зрелого общества». Высота профессиональных достижений, признание деятельности значимой, обширность спроса на ее продукт зависит от степени дифференцирования «социального целого/тела» общества. Оптимизацией социума деятель обуславливает полноту жизни. Изучение, объяснение развития функций, процессов, состояний такой активности/деятельности концептуализирует новизну исследований личности человека.

Краева В.С., Зубакин М.В.

ПОТРЕБНОСТЬ В ПОЗНАНИИ И ПОТРЕБЛЕНИЕ СМИ

Проблема и гипотеза исследования. Потребность в познании представляет собой склонность человека погружаться в познавательный процесс и получать от этого удовольствие. Конструкт был разработан Д. Качиоппо и Р. Петти в рамках Модели вероятности тщательной проработки информации (Petty, Cacioppo, 1986). Предполагается, что индивиды имеют диспозиционную склонность к выбору центрального или периферийного способа обработки информации, а не только осуществляют его под воздействием ситуации. Предпочитающий центральную обработку индивид обладает высокой выраженностью потребности в познании или склонностью увлекаться и наслаждаться мыслительным процессом. Индивид, предпочитающий периферийную обработку, демонстрирует низкую потребность в познании, представляет мыслительный процесс как трудный и неприятный, который лучше избегать (Carter. et al., 2006; Haugtvedt, Petty, Cacioppo, 1992). Потребность в познании позволяет определять индивидуальные различия в когнитивной мотивации вовлекаться и получать удовольствие от решения сложных когнитивных задач (Cacioppo et al., 1996).

Как указывает П. Винтерхофф-Шпурк (2015), одной из «классических» тем исследования влияния СМИ является приобретение знаний с помощью масс-медиа (см. также: Брайант, Томпсон, 2004; Кирия, Новикова, 2017; Harris, Sanborn, 2013). Поскольку в современном мире СМИ представляются важным источником для удовлетворения потребностей (Blumler, Katz, 1974), актуальным является вопрос об изучении связи потребности в познании и потребления СМИ молодыми людьми.

Предполагалось, что потребность в познании положительно коррелирует с количеством использования коммуникационных устройств (персонального или планшетного компьютера, смартфона) для работы и учебы, а также предпочтением познавательного контента в различных СМИ. При этом будет отрицательно коррелировать с большим количеством потребления ТВ и других СМИ, предпочтением различного развлекательного контента и социальных сетей.

Метод исследования. В исследовании приняли участие 263 респондента в возрасте от 18 до 30 лет (68 мужчин и 192 женщин). Для изучения потребности в познании использовалась

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

шкала потребности в познании (Petty, Cacioppo, 1982, в переводе и адаптации Щебетенко, 2011). Количественное потребление разных видов СМИ, а также объем потребления различного контента из разных СМИ изучалась при помощи специально разработанных анкет (Зубакин, 2015). Шкала потребности в познании и анкеты предъявлялись участникам исследования в случайном порядке в ходе индивидуальных сессий. Данные анализировались в программе Statistica 8.0. Использовался корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона).

Результаты. Потребность в познании положительно коррелирует с субъективным восприятием количества сексуального контента в СМИ ($r=0.20$, $p\leq 0.05$), а также субъективным восприятием большого количества сексуального контента на телевидении ($r=0.17$, $p\leq 0.01$) и насилия ($r=0.18$, $p\leq 0.01$). Кроме того, потребность в познании положительно связана с предпочтением познавательного контента на телевидении ($r=0.25$, $p\leq 0.001$) и познавательных телепередач ($r=0.32$, $p\leq 0.001$), аналитических статей в газетах ($r=0.19$, $p\leq 0.01$) и журналах ($r=0.18$, $p\leq 0.01$). При этом потребность в познании отрицательно коррелирует с потреблением музыкальных видеоклипов ($r=-0.15$, $p\leq 0.05$), предпочтением телесериалов ($r=-0.19$, $p\leq 0.05$), количеством времени, проводимом в Интернете в целом ($r=-0.16$, $p\leq 0.05$), за занятием «интернет-серфингом» ($r=-0.21$, $p\leq 0.001$) или в социальных сетях ($r=-0.25$, $p\leq 0.001$). Также потребность в познании отрицательно связана с предпочтениями такого контента, как светская хроника в газетах ($r=-0.13$, $p\leq 0.05$) и журналах ($r=-0.14$, $p\leq 0.05$), гороскопы в газетах ($r=-0.15$, $p\leq 0.05$) и на радио ($r=-0.13$, $p\leq 0.05$), рекламные объявления или статьи в гляцевых журналах ($r=-0.15$, $p\leq 0.05$).

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза исследования получила эмпирическую поддержку частично.

Красавина Т.Ю., Горьковая И.А.

ОТНОШЕНИЕ К КОРРУПЦИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

Согласно публикациям Журавлева А.Л., Юревича А.В., Манерова В.Х. и др. авторов, коррумпированность российской элиты отрицательно влияет на психологическое состояние наших граждан, способствует падению их нравственного уровня.

Мы провели исследование представлений о коррупции и отношения к коррупции у россиян старше 60 лет (мужчин и женщин). В исследовании принимали участие 64 человека (31 мужчина и 33 женщины). Для изучения представлений о коррупции и отношения к коррупции применялась методика незаконченных предложений. Анализ результатов позволил выявить как сходства, так и различия в представлениях о коррупции и в отношении к коррупции у мужчин и женщин.

Выяснилось, что 84% обследованных мужчин и 91% женщин отказались бы от предложенной им взятки «за исполнение своих служебных обязанностей». Остальные мужчины (16%) и женщины (9%) дали уклончивые ответы. Мужчины ответили следующим образом: «а в современном обществе трудно отказать предложению, я был бы горд этим»; «есть подарки, а есть взятки»... У женщин встречаются следующие ответы: «раньше бы я ее не взяла, сейчас – да»; «не знаю»; «не знаю, в зависимости от обстоятельств, против системы не попрешь».

Таким образом, большинство опрошенных мужчин и женщин старше 60 лет предложение «если бы мне предложили взятку за исполнение моих служебных обязанностей...» завершили отрицательными высказываниями. Однако мужчин, ответивших уклончиво, оказалось больше.

Предложение «когда я слышу о событиях, произошедших в «Оборонсервисе», я чувствую...» 71% мужчин и 82% женщин завершили следующим образом: «обиду за свою страну, что у нас такое творится»; «негодование»; «недоумение»; «стыдно за державу»; «боль за нашу страну»; «я испытываю чувство стыда за то, что в нашей стране совершенно отсутствует контроль и действенные меры наказания для коррупционеров»; «незащищенность во всем»... При этом и женщины (15%), и мужчины (26%) в некоторых случаях поясняют свою точку зрения. Среди их высказываний встречаются следующие: «недоверие к высшим чинам общества»; «что все в нашей стране верхушкой продается, а спросить не с кого»; «всех министров, причастных к коррупции, посадить, остальных выгнать»; «разочарование и в правительстве и в поступках каждого из уличных лиц». Незначительное число испытуемых затруднились с ответом (3% мужчин и женщин).

Таким образом, большая часть принимавших в исследовании мужчин и женщин старше 60 лет испытывают негативные эмоции в отношении коррупции. Вместе с тем мужчины чаще аргументируют свою точку зрения.

Отношение к масштабам коррупции в нашей стране отражено в ответах респондентов на предложение «коррупция распространена в России потому...». 64% женщин и 71% мужчин ответили почти идентично: «слабость руководства»; «слабый контроль»; «нет должного наказания, продажные судьи, нет конфискации имущества»... 24% женщин и 6,5% мужчин считают, что «в 90-е годы эта тема была упущена органами из-под контроля». Остальные тестируемые в основном апеллируют к нравственности людей, уровень которой, по их мнению, в нашем обществе очень низкий. Иными словами, большинство принимавших участие в исследовании респондентов не удовлетворены работой правительства и президента по противодействию коррупции.

Таким образом, мужчины и женщины старше 60 лет в основном отрицательно относятся к коррупции и недовольны ее проявлениями. По их мнению, коррупция в нашей стране очень распространена и требует адекватных мер по противодействию.

Курышкина Т.Ю., Козлов Д.Д.

ВЛИЯНИЕ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ЛИЦА И ТЕЛА НА ОБЩУЮ ФИЗИЧЕСКУЮ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Постановка проблемы. Весомым фактором, оказывающим влияние на эффекты социальной перцепции, является внешность человека, которую можно разделить на лицо и тело. Многие ученые исследуют восприятие лица человека и параметров, влияющих на его привлекательность (Buss, Barnes, 1986; Langlois, et al, 2000). Этими параметрами являются симметрия, усредненность и вторичные сексуальные признаки в лицах (Rhodes, et al., 1998; Langlois, Roggman, 1990; Cunningham, 1986). По привлекательности тела также накоплено достаточное количество эмпирических данных, основными параметрами являются отношение талии и бедер (Maisey, et al, 1999; Tovee., et al., 2002), индекс массы тела (Bray, 1998). Из этого следует, что существует большое число свидетельств эффекта привлекательности, но еще не было исследований, выявляющих совокупное влияние лица и тела человека на общее впечатление о нем. Какой из этих факторов, лицо или тело вносит больший вклад в вынесение суждения о человеке, как о физически привлекательном? В нашем исследовании мы планируем ответить на этот вопрос.

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Цель: изучение влияния привлекательности лица и тела на общую физическую привлекательность

Объект: физическая привлекательность.

Предмет: влияние привлекательности лица и тела на общую физическую привлекательность.

Дизайн исследования

Гипотеза: большее влияние на общую физическую привлекательность оказывает привлекательность лица.

Испытуемые. В исследовании приняли участие 120 человек, среди которых было 50% мужчин. Средний возраст испытуемых составил 23.3 лет, стандартное отклонение - 4.35, минимум - 19 лет, максимум - 46.

В качестве стимульного материала были использованы 2 черно-белые фотографии женских и 2 черно-белые фотографии мужских лиц (1 - высоко физически привлекательная и 1 - низко физически привлекательная). На фотографиях с нейтральным фоном изображены молодые женщины и мужчины, прямо смотрящие в объектив, с нейтральным выражением лица. Также были использованы 3 фотографии женских тел (стройное, полное, мускулистое) и 3 фотографии мужских тел (стройное, полное, мускулистое). Все фотографии были найдены в свободном доступе в Интернете.

Первым этапом была предварительная оценка физической привлекательности, которую выполнили 30 испытуемых. Их просили оценить по отдельности лица и тела женщин и мужчин, изображенных на фотографии, по шкале «физическая привлекательность». Далее каждое лицо и тело были объединены вместе, в итоге получилось 12 фотографий: 6 фотографий мужчин и 6 фотографий женщин.

На втором этапе испытуемые были разделены на 4 группы по 30 человек. Каждая группа оценивала по 4 фотографии. Это было сделано для того, чтобы у испытуемых не было повторяющихся фотографий (одинаковых лиц или тел).

Для обработки результатов использовался трехфакторный дисперсионный анализ.

Результаты исследования. Было обнаружено статистически достоверное взаимодействие на высоком уровне статистической значимости между независимыми переменными Лицо, Тело и Пол ($F=10,363$, $p \leq 0,001$). Из взаимодействия факторов Лицо, Тело и Пол следует, что более значимое влияние на общую оценку физической привлекательности оказывает лицо. А именно, значения средних выстраиваются следующим образом: у мужчин: красивое лицо и мускулистое тело (Ср. зн=5,933), красивое лицо и полное тело (Ср. зн=5,933), красивое лицо и стройное тело (Ср. зн=4,767), некрасивое лицо и мускулистое тело (Ср. зн=4,300), некрасивое лицо и полное тело (Ср. зн=4,267), некрасивое лицо и стройное тело (Ср. зн=2,700). У женщин: красивое лицо и стройное тело (Ср. зн=6,533), красивое лицо и мускулистое тело (Ср. зн=6,533), красивое лицо и полное тело (Ср. зн=4,900), некрасивое лицо и стройное тело (Ср. зн=4,067), некрасивое лицо и мускулистое тело (Ср. зн=2,233), некрасивое лицо и полное тело (Ср. зн=2,233).

Обсуждение результатов. Большее влияние привлекательности лица на общую физическую привлекательность можно объяснить тем, что с лица человека можно «считать» намного больше информации, чем с его тела. К примеру, широкий диапазон физиологических и психических состояний человека, а также свойств личности.

Выводы. Большее влияние на общую физическую привлекательность оказывает привлекательность лица, чем привлекательность тела.

Лабунская В.А., Гура О.Р.

ЗНАЧИМОСТЬ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА В РОМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ*

Проблема. Наше внимание было сконцентрировано на изучении влияния внешнего облика партнеров по романтическим отношениям, как на факторе становления и развития этих отношений. Известно, что внешний облик человека выполняет индикативную, регулятивную функции, а также функцию увеличения влияния на других, выстраивания властных отношений. Оценки внешнего облика могут удовлетворять или не удовлетворять потребности в одобрении, уважении (Белугина, 2003, Дроздова, Лабунская, 2017, Майерс, 1996, Наровская, 2006). Следуя выводам работ выше перечисленных авторов, в которых рассматривалась функциональная значимость внешнего облика, можно констатировать, что внешний облик человека является не только средством выражения внутреннего мира, интегрирует влияние внешних и внутренних факторов, но и становится регулятором отношений между людьми, в том числе близких, романтических отношений. Анализ современной отечественной литературы показал отсутствие специальных работ, в которых бы изучалась значимость внешнего облика в близких отношениях. В связи с этим, цель исследования заключалась в определении значимости для молодых людей внешнего облика в близких романтических отношениях.

Дизайн исследования. В исследовании приняли участие 86 человек: 58 женщин и 28 мужчин в возрасте от 18 до 30 лет ($M=23$). Применялась анкета «Значимость внешнего облика в межличностных отношениях», разработанная В.А. Лабунской (2018). Анкета включает в себя три блока суждений: первый блок – это вопросы, отражающие важность оценки внешнего облика романтическим партнером, ее влияние на отношение к романтическому партнеру; второй блок – вопросы, ответы на которые отражают переживания, возникающие в результате оценки внешнего облика романтическим партнером; третий блок – перечень ролевых позиций людей, оценки внешнего облика которыми вызывают негативные или позитивные переживания. Участник исследования, отвечая на вопросы анкеты, должен был выбрать один из предложенных ответов: полностью согласен (5 баллов); согласен (4 балла); скорее согласен, чем не согласен (3 балла); скорее не согласен, чем согласен (2 балла), не согласен (1 балл).

Результаты и выводы:

1. Анализ данных, полученных на основе описательных статистик, показал, что молодые люди считают важной для них оценку их внешнего облика романтическим партнером, наделяют ее силой влияния на отношение к романтическому партнеру ($M=3$). Средний показатель указывает на то, что для большинства участников исследования «важно, скорее важно, чем нет», то, как романтические партнеры оценивают их внешний облик.

2. От оценки внешнего облика романтическими партнерами «сильно или скорее сильно, чем нет», зависит их настроение, меняется их поведение и изменяется их отношение к романтическому партнеру ($M=3$).

3. Данные, полученные на основе анализа ответов, касающихся переживаний, возникающих в результате оценки внешнего облика романтическим партнером, указывают на то, что участники исследования не принимают оценки их внешнего облика романтическим партнером. Вместе с этим, они полагают, что в их внешнем облике есть такие особенности, которые снижают его оценку романтическим партнером. Они довольно часто чувствуют себя подавленными из-за оценок их внешнего облика романтическим партнером ($M=3$);.

Заключение. Таким образом, полученные нами данные свидетельствуют о значимости для российских молодых людей внешнего облика в романтических отношениях. Внешний облик и его оценки романтическими партнерами выполняют в романтических отношениях

эмоциональную функцию, формируют переживания и на их основе отношения к партнеру, регулируют поведение партнеров. Результаты нашего исследования не отличаются от результатов зарубежных исследований, но требуют в связи с влиянием социокультурных факторов на значимость внешнего облика в межличностном общении, в частности, в близких, романтических отношениях, проверки.

**Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 171801260.*

Лабунская В.А., Шкурко Т.А.

О СООТНОШЕНИИ ОБЕСПОКОЕННОСТИ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ВНЕШНИМ ОБЛИКОМ, СЕООЦЕНОК ЕГО ХАРАКТЕРИСТИК У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С РАЗЛИЧНОЙ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНОКой ОДИНОЧЕСТВА*

Проблема исследования. Следуя результатам выполненного нами теоретико-эмпирического анализа факторов, определяющих оценки, самооценки внешнего облика, переживания, связанные с внешним обликом (Дроздова, Лабунская, 2017), мы пришли к необходимости разработки «многофакторной социально-психологической модели изучения отношения к внешнему облику», к созданию эмпирической модели, базирующейся на интегральных культурно-психологических, социально-психологических феноменах. В качестве такого явления может выступать субъективная оценка одиночества. Известно, что данный феномен, с одной стороны, является субъективным, а, с другой стороны, его формирование обусловлено социокультурными условиями бытия человека. В ряде публикаций (Лабунская, Капитанова, 2016, Сериков, 2015, Шкурко, 2017) мы отмечали, ссылаясь на работу TP. Moss, V. Lawson, P.O. White (2014), что значимость и эмоциональная оценка внешнего облика по-разному соотносятся с тревогой и депрессией. Эти факторы способствуют возникновению устойчивого чувства беспокойства по поводу своего внешнего облика, удовлетворенности/неудовлетворенности им. Выраженность тревоги и склонность к депрессии коррелируют с оценкой различных форм одиночества. Следовательно, можно полагать, что субъективная оценка одиночества и обеспокоенность, удовлетворенность/неудовлетворенность внешним обликом, самооценки его компонентов и характеристик могут быть взаимосвязанными явлениями. Учитывая различия в трактовках обеспокоенности, удовлетворенности/неудовлетворенности внешним обликом (Капитанова, Лабунская, 2016) эти феномены можно рассматривать как относительно независимые. Следовательно, у участников исследования могут наблюдаться следующие соотношения обеспокоенности и удовлетворенности/неудовлетворенности внешним обликом: 1) высокий или низкий уровень обеспокоенности в сочетании с высоким или низким уровнем удовлетворенности внешним обликом; 2) высокий уровень удовлетворенности внешним обликом в сочетании с низким уровнем обеспокоенности им.

Цель исследования заключалась в том, чтобы выявить, какое сочетание обеспокоенности и удовлетворенности/неудовлетворенности внешним обликом характерно для молодых людей с различной субъективной оценкой одиночества.

Дизайн исследования. В исследовании приняли участие 65 человек – молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет; 45% мужчин и 55% женщин.

Методы исследования: 1) модифицированная шкала измерения одиночества UCLA (Рассел, Фергюсон, 1980). 2) анкета «Отношение к своему внешнему облику: удовлетворенность и обеспокоенность», разработанная Е.В. Капитановой, В.А. Лабунской (2015); 3) методика «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего облика и его соответствия

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

гендерно-возрастным конструктам», разработанная В.А. Лабунской (2009). Все участники исследования были разделены на две подгруппы на основе показателей субъективной оценки одиночества: 1) низкая и ниже среднего субъективная оценка одиночества; 2) средняя и выше среднего субъективная оценка одиночества.

Результаты и выводы. Следуя показателям статистики U Манна-Уитни, можно констатировать, что у молодых людей со средним и выше среднего уровнями субъективной оценкой одиночества (подгруппа 2) значимо выше обеспокоенность внешним обликом и удовлетворенность им, выше оценка привлекательности внешнего облика для противоположного пола, оценка женственности/мужественности своего внешнего облика.

Закключение. Для молодых людей, у которых субъективная оценка одиночества средняя и выше среднего характерно такое сочетание: высокий уровень обеспокоенности и высокий уровень удовлетворенности внешним обликом. У молодых людей, у которых субъективная оценка одиночества средняя и ниже среднего наблюдается снижение, как удовлетворенности, так и обеспокоенности внешним обликом. В соответствии с полученными данными можно высказать предположение о том, что для молодых людей со средней и ниже среднего субъективной оценкой одиночества внешний облик не обладает большой «инвестиционной силой» по сравнению с молодыми людьми, с субъективной оценкой одиночества на среднем и выше среднего уровнях.

**Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 171801260.*

Москвичева Н.Л., Страмилов Р. Е.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕБЕ КАК БУДУЩЕМ ОТЦЕ У ЮНОШЕЙ ИЗ НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

Многие исследователи подчеркивают изменение традиционных ролей отца и матери в современной семье; рост количества детей, воспитывающихся в неполных, преимущественно материнских, семьях, случаи уклонения отцов от выполнения родительской роли, трудности в создании молодыми людьми собственной семьи. Актуальным является изучение представлений о родительских ролях у юношей, выросших в семье без постоянного повседневного взаимодействия с отцом, без наблюдения того, как распределяют между собой родители семейные роли и родительские функции, что позволяет предположить, что эти представления являются размытыми и негативно окрашенными.

Целью нашего исследования являлся анализ представлений о родительских ролях у юношей, воспитывающихся в неполных и полных семьях.

В исследовании участвовали 40 человек, средний возраст 19,2 лет (20 юношей воспитывались в неполных семьях, имели отца, с которым эпизодически встречались, и 20 юношей воспитывались в полных семьях).

Нами использовались следующие методики: опросник «Взаимодействие родитель-ребенок» И.М. Марковской, методика «Мои будущие родительские роли» Е.Н. Васильевой, А.В. Орлова; опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» А.Н. Волковой. Также исследовались представления юношей о родительских и супружеских отношениях в идеальной (своей будущей) семье («Семейная социограмма» и контент-анализ сочинений «Каким я буду отцом»). Приводился сравнительный, дисперсионный, корреляционный анализ.

Полученные результаты показали, что, в целом, юноши из обоих типов семей удовлетворены взаимодействием с матерью, высоко оценивается ее принятие, эмоциональная близость и сотрудничество, она является для них авторитетом. Матери юношей из неполных

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

семей представляются им значимо менее строгими в воспитании и более сотрудничающими, чем юношам из полных семей ($p \leq 0,05$). Взаимодействие с отцом описывается как менее сотрудничающее и более требовательное, по сравнению с матерью. Юноши из неполных семей описывают взаимодействие с отцом как значимо более дистанцированное, с низким уровнем принятия, сотрудничества, низко оценивают авторитет и удовлетворенность отношениями с ним ($p \leq 0,001$). В представлениях юношей обеих групп наиболее популярны такие будущие отцовские роли, как: «Друг», «Вдохновитель», «Авторитет», «Защитник», «Советчик», «Учитель», наименее – «Зависимый», «Дисциплинатор», «Эстет». Среди ролевых ожиданий в будущей семье родительская функция является средне значимой для юношей обеих групп. Наиболее выражены ожидания социальной активности вне семьи, личностной идентификации с супругой и терапевтической функции семьи, менее всего – хозяйственно-бытовых функций.

Наиболее распространенные представления о себе как будущем отце (по результатам контент-анализа сочинений): быть любящим отцом, быть другом своему ребенку, быть ответственным, быть заботливым, быть строгим родителем, упоминались потребности в отцовстве, в уважении и любви детей. Юноши из неполных семей значимо реже упоминают активное участие в процессе воспитания своего ребенка, чаще пишут о тревоге в связи с исполнением роли отца, нежелании иметь семью ($p \leq 0,05$). В рисунках своей идеальной семьи у юношей из неполных семей значимо чаще отсутствует изображение будущей жены, чем у юношей из полных семей ($p \leq 0,005$) практически не встречается изображение себя равным другим членам семьи («Я» в большинстве рисунков – больше всех остальных), что может говорить об отсутствии представлений о семье как равноправном общении и сотрудничестве. У юношей из неполных семей выявлены множественные связи между характером взаимодействия с матерью и ранжированием родительских ролей, предположительно, подтверждающие большую роль образца выполнения роли, демонстрируемого матерью, при формировании у юношей собственных ролевых представлений. В полных семьях таких связей значительно меньше. Выявлено также множество связей между характером взаимодействия с отцом и ранжированием будущих ролей у юношей в неполной семье, предположительно, по типу компенсации, что требует дальнейших специальных исследований.

Парфенова Д.А.

ОТНОШЕНИЕ К ВИНЕ И ОБИДЕ КАК ФОРМАМ АГРЕССИИ У ЖЕНЩИН В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Агрессия является важной частью жизни, она помогает преодолевать препятствия, позволяет быть более конкурентноспособным в современном мире, однако может негативно влиять на межличностную коммуникацию, осложнять налаживание конструктивных отношений между людьми.

Агрессия определяется как поведение или действие, направленное на нанесение физического или психического вреда другому человеку (Головин, 1998). А. Басс и Э. Дарки выделяют 8 форм агрессии: физическая агрессия, косвенная агрессия, раздражение, негативизм, обида, подозрительность, вербальная агрессия, чувство вины. Эмпирические исследования гендерных различий проявления агрессии свидетельствуют о свойственности женщинам в большей степени чувства вины, предпочтения косвенной формы агрессии (Бэрон, 2001). Обида рассматривается как пассивно-агрессивное поведение, а чувство вины как проявление аутоагрессии.

Опираясь на гендерные различия в выборе форм агрессивного поведения, было проведено исследование отношения к обиде и вине как формам агрессии у женщин, оказавшихся в

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

трудной жизненной ситуации и обратившихся за социальной и психологической помощью в центр семьи. Причиной обращения были материальные, социальные и психологические сложности, выступающие в качестве фрустрирующей ситуации.

Исследование проводилось в 2017-2018 годах в центре помощи семье и детям. Участники исследования – женщины в возрасте 23-49 лет, средний возраст 34 года. Большая часть женщин имеют детей. Объем выборки – 85 человек.

Были использованы следующие методики: тест цветowych метафор И.Л.Соломина, а также цветовой тест М. Люшера.

Результаты исследования. Обида чаще ассоциируется с дополнительными цветами. Большинство участниц исследования располагают ее на последних трех позициях при ранжировании (70,6 %). При этом чаще она связана с понятиями «боль», «страх», «вина», иными словами, с негативными эмоциональными переживаниями, а также с фигурами мужчины/супруга, отца и брата.

Вина оказывается более принимаемым и актуальным понятием, нежели обида. Средний ранг понятия «вина» выше, чем у понятия «обида». Чаще всего вина ассоциируется с дополнительными цветами, то есть воспринимается эмоционально негативно. Вина также связана с негативными эмоциональными переживаниями: обидой, болью, страхом, тревогой, а также с фигурой мужчины/супруга.

Фигуры матери, отца и мужчины/супруга вызывают вариативные ассоциации. В порядке значимости по среднему рангу они располагаются следующим образом: мать, отец, мужчина/супруг. Наибольшую значимость для женщин имеет ребенок, 47 % испытуемых ставят его на первое место. При этом чаще всего ребенок ассоциируется с основными цветами (91,8%), то есть ребенок воспринимается как источник радости, активности, позитивных эмоций.

Результаты корреляционного анализа показали, что ранг ребенка положительно связан с рангами матери ($p \leq 0,01$), отца ($p \leq 0,05$) и мужчины/супруга ($p \leq 0,01$), то есть тем в большей степени женщина принимает и ценит ребенка, чем гармоничнее у неё выстраиваются отношения с ближайшим окружением. Причем связь с рангами матери и мужчины/супруга более тесная на 1% уровне значимости. Обнаружена тесная связь между обидой и виной ($p \leq 0,01$), чем актуальнее обида, тем выше актуальность переживания вины, как вектор агрессии направленной в адрес другого и самого себя. Также выявлена положительная корреляционная связь между переживанием вины и количеством детей: чем больше детей у женщины, тем больше ожиданий и обязательств, тем более выраженным становится чувство вины.

Таким образом, вина и обида как формы агрессии тесно связаны, для женщин в трудной жизненной ситуации более актуально чувство вины, которое тесно связано с супружескими отношениями, фигурой мужчины. Ближайшее окружение может выступать в качестве важного ресурса совладания с ситуацией, а увеличение количества детей может способствовать актуализации чувства вины.

Попова В.В., Самбикина О.С.

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПОДРОСТКАМИ ОТНОШЕНИЙ С МАТЕРЯМИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЗАПАДНОГО УРАЛА*

Детско-родительские отношения, несомненно, являются одной из важнейших составляющих развития личности человека. Наблюдаемые в Российской Федерации социокультурные трансформации затрагивают вопрос семейного воспитания с одной стороны, как источник самобытности, идентичности ребенка, с другой, - изменения, происходящие с

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

институтом семьи, отражают общие тенденции глобализации. Мироощущение, мировоззрение, мышление формируется по мере усвоения ребенком исторического и культурного опыта, сложившихся традиций, семья - носителем этого опыта.

Пермский край является одним из крупнейших полиэтничных субъектов Российской Федерации. По данным последней Всероссийской переписи населения, в нем проживает 2 635,3 тыс. человек, представляющих 126 национальностей. Социокультурные трансформации, происходящие в обществе, предрекали в 2006 году изменение идентичности коренных народов в сторону определения себя россиянами (Шабаева, 2006), но за последнее десятилетие коренных изменений не произошло (Вяткин, 2017).

Этнический социокультурный опыт сохраняется в системе детско-родительских отношений, отражается на восприятии подростком отношений с родителями. На территории Пермского края было предпринято исследование детско-родительских отношений коренных народов Западного Урала: русских, коми-пермяков, башкир, татар и удмуртов. Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №17-16-59007 «Этнокультурные особенности семейного воспитания коренных народов Западного Урала в современных условиях социокультурных трансформаций». Респондентами исследования являлись дети подросткового возраста и их матери, всего 500 человек. Методики исследования: «Взаимодействие родитель – ребенок» (ВРР) (И.М. Марковская) и «Детско-родительские отношения подростков» (ДРОП) (П.В. Трояновской).

При факторизации показателей детско-родительских отношений матерей и подростков в каждой моноэтнической группе были выявлены следующие симптомокомплексы: подростки из русских и удмуртских семей воспринимают отношения с матерями, имея близкие по смысловому содержанию симптомокомплексы показателей детско-родительских отношений. В первый фактор со значимыми весами попали эмоциональная дистанция, авторитарность и удовлетворенность отношением с матерью, как в русской, так и в удмуртской семьях. В этот же фактор в группе удмуртов входит сотрудничество. Второй фактор обладает единым для обеих этнических групп ядром – требовательность матери, связанный у удмуртов с непоследовательностью матери, а у русских - со строгостью. Тогда как матери из татарских, башкирских и коми-пермяцких семей имеют одинаковый состав симптомокомплекса – авторитарность матери и принятие ребенка. Ядром второго фактора в симптомокомплексе детско-родительских отношений для этих национальностей является авторитарность матери, которая у коми-пермяков связана с последовательностью матери, у татар - с требовательностью, а у башкир - с удовлетворенностью отношениями с матерью.

Важным моментом в полученных результатах является наличие близких по смыслу симптомокомплексов, отражающих восприятия отношений с матерями подростков из моноэтнических семей русских, коми-пермяков, башкир, татар и удмуртов. Отношения подростков с матерью, не зависимо от этнической принадлежности, связано с удовлетворенностью отношениями с ней, авторитарностью матери, эмоциональной близостью и ее принятием ребенка. Удмуртские матери в глазах подростков склонны к сотрудничеству, русские отличаются согласием с ребенком, коми-пермячки и башкирки склонностью к контролю, матери из татарских семей – принятием ребенка.

**Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №17-16-59007 «Этнокультурные особенности семейного воспитания коренных народов Западного Урала в современных условиях социокультурных трансформаций».*

Романова Е.В., Лодочникова М.Р.

ТИПЫ ПРИВЯЗАННОСТИ И СТИЛИ ЛЮБОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Феномену любви на данный момент в психологии посвящено не такое большое количество исследований. Это неудивительно, поскольку тема любви и любовных отношений относится к интимной, скрытой от чужих глаз сферой, при этом многогранной, многозначной и трудной для изучения. Особенно важным является исследование влияния ранних детских привязанностей на отношения мужчин и женщин, их взрослую романтическую привязанность, а также стили любви или осознанные установки на отношения с партнером. Феномен любви, виды любви, факторы, которые оказывают влияние на поведение людей в любовных отношениях, рассматривались различными авторами (R.Sternberg, J.A.Lee, C.Hendrick, S.Hendrick, K.A.Brennan, P.R.Shaver, Е.П.Ильин, Ю.Б.Рюриков, Т.Л.Крюкова О.А.Екимчик и др.).

Понятие привязанности изучалось психологами на протяжении длительного периода времени, поскольку близкие отношения с объектом привязанности формируют у человека отношение к другим и к самому себе. Особенности формирования поведения привязанности являются важным моментом в процессе развития личности ребёнка, а затем модель поведения привязанности может влиять на романтическую привязанность и особенности поведения человека в любовных отношениях с партнёром.

Целью исследования стало изучение стилей любовных отношений у мужчин и женщин с разными типами эмоциональной привязанности.

Методики, использованные в исследовании: 1. «Опыт близких отношений» (К. Бреннан, Р.К. Фрейли); 2. «Цвета любви» (С. Hendrick, S. Hendrick); 3. «Мульти-опросник измерения романтической привязанности у взрослых» (К.А. Brennan, P.R. Shaver); 4. «Триада Любви» Р.Стернберга.

Выборка. В исследовании участвовали 73 человека, 29 мужчин и 44 женщины в возрасте от 20 до 55 лет. По результатам методики «Опыт близких отношений» (К. Бреннан, Р.К. Фрейли) респонденты были поделены на четыре группы в зависимости от типа привязанности: надежного, боязливого, тревожного или избегающего.

Результаты исследования. Установлено, что особенности типа привязанности взаимосвязаны со стилями любовных отношений у мужчин и женщин.

Сравнительный анализ показал, что в группе с надежным типом привязанности у мужчин и женщин имеется установка на вовлеченность в глубокие отношения, интимность, близость, восхищение партнером. В группе с боязливым привязанностью, по сравнению с надежной, более выражена любовь-одержимость, любовь-забота и самоотверженная любовь. Респонденты с тревожной привязанностью, испытывая беспокойство о надежности отношений, имеют установку на любовь-игру, любовь-заботу и прагматическую любовь. Респонденты с избегающим типом привязанности, считающие близкие отношения бессмысленными, и стремящиеся к независимости, имеют установку на любовь-игру и прагматическую любовь.

У женщин надежного, боязливого и избегающего типов привязанности, по сравнению с мужчинами этих типов, более выражена установка на заботливую любовь и стабильные отношения. У мужчин боязливого и избегающего типов привязанности более, чем у женщин выражена установка на любовь-одержимость. У мужчин тревожного типа привязанности в большей степени, чем у женщин данного типа, выражены любовь-одержимость, эротическая любовь, любовь самоотверженная и заботливая.

Корреляционный анализ позволил установить, что в группе с надёжной привязанностью желание строить близкие и доверительные отношения взаимосвязано с готовностью брать на себя ответственность за поддержание любви, оказанием поддержки и сексуальным

влечением к партнёру ($p \leq 0,01$). У взрослых с боязливой и избегающей привязанностью чувство единения и близости с партнёром взаимосвязано с рассудительной любовью ($p \leq 0,01$). В группе с тревожной привязанностью расчётливая и рассудительная любовь взаимосвязана с автономностью и самостоятельностью ($p \leq 0,05$).

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что доверительные и надёжные отношения между ребёнком и родителем являются качественной основой для формирования любовных отношений и романтической привязанности во взрослом возрасте.

Свенцицкий А.Л., Зайцева Е.В.

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ «АЛЬТРУИСТИЧЕСКОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ»*

В многочисленных психологических исследованиях альтруизм рассматривается как одна из форм просоциального поведения. Обычно под альтруизмом подразумевается такое поведение, которое направлено на благо другого человека, а не ради получения внешнего или внутреннего вознаграждения. Какое-либо вознаграждение может быть, но сами по себе подобные поступки остаются чисто альтруистическими.

Различные феномены альтруизма в сфере человеческого поведения обусловлены широким кругом факторов. Среди них важнейшую роль играют факторы личностные, свойственные именно тому или иному человеку. В соответствии с изложенным выше целью нашего исследования стало изучение личностных детерминант «альтруистического инвестирования», иначе говоря, выявление связи между особенностями личности и ее стремлением бескорыстно помогать другим. Используемое нами понятие «альтруистическое инвестирование» подразумевает использование такой стратегии поведения личности, которая направлена на содействие благополучию окружающих, с одной стороны, и в то же время, способствует повышению качества своих межличностных связей, с другой. Все это в итоге приводит субъекта помощи к приумножению собственного социального капитала.

Представленное исследование охватило 60 студентов факультета психологии СПбГУ в возрасте от 18 до 27 лет (средний возраст 22 года), из них 30 мужчин и 30 женщин.

Для реализации поставленных целей были использованы следующие методики:

1. Шкала альтруистического «инвестирования» (Т.В. Казанцева, Л.В. Марарица, М.А. Недошивина, Л.Г. Почебут, А.Л. Свенцицкий).
2. Шкала удовлетворенности жизнью (Э. Динер).
3. Шкала самооценки (М. Розенберг).
4. Шкала внутреннего и внешнего контроля (Д. Роттер).
5. Тест эмпатийного потенциала личности (И.М. Юсупов).

Корреляционный анализ личностных детерминант «альтруистического инвестирования» позволил выявить значимые положительные связи между альтруистическим поведением личности и уровнем ее эмпатии, самооценки и удовлетворенности жизнью ($p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$). Таким образом, чем позитивнее к себе относится человек, проявляет понимание других людей, удовлетворен собой и своей жизнью, тем с большей вероятностью он окажет помощь другим людям.

Корреляционный анализ в выборке мужчин также показал, что «альтруистическое инвестирование» имеет достоверно значимую связь с уровнем эмпатии, самооценки и удовлетворенности жизнью. Соответствующие данные получены и в выборке женщин. Следует отметить, что в мужской выборке альтруизм более тесно связан с эмпатией и самооценкой, в то время как в женской выборке такое помогающее поведение более тесно связано с эмпатией, чем с самооценкой.

Таким образом, мнения мужчин и женщин в ответ на положения, предложенные в указанных методиках, не отличаются друг от друга, за исключением двух суждений относительно альтруистической направленности личности («другие видят во мне человека, к которому легко обратиться за помощью») и удовлетворенности жизнью («если бы я мог прожить свою жизнь еще раз, я бы почти ничего в ней не изменил»). Последнее утверждение достоверно различается в средних значениях для мужчин и женщин. Так, женщины в среднем проявляют большую неопределенность, рассматривая данное положение, в то время как мужчины отчетливее обнаруживают склонность к каким-либо изменениям в своей жизни. Оценки по суждению «другие видят во мне человека, к которому легко обратиться за помощью» также достоверно различаются в средних значениях по выборкам мужчин и женщин. Полученные данные могут говорить о том, что женщины в большей степени, чем мужчины, готовы принять просьбу о помощи.

Проведенное исследование позволило подтвердить гипотезу о том, что эмпатия, позитивное отношение к себе и удовлетворенность жизнью связаны с альтруистической направленностью личности. Регрессионный анализ по всей выборке в целом показал, что «альтруистическое инвестирование» в наибольшей степени связано именно со способностью личности к эмпатии.

**Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00777.*

Сергеева М.В., Пишеничнюк Д.В.

АПРОБАЦИЯ ОПРОСНИКА ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ У СТУДЕНТОВ ВУЗОВ Г. МОСКВЫ УМЕНИЯ РАСПОЗНАВАТЬ КОРРУПЦИЮ

В рамках национального плана по борьбе с коррупцией в РФ 14.05.2014 г. вышло распоряжение Правительства РФ об утверждении программы по антикоррупционному просвещению. Согласно этому правовому документу, Минобрнауки совместно с МВД, СК и прокуратурой будут ответственными за просвещение учащихся в области борьбы с коррупцией. Эти мероприятия направлены на формирование у учащихся знаний о коррупции, о способах противодействия распространению этого явления, негативного отношения к проявлениям коррупционного поведения, т.е. на формирование антикоррупционной компетенции (АК).

Цели исследования: разработка и апробация опросника для диагностики умения распознавать коррупцию, диагностика умения распознавать коррупцию и определять уровень развития АК.

Гипотеза: опросник для диагностики умения распознавать коррупцию является надёжным инструментом.

Методы: анализ психологической и правовой литературы; авторский опросник диагностики умения распознавать коррупцию. Обработка данных выполнялась с использованием пакета SPSS-17.

Диагностика умения распознавать коррупцию с помощью разработанного опросника представляет собой анализ и решение трех видов проблемных ситуаций (кейсов): 1) житейские ситуации; 2) отрывки из художественной литературы и кинофильмов. После ознакомления с ситуацией любого вида от респондентов требовалось ответить на вопрос: Является ли поведение героев коррупционным? При анализе требовалось выбрать 1 из 3х вариантов ответа (да/нет/не достаточно информации для ответа).

В основу методики легла структура базового познавательного умения «подведение под понятие». Содержание понятия «коррупция», которое использовалось нами для оценки уров-

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

ния развития умения распознавать коррупцию при анализе кейсов, включало: 1) должностное лицо; 2) превышение полномочий; 3) получение выгоды должностным лицом.

Эмпирическая база: 147 студентов московских вузов в возрасте от 18 до 25 лет.

Ход и результаты: респонденты последовательно выполняли задания методики; осуществлялась проверка опросника на пригодность с использованием коэффициента α -Кронбаха; определялся уровень развития умения распознавать коррупцию.

I. Аprobация опросника

Выборка: $n=28$ (18-24г.).

Результаты апробации методики - суммарная α -Кронбаха = 0,767 (хороший показатель для кейс-теста). Также, для оценки пригодности опросника была произведена экспертная оценка ($n=5$ экспертов). Согласованность их ответов проверялась с помощью коэффициента конкордации Кендалла. Для всего опросника в целом $W = 0,750$ при $p = 0,000$; это означает, что оценки экспертов по всему опроснику в целом согласуются на приемлемом уровне, и данный диагностический инструмент можно признать надёжным и пригодным для использования.

II. Диагностика уровня развития умения распознавать коррупцию с помощью апробированного опросника

Выборка: $n=119$ (18-25г.).

Результаты диагностики умения распознавать коррупцию - выделять признаки коррупции при анализе кейсов:

- кейсы по отрывкам из литературы – большинство участников исследования (53%) выделяет по 2 из 3-х признаков понятия «коррупция» в предложенных литературных отрывках при обосновании ответа, является ли поведение героя коррупционным;

- кейсы по эпизодам кинофильмов – большинство испытуемых (65%) выделяет по 2 признака из 3-х признаков понятия «коррупция» в эпизодах кинофильмов при обосновании ответа на тот же вопрос.

Выводы: 1. Аprobация опросника для диагностики уровня развития умения распознавать коррупцию показала, что разработанный инструмент является надёжным и пригодным для дальнейших исследований в области представлений о коррупции.

2. В целом, для вынесения заключения для многих испытуемых определяющими являются такие признаки, как наличие выгоды (83%) и превышение полномочий, противоправность поведения (80%). Реже участники исследования акцентируют своё внимание на том, является ли кто-то из героев должностным лицом (40%). Если такой признак выделяется, то нередко итоговый ответ оказывается неверным по причине неправильного представления о том, кто является должностным лицом.

Сидоренко Е.В.

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ ЛИДЕРСКИХ ФУНКЦИЙ

Модель лидерских функций ЦЕНТР включает те аспекты деятельности лидера, которые считаются ведущими в различных концепциях: бихевиоральной (Stogdill, 1948; Fleishman, Harris, 1998), харизматической (Вебер, 1999; Москвичи, 1999; Trice, Beyer, 1986; Hellriegel, Slocum, and Woodman, 2001), транзакционной (Hollander, 1985; 1992; 1993; Hollander & Julian, 1969) и ситуационной (Hersey, Blanchard, 1988; Бланшар, 2008; Tichy, 1997; 1998).

Модель лидерских функций называется моделью ЦЕНТР по первым буквам названий входящих в нее компонентов.

1. Цель – умение создавать видение и формулировать четкие цели.

2. Единство – умение создавать команду единомышленников и эффективно взаимодействовать с ней.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

3. Настрой – умение оказывать вдохновляющее и мотивирующее воздействие на последователей.

4. Труд – умение ежедневно самому работать так, чтобы соответствовать собственным целям, идеям и принципам.

5. Ресурсы – умение принимать обоснованные и твердые решения по поводу людей, энергии, времени и иных ресурсов.

Функции Цель и Ресурсы отражают структурообразующее начало в деятельности лидера, функции Единство и Настрой – умение объединять и вдохновлять последователей, функция Труд – способность в своей работе обеспечивать совпадение слова и дела.

Цель исследования – установить, какие из лидерских функций модели ЦЕНТР являются наиболее востребованными современными руководителями.

Гипотеза 1: Наиболее востребованными у руководителей окажутся те лидерские функции, которые связаны с объединяющим и вдохновляющим воздействием – Единство и Настрой.

Гипотеза 2: Наименее востребованной функцией окажется Труд.

В исследовании участвовали 290 руководителей среднего и высшего звена – начальники участков добывающих предприятий, директора комбинатов, руководители региональных подразделений российских компаний. В выборке было 202 мужчины и 88 женщин в возрасте от 30 до 58 лет. Каждому участнику исследования предлагалось оценить по 10-балльной шкале свою личную эффективность в выполнении каждой из пяти лидерских функций. После этого каждый из участников определял, каких показателей он должен достигнуть для того, чтобы стать более эффективным лидером для своих сотрудников. По величине расхождения между реальными и желательными показателями каждый участник исследования определял приоритетные для него направления развития. Каждый участник исследования мог назвать от одного до пяти приоритетных направлений.

Установлено, что распределение ответов участников является неравномерным ($\chi^2=20,583$; $v=4$; $p\leq 0,01$). На первом месте по востребованности оказывается функция Ресурсы (25%), затем следуют функции Цель (22%), Настрой (21%), Единство (18 %) и Труд (14%). Статистическая достоверность различий определялась по непараметрическому критерию Вилкоксона.

Установлено, что функция Ресурсы выбирается достоверно чаще, чем Единство ($p\leq 0,023$), а функция Труд – достоверно реже, чем Цель ($p\leq 0,004$), Настрой ($p\leq 0,011$) и Ресурсы ($p\leq 0,002$).

Таким образом, гипотеза 1 не подтверждается. Функция Ресурсы оказывается более востребованной, чем функция Единство. Возможно, это объясняется тем, что сам термин «ресурсы» является привлекательным для большинства руководителей, так как многие из них чувствуют себя недостаточно наделенными необходимыми ресурсами и полномочиями.

Гипотеза 2 подтверждается: наименее востребованной функцией является Труд. Большинство руководителей считает, что уже сейчас их ежедневная работа соответствует их собственным целям, идеям и принципам.

Выводы:

1) Наиболее востребованными у руководителей оказываются не те функции, которые отражают умение объединять и вдохновлять последователей, а функция принятия твердых решений по поводу материальных, временных, энергетических и людских ресурсов.

2) Руководители заинтересованы в получении доступа к ресурсам и принятия решений по поводу ресурсов в большей степени, чем в повышении эффективности собственного труда.

Синельникова Е.С., Зиновьева Е.В.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О 90-Х ГОДАХ XX ВЕКА В ЮНОШЕСКОМ И ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью междисциплинарного изучения одного из самых сложных и противоречивых периодов новейшей отечественной истории. В течение одного десятилетия Россия столкнулась с серьезными экономическими трудностями, коррупцией и организованной преступностью (Плехова, 2012), ростом напряженности в межэтнических отношениях (Гуриева, Хрусталева, 2016). За короткий период произошли изменения в ценностных ориентациях, социальных представлениях людей: возросла значимость индивидуалистических и материальных ценностей, в то же время коллективистические ценности, ориентация россиян на справедливость, вера в лучшее будущее по-прежнему остались частью социальных представлений русских о своем народе (Почебут, Безносков, 2013). Представления о той или иной исторической эпохе актуализируются и осмысливаются людьми в контексте современных событий (Герасимов, 2017; Положенцева, Кашенко, 2014), а память о них связана с восприятием и оценкой современных событий.

В эмпирическом исследовании приняли участие 60 человек: 29 респондентов юношеского возраста, студенты ПГУПС, (от 18 до 22 лет, средний возраст - 19 лет) и 31 респондент зрелого возраста (от 42 до 69 лет, средний возраст - 52,1 год). Применялась авторская методика Е.С. Синельниковой «Память о 90-х гг.», апробированная в предыдущих исследованиях (Синельникова, 2017), и методика «Ценностные ориентации» Ш. Шварца в адаптации В.Н. Карандышева (Карандышев, 2004).

На основе качественного и количественного анализа ответов респондентов на вопрос о том, какие ассоциации вызывают у них 90-е годы, были выделены следующие ключевые слова: финансовый кризис, коррупция, беспорядки, голод, дефицит, перестройка. Заметим, что большинство слов (за исключением слова «перестройка») имеют негативную коннотацию, и связаны с финансовыми затруднениями, дефицитом безопасности и нарушениями закона. Статистический анализ с применением критерия Фишера позволил выявить, что респондентами юношеского возраста статистически достоверно чаще упоминалось слово «коррупция» по сравнению с респондентами зрелого возраста ($F=1,88$; $p\leq 0,05$). Респондентами зрелого возраста статистически достоверно чаще упоминалось слово «перестройка» по сравнению с респондентами юношеского возраста ($F=-1,99$; $p\leq 0,05$).

Также были проанализированы ответы респондентов на вопрос об основных источниках информации об эпохе 90-х годов. Безусловно, уникальным источником информации для респондентов зрелого возраста был их личный опыт. Однако представлялось важным проанализировать, в какой степени респонденты обеих групп обращались к другим источникам: фильмам, книгам, газетам и журналам, театральным постановкам, телевидению. Результаты исследования показали, что респонденты юношеского возраста статистически достоверно чаще упоминали такие источники информации, как интернет ($t=6,77$; $p\leq 0,01$), фильмы ($t=8,13$; $p\leq 0,01$), книги ($t=2,4$; $p\leq 0,05$).

Интересно, что упоминание слова «коррупция» в ассоциациях о 90-х годах респондентов зрелого возраста было связано с ценностными ориентациями власти ($F=2,22$; $p\leq 0,05$) и чаще встречалось в описаниях респондентов, для которых ценности власти были приоритетными. В юношеском возрасте упоминание о коррупции было связано с ценностными ориентациями традиций ($F=2,23$; $p\leq 0,05$) и безопасности ($F=2,02$; $p\leq 0,05$), о коррупции чаще упоминали респонденты, для которых эти ценности были приоритетными.

Результаты исследования позволили выявить различия в социальных представлениях о 90-х годах XX века молодежи и людей зрелого возраста - современников эпохи 90-х годов. Проведенное исследование вносит вклад в осмысление роли эпохи 90-х гг. XX века в трансформации ценностных ориентаций и социальных представлений россиян.

Результаты исследования имеют важное практическое значение, позволяют понять трудности во взаимопонимании родителей, современников эпохи 90-х годов, и их детей.

Скорова Л.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МЕДИАКОМПЕТЕНТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Современный человек живёт в эпоху интенсивного развития информационных технологий и постоянно увеличивающегося количества разнообразной информации, которая не дифференцируется ни по уровню сложности, ни по возрасту, ни по качеству. Стремительные изменения форм взаимодействия личности с окружающим миром невозможны без пересмотра подходов к условиям, обеспечивающим, с одной стороны, её развитие в современной реальности, характеризующейся сложностью, разнообразием, неопределённостью (Гришина, Костромина, Мироненко, 2018) и, с другой стороны, защиту личности от деструктивного влияния постоянно расширяющихся различных видов информации. В связи с этим требуют уточнения концептуальные подходы, механизмы, условия, методы и направления развития психологической медиакомпетентности личности в медиaprостранстве.

В психологической науке под психологической медиакомпетентностью понимается часть общей, медиа и психологической культуры личности, которая включает в себя психологическую осведомлённость о массовых коммуникациях, методах манипуляции человеком средствами медиасообщений, критериях определения степени безопасности медиасреды, способах защиты личности от деструктивного воздействия транслируемых медиаканалами сообщений, правилах психологически продуктивной коммуникации в медиасреде, а также умения осуществлять психологический анализ медиапродуктов с целью определения особенностей их психологического воздействия (Кыштымова, Скорова, 2018). Как показали наши исследования, необходимость развития психологической медиакомпетентности обусловлена тем, что человеку сложно ориентироваться в информационном потоке, и он выбирает то, что привлекло его внимание по цветовой гамме, соответствующей его эмоциональному состоянию, по образному представлению информации либо то, что он увидел, услышал, прочитал первым. Вместе с тем, любая информация оказывает воздействие на мысли, эмоциональное состояние и поведение человека. Поскольку развитие психологической компетентности личности следует начинать уже в дошкольном возрасте и основным посредником в передачи информации являются родители, предлагается определить содержание работы с ними. Разработанная и апробированная нами программа ориентирована на овладение родителями навыками анализа медиапродуктов, которые взрослый предлагает детям и к которым проявляет интерес сам ребёнок. На следующем этапе предполагается организация работы с учителями с целью овладения ими обучающих приёмов, позволяющих детям безопасно работать с медиаресурсами, обнаруживать неверную (искажённую) информацию, развивать у них критическое мышление и умение преобразовывать информацию. И, наконец, развитие медиакомпетентности может осуществляться путём самоизменения самой личности: изменение её отношения к медиатекстам, способов их анализа, изменение структуры психологического медиаопыта и пр. Развитие может осуществляться в рамках психологического просвещения посредством обучения родителей, педагогов и детей и подростков навыкам безопасного поведения в медиaprостранстве, критического анализа медиасообщений, психологической профилактики через организацию тренингов, ролевых, деловых игр, направленных на формирование творческого интереса к медиа, безопасного поведения.

Развитие психологической медиакомпетентности направлено на:

- понимание личностью медиаинформации, которое выражается в способности определять транслируемые медиатекстами смыслы, соотносить свою позицию с позицией создателя текста, осуществлять критическую оценку информации на основе культурных ценностей и своих личностных смыслов;

- отношение личности к различным видам медиаинформации, характеризующие избирательность и направленность на медиатекст, его оценку (позитивную, негативную, безразличную), готовность к таким способам действия, которые будут обеспечивать её защиту от деструктивного влияния;
- психологический медиаопыт в подборе, объяснении, преобразовании медиатекстов;
- развитие ответственности, готовности к изменениям и совершенствованию себя.

Солдатова Г.У., Чигарькова С.В.

ТРОЛЛИНГ КАК ВИД АГРЕССИИ В ИНТЕРНЕТЕ: РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ, ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛЕЙ*

Инфокоммуникационные технологии, трансформируя традиционные социокультурные практики, становятся неотъемлемой частью повседневности все большего количества людей. Обладая рядом специфических особенностей, интернет оказывает свое влияние на исследуемые в психологии феномены, в частности, на феномен агрессии, который в онлайн-контекстах изучается как онлайн-агрессия или киберагрессия. Актуальность темы агрессии в сети в современном мире привлекает внимание исследователей из разных стран (Солдатова, Рассказова, Нестик, 2017; Appel, Stiglbauer, Batinic, Holtz, 2014; Lee, 2015).

Остановимся на одном из самых распространенных видов киберагрессии – троллинге (размещение в интернете провокационных сообщений с целью индуцирования негативной эмоциональной реакции определенного индивида или группы людей или конфликтов между участниками онлайн-диалога). По поводу троллинга написано достаточно много публицистических статей, однако научных исследований, посвященных данному феномену, не так много. Тем не менее, этот феномен получил широкое распространение, в том числе и в русскоязычном интернете – уже в 2013 г. каждый десятый подросток в качестве своей главной роли в интернете назвал роль «тролля» (Солдатова, Нестик, Рассказова, Зотова, 2013).

Целью исследования является изучение феномена троллинга среди представителей разных поколений.

Выборку исследования составили 3395 респондентов, проживающих в 8 федеральных округах Российской Федерации: 525 подростков в возрасте 12-13 лет и 1029 подростков в возрасте 14-17 лет, 736 молодых людей в возрасте 17-30 лет и 1105 родителей подростков 12-17 лет.

Методы. Исследование проводилось на основе специально разработанного социально-психологического опросника для каждой возрастной группы методом личного интервью в декабре 2017 г. – январе 2018 г.

Результаты исследования. С троллингом сталкиваются 58% младших подростков, 64% старших подростков и 45% молодежи. Родители, оценивая ситуацию, не намного ошибаются: по оценке родителей младших подростков только 49% сталкиваются с троллингом, а по оценке родителей старших подростков – 60%. Один из 6 старших подростков и каждый третий младший попадает в эту ситуацию иногда или часто, и почти каждый второй – хотя бы раз в месяц. В ситуацию троллинга молодые люди и подростки попадают, как правило, в качестве свидетелей: каждый третий подросток 12-13 лет и 41% подростков 14-17 лет. В обеих возрастных группах каждый восьмой подросток сталкивался с троллингом в роли «жертвы». Среди молодых людей эта цифра почти в два раза ниже (5%). 23% подростков и только 10% молодежи отметили, что поддерживали «жертву» троллинга. Социально неприемлемые роли «тролля» и

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

поддерживающего троллинг подростки выбирают и/или признают крайне редко, тем не менее, в возрасте 14-17 лет один подросток из 10 сознается в этом. Во всех трех возрастных группах юноши чаще девушек выступают агрессорами в ситуации троллинга (младшие подростки: $\chi^2=6,58$, $p=0,05$, V Крамера= $0,11$; старшие подростки: $\chi^2=7,16$, $p=0,01$, V Крамера= $0,09$; молодежь: $\chi^2=10,09$, $p=0,01$, V Крамера= $0,12$).

Родители недостаточно осведомлены о столкновении детей с троллингом в любой роли, максимально недооценивая столкновение с троллингом и в роли наблюдателя (24%), и в роли поддерживающих «жертву» (13%).

Эмоциональная реакция на троллинг выражена сильно и практически не снижается с возрастом – сильно или очень сильно расстроился бы каждый третий подросток или молодой человек, оказавшись жертвой троллинга. Каждый второй родитель затрудняется ответить, как реагирует ребенок.

Выводы. Троллинг является распространенным и эмоционально значимым видом агрессии в интернете, особенно характерным для подросткового возраста. Наиболее часто встречающейся ролью в ситуации столкновения с троллингом выступает роль свидетеля, кажущаяся, на первый взгляд, весьма безобидной. Однако стоит отметить, что именно на свидетелей, не принимающих активного участия в агрессии, оказывается значительное негативное влияние. Отличительной особенностью подростков стала просоциальная мотивация в оказании поддержки жертве троллинга.

Родители подростков плохо осведомлены об опыте столкновения своих детей с троллингом, а также зачастую затрудняются в определении его эмоциональной значимости. Такая ситуация создает условия для отсутствия соответствующей поддержки со стороны взрослых при столкновении с данным риском и оставляет ребенка наедине со своей проблемой.

**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00365).*

Татьянина Л.Г.

УРОВНИ ДОВЕРИЯ ЛИЧНОСТИ В ЭКИПАЖАХ МОРСКИХ СУДОВ

Главной целью представленного исследования явилось изучение влияния личностных особенностей на доверие в экипажах морских судов. Исследование проводилось на Ленинградской военно-морской базе в экипажах судов обеспечения ВМФ и охватило 251 человека в возрасте от 18 до 65 лет (все мужчины).

Методы исследования: Методика «Доверие» (Л.Г. Почебут, М.И. Килошенко, А.Л. Свенцицкий, Т.В., Казанцева), 16-ти факторный личностный опросник Р. Кеттелла (Форма С); Методика изучения структуры ценностей (Ш. Шварц).

С помощью опросника «Доверие» были вычислен интегральный показатель доверия (с максимальным значением 50 баллов). Далее был проведен уровневый анализ: вся выборка была разделена по набранному количеству баллов интегрального показателя доверия на три примерно равные группы: респонденты с высоким, средним и низким уровнями доверия. В группу с высоким уровнем доверия вошли 82 респондента, набравшие от 36 до 50 баллов, в группу со средними значениями интегрального показателя доверия - 77 респондентов, набравших от 26 до 35 баллов, и в группу с низкими значениями интегрального показателя доверия - 92 респондента, набравших от 12 до 25 баллов.

Сравнение усредненных профилей личности с помощью однофакторного дисперсионного анализа показал различия на высоком уровне статистической значимости в группах респондентов с различными уровнями доверия по следующим шкалам опросника Р. Кеттелла:

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

MD–самооценка ($p=0,001$), С–эмоциональная стабильность ($p=0,017$), Н–смелость ($p=0,046$), L–подозрительность ($p=0,002$), Q2–нонконформизм ($p=0,001$).

Можно утверждать, что лица, относящиеся к одному уровню доверия, образуют по своим качествам устойчивый психотип. Члены экипажей с высоким уровнем доверия отличаются большей общительностью, самодостаточностью, эмоциональной стабильностью, смелостью, высоким самоконтролем и нормативностью поведения, доверчивостью, спокойствием, конформностью, ориентацией на групповые нормы поведения. Члены экипажей с низким уровнем доверия характеризуются меньшей доверчивостью, большей осторожностью и напряженностью в общении, в поведении ориентироваться на собственное мнение.

Сравнение усредненных профилей структуры ценностей респондентов с высоким, средним и низким уровнями доверия, построенных с помощью опросника Ш. Шварца, показало сходство ведущих ценностей в описываемых группах. Различия составляют немного повышенные количественные показатели по ведущим ценностям в группе респондентов с высоким уровнем доверия и более низкие показатели по ведущим ценностям у респондентов с низким уровнем доверия.

С помощью однофакторного дисперсионного анализа выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0,01$) по ценностям: «конформизм», «универсализм», «доброта» (на уровне нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов), «безопасность» (на уровне нормативных идеалов) ($p=0,046$). Респонденты с высоким уровнем доверия больше ориентированы на понимание в межличностных контактах, терпимость к людям, у них выражены потребности в позитивном взаимодействии, в безопасности группы и окружающих людей. Не значимыми являются индивидуальные ценности – потребности в новых переживаниях, получении удовольствий, достижения престижа, авторитета. Можно утверждать, что у членов экипажей с различными уровнями доверия доминируют ценности, производные от базовых групповых потребностей.

Таким образом, основными отличиями членов экипажей с различными уровнями доверия являются уровень самооценки, эмоциональной стабильности, доверчивости, смелости, конформизма. Ведущими в структуре ценностей у членов экипажей с высоким уровнем доверия являются групповые ценности, значимость традиций и следование им. У членов экипажей с низким уровнем доверия ведущими выступают индивидуальные ценности (потребности в ярких эмоциях, новых впечатлениях), менее значимые групповые ценности.

Тихомандрицкая О.А.

ОБРАЗЫ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ И ГЕНДЕРНЫХ ГРУПП*

Гендерные изменения, произошедшие в социуме за последние десятилетия не могли не сказаться на представлениях людей о традиционных образцах феминности и маскулинности, о нормативных гендерных характеристиках, присущих «настоящим мужчинам» и «настоящим женщинам». Однако можно предположить, что эти изменения в гендерных представлениях происходили по-разному в разных возрастных группах. Кроме того, встает вопрос о том, насколько расходятся современные эталоны феминности и маскулинности с теми, которые, по мнению мужчин и женщин, были много раньше, в далеком прошлом. Поэтому мы обратились к изучению такого феномена, как коллективная память, связанного с символической реконструкцией прошлого. Необходимо сказать, что в коллективных воспоминаниях представления

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

о прошлом пересекаются с актуальными групповыми потребностями и интересами настоящего, в нашем случае – потребностями гендерных групп, проблемами гендерных отношений и гендерной идентичности.

Итак, целью исследования было изучение представлений о маскулинных и феминных качествах в образах мужчин и женщин в коллективной памяти разных возрастных и гендерных групп и сравнение их с образами современников.

Выборку составили 120 человек, равное количество мужчин и женщин в возрасте от 18 до 25 лет и в возрасте от 55 до 65 лет.

Процедура исследования состояла в выявлении тех исторических персонажей, которые выступали образцом мужественности и образцом женственности своего времени. Затем с помощью методики О.Г. Лопуховой каждый респондент оценивал психологический пол (гендерную идентичность) своих исторических героев, в заключении проводился семантический дифференциал для оценки феминных/маскулинных качеств, которыми обладали, по мнению респондентов, исторические персонажи, а также типичные современные мужчины и женщины и сам респондент.

В результате проведенного исследования были получены следующие результаты:

1. При описании исторических персонажей-мужчин респонденты мужского пола чаще описывают поступки, как обоснование мужественности выбранного исторического персонажа; описывая исторический персонаж-женщину, чаще упоминают характеристики внешности. Женщины в описании исторических персонажей обращают внимание на личностные качества.

2. Факторный анализ данных, полученных с помощью метода семантического дифференциала, позволил сделать ряд выводов:

Все респонденты-мужчины, а также женщины старшего возраста наделяют образ исторического персонажа-мужчины традиционно маскулинными характеристиками. Респонденты-мужчины независимо от возраста представляют исторический персонаж-женщину более маскулинной, чем респонденты-женщины обеих возрастных групп.

Представления о современном мужчине содержат в себе больше феминных качеств в отличие от представлений об историческом персонаже-мужчине во всех группах, кроме женщин от 18 до 25 лет, которые в равной степени использует феминные характеристики как в оценке образа современного мужчины, так и в оценке исторического персонажа-мужчины.

Представления о современной женщине совпадают с образом исторического персонажа-женщины в обеих женских группах. Обе возрастные группы респондентов-мужчин представляют современную женщину более феминной, чем исторический женский персонаж.

По приведенным результатам можно заключить, что в представлении мужчин и женщин разных возрастных групп (кроме молодых девушек) современные мужчины приобрели больше феминных качеств в сравнении с прошлыми историческими образцами мужественности. Группа молодых женщин такой разницы не признает, хотя так же считает, что современные мужчины в определенной степени обладают феминными характеристиками. Обе возрастные группы респондентов-мужчин представляют современную женщину более феминной, чем исторический женский персонаж, выступающий для своего времени образцом женственности. Можно сделать заключение, что феминные качества становятся все более значимыми личностными характеристиками современного человека вне зависимости от его пола.

**Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00980/17.*

Улыбина Е.В.

АТРИБУЦИЯ ВИНЫ ПРИ РАЗНОМ УРОВНЕ СОГЛАСИЯ С ГЕНДЕРНЫМИ СТЕРЕОТИПАМИ

Работа посвящена анализу вкладов веры в справедливый мир (ВСМ), принятия мужских нормативных установок (МНУ), ожидаемой оценки жертвы со стороны окружающих и типа преступления в атрибуцию вины женщинам, жертвам изнасилования и грабежа, при разном уровне принятия гендерных стереотипов респондентами. Имеющиеся данные (Begue, Bastounis, 2003 и др.) показывают, что атрибуция вины жертве прямо связана со шкалой веры в общую справедливость (ОС), веры в справедливый мир (Лернер). Но когда речь идет о приписывании вины жертве изнасилования, больший вклад вносит согласие с гендерными стереотипами, а вклад ВСМ либо меньше (Adolfsson, Strömwall, 2017), чем вклад стереотипов, либо вовсе не является значимым (Hammond et al., 2011). Знание о том, что близкие поддержали жертву изнасилования, снижает уровень обвинения жертвы респондентами (Pinciotti, Orcutt, 2017). Данные о вине жертв полового и неполового преступления неустойчивы, и можно предположить, что при высокой значимости гендерных стереотипов женщине – жертве физической агрессии со стороны мужчины – приписывают вину независимо от характера преступления.

При том, что принятие гендерных стереотипов и ориентацию на актуальное мнение окружающих можно рассматривать как формы конформизма, они не эквивалентны друг другу. Люди с высокими показателями гендерных стереотипов могут жить в окружении, не осуждающем жертву, а люди, не поддерживающие стереотипы, в обществе, жертв осуждающем. Однако при высоком уровне принятия стереотипов значимости мнения окружающих о степени вины жертвы будет, как предполагается, выше, чем при низком уровне принятия стереотипов.

Гипотеза исследования: и у мужчин, и у женщин мнение окружающих о вине жертвы вносит значимый вклад в обвинение жертвы при всех уровнях нормативности, характер преступления вносит вклад только при низкой нормативности, ОС – только при средней.

Выборка: 1038 человек, из них 630 женщин в возрасте от 18 до 70 лет, которым предлагалось заполнить онлайн-форму, включавшую опросник «Мужские нормативные установки» (МНУ) (Клецина, Иоффе, 2013), измеряющий принятие одного из вариантов гендерных стереотипов, опросник «Вера в справедливый мир» (Нартова-Бочавер и др., 2013) и виньетку, в одном варианте которой описывалось изнасилование, а в другом – разбой, преступником был мужчина, жертвой – женщина. Участники оценивали вину жертвы и ожидаемое обвинение жертвы окружающими по 7-балльной шкале.

В ходе исследования выборка была разделена на респондентов с высокой (верхний квартиль), средней и низкой нормативностью (нижний квартиль). Результаты регрессионного анализа с прямым пошаговым включением, в котором в качестве предикторов были включены возраст, ОС, ЛС, МНУ, ожидаемое обвинение и характер преступления у мужчин и женщин с низким, средним и высоким уровнем МНУ показали, что в подвыборке женщин: при низкой нормативности ни один из предикторов не вносит значимого вклада, при средней – вина жертвы определяется ожидаемым обвинением ($\beta = 0,250$, $t = 4,547$, $p = 0,000$), ОС ($\beta = 0,143$, $t = 2,576$, $p = 0,010$) и МНУ ($\beta = 0,136$, $t = 2,456$, $p = 0,015$), $R^2 = 0,100$, при высокой – только мнением окружающих ($\beta = 0,284$, $t = 3,633$, $p = 0,000$), $R^2 = 0,111$. У мужчин: при низкой нормативности – МНУ ($\beta = 0,305$, $t = 3,416$, $p = 0,001$) и мнением окружающих ($\beta = 0,283$, $t = 3,153$, $p = 0,002$), $R^2 = 0,210$, при средней – мнением окружающих ($\beta = 0,274$, $t = 4,077$, $p = 0,000$) и ОС ($\beta = 0,194$, $t = 2,861$, $p = 0,005$), $R^2 = 0,142$, и при высокой нормативности – только мнением окружающих ($\beta = 0,551$, $t = 6,617$, $p = 0,000$), $R^2 = 0,305$.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Как видно из представленных результатов, гипотеза исследования подтвердилась частично. У женщин с низкой нормативностью ни один из предикторов не вносит вклад в приписывание вины, во всех остальных случаях ожидаемое обвинение значимо, ОС значимо только при средней нормативности и для мужчин, и для женщин, а характер преступления значим только для мужчин с низкой нормативностью, приписывающих жертве разбоя большую вину, чем жертве изнасилования. Результаты показали ограниченность вклада ОС в вину женщин-жертв как полового, так и неполового преступлений, и высокую значимость общественного мнения независимо от согласия с гендерными стереотипами. Гендерные различия респондентов проявляются только при низкой нормативности.

Фоломеева Т.В., Нагорнова В.В.

КУЛЬТУРНЫЕ И ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСТАНОВОК И ВОСПРИЯТИЯ ПОВСЕДНЕВНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

В рамках исторического контекста современное общество часто характеризуется как “общество потребления”, но в рамках академической науки знание о нем представлено мозаично, а одному из крупнейших пластов в сфере экономической психологии - психологии повседневного потребления - отведена “маргинальная роль”. Это можно объяснить тем, что с одной стороны, все исследования в той или иной мере изучают повседневный быт людей, но, с другой стороны, конкретный фокус исследования данной проблемы не сформулирован.

Целью нашего исследования было изучение представлений молодежи о повседневном потреблении и рассмотрение особенностей экономических установок в их семьях. В качестве теоретического основания нашего исследования мы рассматривали работы таких авторов, как П. Веблей, К.Б. Бурджой, С.И.Г. Ли, Б.М. Янг, Т.В. Фоломеева, О.С. Дейнека, А.Ф. Пантелеев, А.Л. Журавлев.

Программа исследования. В нашем исследовании приняли участие молодые люди от 18 до 27 лет, проживающие в Москве, Баку и Ташкенте, а также их родители (177 человек).

На первом этапе исследования использовалась методика коллаж на темы: “Потребление в нашей семье”, “Наше потребление”, “Потребление в России”, “Потребление в СССР” и ассоциативная методика А.С. де Росса.

На втором этапе мы измеряли экономические установки (по авторскому варианту методики А.Н. Татарко) и приоритеты при потреблении основных категорий у наших респондентов и их родителей. Помимо этого, участники второго этапа на протяжении недели заполняли дневник, где фиксировали всю информацию о совершаемых ими тратах.

Результаты. Итогом нашего исследования стала схема представлений о повседневном потреблении молодых людей, их эмоциональное отношение к данному феномену и то, каким образом это отображается в их поведении. Главное, что было нами обнаружено, - это низкий уровень от-refлексированности своего повседневного потребления. Так, люди, имеющие непосредственный потребительский опыт, не смогли структурировано выразить свои представления и отношение к нему. Было обнаружено негативное отношение к повседневному потреблению, пессимистичные оценки настоящего и надежды на будущее, которые на временной шкале расположены ближе к концу жизни, нежели близлежащей перспективе. Доминирующей категорией в повседневном потреблении выступили продукты питания, сопряженные с подержанием витальных потребностей и заботой о своем здоровье.

Что примечательно, обобщенные данные по дневниковому этапу исследования показали схожие поведенческие паттерны относительно повседневного потребления, вне зависимо-

сти от пола, уровня образования, вероисповедания, типа семьи. Хотя, наблюдались различия на уровне установок и предпочтений. Установки детей высоко коррелируют с установками их родителей, даже в случае, если они не проживают совместно ($k=0.78$, $p \leq 0.001$), в то время как на поведенческом уровне соответствия установкам не было обнаружено. Кроме того, для каждой совершенной траты все показатели субъективной оценки одобрения референтной группой были крайне высоки.

Выводы. Полученные результаты свидетельствуют о том, что представления о повседневном потреблении ограничиваются продуктами и услугами, удовлетворяющими лишь витальными потребностями. Примечательно, что посещение театров и музеев, отдых, образование, путешествия и другие товары из минимальной потребительской корзины, не воспринимаются как повседневное потребление. Стратегии каждодневного экономического поведения складываются в семье и становятся привычными, но остаются неотрефлексированными и размышления о своих тратах чаще сопряжено с негативными переживаниями. С одной стороны эти повседневные действия сопряжены с негативными эмоциями, вызванными ухудшением экономической ситуации в странах, где проводилось исследование, с другой стороны, повседневное потребление воспринимается как рутинные действия, направленные на жизнеобеспечение, которые не заслуживают большого внимания, определяется его сопутствующая второстепенная роль в жизни.

Проведенное исследование открывает для нас ряд проблемных вопросов, которые только предстоит рассмотреть, а также направляет наше внимание именно на те детали повседневного потребления, которые личностно обусловлены: мотивы совершения покупки, бренды, стоимость и статусность товаров и т.д.

Шамионов Р.М.

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: ОСНОВАНИЯ, ПОБУДИТЕЛИ, МЕХАНИЗМЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЭФФЕКТЫ*

Социальная активность личности является важнейшим эффектом ее социализации. Б.Г. Ананьев (1971) подразумевал под эффектами социализации наличие психологических явлений, свидетельствующих о ее мере и глубине. Поскольку социальная активность личности предполагает развитие ряда важнейших социально-психологических характеристик как ее оснований, включая инициативность, ответственность, самостоятельность, доверие, социальный интеллект, а также целый ряд социальных установок и ценностных ориентаций и т.д., ее интенсивность, направления, формы всецело зависят от соотношений этих характеристик, уровня их представленности и актуализации. Важнейшим функциональным основанием социальной активности выступает субъектность личности. Как свидетельствуют исследования Е.А. Сергиенко (2014), соотношение личности и субъекта может быть выражено в лаконичной формуле как «направляющее и реализующее» звенья активности. Поэтому исследования социальной активности личности должны учитывать эту сложную ее субъектно-личностную и социально-психологическую природу.

Разнонаправленная нелинейная динамика внешних условий бытия создает зону неопределенности, что не только активно репрезентируется личностью и отражается на ее переживаниях, но и побуждает к включению в существующие сообщества, либо к объединению, созданию новых, являющихся своеобразными источниками определенности, придающими уверенность и инстанциями стабильного удовлетворения потребностей в принятии, коммуникации и утилизации негативных переживаний. С другой стороны, удовлетворенность лич-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ности собой и различными сторонами своей жизни тоже характеризуется диахронией: усиление одних характеристик сопровождается снижением других. Это не только существенное условие для сохранения динамического равновесия личности и оптимального уровня неудовлетворенности, но и внутренний побудитель социальной активности. Необходимо отметить, что побудительные механизмы активности не дифференцируют ее направленности. Поэтому необходимо определить, какие характеристики личности ее обуславливают в большей или меньшей степени.

Такое исследование проведено нами в двух регионах России - Москве и Саратове. Всего в нем приняли участие 240 молодых людей обоего пола (42% мужчин), средний возраст - $20,4 \pm 1,4$ лет. В исследовании использовались разработанные 10 шкал социальной активности (размерность шкалы составляет 10 единиц) и шкала самооценки активности, авторская анкета, содержащая вопросы, касающиеся ценностно-смысловых характеристик личности, идентичности и характера самоопределения (учитывались событийная насыщенность будущего, оценка возраста основных достижений и пр.). Для выявления характера самоопределения и отношений применялся модифицированный вариант теста Ньюоттена; ценностная сфера и ее конфликтность изучались с помощью методики Фанталовой. Математико-статистическая обработка проводилась посредством корреляционного, факторного анализов и параметрического критерия для сравнения двух выборок (t-критерий Стьюдента). Полученные результаты доказывают связь социальной активности со специфичными для разных условий социализации (включая и культурные различия) ценностями и смысловыми категориями.

Общественные эффекты социальной активности – это ее результаты, оцениваемые с точки зрения общественной приемлемости, с точки зрения общественной полезности. Необходимо отметить сложность такой квалификации, поскольку она зависит от ряда обстоятельств: уровня развития общества, его культурной специфичности (например, традиционности-инновационности), социально-политического устройства, коллективизма-индивидуализма и связанных с ними социальных представлений, ценностей, установок, менталитета от которых зависит ряд важнейших характеристик. Таких, как: свобода выражения мнений, приятие-неприятие инаковости, отношение к проявлениям различных групповых и индивидуальных особенностей и поведения, наконец, либеральность правовой системы.

Таким образом, одни формы социальной активности имеют положительные эффекты, другие – отрицательные, а третьи – нейтральные. Для решения важнейших социальных задач, связанных с социальной активностью молодежи необходимо определить критерии формальные и неформальные, на основе которых эти эффекты и образуются. Такое знание, помимо прочего, будет способствовать и научному социально-психологическому решению проблемы социальной активности личности.

**Работа выполнена в рамках проекта РФФ №18-18-00298.*

Шипова Н.С.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ СОВЛАДАНИЕ В БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЯХ*

Специфика отношений в диаде была и остается объектом исследования разных областей знания: философии, психологии, социологии и других. Такое внимание к сфере близких отношений обусловлено тем значением, которое она имеет: брачно-семейные и близкие отношения традиционно изучаются как одна из наиболее значимых сфер в функционировании социума.

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Целью данной статьи является представление результатов первого этапа эмпирического исследования индивидуального совладания и его согласованности в диадах партнеров, выявленных с помощью методики «Опросник способов совладания» (Lazarus, Folkman, 1988; в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтык, М.С. Замышляевой, 2004). В нашем исследовании мы опираемся на концепцию совладающего поведения (Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровская, Е.В. Куфтык, С.А. Хазова), психологические концепции семьи, семейных систем и отношений (А.Я. Варга, С.Н. Пезишкиан, Э. Бершид, С.Л. Мюррей и др.), модели стресса в близких отношениях (G. Bodenmann, J. Lewis, G. Vaillant).

Выборка исследования представлена 20 парами, состоящими в близких отношениях, стаж которых более 2 лет (40 человек, от 28 до 35 лет ($M=31,5$; $SD=2,87$)).

Результаты исследования и их обсуждение. Нами отмечена большая выраженность копинг-стратегий в группе женщин. Практически все стратегии совладания в группе женщин выражены более ярко, чем в мужской части выборки. Значимых статистических различий нет, однако отмеченную тенденцию мы планируем проверить на дальнейших этапах исследования. Доминирующими стратегиями являются самоконтроль ($M_{жен}=13$, $SD=0,79$; $M_{муж}=11,77$, $SD=1,23$) и бегство/избегание ($M_{жен}=12$, $SD=0,87$; $M_{муж}=10,77$, $SD=0,83$). Причем отмечается согласованность предпочитаемых стратегий в группе мужчин и женщин. Исходя из этого, мы можем предположить схожесть способов индивидуального преодоления трудностей в диаде партнеров. Минимальную выраженность в нашей выборке получили стратегии принятия ответственности ($M_{жен}=6,46$, $SD=0,57$; $M_{муж}=6,23$, $SD=0,69$) и дистанцирования ($M_{жен}=9$, $SD=0,52$; $M_{муж}=8,46$, $SD=0,8$). Мы выяснили, что партнеры в диаде предпочитают справляться с трудностями при помощи контроля собственных эмоциональных проявлений и избегания трудностей. При этом они не склонны принимать на себя ответственность за происходящее и дистанцироваться от партнера. Обобщенно можно представить ситуацию следующим образом: при наступлении трудности партнеры пытаются избежать, сколько возможно, ее решения, перекладывают ответственность на кого-либо (партнера) или что-либо (обстоятельства), при этом нормальное взаимодействие в паре сохраняется. При анализе связи мужских и женских копинг-стратегий нами выявлено, что отстранение от решения проблемы за счет уменьшения ее значимости и степени вовлеченности в нее со стороны женщины связано со снижением конфронтации (дистанцирование и конфронтативный копинг $r=-0,65$; $p=0,01$) и стремлением мужчины целенаправленно справиться с ситуацией (дистанцирование и планирование решения проблемы $r=-0,63$; $p=0,02$). При этом значимо связаны между собой стратегии самоконтроля партнеров в диаде ($r=0,58$; $p=0,04$). Ситуации, когда женщина ищет поддержки своего партнера для разрешения возникшей трудности, связаны со снижением конфронтации мужчины в паре (поиск социальной поддержки и конфронтативный копинг $r=-0,59$; $p=0,03$). При этом избегание решения женщиной связано с трудностью оценки возникшей проблемы как несущей нечто положительное (избегание и положительная переоценка $r=-0,70$; $p=0,007$). В то же время, обнаружилась достоверная связь между положительным оцениванием женщиной трудной ситуации и стремлением взять на себя ответственность за ее разрешение со стороны мужчины (Положительная переоценка и принятие ответственности $r=0,70$; $p=0,007$).

Выводы: отмечена схожесть в предпочтении партнерами диады определенных копинг-стратегий, а также обнаружены значимые взаимосвязи способов совладания членов пары.

В перспективе исследования ожидается выявление особенностей согласования индивидуального и диадического копинга партнеров.

**Исследование проводится при поддержке РФФИ, грант № 18-313-00243.*

Шляпников В.Н.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НАМЕРЕНИЯ В ДЕЙСТВИИ*

За последние десятилетия в психологической науке наблюдается устойчивый рост исследовательского интереса к проблеме воли. Одной из наиболее авторитетных и разработанных концепций в этой области можно считать теорию контроля за действием Ю. Куля, согласно которой основная функция воли состоит в регуляции процессов реализации намерений субъекта в деятельности (Иванников и др., 2014). Согласно Ю. Кулю, выделяются две основных формы волевой регуляции: саморегуляция и самоконтроль. Исследования показывают, что предрасположенность субъекта к тому или иному типу волевой регуляции является устойчивой характеристикой личности и определяется как ориентация на состояние или как ориентация на действие. Следует отметить, что в работах Ю. Куля и его учеников основной акцент делается преимущественно на изучении психофизиологических механизмах волевой регуляции, а исследований, посвященных влиянию социального контекста на формирование воли, относительно мало (Kuhl, 1996). Вместе с этим, можно предположить, что наряду с индивидуальными свойствами личности не менее важную роль в формировании волевой регуляции играют социокультурные, в частности, этнокультурные факторы.

В связи с этим целью нашего исследования стало изучение этнокультурных особенностей волевой регуляции, а именно реализации намерения в действии. Мы предположили, что должны существовать различия в процессе реализации намерения в действии у представителей различных этнокультурных групп, причем, величина этих различий должна быть пропорциональна величине культурной дистанции между ними.

В исследовании использовалась субшкала «Контроль за действием при планировании» из опросника «Шкала контроля за действием» Ю. Куля (НАКЕМР-90) в адаптации С.А. Шапкина (1997).

Для проверки выдвинутой гипотезы нами был проведен сравнительный анализ показателей методики между представителями 10 русскоговорящих этнических групп, проживающих на территории РФ и бывшего СССР (русские - 100 человек, евреи - 99 человек, армяне - 150 человек, татары - 101 человек, башкиры - 100 человек, марийцы - 100 человек, осетины - 102 человека, украинцы - 103 человека, белорусы - 100 человек, таджики - 96 человек). Все группы, кроме белорусов и таджиков, были уравнены по полу и возрасту (от 20 до 24 лет) и состояли из студентов, проживающих в крупных городах в местах исконного поселения этноса (за исключением Армян и Евреев).

Результаты исследования подтвердили выдвинутую нами гипотезу и показали наличие значимых различий между показателями «Шкалы контроля за действием» (тест Крускала-Уоллиса: $\chi^2(9)=53,75$, $p \leq 0,001$). Наименьшие значения показателей наблюдаются в группах русских, марийцев и армян, среди которых преобладает ориентация на состояние, охарактеризованная Ю. Кулем как индивидуальная склонность к менее эффективному типу волевой регуляции – «самоконтролю». Далее следуют осетины, белорусы и украинцы среди которых преобладает ориентация на действие, склонность к более эффективному типу волевой регуляции – «саморегуляции». Наиболее эффективные механизмы реализации намерения в действии наблюдаются в группах башкир, татар, евреев и таджиков. Следует отметить, что обнаруженные различия во многом соответствуют величине культурной дистанции между группами. В частности, мы наблюдаем сходство между представителями таких близких этносов, как: украинцы и белорусы, татары и башкиры.

Таким образом, полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу и могут свидетельствовать в пользу представлений о социокультурной обусловленности механизмов реализации намерения в действии.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-013-01108.*

Юмкина Е.А.

СЕМЕЙНЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ КАК ФОРМА ТРАНСЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ УМЕНИЙ ЛИЧНОСТИ*

Социальные умения — одна из важнейших частей социальной компетенции личности, формирующейся в ходе ее социализации. Изучение этой темы велось в направлении определения репертуара универсальных социальных умений личности с целью последующего их моделирования, диагностики и развития (Riggio, 1989; Grasham, 2008; Caballo, 2015; Белокурова, 2008; Запятая, 2011; Матяш, 2011). В то же самое время, существует сравнительно небольшое число работ, в которых рассматривалась бы роль семьи в закладке социальных умений личности. Это обстоятельство побудило обратиться к анализу вполне конкретной формы воспитательно-го воздействия родителей на ребенка, а именно — семейных наставлений с целью выявления транслируемых в ней социальных умений. Под семейными наставлениями понимаются формы целенаправленного одностороннего воздействия родителей на детей, служащие цели коррекции поведения ребенка в соответствии с представлениями родителей о должном (Куницына и др., 2015). Социальные умения определяются как совокупность способов взаимодействия личности с окружающими людьми, основанная на процессах социального познания и научения и характеризующаяся целенаправленным характером применения (Куницына В.Н. и др., 2018).

В рамках дипломного проекта М.В. Соловьевой (2016) была составлена развернутая анкета для сбора родительских наставлений, в том числе, касающихся отношения с людьми. Для решения актуальных задач было проведено пилотажное исследование, в котором приняло участие 30 человек (15 — мужчин, 15 — женщин, возраст 18-30 лет). Анализу были подвергнуты вопросы, которые звучали следующим образом: «Запишите, что говорила Вам мама на тему отношения к людям касательно Вас» и то же, но с позиции папы. Каждое высказывание считалось единицей анализа (например, «будь добрее», «не руби с плеча»); производился подсчет их частот.

В результате, было получено 55 смысловых единиц, корректирующих поведение ребенка во взаимодействии с людьми. От матерей исходил 71 % высказываний, от отцов — 19 %.

Обратимся к качественному составу категорий.

В первом приближении все смысловые единицы возможно сгруппировать в две сферы: самоконтроль и ориентация на партнера (в первом случае, спектр умений сфокусирован на анализе и корректировке собственного поведения, во втором — на анализе поведения партнера и на управлении ходом взаимодействия с ним).

В область самоконтроля (27%) вошли умения: быть сдержанным, посмотреть на себя со стороны, проявлять терпение, выражать свое мнение, быть подлинным, быть открытым, быть искренним, говорить о своих чувствах, быть осмотрительным. В наставлениях обоих родителей (11%) встречалась отсылка к «золотому правилу нравственности» («поступай с другим так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой»), как своеобразной квинтэссенции саморефлексии и самомониторинга.

Область ориентации на партнера (73%) дополнили умения: благодарить, договариваться, быть отзывчивым, видеть достоинства в человеке, нивелирования конфликтов, выстраивать глубокие и долгосрочные отношения, прощать, уважать труд другого, предложить помощь, быть вежливой, соблюдать договоренности, слушать другого.

В результате проведенного исследования был выявлен спектр социальных умений личности, содержащийся в корректирующих высказываниях родителей. Семейные наставления в силу своей регулярности представляют собой установку к развертыванию определенной программы действий. Было обнаружено, что оба родителя вносят вклад в трансляцию социальных умений через наставления, но большая роль в этом процессе принадлежит матери. Кроме того, значительная доля высказываний относится к фокусировке своего внимания на состоянии, потребностях, действиях партнера по взаимодействию.

**Исследование подготовлено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 18-013-00904 «Формирование социальных умений личности в семье».*

Юшачкова Т.Б.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ПОНИМАНИЕ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Эффективное социальное взаимодействие во многом определяется точностью понимания людьми личностных особенностей друг друга, мотивов поведения, умением прогнозировать дальнейшие действия в сложившейся ситуации.

Важным условием понимания другого человека выступает целый комплекс параметров, среди которых выделяют гуманистическую направленность личности, способность к децентрации, терпимость к взглядам других людей, отличающимся от собственных, открытость и др. (А.А. Бодалев, В.Н. Куницына и др.).

В целях более глубокого изучения толерантности личности и понимания другого человека нами было проведено эмпирическое исследование. Выборку составили 125 студентов Магнитогорского государственного технического университета.

Блок диагностических средств включал 16-факторный опросник Р. Кеттелла, а также методики, разработанные В.Н. Куницыной: полупроективный тест «Притчи», методика КОСКОМ (Коммуникативная и социальная компетентность), опросник СУМО (Саморегуляция и успешность межличностного общения), методика СТАЛЬ (Стабильность, толерантность и альтруизм в межличностных отношениях и другие свойства личности), тест «Самооценка», тест «Экспрессия» (модифицированный вариант субтеста «группы экспрессии» методики исследования социального интеллекта Дж. Гилфорда и М. Салливена). О толерантности личности свидетельствовали показатели по шкале «толерантность» методики СТАЛЬ.

Изучение способности студентов к пониманию других людей осуществлялось на основе анализ трех параметров: понимания состояния другого человека по его невербальному поведению, точности прогнозирования развития ситуации межличностного взаимодействия, самооценки способности к пониманию других людей.

Результаты проведенного исследования показали, что среднегрупповой показатель толерантности личности у студентов не очень высок и составляет 4,82 балла из 12 максимально возможных. Число респондентов с высоким уровнем толерантности составило 4%, со средним – 47%, низким – 49%.

В ходе исследования нами была сформирована экспериментальная группа, в которую вошли люди с высоким уровнем толерантности. Согласно полученным данным их отличают следующие особенности: они хорошо знают свои сильные и слабые стороны, склонны к анализу собственного поведения, эмоционально устойчивы, спокойны, оптимистичны, могут контролировать свои эмоции и поведение, ощущают себя людьми самодостаточными.

По отношению к другим людям достаточно благожелательны и эмпатичны, склонны доверять им, терпеливы, выдержанны, способны жертвовать своими личными интересами для блага других. Они ценят стабильность в отношениях, испытывают потребность в доверительном общении, ощущают себя до определенной степени зависимыми, при этом страх быть отвергнутыми не довлеет над ними. На данный момент они удовлетворены сложившимися отношениями и общением с близкими людьми.

Социально-психологическая компетентность у них развита на среднем уровне, вместе с тем они успешны в общении, обладают определенными коммуникативными умениями и навыками. Отнюдь не ханжи, открыты к контактам и сотрудничеству, практичны, ответственные, добросовестны, высоко оценивают собственную выносливость и работоспособность, однако мотивация достижений развита средне, способны к совершению альтруистических поступков.

Как субъекты межличностного познания они высоко оценивают собственную способность к пониманию других людей, проницательность. Считают, что другого человека могут понять лучше, чем ситуацию взаимодействия в целом.

Решение социально-перцептивных задач показало, что способность к пониманию состояния другого человека по его невербальным реакциям у них развита на среднем уровне, несколько хуже – способность прогнозировать развитие ситуации межличностного взаимодействия, предполагающая понимание мотивов поведения ее участников.

Итак, проведенное исследование позволило выявить ряд психологических особенностей толерантных юношей и девушек, определить их успешность в понимании другого человека.

ЛИЧНОСТЬ В ОРГАНИЗАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ

Александров В.И.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТОП-МЕНЕДЖЕРА

Актуальность. В современных исследованиях профессиональной деятельности топ-менеджера информация и персонал рассматриваются как основные ресурсы организации в постиндустриальном, информационном обществе. И, одновременно, информация и персонал являются основным предметом профессиональной деятельности топ-менеджеров (П. Друкер, 2007; Р. Дилтс 2016).

Теория и гипотеза исследования. Основываясь на теории Б. Г. Ананьева о билатеральной регуляции и современных концепциях и научных данных из смежных областей психологии управления, нейроменеджмента, управления персоналом, социологии, педагогики, экономики и профессионального обучения взрослых, - сформулирована гипотеза, что команда топ-менеджеров организации выступает в качестве билатерального контура управления организацией, когда на уровне конкретного человека информация соответствует логическому, а персонал организации - эмоциональному контуру регуляции поведения человека, которым - на уровне организации, - соответствует организационная и корпоративная культура организации.

Анализ данных. Эффективность профессиональной деятельности топ-менеджера определяется его способностями результативно работать с информацией и эффективно взаимодействовать с персоналом организации (Б. Гейтс, 2016), что выражается, соответственно, в наличии у топ-менеджера способностей создавать результативно креативную организационную культуру (ОК) и, по отношению к управлению персоналом, - способность создавать эффективную корпоративную культуру (КК) – атмосферу творчества.

Основные выводы и рекомендации. Развитие способностей создавать результативно креативную организационную культуру должно являться предметом профессионального обучения топ-менеджера (включая тайм- и самоменеджмент). А предметом личностного развития рекомендуются рассматривать развитие способностей создавать корпоративную культуру как атмосферу для творчества: включая стресс менеджмент, тренинги создания команды, переговоров командной работы, управления конфликтами, презентаций и другие, в основном, направленные на развитие коммуникативных способностей личности топ менеджера.

Практические рекомендации. В основе комплексных способностей создавать результативную организационную и эффективную корпоративную культуры лежат более частные способности, умения и навыки топ менеджеров, на развитие которых и должно быть направлено профессиональное обучение и развитие личности менеджера. По литературным данным и в наших более ранних работах по обучению менеджеров (В.И. Александров 1997 – 2017 гг) выделяются следующие навыки, для развития которых рекомендуется создавать формы и методы развития способностей менеджеров: 1 – формулировать цели в форме конкретных задач и методов их решения; 2 – способность определять новые тенденции, тренды на основе слабых сигналов; 3 – эффективно работать в условиях неопределенности и постоянного обновления, что предполагает способность к самообучению, саморазвитию и созданию подобной организации; 4 – способность выделять инновационные приоритеты и освобождать ресурсы путем отказа от устаревших как идеологических, так и технологических установок; 5 – быть авторитетом, лидером на основе само менеджмента, стресс и тайм менеджмента; 6 – строить партнерские отношения на основе решения собственных проблем путем решения проблем

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

коллег, - как «с низу», так и «с верху» - на основе профессиональных приоритетов; 7 – создавать результативную организационную культуру на основе нормативно-законодательной базы государства, а не «по понятиям»; 8 – создавать эффективную корпоративную культуру на основе окружающей национальной культуры, менталитета и с учетом индивидуальных различий персонала и толерантностью к инакомыслию; 9 – руководствоваться и внедрять принцип «Парето» 80:20 - «делать приоритетные дела в приоритетном порядке»; 10 – быть способным планировать цели по ходу осуществлению деятельности в условиях неопределенности и быть готовым осуществлять профессиональную деятельность в условиях неопределенности ее целей.

Балина О.В., Мецержкова Э. И.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЛОЯЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ОРГАНИЗАЦИИ

Современный ритм жизни задает условия «напряжения»: повышенная эмоциональная нагрузка, повышенная ответственность за свои поступки и действия других и др. Сотрудник стремится качественно выполнить работу, что невольно усугубляет эти внутренние рассогласования, влияет на снижение уровня лояльности и ощущения психологической безопасности в организации.

Цель исследования: выявление взаимосвязи психологической безопасности и лояльности человека в организации.

Таким образом, чрезвычайно актуальными становятся проблемы повышения и поддержания высокого уровня психологической безопасности человека в организации, связанного с лояльностью. Однако анализ структуры лояльности, условий, определяющих её формирование, планирование действий, направленных на повышение лояльности и ориентированных на сохранение ощущения психологической безопасности человека является фрагментарным и требует четкого определения.

Теоретико-методологический базис: работы по ощущению психологической безопасности личности (М.А. Котик, Г.С. Никифоров, Т.С. Кабаченко, С. А. Богомаз, Н. В. Козлова, А.Г. Гладких и др.); представления о лояльности человека у российских ученых (С. С. Баранская, В. И. Доминьяк, А. В. Ковров, К. В. Харский и др.) и у зарубежных ученых (Н. Lai Wan, E. A. Hoffmann, J. Porter, R. Fischer, J. P. Meyer); положения об уровнях лояльности к организации (Д. Мейер и Н. Аллен, J. Porter, К. В. Харский и др.).

Методы исследования: 1. Психодиагностические: Шкала базисных убеждений (ШБУ) Р. Янов – Бульман (в адаптации О. Кравцовой, 2000); Методика оценки уровня лояльности сотрудника к организации J. Г. Почебут и О. Е. Королевой (2000); Анкета-опросник Джона Мейера и Натали Аллен «Organizational commitment scale» (в адаптации Е. В. Доценко, 2004, перевод В. И. Доминьяка); опросник Лимана Портера «Organizational commitment questionnaire» (в адаптации К. В. Харского, 2003, перевод В. И. Доминьяка); Опросник SF-36 (The Short Form-36, 2008); 2. Статистическая обработка данных в программе IBM SPSS 23.

Обсуждение результатов. Анализ взаимосвязей между показателями психологической безопасности и организационной лояльности человека был проведен с помощью коэффициента корреляции Пирсона (r-Пирсона). В ходе корреляционного анализа обнаружено около 160 пар отрицательных и положительных взаимосвязей. Хотелось бы отметить наиболее высокозначимые взаимосвязи между показателями: «Оценка организационной лояльности» и «Степень самоконтроля» ($r=0,352$; $p=0,0001$), «Оценка организационной лояльности» и

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

«Убеждение относительно собственной ценности» ($r=0,215$; $p=0,024$), «Аффективная лояльность» и «Отношение к благосклонности мира» ($r=0,193$; $p=0,043$), «Аффективная лояльность» и «Убеждение относительно собственной ценности» ($r=0,259$; $p=0,006$) «Аффективная лояльность» и «Психологический компонент здоровья» ($r=0,241$; $p=0,011$), «Продолженная лояльность» и «Физический компонент здоровья» ($r=-0,268$; $p=0,005$), «Продолженная лояльность» и «Физическое функционирование» ($r=-0,219$; $p=0,022$), «Отношение к благосклонности мира» и «Психологический компонент здоровья» ($r=0,403$; $p=0,0001$), «Отношение к осмысленности мира» и «Психологический компонент здоровья» ($r=0,256$; $p=0,007$), «Убеждение относительно собственной ценности» и «Психологический компонент здоровья» ($r=0,360$; $p=0,0001$).

Выводы. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что респонденты, обладающие высоким уровнем чувства психологической безопасности, более лояльны к организации, сотрудниками которой они являются. Они убеждены в том, что события, происходящие в мире, контролируемы, осознают свою ценность и значимость. Стоит отметить отрицательную взаимосвязь показателей физического функционирования, физического компонента здоровья и продолженной лояльности. Это объясняется влиянием климата в коллективе и организации в целом, действиями со стороны руководства, соотношением материального компонента и объемом выполняемой работы, уровня заработной платы.

Балина О.В., Мещерякова Э. И.

ТИПОЛОГИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ЛОЯЛЬНОСТИ

В современных условиях жизнедеятельности при столкновении с различными трудностями на рабочем месте состояние равновесия специалиста нарушается, следовательно, нарушается чувство психологической безопасности и лояльности. Преодолевая возникающие преграды, человек восстанавливает свое «равновесие», наращивает свой потенциал субъекта, что способствует повышению уровня психологической безопасности лояльности. Специалист становится более устойчивым к различным внешним и внутренним угрозам и способным к преодолению новых трудностей.

Цель: выявление типологии взаимосвязи психологической безопасности и лояльности человека в организации.

Актуальность данной работы определяется современными тенденциями развития общества - социально-психологический аспект: с каждым годом увеличивается количество организаций и специалистов. Именно поэтому необходимо психологическое обеспечение профессиональной деятельности, сопровождение специалиста на всем его профессиональном пути.

Теоретико-методологический базис: работы по ощущению психологической безопасности личности (М.А. Котик, Г.С. Никифоров, Т.С. Кабаченко, С. А. Богомаз, Н. В. Козлова, А.Г. Гладких и др.); представления о лояльности человека у российских ученых (С. С. Баранская, В. И. Доминяк, А. В. Ковров, К. В. Харский и др.) и у зарубежных ученых (H. Lai Wan, E. A. Hoffmann, J. Портер, R. Fischer, J. P. Meyer); положения об уровнях лояльности к организации (Д. Мейер и Н. Аллен, J. Портер, К. В. Харский и др.).

Методы исследования: 1. Психодиагностические: Шкала базисных убеждений (ШБУ) Р. Янов – Бульман (в адаптации О. Кравцовой, 2000); Методика оценки уровня лояльности сотрудника к организации Л. Г. Почебут и О. Е. Королевой (2000); Анкета-опросник Джона Мейера и Натали Аллен «Organizational commitment scale» (в адаптации Е. В. Доценко, 2004, пере-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

вод В. И. Доминьяка); опросник Лимана Портера «Organizational commitment questionnaire» (в адаптации К. В. Харского, 2003, перевод В. И. Доминьяка); Опросник SF-36 (The Short Form-36, 2008); 2. Статистическая обработка данных в программе IBM SPSS 23.

Обсуждение результатов. Был проведен кластерный анализ по переменным. Все испытуемые разделены на четыре кластера. Далее факторный анализ. Было получено 5 факторов (59,8%). Для определения особенностей исследуемых параметров в выделенных в ходе кластерного анализа группах был использован однофакторный дисперсионный анализ ANOVA. Хотелось бы отметить самые значимые различия.

На основании множественных парных сравнений четырёх групп по фактору «Состояние здоровья» (переменные: жизненная активность; психическое здоровье; социальное функционирование и др.) можно сказать, что Кластер № 1 отличается более низкими значениями по сравнению с другими тремя группами. Для Кластера № 2 характерны более высокие значения по данному фактору в отличие от групп Кластера № 1 и Кластера № 3.

По фактору «Отношение к себе» (переменные: степень самоконтроля; физическое функционирование): Кластер № 2 отличается более высокими показателями по данному фактору от Кластера № 4 и Кластера № 1.

По фактору «Лояльность к организации» (переменные: нормативная лояльность, аффертивная лояльность и т.д.): для Кластера № 1 характерны более высокие показатели, чем для Кластера № 3. Кластер № 2 отличается более высокими показателями в сравнении с Кластером № 3.

Выводы. На основании результатов можно вывести о том, для респондентов Кластера № 1 характерны сниженные показатели общего состояния здоровья и самооценности, при этом высокой лояльностью к своей организации. Респонденты Кластера № 2 отличаются повышенными показателями жизненной активности, ценности вклада в работу организации, ощущают себя полными сил. Респонденты Кластера № 3 характеризуются повышенными показателями собственной ценности, но сниженными показателями лояльности к организации. Для респондентов Кластера № 4 свойственны средние показатели жизненной активности и лояльности к организации, пониженные показатели собственной ценности.

Болотова А.К.

СТРАТЕГИИ ОПТИМИЗАЦИИ ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТА В БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИЯХ

Оптимизация управления временем или тайм-менеджмент в бизнес-организациях направлена на развитие индивидуальных временных компетенций путем организации тренинг-групп. Наряду с этими стратегиями развивается подход оптимизации управления временем в самой бизнес-организации. Это стратегическое планирование бизнес-процессов во времени, поиск рациональных временных затрат в условиях дефицита времени или неопределенности. Новый поход направлен на способы мобилизации и экономии времени на уровне всей организации. Такие технологии тайм-менеджмента рассматриваются как инструмент управленческой деятельности, который предполагает оптимизацию управления временем не только на интерперсональном уровне, но и на уровне всей организации. Важно не только рассчитывать временные ресурсы и планировать временные затраты в краткосрочной перспективе, но и стратегии развития бизнес-организации в будущем. Главное мобильно и «точно-во-время» реагировать на скорость бизнес-процессов, отвечать оперативно на быстро меняющиеся темпы и скорости глобальных процессов в мире. Компания, оперативно продвигает

гающая свой продукт, становится более рентабельной и развивается эффективнее (Т.Нестик). Приоритеты принадлежат тем бизнес-технологиям, которые создают стратегические горизонты видения Будущего организации, Временные Транспективы ее развития от прошлого к будущему. Такие технологии принято называть «командообразующим тайм-менеджментом».

Стратегии новых технологий – управление временем организации и формирование Временной Перспективы (Ф.Зимбардо). Ценностное отношение ко времени образует «Единый временной кругозор» организации, как его определил известный исследователь времени Поль Фресс. Управление временем и формирование ценностного отношения ко времени на интерперсональном уровне связано с созданием групповых интенсив-тренингов и индивидуального коучинга. Это способствует развитию чувства времени и временных ориентиров, а также осознанию ценности времени как «энергопотенциала человека» в освоении и регуляции собственных временных ресурсов (А.Болотова). Индивидуальную способность к регуляции времени можно рассматривать как способность сохранять психические ресурсы до конца деятельности, устанавливать целесообразную ритмику, темп и динамику действий. Это также способность работать в условиях временного стресса, снимать и противостоять его воздействиям, оперативно использовать и выделять «временные пики», допустимые опоздания и опережения (К. Абульханова). Технологии тайм-менеджмента на индивидуальном уровне способствуют развитию чувства времени и временных представлений таких как: перспективное планирование, анализ временных потерь и временных ловушек, рациональное позиционирование в структуре организации (Ю.Жуков). Традиционные стратегии тайм-менеджмента учитывают индивидуальные особенности восприятия времени («спешащие», «опаздывающие») и отношения ко времени, однако, упускают из виду особенности временных отношений в корпоративных организациях: пространственно-временные характеристики решаемых задач, темп, последовательность и скорость принятия решений, а также сложившиеся в организации нормы отношения ко времени, его ценности (авралы, цейтноты, временные депривации). Новые условия бизнес-активности требуют рационального использования времени на индивидуальном уровне, но более всего на уровне организации, корпоративной команды путем выбора и согласования стратегий и технологий управления временем.

Верецагина Л.А., Киселева А.Г.

ДОМИНИРУЮЩИЕ ПОТРЕБНОСТИ И МОТИВЫ ТОРГОВЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Проблема мотивации трудовой деятельности персонала интенсивно дискутируется на страницах периодической печати. Проводятся многочисленные научно-теоретические и эмпирические исследования, разрабатываются учебно-методические пособия, защищаются диссертации. От эффективности действующей системы мотивации и стимулирования персонала зависит трудовая, социальная и творческая активность любого работника, которая в конечном итоге положительно воздействует на результаты производственно-хозяйственной деятельности всей организации. Для достижения результата важно сочетание профессионального мастерства и трудовой мотивации работников, в силу чего при управлении персоналом необходимо «контролировать» состояние мотивационно-потребностной сферы работников, и, в случае необходимости, использовать специальные приемы их мотивирования и стимулирования.

Цель нашего эмпирического исследования состояла в изучении особенностей деятельности торговых представителей пивоваренной компании «Балтика», определении особен-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ностей мотивационно-потребностной сферы работников, чтобы, ориентируясь на доминирующие потребности и мотивы, разработать практические рекомендации по эффективным приемам мотивирования и стимулирования работников.

Гипотезы исследования: 1) актуальность мотивов и потребностей торговых представителей зависит от возраста работников и стажа их работы в компании; 2) доминирующими потребностями торговых представителей являются материальные потребности и потребности в самовыражении; 3) рабочая направленность торговых представителей доминирует над общежитской направленностью.

Для достижения поставленной цели было проведено эмпирическое исследование. В опыте участвовали 117 торговых представителей компании. Все испытуемые были разделены на три подгруппы по показателю стажа работы в компании: первая группа – сотрудники со стажем работы более 5 лет (40 человек); вторая группа – сотрудники со стажем работы до 5 лет (50 человек); третья группа – сотрудники со стажем работы менее 3 лет (27 человек). Психодиагностические процедуры: 1. Авторская анкета, направленная на сбор социометрических данных и выявление приоритетных мотиваторов; 2. Тест «Формирование положительной групповой мотивации» (автор – В.А. Розанова); 3. Методика диагностики степени удовлетворенности основных потребностей (Метод парных сравнений В.В. Скворцова); 4. Методика «Диагностика мотивационной структуры личности» (автор – В.Э. Мильман); 5. Тест оценки мотивации (автор – В. Герчиков); 6. «Интегральная удовлетворенность трудом» (автор – А. В. Батаршев).

Методы математико-статистической обработки эмпирических данных: методы описательной статистики (вычисление частот, средних значений, процентных соотношений); для определения достоверности различий между подгруппами – U критерий Манна-Уитни; факторный анализ. Компьютерная статистическая обработка данных проводилась с помощью пакета статистических программ SPSS 16.0. Анализ результатов эмпирического исследования.

Результаты исследования показали, что торговые представители, независимо от стажа работы в компании, в целом, удовлетворены своим трудом; кроме того, у всех работников компании доминирует профессиональный тип мотивации (по методике В. Герчикова). Наиболее актуальными для работников со стажем менее 3-х лет являются материальные потребности (по методике В. Скворцова). У работников со стажем работы от 3-х до 5-ти лет доминируют социальные (межличностные) потребности, а у работников со стажем более 5-ти лет наиболее актуальными оказались потребности в признании и самовыражении.

Таким образом, мотивационный пакет сотрудников компании должен быть ориентирован на мотивирование работников, принимая во внимание стаж профессиональной деятельности в компании. Более молодые сотрудники нуждаются в материальных мотиваторах, а более опытные – в обеспечении возможности самореализации, признании и социальных контактах.

Власов П.К.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЗАМЫСЛА ОРГАНИЗАЦИИ

Замысел как процесс в начале формируется в виде эмоций и переживаний, затем в виде некоего объяснительного дискурса, затем во внутреннем диалоге осознаются его причины, затем замысел начинает формализоваться в виде индивидуальных (не социализованных), эмоционально окрашенных значений и концептов. Только потом возникает представление о том, как этот замысел разворачивается в ресурсной модели, социальном контексте и деятельности. В качестве системообразующего фактора для психической системы замысла организации мы

приняли ценностный паттерн «человека-инициатора». Замысел организации зависит от субъективной готовности и объективных условий, которые вместе образуют возможность. Взаимопроникая друг в друга, эти компоненты образуют морфологию замысла – элементы плюс структура связей между ними. Готовность инициатора основана на самооценностях, т.е. ее качество фактически зависит от уровня личностного роста, который опосредует уровень осознания своей собственной системы предпочтений (потребностей). Ценности среды (представляют отражение самооценностей) лежат в основе концепции среды и определении условий как благоприятных для замысла. Этот процесс непосредственно связан со способом организации жизни, который представляет собой способность так связать и осуществить дела и ситуации, чтобы они подчинились единому замыслу, сконцентрировались на главном направлении, т.е. придать им желательный и определенный ход.

Еще раз подчеркнем: замысел – это начальная стадия формирования концепции, а затем проекта организации, который в окончательном варианте количественно формализован, экспериментально или статистически аргументирован, структурирован в соответствии с основными специализациями в деятельности, технологически и нормативно сориентирован на производство и экспорт продукта и коммуникативно интегрирован во все сопутствующие процессы жизнедеятельности. Это значит, что замысел и проект – это два крайних полюса шкалы, характеризующей степень объективации этого психического конструкта. В процессе формализации замысла тематические аспекты, соответственно, будут преобразовываться в концепты.

Винокуров Л.В., Кожина А.А.

ОТЧУЖДЕНИЕ ОТ РАБОТЫ: РОЛЬ ЛИЧНОСТНЫХ, ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ И СТАБИЛЬНОСТЬ ФЕНОМЕНА

Феномен отчуждения от работы (ОР) до сих пор не имеет общепризнанного теоретико-методологического обоснования и единой дефиниции в психологических исследованиях. Мы определяем ОР как субъективно переживаемое состояние, связанное с разрушением межличностных коммуникаций, выражающееся в восприятии субъектом труда беспомощности, бессмысленности, самоотчуждения, социальной изоляции, и проявляющееся в нарушении и ошибках взаимодействия и общения с субъектами труда в результате неудовлетворения значимых потребностей на рабочем месте.

Цель сообщения: обзор соотношения индивидуально-личностных и организационных переменных в содержании конструкта ОР.

Сегодня обсуждаются различные подходы к профилактике и коррекции в случае потенциально ожидаемого ОР. Разработка методов и процедур возможных будущих интервенций и оценка их эффективности предполагают оценку меры «излечимости» отчужденного человека или в какой степени ОР является неизменным атрибутом личности. Решение этой задачи возможно с учетом следующего: 1. Изучение связей ОР с индивидуально-личностными характеристиками. Некоторые исследователи рассматривают ОР как проявление отчуждения личности в целом, указывая на превалирующее значение личностных особенностей человека в возникновении и развитии отчуждения (Maddi, Hoover & Kobasa, 1982; Осин, 2007). Осин Е. Н. (2007) выявлена отрицательная связь смыслового отчуждения с такими личностными показателями, как личностная автономия, субъективное благополучие, личностный динамизм, самоэффективность, интернальность и др. В метааналитическом исследовании Chiaburu, Thundiyl, Wang (2014) обнаружены факторы, инициирующие возникновение ОР: локус контроля и потребность в достижении. Связь ОР с локусом контроля согласуется и с результатами исследований Banai

& Reisel (2004). Анализ родственных конструкторов также подтверждает связь профессионального отчуждения с локусом контроля и самоактуализацией (Егорова, 2007). 2. Изучение влияния факторов рабочей и организационной среды на ОР. Степень организационной формализации и централизации тесно связана с ОР. В метаанализе Chiaburu с сотр. (2014) показано, что в большинстве исследований поддерживающее лидерство, обратная связь и индивидуальный подход к подчинённому оказались отрицательно связанными с ОР. Другим важным фактором ОР является качество рабочих отношений (взаимоотношения субъекта труда с руководителями, менеджерами, сотрудниками, коллегами). Низкая степень удовлетворенности трудовыми отношениями была признана весьма значимым предиктором ОР (Nair & Vohra, 2010). Mottaz с сотр. (1981), Nair & Vohra (2010) подтвердили, что такие факторы, как неадекватные условия труда, низкая значимость работы и отсутствие возможностей для продвижения предсказывают самоотчуждение лучше, чем некоторые индивидуальные факторы. Так было показано, что организационный контекст оказывает большее влияние на ОР, чем возраст и образование, что позволяет говорить об определенной гибкости отчуждения в отношении организационных факторов (изменения на рабочем месте, в сфере руководства или коллектива). 3. Изучение динамики ОР во временной перспективе. Единственное исследование развития ОР в течение длительного периода времени было предпринято Zeller, Neal, Groat (1980), которые измеряли пять аспектов ОР в двух отрезках времени с интервалом в восемь лет. За этот период не было обнаружено существенных изменений в показателях ОР и авторы пришли к выводу – отчуждение является стабильным конструктором, хотя в организации исследовании присутствовали методические допущения (низкая репрезентативность выборки). Kluppertz с сотр. (2014) изучали стабильность ОР в течение одного месяца, выяснив, что ОР остается стабильным при постоянных условиях рабочей среды, но может меняться под влиянием организационных факторов – стиля руководства, социальных взаимодействий на рабочем месте.

Обзор исследований по проблеме ОР приводит к выводу: в неизменных условиях рабочей среды ОР является стабильным во времени конструктором, определяемым личностными особенностями (локусом контроля), но организационные факторы (стиль руководства, социальные взаимоотношения на рабочем месте) оказывают сильное влияние на динамику ОР; существует дефицит лонгитюдных исследований ОР, представленные здесь исследования ОР опирались только на опросный метод.

Воронина О.В., Бельских А.В.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСПЕШНЫХ И НЕУСПЕШНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ, РАБОТАЮЩИХ С МОЛОДЕЖЬЮ

Специфика социальной работы предъявляет к специалисту, среди прочих, психологические требования: должен завоевывать доверие и находить творческое решение проблем клиентов; доброжелательно реагировать на кризисные ситуации, быть посредником и вести переговоры между конфликтующими сторонами (Стандарты классификации практической социальной работы ГОСТ Р 52883-2007 Государственный образовательный стандарт ВПО по специальности «социальная работа» социальный работник).

В теории социальной работы выделяют психофизиологические, психологические и педагогические качества. К профессионально важным психологическим качествам (ПВК), без которых невозможна качественная деятельность специалиста, относятся: сдержанность, настойчивость, самоконтроль, самокритичность, самооценка своих поступков, эмоциональная устойчивость, коммуникабельность, эмпатичность (Холостова Е.И., Кононова Л.И., 2013).

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

В.И. Курбатов разделяет личные качества специалиста на необходимые (отзывчивость, терпимость, человечность, общительность, уравновешенность) и неприемлемые (душевная черствость, грубость, неуважение к людям) (Социальная работа, 2003).

На базе государственного подростково-молодёжного центра (Петербург), было проведено исследование, целью которого было определение представленности ПВК у специалистов (77 чел.) с различной мерой соответствия экспертным оценкам нормативной успешности. Для оценки ПВК, использовался тест Кеттелла и тест Дж.Кинчера «Творческие способности». Эксперты организации выделили группы – «Неуспешные», «Успешные», «Сверхуспешные». Показатели тестов сравнивались в крайних группах – «Сверхуспешных» и «Неуспешных».

Данные подвергались двухфакторному анализу, для интерпретации результатов использовались только значимые показатели, которые соответствовали t -критерию Стьюдента (**, $p < 0,01$; *, $p < 0,05$).

Результаты показали, что «Неуспешные» менее общительны (А; 0,05**), обладают большей доминантностью (Е; 0,04**), уверенностью в себе, социальной смелостью (Н; 0,09*), спокойно относятся к удачам и неудачам (Q3; 0,02**). Адекватно оценивают свои личностные возможности, расхождения между тестовыми и самооценочными показателями обнаружены по двум факторам – аффектотимия (А; 0,04**) и сила «Я» (С; 0,04**). Обладают повышенным творческим потенциалом (0,012*). «Сверхуспешные» неадекватно оценивают: интеллектуальность (В; 0,04**), нормативность (G; 0,02**), смелость (Н; 0,08*), тревожность (О; 0,02**) и подозрительность (L; -0,09*). Эта группа обладает «усреднённым» личностным профилем. Выражены качества личности, которые способствуют выполнению монотонной, однообразной работы. Они обладают готовностью к сотрудничеству, но в целом, не отличаются ни особой ответственностью, ни стремлением к лидерству. Неадекватность в оценке ПВК может свидетельствовать о способности создавать социально одобряемый портрет, умении соответствовать экспертной оценке. Значимых связей между показателями успешности и личностными особенностями не обнаружено.

Таким образом, группа, отвергаемая экспертами, обладает большей выраженностью ПВК. Нормативно-числовые показатели не отражают социально-психологические аспекты деятельности специалистов и, для оценки успешности работы, важны, но не достаточны. Опора, при оценке качества работы, только на формальную оценку оставляет в тени креативных специалистов, способных содержательно отвечать специфическим требованиям неформальной работы с молодежью. Результаты исследования позволили организовать дискуссию среди экспертов организации и аргументировать важность дополнения системы оценки работ содержательными критериями эффективности.

Воскресенская Н.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО ЛИДЕРА

Одной из стратегических целей Госкорпорации «Росатом» является переход от крупного игрока атомной отрасли к глобальному лидерству на международном рынке атомной энергетики. На современном этапе Росатому нужны лидеры, обладающие высокими экспертными знаниями и компетенциями, особенно важной задачей стоит лидерство в области безопасности. Лидеры изменений являются ролевой моделью для всех сотрудников отрасли и лично вовлечены в программы развития руководителей и кадрового резерва.

В настоящее время в атомной отрасли сформулированы корпоративные ценности и модель управленческих лидерских компетенций. Программы развития лидерства охватывают

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

все уровни менеджмента и кадрового резерва. Развитие лидерства интегрировано в ключевые функциональные проекты и стратегические инициативы (глобализация, технологическое лидерство и инновации, развитие производственной системы и др.)

Для адекватного ответа на вызовы современности особые требования предъявляются к психологическим качествам руководителей-лидеров. В основу модели предложен компетентностный подход: Hard skills компетенции (англ. «твердые навыки») как набор профессиональных навыков и умений, связанных с технической стороной деятельности и Soft skills компетенции (англ. «мягкие навыки»), связанные с личностными качествами и установками, а также социальными навыками и менеджерскими способностями.

Hard skills включают в себя: IQ – общий уровень интеллекта; экспертный уровень профессионально-технических знаний, наличие знаний более чем в одной области; навыки управления проектами (деловое администрирование): планирование, организация, эффективность, контроль; умение решать проблемы и принимать решения в ситуациях неопределенности; экспертиза и совершенствование бизнеса; сильная трудовая этика - выполнение работы с высоким уровнем качества; компьютерная грамотность (продвинутые компетенции в работе с программным обеспечением для эффективного обмена информацией).

Soft skills: VQ — коэффициент жизненной энергии, способность руководителей заряжать энергией себя и окружающих; EQ – эмоциональный интеллект как способность распознавать эмоции, понимать намерения, мотивацию и желания других людей и свои собственные; личностные особенности – большая пятерка качеств личности лидера: 1) экстравертированность (и наличие харизмы); 2) доброжелательность (эмпатия); 3) нейтроизм («истинный лидер берет руководство даже тогда, когда его не просят»); 4) добросовестность (честность); 5) открытость новому опыту.

Необходимо к большой пятерке добавить также: внутреннюю референцию – ориентирование на собственное мнение, видение и позицию; личную ответственность – как за то, что сделано, так и за то, что не сделано; стрессоустойчивость – способность сохранять управленческие навыки в ситуации витальной опасности; гибкость и адаптивность – способность адаптироваться к изменениям и управлять несколькими задачами; волевые качества: амбициозность, настойчивость и решительность; межличностные навыки: способность работать в команде, общаться с людьми (убеждение и кооперация) и управлять конфликтами; умение доминировать и управлять другими; резилентность – способность сохранять в неблагоприятных ситуациях стабильный уровень психологического и физического функционирования; асертивность – поведение, сочетающее внутреннюю силу и вежливость к окружающим; проактивность – осознанное желание человека влиять на происходящие вокруг него; коммуникационные навыки: вербальные способности, а также хорошие навыки делового письма. Данная модель позволит осуществлять оценку и развитие качеств руководителя-лидера.

Гранат Е.А.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА СРЕДНЕГО МЕДИЦИНСКОГО ЗВЕНА

Проблема становления личности среднего медицинского персонала становится все более острой, во-первых, в связи с низким уровнем готовности к «помогающей» деятельности у современных студентов; во-вторых, с большой, порой определяющей, ролью, которую играет личность медицинских сестер в эффективности медицинской помощи; в-третьих, в связи со снижающимся социальным и экономическим статусом профессии, связанным с

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

трансформацией ценностных ориентаций в современном обществе; в-четвертых, с отсутствием научно обоснованных моделей формирования эмпатии и других профессионально значимых качеств «помогающей» профессии.

Особенность профессии определена лексемами «медицинская сестра» и «брат», в которых отражено ожидание родственного, безусловно принимающего отношения и готовности к жертвенной помощи. Для обеспечения соответствия этим социальным ожиданиям важно понимать, каковы предпосылки, детерминанты, механизмы и условия становления медицинских сестер, системообразующие для их профессиональной продуктивности личностные качества. Специфика труда специалиста, обеспечивающего сестринскую помощь, состоит в том, что деятельность ориентирована на пациента, поведение и состояние которого определяется особенностями функционирования его организма в период болезни и нарушением социальных связей. У пациента появляются личностные особенности, которые зависят от характера его заболевания. Отсутствие навыков профессионального общения, а, следовательно, психологическая некомпетентность является признаком профессиональной непригодности. В процессе обучения происходят изменения самосознания, направленности личности, определяемые образовательной средой. Происходит освоение системы основных ценностных представлений, развиваются профессионально важные качества, формируется профессиональная пригодность.

В процессе исследования мы определяли влияние социально ориентированных активных и интерактивных методов обучения на уровень эмпатии как профессионально значимого качества у студентов первого курса медицинского университета специальности «Сестринское дело». Гипотетическим предположением стало суждение о том, что применение в процессе обучения активных и интерактивных методов обучения позволит формировать готовность студентов к «помогающей» деятельности, будет способствовать повышению эмпатии. Для оценки эмпатии как личностной особенности использовалась методика И.М. Осупова «Диагностика уровня эмпатии». Получены следующие результаты: высоким уровнем обладали 5% студентов, 48,7% имели средний уровень эмпатии, 36,2% - низкий уровень, 10,1% - очень низкий уровень эмпатии. Большинство студентов на момент начала обучения обладали средним и низким уровнем эмпатии. Во время изучения учебной дисциплины «Психология» были использованы: групповая тренинговая работа, ролевые и деловые игры, обсуждение социально ориентированных видеоматериалов. Для повторного определения уровня эмпатии использовался опросник А. Меграбяна и Н. Эпштейна, выборку составили студенты, прошедшие изучение курса «Психологии». Результаты: повышенным уровнем обладают 5,1% студентов, 50,2% - средний уровень эмпатии, 34,5% - низкий уровень, 10,2% - пониженный уровень эмпатии. Большая часть студентов (84,7%) имеют средний и низкий уровень эмпатии. Таким образом, после использования в образовательном процессе социально ориентированных активных и интерактивных методов выявлена положительная динамика эмпатии, при этом не все будущие медицинские работники демонстрируют высокий уровень профессионально значимого личностного качества, поэтому требуется разработка методов и приемов развития эмпатии, включаемых в основной образовательный процесс.

Профессиональное становление личности специалиста среднего медицинского звена связано с формированием психологической компетентности, необходимостью моделировать образовательный процесс на этапе овладения профессией с учетом механизмов формирования психологической компетенции медицинских работников.

Гуриева С.Д., Тарарухина О.В.

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF SATISFACTION RELATIONSHIPS IN ORGANIZATION

In the context of technology development such as automation, digitization, robotization, on one hand, and of the “epidemic of loneliness” that impacts human health and organizational productivity, on the other, the ability to build, develop, and sustain a system of positive interpersonal relationships is becoming more and more valuable for both individuals and business. This ability becomes especially important in the global context, therefore skills of establishing, developing, sustaining, improving workplace relationships in cross-cultural context is increasingly becoming a new asset class.

In our theoretical research, we studied what relationships look like in the national cultures of countries such as USA, Russia, China, and Sweden, and discovered that differences appear in value, key characteristics, time orientation, and purpose of workplace relationships in those cultures. In our empirical research of cross-cultural differences of satisfaction with workplace relationships in 2012-2016, we studied employees of Russian and American organizations who work in roles of individual contributor, team lead, and middle manager, using the following methods: T. Leary’s Interpersonal circumflex (both «Real Me» and «Ideal Me» scales); projective methods of «Incomplete sentences» by J. Sacks and S. Levy (author’s version); content analysis, which was used for qualitative analysis of the results obtained with the projective methods. Data analysis included content analysis, analysis of the significance of differences (Chi-square, Mann-Whitney U), correlation analysis (Spearman’s rho), analysis of variance, one-factor ANOVA analysis, IBM SPSS Statistics 20.0. We determined a significant difference between Russian and American samples in 7 out of 10 scales of the Incomplete Sentences: attitude to work, attitude to self at work, attitude to others at work, attitude to higher leaders, attitude to attachment, attitude to others at work, expectations, and being open/closed to vulnerability. There was no statistically significant difference identified for 3 other scales: attitude to tension, moral principles, and attitude to coworkers. Some of the findings demonstrate that emotionally, Russians feel more positively about their work, higher leaders, attachment, to other people at work, and expectations from others. Employees in both countries feel rather negatively about vulnerability at work, but Russians even more than Americans, who also tend to be more confident at work than Russians. Our factor analysis (key components method that allows consolidating several variables in one factor) of the structure of satisfaction with interpersonal workplace relationships in USA and in Russia revealed that assertiveness (one’s ability to be firm, honest, and friendly at the same time) is key to a satisfying workplace relationship in both countries. This set of characteristics in relationship allows one to facilitate maximization of satisfaction for both workplace relationship partners. However, it also revealed that the content of assertiveness differs in both countries. In other words, assertiveness has cross-cultural differences. Assertiveness in Russia is accentuated by modesty, empathy, decency, and positive attitude to coworkers. Assertiveness in the USA is characterized by looking to share responsibility with others.

Кобзева Е.В., Верещагина Л.А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОЙ РАБОТЫ ОПЕРАТОРОВ CALL-ЦЕНТРА

С возникновением call-центров у компаний появилась возможность более быстрого обслуживания своих клиентов, а также снизилось влияние географического фактора. Контактный центр может дистантно предоставлять информационную поддержку по продукции или услуге, проводить маркетинговые опросы и получать от клиентов обратную связь. Та-

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

ким образом, call-центр выступает в роли основного конкурентного преимущества компании. Вместе с тем, профессия оператор call-центра является малоизученной, как в отечественной, так и зарубежной литературе, в особенности это касается мотивационной сферы. Ежедневно операторы сталкиваются с большим потоком информации, им приходится работать в условиях постоянного напряжения. Это приводит к тому, что многие увольняются, не проработав и года. Для большинства затрачиваемые усилия являются несоразмерными уровню заработной платы. Поэтому перед руководителями call-центров стоит задача разработки такой системы стимулирования, которая позволит сократить текучесть кадров и побудить сотрудников к труду с наибольшей отдачей. Повысить результативность и эффективность труда можно через познание структуры мотивов и потребностей.

Цель нашего эмпирического исследования заключалась в изучении особенностей деятельности специалистов call-центра, а также выявлении и описании актуальных потребностей и доминирующих мотивов работников для разработки наиболее эффективных способов стимулирования.

В исследовании приняло участие 122 сотрудника call-центра (женщины), которые работают в крупной компании, расположенной в Санкт-Петербурге, оказывающей услуги в сфере общественного питания. Средний возраст испытуемых 27 лет (от 19 до 48 лет); средний стаж работы в call-центре – 1,5 года (от 1 месяца до 5 лет). Были представлены 3 должностные позиции: операторы, сотрудники аналитического отдела и сотрудники отдела контроля качества.

Для изучения мотивационной направленности применялись методики: «Диагностика мотивационной структуры личности» (автор В.Э. Мильман), для выявления актуальных потребностей – методика «Потребности или парные сравнения» (автор В.В. Скворцов), для оценки удовлетворенности трудом – Тест «Удовлетворенность работой» (автор А.В. Розанова), для исследования личностных особенностей – «Пятифакторный опросник личности» (адаптация А.Б. Хромова). Кроме этого была разработана авторская анкета для определения важных характеристик работы.

Результаты исследования были проанализированы с использованием статистического и корреляционного анализа, однофакторного дисперсионного анализа. Достоверность различий между выборками определялась при помощи Т-критерия Стьюдента. Для обработки данных использовалась программа SPSS Statistics 22.0. Результаты эмпирического исследования показали, что доминирующими мотивами работников call-центра являются мотивы творческой активности, общения и социальной полезности. К актуальным потребностям относятся самовыражение и материальные потребности. В целом, работники call-центра удовлетворены характером и содержанием работы, состоянием рабочего места, возможностью продвижения, руководством, коллективом и заработной платой.

Обнаружены значимые различия по выраженности мотивов и потребностей у групп работников, выполняющих различные профессиональные обязанности. Так, сотрудники отдела контроля качества и операторы различаются по уровню выраженности мотива социальная полезность и уровню рабочей направленности. Кроме того, сотрудники отдела контроля качества более эмоционально устойчивы, чем операторы. Анализ результатов авторской анкеты позволил составить перечень мотиваторов для сотрудников call-центра: денежное вознаграждение (зарплата, премии), гибкий график работы, благоприятный климат в коллективе, лояльное отношение руководства, возможность карьерного роста. Сотрудники call-центра больше ориентированы на финансовую составляющую работы, чем на содержание деятельности.

На основании результатов исследования разработаны практические рекомендации по оптимизации мотивирования сотрудников с целью повышения эффективности работы call-центра.

Котлярова Л.Н.

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА «КРЕАТИВНОЕ ПОЛЕ» В ПРАКТИКЕ
ОЦЕНКИ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА СОТРУДНИКОВ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ**

Перечень профессионально-личностных компетенций, которыми должны обладать сотрудники правоохранительных органов России, закреплены в законодательных актах. Так, в методических рекомендациях по организации работы по приему на службу в органы прокуратуры г. Москвы указывается на то, что оценка кандидатов проводится на основании трех критериев: профессионального, медицинского и психологического. При проведении психологического обследования оцениваются: морально-нравственные качества и мотивационные характеристики; познавательные способности; эмоционально-волевые; коммуникативные качества (Методические рекомендации по организации работы по приему на службу в органы прокуратуры г. Москвы). Специалистами в области кадрового менеджмента подчеркивается необходимость в разработке и внедрении новых современных методов диагностики личностного потенциала кандидатов на вакантные должности правоохранительных органов.

Цель настоящего исследования – раскрыть возможности использования метода «Креативное поле» для выявления показателей личностного потенциала у будущих сотрудников правоохранительных органов.

В исследовании (являющегося частью более масштабного, проведенного в период с 2015 г. по 2017 г.) приняли участие студенты юридического университета (N=226).

Методологической основой проведенного нами исследования являлась концепция типологии творчества Д.Б. Богоявленской (Богоявленская Д.Б., 2009). Для выявления способностей к проявлению творчества в профессиональной деятельности использовался метод «Креативное поле», позволяющий выявить три уровня интеллектуальной активности: стимульно-продуктивный (СП), эвристический (Эв) и креативный (Кр). В рамках данного метода использовались задачи, разработанные на материале уголовно-процессуального права.

После выделения трех типологических групп, для каждой из них составлены профили, отражающие показатели личностного потенциала (характерологические черты, формально-динамические свойства индивида, мотивационные свойства). Для выявления формально-динамических свойств индивида использовалась методика В.М. Русалова (2012). Личностные особенности определяли с помощью многофакторного опросника Р.Б. Кеттелла (16PF). Мотивационные особенности изучались с помощью методики В.Э. Мильмана (2005).

Полученные в исследовании данные были подвергнуты математико-статистической обработке, применялся факторный и сравнительный анализ.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в группе «Кр» (креативный тип) в мотивационном профиле отчетливо выражены: производительная мотивационная направленность, вовлеченность в деятельность и увлеченность трудом; высокие показатели по факторам эргичности, пластичности и скорости в интеллектуальной сфере, выраженная самодостаточность (фактор Q2) и высокий самоконтроль (фактор Q3). Аналогичные профили личностного потенциала составлены для других типологических групп («СП» и «Эв»).

Полученные в исследовании данные позволяют констатировать существование устойчивых связей между типами творческой активности, характеристиками мотивационной направленности, характерологическими и формально-динамическими личностными качествами.

Выявленные закономерности использовались для разработки рекомендаций по организации образовательно-воспитательной среды, способствующей формированию у будущих юристов профессионально важных личностных качеств, необходимых для службы в правоохранительных органах.

Круглов В.Г.

САМООЦЕНКА ПОТРЕБИТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР ОТНОШЕНИЯ К ПОКУПКЕ КОСМЕТИКИ

Цель исследования заключалась в построении эмпирической модели отношения к покупке отечественной и зарубежной косметики в зависимости от самооценки потребителя. Косметические товары – одна из продуктовых категорий, в которых российские производители успешно конкурируют с западными. Условием эффективной стратегии является знание мотивов потребителей, понимание психологических механизмов принятия решений и определение возможных способов влияния на итоговый выбор.

Теоретическая модель опиралась на модель Келлера, в которой выделяются функциональные и символические компоненты бренда.

Если исключить личный опыт использования товара, представление о символических аспектах марки формируется, в первую очередь, образами рекламы. Реакция ее реципиентов зависит от соответствия воспринимаемой «личности марки» их образу Я («Соответствие личности»). Представление о функциональных характеристиках напрямую формируется рекламными аргументами и степенью согласия с ними («Согласие с аргументами»). На отношение к компонентам марки, которые репрезентированы в рекламе, влияют личные ценности реципиентов. В свою очередь, связи между «Соответствием личности», «Согласием с аргументами» и отношением к покупке данной марки опосредованы уровнем самооценки потребителя. При высокой самооценке, смысл косметики может заключаться в поддержании привлекательности и решении возможных проблем, а при низкой – в повышении привлекательности (как средства для роста самооценки).

Чтобы устранить возможное влияние репутации известных косметических брендов, был выбран экспериментальный дизайн исследования, в котором респондентам предъявлялась информация о несуществующих марках (искусственно сконструированных). На первом этапе, в серии интервью были выделены наиболее убедительные (1) аргументы в пользу покупки отечественных и зарубежных косметических брендов. Кроме того, были определены не указывающие на страну происхождения, но одинаково привлекательные (2) названия для «брендов» и (3) фотографии моделей, отражающих разные стили жизни. Наконец, были выбраны одинаково привлекательные (4) символы стран-производителей (русская баня и финская сауна).

На втором этапе выборка из 208 женщин в возрасте от 18 до 35 лет была разделена на 8 групп, соответствующих 8 экспериментальным условиям, в которых варьировались: порядок предъявления двух «марок» - отечественной и финской; их названия; образы рекламных моделей (носителей двух разных жизненных стилей).

При этом имитировались страницы официальных сайтов реально существующих брендов. Каждый респондент рассматривал «сайт» отечественной (или финской) «марки», и оценивал степень соответствия ее «личности» своему образу Я. Затем предъявлялась финская (или отечественная) «марка», после чего респондент давал аналогичную оценку. Далее оценивались аргументы в пользу выбора отечественной либо зарубежной косметики. После оценок отношения к покупке, респонденты оценивали самооценку по шкале Розенберга и выполняли методику Ш. Шварца в адаптации В.Н. Карандашева («Профиль личности»).

Результаты исследования позволили сделать следующие основные выводы:

1. Уровень самооценки меняет состав и удельный вес предикторов отношения к покупке косметики.
2. У потребителей с высокой самооценкой предикторами отношения к покупке является как согласие с аргументами в ее пользу, так и несогласие с аргументами в пользу альтернатив-

ной марки. У потребителей со сниженной самооценкой вклад аргументов в пользу альтернативной марки отсутствует.

3. Удельный вес «Соответствия личности» как предиктора отношения к покупке выше у потребителей со сниженной самооценкой.

4. Ценностные приоритеты потребителей связаны с отношением к покупке марок косметики опосредованно, через связи с отношением к рекламной информации. Эти связи сильнее выражены у респондентов с высокой самооценкой.

Круглова М.А., Буданова А.А.

ОСОБЕННОСТИ ОЩУЩЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО КОМФОРТА У РАБОТНИКОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

В последнее время как в нашей стране, так и за рубежом, становится очевидным сильное воздействие рабочих стрессов на сотрудников, что приводит не только к большой текучести кадров, ухудшению эффективности рабочей деятельности, уменьшению качественных показателей производимой продукции, но и к ухудшению психического здоровья индивидуумов, нестабильности их самочувствия и уменьшению параметра субъективного комфорта.

Насколько бы ни был человек оптимистично настроен или жизнерадостен, при выгорании, он устает не только психологически, но и физически, в реальности истощая свои ресурсы. Когда нет сил на восстановление ресурсов, их нет и на то, чтобы «радоваться» жизни, поэтому сложно говорить о том, что в состоянии выгорания человек чувствует себя комфортно и благополучно, даже находясь вне рабочего пространства (Arnold B. Bakker, Patrícia L. Costac, 2007).

Некоторые стадии выгорания включают в себя такие аспекты, как обвинения: себя или других, гнев, а также тоску и одиночество. В результате выгорания, нарушаются коммуникационные связи, деловые и личные контакты, могут провоцироваться конфликты (C. van Stolk, J. Hofman, M. Hafner, B. Janta, 2014; D.L. Blustein, 2008). Все это способствует тому, чтобы человек перестает ощущать себя приемлемо и адекватно во всех сферах его жизнедеятельности. Можно заметить, что выгорание похоже на болезнь, которая делает человека слабым, но в тоже время агрессивным, озлобленным. Зачастую, выгоревший или выгорающий сотрудник ищет виновных в своем состоянии отнюдь не на работе, а там, где это сделать проще – кто слабее, кого обвинить не составляет труда. Так он теряет социальную поддержку, которая хоть как-то препятствовала выгоранию, и ситуация усугубляется. Далее сотрудник уже не способен справиться с ней сам (W.B. Schaufeli, 2008).

Нами было проведено пилотажное исследование особенностей субъективного комфорта у работников социальной сферы.

Гипотезы заключались в том, что наличие у индивида средней или тяжелой степени выгорания приводит к уменьшению его субъективного комфорта и ухудшению некоторых показателей психического здоровья, связанных с ролевым и социальным функционированием и жизненной активностью.

Выборка: 80 человек – сотрудники Управления Социальной Защиты Населения и Отдела Социальной Помощи Населению.

Методы сбора эмпирических данных: Методика выявления эмоционального выгорания К. Маслач (Водопьянова Н.Е., 2009), Шкала оценки субъективной комфортности А.Б. Леоновой (Водопьянова Н.Е., 2009), Общий опросник здоровья SF – 36 (Недошивин А.О., 2000). Методы статистической обработки: описательные статистики, факторный анализ, корреляционный анализ (линейная корреляция Пирсона), регрессионный анализ.

Было установлено, что в среднем социальные работники, которые осуществляют свою деятельность путем опосредованного контакта, проявляют несколько более высокую оценку своего субъективного комфорта, нежели респонденты с непосредственным контактом с клиентами. Вероятно, это связано с тем, что у соцработников, которые осуществляют свою трудовую деятельность путем непосредственного контактирования с другими людьми, с наибольшей вероятностью развивается синдром профессионального выгорания и они более подвержены регулярному стрессу из-за взаимодействия с другими людьми и получения от них агрессии и негативных эмоций. Контакт с клиентами требует от сотрудников большой выдержки и жизнестойкости, однако при регулярном контакте и постоянном испытывании стресса, психические и физические ресурсы человека истощаются и подрывается его гармоничное самоощущение, субъективный комфорт и психологическое благополучие.

Регрессионный анализ выявил наличие взаимозависимости эмоционального истощения и субъективного уровня комфорта. Таким образом, ощущение благополучности и жизнестойкости, которые присущи высокому уровню субъективного комфорта, не могут достигаться человеком, который испытывает постоянный стресс и не имеет ресурсов для того, чтобы бороться с ним.

Лепехин Н.Н.

ЛИЧНОСТНЫЕ И МОТИВАЦИОННЫЕ ПРЕДИКТОРЫ СТИЛЯ РУКОВОДСТВА У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Исследование стиля руководства актуально на протяжении десятилетий, поскольку достижение целей организации требует от руководителя различных подходов (Sousa, 2018; Kasaroğlu, 2013). Отмечается стимулирующее влияние стиля лидерства для достижения высоких результатов в сфере продаж (Rapp и др., 2015; Verbeke и др., 2016; Vieira и др., 2018). Личностные характеристики модели Big-Five в значительной степени связаны со стилем руководства (Judge и др., 2002; Kaiser, Hogan, 2011). Мотивационные диспозиции также анализируются в качестве предикторов стиля руководства (Hassan и др. 2016). Вслед за Левиным исследователи выделяют три стиля руководства (Журавлев, 2005).

В исследовании проверялась гипотеза о взаимосвязи выраженности стиля руководства, личностных факторов и мотивационных диспозиций. Выборка: 250 менеджеров низшего и среднего звена коммерческих организаций: общественное питание, розничные и оптовые продажи, гостиничный бизнес и др., в возрасте от 22 лет до 60 лет, 90 мужчин, 160 женщин. Использовались опросники: стиль руководства Журавлева; мотивация профессиональной деятельности, Замфир, адапт. Реана; индекс стремлений (шкала вероятность), Деси, Райан, адапт. Котельниковой; пятифакторный личностный опросник, Коста, МакКрае.

Результаты. Регрессионный анализ по всей выборке с помощью пошагового метода показал, что предикторами директивного стиля ($R = 0,486$, $R^2=236$) являются: экстраверсия – $\beta = 0,298$, $p<0,000$; согласие $\beta = - 0,429$, $p<0,000$; нейротизм – $\beta = 0,200$, $p<0,002$; стремление к богатству – $\beta = - 0,209$, $p<0,003$. Предикторами попустительского стиля ($R = 0,494$, $R^2=244$) являются: нейротизм – $\beta = 0,197$, $p<0,02$; экстраверсия – $\beta = - 0,208$, $p<0,02$; самоконтроль – $\beta = - 0,177$, $p<0,006$; служение обществу – $\beta = - 0,223$, $p<0,000$; внутренняя мотивация – $\beta = - 0,174$, $p<0,003$. Предикторами коллегиального стиля ($R = 0,376$, $R^2=142$) являются: согласие $\beta = 0,332$, $p<0,01$; нейротизм $\beta = - 0,171$, $p<0,02$; стремление к личностному росту – $\beta = 0,225$; стремление к известности – $\beta = 0,216$ ($p<0,04$).

Преобладающим по всей выборке является использование коллегиального стиля, однако у мужчин по сравнению с менеджерами-женщинами более выражено использование как

директивного – $p < 0,000$, так и попустительского стиля – $p = 0,002$. Определение предикторов стиля руководства у мужчин с помощью пошагового регрессионного анализа показало следующие результаты. Директивный стиль — $R = 0,474$, $R^2 = 224$, предикторы: нейротизм – $\beta = 0,325$; согласие $\beta = -0,342$, $p < 0,001$; экстраверсия – $\beta = 0,208$, $p < 0,04$.

Попустительский стиль — $R = 0,677$, $R^2 = 458$, предикторы: нейротизм – $\beta = 0,261$, $p = 0,003$; согласие $\beta = -0,210$, $p < 0,01$; служение обществу – $\beta = -0,251$, $p < 0,02$; личностный рост – $\beta = -0,221$, $p < 0,05$; внутренняя мотивация – $\beta = -0,178$, $p = 0,05$.

Коллегиальный стиль — $R = 0,467$, $R^2 = 218$, предикторы: открытость – $\beta = 0,324$, $p = 0,004$; нейротизм $\beta = -0,259$, $p < 0,01$; согласие $\beta = 0,212$, $p < 0,04$.

Определение предикторов стиля руководства у женщин с помощью пошагового регрессионного анализа показало следующие результаты. Директивный стиль — $R = 0,542$, $R^2 = 294$, предикторы: экстраверсия – $\beta = 0,377$, $p < 0,000$; согласие $\beta = -0,513$, $p < 0,000$; самоконтроль – $\beta = 0,208$, $p < 0,03$; нейротизм – $\beta = 0,159$, $p < 0,03$; материальное благополучие – $\beta = 0,230$, $p < 0,01$. Попустительский стиль — $R = 0,392$, $R^2 = 154$, предикторы: самоконтроль – $\beta = -0,303$, $p < 0,000$; нейротизм – $\beta = 0,155$, $p < 0,04$; внутренняя мотивация – $\beta = -0,181$, $p < 0,02$. Коллегиальный стиль — $R = 0,427$, $R^2 = 183$, предикторы: согласие – $\beta = 0,463$, $p < 0,000$; создание отношений – $\beta = 0,362$, $p < 0,004$; здоровье – $\beta = -0,402$, $p < 0,006$; стремление к известности – $\beta = 0,313$, $p < 0,01$.

Стиль руководства взаимосвязан с личностными факторами Big-Five, а также мотивационными диспозициями, при этом модели предикторов использования директивного, попустительского и коллегиальных стилей у менеджеров мужчин и женщин различны.

Маничев С.А., Старикова М. А.

ЛИЧНОСТЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА

Рассмотрение трудовой деятельности работника в профессиональном контексте означает описание биографии сотрудника как последовательной смены рабочих мест и организаций, но в рамках профессии. Это соответствует тому, что мы называем профессиональной карьерой.

Однако на сегодня отсутствует модель, которая связывает профессиональное развитие не только с характером профессиональных задач в предметной области, но и с характеристиками конкретного контекста профессионального развития – особенностями организаций, в которых может работать профессионал и которые являются ресурсом его развития, а не только эффективности на рабочем месте. Необходимо также выделить личностные характеристики работника, которые в совокупности с характеристиками организаций образуют личностный потенциал профессиональной карьеры.

Поэтому основная задача исследования карьеры в рамках профессии – построить модель, которая связывает профессиональную успешность, с одной стороны, и конкретные позитивные или негативные для профессионального успеха характеристики организаций в которых исполняются профессиональные роли, с другой стороны. Кроме того модель, должна включать те характеристики работника, которые могут проявиться в этом контексте, позволяя использовать предоставляемые контекстом возможности как инструменты развития и образуют личностный карьерный потенциал.

Современные изменения в глобальном контексте приводят к новому типу карьеры: карьере «без границ» («boundaryless career») с акцентом на мобильность, смену организаций, потенциальные возможности и рабочее окружение, с частичной утратой значения административного карьерного пути (Arthur M.B., 1994). Профессиональный успех все в большей сте-

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

пени зависит от того насколько человек способен занять проактивную позицию и управлять своей карьерой, используя те стратегии и способы действий, который возможны в организации. Такой подход в общем аналогичен конструктивистской контекстуальной теории действий (Young, Valach, & Collin, 1996), но, к сожалению, в этой концепции практически не представлены характеристики организационного контекста.

В проведенном исследовании изучались паттерны поведения для достижения карьерного успеха (личностный карьерный потенциал) и характеристики организаций, способствующие реализации карьерного потенциала (выборка работников логистического предприятия, N = 201). Оценивались также профессиональные компетенции участников исследования. В исследовании использовались объективные и субъективные критерии успешности карьеры: успех карьеры – показатель объективной успешности (количество полученных ранее предложений карьерного роста и осуществленных повышений); удовлетворенность профессией – субъективный показатель успешности (самооценка того, насколько работа соответствует потребностям, интересам, личности, ощущения того, что работа – это призвание, сама по себе важная и значимая деятельность). Характеристики организационного контекста, а также характеристики карьерного потенциала работника (настойчивость и адаптивность в построении карьеры, влияние на коллег по работе) оказались предикторами субъективного показателя успешности (удовлетворенность профессией). Но связь между ними в значительной степени опосредствуется медиаторами: такими поведенческими характеристиками, как ориентация деятельности на карьерные цели, а также уровнем профессиональной мобильности и характеристиками организации как фактора успеха.

Объективный успех карьеры не обнаружил прямых связей ни с карьерным потенциалом работника, ни с характеристиками организационного контекста деятельности.

Оказалось, что модератором связи объективного успеха с карьерным потенциалом работника является компетентность работника в организации решения рабочих задач. У работников с более высоким уровнем задачной компетентности объективный успех зависит от сочетания адаптивности работника с его профессиональной мобильностью (готовностью сменить сферу деятельности и место работы).

Натаров В.И.

«НАДЕЖНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА» В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Актуальность изучения проблемы надежности «человеческого фактора» (НЧФ), определяется тем, что надежность кадров (НК) более чем на 50% определяет надежность системы обеспечения безопасности (СОБ) в целом, которые могут идти в «плюс» или «минус» в зависимости от уровня лояльности и благонадежности кадров (Александров В.И., 2016). Кроме того, человек как личность выступает, одновременно, как субъект и как объект системы обеспечения безопасности организации, которая являлась объектом нашего исследования – более 70 организаций.

Предметом исследования выступала НЧФ в системе комплексной защиты информации в сфере защиты государственной тайны (ЗГТ). Эта надежность рассматривается в исследовании на четырех уровнях организации СОБ, когда НЧФ является результатом развития зрелости (1) профессиональной, (2) корпоративной, (3) организационной культуры организации и (4) зрелости системы управления мотиваций кадров (с позиции лояльности и благонадежности персонала).

Анализ результатов. Сложность создания НЧФ в СОБ, защиты информации и ЗГТ заключается в том, что: 1. Информация и личность персонала ей владеющая являются основ-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ным ресурсом современной организации в условиях информационного общества и возрастания конкурентных войн; 2. Информация и личность персонала являются основным объектом посягательства служб экономического, государственного шпионажа и конкурентных разведок; 3. Информация, личность и команда кадров в условиях кризиса или развития организации является основными конкурентными преимуществами и поэтому нуждаются в постоянном внимании и совершенствовании технологий защиты основных конкурентных преимуществ организации как от внешних, так и от внутренних угроз.

Выводы: 1. Информация и кадры являются, одновременно, объектом и субъектом системы обеспечения безопасности (СОБ) организации. Поэтому «человеческий фактор» является одновременно и самым «слабым», и самым «сильным» звеном СОБ и ЗГТ, - в зависимости о уровня зрелости «Информационно-коммуникативной культуры организации» как реализации миссии организации по отношению к интересам государства и общества. 2. «Информация и личность», как объект СОБ, анализируются в контексте развития 4-х выше отмеченных уровней и видов зрелости организации и организационного поведения персонала. 3. Как субъект СОБ «информация и личность» обеспечивают развитие внутри корпоративной лояльности кадров, которая проявляется как благонадежность персонала по отношению к первым лицам организации. Поэтому КК может быть основой профилактики профессионального, национального «рейдерства» со стороны группы лиц объединенных в группы по национальному, профессиональному, семейному, социальному признаку – если интересы этой группы или организации, в которой работают кадры, - противоречат национальным интересам государства.

Новизна и практические рекомендации. Выявлено, что НЧФ на основе развития корпоративной культуры (КК), определяет степень лояльности кадров к руководству своей организации. В целом, КК определяет соответствие профессионального поведения персонала организации национальным, общественным интересам государства и проявляется в форме корпоративного патриотизма. Поэтому рекомендуется проводить аттестацию КК организации на ее лояльность интересам общества.

НЧФ на уровне организационной культуры (ОК), рассматривается как реализация нормативно-законодательной базы государства в деятельности организации. В целом, ОК является основой для развития благонадежности кадров организации, как элемента системы государственной безопасности.

Рекомендуется рассматривать уровень развития орг.культуры, как определяющий фактор аттестации организации на благонадежность в целом - как основы создания системы ЗГТ и как формы благонадежности организации в целом. Поэтому рекомендуется проводить аттестацию КК организации как показатель уровня развития патриотизма и, следовательно, профилактики рейдерства в системе ЗГТ и рейдерства.

Небахарева В.А., Круглов В.Г.

МОТИВЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЖАНРОВ ВИДЕОИГР

Жанр видеоигры входит в состав ее важнейших характеристик. Он представляет собой системно организованный набор установленных в игре правил и возможностей. Понимание причин выбора видеоигр и их жанров важно как с практической точки зрения (учитывая растущую прибыльность отрасли и перспективы ее доминирования на рынке развлечений), так и с теоретической стороны (фактически, это вопрос о том, что движет человеком при выборе привлекательной «модели мира»).

Цель нашего исследования заключалась в выявлении мотивационных предикторов отношения к различным игровым жанрам.

Согласно теории использования и вознаграждения, пользователь осознанно выбирает видеоигру как потенциальный источник удовлетворения своих потребностей. При этом он может судить о перспективах такого удовлетворения на основании личного опыта, отзывов других игроков, контекстной информации и т.д. Игровая деятельность осуществляется так, чтобы получить важные для игрока психологические вознаграждения (гратификации) (Sharkov M. et al., 2015). Поэтому важность отдельных гратификаций может быть предиктором отношения к разным жанрам, по умолчанию предлагающим неодинаковые возможности их получения. Этот подход был реализован в ряде исследований, но объяснительная сила полученных эмпирических моделей оказалась невелика.

Мы предположили, что причинами являются (1) ограниченный набор гратификаций в использованных ранее шкалах и (2) изначально узкий подход к оценке мотивационных профилей игроков. Фактически, гратификации концептуализируются и оцениваются как цели игровой деятельности. Поэтому мы расширили теоретическую модель исследования, опираясь на системный подход Г.В. Суходольского к анализу деятельности, в котором выделяется 4 аспекта: морфологический, аксиологический, праксиологический и онтологический. Аксиологический аспект предполагает анализ потребностей, ценностей, мотивов, целей и оценок результатов деятельности. Соответственно, на первом этапе исследования была проведена серия интервью с игроками, в которой выявлялись основные области игровых задач и связанные с ними цели. В другой серии интервью с психологами, обладающими игровым опытом, были выявлены игровые действия соответствующие (1) потребностям из классификации Мюррея, (2) ценностям из классификации Ш.Шварца и (3) базовым категориям компетенций Д. Бэртрама. Они стали основой шкалы оценки мотивов игроков. После тематического анализа и предварительного тестирования вопросника, было отобрано 75 пунктов.

На втором этапе исследования был проведен опрос 347 игроков в возрасте от 14 до 45 лет (190 мужчин и 157 женщин). Помимо шкалы оценки мотивов, в батарею вошла шкала отношения к жанрам видеоигр на основе типологии А.Роллинга и Э.Адамса и шкала CGS М. Шаркова для оценки субъективной важности игровых гратификаций (Матвеев Ф.Г., 2017). Кроме того, респонденты указывали названия своей любимой видеоигры и ее жанр, продолжительность и частоту игр, и другие индивидуальные характеристики.

Результаты исследования позволили сделать следующие основные выводы:

1. Выделены 5 основных игровых гратификаций (Эскапизм, Достижение, Знакомства, Команда, Победа) и 8 мотивов (Вызов, Помощь, Агрессия, Отдых, Сексуальность, Безопасность, Конформность, Власть).
2. Отношение к жанрам видеоигр и их выбор определяется как целями игроков (гратификациями), так и их мотивами, отражающими ценностные и потребностные аксиологические компоненты игровой деятельности. Введение мотивов в регрессионные модели отношения к жанрам видеоигр позволяет существенно повысить их объяснительную силу.
3. Мотивы игроков объясняют значительную долю дисперсии оценок значимости игровых гратификаций (кроме Эскапизма).

Сарачук Ю.А., Натаров В.И.

СТРЕСС И ТАЙМ МЕНЕДЖМЕНТ КАК МЕТОДЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕФОРМАЦИИ И ВЫГОРАНИЯ ЛИЧНОСТИ ТОП-МЕНЕДЖЕРА

Актуальность проведенного исследования определяется тем, что, во-первых, в современных организациях работа первых лиц на 80 – 90% определяют как результативность работы организации в целом, так и потенциал персонала (Никифоров Г.С., 2015). И, во-вторых, исследования взаимосвязи профессиональной деятельности и ряда психосоматических болез-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ней показали, что руководители фирм в восемь раз чаще страдают от стресса и, как следствие, выгорания личности, чем представители других профессий (Шейн С.М., 2017).

Поэтому объектом исследования были топ-менеджеры организаций, которые обучались на КПК «Защита гос.тайны» по теме «Надежность человеческого фактора в системах обеспечения безопасности» - более 400 человек в возрасте от 25 до 70 лет.

Теоретической основой исследования являются идеи Б.Г. Ананьева (1980) о билатеральной регуляции целостного поведения, как высшего контура регуляции поведения человека, что сформулировано в нашей работе в виде гипотезы, что организационная культура организации определяет результативность, а корпоративная культура – эффективность профессиональной деятельности персонала (Натаров В.И., 2016; 2017). И, что, соответственно, недостатки организационной культуры проявляются, как профессиональная деформация кадров, а недостатки корпоративной культуры – как профессиональное выгорание персонала.

Предмет исследования: профессиональная зрелость руководителя как основа профилактики деформации и выгорания личности топ-менеджера.

Гипотеза: развитие профессиональной зрелости руководителя (ПЗР), является основой для профилактики основных форм психосоматических заболеваний в условиях профессиональной деятельности – профессионального выгорания и деформации личности руководителя.

И, что, соответственно, недостатки организационной культуры проявляются, как низкий уровень тайм менеджмента и как профессиональная деформация менеджера. А недостатки корпоративной культуры – как низкий уровень стресс-менеджмента и профессиональное выгорание – как самого руководителя, так и подчиненного ему персонала. Методы исследования определялись целями и задачами каждого из этапов исследования: консультирование, наблюдение, анализ проблем и поведения руководителей в сложных ситуациях, анкетирование, тренинги, факторный анализ и другие. Подчеркнем, что уровень ПЗР почти прямо соотносится с уровнем управленческих компетенций и с такими качествами руководителя, как уверенность, адекватность и стрессоустойчивость самооценки, гибкость поведения в конфликтных ситуациях (Александров В.И., 2015).

Анализ полученных данных показывает, что у 92% руководителей наблюдались явления профессиональной деформации или выгорания личности, которые сопровождались различной психосоматической симптоматикой.

Выводы: 1. Развитие профессиональной зрелости является основным средством сохранения эффективной профессиональной деятельности и профилактики профессиональной деформации, выгорания личности руководителя. 2. Качество и содержание развития ПЗР определяются интеграцией основных сфер жизнедеятельности топ-менеджера: здоровье, семья, работа и духовные ценности. 3. Стресс и тайм-менеджмент являются эффективными методами профилактики психосоматических заболеваний менеджеров

Новизна и практические рекомендации. Развитие профессиональной зрелости является основным средством для профилактики деформации и выгорания личности руководителя; развития у менеджера лояльности к обществу и благонадежности к государственным интересам.

Для развития ПЗР следует одновременно интегрировать между собой четыре основные сферы жизнедеятельности человека: (1) здоровье на основе стресс-менеджмента; (2) эмоциональный интеллект на основе тренингов общения, переговоров; (3) профессиональное развитие и самообучение – тайм-менеджмент; (4) самовоспитание как определение общественного, государственного смысла и значения своей профессиональной деятельности (миссия организации, стратегия развития компании).

Сергеев С.Ф.

ЛИЧНОСТЬ В ГРАНИЦАХ ТЕХНОМОДИФИКАЦИИ

Развитие компьютерных и конвергентных технологий, их проникновение во все уровни организации общества, человеческого тела и психики приобретают тотальный характер, сопровождаемый организованным повышением уровня межсистемной интеграции человека и искусственной среды обитания.

Технологии меняют всё в жизни человека, модифицируя его организм, психическую и социальную сферы, личность (Сергеев, 2013). Развивается новый раздел психологии человека – психология техноинтеграции и техномодификации человека. В ней решается проблема гармоничного сочетания искусственного и естественного в человеке.

Можно выделить векторы, определяющие методы и технологии модификации.

Эзовектор – направлен на модификацию физики тела и создание интерфейсов между телом человека и управляемыми элементами техносреды. Основные методологические категории: взаимодействие, алгоритмизация, адаптация, регулирование.

Интровектор – модификация мозга, сенсорных и сенсомоторных систем, механизмов психического и сознательного регулирования и интеграции деятельности. Технологии: геномная инженерия, синтетическая биология и их варианты. Основные методологические категории: взаимоориентация, интеграция, механизмы жизни, организованная сложность, развитие, самоорганизация.

Проблемные поля техномодификации личности: – взаимодействие человека с естественным миром и его объектами (проблема интерфейса); – взаимодействие человека с искусственными объектами, системами и средами (проблема присутствия в среде, иммерсивность, интерактивность); – взаимодействие человека с искусственными системами и средами, наделенными искусственным интеллектом (проблема интеллектного симбиоза, энативация); – техномодификация субъективной реальности (проблемы создания новых и дополнительных сенсорных модальностей и их интеграция в новые формы субъективных реальностей); – техномодификация эмоционально-чувственной сферы (новые формы чувственности и эмоций); – техномодификация человеческого «Я» (проблема искусственного субъекта); – проблема интеллектуальных форм симбиоза (связь и усиление интеллекта человека в интеллектуальной среде); – искусственный разум, искусственный распределенный в среде разум (проблема конструирования); – социальные процессы в сетевой коммуникации; – техногенная личность (проблема отбора и воспитания, полезных обществу, не отвергаемых механизмами социально-технобиотической иммунной системы, личностей). – техномодифицированное общество.

Технологии техноинтеграции и техномодификации личности создают новые направления психологии, которые можно объединить термином синтетическая психология. Изучает методы создания и последствия социального и иного существования психических структур с заданными, ранее неизвестными, функциями и свойствами.

Рассматриваются психологические особенности человека наделенного: – искусственными органами и системами чувств (в том числе и с новыми функциями и свойствами); – искусственными эмоциями; – искусственным сознанием; – искусственной, в том числе распределенной в сетевых структурах, памятью.

Дополнительные или модифицированные искусственные органы чувств (сенсорная инженерия) приводят к появлению искусственных модальностей в субъективной реальности человека. Основная методологическая проблема синтетической психологии связана с самоорганизующимся характером живого препятствующего управлению этими процессами. Действия, связанные с конструированием живого являются технологической интервенцией, ведущей

к безграничному процессу модификации тела и неясно, какие формы психического будут в них порождаться, и насколько они жизнеспособны. Возникает нравственная проблема в том, что делать с «неудачными образцами» человеческого материала, полученными в результате глубокой техномодификации? Радикальные решения напоминают попытку создания нового человека в тоталитарных обществах.

В синтетической психологии должен быть поставлен вопрос о психологии и вопросах социализации техномодифицированных организмов и человека.

Тёмный А.В., Гибадуллин Т.В.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ПОКАЗАТЕЛЯМИ СТРУП-ТЕСТА И ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ В ОЦЕНКЕ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ

Прогнозирование высокой работоспособности в соответствии с условиями труда – необходимый элемент в изучении и обеспечении любой профессиональной деятельности. В основе прогнозирования лежат различные методы тестирования, число которых очень вариативно, как и факторов риска, связанных с работой, некоторые из них опасны для организма человека. В последнее время отмечают преобладание стресс-реакций в клинике (инициальное звено, либо переход в хроническую форму) большинства заболеваний. Множество научных исследований демонстрируют стресс как пусковой фактор для функциональных и структурных изменений в системах организма человека. Проведение функциональных тестов необходимо для предотвращения неадекватной нагрузки на нервную систему человека в соответствии с её возможностями. В связи с этим возрастает актуальность первичного определения нервно-психической устойчивости и стрессоустойчивости специалистов.

В данном исследовании основной упор был сделан на определение связи между операторской работоспособностью, которая является интегральным показателем оценки функционального состояния организма (ФСО), и личностными свойствами, а именно реактивностью нервной системы. В свою очередь, ФСО имеет особенности физиологических механизмов, обеспечивающих эффективность деятельности (Благинин А.А., Шабалин В.Н., 2017).

Для оценки операторской работоспособности в условиях стресса использовался тест Струпа, а оценка личностной тревожности производилась по шкале Ч.Д. Спилберга и Ю.Л. Ханина.

Тест Струпа позволяет получать количественные показатели, характеризующие внимание и когнитивную функцию в процессе переработки информации. Тест основан на нашей способности читать слова более быстро и автоматически, чем различать наименования цветов. Испытуемому предъявляют слова, обозначающие название цветов. При этом, если название цвета совпадает с цветом надписи, то тестируют «конгруэнтный» вариант информации, в противном, если названия цветов не совпадают с цветом надписи — «неконгруэнтный» вариант информации (Г.И. Сидоренко, С.М. Комиссарова, 2011).

Метод Струпа позволяет реализовать психоэмоциональное нагрузочное тестирование, которое получают операторы различного профиля. В частности, он сочетает в себе непривычное задание и стимулы для студентов медицинского ВУЗа – мы можем пренебречь оценкой зависимости семантических и лексических значений предъявляемых стимулов от уровня знаний обучаемых. В исследовании приняли участие студенты 1-4 курсов высшего учебного заведения (50 человек) в возрасте 18-23 года. Методика словесно-цветовой интерференции была представлена следующими параметрами: 4 цвета и слова («Красный», «Жёлтый», «Зелёный», «Синий») в виде матрицы из 10 строк и 10 столбцов. Непосредственно перед проведением

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

тестирования по этой методике испытуемым предлагалось оценить состояние личностной тревожности по шкале самооценки.

Статистический анализ результатов исследования показал корреляцию ($r=0,33$) между личностной тревожностью всех испытуемых и значением интерференции (Струп-эффекта). Комплексный анализ полученных результатов позволил выделить среди испытуемых несколько групп: 1. Успешные – преуспевающие только в одной сфере (только учеба, только музыка, только спорт). Интерференция больше 50, личностная тревожность меньше, либо равна 36; 2. Спокойные люди – работающие по плану, не спешащие, не принимающие резких решений, но хорошо разбирающиеся во многих вопросах. Интерференция больше 94, личностная тревожность больше 36; 3. Находчивые – могут найти выход из любого положения в не-экстремальных условиях. Интерференция меньше 100, личностная тревожность больше 36.

На основании выявленных групп можно разделять профессии по необходимой стрессоустойчивости человека, тем самым сохраняя его здоровье, так как нагрузка на нервную систему будет адекватна тому ФСО (лично детерминированному), которое не приводит к истощению адаптационных резервов организма при воздействии специфических условий труда.

Флоровский С.Ю.

ЛИЧНОСТНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ «ПОМЕХИ» РАЗВИТИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КАК СУБЪЕКТОВ СОВМЕСТНОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Совместная управленческая деятельность (СоУД) представляет собой вид совместной деятельности, предполагающий осуществление несколькими руководителями в процессе непосредственного или опосредствованного общения системы управленческих функций, связанных с регуляцией межгруппового взаимодействия возглавляемых ими структурных подразделений и/или организационных подсистем и направленных на решение проблем функционирования и развития организации в качестве целостного субъекта социально-экономической активности (Флоровский С.Ю., 2000, 2005).

Будучи особым «измерением» (Yukl G.A., 1994, 2013) управленческой деятельности, СоУД задает самостоятельный вектор личностно-профессионального развития руководителя. Продвижение по данному вектору сопряжено с действием множества факторов препятственного и отклоняющего типов, которые могут быть квалифицированы как психологические «помехи» развития. Личностные «помехи» объединяют препятствия и ограничения, коренящиеся в личности самого управленца. Это низкий «когнитивный горизонт», не позволяющий отразиться и осознать роль СоУД в качестве одного из важнейших факторов интегральной управленческой эффективности (основной причиной является недостаток или слабая структурированность опыта реальной управленческой деятельности, среди более редких, но и более устойчивых – личностный эгоцентризм, дефицитарность социального и/или эмоционального интеллекта, близость к психологическому портрету реалистического типа личности в понимании Д. Холланда); несформированность личностно-профессиональной позиции сотрудничества (установка на следование авторитарным либо абдикратическим сценариям взаимодействия, неготовность и неспособность выстраивать партнерские отношения с окружающими); дефицитарность репертуара операциональных средств управленческого взаимодействия (о распространенности этой «помехи» свидетельствует характерный для более 80% руководителей модус восприятия СоУД как значимой, но слабо субъективно контролируемой области своей профессиональной активности); личностно-обусловленное предпочтение малопродук-

тивных (но субъективно комфортных) манипулятивных и/или силовых сценариев взаимодействия в системе отношений «руководитель-руководитель». Социально-психологические «помехи» связаны с характером ожиданий, проецируемых на руководителя в качестве «партнера по СоУД» со стороны управленческого сообщества организации, отражающими комплекс реально-действующих норм общения и совместной деятельности руководителей, а в пределе – и содержание культуuroобразующих «базовых представлений» (Schein E.H., 1992, 2004). В число малопродуктивных для СоУД (и её субъектов) экспектационных паттернов входят: ориентация руководителей при построении управленческого взаимодействия на дисбалансный вариант «решетки менеджмента» с акцентированной направленностью на отношения и редуцированной ориентацией на решение содержательных задач; вытеснение на периферию организационных процессов руководителей с выраженными карьерными ориентациями; поддержка элитинативного стиля принятия управленческих решений в организации (данная поддержка носит косвенный характер и выражается в выдвижении на позицию наиболее приемлемых партнеров по СоУД управленцев, ориентированных на принцип «избегания принятия решений во всех случаях, когда это возможно» и способных не столько преодолевать трудности, сколько «обходить» их); «приватизация» ценностных ориентаций руководителей как фактор их успешной интеграции в управленческое сообщество организации и происходящее вследствие этого активное «вымывание» с ведущих уровней организационно-управленческой иерархии руководителей с просоциально-ориентированными нестяжательскими ценностями; примитивизация критериев формирования руководителями высшего ранга своего окружения, выражающаяся в поддержке и «приближении к себе» не активных, инициативных, стремящихся к развитию, а «удобных» и «управляемых» менеджеров среднего ранга.

Юсупова Г.В.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ СОВРЕМЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

Исследования в области психологии лидерства подтверждают, что эмоциональная компетентность – фактор намного более важный для достижения успешных результатов при работе с людьми, чем технические знания и умения. Методологической основой исследования послужили концепции и модели эмоционального интеллекта П. Сэловея, Дж. Майера (Salovey P., Mayer J.D., 1990), Д. Голмана (Goleman D., 1995), Д.В. Люсина (Люсин Д.В., 2004) и др. Так как изучаемый феномен представляет собой совокупность навыков и способностей к пониманию и управлению собственными эмоциями, пониманию и управлению эмоциями других людей, он все чаще стал обозначаться термином эмоциональная компетентность.

Целью эмпирического исследования явилось выявление специфики характеристик эмоциональной компетентности руководителей (на фоне подчиненных) и изучение взаимосвязей этих характеристик со стилем управления у руководителей на различных этапах профессиональной деятельности.

Объектом исследования выступили руководители среднего звена ряда предприятий гор. Казани в количестве 60 человек: 30 руководителей среднего звена (начальники отделов и цехов), 30 подчиненных (сотрудники заводоуправления). Возраст испытуемых 32-55 лет, из них по 20 мужчин и 10 женщин в каждой группе. Для изучения влияния стажа руководства группа руководителей среднего звена была поделена на две подгруппы: 1) 0,5-6 лет стаж руководства; 2) 7 и более лет стаж руководства.

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Были выдвинуты следующие гипотезы: 1) существуют различия проявлений эмоциональной компетентности и стилей взаимодействия у руководителей среднего звена и подчиненных; 2) существует специфика эмоциональной компетентности и управленческих стратегий у руководителей с различным стажем руководящей деятельности.

В качестве методов сбора данных использовались: 1) «Тест эмоциональной компетентности», И.М. Юсупов, Г.В. Юсупова (Юсупов И.М., Юсупова Г.В., 2006); 2) «Определение стиля управления руководителя», Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов; 3) «Диагностика predispositionности личности к конфликтному поведению», К. Томас.

Сравнительный анализ характеристик эмоциональной и социальной сферы испытуемых в контексте первой гипотезы выявил: у руководителей индекс эмоциональной компетентности выражен значимо выше, чем у их подчиненных, при этом у них ярче доминируют способности к успешной регуляции взаимоотношений ($t=5,2$ при $p\leq 0,001$) и способности к осознанию своих мотивов и эмоций ($t=4,1$ при $p\leq 0,001$); 2) руководители значимо чаще, чем подчиненные применяют демократический ($t=4,7$ при $p\leq 0,001$) и авторитарный ($t=7,12$ при $p\leq 0,001$) стили управления, то есть готовы гибко чередовать внимание и требовательность к сотрудникам, а подчиненные чаще готовы идти на уступки и предпочитают либеральный стиль ($t=2,9$ при $p\leq 0,05$); 3) в конфликтной ситуации руководители способны более жестко отстаивать свои цели ($t=5,3$ при $p\leq 0,001$), а подчиненные скорее всего будут приспосабливаться к мнению других ($t=3,5$ при $p\leq 0,05$), либо предпочтут выйти из конфликта ($t=7,5$ при $p\leq 0,001$). Корреляционный анализ, примененный в рамках проверки второй гипотезы, выявил, что у всех руководителей вне зависимости от стажа системообразующим показателем является демократический стиль управления, однако, у начинающих руководителей он выступает инструментом успешной регуляции отношений, а у более опытных он базируется на более тонком понимании других и развитых навыках самоконтроля.

Таким образом, сделаны выводы, поведенческие характеристики эмоциональной компетентности с опытом руководства постепенно уступают место когнитивным навыкам, происходит рост личностной зрелости руководителя. Управленческие стратегии становятся более гибкими, что повышает адаптивные свойства руководителей, способных проявлять как жесткость, так и чуткость к людям.

В исследовании подтверждено, что развитые навыки эмоциональной компетентности в сочетании с отточенными в процессе профессионального становления стратегиями управления, позволяют современному руководителю не только создавать оптимальный психологический микроклимат в коллективе и выводить предприятие на передовые рыночные позиции, но и достигать личностной и карьерной зрелости.

ЛИЧНОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ

Алиева Э.М., Костромина С.Н.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

В современных условиях экономических, политических и социальных преобразований остро стоит вопрос о модернизации образования. Ключевым ориентиром модернизации выступает не столько внедрение новых образовательных технологий или его цифровизация, сколько ориентация на актуализацию индивидуальных психологических ресурсов школьников и студентов, обеспечивающих готовность жить, работать и развиваться в быстро меняющихся социальных условиях.

Востребованные инновации в современных условиях образования реализуются в контексте деятельностного и субъектного подходов. Однако проблемой остается пассивность школьника в определении условий своего образования, своего образовательного пространства, которое продолжают создавать для него взрослые (родители и учителя).

По нашему мнению, перспективы развития субъектного подхода в образовании связаны с формированием индивидуального образовательного пространства школьника. С точки зрения теоретических представлений, индивидуальное образовательное пространство (ИОП) формируется как часть общего образовательного пространства. Под ИОП мы понимаем совокупность значимых объектов и событий познавательной и развивающей деятельности, имеющих для школьника личностный смысл.

В качестве основных индикаторов индивидуального образовательного пространства мы выделили следующие:

1. Насыщенность (плотность) – предметы, объекты, события и явления, несущие в представлении школьника образовательную функцию/нагрузку. Например, члены семьи, друзья, учителя, школа, учебные предметы и школьные принадлежности, книги, телефоны, компьютеры, природа, различные процессы развития, занятость вне школы (тренировки, музыка, чтение, рисование, походы в музей и на выставки, дополнительные занятия).

2. Разнородность – разнообразие предметов, объектов, событий, явлений, несущих в представлении школьника образовательную функцию/нагрузку. Если в насыщенности ИОП учитывается количество объектов в целом, то разнородность характеризует сферы, к которым они относятся. Например: сфера общения с друзьями, сфера обучения знаниям из среды, сфера увлечений и досуга, сфера семейного общения с родными, сфера новых технологий и технических средств, сфера развития своих индивидуальных способностей и саморазвития и т.д.

3. Протяженность – размерность ИОП, его ограниченность личностным смыслом и функциями. Это образное представление зоны или «габаритов» (границ) своего образовательного пространства, объединяющее все предметы и объекты способствующие или помогающие развитию (познанию) школьника. В качестве индикатора может рассматриваться формальная широта пространства, куда включаются значимые с точки зрения образования объекты, способствующие развитию и образованию школьника.

4. Структурность – соподчиненность и группировка предметов, объектов, событий, явлений, несущих в представлении школьника образовательную функцию/нагрузку. Этот параметр ИОП указывает на определенную упорядоченность между субъектом познания «Я» (учеником) и включенными объектами и средствами образования, их вероятную иерархичную организацию. В отличие от разнородности, структурность – это показатель, характеризующий

архитектуру занятости (индивидуальной включенности) подростка, отражающую специфику его занятий или образовательных потребностей, где подросток самостоятельно может активизировать себя, комфортно и доступно проявлять себя (игра на музыкальном инструменте или на клавиатуре в телефоне, общение с друзьями, понимание себя).

5. Связанность – характеристика, позволяющая выявлять соотношенность значимых или условных объектов ИОП. Наличие связи (физического или логического «мостика» между объектами), обозначающее релевантность «Я» и выделяемых объектов ИОП, их принадлежность к определенной совокупности, например, к семье, друзьям, природе, интернет-играм, техническим средствам, процессам саморазвития, и т.д.

С нашей точки зрения эти психологические индикаторы ИОП полноценно его описывают, позволяя разработать методический инструментарий для изучения.

Атаманова И.В.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА МИРА СТУДЕНТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ*

Современные исследователи рассматривают «образ мира» как динамическую характеристику, формирующуюся на протяжении всей жизни человека под влиянием различных внешних и внутренних факторов, включая факторы профессиональной деятельности. Профессиональный образ мира отражает ценности и смысл действий, составляющих содержание будущей профессиональной деятельности (Козлова Н.В., Овчинникова Ю.В., 2016). При этом исследователи и практики отмечают, что выпускники недостаточно готовы к началу самостоятельной профессиональной деятельности (Колтунова Ю.И., 2014). Важно понимать, как складывается профессиональный образ мира студентов в зависимости от осваиваемых ими специальностей. Несмотря на большое количество работ, посвященных изучению категории образа мира, малоисследованными остаются содержательные характеристики профессионального образа мира студентов во взаимосвязи со спецификой выбранного направления подготовки.

Целью данного исследования явилось выявление особенностей профессионального образа мира студентов лингвистических направлений в зависимости от изучаемого ими иностранного языка в качестве основного. Сравнительный анализ содержательных характеристик профессионального образа мира проводился по параметрам базисных убеждений и ценностным ориентациям, которые составляют ядерный слой образа мира, в том числе и профессионального (Серкин В.П., 2008). В качестве методической базы исследования использовались опросник «Якоря карьеры» (Э. Шейн, в переводе и адаптации В.Э. Винокуровой, В.А. Чикер, модификация С.А. Богомаза) и «Шкала базисных убеждений» (Р. Янов-Бульман, в переводе и адаптации О. Кравцовой).

В исследовании приняло участие 83 студента второго курса факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета, изучающих в качестве основного: английский язык (Группа 1, n=22) китайский язык (Группа 2, n=34) и языки романской группы (Группа 3, n=27). Средний возраст респондентов составил 18,92±0,72.

Полученные результаты показывают, что параметры базисных убеждений и карьерных ориентаций в выделенных для анализа группах находятся в пределах нормативных значений и подчиняются нормальному распределению. В Группе 1 сильнее выражены карьерные ориентации на «служение» (5,73±0,74), «свободу для» (5,05±0,89) и «свободу от» (5,01±0,81). Ориентация на «предпринимательство» (3,42±1,18) в этой группе выражена слабо. В Группе

2 также сильнее выражены карьерные ориентации на «служение» ($4,92 \pm 1,50$), «свободу для» ($5,02 \pm 1,09$) и «свободу от» ($4,78 \pm 1,08$), но с меньшими значениями в баллах в сравнении со студентами Группы 1. Ориентация на «предпринимательство» ($3,41 \pm 1,27$) выражена слабо. По параметрам базисных убеждений также наблюдается снижение показателей относительно нормативных значений по таким субшкалам, как «справедливость мира» ($3,32 \pm 1,09$) и «ценность собственного Я» ($3,31 \pm 1,26$). В Группе 3 также сильнее выражены карьерные ориентации на «служение» ($5,15 \pm 1,21$), «свободу для» ($5,02 \pm 1,12$) и «свободу от» ($4,94 \pm 1,05$), занимая промежуточные значения между Группами 1 и 2. Ориентация на «вызов» в этой группе оказалась самой высокой ($3,96 \pm 1,17$). По параметрам базисных убеждений также наблюдается снижение показателей относительно нормативных значений по шкале «справедливость мира» ($3,29 \pm 1,08$).

Были получены статистически достоверные межгрупповые различия ($p=0,05$) по таким показателям, как «ориентация на служение» и «доброта людей». Так студенты-лингвисты, изучающие английский язык, в большей степени ориентированы на служение в сравнении со студентами-китаистами ($t\text{-value}=2,346$; $p=0,023$). Студенты, изучающие английский язык в качестве основного, также показали большую убежденность в доброте людей в сравнении со студентами, изучающими китайский язык ($t\text{-value}=3,322$; $p=0,002$) и языки романской группы ($t\text{-value}=2,307$; $p=0,025$).

В качестве заключения отметим, что дальнейшее исследование предполагает изучение динамики содержательных характеристик профессионального образа мира студентов-лингвистов в процессе личностно-профессионального становления в условиях вуза.

**Исследование выполнено в рамках Программы повышения конкурентоспособности ТГУ, проект № 8.1.24.2017.*

Базанова Г.Ю., Кашапов М.М.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОБЫТИЙНОСТИ МЫШЛЕНИЯ С МОТИВАЦИЕЙ И МЕТАКОГНИТИВНОЙ АКТИВНОСТЬЮ НА ВУЗОВСКОМ ЭТАПЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ВРАЧА*

В жизни молодых людей возникают события, оказывающие влияние на избрание профессионального пути. В становлении врача важную роль играют события, укрепляющие успешность оптации в профессиональном сообществе. А на начальном этапе профессионализации важное, яркое событие создает возможность осмысления правильности выбора. В случае возникновения сомнений в выборе профессии событие может изменить вектор дальнейшего профессионального развития.

Событийность, по мнению Слободчикова В.И., формирует основания для жизни и деятельности человека, влияет на приобретение опыта, определяет направление дальнейшего развития субъекта. События в жизни человека могут способствовать или препятствовать профессиональному становлению (Слободчиков В.И., 2010).

Событийность задает творческую включенность субъекта в деятельность, исключая стороннее наблюдение и пассивное восприятие (Крылова Н.Б., 2010). Событийность является характеристикой человеческой жизни, выражающей определенные факторы, влияющие на его жизненный путь. Трансформация ситуации профессиональной деятельности в памятное, судьбоносное событие обогащает личность специалиста (Кашапов М.М., 2016).

В нашем подходе событийность мышления рассматривалась в контексте профессионального выбора. Реализация данной цели осуществлялась в процессе исследования событий, влияющих на выбор профессии врача. Одна из задач заключалась в выявлении взаимосвязи

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

событийности мышления с мотивацией профессиональной деятельности и с метакогнитивной активностью, обеспечивающей развитие личности профессионала.

Учёт выделенных Кашаповым М.М. когнитивных механизмов функционирования событийности мышления (осмысление логически вытекающих друг из друга событий) позволяют рассмотреть мотивационный компонент событийности профессионального выбора. Установлено, что значительная часть студентов первого курса выделяет ряд событий, повлиявших на выбор профессии врача и усиливших сформированное с детства желание помогать людям. Также часть студентов считают событием, вызвавшим огромный интерес к медицине, факт присутствия в семье родственника-врача, который воспринимается идеальным специалистом, поэтому возникает желание стать достойным продолжателем династии врачей. Установление взаимосвязи событийности мышления с метакогнитивной активностью и мотивацией позволило выявить соответствие декларируемых мотивов (событий) с внутренней мотивацией и желанием творчески развиваться в профессии.

Событийность мышления проявляется в последовательном выявлении и осмыслении логически вытекающих друг из друга событий; твердо установленных фактов, относительно легко поддающихся суммированию или квантификации. Реализация событийности мышления позволяет рассматривать жизнь как последовательную цепь причинно-следственных событий. Событийность мышления характеризуется умением проектировать ситуацию, ориентированную на развитие личности. Проектирование развивающих ситуаций возможно посредством ненавязчивого установления определенных правил, согласованных с остальными параметрами ситуации. Изменяя один элемент ситуации, субъект может управлять течением, динамикой сконструированной ситуации в целом. Именно в этом случае ситуация трансформируется в событие.

Событийность мышления врача является одним из условий формирования ментальности личности, как потенциала субъекта, реализуемого в рамках диалога, и выражается в готовности строить конструктивные отношения с партнером по общению, в стремлении к сотрудничеству в процессе взаимодействия, самоанализе своих умственных и практических действий. Реализация данного качества способствует трансформации лечебной ситуации в поворотное, знаковое событие для пациента и позволяет использовать имеющийся у него личностный ресурс в целях укрепления творческого потенциала как основы здорового образа жизни.

**Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-06-00196а - ОГН*

Беловол Е.В., Бойко З.В., Шурупова Е.Ю.

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ РЕФЛЕКСИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ОБУЧЕНИЯ В ТРЕТЬЕМ ВОЗРАСТЕ

Рефлексия является одним из базовых мыслительных процессов, направленных на самопознание, анализ своих эмоций, чувств, состояний, способностей, поведения. В современных исследованиях представления о рефлексии используются не только как один из объяснительных принципов психического развития, но рефлексия рассматривается как важный компонент мышления и интеллектуальной активности личности. Подчеркиваются связи рефлексии с мышлением: «мышление – необходимый компонент рефлексии личности и само становится объектом этой рефлексии» (Тихомиров, 2002, с. 4).

Идеи Л.С. Выготского о взаимосвязи между образованием и психологическим развитием личности легли в основу идеи развития рефлексии через образование.

В этом контексте актуальным становится вопрос сохранения способности к рефлексии в пожилом и старческом возрасте, когда снижается интеллектуальная активность и происхо-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

дят изменения в когнитивном функционировании человека. Одной из самых благоприятных в этом плане является образовательная среда, причем это справедливо для всех возрастных групп.

В проведенном исследовании изучалась возможность повышения уровня рефлексии пожилых людей в результате обучения новому, в ситуации, когда студентам необходимо прикладывать большие интеллектуальные усилия для усвоения нового материала.

В исследовании принимали участие 21 человек, из них 19 женщин в возрасте от 51 до 63 лет и 2 мужчин в возрасте 57 и 59 лет. Все респонденты являлись слушателями программы профессиональной переподготовки по специальности «Практическая психология», рассчитанной на 2,5 года (5 семестров). Все испытуемые на момент начала программы не работали. Все они имеют базовое высшее образование (инженеры, экономисты, учителя), но психологического не было ни у кого, таким образом, обучение психологии является для них новой сферой знаний.

Для определения уровня коммуникативной компетентности использовался модифицированный авторами тест коммуникативной толерантности В.В. Бойко, а уровень рефлексии измерялся с помощью теста А.В. Карпова.

Методики предъявлялись респондентам в начале первого года обучения и через год, после окончания ими 1 курса. Анализ полученных данных показал, что в начале учебы во взаимодействии с окружающими наши респонденты были слишком категоричны и нетерпимы к чужому мнению, стремясь всех поучать, что соответствует малоэффективному стилю общения. Повторное тестирование выявило изменения в сфере коммуникации. Изменения были статистически значимы (значение критерия Вилкоксона, $W=361,0$ при $p=0,000$). В целом коммуникативное поведение стабилизировалось, пожилые люди стали более толерантны по отношению к своим партнерам по общению. Анализ полученных результатов по уровню рефлексии показал, что до начала обучения у наших респондентов показатели были ниже. После обучения в конце семестра показатели изменились, уровень рефлексии повысился (различия статистически значимы на уровне $p<0,01$).

Результаты исследования показали, что за год обучения уровень рефлексии пожилых студентов вырос. При этом стабилизировалось и коммуникативное поведение учащихся. Пожилые люди стали более толерантны по отношению к своим партнерам по общению, они научились лучше понимать собеседника, вставать на его точку зрения и принимать ее как возможную, они стали менее категоричны в своих суждениях.

Необходимо отметить, что изначально мы не ставили перед собой задачи повышения уровня рефлексии наших респондентов. Им просто читался курс лекций и в процессе обучения менялся уровень рефлексии. Следовательно, можно констатировать, что обучение способствовало росту уровня рефлексии наших респондентов, они научились лучше понимать самих себя и других, что неизбежно приводит к повышению уровня социально-психологической адаптации, личностному росту и развитию, а не деградации, что часто бывает характерно для неработающих пожилых пенсионеров – их ровесников.

Ванина М.В., Демьянчук Р.Д.

ЛИЧНОСТНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРОЕКТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ У СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ

Согласно данным исследования К.В. Лутовиной (2017), более 40 % выпускников ответственных вузов работают не по специальности. Около 65% опрошенных автором выпускников в качестве основной причины этого считают невостребованность знаний, полученных в вузах. Очевидно, что существенную роль играют также особенности рынка труда, социальный ста-

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

тус профессии, экономические особенности труда в той или иной отрасли и многие другие. В соответствии с целевыми ориентирами развития экономики и специфическим прагматизмом психологии личности постмодерна (А.И. Извеков, 2016) мы полагаем, что в этой связи наиболее уязвимы обучающиеся по специальностям гуманитарной направленности, не имеющим очевидной прикладной направленности.

Данные исследований последних лет на тему проектирования профессионального развития у студентов гуманитарного профиля показывают, что только 12-14% респондентов-студентов гуманитарных ВУЗов имеют четкие представления о цели своего обучения и сформированные профессиональные планы, которые они намерены осуществить после окончания учебы (Е.М. Кочнева, 2014; Ф.О. Семенова, 2014).

С целью изучения взаимосвязи проектирования профессионального развития и личностных характеристик у студентов гуманитарного профиля сравнительного анализа степени подготовленности профессиональных проектов у студентов магистратуры по направлению «Психология» (N=33, средний возраст 26,8 лет) и магистратуры по направлению «Философия» (N=33, средний возраст 25,4 года).

Изучены: мотивационный профиль («Мотивационный профиль», Ш. Ричи, П. Мартин, адаптация Е.А. Климовой), осознание целей и смысла жизни («Тест смысложизненные ориентации», Д. Крамбо, Л. Махолика, адаптация Д.А. Леонтьева), динамика изменения ценностей («Методика изучения ценностей личности», Ш. Шварц, адаптация В.Н. Карандашева), степень выраженности личностных качеств, отношение к временному континууму (BIG 5 – пятифакторный опросник личности, Р. МакКрае, П. Коста, адаптация А.Г. Гречова), уровень подготовленности проекта профессионального развития (с использованием разработанной нами авторской анкеты). Статистическая обработка результатов проводилась на основании сравнительного анализа (U-Манна-Уитни), корреляционного анализа (г-Спирмена) и множественного регрессионного анализа.

Установлено, что в тенденции ($p>0.05$) высокий уровень общего показателя осознанности проектирования своего профессионального будущего более характерен для обучающихся по направлению «Психология».

Степень разработанности респондентами самих проектов профессионального будущего достоверно выше ($p=0,038$) в выборке будущих психологов. Интересен факт, что 37% обучающихся по направлению «Философия» демонстрируют желание создать свой авторский проект, свою нишу труда. Среди обучающихся по направлению «Психология» такое желание установлено только у 19%.

Полученные данные в совокупности подтверждают значение выраженности прикладной направленности будущей профессии в проектировании своего профессионального будущего студентами. По данным регрессионного анализа наиболее значимыми предикторами степени разработанности проекта профессионального будущего в выборке будущих философов являются возраст обучающихся и креативность. В выборке будущих психологов – осознанность будущего и результат жизни.

Для обеих групп характерна отрицательная корреляция между степенью разработанности проекта профессионального будущего с факторами «вознаграждения» и «власти». Однако, основными определяющими проектирование профессионального будущего характеристиками личности являются «локус-контроля-Я» и «признание».

Результаты исследования свидетельствуют о значении в проектировании профессионального будущего студентами гуманитарного профиля как прикладной направленности профессии, так и особенностей личности.

Вартанян Г.А., Пащина С.М.

К ВОПРОСУ О ГОТОВНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ К РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ ПОЛОВОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Заканчивается второе десятилетие нового века, а проблема сексуальной распушенности и практически всеобщей сексуальной безграмотности российских детей и подростков, особо остро заявившая о себе на рубеже веков, по-прежнему не теряет своей актуальности. Следствием этого становится упадок семьи и семейных ценностей, огромное число аборт, которые делают девочки в возрасте от 10 до 18 лет, значительное распространение ВИЧ в России, что подтверждается докладом ЮНЭЙДС, департамента ООН по профилактике СПИД, согласно которому по итогам 2015 года Россия стала страной с крупнейшей эпидемией ВИЧ в мире.

Проблема полового воспитания детей и подростков в России почти столетие является общепризнанной, широко обсуждаемой и резонансной (Г. Сегал, 1927; В.Н. Колбановский, 1964; Д.Н. Исаев, В.Е. Каган, 1988; И.С. Кон, 1990; С.А. Изгоров, 2005; М.А. Ерофеева, 2013; Н.А. Загоркина, 2017). Однако в настоящее время она привлекает к себе особое внимание, поскольку, как отмечают некоторые специалисты, «...абсолютная сексуальная безграмотность в наши дни опаснее, чем когда бы то ни было, потому что любая другая информация детям, напротив, совершенно доступна» (Н. Афанасьева, 2017).

Следует отметить, что в России не раз предпринимались попытки полового воспитания детей и подростков. Так, в дореволюционной России готовили молодёжь к семейной жизни, воспитывали в детях будущих заботливых родителей. После Октябрьской революции половое воспитание комплексно изучалось в рамках педологии, с использованием психологических, анатомо-физиологических, социологических и др. знаний, однако в 1936 году педология была признана «псевдонаукой». В конце 60-х годов XX века в России в школьное образование вновь стали вводить различные факультативные курсы и клубы (например, «Основы советской семьи и семейного воспитания»). В 1982 году Министерством просвещения СССР и Академией педагогических наук СССР для старшеклассников выпущена типовая программа «Этика и психология семейной жизни». В начале 90-х годов XX в. Российской ассоциацией планирования семьи разработана программа полового воспитания, которая стала реализовываться на государственном уровне. Внедрение данной программы в школы страны было приостановлено в 1996 году в связи с ростом возмущения со стороны родителей и общественных организаций.

В октябре 2012 года Россией подписана, а в мае 2013 года ратифицирована (с оговорками) Конвенция Совета Европы по защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия (ФЗ от 07.05.2013 № 76-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений»). Как участник конвенции наша страна обязана включать в школьные программы информацию «об опасностях, связанных с сексуальной эксплуатацией и сексуальным насилием», а также о способах защиты от него (ст. 6 Конвенции). Однако до сих пор многие взрослые люди в нашей стране, в том числе те, от кого зависит решение данной проблемы, всё ещё считают, что эту тему «лучше не трогать». В частности, как показывают результаты исследования, проведённого Институтом возрастной физиологии РАН, почти 80 % российских родителей не готовы обсуждать с детьми темы, связанные с сексуальной жизнью. По их мнению, это должен делать педагог, врач или другой специалист (И. Дружинина, 2017).

Половое воспитание, на наш взгляд, должно готовить детей и подростков ко взрослой жизни, учить их адекватно осознавать свои физические и психологические особенности, устанавливать нормальные отношения с людьми своего и противоположного пола, жить в соответствии с существующими в обществе нравственными и этическими нормами, представлять

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

единые системные и объективные знания о безопасной и здоровой сексуальной жизни человека. Но, как показывает анализ, существующие на сегодняшний день в России программы носят разнородный по содержанию характер, имеют различное методическое обеспечение, а какое-либо руководство по их разработке и внедрению на федеральном уровне отсутствует. Данный процесс носит, скорее, стихийный региональный характер и, что, на наш взгляд, более важно – в нём отсутствуют подготовленные к подобной работе специалисты, непосредственно работающие с детьми в системе образования (педагоги, психологи, социальные педагоги). Никакая, даже самая хорошая и грамотная, программа сама по себе не обеспечит восстановления нравственного и сексуального здоровья нации. Прежде всего, необходимо подготовить специалистов для её реализации.

В последние десятилетия необходимость подготовки специалистов к осуществлению программ полового воспитания активно обсуждается в научно-практической сфере (Ю.А. Даринский, 2002; Д.Ж. Сакенов, 2012; О.В. Нечаева, 2013; А.А. Хусаенова и др., 2015). Однако конкретных мер в нашей стране до сих пор так и не выработано, соответствующие программы профессиональной подготовки не разработаны. Их разработка, по нашему мнению, должна сегодня стать одной из первоочередных задач на самом высоком уровне. При этом направлены данные программы должны быть не столько на обучение теоретическим аспектам полового воспитания (об особенностях пубертатного периода, взаимоотношениях между мужчиной и женщиной и т.д.), сколько на обучение именно методике работы с детьми и подростками по вопросам полового воспитания, в том числе, сексуального просвещения.

Вишнякова Ю.Д., Распопова А.С.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

В настоящее время большое внимание стало уделяться деятельности психолога в системе образования. Это особенная профессия, где сама личность важна не меньше, чем приобретенные знания, умения, навыки. Личность психолога – главный инструмент его работы, поэтому немаловажно, какими психологическими особенностями личности обладает специалист.

Любая профессиональная деятельность является стимулом для формирования и совершенствования тех психологических особенностей личности, которые необходимы для ее успешного выполнения. Есть основания полагать, что студенты, выбравшие профессию психолога, должны обладать профессионально важными качествами (ПВК) личности, которые соответствуют выбранной профессии. Цель исследования – изучить психологических особенностей личности студентов 1-4 курсов направления подготовки «Психолого-педагогическое образование». База исследования: Кубанский Государственный Университет физической культуры, спорта и туризма.

Нами были использованы следующие методики: «Определение уровня конфликтоустойчивости» Н.П. Фетискина, В.В. Козлова, Г.М. Мануйлова, Диагностика доброжелательности по шкале Кэмпбелла, 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (форма С), Диагностика «эмоционального интеллекта» Н. Холла, Диагностика уровня профессиональной направленности студентов Т.Д. Дубовицкой.

Корреляционный анализ позволил выявить прямую взаимосвязь уровня конфликтоустойчивости с уровнем доброжелательности, эмпатией и интегративным показателем эмоционального интеллекта. Чем выше у студентов уровень конфликтоустойчивости, тем проще им

находить конструктивные пути решения в спорных ситуациях, опираясь на знания собственных эмоций и эмоций других людей. Благодаря прямой связи с уровнем доброжелательности личность стремится сохранить доброжелательные отношения с окружающими людьми.

Уровень доброжелательности также имеет прямую взаимосвязь с уровнем профессиональной направленности. Данную взаимосвязь можно трактовать как ПВК личности, которое необходимо для реализации психолого-педагогической деятельности. Фактор «независимость-податливость» отразил прямую корреляционную взаимосвязь с уровнем самомотивации и интегративным показателем эмоционального интеллекта. Можно сделать вывод, что если у респондента преобладает независимость от чужих суждений, то соответственно взаимосвязь с самомотивацией и компонентами эмоционального интеллекта характеризуют человека, который умеет пользоваться своими внутренними психологическими и эмоциональными ресурсами для эффективного изменения собственной жизни.

По результатам исследования у студентов направления подготовки «Психолого-педагогическое образование» наиболее выражены такие психологические особенности, как: конфликтоустойчивость, эмоциональная осведомленность, доброжелательность, эмпатия, открытость, легкость в общении, проницательность, самостоятельность, умеренно выраженный лидерский потенциал, уровень профессиональной направленности. В наименьшей степени были выражены: самомотивация, управление своими эмоциями, распознавание эмоций других людей, робость, застенчивость, низкий интегративный уровень эмоционального интеллекта. Это может быть обусловлено тем, что время обучения студентов-психологов в вузе является сенситивным периодом развития, поэтому необходимо в процессе обучения создавать оптимальные психолого-педагогические условия для его развития.

Таким образом, профессиональная подготовка будущих педагогов-психологов должна осуществляться в новой личностно ориентированной парадигме, необходимо сделать акцент на актуализации профессионально важных личностных качеств, ориентироваться на формирование профессиональной компетентности психолога. Для этого необходимо внедрение активных методов обучения в образовательный процесс, которые позволят достичь успеха в профессиональной деятельности.

Воронко Е.В.

ВЗАИМОСВЯЗЬ АКАДЕМИЧЕСКОЙ УСПЕВАЕМОСТИ И НЕВРОТИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Студенческий возраст максимально благоприятен для обучения и профессиональной подготовки: максимально развиты психические процессы (восприятие, внимание, память, мышление, речь, эмоции, чувства) и физические функции. Для этого возраста (18–22 года), по мнению Б. Г. Ананьева, характерна наибольшая концентрация конструктивных сдвигов, связанных с прогрессом механизмов, способствующих сенсбилизации: в сфере интеллекта, логических и мнемических функциях, нейродинамических характеристиках и в элементарных процессах (теплообразование, метаболизм). В то же время, обучение в высшей школе сопровождается рядом таких специфических особенностей, которые в совокупности могут стать фактором риска психического здоровья студентов. Студенческая среда богата наличием различных стрессогенных факторов: проблемы адаптации, эмоциональное напряжение, проблемы межличностных отношений, неумение рационально организовать своё время, ситуации тестирования, коллоквиумов и экзаменов, самоопределение в будущей профессиональной

среде, социальная и профессиональная неопределённость будущего специалиста в обществе. Необходимым же условием полноценного функционирования и развития человека является как психическое, так и психологическое здоровье, поэтому важнейшей задачей образовательной системы является поддержание, сохранение и, в случае необходимости, коррекция обратимых невротических состояний студентов, обусловленных воздействием психотравмирующих факторов, формирование психологически здоровой личности студента с развитым самосознанием, положительной мотивацией, способностью к саморегуляции, рефлексии.

Цель исследования: изучение взаимосвязи академической успеваемости и невротических состояний у студентов медицинского университета.

Методика: клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (Д. Н. Менделевич, К. К. Яхин). Эмпирическая база: студенты 2 и 4 курса медико-психологического факультета Гродненского государственного медицинского университета (ГрГМУ): 50 человек (14 юношей и 36 девушек в возрасте 17-26 лет).

Для получения объективных показателей знаний обучающихся по учебным дисциплинам были изучены семестровые ведомости. Уровень академической успеваемости составил в среднем $6,88 \pm 1,04$. Анализируя полученные в результате применения опросника данные, важно отметить, что невротические состояния обнаружены у 40 (80%) респондентов, причём у 13 (26%) студентов выявлена невротическая депрессия. Содержательный анализ невротических проявлений позволил констатировать у 3 девушек тревогу, у 5 девушек и 1 юноши – астению, у 3 девушек и 2 юношей – истерический тип реагирования, у 5 девушек – обсессивно-фобические нарушения и у 6 девушек и 2 юношей – вегетативные нарушения.

Проведенный интеркорреляционный анализ с применением коэффициента корреляции Спирмена не обнаружил статистически значимых корреляционных связей ($p > 0,05$) между показателями академической успеваемости и невротических состояний. Выявленные особенности личностного развития студентов требуют активной работы и коррекции в процессе обучения в вузе. Актуальным представляется психолого-педагогическое сопровождение студентов, направленное на создание условий для поддержания потенциала развития и саморазвития личности.

Гнедых Д.С., Муртазина И.Р., Тихомирова М.А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И МОТИВАЦИЯ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ СТУДЕНТАМИ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Как показывают современные исследования, формирование профессиональной идентичности будущих представителей медицинских специальностей зависит от организационной и содержательной составляющих процесса обучения (Wald, 2015). Однако выбор медицинской профессии молодыми людьми осуществляется зачастую без четкого обоснования (Шурупова, 2009), либо основывается на практическом интересе (Зашихина, 2012), меркантильных побуждениях (Шурупова, 2009). Поскольку профессиональная идентичность студентов тесно связана с их психологическим благополучием (Jennings, 2009; Mavoretal, 2014), было выдвинуто предположение, что выбор медицинской специальности может быть также обусловлен уровнем психологического благополучия будущих студентов.

Цель исследования – выявление характера взаимосвязей уровня психологического благополучия с профессиональной идентичностью и мотивацией выбора медицинской специальности.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Выборка: 333 студента первого курса СЗГМУ им. И.И. Мечникова (98 юношей и 239 девушек) в возрасте от 17 до 25 лет.

Методики: «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Н.Н. Лепешинского), «Мотивация выбора медицинской профессии» (модификация А.П. Васильковой теста Хеннинга о мотивах учебы), «Методика изучения статусов профессиональной идентичности» (А.А. Азбель, А.Г. Грецов) и анкета. Статистическая обработка: U-критерий Манна-Уитни и корреляционный анализ (r-Спирмена). В ходе анализа данных выборка была поделена на три группы в зависимости от уровня психологического благополучия: 1) с низким – 102 человека; 2) средним – 211 и 3) высоким – 20. В силу небольшого количества респондентов в последней группе она была исключена из дальнейшего анализа. Результаты: в группе студентов с низким уровнем психологического благополучия статистически значимо больше выражена неопределенная профессиональная идентичность ($p \leq 0,000$), в группе со средним уровнем психологического благополучия – сформированная профессиональная идентичность ($p \leq 0,022$). У студентов со средним уровнем психологического благополучия более выражены мотивы выбора профессии: «возможность заботиться о здоровье своих близких» ($p \leq 0,027$) и «престиж профессии и семейные традиции» ($p \leq 0,031$).

Кроме того, чем выше у студентов со средним уровнем психологического благополучия стремление к личностному росту, чем более доверительные отношения с окружающими они способны устанавливать, а также контролировать свою деятельность, тем в большей степени у них выражены «желание лечить людей» ($r=0,206$; $p \leq 0,003$) и «желание решать научные медицинские проблемы» ($r=0,222$; $p \leq 0,001$). Позитивное отношение к себе ведет к росту привлекательности медицинской профессии в плане ее престижа или сохранения семейных традиций ($r=0,184$; $p \leq 0,007$). Интересно, что с увеличением определенности намерений и целей в жизни происходит снижение интереса к материальному вознаграждению как результату освоения медицинской профессии ($r=-0,156$; $p \leq 0,024$) (у студентов с низким уровнем, наоборот, этот мотив напрямую связан с чувством направленности жизни).

У студентов с низким уровнем психологического благополучия наблюдается рост самостоятельности и независимости с увеличением выраженности мотива выбора профессии «доступность медикаментов» ($r=0,254$; $p \leq 0,010$) и снижением желания лечить людей ($r=-0,277$; $p \leq 0,005$), облегчить страдания тяжелобольных ($r=-0,269$; $p \leq 0,006$), а также с уменьшением заботы о здоровье близких ($r=-0,205$; $p \leq 0,038$). Сформированность жизненных целей у них напрямую связана с прагматическими мотивами выбора профессии – привлекательностью медицинской профессии как деятельности, обеспечивающей материальный достаток в будущем ($r=-0,156$; $p \leq 0,024$).

Несмотря на слабый характер выявленных взаимосвязей ($r \leq 0,3$), на наш взгляд, результаты позволяют представить общую картину взаимосвязи мотивации выбора медицинской специальности и уровня психологического благополучия. Так, у студентов со средним уровнем психологического благополучия с увеличением отдельных его параметров становятся более выраженными профессиональные и альтруистические мотивы; у студентов с низким уровнем психологического благополучия наблюдается преобладание прагматических мотивов. Полученный результат может быть связан с большей сформированностью профессиональной идентичности у студентов со средним уровнем психологического благополучия.

Результаты могут использоваться в профориентационном консультировании и при работе со студентами для формирования у них чувства значимости профессии и, как следствие, повышения учебной мотивации.

Голованова Н.Ф.

ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Правительство Российской Федерации объявило курс на развитие к 2025 году цифровой экономики, интеграцию цифровых технологий в систему социальных отношений, организацию цифрового общества, и, как следствие, выдвинута доктрина цифрового образования. Доктрина цифрового образования устремлена к реализации трёх главных постулатов: создание взамен классно-урочной системы сетевой информационной образовательной среды с учебно-методическим сопровождением; индивидуализацию образовательных траекторий с постоянной диагностикой индивидуальных достижений и выявлением высоко мотивированных и талантливых обучающихся, их поддержкой и сопровождением; непрерывное образование с использованием онлайн-сервисов, в том числе, платных, что станет не только инструментом трудовой мобильности, но и условием жизненных достижений.

Образование открыто подстраивается под новые требования экономического развития, рынка труда, но стоит отдавать себе отчёт в том, что, цифровая составляющая образования – это лишь средство, а не цель. Являясь важным ресурсом развития экономики и организации труда, цифровизация нуждается в основательном гуманитарном и психолого-педагогическом сопровождении. Концепция цифрового образования по существу обращена к формированию в обществе цифровой грамотности, то есть обучению цифровым технологиям, включая навыки программирования, организации коммуникаций в онлайн-среде и др. Образование же обязательно предполагает ещё и воспитание, а это, в свою очередь, ставит вопрос о системе ценностных отношений личности в системе цифрового образования. Выводится из тени и открыто предлагается набор ценностей (стыдливо проявлявшихся уже в системе гуманистического личностно ориентированного образования), на которые ориентируется цифровое образование: индивидуализация, конкурентоспособность, личный успех, социальная дифференциация. Воспитанию, которое связано с освоением личностью системы ценностных отношений и смыслов, формированием своей жизненной позиции, отказано в праве на существование как рудименту педагогики. Предполагается, что близкие задачи выполнит социализация за счёт активизации коммуницирования в цифровой реальности, использования ресурсов цифровых технологий для саморазвития личности и управления идентичностью. Но при вытеснении воспитания из образовательного процесса он становится не педагогическим, а технологическим процессом. Разрушается семиотическая система, на которой формируется личность. Технологические достижения начнут оказывать значимое влияние на этические нормы. Существует опасность, что вместо них в общественном сознании будут господствовать стереотипы, навязываемые массовой культурой. За скобки выводятся жизненные принципы, убеждения, мировоззрение личности, поскольку они прямо не конвертируются в экономические достижения.

Нравственный идеал трансцендентен по отношению к цифровым технологиям: и профессионал в цифровой экономике, и обыватель, ответственно взаимодействующий с цифровыми институтами государства, одинаково должны быть высоко нравственными людьми, а аксиологические императивы культивирует не экономика, а воспитание.

Для того, чтобы гуманитарная составляющая нашего отечественного образования не была утрачена в угоду цифровизации, необходим новый теоретический прорыв в педагогике на базе антропологической методологии, а в воспитательной практике должна активнее культивироваться со-бытийная общность.

Следует отказаться от иллюзий, что педагогика как наука может управляться извне по команде организаций и лиц, отвечающих за финансирование образование. У нашей отечественной педагогики накоплено такое огромное научное и духовное наследие, что превращение образования из инструментальной ценности цифрового общества, из маршрута в направлении жизненного успеха в терминальную ценность, обеспечивающую приобщения к культуре, будет ей по плечу.

Григорьева Е.В.

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА С РАЗНЫМИ ЦЕННОСТНЫМИ ТИПАМИ ЛИЧНОСТИ

В настоящее время интерес к различным аспектам духовного развития личности актуализирован на новом витке осмысления проблем современного мира и человека в нем. Вопросы духовности нередко исследуются в синкретическом единстве с нравственным развитием личности. Оформляется новое научное направление духовно-нравственной психологии (Борисова Н.В., 2018).

В литературе отражено множество подходов к исследованию духовности (Буравлева Н.А., 2011; Двойнин А.М., 2016; Харламенкова Н. Е., 2018). Одним из распространенных и востребованных в психологии подходов является аксеологический, в котором духовность исследуется в контексте ценностных ориентаций личности. В свою очередь ценностные ориентации являются основанием для разработки типологии личности, что отражено в работах ряда авторов (Яницкий М. С., 2012).

Весной 2018 г. было проведено эмпирическое исследование с целью выявления дифференциации духовных и нравственных ценностей студентов с разными ценностными типами личности. В исследовании выдвинута гипотеза о существовании различий в структуре духовных ценностей студентов разных ценностных типов. Для проверки предположения использовались методика Р. Инглхарта в модификации М.С. Яницкого, методы анкетного опроса и математической статистики. Общую выборку исследования составили 92 студента Кемеровского государственного университета.

На первом этапе исследования с помощью методики Р. Инглхарта в модификации М.С. Яницкого респонденты были разделены на группы. В первую группу вошли студенты с адаптирующимся типом личности, во вторую – с социализирующимся типом, в третью – с индивидуализирующимся и в четвертую с промежуточным ценностным типом личности. Адаптирующийся ценностный тип нацелен на устранение тревоги по поводу экономической и физической безопасности и на сохранение имеющихся достижений. Социализирующийся тип личности ориентирован на других людей, на интеграцию в общество, социальный статус. Индивидуализирующийся ценностный тип направлен на развитие, познание и самоактуализацию (Яницкий М.С., 2012). Промежуточный тип отличается неструктурированной системой ценностных ориентаций, в связи с чем, на последующих этапах исследования группа студентов с данным типом личности была исключена из процедуры сравнительного анализа.

На втором этапе студентам был предложен список из десяти ценностей, составленный на основе анализа литературы по проблеме духовно-нравственного становления личности. Список включал следующие ценности: добро, справедливость, долг, честность, совесть, преданность Родине, достоинство, терпимость, ответственность, взаимопомощь. Студенты определяли каждую ценность в категорию духовных или нравственных ценностей. При затруднении однозначной дифференциации, студенты могли обозначить ее как духовную и нравственную одновременно. На завершающем этапе данные опроса были подвергнуты сравнительному анализу с помощью расчета t-критерия Стьюдента.

Результаты нашего исследования позволяют говорить о различиях в структуре духовных ценностей студентов разных ценностных типов. Сравнительный анализ обнаружил больше различий в структуре духовных ценностей между студентами с социализирующимся и адаптирующимся типом личности. Студенты с социализирующимся типом личности достоверно чаще относят к духовным ценностям справедливость, долг, достоинство. У студентов социализирующегося и индивидуализирующегося типа обнаружено сходство дифференци-

ации ценностей на категории. Однако студенты социализирующегося типа включают долг в категорию духовных ценностей, а студенты с индивидуализирующимся типом – в категорию нравственных. В целом при дифференциации ценностей на духовные и нравственные студенты с социализирующимся типом личности достоверно чаще определяют ценности из предложенного списка как духовные, а студенты с индивидуализирующимся и адаптирующимся типом – как нравственные. Перспектива исследования связана с уточнением структуры духовных ценностей предложенных студентами с разными ценностными типами личности самостоятельно.

Даниленко О.И.

АНТИЦИПАЦИОННАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И ПОКАЗАТЕЛИ УСПЕВАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ: ПОИСК ВЗАИМОСВЯЗЕЙ*

Условием успешного обучения в вузе является становление студента как субъекта учебной деятельности (Конопкин, 1995; 2008; Моросанова, Фомина, 2016; Моросанова, Фомина, Цыганов, 2017 и др.). Перспективным направлением исследования саморегуляции в учебной деятельности является изучение способности студента прогнозировать ситуации, возникающие в ходе учебного процесса, и осуществлять подготовку к действиям, соответствующим прогнозируемым ситуациям. Теоретические основания для такого исследования мы находим в концепции антиципационной состоятельности (прогностической компетентности) личности, разработанной В.Д. Менделевичем, его учениками и коллегами (Менделевич, 1996; 2011; Ничипоренко, Менделевич, 2006; Абитов, 2007; Сумина, 2008 и др.).

Антиципационная состоятельность (АС) определяется как способность с высокой вероятностью предвосхищать ход событий, прогнозировать развитие ситуаций и собственных реакций на них, а также действовать с временно-пространственным упреждением. Модель АС, предложенная Менделевичем, включает три компонента: личностно-ситуативная, временная и пространственная АС. Широкое применение получил опросник, созданный для измерения общего уровня АС и его компонентов. Проведенное нами исследование с использованием этой методики не позволило выявить значимых взаимосвязей большинства показателей академической успеваемости с показателями АС (Даниленко, Горбунов, Юревич, 2017). Это побудило нас поставить задачу создания модели АС студента, в которой учитываются специфические для учебного процесса ситуации, с которыми может встретиться студент и к которым он может подготовиться благодаря способности предвосхищать ход событий. Созданный нами опросник АС-ВУЗ-2 позволил построить модель, которая включает компоненты АС студента, получившие следующие названия: дисциплинированность, предусмотрительность, саморегуляция в учебной деятельности, психосоматическая саморегуляция, самооценка успешности.

Цель представленного здесь исследования: выявить наличие взаимосвязей между показателями АС студента и его академической успеваемости.

Гипотеза: существуют положительные связи показателей АС студента и среднего балла за период обучения в вузе; отрицательные связи показателей АС и данных о неуспешности при сдаче экзаменов и/или зачетов.

Для проверки этого предположения проведено корреляционное исследование (коэффициент корреляции Пирсона). Использованы показатели пяти компонентов АС студентов, полученные посредством опросника АС ВУЗ-2 и показатели академической успеваемости студентов: средний балл за период обучения в вузе; случаи «провала» экзамена; количество таких случаев; случаи пересдачи зачета; количество таких случаев. Опрошено 276 студентов старших курсов разных специальностей.

Обнаружены позитивные взаимосвязи показателя среднего балла с показателями дисциплинированности ($r=0,15$ при $p=0,017$); предусмотрительности ($r=0,31$ при $p=0,000$); саморегуляции в учебной деятельности ($r=0,21$ при $p=0,001$); самооценкой успешности ($r=0,58$ при $p=0,000$). С этими же компонентами АС студентов обнаружены отрицательные взаимосвязи почти со всеми показателями, свидетельствующими о неуспешной сдаче экзаменов и зачетов. Так, с дисциплинированностью коррелирует факт «провала» экзамена ($r=-0,24$ при $p=0,000$) и количество «проваленных» ($r=-0,26$ при $p=0,000$) экзаменов. Не обнаружено ни одной статистически значимой взаимосвязи показателя компонента психосоматическая саморегуляция и показателей академической успеваемости. Для объяснения этого требуется углубленный анализ содержания данного показателя. В целом же гипотеза о связи показателей АС и академической успеваемости студентов получила подтверждение. Это свидетельствует также в пользу правильности построенной модели АС студентов. На ее основе может быть создан опросник, диагностирующий АС студентов.

**Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №16-06-00477а.*

Даринская Л.А.

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ И ПРОВЕДЕНИЯ МАСТЕР-КЛАССА ДЛЯ ПОДРОСТКОВ «ОБЩЕНИЕ С ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ»

С каждым годом в составе населения многих стран увеличивается доля пожилых людей. Обостряются проблемы их интеграции в социум, мотивации на позитивное изменение качества жизни, расширения коммуникативного пространства. Одним из способов решения проблем является межпоколенное взаимодействие. При его организации делается акцент на общих интересах и целях пожилых и молодых людей (проекты TINA в Португалии, Grandkit в Румынии, WeVlie в Нидерландах и др.). Важным социальным следствием подобных программ является взаимное обогащение поколений, способствующее личностному развитию участников взаимодействия, передача опыта от старшего поколения к младшему, реализация своих возможностей.

Анализ литературы и результаты проведенного нами пилотажного опроса пожилых людей ($n=68$, возраст от 58 до 91 года) и подростков ($n=163$, возраст от 11 до 15 лет) показали, что прежде чем организовывать межпоколенное взаимодействие, необходимо провести предварительную психолого-сопроводительную работу, повышающую готовность обоих поколений к эффективной коммуникации (Постникова, 2007; Петрова, 2008; Del Conte, 2015 и др.). С этой целью были разработаны программы психолого-педагогического сопровождения для разных возрастных групп, включающие мастер-классы.

Рассмотрим один из них - мастер-класс для подростков «Общение с пожилыми людьми».

Цель: развитие продуктивных навыков межличностного взаимодействия с пожилыми людьми.

Задачи: преодоление непонимания и враждебности по отношению к старшим, акцентирование внимания подростков на специфике взаимодействия с представителями старшего поколения, развитие коммуникативных навыков, повышение эмпатийности в общении.

Структура: 1) вводная часть: упражнения на создание у участников положительного эмоционального фона, готовности к активному участию в занятии (мотивационный компонент);

2) основная часть: - дискуссия о роли общения как основной потребности человека, его специфике в разные возрастные периоды жизни; возможностях расширения коммуникативно-

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

го пространства с помощью современных технологий (когнитивный компонент); - упражнения на формирование у участников позитивного самоотношения и готовности к реализации своих возможностей в разных видах деятельности (эмоционально-рефлексивный компонент); - знакомство с приемами рефлексивного и нерефлексивного слушания, конструктивного общения в конфликтных ситуациях (поведенческий компонент);

3) заключительная часть: подведение итогов занятия, обсуждение, моделирование коммуникативных ситуаций, создание собственного текста.

В мастер-классе участвовали 132 человека в возрасте от 13 до 17 лет (средний возраст $14,45 \pm 1,24$), учащиеся школ и колледжей Санкт-Петербурга, из них - 66,7% девушки (88 человек), 33,3% юноши (44 человек).

Для анализа отношения подростков к взаимодействию с пожилыми людьми использовались данные, полученные с помощью невербальной (рисование «Круга общения») и вербальной (свободное сочинение) проективных методик, и результаты собеседования. Контент-анализ текстов и комментариев подростков позволил выявить спектр размышлений и переживаний участников.

Так, в своей семье позитивно относятся к пожилым 75,8% опрошенных; негативно - 1,6%; нейтрально - 22,8%. К пожилым людям «вообще» 55,3% подростков относятся позитивно; 40,9% - нейтрально; 3,8% - негативно. Трудности в общении с пожилыми людьми испытывают 37,3% опрошенных («не понимают, чем живет молодое поколение»; «слишком активно навязывают свое мнение» и др.). В процессе мастер-класса обозначился такой аспект проблемы отношения молодежи к старшему поколению, как «всегда ли надо уважать за возраст?». Подростки задумались и о помощи пожилым в сфере освоения цифровых технологий («они смогут узнать, чем интересуются их дети и внуки»).

Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшей разработки программ психологической поддержки пожилых людей и для организации межпоколенных практик.

Делгадильо К.К., Маслова О.В.

ЦЕННОСТИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИХ ОБУЧЕНИЯ В РОССИИ

Ядром любой культуры являются ценности. В результате инкультурации они становятся важнейшими составляющими внутреннего мира личности. Ценности являются компасом, навигатором, точкой опоры личности.

Попадая в далекую и отличную от родной культуру, человек встречается с иными нормами, правилами и самое главное – с иными ценностями и нередко оказывается в ситуации ценностного «сумбура». На уровне индивидуального сознания происходит конфликт новых и старых ценностей, человек испытывает аксиологический шок, «ценностный сумбур», требующий переоценки системы ценностей. Тем самым ситуация погружения в новую культуру выступает пусковым механизмом для изменения системы ценностей личности.

Целью нашего исследования является выявление динамики ценностных ориентаций латиноамериканских студентов в России.

Данное сообщение посвящено результатам первого этапа начатого нами лонгитюдного исследования.

Нами было исследовано 60 студентов из Латинской Америки. Все они являлись студентами факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин, (подготовительного фа-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

культета) РУДН и только недавно приехали в Россию. Срок их пребывания в России составил не более трех месяцев, средний срок жизни в России – 2 месяца. Среди них было 25 мужчин и 35 женщин. Возраст респондентов составил от 18 до 39 лет, средний возраст 26 лет.

Мы применили «Ценностный опросник», разработанный Ш. Шварцем и методику Р. Инглхарта для изучения ценностной структуры массового сознания. Все методики представлялись на испанском языке.

На уровне нормативных идеалов (то есть на уровне убеждений) наиболее значимы для латиноамериканских студентов ценности Универсализм (понимание, терпимость и защита благополучия всех людей и природы), Доброта (сохранение и повышение благополучия близких людей) и Традиции (уважение и ответственность за культурные и религиозные обычаи и идеи). Однако на уровне индивидуальных приоритетов (то есть в конкретных поступках) наряду с ценностью Универсализм в наибольшей степени проявляются такие ценности как Безопасность (безопасность и стабильность общества, отношений и самого себя) и Самостоятельность (самостоятельность мысли и действия), которые занимают 1 и 3 ранги соответственно. Ценности Доброта и Традиции на уровне поведения проявляются в меньшей степени, занимая 4 и 6 ранги соответственно. Таким образом, в ситуации погружения в новую социо-культурную среду и под давлением необходимости адаптации к ней, у визитеров отмечается несовпадение ценностных структур на уровне убеждений и на уровне поведения. На поведенческом уровне ценности Безопасность и Самостоятельность более значимы, чем ценности Доброта и Традиции.

Наименее важны для латиноамериканских студентов на уровне нормативных идеалов ценности Стимуляция (волнение и новизна), Гедонизм (наслаждение или чувственное удовольствие) и Власть (социальный статус, доминирование над людьми и ресурсами). Эти же ценности являются наименее важными и на уровне индивидуальных приоритетов, хотя ранг ценности Стимуляция на поведенческом уровне выше (10 и 8 соответственно).

С помощью методики Р. Инглхарта, мы выявили, что 40% респондентов относятся к индивидуализирующемуся типу, для них наиболее важными являются самореализация, свобода, терпимость. К социализирующемуся типу относятся 28% респондентов. Для них самое главное семья, карьера, общественное признание. У 32% респондентов выявлен промежуточный тип в силу отсутствия общих значимых ценностных ориентиров. Подчеркнем, что ни один студент не принадлежал к адаптирующемуся типу, для которого самое главное порядок, здоровье, материальный достаток.

Дериш Ф.В.

ДИСПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ И ТИПЫ МОТИВАЦИИ КАК ПРЕДИКТОРЫ УСПЕШНОСТИ ОБУЧЕНИЯ

На данный момент в психологической науке накоплен достаточный объем исследований взаимосвязи диспозиционных черт личности и учебных достижений на различных выборках и в рамках различных факторных моделей (например, «Большая пятерка», «HEXACO» и т.п.). В метааналитическом исследовании Поропат, наиболее связанными с успеваемостью оказались «Добросовестность» и «Согласие» модели Большой пятерки (Poropat, 2009; Trapmann et al., 2007; Nakimi et al., 2011; Слободская и др., 2008).

Другим направлением изучения предикторов успешности обучения является исследование разных типов академической мотивации. Вклад собственно мотивационных факторов

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

(внутренняя мотивация, мотивация достижения, самооффективность и т. п.) в академические достижения значительно выше, чем вклад личностных переменных, что связано с их непосредственной ролью в регуляции деятельности (Robbins et al., 2004; Duckworth, Seligman, 2005; Fortier et al., 1995). Однако эти данные носят разрозненный и зачастую противоречивый характер, возможно, определяемый особенностями образовательной среды (Stetsenko et al., 1995), различиями в используемых теоретических конструктах и измерительных инструментах.

Вышесказанное определило цель исследования — сравнение предсказательной способности диспозиционных черт личности и типов академической мотивации в успешности обучения у студентов вуза.

Выборка составила 124 студента (количество девушек — 109) первого курса в возрасте от 17 до 21 лет ($M=19,1$; $SD=1,06$).

Диагностика диспозиционных черт личности проводилась с помощью HEXACO-PI-R (Егорова, Паршикова, 2015). Академическая мотивация диагностировалась с помощью опросника «Шкалы академической мотивации» (Гордеева, 2014). В качестве показателей успешности в обучении использовался средний балл по результатам двух сессий. В исследовании использовался множественный регрессионный анализ методом наименьших квадратов. Для проверки гипотезы о том, что диспозиционные черты личности модели HEXACO вносят достоверный вклад в вариативность успешности обучения, в качестве независимых переменных были выбраны личностные черты модели HEXACO.

Из пяти построенных регрессионных моделей две оказались достоверными при использовании F-критерия ($F_4=3,24$, $p=0,03$, $R^2=0,088$; $F_5=3,49$; $p=0,03$, $R^2=0,064$ соответственно). В данной модели независимыми переменными выступили черты «Эмоциональность» ($p=0,06$; $Beta=0,19$), «Экстравертированность» ($p=0,11$; $Beta=0,16$) и «Сознательность» ($p=0,02$; $Beta=0,23$).

Рассматривая более подробно высокий уровень качеств, необходимых для успешной деятельности и последующего профессионального успеха, совместно с высокой эмоциональной чувствительностью и социальной смелостью отчасти определяют академический успех.

Для проверки гипотезы о связи типов академической мотивации и успешности обучения в качестве независимых переменных оказались типы академической мотивации.

Наиболее объяснимой моделью оказалась Модель 4 с коэффициентом детерминации $R^2=0,12$. В данной модели независимыми переменными выступили следующие показатели: «Познавательная мотивация» ($p=0,001$; $Beta=-0,60$), «Мотивация саморазвития» ($p=0,05$; $Beta=0,34$) и «Мотивация достижения» ($p=0,03$; $Beta=0,30$).

Выводы:

1. Более организованные и упорные студенты, испытывающие тревожность по отношению к требованиям и условиям обучения, и вовлеченные в социальные взаимодействия со сверстниками и преподавателями, достигают высоких достижений в обучении.
2. Для успешности обучения наиболее предсказательным является внутренняя академическая мотивация, чем другие типы мотивации и диспозиционные черты личности.
3. Желание познавать новое и стремление к более глубокому изучению предмета предсказывают низкую результативность одновременно с положительным влиянием мотивов получения высоких результатов от учебной деятельности и повышения собственной компетентности на результаты сессий.

Еремеева Т.С., Кора Н.А.

ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ С РАЗЛИЧНЫМ СТАЖЕМ РАБОТЫ В ВУЗЕ

Для исследования особенностей профессиональной деформации личности были определены две группы испытуемых – в первую группу вошли преподаватели Амурского государственного университета, имеющие стаж работ в вузе менее 3 лет (15 чел.), а во вторую – со стажем более 3 лет (15 чел.). Общая выборка – 30 чел. Средний возраст – 42 года.

В данном исследовании использовалась методика «Диагностика уровня эмоционального выгорания» В.В. Бойко (1996 г.). На основе полученных результатов были определены ведущие симптомы «сгорания» в каждой группе испытуемых.

В каждой группе были выявлены преподаватели вуза со сложившимся симптомом по всем трем стадиям эмоционального выгорания. Наиболее тревожная ситуация в группе преподавателей со стажем работы в вузе более 3 лет. У 46,7% человек сложившийся симптом истощения. Это свидетельствует, возможно, об эмоциональном дефиците и эмоциональной отстранённости сотрудников. Работа опытных преподавателей требует большого объема самостоятельной деятельности, постоянного профессионального развития и самосовершенствования, поэтому для них чаще всего характерна личностная отстранённость (деперсонализация), что может привести к психосоматическим и психовегетативным нарушениям. У молодых преподавателей сложившийся симптом истощения был выявлен у 26,7% человек.

В группу риска можно включить и тех преподавателей, у которых складывается симптом. Причем в группе молодых преподавателей вуза со стажем работы менее 3 лет этот показатель выше, чем в группе преподавателей с большим стажем на 20%. Несложившийся симптом напряжения был определен у одинакового количества испытуемых обеих групп – 40% преподавателей.

Далее было выявлено, что сложившийся симптом напряжения в группе преподавателей со стажем работы в вузе менее 3 лет составил 13,3%, что в два раза выше, чем этот же показатель в преподавателей с большим стажем. Преподаватели со сложившимся симптомом напряжения, как правило, находятся в состоянии переживания психотравмирующих обстоятельств. Они не удовлетворены собой. Им кажется, что в настоящий момент они «загнаны в клетку». У таких преподавателей чаще могут возникать тревоги и депрессии.

Следует заметить, что в группе начинающих работать в вузе преподавателей очень высокий показатель складывающегося симптома напряжения (40%). В группе более опытных преподавателей этот показатель составил 26,7% человек. Это можно объяснить тем, что начиная профессиональную деятельность в вузе, молодой преподаватель по своим профессиональным обязанностям в большей степени взаимодействуют с окружающими людьми, вовлечен в межличностные контакты, которые не всегда могут быть конструктивными. И как правило, чаще всего виноватыми в конфликтах объявляются именно молодые и менее опытные преподаватели.

Результаты по стадии резистенции также говорят о том, что в группе начинающих преподавателей уже сложился симптом у 6,6 % человек, как и в более опытной группе. Преподаватели же со сложившимся симптомом резистенции, как правило, демонстрируют менее адекватное избирательное эмоциональное реагирование в конкретных ситуациях, возможна эмоционально-нравственная дезориентация. Руководитель структурного подразделения вуза должен обратить внимание на тот факт, что для такой категории его преподавателей возможна редукция профессиональных обязанностей, поэтому лицам со сложившимся симптомом резистенции необходимо обратиться за медико-психологической помощью к специалистам.

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Складывающийся симптом резистенции был выявлен у 33,3% преподавателей, имеющих стаж работы в вузе более 3 лет, в то время как в группе молодых преподавателей с меньшим стажем этот показатель составил всего 13,3%. Эти преподаватели попадают в так называемую «группу риска», и в случае, если им не будет оказана адекватная психологическая помощь, они пополнят категорию преподавателей со сложившимся симптомом резистенции.

Для доказательства статистически значимых различий в обнаруженных показателях использовался критерий Манна Уитни. Проведенный анализ данных показал, что существуют незначимые различия между группами испытуемых по выраженности симптомов эмоционального выгорания.

Таким образом, выдвинутая гипотеза подтвердилась.

Есманская Н.Е., Нгуен В.У.Н.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТИРОВАННОСТИ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ

В настоящее время многополюсный мир вступил в период сильных изменений и поисков дальнейших перспектив развития. Динамично развивающееся общество предъявляет повышенные требования к общественной мобильности личности.

В соответствии с этим, изучение социально-психологической адаптированности студентов к новым, постоянно изменяющимся реалиям становится принципиально значимым во многих теоретико-экспериментальных исследованиях.

В настоящее время освоение социально-психологической адаптированности студентов к обучению в вузе, связанно с малой сформированностью важных личностно-профессиональных качеств. Последствия неуспешной личностной адаптации могут приводить к нарушению непрерывности образовательного процесса и негативно влиять на подготовку будущих специалистов.

Чем успешнее студент адаптируется к новому коллективу, новым социальным условиям и нормам, тем больше он имеет в запасе личного опыта для дальнейшей профессиональной деятельности, обязательно связанной с очередной стадией социально-психологической адаптации.

В зарубежной психологии были предложены различные подходы, связанные с феноменом адаптации: адаптация определяется как соотношение изменений окружающей среды и личности (А. Адлер, Э. Эриксон К. Хорни, Э. Фрейд, Х. Хартманн и др.), как показатель степени развития когнитивной сферы (А. Бека, А. Эллиса, Л. Фестингер и др.), как адекватная продуктивная результативность (М. Вебер, Дж. Г. Мид, Т. Парсонс и др.), как сложный динамический процесс взаимодействия личности и среды, приводящий к оптимальному соотношению ценностей личности и среды (А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл и др.). Российские ученые рассматривают проблему социально-психологической адаптации следующим образом: делается акцент на личностные качества и структуру личности в целом (А.А. Алдашева и Ф.Б. Березин), на соответствие актуальных потребностей уровню их удовлетворения (П.С. Кузнецов), на специфику взаимодействия личности и социальной среды (А.А. Налчаджян), на активность личности (Г.А. Балл).

Согласно А.А. Налчаджяну под социально-психологической адаптированностью понимается такое состояние взаимоотношений личности и группы, когда личность в результате коротких внешних и внутренних конфликтов продуктивно выполняет свою главную деятельность, удовлетворяет свои ведущие социогенные потребности, в полной мере идет навстречу тем ролевым ожиданиям, предъявляющимся к ней эталонной группой, переживает состояния самоутверждения и свободного выражения своих творческих способностей.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

С точки зрения О.И. Зотова и И.К. Кряжева под социально-психологической адаптацией подразумевается включенность личности в социальную среду через обретение статуса, места в социальной структуре общества, что является необходимым условием функционирования общества как единого социального организма. Под адаптированностью личности понимается оптимальная реализация внутренних возможностей, способностей человека и его личностного потенциала в значимой сфере.

Успешность социально-психологической адаптированности студентов к обучению в вузе стимулирует, особенно на младших курсах, результативность их интеллектуальной активности, укрепляет общий жизненный тонус, поддерживает высокую работоспособность. Тем самым предупреждается отсев студентов, происходящий в основном, в первые годы обучения. Кроме того, успешная социально-психологическая адаптированность существенно определяет мотивацию, характер и продуктивность учебной деятельности на старших курсах.

Успешная социально-психологическая адаптированность студентов к вузовскому образованию не только способствует готовности изменять себя с учётом понимания проблемы другого, развитию эмпатических способностей, осознанию смысловых ориентаций, но и развивает личность, мотивацию и личностно-профессиональные качества с учётом возрастных и культурных особенностей. А это в свою очередь, повышает уровень социально-психологической адаптированности студентов к обучению в вузе.

Таким образом, рассматривая феномен социально-психологической адаптированности как многокомпонентное динамичное образование, можно представить в обобщенном виде систему адаптационных ресурсов личности. Данные могут служить основой для создания не только вариативных психодиагностических, но и психокорректирующих адаптационных программ.

Жданова С.Ю., Доронина В. Ф.

СТРАТЕГИИ СОВЛАДАНИЯ С РИСКАМИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ У СТУДЕНТОВ

Социальные сети и Интернет являются значимой частью повседневной реальности современной молодежи, предоставляют широкий спектр возможностей для общения, досуга, учебной деятельности и др.

Вместе с тем, виртуальное пространство социальных сетей содержит в себе риски, которые могут нарушать психологическую безопасность пользователей. Выделяются следующие виды онлайн-рисков: контентные, коммуникативные, технические и потребительские (Солдатова, Рассказова, 2014).

Для обеспечения безопасности в социальных сетях необходимо использование различных копинг-стратегий в отношении онлайн-рисков. Выделяются три группы стратегий совладания в Интернете: активные стратегии, пассивные стратегии, стратегии поиска социальной поддержки.

Целью нашего исследования стало выявление преобладающих способов совладания с различными рисками в социальных сетях в юношеском возрасте. Методологической основой исследования выступили работы Солдатовой Г.У. с соавторами (Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю., 2013; Солдатова Г.У., Шляпников В.Н., Журина М.А., 2015).

В качестве выборочной совокупности выступили обучающиеся 1 курса Пермского государственного национального исследовательского университета (62 человека, средний возраст 18,8 лет), а также студенты колледжа профессионального образования ПГНИУ (51 человек, средний возраст 17,2 года). Общая численность выборки составляет 113 человек.

Для реализации цели исследования использовалась анкета, состоящая из 26 вопросов (открытых и закрытых) и диагностирующая следующие критерии: частота и длительность

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

пользования социальными сетями, опыт столкновения с контентными, коммуникационными (кибербуллинг, риски сексуального характера), техническими и потребительскими рисками, способы совладания с различными видами рисков (активные, пассивные стратегии, стратегия поиска социальной поддержки). Обработка ответов на открытые вопросы осуществлялась методом контент-анализа. Выявлена структура контентных, коммуникативных, технических, потребительских рисков. Обнаружены преобладающие копинги, использующиеся студентами для совладания с различными рисками в социальных сетях.

Так, в отношении контентных рисков студентами вуза чаще применяются активные стратегии, студентами колледжа – пассивные, поиск социальной поддержки не используется обеими категориями студентов. В ситуации технических рисков наиболее часто применяются активные варианты копинга, а также поиск социальной поддержки. При столкновении с кибербуллингом чаще всего используется в равной степени активное и пассивное совладание. С рисками сексуального характера и студенты вуза, и студенты колледжа склонны справляться при помощи активных стратегий, в то время как поиск социальной поддержки здесь почти не используется. В отношении потребительских рисков в социальных сетях студенты вуза в большей мере применяют активное совладание по сравнению со студентами колледжа, для которых более характерен пассивный вариант копинга.

Можно сделать вывод, что в целом студенты склонны активно совладать с возникающими угрозами в социальных сетях, быть субъектами в реализации собственной безопасности онлайн. В то же время обучающиеся среднего профессионального учебного заведения по сравнению со студентами вуза демонстрируют большую склонность избегать активного решения возникающих трудностей в социальных сетях в отношении контентных и потребительских рисков.

Новизна исследования заключается в рассмотрении рисков онлайн на таком специфическом интернет-ресурсе, как социальные сети, а также изучение совладающего поведения в Сети на примере лиц юношеского возраста (ранее вопрос безопасности в Интернете изучался на выборке детей и подростков).

Результаты работы могут быть полезны для теории киберпсихологии, а также могут использоваться в практике психологов в системе высшего и среднего профессионального образования с целью проведения с обучающимися практических занятий по формированию безопасного поведения в социальных сетях.

Жебровская О.О.

GOOGLE КЛАСС - ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Цифровизация (преобразование информации в цифровую форму) является одним из трендов современного высшего образования. Это отражено в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы, программе «Цифровая экономика России». Одним из инструментов реализации этих идей в высшем образовании является создание онлайн-курсов, различных форматов, которые позволят преподавателям не просто выкладывать свои курсы в сеть, но и оперативно создавать образовательный контент, организовывать дистанционное общение. В условиях цифрового образования повысится роль преподавателей как специалистов, сопровождающих индивидуальное обучение студентов, умеющих организовать цифровое пространство в рамках рабочей программы учебной дисциплины. В СПбГУ с конца 2011 года используется LMS (Learning Management System – система управ-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ления обучением) Blackboard. Безусловно, она предоставляет пользователям большое количество возможностей, но существуют объективные проблемы при ее внедрении: необходимость продолжительной регистрации курса и студентов, избыточное количество функций и инструментов, вызывающие затруднения у пользователей, технические проблемы. Эффективность этой системы активно обсуждается, сравнивается с Moodle (Ребиков В.Б., 2013), преподаватели ищут новые возможности, например, реализации образовательного ресурса социальных сетей (Бордовская Н.В., Тулупьева Т.В., Тулупьев А.Л., Азаров А.А., 2016), а использование преподавателями зачастую сводится к размещению в этой многофункциональной системе текстов и использованию календаря для установления сроков сдачи работ. Для решения проблем цифровизации и организации «быстрых» курсов (например, консультационных, курсов по программам дополнительного образования и т.д.) можно использовать простые сервисы. Они не исключают Blackboard, но позволяют более гибко реагировать на образовательные запросы студентов и организовывать общение с ними. Одним из таких сервисов является LMS Google Classroom или Google Класс – бесплатный набор инструментов для работы с электронной почтой, документами и хранилищем материалов. К преимуществам Класса относятся возможности простой настройки, организации курсов преподавателями, приглашения студентов и других преподавателей (до 20 соведущих). В структуре курса есть лента событий, которая позволяет создавать задания, объявления и вопросы. Планирование курса осуществляется с использованием календаря, все студенты за несколько дней до дедлайна получают оповещение. В Классе можно публиковать задания, проводить обсуждения, оперативно оценивать работу, комментировать результаты. Он сопряжен с материалами, размещенными на Google Диске, что позволяет быстро создавать новый курс. Обычно Google Класс считают сервисом для общего образования, но он может эффективно работать и в высшем образовании, хотя подобный опыт пока является редким (Логинава А. В., 2015).

В 2017 – 2018 учебном году был получен опыт работы с этой LMS в процессе преподавания курса по выбору «Исторические и современные направления в педагогике» бакалаврам I курса факультета биологии. Кроме того, на основе Google Класс были организованы консультации для обучающихся и в рамках дополнительных образовательных программ. Создание основы курса (название, базовые элементы, структура, ознакомительный текст для обучающихся и их приглашение) занимает около 30 минут. Дальнейшее наполнение зависит от объема курса, количества заданий и их специфики. Проверка заданий существенно автоматизирована. Ознакомление с возможностями LMS Google Класс было включено в программу занятий в рамках дополнительной образовательной программы «Преподаватель высшей школы» (2018 г.).

Результаты работы с LMS Google Класс позволяют сделать следующие выводы:

1. Эта система является серьезным образовательным ресурсом, значительно повышает эффективность работы преподавателя, создает возможность конструктивного общения со студентами.

2. В качестве достоинств этой системы обучающиеся указывали возможность работы в индивидуальном режиме (95%), простоту и доступность (86%), удобство планирования и выполнения заданий (82 %), «эффект присутствия преподавателя» (57%).

3. Слушатели курсов ДООП «Преподаватель высшей школы» отметили эффективность системы (более высокие результаты при меньших затратах, в т.ч. и затратах времени) (100%), гибкость (возможность быстрого включения каких-либо элементов в курс, реагирования на деятельность обучающихся) (90%), новые возможности для создания оценочных средств и контроля (90%)

Игнатенко М.С., Семёнова М.М.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАУКЕ И СТРУКТУРА ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ УСПЕШНЫХ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Актуальность изучения личностных особенностей и представлений о науке у студентов, занимающихся научно-исследовательской деятельностью, обусловлена тенденциями развития российской науки и образования, среди них: модернизация современного образования и науки, подготовка конкурентоспособных научных и научно-педагогических кадров и другие. Проведённый теоретический анализ отечественных и зарубежных исследований личностных особенностей и жизнестойкости студентов показал, что, несмотря на разработанность отдельных составляющих проблемы, она остаётся недостаточно изученной (Богословский В.И. 1999; Вебер М. 1990; Гирфанова Е.Ю. 2005; Зимняя И.А. 2000; Зиневич Ю. А. 1989; Кугель С.А. 1999; Москвина А.В. 2004; Пахмутова М. А. 2012; Разина Т.В; Селье Г., Юревич А.В. 1998; Ярошевский М.Г. 1998).

Цель исследования: определить представления о науке и личностные особенности студентов, успешных в научно-исследовательской деятельности (НИД). Объект: студенты, успешные в научно-исследовательской деятельности. Предмет: личностные особенности (креативность, мотивация, ценностно-смысловые особенности, жизнестойкость) и представления о науке у успешных в НИД обучающихся. Выборку составили студенты вузов в возрасте от 18 до 25 лет.

Для изучения личностных особенностей студентов и представлений о науке, ученом, молодом исследователе использовались методика М. Рокича, ценностный опросник С.Шварца, тест жизнестойкости С.Мадди, методика «Неоконченных предложений», методика диагностики личностной креативности Е.Е.Туник, Модификация теста-опросника мотивации достижения А. Мехрабиана, тест «Мотивация научной деятельности» Ю.С. Медведевой, Т.В. Огородовой. А также авторская анкета, которая позволила определить критерии успешности в НИД студентов (количество научных публикаций; научных мероприятий, научных проектов, конкурсов научно-исследовательских работ, в которых респондент принимал участие за последние два года, причастность к СНО) и выделить группы испытуемых: успешных и неуспешных в НИД (Семикин В.В., 2017).

По результатам анализа полученных эмпирических данных были сделаны следующие выводы. В представлениях студентов, успешных в НИД, ученый и молодой исследователь любознателен, целеустремлён и посвящает свою жизнь служению науке. Для них наука не только область знаний, глубинное познание мира, но и сфера профессиональных интересов, способствующая саморазвитию. Выявлены личностные особенности студентов, успешных в НИД: мотивация в научной деятельности направлена на содержание деятельности, приобретение важных профессиональных компетенций, а также на материальное благополучие; высокая ценность образования, продуктивности деятельности, безопасности и достижений. Следует отметить высокую степень проявления любознательности как свойства креативности. Эти студенты, обладают логическим мышлением, используют полученные знания для обоснования своей точки зрения, в процессе поиска истины способны принять позицию оппонентов при их убедительности. Личностные особенности студентов, успешных в НИД, имеют определённую структуру и особенности во взаимосвязях. Контроль как компонент жизнестойкости имеет наибольшее количество взаимосвязей с другими личностными особенностями, что свидетельствует об активности действий в решении сложных жизненных ситуаций. Студенты, успешные в НИД, в процессе обучения в вузе решают не только учебные, но и научные задачи, что

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

способствует развитию креативности и жизнестойкости. Они используют психологические ресурсы сопротивляемости (жизнестойкость) в соответствии со своими ценностными ориентациями.

Таким образом, полученные в ходе выполненной работы данные уточняют представления студентов о ученом, молодом исследователе и науке, свидетельствуют о личностных особенностях студентов с разной степенью включенности в НИД и могут рассматриваться как внутренние факторы становления современных молодых исследователей. Результаты исследования могут служить основой для разработки программы по развитию мотивации достижения, креативности, ценностных ориентаций, жизнестойкости у студентов.

Корожнева Л.А.

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Развитие личности младшего школьника в настоящее время определяется как приоритетная цель начального образования. В достижении обозначенной цели особая роль отводится усвоению универсальных учебных действий, которые составляют основу метапредметных результатов, достигаемых за период обучения в начальной школе. В самом общем смысле понятие «универсальные учебные действия» означает умение каждого школьника учиться, то есть становиться субъектом учебной деятельности в процессе осознанного освоения нового для него социального опыта. Более конкретное значение данного понятия рассматривает способы действий ученика, владение которыми позволяет самостоятельно усвоить новый учебный материал. Универсальные учебные действия делятся на 4 группы: личностные, регулятивные, познавательные, коммуникативные. Необходимо отметить, что отдельную группу составляют коммуникативные учебные действия. Ранее о коммуникации применительно к младшему школьному возрасту говорили только как об общении учащихся между собой, как правило, во внеурочной и внешкольной деятельности. Рассмотрение коммуникативных учебных действий, развитие которых происходит в процессе обучения через организацию взаимодействия и сотрудничества учащихся при решении учебных задач, является новой проблемой в области начального образования.

Коммуникативные учебные действия школьников подразделяются на три вида в соответствии с разными сторонами коммуникативной деятельности, а именно: взаимодействие, сотрудничество и условие интериоризации. Взаимодействие предполагает коммуникативные действия, учитывающие позиции одноклассников в совместной деятельности. При этом школьник учится понимать разные точки зрения на рассматриваемый вопрос; ориентироваться на мнение одноклассника, которое отличается от его мнения; обосновывать собственную позицию; видеть различные аспекты при оценке одного и того же предмета.

Сотрудничество включает коммуникативные действия, направленные на согласование своих собственных действий с действиями других участников учебного процесса для осуществления совместной деятельности. Младшие школьники в процессе сотрудничества учащаются договариваться, то есть находить общее решение практической задачи; аргументировать свое предположение, убеждать и уступать; сохранять доброжелательные отношения; проявлять инициативу в организации совместных действий и осуществлять взаимоконтроль и взаимопомощь в процессе деятельности.

Коммуникация как условие интериоризации содержит коммуникативно-речевые действия, важные для передачи информации другим ученикам и развития рефлексии. Для этого

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

необходимо учиться говорить понятные суждения; задавать вопросы, помогающие получить нужную информацию; осуществлять рефлексию деятельности.

Для выявления уровня развития коммуникативных учебных действий была проведена методика «Кто прав?» (модифицированная методика Г. А. Цукерман и др.). Исследование проводилось в третьих и четвертых классах двух школ г. Петрозаводска с целью определения уровня развития действий, учитывающих позицию собеседника. В данном случае рассматривался аспект коммуникации как взаимодействия. С учащимися проводилась индивидуальная беседа после прочтения текстов трех заданий по вопросам, предусмотренным заданиями. Авторы методики выделяют 4 критерия, позволяющие определить высокий, средний или низкий уровень развития коммуникативных учебных действий.

Анализ результатов показал, что от третьего к четвертому классу у отдельных учащихся происходят незначительные положительные изменения в развитии коммуникативных учебных действий. Однако половина учеников, заканчивающих начальную школу, имеет низкий уровень развития коммуникативных учебных действий, связанных с учетом позиции собеседника. Можно предположить, что в процессе обучения необходимо создавать учебные ситуации и специальные способы взаимодействия учителя и учащихся, а также учащихся между собой, обеспечивающие развитие коммуникативных учебных действий младших школьников.

Косирати И.М., Никифоров Г.С.

ДИНАМИКА МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Происходящие в нашей стране стремительные изменения социально-экономического характера диктуют все более высокие требования к профессионализму специалистов с высшим образованием. Данные исследований (А.А. Реан, В.А. Якунин, Н.И. Мешков, А.А. Мотков) позволяют утверждать, что высокая мотивация может восполнять недостаток специальных способностей, знаний и умений, играя роль компенсаторного фактора, но в обратном направлении компенсаторный механизм не срабатывает; что приводит к выделению принципа мотивационного обеспечения профессионального обучения. От уровня сформированности мотивационной сферы зависит как личная активность студента в учебном процессе, так и успешность в будущей профессиональной деятельности.

В рамках лонгитюдного исследования мотивационной сферы студентов вуза, нами была предпринята попытка изучить динамику мотивации достижения. Респондентами выступили студенты Северо-Осетинского государственного университета.

В публикации представлены результаты по данным студентов (111 чел.), принявших участие во всех этапах исследования – в начале обучения (1 курс), середине (3 курс) и на этапе выпуска (5 курс).

В качестве диагностического средства использовалась методика А.А. Реана «Изучение мотивации успеха и боязни неудачи», в основу которой положена концепция о позитивной (на успех) и негативной (на неудачу) мотивации (А.А. Реан, Н.В. Бордовская, С.И. Розум., 2004).

Анализ полученных результатов показал, что большинство студентов на 1, 3 и 5 курсах профессионального обучения мотивированы на успех – 56,76%, 50,45%, 58,56% соответственно. Тенденция мотивации на успех диагностируется у 21,62%, 18,92%, 16,22% студентов соответственно. Мотивация на успех относится к позитивной мотивации. Студенты при такой мотивации, начиная дело, имеют в виду достижение чего-то конструктивного, положительного; в основе их активности лежит надежда на успех и потребность в достижении успеха.

Мотивационный полюс не выражен у 17,12%, 16,22%, 15,32% студентов на 1, 3, и 5 курсах обучения. В этом случае можем говорить о наличии у респондентов ситуативно-изменяемых проявлений мотивации на успех или боязни неудачи – разных по интенсивности и динамичных во времени.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Мотивация на неудачу диагностируется у 1,8%, 3,6%, 3,6% студентов на 1, 3, 5 курсах обучения. Тенденция мотивации на неудачу выявлена у 2,7%, 10,81% и 6,31% студентов соответственно. Мотивация на неудачу относится к негативной мотивации, в ее основе лежит идея избегания и идея негативных ожиданий. При данном типе мотивации активность студентов связана с потребностью избежать срыва, порицания, наказания, неудачи.

Данную тенденцию подтвердил и анализ результатов обработки средних значений с помощью параметрического критерия t-Стюдента: несмотря на общую ориентированность студентов на достижение успеха (средние показатели – 13,79; 13,21; 13,69 соответственно), у студентов 3 курса (1-3 ($p=0,05$) и 3-5 ($p=0,05$)) в сравнении со студентами 1 и 5 значимо низкий показатель мотивации успеха и боязни неудачи. Возможно, это обуславливается переживанием кризиса, связанного с переоценкой выбранного профессионального пути, с трудностями выбора специализации, с неопределенностью профессионального поля реализации себя в будущем и т.д.

Необходимо отметить, что студенты, мотивированные на неудачу, обычно отличаются повышенной тревожностью, низкой уверенностью в своих силах. Они, как правило, стараются избегать ответственных заданий, а при необходимости решения таких задач могут впадать в состояние, близкое к паническому, что может представлять угрозу для их здоровья и благополучия в целом. И здесь нельзя переоценить значимость своевременного оказания студентам соответствующей комплексной психолого-педагогической поддержки (Реан А.А., 2001).

Выявленные особенности мотивации достижения студентов позволяют осуществить дифференцированный подход в процессе подготовки к предстоящей профессиональной деятельности. Актуальность проблемы исследования мотивации достижения студентов вуза определяется как задачами оптимизации процесса личностного и профессионального становления будущих специалистов, так и задачами совершенствования педагогического процесса в высшей школе.

Криштофик И.С.

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАКОГНИТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕДАГОГА

Исследование метакогнитивных компетенций педагогов опирается на теоретические положения о метакогнитивных явлениях как «мышлении о мышлении». К ним относятся представления Дж. Флейвелла о метапознании как системе знаний человека об особенностях собственной познавательной сферы и способах ее контроля (Flavell J. H., 1987); Дж. Уилсона о трех компонентах метапознания – метакогнитивной осведомленности, метакогнитивной оценке, метакогнитивной регуляции (Wilson J., 1999); М.А. Холодной о метапознании как способности человека управлять собственным познанием на основе двух видов интеллектуального контроля: непроизвольного и произвольного (Холодная М. А., 1997). А также представления о метакомпетенции и метакомпетентности: надсистемный, надструктурный характер метакомпетенции как охватывающей прочие компетенции (Brown B.R., 1993); метакомпетенция – первоисточник, способствующий приобретению других компетенций (Delamare Le-Deist F., & Winterton J., 2005); обобщенный характер метакомпетенции, ее направленность на личность, а не на задание (Ордобоева Л. М. 2014); различие метакомпетенции и метакомпетентности: как готовности к непрерывному получению знаний и умений (первая) и способности стратегически мыслить и оценивать образовательную ситуацию для выстраивания максимально эффективной образовательной траектории (вторая) (Шабанов О.А., 2015).

Под метакогнитивными компетенциями педагога в данном исследовании понимается комплекс познавательных умений педагога, а также способность планировать, регулировать, анализировать и оценивать процесс собственного обучения для целей профессиональной де-

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

тельности. Были выделены такие показатели метакогнитивных компетенций педагогов, как уровень самообучаемости, самооценка, степень соответствия рефлексивной и внешней оценки педагогов.

В исследовании приняли участие 46 учителей, работающих в образовательных организациях города Москвы.

Для решения задач исследования была разработана процедура оценки метакогнитивных компетенций учителя: материалы для тестирования педагогов, сочетающие задания на рефлекссию с заданиями, обеспечивающими внешнюю оценку интеллектуальных умений педагогов (например, понимание текста и т.п.); инструменты для проведения процедуры (тестирующая анкета для нескольких различных IT-сервисов, программное обеспечение для сбора и статистического анализа данных); инструкции (формулы для расчета коэффициентов) для конвертации ответов респондентов в числовой формат; критерии для оценки полученных числовых значений; формулы, позволяющие сгенерировать характеристику метакогнитивных компетенций респондента.

Самообучаемость. 26% респондентов показали высокий уровень, 13% – низкий уровень, остальные 61% респондентов продемонстрировали средний уровень самообучаемости. В целом, это ожидаемый результат, поскольку, специфика педагогической профессии состоит в необходимости постоянно самообучаться и переобучаться. Следует отметить, что высокий уровень обучаемости продемонстрировали учителя разных предметов: математики, физики, иностранных языков, словесности.

Самооценка. Завышенную самооценку продемонстрировали 57% респондентов, заниженная самооценка на втором месте – 24%, наименьшее количество респондентов имеют адекватную самооценку – 19%. Эти данные указывают на недостаточную сформированность умений анализировать и оценивать свои познавательные способности, необходимые для выполнения заданий наибольшей частью педагогов.

Соответствие рефлексивной и внешней оценки: в целом совпадает у 44% опрошенных, не вполне совпадает у 43 %, кардинально различается у 13%. Таким образом, большое количество учителей продемонстрировало точность в рефлексивной оценке, однако, были и те, кто не смог оценить себя адекватно и показали существенную разницу самооценки и реальных результатов.

Характеристика метакогнитивных компетенций, включающая такие показатели, как самообучаемость, самооценка, соответствие рефлексивной и внешней оценки, может быть использована для управления профессиональным ростом педагогов, выстраивания индивидуальных траекторий развития.

Макаров Ю.А.

ЛИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

О развитии личности педагоги говорят много. Сегодня эта тема весьма актуальна в связи с использованием компетентностного подхода в образовании. В программных документах на первом месте фигурируют именно личностные компетенции, а не знания, умения и навыки как таковые.

На практике мы видим, как минимум, несколько подходов к развитию личности в целом и личностных характеристик, востребованных в профессиональной деятельности будущего специалиста в вузе. Первый основывается на идее о том, что преподаватель в ходе профессионального обучения реализует и воспитательные цели. Впрочем, это доступно только преподавателю, находящемуся на высшем уровне педагогического мастерства. Предполагается, что

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

высокий уровень знаний, умений и навыков положительно коррелирует со степенью сформированности нужных личностных качеств. Второй подход предполагает акцент на общекультурной подготовке будущего специалиста. Тут мы видим привязку уже не к профессионально ориентированным учебным дисциплинам, а гуманитарным. Однако следует заметить, что преподаватели гуманитарных дисциплин зачастую имеют слабое представление о профессиональной деятельности, ждущей студентов за порогом вуза. Есть ещё собственно психологический подход. Он практически не реализован в современной системе образования. Это целенаправленная работа психологов по формированию необходимых личностных характеристик будущего специалиста. Необходимо создание психологических служб, отслеживающих особенности личностного становления каждого студента и ориентированных на специальную психологическую подготовку будущего профессионала.

Для того чтобы связать все эти способы психологической подготовки студентов следует, как минимум, чётко определить существенно важные личностные качества в общей структуре профессионально-важных качеств (ПВК), необходимых для той или иной профессии и чётко обозначить их в программных документах подготовки специалиста. Именно эти качества должны быть выделены, конкретизированы и диагностированы специалистами-психологами. Именно эти личностные характеристики, наряду с оценками по учебным дисциплинам, должны стать целью педагогических воздействий в процессе обучения, диагностироваться в контрольных точках и на исходе обучения.

Получим ли мы какой-либо положительный эффект при затратах на содержание психологической службы и на специальную психологическую подготовку?

В течение десятилетия мы изучали закономерности становления профессионально востребованных личностных характеристик специалиста в вузе. Провели серию исследований. Так, к примеру, мы выделили на основе анализа учебных компетенций и мнений специалистов наиболее значимые личностные характеристики профессионалов-экономистов. Определили те психологические характеристики, которые позволяют стать студенту максимально эффективным профессионалом. Создали программу психологического тренинга, рассчитанную на учебный год. Половина учебных групп прошли подготовку, вторая половина выполняла контрольную функцию. Сравнение с контрольными группами учащихся, показало, что целенаправленная работа психолога по формированию личностных компетенций весомый и значимый фактор в учебной работе. В экспериментальных группах выше успеваемость, больше соответствий личностных характеристик, тем, что заявлены в программных компетенциях. Позже статистически достоверные различия мы получили также и при работе с группами журналистов, педагогов.

В других исследованиях в рамках нашей темы были получены статистически значимые корреляционные зависимости (коэффициент корреляции Пирсона) по таким параметрам, как высокий уровень интеллектуального развития и развитие тех личностных качеств, которые востребованы в конкретной профессиональной сфере ($p \geq 0,05$) (возможно это связано с изначально осознанным выбором профессии, адекватной оценкой собственных качеств и т.д.); высокая степень совпадения с требованиями к личностным характеристикам специалиста и учебной дисциплиной (количество пропусков учебных занятий и своевременность выполнения учебных заданий) ($p \geq 0,05$); высокая степень совпадения с требованиями к личностным характеристикам специалиста и высокими темпами адаптации выпускника к условиям трудовой деятельности (оценка тревожности, эмоционального комфорта и пр.) ($p \geq 0,05$) и т.п.

Польза от психологического сопровождения студента очевидна. Контроль за становлением личности будущего специалиста позволит выявить проблемные области развития, осуществить более точный прогноз в обучении и профессиональной деятельности.

Москвитина О.А.

ЛИЧНОСТЬ ГЕРОЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

В современном обществе, лишённом официальной идеологии, коллективно одобряемых норм, морали и ценностей, фраза о том, что «каждое время рождает своих героев» заставляет задуматься над тем, а кто в современном мире считается героем и какой он, настоящий герой – пример для подражания? Особенно актуальным представляется этот вопрос в отношении прорастающего поколения, когда нигилизм, а зачастую и противостояние миру взрослых, миру институализированных норм и ценностей нарастает.

Б.Г. Ананьев (1968, 1980) в своих трудах, наряду с понятиями «индивид», «субъект», «индивидуальность» и «человек», выделял понятие – «личность». Личность, по его мнению, является и объектом и субъектом исторического процесса. Он указывал, что личность является «сознательным индивидом», который путём усвоения нравственных, социальных норм, правового поведения может организовать и саморегулировать свою деятельность; каждая личность вносит уникальный вклад в развитие общества через экстерииоризацию своего внутреннего мира. Личность творит свою историю на протяжении своего жизненного пути и влияет на других. Важной в этом процессе представляется личность героя, который, обладая особыми качествами, преобразует мир в соответствии со своими устремлениями, мотивацией, системой ценностей. Проблемой нашего исследования стало выявление разницы между понятиями «герой» и «современный герой» в представлении современных старшеклассников. В исследовании приняли участие 60 учеников старших классов московской общеобразовательной школы. Целью исследования явилось выявление представлений современных старшеклассников о сущностных характеристиках героя и его времени. Методы исследования: анкетирование (анкета о герое и его времени), проективный метод (незаконченные предложения, парциальная оценка качеств героя). Вопросы анкеты касались основных социально-демографических характеристик героя, источников информации о герое и то, чему хотели бы стремиться школьники. Были получены следующие результаты: герой с точки зрения старших школьников: реален, он – мужчина среднего возраста или молодой человек, проживает в нашей стране, скорее всего он герой прошлого, но высказывались мнения что герой – современник. Большая часть испытуемых охарактеризовала время, в котором живёт герой как время испытаний, а небольшая охарактеризовала его мирным временем. Для одной части школьников герой – историческая личность, для другой – обычный человек – современник. В незаконченных предложениях школьники указали, что герои для них – родственники; конкретные персонажи из жизни; представители героических профессий; те, кто обладает набором определённых качеств. Современными героями для них стали: конкретные люди (из субкультуры); обладатели определённых качеств; родственники; представители героических профессий. Главными качествами для героев явились: отвага, доброта, внешность, надёжность, честность. Старшие школьники хотели бы совершать подобные героические поступки; размышлять как герои, обладать таким же характером. Основными источниками информации о герое стали: жизнь и книги.

Полученные результаты показали, что в представлениях старших школьников присутствуют два типа героя: так называемый «герой поступка с большой буквы» и «герой поступка с маленькой буквы» (Фарли Ф., 2001). К героям «поступка с большой буквы» они относят героев прошлого, чаще всего – военных, а героям «поступка с маленькой буквы» – обычных людей – современников, кумиров субкультуры. Можно предположить, что переживание своего времени и исторического времени в данном контексте, вызывает представления памяти о далёком прошлом и о фигурах признанных героев, обладающих типичными качествами, и переживания текущего момента и фигуры современников – сверстников с «модными» качествами и навыками. По-видимому, это связано с психологическими особенностями данного возраста и это представляется важным для дальнейшего изучения.

Новгородова Е.Ф., Серых А.Б.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОПТИМИЗАЦИИ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА СТУДЕНТОВ

Качественные изменения профессионального образования в России сопряжены с поддержкой конкурентных отношений в академической среде, приводя к нарастанию перфекционизма участников учебного процесса и предопределяя ряд их психологических проблем – внутренние противоречия и конфликты, эмоциональное выгорание, хроническое утомление, социальная изоляция, суицидальная готовность, дезадаптация, самоотчуждение, враждебность, тревожность, цинизм, прокрастинация и т.д. Эти обстоятельства вскрывают целесообразность уточнения оптимальных психолого-педагогических условий содействия благополучному развитию личности современных студентов.

Феномен перфекционизма заслужил пристальное внимание мирового научного сообщества в связи с его амбивалентной природой: с одной стороны, перфекционизм способствует развитию социальной активности, лидерству и эффективности личности в различных сферах жизнедеятельности (J. Ashby, K. Dabrowski, B. Kerr и T. Piechovsky, L. Silverman, P. Hewitt, G. Flett, W. Mansell, R. Slaney, R. Shafran, И.И. Грачева, А.А. Золотарева, И.Г. Малкина-Пых и др.), а с другой – выступает предиктором формирования деструктивных проявлений в эмоциональной сфере личности (S. Blatt, D. Burns, B. Clark, R. Frost, G. Flett, P. Hewitt, M. Hollander, A. Pacht, Н.Г. Гаранян, М.В. Ларских, В.В. Парамонова, П.М. Тарханова, А.Б. Холмогорова и др.). При этом накопленные в науке разрозненные данные, посвященные проблеме регуляции перфекционизма личности, недостаточно оформлены в единую концептуальную основу для дальнейшего практического применения. Пробелы в исследовании данной области во многом обусловлены тем, что подавляющее большинство работ представлено в зарубежных источниках. Хотя российскими учеными осуществляются эпизодические замеры перфекционного стиля мышления и деятельности среди учащихся и педагогов, отечественная научная мысль не имеет достаточного количества систематических исследований сопровождения перфекционизма личности, а основные направления исследования коррекции перфекционизма – теоретического и эмпирического – развиваются диспропорционально в сторону первого. Итак, недостаточная научная проработка психолого-педагогических основ оптимизации перфекционизма в конструктивное состояние определяют актуальность его изучения в условиях глобальных трансформаций современного высшего образования.

В связи с этим было проведено эмпирическое исследование, включающее формирующий эксперимент.

Выборку составили 42 студента (в том числе 20 участников экспериментальной группы и 22 – контрольной).

Для сбора эмпирических данных применялись: анкетирование (анализ социокультурного контекста развития) и тестирование («Дифференциальный тест перфекционизма» А.А. Золотаревой, «Многомерная шкала перфекционизма» И.И. Грачевой, «Шкала удовлетворенности жизнью» Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина). Статистические методы включали сравнительный и корреляционный виды анализов. Для оценки взаимосвязей переменных использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r_s). Для сравнения психологических показателей до и после формирующего эксперимента использовался Т-критерий Вилкоксона, данные в экспериментальной и контрольной группах сравнивались с помощью U-критерия Манна-Уитни. Расчеты осуществлялись с помощью программного обеспечения Microsoft Excel 2010 и SPSS Statistics 19.0. Результаты считались достоверными при уровне статистической значимости до 5%, т.е. при $p \leq 0,05$.

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Изучение психолого-педагогических условий оптимизации перфекционизма студентов осуществлялось в несколько этапов: сначала были обследованы две академические группы студентов, обучающихся на психолого-педагогическом направлении (выявлено отсутствие значимых различий по диагностируемым показателям), затем в течение семестра в экспериментальной группе велась серия психолого-педагогических мероприятий (обучение асертивному поведению и принятию себя, других людей и опыта), после чего произведена повторная диагностика в обеих группах. Результаты позволяют проанализировать динамику показателей у участников формирующего эксперимента: зафиксирован значительный прирост удовлетворенности жизнью и нормального перфекционизма наряду с тенденцией к снижению патологического и ориентированного на других перфекционизма студентов.

Носкова М.В.

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ И ЛОКУС КОНТРОЛЯ У БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ ПЕДИАТРОВ

Когнитивный стиль студента медицинского вуза представляет собой особенности познавательной деятельности, который характеризуется своеобразностью способов получения и переработки учебной информации. Наряду с общими способностями, когнитивные стили являются предикторами учебных достижений обучающихся. Что касается локуса контроля, то он определяется как свойство личности приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним или внутренним факторам. Особенности когнитивного стиля и локус контроля студентов играют важную роль при профессиональном становлении будущего специалиста в области педиатрии, реализации творческого, научного потенциала. Знание студентами своих особенностей когнитивного стиля и локуса контроля может помочь корректировать свое поведение и успешно реализовывать свои личностные возможности.

Целью нашего исследования было изучение когнитивных стилей и локуса контроля у студентов педиатрического факультета.

Для определения когнитивного стиля у студентов была использована психодиагностическая методика «Фигуры Готтшальдта» Г. Уиткина, направленная на диагностику параметра полезависимость – полнезависимость. Для выявления локуса контроля применялся опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК), разработанный в НИИ им. Бехтерева на базе шкалы Дж. Роттера.

В исследовании приняли участие 165 студентов 1-го и 3-го курса педиатрического факультета Уральского государственного медицинского университета (г. Екатеринбург). Из них 82% девушек и 18% юношей. Средний возраст – 18,15 лет.

Было выявлено, что выраженная полезависимость доминирует у 85% обучающихся и лишь у 15% – полнезависимость (среднее значение 1,88). В целом можно говорить о тенденции к проявлениям выраженной полезависимости, что характеризуется доминированием целого, недостаточным дифференцированием частей в образе восприятия, неспособностью преодолевать контекст, необособленностью отдельных раздражителей от фона.

Установлено, что такие показатели локуса контроля как «общая интернальность», «интернальность в области достижений», «интернальность в области неудач», «интернальность в семейных отношениях», «интернальность в области производственных отношений», «интернальность в области межличностных отношений», «интернальность в отношении здоровья и болезни» по среднему арифметическому баллу имеют среднестатистический уровень выраженности (интервал от 4 до 7 нормированных баллов, стень).

64% студентов показали низкий уровень субъективного контроля, экстернальный контроль, 36% будущих педиатров показали высокий уровень субъективного контроля, интернальный контроль. В целом, прослеживается тенденция к проявлениям экстернального локуса контроля, что, характеризуется склонностью студента считать, что большинство событий его жизни является результатом случая или действия других людей.

Был проведен корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена) между значениями показателей полнезависимости / полнезависимости и интернальности / экстернальности. В результате корреляционного анализа установлено отсутствие значимой связи между значениями показателей первого и второго феноменов ($r=0,09$, $p\leq 0,05$).

Таким образом, результаты исследования параметра когнитивного стиля полнезависимость – полнезависимость показали тенденцию к преобладанию более низких, нежели высоких значений по уровню выраженности. Студентам свойственна выраженная полнезависимость, общительность, расположенность к социальным контактам. Результаты исследования локуса контроля позволили заключить, что для большинства студентов свойственен низкий уровень субъективного контроля, экстернальный контроль, повышенная тревожность, обеспокоенность, конформность. Это характерно для студентов 1-го курса, как адаптационного периода в обучении в высшей школе и 3-го курса, как кризисного этапа осознания своей будущей профессии врача педиатра.

Проект Ю.Л., Абрамова П.Д.

СТУДЕНТЫ-ПСИХОЛОГИ КАК ЧИТАТЕЛИ: ЦЕЛИ И ПРАКТИКИ ЧТЕНИЯ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Трудно переоценить роль чтения научной литературы в процессе подготовки психологов. Будучи гуманитарной наукой, психология ставит перед будущим профессионалом трудные задачи на понимание не только природы человеческого, но и самого процесса мышления и созидания целостного суждения, обоснованного теоретическими воззрениями и эмпирическими фактами. Читатель должен приложить определенные усилия по реконструкции идей, заложенных в тексте. Эти усилия основаны на глубоком и внимательном прочтении материала; необходимом исходном знании проблемы; учете особенностей научного стиля определенной вехи в развитии научной мысли; понимании протекания собственных интеллектуальных и эмоциональных процессов, сопровождающих чтение научной литературы (метазнания о себе как о читателе). По мнению Шлейермахера, современный исследователь должен знать мир автора и его текст лучше, чем сам автор понимал себя и свое собственное творение. Полное понимание произведения включает в себя диалектический синтез предварительных пониманий, знания внутренних и внешних условий жизни автора и осмысление их влияния на замысел текста, его сюжет, содержание и на индивидуальный стиль автора, а также оно должно учитывать условия, которые постулируют конгениальность личности истолкователя и автора текста, соразмерность их творческих потенциалов. Вместе с тем, не только российские, но и зарубежные исследователи все чаще высказывают опасения, связанные с падением читательской культуры и читательской компетентности студентов (см. напр.: Murden & Gillespie, 1997; Clump M. A., Bauer H., & Bradley C., 2004). Только малая часть студентов читает рекомендованную литературу по курсу, многие из них не выдерживают графика чтения и оказываются не знакомыми с работами, необходимыми для лучшего освоения материала аудиторных занятий.

Целью нашего исследования стало выявление читательских практик и стратегий студентов – будущих психологов и их динамики в ходе профессионального обучения. В исследо-

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

вании приняли участие 183 студента, обучающихся по психологическим направлениям (возраст: $M = 21$, $\sigma = 22,91$; $s = 6,04$). Для выявления читательских практик были использованы модификация теста читательского опыта (Stanovich K. E., & West R. F., 1989) с целью изучения читательского опыта студентов в области психологии и авторская методика, направленная на выявление паттернов поведения студентов до, во время и после чтения научной работы, основанная на работах А.А. Брудного, Л.П. Добраева, В.В. Знакова, А.Р. Лурии, В.С. Мухиной, Alice M. Scales, Ock Rhee и др.

Результаты исследования показали, что студенты оценивают рекомендуемые списки литературы как неадекватные по объему, считая, что возможно прочесть не более 52% источников, при этом типичный студент читает не более четверти предложенных работ. Выявлены три основных направления целеполагания при чтении научной литературы: исследовательское, где чтение рассматривается как источник знаний и порождения новых идей; социальное, в рамках которого ключевой функцией чтения становится понимание других людей и возможностей взаимодействия с ними; и рекреационное, где ключевой функцией чтения становится удовольствие от чтения, поглощение им. Обнаружены достоверные различия в формах целеполагания у студентов разных курсов обучения. К старшим курсам повышается значимость всех трех форм целеполагания, что показывает возрастание значения чтения научных работ для старшекурсников. Вместе с тем, по выявленным практикам чтения (вовлеченность в процесс чтения, диалогичность, аналитическое чтение, работа с текстом, авантюрное чтение и трудности понимания текстов) не было обнаружено достоверных различий по курсам, формам и финансовой основе обучения, что характеризует их в большей степени как индивидуально обусловленные практики. Это подтверждают и результаты корреляционного анализа, показавшего тесную связь выявленных практик чтения с мотивацией обучения в вузе.

Прусаков В.И., Курбатова Т.Н.

КОГНИТИВНАЯ СЛОЖНОСТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ ПРОФИЛЬНЫХ КЛАССОВ

Исследование самосознания подростков, раскрывая закономерности развития когнитивных структур, может помочь как в построении рабочих программ учебных дисциплин, так и в принятии школьниками себя и других.

Изучались две характеристики самосознания, влияющие на управление своим поведением – когнитивная сложность и идентичность. Когнитивная сложность – психологическая характеристика познавательной сферы личности, представленная в виде системы личностных конструктов (В.Ф. Петренко, 1997) и понимаемая как мера дифференциации и связанности независимых категорий, с помощью которых личность формирует представление о себе и о реальности (G. Kelly, 1955; J. Bieri, 1955). Такое понимание позволяет рассматривать когнитивную сложность, как инструмент познания окружающей действительности (В.А. Колга, 1976; И.П. Шкуратова, 1994; М.А. Холодная, 2004), которая принимает участие во всех функциях самосознания (И.И. Чеснокова, 1974). Идентичность – это характеристики, с которыми личность себя идентифицирует. С ней связаны поведенческие стереотипы, конкретные поведенческие паттерны.

Целью данного исследования является изучение особенностей когнитивной сложности и идентичности старшеклассников профильных классов.

Гипотеза исследования состояла в том, что когнитивная сложность и идентичность учащихся разных профилей будут отличаться.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Выборку составили 92 человека в возрасте 15-17 лет, учащиеся 10-11 классов МАОУ «Ангарский лицей №1» (Иркутская область). Первая группа – 22 человека, 5 юношей и 17 девушек – учащиеся лингво-экономического профиля (профильные предметы – математика, обществознание, экономика, английский язык). Вторая группа – 34 человека, 7 юношей и 27 девушек, социально-гуманитарный профиль (профильные предметы – русский язык, обществознание, история, литература). Третья группа – 36 человек, 14 юношей и 22 девушки, учащиеся естественнонаучного профиля (профильные предметы – математика, химия, физика, биология).

Применялись методы исследования: «Методика свободного описания» И.М. Палей – Т.Н. Курбатовой, направленная на оценку уровня когнитивной сложности (по общему количеству конструкторов и количеству категорий) и идентичности (по типу модальностной структуры и характеру ответов). «Краткий отборочный тест» Э.Ф. Вандерлика (адаптация В.Н. Бузина), позволяющий провести оценку интеллектуальных функций; «Пятифакторный личностный опросник» Р. МакКрае и П. Коста (адаптирована А.Б. Хромовым); мотивационное интервью.

Анализ результатов «Методики свободного описания» с помощью критерия Н-Краскела-Уоллеса показал, что обучающиеся разных профилей статистически значимо не отличаются по обоим показателям.

Однако, были выявлены особенности идентичности школьников разных профилей: учащиеся социально-гуманитарного и лингво-экономического профилей достоверно чаще отождествляют себя с личностью, обладающей эмоциональными и коммуникативными качествами, менее терпимы к недостаткам других, а учащиеся естественнонаучного профиля чаще видят в себе интеллектуальные и волевые, а отвергают в себе негативные системные (такие как безответственность) качества, также они менее терпимы к интеллектуальным недостаткам других людей.

Не были выявлены статистически значимые различия между группами ни по показателям интеллекта, ни по особенностям личности, что скорее всего является результатом отбора, с которым сталкиваются школьники при поступлении в учебное заведение: прохождение очного собеседования, вступительные испытания по русскому языку и математике, конкурс портфолио.

Таким образом, гипотеза этого исследования подтвердилась только частично. Профильное обучение не влияет на когнитивную сложность и интеллект, тем не менее по показателю идентичности учащиеся профильных классов существенно отличались: школьники каждого профиля отождествляли себя с определенными личностными качествами.

Пужливая П.Е., Тромбчиньски П.К.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ АДАПТАЦИИ

СТУДЕНТОВ К СИТУАЦИИ ОБУЧЕНИЯ В ДРУГОМ ГОРОДЕ

И ЗА РУБЕЖОМ

В рамках данной исследовательской работы было проведено кросс-культурное исследование адаптации студентов, сменивших город или страну проживания, в силу поступления в высшее учебное заведение. Предметом изучения стала адаптация студентов к новым жизненным условиям.

Целью работы является выявление общих для многих студентов проблем, особенностей их адаптации и возможности психологической помощи в данном контексте.

Задачи: 1) изучение особенностей адаптации первокурсников, переехавших в Санкт-Петербург или Зальцбург путем анализа данных, полученных по итогам двух интервью с ин-

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

тервалом в 6-8 месяцев и обработки методик; 2) сравнение показателей выборки студентов, переехавших в новый город, с теми, кто переехал за рубеж.

Респондентами стали студенты-первокурсники и студенты по обмену, переехавшие в Санкт-Петербург, и те, кто для получения высшего образования выбрал г. Зальцбург.

Исследование состояло из двух этапов:

1. На первом этапе испытуемым предлагалось пройти 4 методики (опросник социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд, методики «Мотивация достижения» и «Мотивация избегания неудач» Т. Элерса, методику «Склонность к риску» А.М. Шуберта), после чего они принимали участие в интервью. Оно состояло из двух частей – биографической анкеты и собственно интервью, которое было направлено на выявление психологического состояния респондентов по факту переезда в другой город.

2. На втором этапе испытуемым предоставлялась обратная связь по результатам методики, после чего они принимали участие во втором интервью, также нацеленном на выявление психологического состояния испытуемых.

Всего в данном исследовании приняли участие 40 студентов в возрасте 17-24 лет, 9 мужчин и 31 женщина.

Исследование позволяет сделать следующие обобщения

1. Студенты, уезжающие из родных городов, в процессе адаптации сталкиваются с массой трудностей. Для студентов-иностранцев это, в первую очередь, бюрократические и языковые проблемы. В остальном, все приезжие студенты встречают общие трудности: освоение транспортной сети города, здоровье и система здравоохранения, самостоятельная жизнь, апатия, учеба в ВУЗе, отличающаяся от привычной школьной.

2. Студенты, переезжающие в другие города и страны, оказываются высоко мотивированными к достижениям. Иногородние студенты демонстрируют повышенную мотивацию к избеганию неудач, студенты-иностранцы набирают среднее количество баллов по этой шкале. При этом все респонденты средние склонны к риску.

3. Студенты, переезжающие в другую страну, показывают более высокие результаты, связанные с адаптивностью, принятием себя, принятием окружающих, внутренним контролем и эмоциональным комфортом. Можно предположить, что мобилизация ресурсов в данном случае происходит на фоне стресса аккультурации.

4. Студенты, переезжающие внутри своей страны, оказываются более доминантны. Также они чаще обращаются к поддержке родителей и способны называть большее количество эмоционально-окрашенных событий, произошедших с ними с момента переезда.

5. Все респонденты стремятся налаживать социальные связи, но многие не готовы называть своё новое окружение друзьями, поэтому такой важный эмоциональный ресурс оказывается недоступен для них.

Несмотря на существующие различия в динамике адаптации представителей разных выборок, обе группы сталкиваются с большим числом трудностей и затрачивают много ресурсов на успешную адаптацию.

Важно отметить, что двое респондентов отчислились из ВУЗов после первого семестра, а один респондент заявил о тяжелом психологическом состоянии вплоть до аутоагрессии и суицидальных мыслей. Все трое демонстрировали низкие показатели по шкалам «Эмоциональный комфорт», «Адаптивность» и «Принятие других». Это является важным свидетельством того, что психологическая диагностика и сопровождение иногородних и иностранных студентов, является необходимой составляющей поддержки их стабильного психологического состояния. Мероприятия на базе университета, направленные на помощь в адаптации, могут способствовать снижению стрессогенности этого процесса.

Пузанова В.И., Корзунин В.А.

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Личностное становление профессионала – неотъемлемая часть профессионализации, которая, являясь динамичной по своей природе, развивается в процессе высшего профессионального образования.

Целью исследования было изучение особенности динамики личностных качеств в процессе профессионального становления студента-психолога. В качестве стимульного материала использовался следующий набор методик: 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (16-ФЛЮ), Многоуровневый личностный опросник (МЛЮ) «Адаптивность», диагностика локуса контроля (УСК), методика диагностики уровня самоконтроля в общении М.Снайдера. Проводилось психодиагностическое обследование студентов 1-го и 4-го курса факультета психологии ЛГУ им. А.С. Пушкина, а также практикующих психологов.

По результатам сравнительного анализа результатов обследования выявлено, что у студентов 1 курса достоверно чаще ($p=0,05$) наблюдаются существенные помехи при установлении контактов. Уровень поведенческой регуляции, уровень коммуникативных способностей, уровень социализации, находится на более низком уровне ($p=0,05$), чем у студентов 4 курса. Студенты 4 курса и практикующие психологи легче адаптируются ($p=0,05$) к условиям деятельности и коллективу, быстрее вырабатывают стратегию своего поведения, менее конфликтны. Так же, значимые различия были выявлены по шкалам 16-ФЛЮ: по фактору Е («подчиненность-доминантность»), это может указывать на то, что четверокурсники гуманитарного вуза обладают ($p=0,05$) большей самостоятельностью, настойчивостью, адекватным восприятием действительности; по фактору G (низкая-высокая нормативность поведения) выпускники гуманитарного вуза имеют более выраженные волевые черты личности в отличие от студентов первокурсников; по фактору Н («робость – смелость») студенты 4 курса более упорны, социабельны, умеют выдерживать большие эмоциональные нагрузки по сравнению с студентами первокурсниками; по фактору I («жесткость – чувствительность»), что может означать, что первокурсники более ($p=0,01$) чувствительны, впечатлительны; по фактору М («практичность – мечтательность») можно отметить большее ($p=0,05$) воображение и мечтательность первокурсников. По фактору Q4 («расслабленность – напряженность») выявлено, что выпускники гуманитарного вуза обладают оптимальным ($p=0,05$) более высокой эмоциональной устойчивостью и самостоятельностью. Между студентами 4 курса и практикующими психологами были выявлены значимые различия ($p=0,05$) по фактору М («практичность – мечтательность») можно предположить, что практические психологи обладают высокой скоростью решения практических задач, реалистичны; по шкале Q2: («конформизм - неконформизм») - студенты 4 курса более зависимы от мнения группы, в отличие от практикующих психологов, которые уже выработали свою точку зрения, более самостоятельны, находчивы и практичны. Кроме того, психологи имели более высокий уровень моральной нормативности (МЛЮ «Адаптивность»). Найдены различия ($p=0,01$) по шкале «Интернальности в области неудач» (УСК), что может говорить о достаточно развитом чувстве субъективного контроля по отношению к отрицательным событиям и ситуациям, что проявляется в чувстве ответственности за результаты профессиональной деятельности в трудных ситуациях.

Подводя итоги исследования, следует отметить, что личностные качества студентов в процессе обучения имеют положительную динамику к 4 курсу, студент овладевает большинством желательных важных личностных качеств для дальнейшей успешной профессиональной деятельности.

Самохвалова А.Г.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТРУДНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ*

Как показали наши исследования феноменологии затрудненного общения, современные младшие школьники становятся более уязвимы и беззащитны в ситуациях общения, попадая в новую для них образовательную среду школы, которая нередко представляется им «угрожающей», «страшной», «пугающей». В условиях неблагоприятной образовательной среды у многих детей возникают различные социальные страхи – страх самовыражения, страх выглядеть смешным, страх осуждения, страх непонимания. Это становится причиной возникновения разнообразных коммуникативных трудностей. Проведенное кросс-культурное исследование предполагало изучение возникающих в условиях образовательной среды коммуникативных трудностей у русских и белорусских детей. Проверялась гипотеза о существовании кросс-культурных различий коммуникативных трудностей младших школьников; а также о том, что социальные страхи, связанные со спецификой взаимодействия детей с педагогами и сверстниками, детерминируют возникновение у них вариативных трудностей в общении.

Респондентами выступили 140 третьеклассников в возрасте 9-10 лет: учащиеся общеобразовательных школ г. Гомель (Белоруссия) ($n=70$; 35 девочек, 35 мальчиков, $M=9,4$) и г.Костромы (Россия) ($n=70$; 35 девочек, 35 мальчиков, $M=9,5$).

Методический дизайн включал методику диагностики уровня школьной тревожности Б.Н. Филиппа и авторскую методику экспертной оценки коммуникативного развития ребенка.

Ранжирование эмпирических данных показало, что наиболее часто младшие школьники в образовательной среде испытывают страх самовыражения (1R; 66,4%); страх проверки знаний (2R; 47,8%) и страхи в отношениях с учителями (3R; 34,3%). Русские дети в образовательном пространстве чаще переживают социальный стресс ($U=154$; $p=0,002$) и страх самовыражения ($U=197$; $p=0,001$), испытывают негативные эмоции, связанные с необходимостью самопрезентации, демонстрации своих возможностей, отстаивания своей позиции. В общении дети чаще испытывают трудности установления контакта ($U=37,5$; $p=0,003$), эмпатии ($U=42,5$; $p=0,002$), сотрудничества ($U=39$; $p=0,003$), более замкнуты, индивидуалистичны, малоинициативны, эмоционально нечувствительны к потребностям и настроениям партнеров. Им гораздо легче общаться в виртуальных сообществах, чем в реальных коммуникативных ситуациях.

Регрессионный анализ показал, что страх самовыражения обуславливает возникновение трудностей планирования, построения диалога, оказания влияния на партнера. Переживание социального стресса вызывает трудности самоанализа, провоцирует агрессию или пассивность ($p\leq 0,01$).

Белорусские младшие школьники значимо чаще испытывают страх в ситуациях проверки знаний ($U=235$; $p=0,001$), страх в отношениях с учителями ($U=216$; $p=0,001$) и страх несоответствовать ожиданиям окружающих ($U=186$; $p=0,002$), они менее уверены в своих интеллектуальных возможностях, стесняются публичной демонстрации собственных знаний; боятся отрицательной оценки со стороны педагогов; не хотят расстраивать родителей «школьными неудачами». Наиболее распространенными являются трудности планирования ($U=26,5$; $p=0,003$), подбора адекватных вербальных и невербальных средств выражения собственных мыслей ($U=33$; $p=0,01$), убеждения ($U=37$; $p=0,04$), трудности самоанализа коммуникативных действий ($U=29,5$; $p=0,01$). С одной стороны, дети более открыты, спонтанны, непосредственны в общении, с другой стороны, их действия нередко хаотичны, стереотипны, неадекватны требованиям социальной ситуации.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Страх проверки знаний и страхи в отношениях с учителями влияют на возникновение неуверенности в себе, повышенной эмоционально-личностной зависимости, трудностей самовыражения и самоконтроля.

Несмотря на выявленные кросс-культурные различия, очевидно, что образовательная среда в разных культурах несет потенциальные риски возникновения коммуникативных трудностей у детей. Поэтому требуется гармонизация и гуманизация психолого-педагогического взаимодействия в образовательных системах.

**Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00607-ОГН/18.*

Свиягина А.И., Князева Т.Н.

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ СРЕДСТВАМИ ФОРУМ-ТЕАТРА У СТУДЕНТОВ – ПСИХОЛОГОВ

Одной из актуальных проблем современного образования студентов является недостаточная мотивация к профессиональной деятельности. Для студентов психологических специальностей данная проблема связана, в частности, с тем, что многие абитуриенты рассматривают психологию зачастую в контексте «повседневной жизни», плохо представляя себе трудности освоения науки для профессиональной самореализации.

Спецификой данной технологии является то, что после завершения психологического инсценирования, зрители предлагают свой вариант разрешения увиденной ситуации. Обмен опытом студентов и педагогов в этом случае является интерактивным способом поиска эффективного профессионального решения, что погружает студентов в квази-профессиональную деятельность уже на младших курсах, формируя у них содержательную мотивацию эмоционально-познавательного характера. В качестве квази-профессионального анализа ситуаций были использованы конфликтные ситуации взаимоотношений «учитель-ученик», «сверстник-сверстник», «родитель-ребенок», «подросток-девиантная группа». Всего со студентами было проведено 10 занятий, каждое занятие проводилось от 1,5 до 2 часов. Выборка 1 – студенты первого курса, обучающиеся по профилю «Практическая психология», в количестве 15 человек; выборка 2 (контрольная группа) – школьники старших классов, потенциальные абитуриенты Мининского университета в количестве 16 человек. Общая выборка составила 31 человек. До и после проведения Форум-театра, т.е. просмотра и анализа ситуации, участникам (студентам и школьникам) были предложены анкеты, содержащие 10 вопросов, связанных с отношением к профессии психолога. По результатам анкетирования до начала использования метода у студентов, было выявлено, что: 1) на вопрос «допускаете ли Вы что будете работать в данном направлении» всего лишь 53,53% испытуемых ответили положительно, что свидетельствует о необходимости повышения мотивации студентов к профессиональной деятельности; 2) в заключительном вопросе «считаете ли Вы что часто уходите от конфликта» 37,07% стараются не разрешить конфликт, а уйти от него. По результатам анкетирования до начала использования метода у школьников, было выявлено, что: 1) 12,00% участников изучают способы разрешения конфликтных ситуаций; 2) 25,00% четко осознают, что хотят работать по данной специальности; 3) 62,05% испытуемых испытывают повышенную тревожность при разрешении конфликта; 4) 62,05% склонны к деструктивно-му разрешению конфликта.

Анкетирование, проведенное после участия студентов и школьников в Форум-театре показало, что: 1) желание помогать окружающим у студентов повысилось: 53,33% студентов и 31,27% школьников приобрели навыки конструктивного разрешения конфликтных ситу-

аций; 2) по вопросу о заинтересованности в профессии количество положительных ответов среди студентов увеличились на 33,37% и на 18,06% школьников, которые высказали желание помогать в разрешении конфликтных ситуаций; 3) 86,67% студентов и 62,25% школьников отметили у себя повышение к заинтересованности в профессии психолога. Таким образом, мы наблюдали позитивную динамику по качественным характеристикам отношения участников к методам конструктивного разрешения конфликтных ситуаций, к оказанию помощи другим людям, к психологии как к будущей профессиональной деятельности. Использование Форум-театра оправдало наши ожидания в плане повышения познавательной мотивации к психологической профессии.

Собкин В.С., Лыкова Т.А.

ОСОБЕННОСТИ РЕАКЦИЙ СТУДЕНТОВ-АКТЕРОВ НА ФРУСТРИРУЮЩИЕ СИТУАЦИИ

Настоящая статья продолжает цикл наших исследований, посвященных изучению социально-психологических особенностей студентов в процессе освоения актерской профессии (Собкин В.С., Лыкова Т.А. 2014, 2015, 2017, 2018). Исследование проводится с 2010 г. по настоящее время на базе Московского театрального колледжа Олега Табакова, куда принимаются подростки, окончившие 9 класс и прошедшие жесткий экспертный отбор. Отметим, что Б.Г. Ананьев обращал особое внимание на необходимость выявления «природы художественной одаренности на начальном этапе ее развития, разработать соответствующие методики диагностики художественных способностей для целей профотбора и ранней профилизации обучения» (Ананьев Б.Г., 1982).

Выборка составила 331 человек (студенты театрального колледжа с 1 по 4 курс).

Программа психологического обследования включает: тест Кеттелла 16 PF, тест Айзенка, тест С. Розенцвейга, тест MSCEIT 2.0, социометрию, анкету для изучения художественных предпочтений. В настоящей статье будут рассмотрены результаты, полученные для студентов 1-х курсов (N=142) по тесту Кеттелла 16 PF и тесту Розенцвейга.

Предварительный анализ частот встречаемости различных типов и направлений реакций показал, что в целом результаты студентов театрального колледжа существенно не отличаются от нормативных значений для своей возрастной группы. Подобное соответствие возрастной норме указывает на сформированность у студентов разнообразных поведенческих реакций, адекватных возрастному развитию. Обращает на себя внимание, что в ответах респондентов представлены все типы экстрапунитивных реакций. Суммарно они составляют почти половину от всех других вариантов – 45,2%. Подобное внешнее направление реакции способствует, с одной стороны, развитию конфликта, а с другой – сохранению контакта с другими участниками фрустрирующей ситуации. Заметим, что эта общая тенденция свидетельствует о готовности студентов-актеров разворачивать полный спектр вариантов поведения, так или иначе связанных со взаимодействием с партнером: от выражения негативных переживаний, предъявления требований к партнеру решить проблему, до защиты Я через агрессию, направленную на партнера.

Результаты корреляционного анализа данных, полученных при обследовании студентов театрального колледжа по тесту Розенцвейга с данными по личностному опроснику Кеттелла 16 PF позволили выявить ряд интересных моментов. Центральным здесь является противопоставление двух типов реакций на фрустрацию. Один характеризует «враждебность по отношению к другим» и коррелирует с такими личностными характеристиками, как подозри-

тельность и эмоциональная холодность. Другой тип реакций в конфликте определяет поведенческую установку на «самообвинение» и связан с такими личностными проявлениями, как эмоциональная чувствительность (эмпатия) и высокая рефлексивность. Подобное сочетание реакций и личностных характеристик позволяет сделать вывод о том, что здесь проявляется особая манипулятивная стратегия в ситуации конфликтного взаимодействия.

Установление двух указанных типов реакций и их связей с личностными характеристиками дает основание предположить, что результаты исследования выявили психологические особенности, свойственные для двух тактик взаимодействия, которые в содержательном плане можно соотнести с принятыми в актерской практике терминами, описывающими взаимодействие в сценическом конфликте: «пристройка сверху», «пристройка снизу» (Ершов П.М., 2010).

Кроме того, подтвердилась гипотеза о взаимосвязи личностных особенностей с поведенческими реакциями на фрустрирующую ситуацию. Также показано, что важную роль в разрешении сценического конфликта играет тип реакций, фиксирующий стремление к разрешению фрустрирующей ситуации через обращение к партнеру по взаимодействию. Показательно, что именно такой способ поведения (разрешение конфликта через взаимодействие) оценивается педагогами по актерскому мастерству как наиболее важный на этапе ранней профессионализации актера.

Спиридонова Н.С., Портнова А.Г.

ФОРМИРОВАНИЕ АКМЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГОВ

Акмеологическая направленность личности (АНЛ) является значимым фактором, показателем личностного и профессионального развития педагогов на вузовском и послевузовском этапах обучения. Мы подошли к изучению АНЛ через рассмотрение выделенных характеристик ее развития: структурные характеристики (внутренняя положительная мотивация к деятельности; направленность на задачу; группы ценностей профессиональной и личностной самореализации; Я-концепция); функциональные характеристики (побуждение к действию; ориентация на социальные программы, цели, декларируемые государством; регуляция; самореализация, созидание); динамические характеристики (возрастная обусловленность; гетерохронность; этапность; динамичность). Раскрытие содержания ряда компонентов, детерминирующих АНЛ через систему отношений и качеств личности, позволяет рассматривать ее как интегральный показатель, представленный комплексом личностно и профессионально значимых характеристик ценностно-мотивационной сферы и Я-концепции личности, выступающий механизмом достижения пика развития в профессиональной деятельности и личностном плане, функциональная сторона которой выражается в: ориентации (выбор просоциального, акмеологического вектора активности личности); активации (побуждение к действию); регуляции состояния и активности субъекта в достижении цели; реализации (созидание, самореализация) личности.

Целью формирующего эксперимента являлось повышение уровня сформированности компонентов АНЛ педагогов, находящихся на курсах повышения квалификации.

В эксперименте добровольно участвовали группы испытуемых: экспериментальная – 14 человек (5 – с показателем АНЛ выше среднего значения, 9 человек с показателем ниже среднего); контрольная – 15 человек (6 человек с АНЛ выше среднего значения и 9 человек с показателем ниже среднего).

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Для педагогов экспериментальной группы, в ходе реализации программы повышения квалификации, были проведены факультативные занятия по разработанному нами курсу «Личностное и профессиональное становление педагога», в которую вошли групповые занятия с применением активных форм обучения, направленные на развитие компонентов АНЛ (особое внимание уделялось педагогической рефлексии, внутриличностной, межличностной рефлексии, критическому анализу ее результатов, умению прогнозировать, предполагать возможный исход событий).

В ходе формирующего эксперимента нами были использованы активные формы обучения (тренинг, ролевая игра), активизирующие познавательную деятельность, развитие творческих способностей. Стрежовым моментом используемой формы обучения является взаимодействие, проявляющееся в коллективной деятельности и дискуссионной форме обсуждения.

Сопоставление значений интегрального показателя АНЛ до и после формирующего эксперимента (повторный замер проведен через месяц после окончания программы) позволило выявить следующую закономерность: педагоги, входящие в экспериментальную группу, у которых показатель АНЛ был ниже среднего значения в 44% случаев продемонстрировали достоверно значимое повышение его уровня (при $p=0,01$), в 22% случаев обнаруживают тенденцию к повышению, не заходящую за уровень значимости (при $p=0,055$) и у 34% испытуемых интегральный показатель остался неизменным.

Результаты опытно-экспериментальной работы по проверке эффективности разработанной модели формирования АНЛ позволяют констатировать позитивные, статистически достоверные сдвиги, произошедшие в приобретенных умениях в экспериментальной группе. Достигнутые результаты реализованного обучения демонстрируют устойчивый характер, стабильны во времени.

Выделение структурных, функциональных и динамических свойств АНЛ, а также раскрытие содержания ряда ее компонентов через понимание закономерностей и механизмов личностно-профессионального становления позволяет целенаправленно развивать профессионально важные качества педагогов в процессе повышения квалификации, послевузовского совершенствования их как профессионалов.

Стрижак Н.А.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ, ВОСПИТАНИИ, РАЗВИТИИ, КОРРЕКЦИИ И СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ

В современном мире равных прав и возможностей педагогический инструментарий может существенно отставать от инновационных технических разработок. Среди многочисленных путей повышения качества образования, в особенности инклюзивного, особое место занимают технологии, позволяющие расширить привычные для ребенка границы, продиктованные требованиями прагматического урбанизированного общества и связанного с ним схематического регламента жизни. В их числе одно из лидирующих мест имеют все шансы занять 3-D технологии.

Опытно-экспериментальная работа, системно проводимая в различных образовательных организациях Санкт-Петербурга с использованием мобильной 3-D установки, разработанной и адаптированной к решению образовательных задач фирмой «СВЕГА Компьютер», позволяет выделить ряд значимых эффектов (как на уровне школьных исследовательских

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

лабораторий, так и в повседневной образовательной деятельности с так называемыми трудными детьми, в числе которых дети с аутизмом, дети с нарушениями опорно-двигательного аппарата, расстройствами развития школьных навыков и др.). Обобщенно мы можем выделить ряд особенностей этих детей, которые требуют использования современных информационно-коммуникационных технологий, включая 3-D технологии: трудности социального взаимодействия; нарушения общения; нарушения речевого опосредования; трудности концентрации внимания; трудности абстрагирования и формирования представлений; психоэмоциональная напряженность; ограниченная мобильность.

В соответствии с современными требованиями к организации и содержанию образования выделяют 3 основных вида деятельности участников образовательного процесса: урочная, внеурочная и внеклассная. Каковы же возможности современного педагога, вооруженного 3-D технологиями, в реализации задач учебно-воспитательного процесса?

В урочной деятельности – это визуальная поддержка, компенсирующая ограниченность плоскостных учебных моделей и позволяющая представить изучаемый объект, явление или процесс в всей его многогранности. Это способствует формированию многомерных представлений об окружающем мире, приближенных к реальности, при ограничении возможности освоить их в полевых условиях.

Приближенность представлений, формируемых посредством 3-D технологий к образу реального мира способствует снижению психического напряжения при столкновении ребенка с объектами реальной действительности.

Разнообразие контента, позволяющее продемонстрировать ребенку то, что обычно скрыто от глаз или отсутствует в непосредственном окружении, способствует расширению представлений об окружающем мире, повышению учебной мотивации и стимулированию самостоятельной учебной деятельности. Внеурочная деятельность направлена на расширение кругозора ребенка и создание условий для реализации личностного потенциала, раскрытие его задатков и способностей. В этой связи хорошо зарекомендовали себя виртуальные экскурсии, решающие задачи ознакомления с окружающим миром, преодоления трудностей транспортировки детей с ОВЗ, экономии времени на перемещения при соблюдении высокого уровня психологической безопасности. Наглядным примером этому являются результаты сравнительного анализа психологических параметров психоэмоционального статуса детей с расстройствами аутистического спектра в условиях реальных и виртуальных экскурсий, полученный в ходе длительного эксперимента на базе ГБОУ школы №755 «Региональный Центр аутизма» Василеостровского района Санкт-Петербурга.

Отмеченное имеет существенное значение также и в решении задач внеклассной работы. Существенные психолого-педагогические эффекты зафиксированы при использовании 3-D визуального ряда в процессе релаксационных занятий (что особенно актуально для детей с расстройствами эмоционально-волевой и поведенческой сферы). А также воспитательных задач, включающих задачи морально-нравственного, этического, эстетического и патриотического воспитания.

В заключение отметим, что 3-D технологии являются действенным инструментом, способствующим: реализации права на качественное образование вне зависимости от физических или иных возможностей; повышению доступности учебно-значимой информации в приближенной к реальности форме; созданию дополнительных условий для коммуникации между разными детьми; расширению педагогического инструментария.

Тихомиров М. Ю.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГОВ*

В настоящее время перед педагогическим сообществом все актуальнее становится проблема «старения» кадров. Средний возраст педагогов на различных ступенях образования составляет около 45 лет, и в ближайшей и среднесрочной перспективе не предвидится возможностей для притока молодых специалистов в силу целого ряда причин. Таким образом, возникает насущная необходимость анализа факторов, обеспечивающих профессиональное долголетие педагогических работников.

Целью нашего исследования является выявление личностных факторов профессионального долголетия педагогов, которые относятся к ценностно-смысловой регуляции поведения. В частности, мы предполагаем, что ключевую роль в этом играют ценностно-смысловые психологические механизмы, связанные с непрерывной корректировкой сложившейся системы целевых ориентиров профессионального самоопределения личности. Под данным понятием имеются ввиду конкретные результаты (достижения) деятельности человека на профессиональном пути, которые выступают для него, с одной стороны, значимыми критериями для планирования (выделения) этапов профессиональной жизни и, с другой стороны, указателями, индикаторами того или иного варианта профессионального развития (Тихомиров, 2016). Вероятно, ориентиры в начале и конце профессионального пути должны иметь различия. Понятно, что в такой трактовке можно говорить и о различных целях, мотивах, смыслах и др., лежащих в основе системы ориентиров педагогов, ориентированных на продление своего профессионального пути.

Первичные данные, полученные нами в ходе эмпирического исследования, в целом, говорят о том, что активная позиция, стремление к изменениям более присущи педагогам с большим стажем педагогической деятельности. Далее, именно для молодых педагогов, озбоченных в том числе материальными проблемами, более присуще чувство неудовлетворенности трудом.

Эти и другие полученные нами факты складываются в следующую картину: у молодых специалистов, столкнувшихся с реалиями педагогической профессии, еще не сформированы психологические механизмы смыслообразования, не выработалась система приоритетов, а вектор профессионального развития направлен, скорее, не на собственную активность в профессии, а адаптацию к условиям работы, отличающихся от условий обучения. В этот период молодой педагог вынужден приспосабливаться к новым условиям, т.е. вынужден занимать пассивную позицию.

С другой стороны, педагог попадает в конкретные условия профессиональной деятельности, которые обеспечиваются конкретной образовательной организацией. Следовательно, мы приходим к идее о том, что одним из важных условий профессионального развития (и, соответственно, профессионального долголетия) педагогов является организационная культура образовательного учреждения, та особая атмосфера, которая помогает педагогу чувствовать удовлетворение от процесса деятельности, ориентирует профессиональную позицию на достижение конкретных результатов. С другой стороны, эта атмосфера стимулирует внутреннюю активность педагога, ориентируя его на творческое отношение к педагогической деятельности, которое, в том числе, проявляется в тяготении к демократическому стилю взаимодействия с воспитанниками, наиболее трудному, поскольку требует постоянных усилий по созданию условий для их развития. Но именно с развитием ученика, воспитанника развивается и сам педагог.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Таким образом, анализ полученных нами данных позволяет примерно представить профессиональное долголетие в педагогической профессии не как постепенное «схождение» с вершин «акме», плавную инволюцию, а как поиск новых «вершин» – новых целей в новых условиях жизнедеятельности, включая, безусловно, необходимость экономного отношения к своим эмоциональным ресурсам. Однако этот поиск, вероятно, возможен только при условии специальной «работы» личности, ее ценностно-смысловых механизмов, по построению новой системы целевых ориентиров профессионального самоопределения.

**Исследование выполнено при поддержке РФФИ (грант № 18-013-00712).*

Тихомирова М.А., Бордовская Н.В., Кошкина Е.А.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ШКОЛЬНЫХ УЧИТЕЛЕЙ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ОБЛАСТИ «ДИДАКТИКА»*

Современные психологи все больше внимания уделяют проблеме взаимосвязей личностных характеристик и профессиональной компетентности при поиске новых психологических механизмов и факторов профессионально-личностного развития специалистов. В рамках данного направления задачей нашего исследования стало изучение личностных особенностей школьного учителя с высоким уровнем терминологической компетентности (ТК) в области «Дидактика».

Терминологическая компетентность в области «Дидактика» рассматривается нами как важнейшая составляющая профессиональной компетентности учителя и понимается как способность и готовность грамотно применять дидактическую терминологию при решении профессиональных задач и в процессе профессиональной коммуникации (Бордовская, 2016).

Для изучения уровня ТК использовалась методика Бордовской Н.В. и Кошкиной Е.А. (Бордовская, 2017), направленная на определение уровня развития каждого ее компонента: Предметно-познавательного (ПП) – знание терминов, отнесение их к терминологической группе, умение дать им определения; Интеллектуально-рефлексивного (ИР) – понимание родо-видовых связей между терминами, построение тезауруса, определение нового понятия по ряду имеющихся; Коммуникативно-речевого (КР) – грамотное использование терминов в речи, понимание собеседника, поддержание профессиональной беседы.

В исследовании приняло участие 224 школьных учителя, из них 57 (25,4%) с высоким уровнем ТК. Уровень ТК определялся с помощью среднего и стандартного отклонения (для высокого уровня балл по 5-ти бальной шкале для выделенной выборки ≥ 4). Диагностика индивидуально-личностных особенностей школьных учителей проведена через изучение направленности их личности (Б. Басса, опросник Смекала-Кучера), выявление мотивов профессиональной деятельности (Т.Н. Францева), определение уровней психологического благополучия (К. Рифф, адаптация Н.Н. Лепешинского) и рефлексии (А.В. Карпов) и характерных для них стилей мышления (Р. Бремсон, А. Харрисон, адаптация А.А. Алексеева и Л.А. Громовой).

Результаты. Учителям с высоким уровнем ТК свойственны идеалистический и аналитический стили мышления, высокий уровень рефлексии и средний – психологического благополучия, направленность на задачу, мотивы самореализации и познавательные мотивы. ПП компонент положительно взаимосвязан с направленностью на взаимодействие ($r_2=0,26$; $p \leq 0,05$), а КР – отрицательно с общей рефлексией ($r_2=-0,27$; $p \leq 0,04$). Регрессионный анализ показал, что уровень ПП компонента учителей обусловлен низкой выраженностью у них синтетического

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

стиля мышления ($\beta = -0,28$; $p \leq 0,33$), КР – автономией и идеалистическим стилем мышления ($\beta = 0,40$, $\beta = -0,28$; $p \leq 0,24$). В отличие от учителей с низким уровнем ТК им более свойственен реалистический стиль мышления ($p \leq 0,02$).

По результатам исследования можно составить «личностный портрет» учителя с высоким уровнем ТК: он стремится к поиску и освоению новых знаний и самосовершенствованию, обладает реалистичным взглядом на жизнь и понимает реальные потребности современного образования, поэтому поддерживает высокий уровень своих дидактических знаний, необходимых для его профессионального роста; склонен к самоанализу, способен решать встречающиеся на пути проблемы и понимать свои потребности; работа учителем является для него призванием, а не только финансовым обеспечением своей жизнедеятельности. Чувство автономности и реалистичность взглядов помогает такому учителю свободно владеть дидактической терминологией, а чрезмерное стремление создавать что-то качественно новое и оригинальное мешает четкому определению специфики используемых в своей практике дидактических терминов.

Отметим, что ТК учителей меньше связана с их личностными характеристиками, чем ТК студентов (Тихомирова, 2018), однако, стремление к развитию и профессиональному совершенствованию, реалистичное мышление и автономность способствуют развитию учителя как профессионала.

**Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ проект N 16-06-00486.*

Федорова А.В., Демьянчук Р.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО САМОРАЗВИТИЯ ПЕДАГОГА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

В современном обществе с активными социально-экономическими преобразованиями возрастают требования к педагогу. Не только в контексте профессиональных компетенций, которыми необходимо владеть, но и в контексте личностных качеств. В этой связи в психологии образования особое внимание уделяется исследованию закономерностей личностно-профессионального развития педагога (А.К. Маркова, Л.М. Митина, В.А. Сластенин, С.Н. Костромина, Р.В. Демьянчук и др.). Большое значение в этой связи имеет изучение процесса саморазвития личности педагога в профессии. Наше исследование посвящено поиску факторов, влияющих на процесс саморазвития педагогов дополнительного образования детей. Предполагается, что для них характерны (в сравнении с педагогами школ) более высокий уровень потребности в саморазвитии и преобладание внутренней мотивации.

Нами обследованы 120 педагогов: 40 школьных, 40 – из государственных учреждений дополнительного образования, 40 – из негосударственных учреждений дополнительного образования.

Использованы методики: большая пятерка (модификация А.Г. Грецова), тест смысло-жизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, мотивация профессиональной деятельности (методика К. Замфир в модификации А.А. Реана), оценка уровня готовности педагога к развитию (методика В.И. Зверевой, Н.В. Немовой), ценностный опросник Ш. Шварца. Полученные данные проанализированы качественно и количественно при помощи корреляционного анализа, сравнения средних значений по критерию Т-Стьюдента, факторного анализа, контент-анализа.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Установлены значимые взаимосвязи ($p=0,032$): ценности стимуляции, самостоятельно-сти, гедонизма имеют прямую корреляцию с саморазвитием педагога; преобладая у педагогов негосударственного дополнительного образования и государственных учреждений дополнительного образования в возрасте до 40 лет (после 40 преобладают ценности безопасности, традиции и универсализма, которые имеют отрицательную корреляцию с уровнем саморазвития); внешняя мотивация (положительная и отрицательная) имеет обратную связь с саморазвитием педагога; с увеличением возраста и стажа у педагогов снижается доброжелательность, открытость новому опыту, самостоятельность и стремление к гедонизму. В ходе факторного анализа установлены взаимосвязи, влияющие на саморазвитие педагога дополнительного образования детей: между отношением к новому опыту и саморазвитием (прямую); умением добиваться поставленных целей и удовлетворенностью процессом жизни, интернальным locusом контроля (прямую); возрастом, стажем педагога с саморазвитием (обратную); ценностью традиции с ценностями безопасности и универсализма, ценности достижений с самостоятельностью и властью (прямую).

Согласно контент-анализу материалов анкетирования педагоги дополнительного образования вне зависимости от сектора при ответе на вопрос о том, что подвигает к саморазвитию, использовали внутренние причины, такие как «интерес» и «внутренняя потребность», педагоги школы отмечали, что на их желание заниматься саморазвитием влияет «желание соответствовать», что говорит о внешнем характере мотивации.

В результате выявлены следующие общие и частные особенности: стремление к саморазвитию у педагогов дополнительного образования выше чем у школьных вне зависимости от сектора; внутренняя мотивация выше, чем внешняя у педагогов дополнительного образования; преобладающие ценности у педагогов школы и педагогов государственных учреждений дополнительного образования одинаковы: безопасность, универсализм, доброта; у педагогов негосударственного дополнительного образования ведущие ценности – это самостоятельность, доброта, универсализм; по тесту смысло-жизненных ориентаций у педагогов дополнительного образования вне зависимости от сектора выше показатели, касающиеся удовлетворенностью жизнью и результативностью жизни.

Чуфурин С.А., Бабаева Ю.Д.

СВЯЗЬ ВЫБОРА КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ У УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ

Для многих современных российских старшеклассников характерна «установка на успех». Однако на пути к его достижению их часто ожидают трудности и препятствия, с которыми им далеко не всегда удается справиться. Поражение в борьбе с этими преградами может негативно повлиять на процесс их личностного развития. В связи с этим возникает актуальная проблема выявления и всестороннего изучения особенностей выбора копинг-стратегий у учащихся с разными показателями мотивации достижения. В наши дни и совладающее поведение, и мотивация достижения часто становятся предметом психологического исследования, о чем свидетельствует множество публикаций, посвященных их изучению. Вместе с тем работ, связанных с анализом особенностей совладающего поведения у учащихся с высокими показателями мотивации достижения явно недостаточно. По мнению ряда авторов, эта проблематика «лишь обозначена», но все еще не подкреплена соответствующей эмпирической верификацией (Левченко В.О., 2010).

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Гипотезы:

1. Между учениками с высокой мотивацией достижения успеха и учениками с высокой мотивацией избегания неудач существуют статистически значимые различия в выборе копинг-стратегий.
2. Существуют половые различия в показателях мотивации достижения успеха – избегания неудач и в выборе копинг-стратегий.
3. Существует связь между выбором копинг-стратегий и уровнем мотивации достижения успеха.

Методики исследования:

1. Опросник совладания со стрессом COPE (русскоязычная адаптация сделана в 2010 г. Т.О. Гордеевой, Е.Н. Осиним, Е.А. Рассказовой, О.А. Сычевым, В.Ю. Шевяховой.).
2. Методика «Мотивация достижения успеха и избегания неудач» А. Мехрабиана (модифицированная М.Ш. Магомед-Эминовым).
3. Авторский опросник, направленный на выявление субъективных представлений испытуемых о достижениях и неудачах.
4. Беседы с испытуемыми. Выборка. 40 старшеклассников (20 девочек и 20 мальчиков) г. Москвы в возрасте 14-17 лет (средний возраст=15,5, стандартное отклонение=0,6).

Обработка результатов проводилась с помощью SPSS 15.0.1. Применялись критерий Колмогорова-Смирнова, U-критерий Манна-Уитни, T-критерий Стьюдента и корреляции по Пирсону.

Результаты нашего исследования позволяют сделать следующие основные выводы:

1. У учащихся с высокой мотивацией достижения успеха и у учащихся с высокой мотивацией избегания неудач выявлены статистически значимые различия в выборе копинг-стратегий. Ученики с высокой мотивацией достижения успеха чаще учеников с выраженной мотивацией избегания неудач выбирают копинг-стратегии позитивного переформулирования и поиска эмоциональной поддержки.
2. Обнаружены статистически значимые различия между девочками и мальчиками по показателям мотивации достижения – избегания неудач ($p=0,048$). У мальчиков мотивация достижения успеха в среднем выше, чем у девочек.
3. Старшеклассницы значимо чаще прибегают к таким копинг-стратегиям, как: концентрация на эмоциях и их активное выражение ($p=0,034$), активное совладание ($p=0,027$), обращение к религии ($p=0,039$), поиск эмоциональной поддержки ($p=0,008$) и планирование ($p=0,019$).
4. Выявлена слабая значимая положительная связь между выбором копинг-стратегии активного совладания и уровнем мотивации достижения (коэффициент корреляции Пирсона $r=0,316$, $p=0,047$).

5. Качественный анализ записей бесед с испытуемыми и материалов, полученных с помощью опросника, позволил выявить ряд важных факторов, которые следует учитывать при проведении новых исследований (особенности субъективных представлений респондентов о достижениях и неудачах, роль социальных слоев, к которым они принадлежат и др.)

Полученные результаты позволяют подтвердить наши гипотезы и свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения связи выбора копинг-стратегий и показателей мотивации достижения у старшеклассников. Эти исследования имеют важное прикладное значение, так как уже в старшей школе можно проводить специальные занятия и тренинги, способствующие формированию адекватных копинг-стратегий и снижению стресса в процессе достижения поставленных подростком целей.

Шевченко Н.В.

**МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В
ФОРМИРОВАНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО
ВЫПУСКНИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ**

В условиях формирования информационного, мультикультурного общества происходит изменение образовательной парадигмы, поскольку именно на сферу образования возложена задача формирования и воспитания нового типа личности, способного реагировать и отвечать на вызовы истории. Акцент в процессе модернизации системы образования при этом сделан на переход от поддерживающего образования, ориентированного на освоение накопленного человечеством массива знаний, к опережающему образованию, что учит жить в новой ситуации и быть гибким относительно изменений, происходящих в науке, обществе и культуре. Современная жизнь ставит выпускников ВУЗов в жесткие рамки конкуренции.

Механизмы влияния требований рынка труда на подготовку специалистов в высших учебных заведениях России пока практически не сформированы. Необходима более интенсивная коммуникация между работодателями и высшими учебными заведениями, которая стимулировала бы более четкое представление потребностей работодателей относительно подготовки выпускника и представила учебным заведениям ориентиры для более реалистической оценки качества их работы и понимание перспектив своего развития.

Анализируя несогласованность института образования и института рынка, Ульрих Бек использовал метафору «призрачного вокзала», с которого поезда «уже не ходят по расписанию», или, «в большинстве, переполненные или идут даже не в те направления». Именно такой вид приобрела и система образования.

С целью разрешения этой сложной проблемы высшие учебные заведения формируют новые границы взаимодействия со стратегическими партнерами, но для изменений необходим пересмотр механизмов и инструментария развития существующих отношений между работодателями и высшими учебными заведениями. Они должны строиться не просто по типу «заказчик-продавец» или «производитель-потребитель», но и с учетом требований современной экономики, знаний на принципах равноправного партнерства.

Неотложной проблемой становится теоретическое обоснование и разработка организационных и методических инструментов, содействующих реализации конкурентоспособности выпускников ВУЗов на рынке труда благодаря возрастанию практикоориентированного образования. Привести результаты образования в соответствие требованиям индивида, рынка труда и общества в целом можно только при условиях переориентации цели, которую ставят перед собой высшие учебные заведения. Необходимо не искать идеальных пропорций теории и практики, а разрабатывать способы превращения теоретического знания в практическое (и наоборот), сконцентрировав внимание на психолого-педагогических практиках, на разработке эффективных методик подачи материала, действенных социально-психологических приемах и методах. Ключевым должно стать определение наиболее эффективных механизмов социально-психологического сопровождения студентов в рамках социального партнерства.

Таким образом, актуальность определяется тем, что в условиях глубокой структурной перестройки необходима новая модель функционирования учреждений профессионального образования, модель гармоничного баланса требований и объединения усилий субъектов образовательного процесса и потребителей его результатов. Институт социального партнерства позволяет на практике реализовать эту цель. Но процесс формирования социального партнерства в системе образования на сегодняшний день носит достаточно фрагментарный характер и не отвечает современным требованиям.

Юсупов М.Г., Прохоров А.О.

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

В современных условиях одна из типичных проблем школьников – постоянное усложнение учебной деятельности, которое выражается в увеличении количества изучаемых предметов и росте общего объема информации. В этой связи практическую значимость приобретает исследование психических состояний школьников. Психические состояния могут служить средством описания учебно-познавательной деятельности, позволяя представить динамику деятельности как систему состояний и возможных отношений между ними.

Большую роль в обучении играют познавательные состояния. Частота актуализации познавательных состояний на занятиях является одним из факторов успешного усвоения знаний. Формирование познавательных умений и навыков опирается на создание и поддержание в учебном классе таких состояний как познавательная активность (развивающее обучение), догадка, инсайт (проблемное обучение), рефлексирование (метакогнитивный класс) и др. Без систематического переживания этих состояний обучающиеся не могут усвоить все многообразие получаемых знаний, обобщить полученный в ходе обучения познавательный опыт, определить цели дальнейшей работы и скорректировать свой учебный процесс.

Цель данного исследования – изучить особенности познавательных состояний школьников, определить их состав и частоту возникновения с учетом года обучения.

В соответствии с целью исследования была разработана анкета, которая позволяла собирать информацию о ситуациях возникновения состояний, их проявлениях, а также влиянии на продуктивность деятельности. Также на основе анализа теоретической литературы был составлен список познавательных состояний. Уточнение и редакция перечня осуществлялась методом экспертной оценки российскими психологами, специализирующимися в области изучения состояний человека.

Организация эмпирических исследований была следующей. Перед проведением исследования участникам предлагалось ознакомиться с глоссарием познавательных состояний. В период основной деятельности школьники выбирали из перечня познавательных состояний 5-6 наиболее характерных состояний.

Было исследовано 635 школьников, учащихся 6-11-х классов российской общеобразовательной школы (возраст от 11 до 18 лет).

Результаты частотного анализа показали, что состояния размышления, заинтересованности, сосредоточенности, вдумчивости и любопытства являются значимыми для всех классов. Типичными состояниями в каждом из рассмотренных периодов обучения школьников являются размышление (раздумье), заинтересованность и сосредоточенность.

Состояния озадаченности и сомнения характерны в большей степени для учеников 6-7 классов, скуки – для 8-9-х. Состояние задумчивости чаще переживается с 6 по 9 классы, а вдохновения – с 9 по 11-й. По сравнению с 8-9 классами в старших классах возрастает доля типичных познавательных состояний в ряду прочих состояний. Выделяется группа наиболее выраженных познавательных состояний – размышление, заинтересованность, сосредоточенность, любопытство. Так, состояния размышления и заинтересованности переживают более 90% учащихся, состояние сосредоточенности и любопытства около 70% обучающихся.

Показано место познавательных состояний среди других психических состояний школьников и студентов, их доля составляет от 39% до 53% всех значимых состояний, переживаемых в учебном процессе.

Выявлена специфика переживания познавательных состояний школьниками средней и старшей школы. В 6-7-х классах познавательные состояния сочетаются с активностью, радостью, весельем, волнением, в 8-9-х классах с психофизиологическими состояниями апатии, сонливости, усталости и волевыми состояниями терпения, спокойствия, в 10-11-х классах с состояниями активности, бодрости, радости, веселья, терпения, спокойствия.

ЛИЧНОСТЬ В КРИЗИСНЫХ И ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

Беркалиев Т.Н., Кужелева А.А.

ВЛИЯНИЕ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА НА БАЗИСНЫЕ УБЕЖДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ СИЛОВЫХ СТРУКТУР

Проблема влияния травматического опыта на личность сотрудников силовых структур имеет большое значение, с точки зрения эффективности исполнения их профессиональных обязанностей и психологического благополучия. Достаточно широко изучены феномены посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР), но менее исследована возможная взаимосвязь выраженности симптомов ПТСР с особенностями базисных убеждений сотрудников с наличием травматического опыта.

Цель работы: исследование взаимосвязи между наличием травматического опыта, выраженностью симптомов посттравматического стресса и особенностями базисных убеждений у сотрудников Национальной гвардии Российской Федерации.

Всего было обследовано 77 сотрудников управления вневедомственной охраны в возрасте от 28 до 48 лет, со средним значением в 37,7 лет.

Измерялись: 1) выраженность симптомов посттравматического стресса по опроснику травматического стресса (Котенев, 1996.); 2) особенности базисных убеждений по шкале базисных убеждений (Падун, Котельникова, 2012); 3) наличие травматического опыта по анкете травматического опыта. Данная анкета разработана в отделении по организации психологической работы ФГКУ УВО ГУ МВД России по СПб и ЛО специально для сотрудников различных подразделений полиции. Основной её целью являлось изучение вида ситуаций травматического характера, в которых пришлось побывать сотрудникам, оценки стрессогенности данных ситуаций, выявления наличия/отсутствия ресурсов (способов восстановления утраченных сил), а также для определения интенсивности переживаний и субъективных последствий произошедших ситуаций. Вопросы анкеты составлялись на основе анализа результатов о том, какие факторы необходимо учитывать, чтобы максимально полно оценить характер произошедших ситуаций и их последствий. Всего анкета содержит 49 вопросов.

Все респонденты были разделены на две выборки на основании наличия или отсутствия травматического опыта: основная, с травматическим опытом – 36 человек, и контрольная, без травматического опыта – 41 человек, пол - мужской.

Внутри основной выборки, по анализу данных анкеты, получилось следующее распределение травматических событий, пережитых респондентами: «Уход из жизни близкого человека» – 41,67%; «Жилищно-бытовые проблемы» – 19,44%; «Проблемы собственного здоровья» – 13,89%; «Серьезное заболевание близкого», «Конфликт на работе», «Угроза собственной жизни», «Свидетельство смерти других людей» – 11,11%. Статистическая обработка производилась с помощью критерия Колмогорова-Смирнова для проверки нормальности распределения, t-критерия Стьюдента для сравнения средних между выборками и коэффициента корреляции Пирсона для корреляционного анализа показателей методик «Опросник травматического стресса» и «Шкала базисных убеждений». Статистическая обработка выполнялась в программе IBM SPSS Statistics 20.

Выводы: 1) Взаимосвязи между наличием травматического опыта и выраженностью симптомов посттравматического стресса при сравнении средних показателей между выборка-

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

ми по методике «Опросник травматического стресса» не выявлены. Возможно, что респонденты намеренно искажали ответы, чтобы не испортить карьеру.

2) Особенности базисных убеждений, характеризующиеся негативным отношением к миру, по результатам корреляционного анализа, прямо связаны с повышенной выраженностью симптомов посттравматического стресса. Это значит, что человек после травмы сохраняет позитивное мировосприятие, веру в справедливость, устойчивую самооценку, это помогает ему легче пережить травматическое событие и снижает риск возникновения и развития симптомов травматического стресса.

Карагачева М.В.

ПОДВЕРЖЕННОСТЬ СТРЕССУ У СОТРУДНИКОВ МЧС РОССИИ С РАЗЛИЧНЫМИ АКЦЕНТУАЦИЯМИ ХАРАКТЕРА

Стрессоустойчивость является профессионально важным качеством для специалистов экстремального профиля деятельности. Уровень профессиональной стрессоустойчивости сотрудника МЧС России зависит от множества факторов: индивидуально-типологических и психофизиологических свойств, профессиональной компетенции и опыта, здорового образа жизни и привычек, а также овладения навыками управления стрессом.

Акцентуации характера относятся к индивидуально-типологическим свойствам личности и могут оказывать влияние на подверженность стрессу сотрудников МЧС России. Кандидат на службу, имеющий явные акцентуации характера не будет принят в систему МЧС России, но скрытые акцентуации характера – обычный вариант нормы. Они могут проявиться в случае наличия травматического стресса, который нередко встречается у спасателей и пожарных. Поэтому необходимо изучать взаимосвязь акцентуаций характера и подверженности стрессу у сотрудников МЧС России.

Целью исследования стало выявление подверженности стрессу у сотрудников МЧС России с различными акцентуациями характера.

Для проведения эмпирического исследования были подобраны следующие методики: шкала профессионального стресса Д. Фонтана (Рогов, 1999); методика для определения вероятности развития стресса по Т.А. Немчину и Тейлору (Рогов, 1995); опросник «акцентуированных радикалов» (Овчинников, Тюряпина, 2016).

Эмпирическое исследование проводилось на базе трех пожарно-спасательных частей города Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Выборка составила 57 человек в возрасте от 30 до 40 лет, все сотрудники мужского пола, с опытом работы 5-10 лет.

В результате проведенного исследования были получены следующие выводы: Большинство опрошенных сотрудников МЧС России обладают низким уровнем профессионального стресса, умеренный уровень профессионального стресса выявлен у 34% респондентов, выраженный и высокий уровни стресса не выявлены. У большинства опрошенных выявлена низкая подверженность стрессу (93%); средняя подверженность стрессу выявлена у 4% опрошенных, высокая у 3%.

Выявлено наличие латентной акцентуации характера у большинства опрошенных (84%) и у 26% обнаружена явно выраженная акцентуация характера. Преобладание отдельных видов акцентуаций характера у обследованной группы респондентов не обнаружено, так как средние значения выраженности акцентуированных радикалов находятся в пределах 3-5 баллов, а в данной методике таким результатам не придается значения.

В результате корреляционного анализа были обнаружены прямые взаимосвязи на достоверном уровне значимости между отдельными показателями акцентуаций характера, профессиональным стрессом и подверженностью стрессу. Прямая связь обнаружена между подверженностью стрессу и шизоидным, гипертимическим акцентуированными радикалами. Прямая связь обнаружена между профессиональным стрессом и шизоидным, эксплозивным, паранойальным, гипертимическим радикалами. Это может означать при выраженности данных черт характера вероятность развития профессионального стресса выше. Подобные данные могут помочь усовершенствованию психологического отбора и психологического сопровождения сотрудников МЧС России. Психологам, работающим в системе МЧС России, следует уделять большее внимание сотрудникам с выраженными чертами шизоидного, эксплозивного, паранойального и гипертимического радикала.

Лебедева Н.А., Бахметьева К.С.

ПРОБЛЕМА СОПОСТАВИМОСТИ МЕТОДИК, НАПРАВЛЕННЫХ НА ИЗМЕРЕНИЕ САМООЦЕНКИ ЛИЧНОСТИ

Самооценка в отечественной психологии чаще всего измеряется с помощью методики Дембо-Рубинштейн на основе сравнения человеком себя с другими людьми (Рубинштейн, 1970). Методика измерения самооценки С.А. Будасси основана на сравнении респондентом своего Я-реального и Я-идеального (Никиреева).

Цель нашей работы состояла в выявлении степени сопоставимости данных методик и прояснении вопроса, измеряют ли они один личностный конструкт или разные.

Выборка составила 30 человек: 12 женщин, 18 мужчин. Средний возраст испытуемых: 29 лет (в диапазоне от 17 до 55 лет).

Обе методики были проведены в индивидуальном режиме при личной встрече с респондентами:

1. Методика исследования самооценки Дембо-Рубинштейн. Испытуемым предлагались бланки с инструкцией и изображением вертикальных линий длиной 12 см. Линии рисовались вручную. В середине линии была отмечена точка, чтобы избежать ошибок глазомера. Каждая вертикальная линия представляла собой шкалу, над которой было написано ее название. Помимо стандартных «Здоровье», «Ум», «Характер», «Счастье», которые предлагала С.Я. Рубинштейн, был добавлен ряд дополнительных шкал, предложенных Л.В. Бороздиной (Бороздина, 2006): «Профессиональное мастерство», «Социальные контакты», «Внешность», «Я в целом», «Будущее». Для каждого испытуемого вычислялись показатели по каждой шкале (в сантиметрах), а также минимальные, максимальные значения, стандартное отклонение и среднее значение испытуемого по всем шкалам методики.

2. Методика измерения самооценки С.А. Будасси. Испытуемым предлагались бланки и список личностных качеств. Из списка 50 личностных качеств испытуемые должны были выбрать 10, описывающих идеального с их точки зрения человека, и 10 – отрицательных, тех, которых ни в коем случае не должно быть у этого идеального человека. Затем выбранные 20 качеств ранжировались испытуемыми применительно к себе, и к своему идеалу. Показатель самооценки рассчитывался как коэффициент ранговой корреляции между упорядоченным списком своих качеств и качеств идеала. С целью проверки сопоставимости методик был проведен корреляционный анализ по методу ранговой корреляции Спирмена.

Были выявлены значимые корреляции ($p \leq 0,05$) между методикой Будасси и шкалами «Счастье» ($r=0,457$), «Я в целом» ($r=0,441$) и минимальным значением по всем шкалам методики Дембо-Рубинштейн ($r=0,376$).

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Также нас интересовало то, сохранится ли эта связь на уровне вербальной интерпретации методики Будасси, а не только сырых значений. С помощью критерия Крускала-Уоллиса проводился анализ значимых различий показателей вербальной интерпретации методики Будасси со шкалами методики Дембо-Рубинштейн. Было выявлено, что испытуемые с разным уровнем самооценки по методике Будасси отличаются по шкалам «Ум» и «Профессиональное мастерство» методики Дембо-Рубинштейн ($p \leq 0,05$).

Респонденты с принятием себя, заниженной самооценкой по невротическому типу (по методике Будасси) отметили себя в среднем на отметке 8,38 см по шкале Ум (методики Дембо-Рубинштейн), испытуемые с заниженной самооценкой – 8,23, с адекватной самооценкой – 6,62, а с завышенной – 8,77.

Испытуемые с принятием себя, заниженной самооценкой по невротическому типу отметили себя в среднем на отметке 3,33 см по шкале Профессиональное мастерство (методики Дембо-Рубинштейн), испытуемые с заниженной самооценкой – 7,75, с адекватной самооценкой – 3,59, а с завышенной – 6,77.

Таким образом, при анализе сопоставимости методик, можно говорить об их несоотносимости на нескольких уровнях: во-первых, корреляции методики С.А. Будасси обнаружены только с двумя шкалами методики Дембо-Рубинштейн, и это не те шкалы, по которым обнаруживаются значимые различия; во-вторых, вербальная интерпретация методики С.А. Будасси содержательно не соотносится с данными шкал, по которым получены значимые различия. Следовательно, конструкты, измеряемые данными методиками, разные.

Перспективным направлением данной работы является исследование валидности данных методик на основе внешних критериев.

Марченко Е.В.

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРЕНИРОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ У СПЕЦИАЛИСТОВ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ

Специфика профессиональной деятельности специалистов экстремального профиля определяет высокие требования к их профессионально-важным качествам. Регулярные стрессовые нагрузки, возрастные изменения могут способствовать ухудшению показателей, необходимых для эффективного выполнения профессиональных задач.

Одним из элементов системы сопровождения специалистов МЧС России является психологическая подготовка, направленная на освоение специалистами психологической составляющей профессиональной деятельности, формирование профессионально важных качеств, сохранение профессионального здоровья. Мероприятия по психологической подготовке могут осуществляться как в очной, так и в дистанционной форме с использованием новых информационных технологий. Для этих целей научно-исследовательским отделом психологической подготовки и психологического консультирования ФКУ ЦЭПП МЧС России был разработан электронный учебно-методический комплекс (далее - ЭУМК). ЭУМК – программа, устанавливаемая на рабочий компьютер, с помощью которой могут быть осуществлены основные учебные мероприятия – формирование знаний, умений и навыков, их проверка, использование дополнительных учебных материалов, в том числе флэш-игр.

Разработанная игра «Тренировка внимания» представляет собой 24-уровневую флэш-игру с простым интерфейсом. Игровое поле состоит из пустых квадратов и квадратов с различными предметами. Перед началом игры, на экране появляется инструкция с описанием задачи

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

игрока: после звукового сигнала сосчитать на игровом поле количество предметов определенного вида и выбрать соответствующее числовое обозначение на шкале. На прохождение одного этапа дается 2 минуты. Если игрок ошибается при прохождении уровня, то проходит его вновь. Игра «Тренировка памяти» – 36-уровневая флэш-игра. Игровое поле состоит из пустых квадратов и квадратов, в которых расположены различные фигуры, значки или символы. В начале игры на экране появляется инструкция. Задача игрока после звукового сигнала запомнить расположение появившихся предметов, а после восстановить их, путем перетаскивания предложенных внизу экрана элементов на поле. Контрольное время – 5 минут. Если игрок не укладывается в отведенное время, он проходит игру заново или продолжает проходить с текущего уровня.

Оценка эффективности рассматриваемых игр была проведена в рамках исследования, в нем приняло участие 85 человек – сотрудники Федеральной противопожарной службы МЧС России г. Москвы, выполняющие инспекторскую деятельность. Возраст участников 25-36 лет. Анализ специфики их деятельности, психограммы, должностных инструкций показал востребованность для них таких ПВК как память и внимание. Для проведения исследования были определены контрольная и экспериментальная группы. Контрольная группа проходила диагностику памяти и внимания в начале и конце исследования и выполняла свои привычные профессиональные задачи, при этом в экспериментальной группе в программу добавлялось установочное занятие по использованию игр и заполнению специально разработанных листов наблюдения. После этого участники экспериментальной группы самостоятельно использовали компьютерные игры из ЭУМК, описанные выше, на протяжении 10 смен (каждую смену 15 минут уделялось на тренировку внимания и 15 минут – на память) и заполняли листы наблюдения. По завершении всех тренировок осуществлялась выходная диагностика групп и ее анализ. Математическая обработка полученных диагностических данных проводилась с помощью IBM SPSS Statistics 22.

В ходе исследования были отмечены улучшения показателей объема внимания, избирательности, устойчивости, распределения, а также уровня развития пространственной зрительной памяти у специалистов, осуществлявших регулярную тренировку с использованием компьютерных игр. Это позволило рассматривать разработанные игры как эффективный инструмент поддержания и улучшения некоторых профессионально важных качеств у специалистов экстремального профиля.

Пирогова Л.В., Корзунин В.А.

РАЗРАБОТКА КРИТЕРИЕВ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЛЕКСА ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ ДЛЯ СОТРУДНИКОВ МЧС

Основным из критериев профессионального здоровья и профессионального долголетия контингентов противопожарной службы можно назвать высокую устойчивость организма и психики специалистов к неблагоприятным, часто травмирующим, факторам физической и психической природы, возникающим в процессе выполнения трудовой деятельности. Частые стрессогенные воздействия разрушают систему психической адаптации человека, что требует планомерного и постоянного проведения мероприятий физической и психологической реабилитации. Несмотря на то, что в последнее время возросло количество прикладных работ, отмечающих значимость психопрофилактических, психокоррекционных и

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

реабилитационных мероприятий, способствующих поддержанию профессионального здоровья, их практическое применение по отношению к рядовым сотрудникам МЧС по большей части невозможно из-за отсутствия материально-технической базы и специалистов психологической службы.

На территории Ленинградской области, насчитывающей более 6 пожарно-спасательных отрядов (что составляет более 2000 сотрудников), в штате состоят 2 специалиста-психолога и оборудована 1 комната психологической разгрузки. Очевидно, что таким составом невозможно реализовать запросы на проведение психофизиологической реабилитации действующего состава. В связи с указанным, большая часть специалистов противопожарной службы выполняет служебные обязанности без необходимой поддержки со стороны психологической службы. В настоящее время отсутствуют руководящие документы по организации и методологии проведения обязательной медико-психологической реабилитации нуждающихся в ней специалистов по результатам мониторингового психодиагностического обследования. Это делает необязательным и, соответственно, позволяет пренебречь проведением психопрофилактических и коррекционных мероприятий сотрудникам даже тех подразделений, где существует возможность прохождения оздоровительных программ на базе отделов медико-психологической реабилитации. Так, по данным за 2017 год, на базе отдела медико-психологической реабилитации СЗ ФКУ «Центра экстренной психологической помощи МЧС России» по различным вариантам реабилитационных программ (однодневной, пятидневной, десятидневной, четырнадцатидневной и индивидуальной) реабилитацию прошли всего 366 сотрудников, что составляет лишь малую часть от нуждающегося в ней контингента МЧС по Северо-Западному региону.

Попустительское отношение к соматическому здоровью и актуальному психическому состоянию приводит к снижению профессиональной мотивации, профессиональному «выгоранию» и увольнению сотрудников противопожарной службы. Следует отметить, что повышение коэффициента текучести кадров в рядах контингентов МЧС, на обучение которых было потрачено немало времени и средств, является уже важной проблемой общественной безопасности всего государства.

В целях подготовки проектов нормативных руководящих документов по разработке, организации и методическому обеспечению реабилитационных программ сотрудников противопожарной службы МЧС в настоящее время в СЗ ФКУ «Центр экстренной психологической помощи МЧС России» проводится комплексное исследование в рамках НИР «Разработка критериев для определения комплекса реабилитационных психофизиологических мероприятий для сотрудников МЧС», результатом которого планируется внедрение реабилитационных программ с использованием штатной психодиагностической и психокоррекционной материальной базы частей и подразделений ГПС МЧС России. Проводится сбор данных при осуществлении различных вариантов реабилитационных мероприятий у сотрудников, относящихся к различным группам по количеству и уровню выраженности изучаемых показателей когнитивной сферы, личностного и психофизиологического блока, выявленным в процессе мониторингового психодиагностического обследования.

Результаты проводимого анализа, подбор и создание индивидуальных планов по психореабилитации на основании специфических характеристик сотрудников, требуют разработки нового методического руководства, на основании которого появится возможность проведения психо-реабилитационных мероприятий в каждом подразделении и внесении их в рамки учебного плана.

Тарасова А.А.

**КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ КАНДИДАТОВ НА ДОЛЖНОСТЬ ИНСПЕКТОРА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ ПО МАЛОМЕРНЫМ СУДАМ
МЧС РОССИИ ПО ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ПОКАЗАТЕЛЯМ В РАМКАХ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОТБОРА**

Актуальность исследования связана с определением критериев оценки при проведении профессионального психологического отбора кандидатов на должность инспектора Государственной инспекции по маломерным судам МЧС России (ГИМС МЧС России), так как специфика профессиональной деятельности данных специалистов связана с рядом психологических факторов, внутренним напряжением, экстремальными условиями, что может влиять на эффективность профессиональной деятельности.

Общее количество инспекторов ГИМС МЧС России, принимавших участие в исследовании – 275 человек, средний возраст – 42 года, стаж по специальности – не менее 3 лет.

Для определения критериев применялся метод тестирования, метод экспертного опроса и математико-статистическая обработка полученных данных, поскольку совместное использование позволяет с большей долей вероятности определить эффективность профессиональной деятельности (Хаммер, 208; Гуцыкова, 2011).

Первым этапом исследования явился экспертный опрос по выявлению профессионально важных качеств (ПВК), необходимых для эффективного выполнения профессиональной деятельности инспекторов ГИМС МЧС России. По результатам данного этапа подобран психодиагностический инструментарий и проведено обследование. Выделение ПВК происходило путем деления выборки на группы успешных и неуспешных специалистов после получения на каждого обследуемого инспектора ГИМС МЧС России экспертных оценок (Литвак, 1996) и математико-статистической обработки полярных групп с помощью «U-критерия Манна-Уитни». Выявлены различия на уровне $p \leq 0,05$ по следующим показателям: уровень интеллекта, интеллектуальная лабильность, абстрактное и оперативное мышление, свойства внимания (объем, концентрация, избирательность, распределение), кратковременная и долговременная память, интернальный локус контроля, социальные контакты, конформность, способность к эмпатии, мотивация достижения успеха. Для определения качеств, препятствующих эффективности выполнения профессиональной деятельности (анти-ПВК), использовался корреляционный анализ – Спирмен r . По итогам были определены отрицательные взаимосвязи ПВК и следующих показателей: синтетический стиль мышления ($r = -0,498$, $p=0,01$), идеалистический стиль мышления ($r = -0,347$, $p=0,05$), зависимость от группы ($r = -0,334$, $p=0,01$), негибкость, отстаивание собственного мнения ($r = -0,167$, $p=0,05$), низкий уровень нервно-психической устойчивости ($r = -0,476$, $p=0,01$), проявление актуальной тревоги ($r = -0,335$, $p=0,01$), напряженность, раздражительность ($r = -0,409$, $p=0,01$), личностная тревожность ($r = -0,478$, $p=0,01$), мотивация на избегание ($r = -0,440$, $p=0,05$), низкая самооценка, сниженное настроение, активность ($r = -0,553$, $p=0,01$).

Таким образом, оценка кандидатов на должность инспектора ГИМС МЧС России производиться как по ПВК, так и по анти-ПВК, что позволяет оценить соответствие психологических показателей требованиям специальности и снизить отрицательные последствия, которые могут возникнуть при осуществлении дальнейшей профессиональной деятельности.

Тарасова А.А., Шойгу Ю.С.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ДИНАМИЧЕСКОГО НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ СОСТОЯНИЕМ СПЕЦИАЛИСТОВ МЧС РОССИИ В ПРОЦЕССЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Профессиональная деятельность специалистов МЧС России зачастую проходит в неблагоприятных условиях – высокие температуры, подземные работы, работа на высоте и в завалах и др. Таким образом, специфика профессиональной деятельности данных специалистов предъявляет определенные требования к их психологическому состоянию, так как эффективность выполнения деятельности зависит от возможностей человека, находящегося в том или ином состоянии (Медведев, 1981; Ильин, 2005). Все это определяет необходимость своевременного выявления негативных проявлений, связанных с профессиональной деятельностью у данных специалистов, с помощью динамического наблюдения.

Происходило изучение изменений в когнитивной, эмоционально-личностной и психофизиологической сферах. Выборку составили специалисты из различных подразделений Российской Федерации. Общее количество – 2979 человек. По результатам исследования изучаемых изменений со стороны психологических и психофизиологических показателей у специалистов МЧС России, выборка была разделена на 3 группы.

В первую группу вошли специалисты, у которых либо отсутствуют, либо отмечаются незначительные изменения со стороны показателей в рамках только одной из изучаемых сфер. Со стороны когнитивной сферы могут отмечаться незначительные снижения свойств памяти или внимания; со стороны эмоционально-личностной сферы возможны небольшие изменения, связанные либо с проявлением эмоционального (профессионального) выгорания, либо агрессией, либо переживаниями травматических событий длительный период времени, либо функциональными изменениями со стороны организма в результате переживаний; со стороны психофизиологической сферы возможно незначительное снижение либо работоспособности в условиях повышенной концентрации внимания, либо уровня безошибочности и быстроты действия при выполнении профессиональной деятельности в условиях ограниченного времени. Адаптационные возможности не снижаются под влиянием внешних стрессовых факторов.

Во вторую группу вошли специалисты, имеющие изменения средней степени выраженности со стороны показателей изучаемых сфер – изменения возможны как в пределах какой-либо одной сферы, так и по всем сферам одновременно. То есть свойства памяти и внимания снижаются умеренно, отмечаются отдельные проявления эмоционального (профессионального) выгорания, более выражены агрессивные проявления в значимых ситуациях, переживания травматических событий носят более конкретный характер, расширяется спектр и нарастают функциональные изменения со стороны организма в результате переживаний; работоспособность в условиях повышенной концентрации внимания, уровень безошибочности и быстроты действия при выполнении профессиональной деятельности в условиях ограниченного времени заметно снижаются. Адаптационные возможности либо снижены незначительно, либо снижаются в значимых для человека ситуациях.

В третью группу вошли специалисты, имеющие изменения средней и высокой степени выраженности показателей со стороны всех изучаемых сфер одновременно. Отмечаются существенные изменения свойств памяти и внимания, нарастает количество проявлений эмоционального (профессионального) выгорания, вплоть до формирования выгорания, агрессивные реакции могут носить не конструктивный характер и иметь последствия в сфере межличностных отношений, становятся более выраженными реакции переживания травматических событий, усугубляются функциональные изменения со стороны организма в результате пе-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

реживаний; работоспособность в условиях повышенной концентрации внимания, уровень безошибочности и быстроты действия при выполнении профессиональной деятельности в условиях ограниченного времени значительно снижены. Адаптационные возможности также снижены и, в отдельных случаях, могут быть восстановлены при помощи специальных психокоррекционных мероприятий.

Таким образом, анализ результатов динамического наблюдения за психологическим состоянием специалистов МЧС России в процессе выполнения профессиональной деятельности заключается в определении количества и уровня выраженности изучаемых показателей, то есть чем больше показателей с неблагоприятными изменениями, тем вероятнее нарастание негативных психологических последствий влияния профессиональной деятельности. Это, в свою очередь, предоставляет возможность специалистам психологической службы МЧС России своевременно проводить психопрофилактические и психокоррекционные мероприятия с профессиональным контингентом МЧС России с целью сохранения профессионального здоровья и долголетия.

Федоров В. Ф.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ: ОТ КВАНТОВОЙ ФИЗИКИ К РЕЛИГИОВЕДЕНИЮ И ТЕОЛОГИИ

Одна из важнейших задач предлагаемого исследования – введение в круг дискуссионных категорий в психологии категории «духовный интеллект». Инициатор развития этого направления является Дана Зохар – физик, философ, тренер в сфере личностного роста, автор девяти книг, посвященных перенесению идей науки (в основном, положений квантовой физики) на такие сферы, как природа сознания, психология, лидерство и духовность. Благодаря междисциплинарному подходу принцип Ньютонской физики, согласно которой общество состоит из индивидуальных атомов, предлагается заменить духом квантовой физики. О цели, смысле жизни, в ньютоновской парадигме вопрос не возникает. В квантовой физике все взаимосвязано. Свет это - не волна и не поток частиц, это одновременно и то, и другое. Квантовая физика привносит осознание ценности ответственности в мир. Мы живем в мире квантовых технологий. Наш организм ведет себя как система по квантовым законам, между нашими органами есть взаимодействие, оно называется комплексом адаптивных систем.

Под влиянием исследования Дэниела Гоулмана об эмоциональном интеллекте EQ (Goleman, 1995) Дана Зохар стала разрабатывать тему «духовный интеллект» SQ (Zohar, 1997). Говард Гарднер, автор теории множественного интеллекта не стал употреблять термина «духовный», а предпочел говорить об экзистенциальном интеллекте (Gardner, 2000).

Духовный интеллект это - основной интеллект. Его наличие и обеспечивает существование эмоционального и когнитивного интеллекта. Синди Уигглсворт рассматривает духовный интеллект как «способность человека поступать мудро, иметь сострадание, при этом находиться в спокойном состоянии при любых обстоятельствах» (Wigglesworth, 2012. P.7). Воган поясняет: «Духовный интеллект раскрывает сердце, освещает разум, одухотворяет душу и воссоединяет индивидуальное человеческое «псюхе» с самой сутью существа. Духовный интеллект можно развивать, практикуя его; он, в свою очередь, помогает человеку отличить реальность от иллюзии» (Vaughan, 2002. P. 17). Концепция SQ оказалась востребованной в организационной психологии и в психологии лидерства (Негров, 2014). В частности, Мартин говорит о «философско-этическом интеллекте», необходимом для эффективного организа-

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

ционного лидерства и который «позволяет менеджерам гармонизировать свои цели и задачи с членами своей команды и со своей организацией в целом» (Martin, 2001. Р. 4). Очевидно также, что эта концепция принципиально важна для психологии религии. Однако SQ не определяется религиозностью личности. Не все, идентифицирующие себя с какой-либо религией, обладают достаточно высоким уровнем духовного интеллекта. Атеист может иметь высокий уровень SQ. Духовный интеллект можно развивать и Дана Зохар предлагает 12 принципов, которые позволяют человеку сделать это. Что принципиально ново в данном исследовании, это – предложение развить концепцию религиозного интеллекта, которая соотносится с вероучительной, литургической, канонической и другими аспектами традиции соответствующей религии.

В российской гуманитарной науке появилась попытка сформулировать концепцию религиозного интеллекта, но это не связано с концепцией SQ (Юрасов, 2010). Очевидна сегодня, когда общество обеспокоено религиозным экстремизмом, актуальность междисциплинарного сотрудничества психологов, социологов, конфликтологов религиоведов и теологов.

ЛИЧНОСТЬ В СПОРТЕ И ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Багадирова С.К.

РАЗВИТИЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В ХОДЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

Обучение спортсменов целеполаганию еще не стало предметом широкого изучения специалистов. В учебниках и монографиях, содержащих материалы по методике спортивной подготовки, делается акцент на необходимость процедуры постановки цели, как важного этапа планирования деятельности спортсмена. Однако на практике обучение навыкам постановки целей, практически не осуществляется.

Исследование данной проблемы позволило нам сформулировать модель обучения спортсменов целеполаганию (на примере дзюдо). Обучение целеполаганию возможно, если *методологической основой* являются: деятельностный подход С. Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева, идея интериоризации Л.С. Выготского, представление О.К.Тихомирова о механизмах целеобразования, представление о формировании цели профессиональной деятельности в рамках концепции системогенеза психологической структуры деятельности В.Д. Шадрикова.

Обучение целеполаганию предполагает соблюдение *условий*: реализация личностно-ориентированной парадигмы; компетентность в целеполагании тренеров, осуществляющих подготовку спортсмена; учет специфики и задач этапов многолетней подготовки, реализуемые через содержание учебно-тренировочной деятельности; учет особенностей развития способности к целеполаганию в онтогенезе личности; обучение целеполаганию должно быть подчинено следующему алгоритму: переход от внешнего способа формулирования целей тренером, к совместным действиям по формулированию цели, а затем и к самостоятельному определению целей спортсменом.

В соответствии с разработанной нами моделью, при организации обучения целеполаганию, следует учитывать *качественные и количественные изменения*, происходящие в ходе профессионализации на стадиях базовой подготовки и *максимальных достижений в дзюдо*.

Основной *формой обучения целеполаганию* явились тренинговые занятия.

Занятие 1. «Краткосрочные и долгосрочные цели».

Занятие 2. «Результативные и процессуальные цели».

Занятие 3. «Командные и индивидуальные цели».

Занятие 4. «Оценка прогресса на пути достижения целей».

Каждое занятие состояло из лекционного материала, а также упражнений по теме. К тренинговым занятиям, нами были разработаны рабочие тетради (Багадирова С. К., 2017).

В апробации модели приняло участие $n=126$ спортсменов, находящихся на базовой стадии подготовки в дзюдо в возрасте от 10 до 15 лет. Данная стадия совпадает с временными рамками подросткового возраста, который является более сенситивным в плане формирования способности к целеполаганию. Именно в этом возрасте формируются умения оценивать промежуточные и конечные результаты своих действий, выявлять причины несоответствия результата запланированной цели, определять возможности достижения цели другими средствами и методами. Эксперимент проходил на базе ГБУ РА «Спортивная школа олимпийского резерва по борьбе дзюдо имени Я. К. Кobleва» г. Майкоп (2016 – 2017 гг.).

В качестве диагностическими был использован тест «Способность самоуправления» Н.М.Пейсахова. Самоуправление – целенаправленное изменение, где цель себе ставит человек, управляющий своей активностью.

Результаты тестирования на диагностическом этапе эксперимента указывают на низкий уровень развитости самоуправления спортсменов. Это объясняется тем, что у подростка в этом возрасте плохо развито умение соизмерять свои возможности по достижению цели и собственным притязаниям, что указывает на не развитую способность к самоуправлению.

Сопоставление результатов диагностического и контрольного этапов апробации модели, свидетельствует о повышении уровня развития способности к самоуправлению у спортсменов (средний уровень). Статистически значимые изменения обнаруживаются по всем шкалам методики.

В ходе индивидуальных собеседований, спортсмены отмечают, что при планировании своей деятельности они стали уделять внимание постановке целей, отслеживать их достижение и осуществлять коррекцию. Также они отмечают появившуюся в их арсенале вариативность целей (краткосрочные – долгосрочные, результативные – процессуальные, индивидуальные – групповые).

Итак, осуществленная нами апробация модели обучения целеполаганию показала ее эффективность. Реализация данной модели, позволяет сформировать навыки целеполагания, которые заключаются в элементарном моделировании и прогнозировании результатов собственной деятельности, способности анализировать соответствие достигнутого результата поставленной цели.

Боровская Н.И., Мельник Е.В.

ЭМПАТИЯ И МАКИАВЕЛЛИЗМ ЛИЧНОСТИ СПОРТСМЕНОВ КАК ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

В спорте существует противоречие между реализацией стремления к самосовершенствованию и необходимостью самоутверждения. Среди личностных свойств, способствующих достижению этих целей, рассматривается макиавеллизм как совокупность эмоциональных и поведенческих характеристик, стратегия поведения при которой человек добивается своей выгоды любым способом (обманом, хитростью, лезть и др.); люди для макиавеллистов служат инструментом для реализации собственных целей. В то же время для успешной работы в команде, умения чувствовать и поддерживать партнеров и реализации принципов спортивного поведения (Fair play) необходимо проявление эмпатии как осознанного сопереживания текущему эмоциональному состоянию другого человека.

Каждому человеку присущи неповторимые черты характера, образ мышления и поведения. Спортсмены часто оказываются в различных стрессовых ситуациях, где есть риск быть несдержанным, когда могут сказаться большие физические и психологические нагрузки, недостаток сна или плохое настроение. В спорте, как и в любом другом виде деятельности, есть свой деловой этикет, а также существует понятие спортивного поведения, отражающего и культуру общения в том числе. Спортсмен, как человек публичный, обязан уметь держать себя в руках, не позволять эмоциям брать над собой верх. Он несет большую ответственность и обязан соблюдать культуру спортивного общения.

Для нахождения баланса между полярностями эмпатия – макиавеллизм была разработана настольная психологическая игра. В игре могут принимать участие до 12 человек, их принадлежность к команде определяется по жребию. Одни отстаивают интересы эмпатийной личности, другие защищают позицию макиавеллистов. Ход игры определяет ведущий и начисляет бонусы за согласованность, эмоциональность, убедительность высказываний, полностью аргументов и др.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Игра начинается с первого уровня – «Спортивный инвентарь». Игроки берут по одной карточке и им необходимо идентифицироваться с изображением и от первого лица рассказать о нем, его роли, значении, особенностях, эмоциях и чувствах, которые оно вызывает. Например: «Я – книга... я стою на полке... я очень интересная... меня любят читать... я очень нужна...».

На втором уровне члены команд объединяются по два человека, бросают кубик и вытягивают карточку-картинку: «соперничество-сотрудничество», «дети в спорте», «пожилые люди и спорт», «травмы»; «эмоции в спорте», «инклюзия». Играющие пары описывают картинку или идентифицируют себя с персонажем и от его имени рассказывают соответствующую историю. Участникам могут задаваться различные вопросы, например: «Какие эмоции, чувства, мысли, фантазии вызывает изображение?», «Какое название вы могли бы дать картинке?», «Что может помочь в преодолении проблемной ситуации?» и др. Ведущий подводит итог о важности эмоций, чувств в спорте и жизни.

На третьем уровне члены команд объединяются по три человека и вытягивают по одной карточке-качеству. Карточки этого уровня содержат полярные качества. Играющим предлагается объяснить качество, не называя его. Игроки другой команды в ответ должны показать противоположное качество. Также игрокам можно предложить описать особенности проявления и значимость этого качества в спорте. На этом уровне проводятся дебаты, команды обмениваются суждениями, выдвигая аргументы и контраргументы по поводу роли личностных качеств спортсмена.

На четвертом уровне в игре участвует вся команда. Карточки содержат реальные спортивные истории, отражающие соблюдение принципов Fair play. Игроки зачитывают историю и высказывают свое отношение к ней, описывают, как бы поступили они в этой ситуации.

По завершению подводятся итоги, игроки делятся впечатлениями, отмечают задания, которые вызвали наибольший интерес, говорят о возникших трудностях. Проходит подсчет игровых бонусов и определяется команда – победитель. Проигравшая команда может загадать желание, которое выполняют победители.

Таким образом, игра может быть использована при работе со спортсменами разного возраста и квалификации, занимающихся различными видами спорта. Ее отличительными чертами являются непринужденный характер общения со спортсменами и маскировка истинной цели игры (нахождение баланса между личностными качествами, характеризующими стратегии соперничества и сотрудничества в спорте).

Бурак Р.И.

ИЗУЧЕНИЕ УРОВНЯ КОНФЛИКТНОСТИ У СПОРТСМЕНОВ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Большинство ученых считает, что конфликт – это острая ситуация, возникающая как результат столкновения отношений личности с общепринятыми нормами. Другие определяют конфликт как ситуацию взаимодействия людей, либо преследующих взаимоисключающие или недостижимые одновременно обеими сторонами цели, либо стремящихся реализовать посредством своих взаимоотношений несовместимые ценности и нормы. Это такое противоречие между людьми, которое характеризуется противоборством, как явление, создающее весьма сложную психологическую атмосферу в любом коллективе. Особенно трудно разрешимое противоречие, связанное с острыми эмоциональными переживаниями, критическая ситуация, то есть ситуация невозможности реализации субъектом внутренних потребностей своей

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

жизни (мотивов, стремлений, ценностей и пр.); внутренняя борьба, порождающая внешние, объективно данные противоречия, как состояние, рождающее неудовольствие целой системой мотивов, как противоречие между потребностями и возможностями их удовлетворения.

В связи с актуальностью, целью нашей работы является изучение уровня конфликтности у спортсменов подросткового возраста.

Объект исследования: общение подростков со сверстниками по команде.

Предмет исследования: особенности межличностных конфликтов подростков.

Задачи исследования: 1. Провести теоретический анализ литературных источников по исследуемой проблеме. 2. Изучить особенности конфликтного поведения у подростков. 3. Сформулировать рекомендации по воспитательной и психо-коррекционной работе с конфликтными подростками.

Методы исследования: 1. Теоретический анализ литературных источников. 2. Тестирование: 1) Тест тактики поведения в конфликтной ситуации (адаптация Н.В. Гришина) 2) Диагностика агрессивности детей (опросник Басса-Дарки).

Проведенное исследование показало, что у подростков наблюдается повышенный уровень агрессивности и конфликтности, большая часть из них не владеют адекватными стратегиями поведения в конфликте. В связи с этим в учебно-воспитательном процессе в школе особое внимание при работе с подростками должно уделяться предотвращению, профилактике и урегулированию конфликтов. Учителя и родители нуждаются в самых разнообразных психологических знаниях, чтобы быть компетентными при встрече с детской агрессией. Чтобы сделать менее острыми те трудности, которые испытывает сам подросток, а также его родители и школа, необходимо заранее знать, каковы могут быть проявления конфликтности в этом возрасте. В соответствии с этими знаниями должен строиться воспитательный процесс, который должен быть направлен на уменьшение агрессивности и конфликтности. В школе этот процесс должен быть связан с работой школьного психолога, который обязан проводить коррекционные тренинги с учащимися. Необходимо включать подростков в общественно полезную и трудовую деятельность, которая решает задачи развития познавательного интереса к различным видам труда, формирования основ культуры умственного и физического труда, воспитания высоких моральных качеств, целеустремленности, долга и ответственности.

Подростковый возраст отличается конфликтностью. Появление психических новообразований сопряжено со сложностями его перехода из состояния детства во взрослую жизнь. Подростковый возраст характеризуется повышенной возбудимостью, неустойчивостью эмоций и поведения, подростки плохо контролируют себя, эмоциональны и нестабильны, что приводит к повышению агрессивности и конфликтности, что связано со спецификой протекания данного возрастного периода. Протекание этого периода имеет различные варианты и зависит от внешне средовых условий. В связи с этим актуальным является изучение существующего уровня конфликтности и разработки индивидуальных и групповых мер по снижению конфликтности и агрессивности в подростковом звене.

В ходе проведенного исследования были выявлены основные виды агрессивного поведения, а также уровень агрессивности и враждебности, стратегии поведения в конфликтных ситуациях у подростков.

Изучение конфликтности подростков показало, что у них наблюдаются высокие уровни вербальной, физической, косвенной агрессии, а также раздражимости, что вызывает у них чувство вины. В конфликтных ситуациях 23% подростков предпочитают стратегию соперничества, что усугубляет конфликт и может приводить к разрыву отношений. В соответствии с выявленными особенностями поведения подростков были даны общие рекомендации для родителей и учителей, необходимые для профилактики и урегулирования конфликтов.

Ветвицкая Т.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАЩИТЫ ИГРОКОВ В БОЧКА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

В настоящее время психологическое сопровождение спортсменов с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) становится все более актуально, так как паралимпийское движение активно развивается. Игра в бочка для спортсменов с тяжелыми множественными нарушениями позволяет спортсменам быть активными в социуме, путешествовать, общаться и преодолевать себя, ставя задачи быть лидером в паралимпийском спорте.

Понимая особенности развития спортсменов с церебральным параличом, психологическое сопровождение их в спортивной деятельности может быть более эффективным, что позволит спортсменам и тренерам достигать высот в спортивном мастерстве.

Спортивная подготовка это круглогодичный специально организованный процесс, который сопровождается физическими, эмоциональными, психологическими нагрузками. Существуют особенности подготовки спортсменов с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

В спортивной подготовке лиц с ОВЗ необходимо учитывать особенность их как физического развития, так и психологического, нравственного и духовного. Спортсмены на всех этап подготовки испытывают калейдоскоп чувств и эмоций, демонстрируют различные поведенческие реакции в отношениях друг с другом и с тренером, с ассистентами (сопровождающие, родители). На особенности разрешения трудных ситуаций, безусловно, влияют психологические защиты и фрустрационные реакции.

Процесс исследования особенностей лиц с ОВЗ представляется достаточно актуальным, так как позволит расширить представления об особенностях психологических защит и фрустрационных реакций у спортсменов с ДЦП. В практическом плане изучение данной темы предполагает сделать процесс психологического сопровождения и взаимодействия с тренером более целенаправленным и способствует дальнейшему развитию и уточнению психологических мишеней и психолого-педагогической коррекции.

Целями настоящего исследования явилось изучение механизмов психологической защиты спортсменов с ДЦП в бочка и их взаимосвязи с фрустрационными реакциями.

Объектом исследования явились 14 спортсменов в возрасте 15-20 лет, тренирующихся на базе ГБОУ «Центр «Динамика» Санкт-Петербурга.

Исследование проводилось с помощью методик «Индекс жизненного стиля» Келлермана-Плутчека и «Фрустрационный тест Розенцвейга».

Использование защитного механизма по типу «отрицание», «регрессия» статистически значимо ($p \leq 0,05$) у спортсменов. Стоит отметить, что психологическая защита по типу «рационализация» была выявлена в 30% случаях. Согласно интерпретации результатов «регрессия» и «отрицание» относятся к «незрелым» формам защиты и ее доминирующее использование говорит о потребности личности спортсменов с ОВЗ в постоянной разрядке своих импульсов, разрядении тревоги. Данные психологические защиты побуждают в личности такие качества как зависимость, импульсивность, что влечет за собой сниженный самоконтроль. Спортсменам, использующим «рационализацию», свойственно мудрствование, сниженная критичность к своим действиям и суждениям. Подобное поведение при наблюдении выглядит как рассуждательство по поводу банальных, надуманных, часто неразрешимых вопросов, по всей вероятности данные особенности у спортсменов с ДЦП вызваны низким социальным опытом, уровнем обучаемости, инфантилизации и, безусловно, следствием тяжелых множественных нарушений развития. Выявлены экстрapunитивные реакции на фрустрации (82%), которые

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

позволяют нам предполагать, что участники исследования предпочитают, чтобы ситуации решались не ими самими, а другими лицами (родителями, тренерами).

Полученные результаты позволяют выявить специфические личностные особенности спортсменов с ДЦП, учет которых позволит обозначить психологические мишени и подобрать психолого-педагогические стратегии сопровождения спортсменов, тренеров, ассистентов в тренировочном и соревновательном периоде, что позволит проводить их с большей эффективностью.

Гапанович М.Р., Сивицкий В.Г.

МОТИВАЦИЯ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Современный спорт высших достижений немислим без жестокой соревновательной борьбы. Соревнования требуют от спортсмена мобилизации всех сил: физических и психических. Причем, психических прежде всего, так как участие в соревнованиях всегда не просто личное дело спортсмена, а дело высокой общественной значимости.

Высоко мотивированный спортсмен более эффективно реализует свой потенциал, а главное он способен на максимальную отдачу всех своих физических и духовных сил, если этого требует достижение поставленной цели. Спортивная деятельность, характеризующаяся высокой экстремальностью, предъявляет повышенные требования к личности спортсмена. Настрой на победу, общеличностная и волевая готовность в значительной степени определяют эффективность предстоящей деятельности.

В исследованиях следует учитывать, что изменение личности может быть связано не только с занятиями спортом, но и с действиями целого ряда дополнительных факторов.

Результаты исследований, в которых сопоставлялись личностные особенности неуспешно, средне и успешно выступающих спортсменов, трудно оценить из-за большой разнородности и недостаточной репрезентативности выборки испытуемых.

Мотивация – это внутреннее побуждение к достижению цели. Мотивация от стимула отличается именно тем, что побуждение происходит внутри. В то время как, стимул исходит извне и может являться побуждением для мотивации. Например, спортсмен мечтает о награде, и он представляет ее у себя в уме. Награда здесь является стимулом, а представление ее в уме – мотивацией. Без должной мотивации и стимуляции спортсмен не сможет грамотно выполнять указания тренера. Без мастерства, как известно, отличных результатов не добиться, поэтому мотивировать спортсмена требуется, но степень мотивации не должна превышать определенного значения.

Таким образом, когда достигается оптимальный уровень мотивации, тогда приходит успешность в результатах. Психологические требования к высокому уровню функциональной подготовленности и специальной работоспособности, особенно в условиях соревновательной деятельности, непрерывно увеличиваются. Обращаясь к потребностям спортсмена в самоутверждении, самовыражении и исполнении общественного долга, можно повысить эффективность отдельных тренировочных занятий, конкретных заданий, реализуемых в них, настроить спортсмена на победу над более сильным соперником, переломить ход соревновательного поединка и т.п. Причем тренер должен в каждом конкретном случае знать, что наиболее актуально для данного спортсмена. Так, например, в мотивации более зрелых спортсменов начинают актуализироваться факторы социально-бытового характера.

В исследовании использовались следующие методики: методика «Мотивы занятий спортом» А.В. Шаболатас; методика «Изучений мотивов занятий спортом» В.И. Тропиков

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В исследовании приняли участие 15 спортсменов из них 5 девушек и 10 юношей, активно занимающимися спортом.

Исследование проводилось в несколько этапов:

1 этап. Испытуемым был выдан комплект методик и бланков для ответа.

2 этап. Проведен подробный инструктаж как выполняются эти методики.

3 этап. Сбор и обработка результатов.

По методике «изучения мотивов занятий спортом» было выявлено, что 65.02 коллективистская направленность.

Таким образом, наша гипотеза о том, что у спортсменов доминируют следующие мотивы занятия спортом: «гражданско-патриотические» и «развитие характера и психических качеств», подтвердилась.

Заключение. В мотивации достижения цели у спортсменов преобладают мотивы надежды на успех. В содержании мотива спортсмена на достижение успеха входят: стремление к победе, эмоциональный фактор, способность «бороться до конца». Наибольшей силой мотива обладают спортсмены видов спорта циклического характера, требующих преимущественного проявления выносливости. В играх и единоборствах мотивация не так сильно выражена, но зато она более сложна и связана с различными чертами личности. В результате анализа полученных в ходе использования методик «Мотивы занятий спортом» и «Изучение мотивов занятий спортом» данных выявлено, что доминируют мотивы «Гражданско-патриотический» и «коллективистская направленность». Что может свидетельствовать о том, что борьба за честь города и страны для многих спортсменов является делом большей важности и более сильным мотивом, чем все остальные мотивы.

Гущин Д.В., Сивицкий В.Г.

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ТРЕНЕРОМ И СПОРТСМЕНОМ

Тренер много общается со своими спортсменами на тренировочных занятиях, учебно-тренировочных сборах, соревнованиях и т.д. Это обстоятельство имеет свою положительную сторону, так как дает тренеру возможность разносторонне узнать своих подопечных, расширить воспитательное воздействие на них. В то же время, это обстоятельство предъявляет к тренеру большие требования: оно обязывает находить надлежащие формы взаимоотношений со своими воспитанниками. Не менее важное значение имеет и понимание тренерами спортсменов. Оно предполагает умение тренера проникнуть во внутренний мир учеников, найти нужную форму обращения к ним. Взаимопонимание тренеров и спортсменов обуславливает их социально-психологическую совместимость. Непонимание между тренером и спортсменом ведет к обостренным негативным взаимоотношениям. Осложняются взаимоотношения из-за неуважения личности воспитанника, предвзятого мнения тренера о нем, недостаточного внимания к нему и его нуждам, невыдержанности и грубости тренера и т.д.

Во взаимоотношениях тренера со спортсменом большое значение имеет то, насколько тренер считается с мнением спортсмена относительно его тренировок. Этот факт приобретает особую важность в тех случаях, когда спортсмен обладает большим опытом и спортивным мастерством. Австрийский тренер Ф. Штампорл пишет: «На тренировках я всегда отношусь к спортсменам, как к школьникам. Мой метод заключается в том, чтобы заставить спортсмена, думать, что идеи и инициатива принадлежат ему».

Роль тренера в современном спорте резко возрастает. Проводя со своими учениками большое количество времени, тренер имеет возможность досконально изучить их, узнать все

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

нюансы их характера, правильно воздействовать на психическое состояние в экстремальных условиях тренировки и соревнований. Вместе с тем такая многолетняя совместная работа, сопровождающаяся постоянными эмоциями с той или другой стороны, предъявляет большие требования к межличностным отношениям в системе «тренер – спортсмен».

Интерес к факторам и причинам позитивных или негативных отношений привел к серии исследований, которые показали, что тренеры строят свои отношения со спортсменами, ориентируясь в первую очередь на их специфические спортивные качества и только затем – на личностные особенности, которые оцениваются под влиянием первых.

Практический опыт работы спортивных психологов позволил им сформулировать рекомендации, которые необходимо учитывать тренеру и спортсмену в ходе построения взаимоотношений в процессе соревнования. Далее, следует привести некоторые из этих рекомендаций.

К ним относятся следующие: нецелесообразно чрезмерно «раздувать» достоинства соперника, нельзя раздражаться по поводу каких-либо нарушений в технике или необычности его поведения; не следует успокаивать спортсмена такими фразами, как: «Не волнуйся», «Возьми себя в руки, ты же спортсмен». Они могут вызвать только раздражительный ответ. Целесообразнее говорить «Спокойно» или даже «Волнуйся», напоминая, что умеренное волнение перед стартом – это помощник спортсмена. Если есть необходимость дать спортсмену какие-либо указания в отношении его действий или поведения, то фразы должны быть краткими и понятными. В моменты растерянности, неуверенности спортсмена жесткий, авторитетный приказ выполнять определенное действие может оказаться вполне оправданным, если он отдан в манере, не оставляющей никаких сомнений в правильности и необходимости именно этих, а не каких-либо других действий. Оценивать действие спортсмена необходимо спокойным тоном. Лучше, если среди оценок будут преобладать положительные. Спортсмену, закончившему выступление неудачно, нужно уделить особое внимание. Нельзя выражать разочарований по поводу его результата, подчеркивая бесперспективность спортивного будущего. Заняться анализом ошибок лучше через день-два после соревнований, когда страсти улягутся.

Кузьмин М.А., Малкин В.Р., Семкина В.И., Осипова Я.В.

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕФЛЕКСИИ В СПОРТЕ КАК СРЕДСТВА УПРАВЛЕНИЯ СПОРТИВНОЙ КОМАНДОЙ

Проблеме изучения рефлексии в спорте уделяется явно недостаточное внимание. Причина в том, что, начиная с 80 годов, в психологии преимущественно изучались личностные качества спортсменов, темперамент, психические состояния, способствующие или не способствующие успешному выступлению спортсменов в соревнованиях. Однако данный подход не позволил решить главную проблему спорта – успешное и стабильное выступление спортсменов в ответственных соревнованиях. Потребовался несколько иной взгляд.

Новый подход заключается в изучении целостной личности, переориентации на формирующий, а не корректирующий подход при работе со спортсменами (Горбунов, 2006; Горская, 2006, Малкин, Роголева, 1999, 2015), поэтому именно рефлексия, способность спортсмена к осознанным действиям и отношениям в спорте выходит на первый план.

Рефлексия рассматривается учеными как фактор обеспечивающий саморегуляцию поведения спортсменов, осознание собственных действий, поступков и мотивов, оценку субъектом собственных поступков (Абульханова-Славская, 1991; Мухина, 1998, Цукерман, 1997).

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Цель исследования заключалась в изучении возможности управления спортсменами через включение их в рефлексию спортивной деятельности.

Выборку составили 15 девушек-игроков мини-футбольной команды УрФУ, г. Екатеринбург, выступающие в Высшей лиге.

Для изучения рефлексии была разработана анкета, где спортсменки отвечали на 4 главных вопроса: Что Я хочу? Что Я могу? Готов ли делать то, чтобы Я могу превратилось в Я хочу? Что Я делаю для этого?

В ходе анализа были получены следующие результаты. При ответе на вопрос «Что Я хочу достигнуть, занимаясь спортом?» 80% респондентов ответили, что они хотят достигнуть высоких спортивных результатов, 20% – получать удовольствие от самого процесса занятий. Эти данные позволяют тренеру правильно строить отношения со спортсменами той или другой группы. Следует отметить, что на вопрос: «Могу ли Я?», под которым понималась оценка спортсменами своих технических и физических возможностей, лишь 3 человека ответили утвердительно.

Учитывая, что в первой группе спортсмены хотят достичь высоких спортивных результатов, то главная задача тренера – убедить их в возможности достижения этих результатов. Объяснить, что невысокий уровень тех или иных физических, технических показателей обусловлен недостаточной тренировочной работой, а не их способностями, и они вполне могут быть улучшены при увеличении такой работы в процессе тренировок.

При ответе на вопрос «Что Я должен делать, чтобы достичь своей цели?» 75 % респондентов ответили, что понимают и готовы выдерживать полностью необходимый тренировочный режим, 25 % готовы это делать исходя из их возможностей (здесь сказывается тот факт, что многие из спортсменов работают или подрабатывают). Тренеру необходимо учитывать это при построении тренировочного процесса для наиболее эффективного выстраивания тренировочного процесса.

На вопрос: «Готов ли спортсмен полностью посвятить свою жизнь спорту?» лишь 1 человек ответил утвердительно. На наш взгляд, для девушек это совершенно естественно. Тренер должен понимать и учитывать данную информацию в своей работе. Кроме того, тренеру необходимо знать и использовать в работе со спортсменами информацию о том, что порядка 90 % спортсменов считают, что они должны знать и понимать, что им необходимо делать для достижения высокого результата. Что свидетельствует о том, что спортсмены хотят быть не простыми исполнителями, а активными участниками тренировочного процесса.

Следующий вопрос, на который спортсменам необходимо было ответить: «Что я буду делать, чтобы «Я хочу» превратилось в реальное «Я делаю»? Было выявлено, что 80 % спортсменов готовы взять на себя ответственность за достижение спортивного результата. Правда, при этом только 30 % хотят разделить эту ответственность с тренером. Это тоже необходимо учитывать и не перекладывать всю ответственность только на спортсменов.

Выводы. Проблема управления спортивным коллективом является, с одной стороны, достаточно сложным, с другой – важнейшим фактором успеха команды и работы тренера. При этом эффективность такой работы будет во многом зависеть от понимания тренером желаний, мотивов, целей, которые существуют у спортсменов. В связи с этим использование теста на рефлексию позволяет тренеру лучше понять мотивы и цели спортсменов, которые лежат в основе занятий спортом, понять то, как спортсмены воспринимают себя в спорте, что стоит за их целями, которые они ставят на конкретный период времени. Полученные данные позволяют учитывать их в тренерской работе, правильно строить свои отношения с конкретными спортсменами.

Мойсеёнок Е.Ю., Ивашко С.Г.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХИЧЕСКОЙ НАДЕЖНОСТИ С АКЦЕНТУАЦИЯМИ ХАРАКТЕРА СПОРТСМЕНОВ-ЛЕГКОАТЛЕТОВ

Психическая надежность – свойство личности, позволяющее спортсмену стабильно и эффективно выступать на ответственных соревнованиях в течении определенного времени.

Все спортсмены независимо от выбранного ими вида спорта наделены личностными особенностями. Эти особенности могут как благоприятно, так и неблагоприятно сказываться на успешности их соревновательной деятельности. Учет личностных особенностей может служить одной из предпосылок, например, выбора спортсменом вида спорта, подбора методов взаимодействия спортсмена с тренером, а также условий тренировочных занятий. Одними из таких личностных особенностей являются акцентуации характера.

Акцентуации – крайние варианты нормы, при которых отдельные черты характера гипертрофированы и проявляются в форме «слабых мест» в психике индивида – избирательной ее уязвимости в отношении некоторых воздействий при хорошей и даже повышенной устойчивости к другим воздействиям.

Взаимосвязь между акцентуациями характера спортсменов и уровнем их психической надёжности является интересным вопросом для психологии спорта на современном этапе и рассматривается в данном исследовании.

Исследование проводилась на группе студентов-легкоатлетов различных специализаций, обучающихся в Белорусском Государственном университете физической культуры. В исследовании приняли участие 22 спортсмена в возрасте от семнадцати до двадцати двух лет, имеющие разряды от второго взрослого до звания Кандидата в мастера спорта и имеющие спортивный стаж от 3 до 13 лет.

Исследование было проведено на базе УО «Белорусский государственный университет физической культуры» в октябре 2017 года.

С целью выявления уровня психической надежности спортсменов-легкоатлетов был использован опросник В.Э Мильмана. С целью выявления типа акцентуаций характера спортсменов-легкоатлетов использовался опросник Г.Шмишека.

В результате интеркорреляционного анализа были выявлены связи между некоторыми компонентами психической надежности и типами акцентуаций характера спортсменов-легкоатлетов. Выявлены значимые обратные корреляционные связи между компонентом «Соревновательная эмоциональная устойчивость» и показателями таких типов акцентуаций характера как циклотимный ($r=-0,48$), возбудимый ($r=-0,47$), экзальтированный ($r=-0,43$) и эмотивный ($r=-0,43$). На этом основании можно предположить, что спортсмены этих типов акцентуаций характера зачастую имеют большие перепады в эмоциональном фоне выступления, внешние события у них вызывают сильные эмоциональные реакции, что может привести к нерациональной трате энергии, в том числе и “нервной”, преждевременному утомлению и “перегоранию”.

Выявлены прямые положительные корреляционные связи между показателями компонента «Соревновательная мотивация» и показателями педантичного ($r=0,38$) и застревающего ($r=0,38$) типов акцентуаций характера. Это позволяет сделать вывод о том, что у спортсменов данных типов акцентуаций характера внутреннее состояние побудительных сил способствует полной отдаче их на соревнованиях. Между показателями компонента «Соревновательная мотивация» и показателями экзальтированного типа акцентуаций характера обнаружена значимая обратная корреляционная связь ($r=-0,44$). Это может свидетельствовать о том, что спортсменам данного типа акцентуаций характера крайне сложно осознать собственные цели и задачи, а также найти в себе силы для полной отдачи на соревнованиях.

Успешность соревновательной деятельности во многом определяется уровнем психической надёжности спортсмена и учетом его личностных характеристик. В свою очередь компоненты психической надёжности зависят от таких свойств личности спортсмена, как акцентуации характера. Таким образом, зная акцентуацию характера спортсмена, можно целенаправленно работать над определенными компонентами психической надёжности, высокий уровень которой будет являться следствием улучшения результатов этого спортсмена на тренировках и непосредственно во время соревнований.

Попова И.А., Мельник Л.В.

ПРИМЕНЕНИЕ ЭКСПРЕСС-МЕТОДОВ ОЦЕНКИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СПОРТСМЕНОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОМАНД В ПРАКТИКЕ СПОРТИВНОГО ПСИХОЛОГА

Экспресс-методы психофизиологии активно используются в спортивной науке и при подготовке спортсменов высших достижений. Выбор метода обусловлен задачами психологической подготовки, особенностями вида спорта, возможностями специалиста. Не отрицая значимости планового проведения углубленного комплексного обследования в национальных командах важна экспресс-диагностика, ее мобильность и быстрота, особенно в условиях учебно-тренировочных сборов и соревнований. Спортивному психологу при выборе методики важно изучить особенности использования, преимущества и недостатки. Для получения информативных данных необходимо использовать проверенный, лицензируемый метод и аппаратуру; соблюдать условия обследования и системность в планировании и проведении исследований; включать мониторинг в различные периоды подготовки.

В работе спортивного психолога экспресс-методы психофизиологии – это дополнительный инструментарий, который помогает сделать работу психолога точной, понятной для тренера и спортсмена, что повышает его профессиональный статус. Это еще один способ быстро и объективно получить информацию о состоянии спортсмена до или после тренировки.

В подготовительном периоде – это возможность контроля психофизиологической адаптации спортсмена к тренировочной нагрузке и качества восстановления. Что помогает тренеру в коррективке и индивидуализации тренировочного плана, а для спортивного психолога возможность на основании полученных данных оптимизировать психологическое восстановление и подготовку спортсменов.

В соревновательном периоде – это информация о функциональном предсоревновательном состоянии спортсмена, и возможность корректировать тренеру и психологу предстартовые функциональные состояния.

Метод газоразрядной визуализации используется с 2003 года в психологической подготовке национальных команд Республики Беларусь. Были установлены точные нормы для спортсменов в различных видах спорта. Так, в целом уровень активации и стресса (А) соответствует оптимальному состоянию спортсмена для эффективной тренировочной работы в подготовительный период – 2-4 у.б. (условные баллы). У биатлонистов (А) – 2-3 у.б. Однако в академической гребле и легкоатлетических метаниях этот показатель находится в диапазоне 2,5–4,5 у.б., что возможно из-за особенностей вида спорта (присутствия достаточного объема силовой, взрывной работы).

В предсоревновательном и соревновательном периодах (А) в норме 4-6 у.б., у биатлонистов – до 4, у метателей и в академической гребле (А) – 5,5 у.б. В состоянии психического утомления (А) 0,30-1,5 у.б., и фиксировался он на заключительном микроцикле учебно-трени-

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

ровочного сбора в разных видах спорта.

При рассмотрении функционально-энергетического индекса (ФЭИ) условная норма – 80–100%. Чем стабильнее эти показатели в течение всего подготовительного периода, тем эффективнее спортсмен адаптируется к нагрузке и восстанавливается после. Соответственно, показатели ближе к 100% в соревновательном периоде – это максимальный уровень психоэмоциональной эффективности, возможность полной реализации в соревновании. У 10 элитных спортсменов (биатлон, академическая гребля) наблюдались стабильные значения коэффициента (А) около 2 у.б. и индекса ФЭИ – 95–100% в течение подготовительного, предсоревновательного и соревновательного периодов.

Таким образом, включение экспресс-методов диагностики психических состояний спортсменов в психологическую подготовку спортсменов национальных команд дает возможность своевременной коррективной плана учебно-тренировочного процесса, применения психолого-педагогических средств и методов. Психофизиологические методы имеют преимущество перед другими психологическими методиками, так как объективно и быстро отражают состояние спортсмена.

Для получения более точных показателей и выделения индивидуального психофизиологического профиля спортсмена вида спорта целесообразно проведение мониторинга психофизиологических состояний выбранным методом в олимпийском цикле на всех этапах подготовки.

Рогалева Л.Н., Подчуфаров П.А., Лукманова Э.К.

«ЭФФЕКТИВНЫЙ ЖИЗНЕННЫЙ СТИЛЬ» СПОРТСМЕНОВ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЗИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Позитивная психология становится востребованным и актуальным направлением исследований в области спортивной психологии. В частности об этом свидетельствует, вышедшая в 2018 году книга статей под редакцией Abbe Brady и Bridget Grenville –Cleave «Позитивная психология в спорте и физической культуре».

На наш взгляд изменение фокуса исследований с констатации негативного влияния спорта на личность спортсменов на изучение условий, обеспечивающих самореализацию и раскрытие личностного и профессионального потенциала спортсменов на всех этапах спортивной карьеры, является достаточно своевременным как для теории, так и для практики спорта.

Цель исследования заключалась в анализе зарубежных исследований в изучении «эффективного жизненного стиля» элитных спортсменов. Эффективный образ жизни или жизненный стиль как направление работы психологов возник относительно недавно более 10 лет назад в Австралии (Ashfield, Harrison, Giles, 2018). Основная идея, заложенная в «эффективном жизненном стиле» заключается в поддержке элитных спортсменов таким образом, чтобы их жизнь проходила в таких условиях, при которых спорт и образ жизни спортсмена дополняли бы друг друга для того, чтобы продлить индивидуальное долголетие спортсменов в избранном виде спорта.

Сущность практики «эффективного жизненного стиля» авторы рассматривают через 8 принципов, к числу которых относятся такие как:

- активное участие спортсменов в планировании будущей жизни и развитии карьеры, а так же постоянное личностное и профессиональное развитие на протяжении всего времени нахождения в составе элитной команды или клуба;

- поощрение и содействие двойным карьерным устремлениям спортсменов;
- поощрение интересов спортсменов, выходящих за пределы их вида спорта, обеспечивающих поддержку их личного благополучия;
- оказание поддержки и обучение спортсменов самоменеджменту для успешного согласования противоречивых требований (например, учеба, семья, финансы и т.д.);
- поддержка спортсменов с точки зрения их образа жизни по мере их перехода на разные уровни элитного спорта, например, адаптация к новой команде или уход из спорта.

Как видно из приведенного выше, ключевым фактором эффективного образа жизни рассматривается гармоничное сочетание спортивных интересов и интересов, лежащих вне спорта. Важность данного положения объясняется авторами исходя из следующих положений.

Участие в альтернативных видах деятельности может обеспечить спортсменам еще одну сферу, через которую может возникнуть положительный опыт. Положительный опыт позволяет спортсмену получать больше положительных эмоций, вследствие чего способствует расширению репертуара его мышления и может помочь развить дополнительные ресурсы. Так, эмоция радости создает желание действовать, тем самым стимулирует их к творческой активности и поиску новых идей. Спортсмены, способные подходить к делу творчески, могут быть более вовлеченными в деятельность и главное вносить новые идеи, например, в стратегию своей подготовки на тренировках или в участии на соревнованиях. Они также более адаптивны, проявляют гибкость, видят и оценивают любую ситуацию более адекватно, а также могут расставить приоритеты в своей подготовке, исходя из того, что будет обеспечивать более высокий спортивный результат, и прилагать для этого максимум усилий.

В свою очередь спортсмены, которые являются исполнителями и ограничиваются только контролем своих результатов, отдаляются от жизни и могут потерять перспективу и способность творчески подходить к решению профессиональных задач. В практике спорта это проявляется в изменении поведения спортсменов, которые из-за потери перспективы и понимания своей роли внезапно начинают предъявлять более высокие требования к тренерам и вспомогательному персоналу.

В контексте позитивной психологии достижения элитных спортсменов напрямую зависят от их способности управлять жизненными событиями и спортивными задачами. Ключевыми факторами, влияющими на восприятие состояния удовлетворенности и благополучия, являются психосоциальные факторы.

Таким образом, направление исследований, которое получило название «эффективного жизненного стиля», ориентировано на изучение условий и разработку новых программ работы с элитными спортсменами.

Романьков А.А., Абрамович И.Р.

ВЛИЯНИЕ АУТОГЕННОЙ ТРЕНИРОВКИ НА СПОРТСМЕНОВ

Введение. Аутотренинг и построен на том, что первая его стадия – расслабление. Расслабление – это способ снятия негативного эмоционального фона, способ убираания негативных наводок на последующие целенаправленные самовнушения. Негативное напряжение записывается в основном в мышечном напряжении и мышечных зажимах (воротниковая зона, кисти, диафрагма...), и снятие мышечного напряжения снимает негативный эмоциональный фон. Аутотренинг учит человека расслабляться, а расслабившийся человек становится, как чистый лист бумаги, на котором теперь можно эффективно записывать любые новые, полезные

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

внушения. Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена тем фактом, что мышечное и психоэмоциональное расслабление является необходимостью на современном этапе развития общества. С каждым днём человек сталкивается со стрессом, неуверенностью в себе. Аутогенные тренировки не только помогают справиться со стрессом, но и позволяют настроить человека на правильное отношение к себе, жизни, обществу.

Аутогенная тренировка подразумевает под собой психотерапевтический метод лечения, который основывается на обучении пациентов методам мышечной релаксации, самовнушению, а также на развитии концентрации внимания и силы воображения, умениям контролировать произвольную умственную деятельность.

На сегодняшний день известно две основные ступени аутогенной тренировки: – обучение релаксации, которая включает в себя создание различных ощущений: тепла, холода, ощущения тяжести и лёгкости – управление вегетативными функциями; – создание гипнотический состояний различных уровней.

Методы и организация исследования. Методы: анализ, тестирование, психолого-педагогический эксперимент. Психологическое тестирование – исследование определённых психологических качеств и свойств личности путем использования психологических тестов. Психолого-педагогический эксперимент, или формирующий эксперимент – это специфический исключительно для психологии вид эксперимента, в котором активное воздействие экспериментальной ситуации на испытуемого должно способствовать его психическому развитию и личностному росту. Стоит отметить, что тестирование и психорегулирующая тренировка проводились через неделю после написания первых тестов. Сперва идёт тестирование, в котором отражается индекс жизненной удовлетворённости. Далее тест на определение уровня удовлетворённости собственным трудом.

В исследовании принимало участие 20 спортсменов, все мужского пола, хоккеисты. Из чего можно сделать вывод, что гендерных различий в рамках данного исследования не будет выявлено.

Результаты прохождения спортсменами методики на выявление уровня общей жизненной удовлетворённости до психорегулирующей тренировки. У большинства респондентов был выявлен средний уровень эмоциональной напряженности, слегка заниженная эмоциональная устойчивость, средний уровень тревожности, психологический комфорт, высокий уровень удовлетворенности ситуацией и своей ролью в ней. Таким образом, можно охарактеризовать состояние спортивной группы, как среднее и умеренное.

Результаты прохождения спортсменами методики на выявление уровня общей жизненной удовлетворённости после аутогенной тренировки остались без изменений.

Также в исследовании у спортсменов определялся уровень удовлетворенности собственным трудом до и после аутогенной тренировки. Были получены результаты, по которым у 2 спортсменов был выявлен низкий уровень удовлетворенности жизнью. Как позже признались сами испытуемые, они не были достаточно удовлетворены своими результатами на последних соревнованиях и данный факт играл первоочередную роль при заполнении методики.

Таким образом, по результатам проведённого исследования можно сформулировать вывод о том, что психорегулирующая тренировка влияет на спортсменов. Но проводить такую тренировку нужно постоянно и с самого начала занятий. Благоприятным является тот фактор, что коллектив остаётся неизменным. В исследуемой группе изначально наблюдался достаточно высокий уровень удовлетворённости, после проведения психорегулирующей тренировки результаты ещё увеличились.

Сафонов В.К., Думанский И.Н.

КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС В ЭКСПЛИЦИТНО-ИМПЛИЦИТНОМ МЕХАНИЗМЕ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ В СПОРТЕ

Мотивационная сфера системообразующим фактор, состоящим из двух компонентов – константный и динамический (Ломов, 1984). Первый представляет собой «личностную диспозицию», второй «ситуативную» (Хекхаузен, 1986). В теории функциональных систем целенаправленность поведения заключается в том, что в каждый конкретный момент человек стремится к достижению конкретной цели (Анохин, 1970). В теориях мотивации выделяются внешняя и внутренняя мотивации, первая ориентирована на результат, вторая на процесс деятельности (Чирков, 1995), соответственно «мотивация достижения» и «мотивация избегания неудачи» (Маслоу, 1999).

В сфере спортивной деятельности преобладает представление, что успешность в спорте предопределяется мотивационной установкой достижения успеха. Такая установка прививается с детского возраста, более того является ментальной особенностью российских спортсменов.

Цель настоящего пилотажного исследования проследить, что происходит с установкой достижения успеха в условиях победы и проигрыша на соревнованиях. В качестве объекта исследования была команда баскетболистов 2005 г.р. («05»), участник первенства РФ, 12 баскетболистов.

Методическое обеспечение.

Экспресс-методика «Мотивация спортивной деятельности» (МСД) – 7 мотивационных признаков представлены как личностная диспозиция – «МСД-1» и как ситуативная диспозиция «МСД-2» («Для меня важны достижения в спорте» – «Для меня важны достижения в прошлой игре»). Степень выраженности признаков 0-3 («нет не так» - «да это так»). Диапазон значений шкалы 0-21.

Экспресс-методика «Удовлетворенность своей игрой» (УИ) – 6 игровых компонентов, оценка «доволен/недоволен».

На этапе разработки методики успешно прошли процедуры ретестовой надежности.

Результаты исследования.

На протяжении двух полуфиналов (12 игр), спортсмены после каждой игры заполняли МСД-2. Сопоставление значений МСД-1 и МСД-2 позволяют делать следующие выводы.

1. Игроки с выраженностью МСД-1 18-21 баллов (5 баскетболистов) в выигранных играх «довольны» своей игрой и реализация мотивации достижения соответствует личностной выраженности. В проигранных играх игроки «недовольны» своей игрой, а реализация мотивации достижения составляет 60-70% от значений МСД-1 ($U < 0,01$).

2. Игроки с оценками МСД-1 16-17 баллов (7 баскетболистов) в выигранных играх в целом довольны своей игрой, значения ситуативной мотивации даже в ряде случаев превышают значения личностной выраженности. В проигранных играх игроки чаще «довольны» своей игрой, а ситуативные значения мотивации достижения соответствуют личностным, а в ряде случаев превосходят.

Закключение. Полученные результаты показывают, что в ситуациях спортивного единоборства, когда соперник не позволяет реализовать эксплицитную составляющую установки на достижение результата, нарушается имплицитное подкрепление реализации достижения, что ведет к прекращению конструктивного единоборства. В тех же случаях, когда превосходящее по результативности противоборство, позволяет реализовать личностный уровень мотивации достижения это срабатывает мобилизующим фактором в детерминации поведения. Таким образом, когнитивный диссонанс возникает в ситуациях личностно значимого рассогласование между критериями внешней (эксплицитной) и внутренней (имплицитной) мотивации. В практической деятельности спортивного психолога это заключается в адекватности самооценки подготовленности и направленности внимания-сознания на конкретные процессуальные элементы деятельности.

Тарабрин Д.Г., Ивашко С.Г.

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СПОРТСМЕНОВ

Усвоение ценностей и норм, выработка системы ценностных ориентаций на уровне личности составляет необходимую основу формирования личности и поддержания нормативного порядка в обществе. Эмпирическое изучение ценностных ориентаций занимает существенное место в социологических исследованиях воспитания, профессионального выбора, общественной и трудовой активности и др. проблем.

В отечественной социологии молодежи тематика ценностных ориентаций занимает одно из ведущих мест с момента ее институционализации (исследования И.С. Кона, В.Т. Лисовского, В.И. Чупрова и др.). В различных концепциях молодежи она рассматривается в тесной связи с определением специфики молодежи (концепция социального развития молодежи В. И. Чупрова, концепция молодежи в обществе риска Ю. А. Зубок, тезаурусная концепция молодежи В. А. Лукова и др.).

Проблема формирования ценностных ориентаций подростков всегда была актуальной в исследованиях философов и педагогов. Этой проблеме посвящены труды Л.П. Бусевой, И.С. Кона, Н.Д. Никандрова, А.С. Шарова, которые раскрыли сущность ценностных ориентации. Принципиальное значение для решения данной проблемы имеют философские, психологические и педагогические теории деятельности Б.Г. Ананьева, А.А. Бодалева, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, А.В. Петровского, С.Л. Рубинштейна, Э.Г. Юдина; теория социализации личности в контексте образования, воспитания и развития И.С. Кона, А.В. Мудрика, М.И. Рожкова, А.В. Волохова, В.Г. Бочаровой, В.Г. Рындак, Ф.Ш. Терегулова.

Актуальность рассматриваемой темы определяется наличием противостояния между современными социальными условиями, предъявляющими особые требования к формированию системы ценностных ориентаций личности, и недостаточной изученностью психологических факторов и механизмов ее развития, а также слабой разработанностью конкретных приемов соответствующего целенаправленного воздействия.

В современной психологии исследование ценностей и их роли в поведении людей ведется уже более 50 лет, однако работ, посвященных изучению ценностно-смысловой сферы спортсменов, недостаточно. Часть посвящена изучению психологических особенностей спортсменов, принимающих участие в соревнованиях. Значительно меньшее число исследований посвящено изучению особенностей людей, занимающихся физической культурой без стремления к достижению высоких результатов. Возможность влияния спорта на изменение ценностных ориентаций, выходящих за рамки спортивной деятельности, исследована недостаточно. Данные, полученные при сравнении общечеловеческих ценностей различных спортсменов с людьми, не занимающимися спортом, имеют отличия на различных выборках. Отсутствие значимых различий в предпочтении тех или иных ценностей между группами испытуемых (занимающихся и не занимающихся спортом) отмечается в основном в более ранних работах конца XX – начала XXI века. Современные исследования показывают значимые различия в структуре ценностных ориентаций между спортсменами и не спортсменами.

Изучение ценности спортивных достижений, по мнению Ю.Ф. Курамшина, определение наиболее существенных признаков, позволяющих выявить эти ценности, систематизировать и сгруппировать их в зависимости от значимости для личности и общества, имеет высокое значение, как для сферы спорта, так и социального развития общества в целом.

Объект исследования – учащиеся училища олимпийского резерва.

Предмет – ценностные ориентации.

Целью исследования выступило изучение особенностей ценностных ориентаций учащихся училища олимпийского резерва.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Задачи: 1. Изучить теоретические основы ценностных ориентаций учащихся УОР

2. Выявить ценностные ориентации учащихся УОР.

Методы исследования: анализ и обобщение научно-методической литературы; анкетирование.

Выводы. Ценностные ориентации – оценочное отношение личности (группы) к совокупности материальных и духовных благ, которые рассматриваются как предметы (или их свойства), цели и средства для удовлетворения потребностей личности (группы). Они выражаются в идеалах, личностном смысле жизни и проявляются в социальном поведении личности (группы). Система ценностных ориентаций представляет собой совокупность ценностных ориентаций, упорядоченных по степени их важности. Система ценностных ориентаций личности включает относительно устойчивые, не полностью осознаваемые отношения человека к различным элементам общественной структуры и самим ценностям.

Тарасов В.А., Воскресенская Е. В.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В КОМАНДЕ

Введение. Современный спорт предъявляет высокие требования к физическим и психическим возможностям человека. Тренировочный и соревновательный процесс сопровождается возникновением межличностными отношениями между членами команды. Возникающие отношения в сочетании с монотонностью тренировочного процесса и наличием неблагоприятных предсоревновательных состояний приводит к невротическим реакциям, нарушению системы межличностных отношений, в целом снижая эффективность спортивной деятельности.

Общая характеристика работы. Актуальность темы исследования: Каждый член спортивной команды всегда находится с другими ее членами в деловых отношениях, определяемых статусом и правилами внутреннего распорядка того коллектива, где действует данная группа, и в то же время – в межличностных отношениях, определяемых персональными чувствами.

Создать хороший социально-психологический климат в спортивном коллективе, подбирать команду так, чтобы все ее члены не только успешно взаимодействовали на поле, площадке, в бассейне, но и гармонизировали между собой как личности, построить правильные взаимоотношения в коллективе – большое искусство и большой педагогический труд.

Объект исследования: группа спортсменов по волейболу.

Предмет исследования: психологический климат в команде.

Цель исследования: изучить особенности социально-психологического климата. Задачи исследования:

1. Рассмотреть понятие, типы взаимоотношений в команде.
2. Изучить особенности взаимоотношений спортсменов в спортивной команде.
3. Разработать практические рекомендации по формированию психологического климата в спортивной команде.

Методы исследования: теоретико-библиографический анализ, тестирование, статистическая обработка данных. Спортивная команда представляет собой коллектив со своими психологическими особенностями, в котором между спортсменами складываются определенные отношения. Создать хороший социально-психологический климат в спортивном коллективе, подобрать команду так, чтобы все ее члены успешно взаимодействовали на поле, гармонизировали между собой как личности, построить правильные взаимоотношения в коллективе – большое искусство и большой педагогический труд. Способность создавать и поддерживать

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

добрые взаимоотношения с окружающими является одной из важнейших составных частей активного образа жизни. Для проведения учебно-тренировочных занятий на высоком уровне, необходимо формировать команду с учетом тех взаимоотношений, которые могут возникнуть из-за разного уровня спортивного мастерства ее членов.

Перед спортивной группой как формальной организацией с момента ее возникновения стоят конкретные и четкие задачи, на выполнение которых нацелены как тренер, так и весь коллектив.

Организация исследования. В исследовании приняли участие 16 студентов БГУФК, факультета СИиЕ, кафедры “Спортивные игры” (Волейбол), 4 курс, в возрасте 20-21 лет (16 юношей). На данный момент студенты занимаются спортом.

Заключение. Спорт в наши дни – один из наиболее престижных и популярных видов деятельности. Тех, кто когда-то начал заниматься спортом, гораздо больше, чем тех, кто сделал карьеру в спорте. Очевидно, спортивная деятельность является достаточно трудной, и овладение на высоком уровне доступно далеко не каждому.

Взаимоотношения – субъективные связи и отношения, существующие между людьми в социальных группах. Взаимоотношения обязательно предполагают взаимность, наличие ответного отношения. Взаимоотношения бывают деловыми, дружескими, официальными, личными.

В процессе становления и развития спортивная команда приобретает различные групповые свойства и качества. Одно из таких качеств – сплоченность. Оно может иметь как положительную, так и отрицательную направленность. Если сплоченность направлена на значимые и приносящие пользу как спортивной команде, так и каждому ее члену цели, то такая сплоченность благоприятно влияет на эффективность спортивной деятельности, способствует достижению высоких спортивных результатов.

Тиунова О.В.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СПОРТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ

Научно-методические исследования и рекомендации по психологической подготовке спортсменов часто носят или слишком общий, или узко тематический характер и не учитывают многофакторность области последующего использования выявленных исследователями закономерностей. Между тем, технология реализации любой программы психолого-педагогического обеспечения спортивной подготовки (ППОСП) подразумевает исчерпывающее описание методики этой работы, поскольку иначе невозможно ни её повторение, ни совершенствование.

На этапе планирования ППОСП собственно методология работы разрабатывается в последнюю очередь, так как она существенной степени зависит от: содержания (запроса, т.е. поставленной перед спортивным психологом задачи), организационных особенностей предполагаемой работы: её направленности, длительности и формы.

Помимо того, что в психологической подготовке спортсменов нужно соблюдать ряд общепедагогических, психологических принципов, а также методических принципов принятых в теории и методике физического воспитания и спорта, эту работу нужно выстраивать как понятную «заказчику» технологию. В психолого-педагогической и консультационной работе со спортсменом по аналогии с теорией и методикой физического воспитания и спорта реализуется общий алгоритм: «формулировка запроса - уточняющее тестирование - разработка про-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

граммы - её реализация - промежуточное тестирование - коррекция программы - последующая её реализация, позволяющая достичь желаемый результат». Простейший вариант представляет собой тираду «запрос - разработка программы - её реализация». Разработка программы может зависеть от запроса, от результата предварительного тестирования или специального анкетирования (Тиунова, 2017). Это позволяет объективно перепроверить текущее состояние, расставить правильные акценты в комплексной подготовке.

Формулировка запроса, результат тестирования и желаемый результат определяют содержание предстоящей работы. Разработка программы психологической подготовки, её реализация, промежуточное тестирование и коррекция требуют точного описания методики. Весь процесс её реализации, как и в спортивной подготовке, должен сопровождаться текущим контролем и оперативной коррекцией. Через определённое время необходимо провести промежуточный анализ полученных результатов (тестирование, обсуждение итогов, уточнение запроса) и скорректировать дальнейший ход подготовки.

Таким образом, описание психологической работы со спортсменом должно включать следующую информацию: запрос и описание желаемого результата, используемый способ уточнения, детализации, перепроверки, тест, если эта работа проводилась, логику построения программы, длительность первого этапа, исходный объем предлагаемой работы, систему контроля её выполнения (параметры, периодичность), систему оперативной коррекции и её алгоритм, тип промежуточного тестирования, логику коррекции программы.

Результатом работы спортивного психолога могут являться: реализация запроса и достижение поставленного результата, пересмотр клиентом первоначальной формулировки своего запроса, основанный на изменении отношения к проблемной ситуации или нового её понимания, достижение по объективным или субъективным показателям состояния психоэмоциональной или психофизической «нормы», освоение определённых техник, методических решений и их успешная апробация на практике, получение необходимой и достаточной информации для дальнейшего самостоятельного использования.

Такой подход к описанию, планированию и оценке различных программ ППОСП позволяет спортивному психологу системно анализировать литературные данные, рационально использовать опыт коллег, выстраивать собственную эффективную технологию работы.

Очевидно, что по такому же алгоритму строится и тренерская работа. Планируя свою деятельность в той же логике, спортивный психолог фактически становится «тренером по психологической подготовке», что повышает вероятность выполнения спортсменами его рекомендаций.

Тиунова О.В.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СПОРТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ

Системный подход реализуется во многих направлениях спортивной подготовки, однако её психологическая составляющая пока не выглядит «технологией», а эффективность в существенной степени зависит от личных качеств психолога, что в целом снижает доверие тренеров и спортсменов к этому вектору спортивной подготовки.

Нами проведён системный анализ содержательных, методических и организационных аспектов работы спортивного психолога, планирования его работы и возможностей взаимодействия со всеми участниками спортивной деятельности. Были структурированы

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

основные компоненты психолого-педагогического обеспечения спортивной подготовки (ППОСП), а результаты анкетирования 326 спортсменов высокой квалификации и 220 тренеров позволили определить наиболее востребованные «модули» такой работы (Тиунова, 2017). Их последующий смысловой анализ позволил выделить четыре базовых модуля, имеющих комплексный характер: «Консультирование», «Анализ соревновательного опыта», «Психодиагностика» и «Применение открытых многомерных опросников». В дальнейшем были разработаны методики их реализации и проведено успешное внедрение в спортивную практику.

Поскольку физическая, техническая и тактическая подготовка спортсмена имеют ряд существенных психологических аспектов (Родионов, 2011), все задачи психологического характера не могут быть решены в рамках «чистой» психологической подготовки спортсмена.

Именно поэтому система ППРОСП должно включать пять компонентов:

- 1) собственно психологическую подготовку спортсмена,
- 2) психолого-педагогического обеспечения его физической подготовки,
- 3) психолого-педагогическое обеспечение технической подготовки,
- 4) психолого-педагогическое обеспечение тактической подготовки,
- 5) психологическое обеспечение медико-биологических составляющих подготовки.

Организационные аспекты системы ППОСП могут быть представлены в виде трехмерной модели, включающей направленность (индивидуальную, групповую, командную), продолжительность (краткосрочную, среднесрочную, долговременную) и форму её реализации (очную, очно-заочную и заочную).

При этом характер работы спортивного психолога может быть трёх типов:

1) Деятельностным, связанным с: а) существенными изменениями взглядов участников процесса спортивной подготовки на сложившуюся ситуацию, осмыслением и переоценкой имеющегося опыта, отношений, новым пониманием реальности, принятием новых решений, составлением новых планов и др.; б) формированием и закреплением новых навыков, качеств и состояний (психологический тренинг, использование системы анализа, планирования, специальной подготовки и т.д.).

2) Обучающим, связанным с освоением навыков, техник, методик, приёмов, а также с использованием новых систем подготовки и самоподготовки и т.п.

3) Информационным, связанным с предоставлением клиенту тематической или достаточно широкой, но актуальной для него информации.

Потенциальными потребителями и одновременно объектами воздействия системы ППОСП могут являться спортсмены высокой квалификации, несовершеннолетние спортсмены и их родители, тренеры, спортивные врачи, руководители спортивных организаций и даже спортивные психологи, стремящиеся повысить свою квалификацию. Это требует составления т.н. «пакетных» предложений для каждой группы.

В целом, модели реализации ППОСП (программы работы спортивного психолога), должны быть: логично построенными, понятными заказчику и объекту воздействия; апробированными на практике и/или обоснованными теоретически; комплексными, предусматривающими как психологическую подготовку, так и психолого-педагогическое обеспечение физической, технической, тактической подготовки и её медико-биологического сопровождения; алгоритмизированными, гибкими («модульными»); оцифрованными и доступными для контроля.

Только такой подход позволит спортсменам и тренерам делать ставку не на «сильную» личность психолога, закрепляя свою зависимость, а эффективную систему ППОСП, которую в дальнейшем можно реализовать самостоятельно.

Удовенко А.Е., Мищенко Н.В

СПЛОЧЕННОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ УСПЕШНОСТИ ЖЕНСКИХ КОМАНД ПО ФУТБОЛУ

Современный спорт с полным основанием может рассматриваться совместной коллективной деятельностью, включающей в себя весь спектр социально-педагогических и социально-психологических проблем общения, взаимовлияний, лидерства в малых группах, стилей и методов руководства коллективами и командами. Психолого-педагогическое обеспечение подготовки высококвалифицированных спортсменов выражается в слаженной организации совместной деятельности спортсменов в команде и их тренеров в учебно-тренировочном процессе и во время соревнований.

Считается, что положительный эмоциональный климат, сплоченность коллектива, с одной стороны, и эффективность его работы – с другой, находятся в прямой зависимости. В спортивной практике примеры этому встречаются часто. Спад в игре той или иной команды нередко связан со снижением сплоченности игроков команды. Однако возникает вопрос: приводит ли увеличение сплоченности к росту мастерства и с ним к успеху или, наоборот, появление успехов (в результате достижения спортивной формы или роста мастерства игроков) приводит к увеличению сплоченности? Однозначный ответ на вопрос о том, что является причиной, а что – следствием, дать трудно, хотя очевидно, что внутренние раздоры (снижение сплоченности по человеческим качествам) могут приводить и к снижению успехов. Это происходит потому, что взаимоотношения между игроками сказываются не только на их мобилизованности, но и на тактических действиях команды.

Английские психологи Дэвид Понсоби и Морис Яфер обнаружили, что футболисты в сложных ситуациях значительно чаще передают мяч тем коллегам по команде, к которым испытывают большие симпатии и уважение. Видеозаписи показали, что делается это автоматически, подсознательно даже в тех случаях, когда футболисты получали строгие инструкции от тренеров не делать этого.

Объект исследования: 20 спортсменов-футболисток (2 женские команды по футболу спортивного клуба «Зорка» БДУ и ФК Минск).

Предмет исследования: сплоченность как фактор успешности спортивных команд по футболу.

Цель исследования – изучить влияние сплоченности на успешность выступления женских команд по футболу.

Задачи исследования: 1. Рассмотреть понятие сплоченности малой группы. 2. Изучить факторы, влияющие на сплоченность. 3. Изучить показатели сплоченности в командах с помощью методики определения индекса групповой сплоченности Шисора и методики экспертной оценки сплоченности группы. 4. Разработать рекомендации по формированию сплоченности в команде.

Гипотеза исследования: сплоченность оказывает влияние на успешность выступления спортивной команды.

Методы исследования: 1. Теоретико-библиографический анализ. 2. Тестирование: определение индекса групповой сплоченности по методике Шисора, экспертная оценка сплоченности группы.

Результаты тестирования: по результатам тестирования двух команд можно сделать вывод о том, что показатель сплоченности находится на очень хорошем уровне, что естественно сказывается и на успешности спортивной деятельности. Уже 3 года подряд обе команды занимают лидирующие строки в турнирной таблице. По результатам первого теста (показатель

сплоченности Сишора) показатель выше у команды «Звезда БГУ». Следует отметить и более успешное выступление команды в этом сезоне. По результатам второго теста экспертная оценка сплоченности группы находится на среднем уровне в обеих командах, хотя по баллам немного лидирует показатель все той же более успешной команды «Звезда БГУ».

Рекомендации для повышения уровня сплоченности в команде.

Первый принцип может быть определен как принцип повышения мотивации игроков команды. Для реализации этого принципа используется ряд средств: 1) внесение положительных эмоций в тренировочный процесс; 2) методы оценивания личного вклада каждого игрока в командный результат; 3) метод постановки количественных игровых целей.

Второй принцип был определен как принцип повышения осмысленности выполняемых заданий: 1) преемственность в подборе упражнений. Выполнение более трудных упражнений, чем требует игра, является одним из способов применения этого принципа; 2) поощрение самостоятельности мышления; 3) мысленная тренировка игровых взаимодействий.

Юзова О.И., Хвацкая Е.Е.

«РЕАЛИЗАЦИЯ «ДВОЙНОЙ» КАРЬЕРЫ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫМИ СПОРТСМЕНАМИ, ОБУЧАЮЩИМИСЯ В ВУЗЕ ФИЗКУЛЬТУРНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ»

Традиционными задачами спортивной психологии были и остаются исследование развития личности и психики в рамках спортивной деятельности, а также поиск и распространение новых методов повышения резервов спортсменов (Багадирова, 2016).

Для отечественной психологии спорта и смежных отраслей знаний понятие «двойной карьеры» является новым конструктом, хотя в зарубежной психологии проблема жизненного баланса у спортсменов является одним их приоритетных направлений исследований (Хвацкая, 2017). Высококвалифицированные действующие спортсмены вынужденно находятся в ситуации двойной угрозы – с одной стороны они заняты в спортивной карьере, которая нестабильна и зачастую сопряжена с травмами, а с другой они вынуждены жертвовать полноценным образованием и своим профессиональным будущим, что делает актуальной проблему двойной карьеры.

Целью данной работы является исследование трудностей реализации высококвалифицированными действующими спортсменами «двойной карьеры».

В исследовании приняли участие студенты НГУ им.П.Ф.Лесгафта, Санкт-Петербург (15 юношей и 16 девушек) в возрасте 17-23 лет, участвующие в соревнованиях национального и международного уровня и успешно реализующие «двойную карьеру».

Исследование проведено с помощью анкеты N.Stambulova «TheDualCareerSurvey (DCS)» в модификации Е.Е.Хвацкой, Н.Л.Ильиной (Хвацкая, Ильина, 2016). Данная анкета включает в себя семь разделов, охватывающие, в том числе, оценку трудностей отдельно в спортивной или учебной деятельности, их сочетания с личной жизнью, а также степень их напряженности при преодолении возникающих трудностей и идентификацию с ролью «спортсмена» и ролью «студента».

Каждое утверждение оценивалось спортсменом по 10-тибалльной шкале. При обработке ответов учитывалась сумма баллов респондентов по каждому вопросу, и таким образом, считался общий уровень сложности в каждой сфере в целом по выборке и отдельно – по юношам и девушкам.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В ходе исследования было выявлено, что в учебной деятельности уровень напряженности у девушек ниже, чем у юношей (2,7 и 3,3 балла соответственно); большую трудность вызывает подготовка к самостоятельным/контрольным работам (3,5 балла). Однако общий уровень напряженности низкий – составляет 3 балла.

Возникающие трудности при достижении положительных результатов в спортивной деятельности у девушек (3,6) и юношей (3,4 баллов) находятся на одном уровне; большие затруднения вызывают регуляция психических состояний (4,7) и непосредственно выступление на соревнованиях (4,4 баллов). Общий уровень напряженности в спортивной деятельности несколько выше, чем в учебной (3,5 и 3,0 балла соответственно).

Испытуемые спортсмены получают поддержку от значимых для них людей в процессе учебы больше (6,2), чем в спортивной деятельности (5,7 балла). Поддержку семья оказывает больше в учебе (8), чем в спорте (6,5 баллов).

В процессе учебы учителя и семья предъявляют самые высокие требования (6,6 и 6,8 баллов соответственно), в спорте – тренеры и спортивные школы (8,6 и 8,1 балл). В спортивной деятельности (5,5) ожидания выше, чем в учебной деятельности (4,0 балла).

Ожидания значимых других от девушек выше в учебе, чем в спорте (5,7 и 4,0 балла); от юношей, наоборот, выше в спорте (5,2), чем в учебе (4,2 балла). Девушки и юноши при оценке своей деятельности считают, что справляются на 7 баллов. Оценивая значимость каждой сферы своей жизни, спортсмены ставят на первое место семью на второе – спорт, и на третье – учебу (9,7; 8,8 и 7,8 баллов). Для девушек учеба важнее, чем для юношей (8,0 и 7,6 баллов соответственно), а для юношей спорт важнее, чем для девушек (9,0 и 8,5 баллов).

Девушки больше удовлетворены сферами своей жизни (8,0), чем юноши (7,5 балла). Показатели удовлетворенности спортивными результатами выше у девушек (8,3), чем у юношей (6,7 баллов), успехами в учебе практически одинаковы: у юношей 7,9 балла, у девушек – 7,6 баллов.

Полученные результаты показывают необходимость учета при исследовании «двойной» карьеры у высококвалифицированных действующих спортсменов такой переменной как перспективы продолжения спортивной карьеры, а также соотношение между различными социальными ролями спортсменов.

СПИСОК АВТОРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛИЧНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Jovanovic G.	Воронова Е.Ю.	Петрова Т.Н.
Klempe S.H.	Ждан А.Н.	Сидорчук И.В.
Robinson D.K.	Гордана Родольуб	Тихонова Э.В.
Айдаралиева Н.М.	Логина Н.А.	Тугайбаева Б.Н.
Артемьева О.А.	Мазилов В.А.	Усольцева И.В.
Беломестнова Н.В.	Мироненко И.А.	Харитоновна Е.В.
Бобылев Е.Л.	Олейник Ю.Н.	Чередникова Т.В.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Buontempo M.	Дерманова И. Б.	Нуркова В.В.
Kolga V.	Есина С.В.	Орестова В.Р.
Kusev P.	Жданова С.Ю.	Перикова Е.И.
Martin R.	Зайцева Ю.Е.	Пецева О.С.
Zotov V.L.	Зиновьева Е.В.	Попова-Никитюк Н.С.
Аванесян М. О.	Знаменская И. И.	Попов Л.М.
Александров Ю. И.	Карпов А.В.	Пьянкова С. Д.
Алексеева И.Э.	Кононова (Бахтова) Ю.В.	Савченко Т.Н.
Баранова В.А.	Краева В.С.	Салитова М.В.
Баскаева О.В.	Левченко Е.В.	Самыкина Н.Ю.
Белинская Е.П.	Леонов Н.И.	Сорокина С.Е.
Беломестнова Н.В.	Магомед-Эминов М.Ш.	Теплякова С.А.
Бочавер А.А.	Малахова С.И.	Тславская О.И.
Бурлакова Н.С.	Машков Д.С.	Ткаченко Д.П.
Бызова В.М.	Меньшикова Л.В.	Ткаченко Н.В.
Верховская Е.М.	Москвичева Н.Л.	Хасан Х.Ф.Х.
Гоглев С.Н.	Мусатова Е.В.	Хорошилов Д.А.
Гребенникова О.В.	Нартова-Бочавер С.К.	Янаков Б.

ЛИЧНОСТЬ: ДИАГНОСТИКА, ИЗМЕРЕНИЕ, ОЦЕНКА

Басимова П. М.	Ледовая Я.А.	Наследов А.Д.
Басимов М.М.	Литвина С.А.	Солдатова Е. Л.
Бусыгина Н.П.	Марарица Л.В.	Цветков В.В.
Гижук Т.В.	Марищук Л.В.	Шейнов В.П.
Жукова Н.Ю.	Мирошников С.А.	Яценко И.В.
Казанцева Т.В.	Морозова С.В.	
Карпинский К.В.	Муравьева О.И.	

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Аллахвердов В.М.	Кулиева А. К.	Урих Д.К.
Галкина Е.В.	Лупенко Е. А.	Филиппова М. Г.
Гершкович В.А.	Макеева М. В.	Целяева С.И.
Гольштейн Ю.Р.	Новиковская Н. А.	Чернов А. В.
Карпинская В. Ю.	Осорино М.В.	Шунто А. С.
Кокотек С.Э.	Прохоров А. О.	Щербакова О.В.
Костина Д.И.	Сопов М.С.	
Краснощекова С.В.	Стародубцев А. С.	
Кувалдина М.Б.	Струкова Д.В.	

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Балин В.Д.	Здоровцов Д.Р.	Селезнева Е. П.
Березниковский В. В.	Кирсанова А.А.	Сергеев С.Ф.
Гибадудин Т.В.	Коваль В.М.	Степанова Ю.В.
Горбунов И.А.	Куцырева М. А.	Чепикова К. А.
Грандильевский А.А.	Лисина Л.И.	Чувгунова О. А.
Душабаев З. Р.	Матасов Ю. Т.	Шакирова И.В.
Жукова Д. И.	Мусс А.И.	

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В МЛАДЕНЧЕСКОМ И РАННЕМ ВОЗРАСТЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, НАРУШЕНИЯ РАЗВИТИЯ, ПРОГРАММЫ СОПРОВОЖДЕНИЯ

Андрущенко Н.В.	Идиатулина Г.Р.	Пушкина Т.П.
Аникина В.О.	Корнакова Ю.С.	Солодунова М.Ю.
Беляевских В.С.	Коршина Ю.Д.	Туманьян К.Г.
Горн А.С.	Крюков Е.Ю.	Черного Д.И.
Гребельникова У.К.	Мухамедрахимов Р.Ж.	Шабалина Е.В.
Дорошева Е. А.	Пальмов О.И.	
Зарипова Л.З.	Плешкова Н.Л.	

ЛИЧНОСТЬ РЕБЕНКА И ПОДРОСТКА

Авдулова Т.П.	Кошенова М.И.	Сергуничева Н.А.
Арпентьева М.Р.	Лебедева Е.И.	Серебренникова Е.С.
Афонькина Ю.А.	Леонова Е.В.	Смирнова О.М.
Бочавер А.А.	Малышева Н.Г.	Солодкова А.М.
Бровкина Ю.Б.	Маркелова А.С.	Спицына В.В.
Василенко В.Е.	Марченко Е.В.	Степанова М.А.
Гогичаева О.У.	Молчанова Г.В.	Тимофеева О.В.
Григорович Л. А.	Молчанов С.В.	Толстых Н.Н.
Данилова М.В.	Навдушевич Г.В.	Трошихина Е.Г.
Денисова И. В.	Никифорова Е.Э.	Федотова А.В.
Дьячук А.А.	Олешкевич В.И.	Хузеева Г.Р.
Жернова А.А.	Осорина М. В.	Чернова А.А.
Жукова А.Д.	Петрикова Н.В.	Шаехов З.Д.
Изотова Е.И.	Поливанова К.Н.	Шатова С.С.
Карабанова О.А.	Пряжников Н.С.	Шелина С.Л.
Карпова Э. Б.	Савина О.О.	Шибзухова Д.А.
Кирсанов К.А.	Садовникова Т.Ю.	Шулева Е.И.
Коньшина Т.М.	Самсонова В.В.	

ЛИЧНОСТЬ И ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ВЗРОСЛОГО

Головей Л.А.	Кыштымова И.М.	Титова Д.В.
Груздева И.А.	Манукян В.Р.	Хазова С.А.
Калина И.А.	Муртазина И.Р.	Чурбанова С.М.
Карпинский К.В.	Петраш М.Д.	Шахова И.С.
Кобзева О.В.	Савенышева С.С.	Шумская Л.И.
Крылова М.А.	Стрижицкая О.Ю.	

СПИСОК АВТОРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ

Антонова Д.В.	Игнатова Е.С.	Пушкина А. В.
Арина Г.А.	Иосифян М.А.	Руднова Н.А.
Архипова М.В.	Кабачек В.А.	Скородумов А.А.
Бочаров В.В.	Катунова В.В.	Смирнова Т.Г.
Быкова Е.Ю.	Козлова К.В.	Старовойтова С.Ю.
Быков Р.А.	Коноплева Е.А.	Тетеухина О.В.
Ванюхина Н.В.	Косяк С.С.	Топоногова А.А.
Гроголева О.Ю.	Купцова С.А.	Усова Л.В.
Даниленко О. И.	Купченко В.Е.	Филатова-Сафронова М.А.
Денисова К.С.	Леонов Н.И.	Фуреева Т.О.
Дмитриева Ю.А.	Миронова Е.А.	Шаповал В.А.
Дудченко З.Ф.	Муравьева О.И.	Юревич О.И.
Егорочкина Е.А.	Никифоров Г.С.	
Злоказов К.В.	Посохова С. Т.	

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Абдина М. А.	Депцова М.В.	Манукян В.Р.
Ануфриук К.Ю.	Дерманова И.Б.	Молчанова О.Н.
Волченкова Е.А.	Дивисенко К.С.	Пушкина А.В.
Голованова Н.Ф.	Иванова Т.В.	Рыкман Л.В.
Головей Л.А.	Крюкова Т.Л.	Сапоровская М.В.
Данилова Ю.Ю.	Лепехин Н.Н.	Хохлова Ю.А.

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ЛИЧНОСТЬ В СИТУАЦИИ БОЛЕЗНИ: РАЗВИТИЕ ИДЕЙ В.Н. МЯСИЩЕВА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Александрова О.В.	Игнатьев П.Д.	Соловьева С.Л.
Андреюк К.О.	Исурина Г.Л.	Стангер М.Я.
Апушкина А.Ю.	Клейман Е.О.	Степанчук А.П.
Арина Г. А.	Климанова С.Г.	Трусова А.В.
Березина А.А.	Кожевникова А.О.	Трусова А.В.
Бочаров В.В.	Кошанская А.Г.	Усманова Е.Б.
Бурина Е. А.	Левченко Е. В.	Чередникова Т.В.
Бурлакова Н.С.	Лубинская Е.И.	Черномурова П.А.
Вассерман Л.И.	Лукьянова Е.Л.	Чулошников А.И.
Вассерман Л.И.	Макаршина Е.В.	Шнишкова А.М.
Власова Н.В.	Маркина О.С.	Шлойдо Д.Е.
Гвоздецкий В.Н.	Олешкевич В. И.	Щелкова О.Ю.
Голева Н.В.	Пятакова Г.В.	Яковлева М.В.
Грандильевская И.В.	Смирнова Е.А.	
Дегтярева А.А.	Соколова Е.Т.	

ПСИХОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЙ В.Н. МЯСИЩЕВА И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

Аверьянов А.И.	Гаранжа А.В.	Исурина Г.Л.
Арсеньева В.В.	Гижук Т.В.	Карпова Э.Б.
Бурина Е.А.	Грандильевская И.В.	Козлов В.В.
Вассерман Л.И.	Добрякова А. Ю.	Ксюпов Т.Б.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Лебедева Е.И.	Романова Е.А.	Филипович В.И.
Ляшкова С.В.	Сивохина Т.А.	Фурсова Е.С.
Миланич Ю.М.	Скрицкая Т.В.	Чехлатый Е.И.
Платунов А.В.	Тромбчинский П.К.	Чугунов Д.Н.
Подсадная М.О.	Фахрутдинова Л.Р.	Щукина М.А.
Подсадный С.А.	Фёдорова М. И.	Якимкина О.Л.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА С АТИПИЧНЫМ РАЗВИТИЕМ

Бедалова Ш.Г.	Куражова А.В.	Соколова Л.В.
Бучкина И.П.	Ляко Е.Е.	Столярова Э.И.
Городный В.А.	Павликова М.И.	Фролова О.В.
Григорьев А.С.	Пятакова Г.В.	Черенкова Л.В.
Крайнюков С.В.	Смирнов А.Г.	

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДИЗОНТОГЕНЕЗА

Бочарова А.Н.	Посохова С.Т.	Уланова Н.Н.
Габуня Н.М.	Разживина М.И.	Цветков В.В.
Демьянов Ю.Г.	Семенова Ю.А.	Шалина О. С.
Изотова М.Х.	Сизова Я.Н.	Юхновец Т. И.
Коновалова Н.Л.	Сорокин В.М.	
Пономарева И.В.	Стебляк Е.А.	

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Авдеева О.В.	Козлов Д.Д.	Свенцицкий А.Л.
Атагунов Р.И.	Кольцова В.А.	Сергеева М.В.
Бочавер А.А.	Коржова Е.Ю.	Сидоренко Е.В.
Бочарова Е.Е.	Кошутин О.Н.	Синельникова Е.С.
Васина Е.А.	Краева В.С.	Синякина Е.Г.
Гагарина М.А.	Красавина Т.Ю.	Скорова Л.В.
Горьковая И.А.	Курышкина Т.Ю.	Солдатова Г.У.
Гура О.Р.	Лабунская В.А.	Страмилов Р. Е.
Двоеглазова М.А.	Лодочникова М.Р.	Татьянина Л.Г.
Двоеглазова М.Ю.	Микляева А.В.	Тихомандрицкая О.А.
Дмитриева Ю.А.	Москвичева Н.Л.	Улыбина Е.В.
Есикова Т.В.	Нагорнова В.В.	Фоломеева Т.В.
Зайцева Е.В.	Парфенова Д.А.	Чигарькова С.В.
Зиновьева Е.В.	Пекун М.Е.	Шамионов Р.М.
Зубакин М.В.	Попова В.В.	Шипова Н.С.
Иванова Н.А.	Пшеничный Д.В.	Шкурко Т.А.
Игнатенко М.С.	Резниченко С.И.	Шляпников В.Н.
Кетлер Е.Р.	Романова Е.В.	Юмкина Е.А.
Кленова М.А.	Самбикина О.С.	Юшачкова Т.Б.

ЛИЧНОСТЬ В ОРГАНИЗАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ

Александров В.И.	Власов П.К.	Кобзева Е.В.
Балина О.В.	Воронина О.В.	Кожина А.А.
Бельских А.В.	Воскресенская Н.В.	Котлярова Л.Н.
Болотова А.К.	Гибадулин Т.В.	Круглова М.А.
Буданова А.А.	Гранат Е.А.	Круглов В.Г.
Верещагина Л.А.	Гуриева С.Д.	Лепехин Н.Н.
Винокуров Л.В.	Киселева А.Г.	Маничев С.А.

СПИСОК АВТОРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ

Мещерякова Э. И.
Натаров В.И.
Небахарева В.А.
Сарачук Ю.А.

Сергеев С.Ф.
Старикова М. А.
Тарарухина О.В.
Тёмный А.В.

Флоровский С.Ю.
Юсупова Г.В.

ЛИЧНОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ

Абрамова П.Д.
Алиева Э.М.
Атаманова И.В.
Бабаева Ю.Д.
Базанова Г.Ю.
Беловол Е.В.
Бойко З.В.
Бордовская Н.В.
Ванина М.В.
Вартанян Г.А.
Вишнякова Ю.Д.
Воронко Е.В.
Гнедых Д.С.
Голованова Н.Ф.
Григорьева Е.В.
Даниленко О.И.
Даринская Л.А.
Делгадилльо К.К.
Демьянчук Р.В.
Демьянчук Р.Д.
Дериш Ф.В.
Еремеева Т.С.

Есманская Н.Е.
Жебровская О.О.
Игнатенко М.С.
Кашапов М.М.
Князева Т.Н.
Кора Н.А.
Корзунин В.А.
Корожнева Л.А.
Косирати И.М.
Костромин С.Н.
Кошкина Е.А.
Криштофик И.С.
Курбатова Т.Н.
Лыкова Т.А.
Макаров Ю.А.
Маслова О.В.
Москвитина О.А.
Муртазина И.Р.
Нгуен В.У.Н.
Никифоров Г.С.
Новгородова Е.Ф.
Носкова М.В.
Пашина С.М.

Портнова А.Г.
Проект Ю.Л.
Прохоров А.О.
Прусаков В.И.
Пужливая П.Е.
Пузанова В.И.
Распопова А.С.
Самохвалова А.Г.
Свягина А.И.
Семёнова М.М.
Серых А.Б.
Собкин В.С.
Спиридонова Н.С.
Стрижак Н.А.
Тихомирова М.А.
Тихомиров М. Ю.
Тромбчиньски П.К.
Федорова А.В.
Чуфинин С.А.
Шевченко Н.В.
Шурупова Е.Ю.
Юсупов М.Г.

ЛИЧНОСТЬ В КРИЗИСНЫХ И ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

Бахметьева К.С.
Беркалиев Т.Н.
Карагачева М.В.
Корзунин В.А.

Кужелева А.А.
Лебедева Н.А.
Марченко Е.В.
Пирогова Л.В.

Тарасова А.А.
Федоров В.Ф.
Шойгу Ю.С.

ЛИЧНОСТЬ В СПОРТЕ И ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Абрамович И.Р.
Багадирова С.К.
Боровская Н.И.
Бурак Р.И.
Ветвицкая Т.В.
Воскресенская Е. В.
Гапанович М.Р.
Гущин Д.В.
Думанский И.Н.
Ивашко С.Г.
Кузьмин М.А.

Лукманова Э.К.
Малкин В.Р.
Мельник Е.В.
Мельник Л.В.
Мищенко Н.В.
Мойсеёнок Е.Ю.
Осипова Я.В.
Подчуфаров П.А.
Попова И.А.
Рогалева Л.Н.
Романьков А.А.

Сафонов В.К.
Семкина В.И.
Сивицкий В.Г.
Тарабрин Д.Г.
Тарасов В.А.
Тиунова О.В.
Удовенко А.Е.
Хвацкая Е.Е.
Юзова О.И.

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛИЧНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

<i>Айдаралиева Н.М.</i>	4
НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. М. БЕХТЕРЕВА В ОБЛАСТИ ДЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	
<i>Артемяева О.А.</i>	5
НА ПОДСТУПАХ К ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ: АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПУБЛИКАЦИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА	
<i>Беломестнова Н.В., Чередникова Т.В.</i>	6
ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ И ЛИЧНОСТИ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ Л.М. ВЕККЕРА (К ЮБИЛЕЮ СОЗДАТЕЛЯ ЕДИНОЙ ТЕОРИИ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ)	
<i>Бобылев Е.Л.</i>	7
ПРОБЛЕМА ГЕНИАЛЬНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА	
<i>Воронова Е.Ю.</i>	8
ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛИЧНОСТИ В ТРУДАХ ВОЛЬФА СОЛОМОНОВИЧА МЕРЛИНА	
<i>Ждан А.Н.</i>	9
КАТЕГОРИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНЦЕПЦИИ С.Л. РУБИНШТЕЙНА	
<i>Jovanovic G.</i>	10
PERSONALITY IN VYGOTSKY'S CULTURAL-HISTORICAL THEORY	
<i>Klempe S.H.</i>	11
THE GENEALOGY OF PERSONALITY PSYCHOLOGY – WHY DID IT BECOME SO IMPORTANT?	
<i>Логинова Н.А.</i>	12
ЮБИЛЕЙ ОДНОЙ КНИГИ	
<i>Мазилев В.А.</i>	13
ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ: В ПОИСКАХ НОВЫХ ИНТЕГРАЦИЙ	
<i>Мироненко И.А.</i>	14
ИДЕИ САМОДЕТЕРМИНАЦИИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА В РАБОТАХ Б.Г. АНАНЬЕВА	

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Олейник Ю.Н.</i>	15
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ	
<i>Петрова Т.Н., Тихонова Э.В.</i>	16
ВЫЯВЛЕНИЕ ЗНАНИЙ О КЛАССИКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ У СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ ВУЗА	
<i>Robinson D.K.</i>	17
WESTERN UNDERSTANDING OF HISTORY OF PSYCHOLOGY IN ST. PETERSBURG/ LENINGRAD	
<i>Сидорчук И.В.</i>	18
ПЛАН В.М. БЕХТЕРЕВА ПО СОЗДАНИЮ ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК	
<i>Тихонова Э.В.</i>	19
ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ А.И. ВВЕДЕНСКОГО	
<i>Тугайбаева Б.Н.</i>	20
ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО САМОЧУВСТВИЯ ЛИЧНОСТИ	
<i>Усольцева И.В.</i>	21
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ КАК ОСНОВА ДЛЯ ПЕРИОДИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	
<i>Харитонова Е.В.</i>	22
ДИНАМИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

<i>Аванесян М. О.</i>	24
АЛЬТЕРНАТИВНАЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВОЗМОЖНОГО Я	
<i>Баранова В.А.</i>	25
ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ	
<i>Баскаева О.В., Пьянкова С. Д.</i>	26
ИДЕНТИФИКАЦИЯ СИБЛИНГОВ ДРУГ С ДРУГОМ ПО ПАРАМЕТРАМ ЭКСТРАВЕРСИИ И НЕВРОТИЗМА	
<i>Белинская Е.П.</i>	27
ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ	
<i>Беломестнова Н.В.</i>	28
СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Buontempo M., Kusev P.</i>	29
A SOCIAL COGNITIVE PERSPECTIVE: INVESTMENT DECISIONS IN EARLY-STAGE VENTURES	
<i>Бурлакова Н.С.</i>	30
ПРОЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ: ОТ ИДЕНТИФИКАЦИИ «ЗОЛУШКИ В ПСИХОЛОГИИ» К ПОСТРОЕНИЮ ОБЩЕЙ МЕТОДОЛОГИИ	
<i>Гоглев С.Н., Зиновьева Е.В.</i>	31
ПЕРЕЖИВАНИЕ БЕСПОМОЩНОСТИ ПСИХОЛОГАМИ-КОНСУЛЬТАНТАМИ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	
<i>Гребенникова О.В.</i>	32
ПРОБЛЕМА ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ	
<i>Жданова С.Ю., Краева В.С.</i>	33
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ОБЩЕЖИТИИ	
<i>Зайцева Ю.Е., Верховская Е.М.</i>	34
ПЕРЕЖИВАНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ КАК ФАКТОР АКТУАЛИЗАЦИИ ПРОСОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЗАГАДЫВАЕМЫХ ЖЕЛАНИЙ)	
<i>Зиновьева Е.В., Салитова М.В.</i>	35
ДИНАМИКА ПЕРЕЖИВАНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОБРАЗОМ СЕБЯ КАК СПЕЦИАЛИСТА, У СТУДЕНТОВ-УЧАСТНИКОВ Тьютерской группы психологической клиники СПбГУ	
<i>Знаменская И. И., Александров Ю. И.</i>	36
ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ В «ДИЛЕММАХ ВАГОНЕТКИ» ВЗРОСЛЫМИ ЛЮДЬМИ В ОБЫЧНОМ И СТРЕССОГЕННОМ КОНТЕКСТЕ	
<i>Карпов А.В.</i>	37
ЗОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА УРОВНЕВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ИНДИВИДУАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ	
<i>Kolga V.</i>	38
RIVALRY AS COMPETITION AND COOPERATION	
<i>Кононова (Бахтова) Ю.В.</i>	40
ДЕТСТВО В ЦИФРОВОМ МИРЕ. ЧЕМ ОТЛИЧАЮТСЯ СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТИ?	
<i>Леонов Н.И.</i>	41
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИЧНОСТИ И МИРА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ	
<i>Леонов Н.И., Хасан Х.Ф.Х.</i>	42
РЕСУРСНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В СОВЛАДАНИИ С ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИЕЙ	

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Магомед-Эминов М.Ш.</i>	43
ДЕКОНСТРУКЦИЯ СУБЪЕКТА: СУБЪЕКТ КАК РАБОТА	
<i>Малахова С.И.</i>	43
ЛИЧНОСТНЫЕ КОМПОНЕНТЫ РЕГУЛЯЦИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ	
<i>Martin R., Kusev P.</i>	45
LEADER ETHICAL DECISION-MAKING: METHODOLOGICAL SUGGESTIONS AND IMPLICATIONS	
<i>Меньшикова Л.В., Левченко Е.В.</i>	45
ЗНАЧЕНИЕ ХРИСТИАНСКОГО УЧЕНИЯ О ЛИЧНОСТИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ	
<i>Москвичева Н.Л., Зиновьева Е.В.</i>	47
ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖПОКОЛЕННОЙ ТРАНСЛЯЦИИ ЖИЗНЕННЫХ МОДЕЛЕЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	
<i>Мусатова Е.В.</i>	48
ВЗАИМОСВЯЗЬ МОДУСОВ ЖИЗНИ ЛИЧНОСТИ И ТИПА АДАПТАЦИИ ЭМИГРАНТОВ	
<i>Нартова-Бочавер С.К., Бочавер А.А.</i>	49
ДОМАШНЯЯ СРЕДА И СПОСОБНОСТЬ ПРОЩАТЬ	
<i>Нуркова В.В.</i>	49
СУБЪЕКТИВНАЯ КАРТИНА БУДУЩЕГО КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОСПЕКТИВНОЙ ФУНКЦИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ	
<i>Орестова В.Р., Ткаченко Д.П.</i>	50
КИНО КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ	
<i>Перикова Е.И., Бызова В.М.</i>	52
СТРАХ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ У ДЕВУШЕК И ЖЕНЩИН	
<i>Пецева О.С., Самыкина Н.Ю.</i>	53
ИССЛЕДОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ У РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП	
<i>Попов Л.М., Сорокина С.Е.</i>	54
МЕТОД ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ	
<i>Попова-Никитюк Н.С., Дерманова И. Б.</i>	55
КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ИНТЕРВЬЮ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ЖИЗНЕННОГО ВЫБОРА	
<i>Теплякова С.А., Есина С.В.</i>	56
ГОМОСЕКСУАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН РУБЕЖА XX И XXI ВЕКОВ	

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Теславская О.И., Савченко Т.Н.</i>	57
ПОГРУЖЕНИЕ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СТОРОНА ЭСКАПИЗМА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, АСПЕКТЫ, ВИДЫ	
<i>Ткаченко Н.В., Алексеева И.Э.</i>	58
ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАНСМИССИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СЕМЬЕ ИЗ ТРЁХ ПОКОЛЕНИЙ	
<i>Хорошилов Д.А., Машиков Д.С.</i>	59
МАГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ: ОПЫТ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Zotov V.L.</i>	60
MODELS OF HUMAN COGNITION AND THEIR APPLICATION	
<i>Янаков Б.</i>	60
ЖИЗНЕННЫЕ ЗАДАЧИ И ИХ ИЗУЧЕНИЕ	

ЛИЧНОСТЬ: ДИАГНОСТИКА, ИЗМЕРЕНИЕ, ОЦЕНКА

<i>Басимов М.М.</i>	62
“РЕЗУЛЬТАТЫ” ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ КОРРЕЛЯЦИОННЫХ ПОДМЕН	
<i>Басимов М.М., Басимова П. М.</i>	63
ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ «ПРОЕКЦИЯ» И «РЕГРЕССИЯ» В РАМКАХ ПАРАДИГМЫ НЕЛИНЕЙНОЙ ПСИХОЛОГИИ	
<i>Бусыгина Н.П.</i>	64
ДИСКУРС-АНАЛИЗ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ КАК СОЦИОКРИТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ	
<i>Жукова Н.Ю., Солдатова Е. Л.</i>	65
РАЗРАБОТКА И АПРОБАЦИЯ МЕТОДИКИ ДИАГНОСТИКИ ОТНОШЕНИЯ К СМЕРТИ И СКЛОННОСТИ К СУИЦИДУ	
<i>Карпинский К.В., Гижук Т.В.</i>	67
ПСИХОДИАГНОСТИКА СМЫСЛОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
<i>Ледовая Я.А.</i>	68
ОТЧУЖДЕНИЕ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: РАЗЛИЧИЯ ПО ПОЛУ И ВОЗРАСТУ, ПОЛУЧЕННЫЕ НА ВЫБОРКЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ФЕЙСБУК»	
<i>Марарица Л.В., Казанцева Т.В.</i>	69
ОЦЕНКА КОНСТРУКТИВНОЙ ВАЛИДНОСТИ ШКАЛЫ АЛЬТРУИСТИЧЕСКОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ	
<i>Марищук Л.В., Яценко И.В.</i>	70
НАДЕЖНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТА: ИСТОРИЯ И ДИАГНОСТИКА	

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Морозова С.В.</i>	71
СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ ГРАФИКОВ И ТАБЛИЦ ПСИХОЛОГАМИ	
<i>Муравьева О.И., Литвина С.А.</i>	72
ТОМСКИЙ ОПРОСНИК ИДЕНТИЧНОСТИ С ГОРОДОМ	
<i>Наследов А.Д., Мирошников С.А.</i>	74
РАЗРАБОТКА КОРОТКИХ ШКАЛ ДЛЯ РАННЕЙ ДИАГНОСТИКИ ЗАДЕРЖКИ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ 4 - 5 ЛЕТ	
<i>Цветков В.В.</i>	75
УВАЖЕНИЕ КАК ЕДИНИЦА ВОСПИТАННОСТИ	
<i>Шейнов В.П.</i>	76
РАЗРАБОТКА НАДЕЖНОГО И ВАЛИДНОГО ТЕСТА ВИКТИМНОСТИ ВЗРОСЛОГО ИНДИВИДА	

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Галкина Е.В., Краснощекова С.В.</i>	78
ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В НАРАТИВАХ МОНО- И ДВУЯЗЫЧНЫХ ИНФОРМАНТОВ С РАЗНОЙ СТЕПЕНЬЮ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВЫХ НАВЫКОВ	
<i>Гершкович В.А., Урих Д.К.</i>	79
ВЛИЯНИЕ ИНСТРУКЦИИ НА ИГНОРИРОВАНИЕ СЧЕТА ИГРЫ НА ВЫПОЛНЕНИЕ СЕНСОМОТОРНОГО НАВЫКА В СИТУАЦИИ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОГО ДАВЛЕНИЯ	
<i>Гольштейн Ю.Р., Щербакова О.В.</i>	80
ПОНИМАНИЕ ПЕРЕНОСНОГО СМЫСЛА ВЕРБАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ, ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И THEORY OF MIND: ЕСТЬ ЛИ СВЯЗЬ?	
<i>Кокотек С.Э., Струкова Д.В.</i>	81
ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ У ЗАВИСИМЫХ ОТ ИНТЕРНЕТА И ИГРОКОВ В КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ	
<i>Костина Д.И., Аллахвердов В.М.</i>	82
НЕГАТИВНЫЙ ЭФФЕКТ СООТВЕТСТВИЯ И КОГНИТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ	
<i>Кулиева А. К., Кувалдина М.Б.</i>	83
СВЯЗАНЫ ЛИ ФЕНОМЕНЫ ЧУВСТВА КОНТРОЛЯ И ЛОКУСА КОНТРОЛЯ?	
<i>Лупенко Е. А., Шунто А. С.</i>	84
КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ВОСПРИЯТИЯ ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ПО ИЗОБРАЖЕНИЯМ ЕГО ЛИЦА НА ФОТОГРАФИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПОРТРЕТЕ	
<i>Макеева М. В., Карпинская В. Ю., Филиппова М. Г.</i>	86
ВЛИЯНИЕ ВОСПРИЯТИЯ НЕОДНОЗНАЧНЫХ ФИГУР НА РЕШЕНИЕ ЛОГИЧЕСКИХ ЗАДАЧ	

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Сопов М. С., Стародубцев А. С., Аллахвердов В. М.</i>	<i>86</i>
ВЛИЯНИЕ ДЕФОРМАЦИИ ЦЕЛИ НА ВЕЛИЧИНУ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ТЕСТЕ РИСУНОК-СЛОВО	
<i>Стародубцев А.С., Сопов М.С.</i>	<i>87</i>
ЭФФЕКТ ЛЕКСИЧНОСТИ ДИСТРАКТОРА В ТЕСТЕ РИСУНОК-СЛОВО	
<i>Целяева С.И., Осорина М.В.</i>	<i>88</i>
ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕБУСОВ КАК МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК МЫШЛЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ	
<i>Чернов А. В., Прохоров А. О.</i>	<i>89</i>
МЕНТАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ	
<i>Щербакова О. В., Новиковская Н. А.</i>	<i>90</i>
СТРАТЕГИИ ПИКТОГРАФИРОВАНИЯ АБСТРАКТНЫХ ПОНЯТИЙ. КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ	

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Балин В.Д.</i>	<i>92</i>
КОМБИНАТОРНАЯ ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ	
<i>Березниковский В. В., Матасов Ю. Т.</i>	<i>93</i>
ТАНЦЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ «ОБРАЗА Я» У ИНВАЛИДОВ ПО ЗРЕНИЮ	
<i>Горбунов И. А.</i>	<i>94</i>
МОДЕЛЬ НЕЙРОДИНАМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПОРОЖДЕНИЯ РЕЧИ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	
<i>Горбунов И.А., Чепикова К. А.</i>	<i>95</i>
ОСОБЕННОСТИ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОСТИ ВНИМАНИЯ У БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИЕЙ С РАЗЛИЧНОЙ ФАРМАКОТЕРАПИЕЙ	
<i>Душабаев З. Р.</i>	<i>96</i>
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ Б.Г. АНАНЬЕВА О МЕХАНИЗМЕ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ	
<i>Жукова Д. И., Балин В. Д.</i>	<i>97</i>
РАЗРАБОТКА ПРОЕКТИВНОЙ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ «36 ДРАМАТИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ»	
<i>Здоровцов Д.Р., Гибадуллин Т.В.</i>	<i>99</i>
МАТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВАРИАБЕЛЬНОСТИ РИТМА СЕРДЦА ПРИ ВОЗДЕЙСТВИИ АКУСТИЧЕСКИХ ДИАПАЗОНОВ ЧАСТОТ НА ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА	
<i>Коваль В.М., Шакирова И.В.</i>	<i>100</i>
ТИПЫ РЕАКЦИЙ В СИТУАЦИИ ТЕСТИРОВАНИЯ НА ПОЛИГРАФЕ И ИХ СВЯЗЬ С ЛИЧНОСТНЫМИ СВОЙСТВАМИ	

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Куцырева М. А.</i>	101
СТРАТЕГИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО УСТНОЙ СИТУАТИВНОЙ РЕЧИ	
<i>Лисина Л.И., Горбунов И.А.</i>	102
ЭМПАТИЯ КАК ФАКТОР УСПЕШНОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛЖИ С ПОМОЩЬЮ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ	
<i>Мусс А.И., Селезнева Е. П., Кирсанова А.А.</i>	103
ДИНАМИКА ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ И ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	
<i>Сергеев С.Ф., Грандильевский А.А.</i>	104
ЛИЧНОСТЬ И СЕНСОРНАЯ АСИММЕТРИЯ	
<i>Степанова Ю.В., Балин В.Д.</i>	105
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНУЮ ПАРАДИГМУ (НА ПРИМЕРЕ КАТЕГОРИИ ДВИЖЕНИЯ)	
<i>Чувгунова О. А.</i>	106
СПЕЦИФИКА ЭЭГ-ДАННЫХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЛАНИРОВАНИЯ	

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В МЛАДЕНЧЕСКОМ И РАННЕМ ВОЗРАСТЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, НАРУШЕНИЯ РАЗВИТИЯ, ПРОГРАММЫ СОПРОВОЖДЕНИЯ

<i>Андрущенко Н.В., Крюков Е.Ю., Мухамедрахимов Р.Ж.</i>	108
АНАЛИЗ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ И ФАКТОРОВ СТРЕССА У МАТЕРЕЙ НЕДОНОШЕННЫХ НОВОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ С ВНУТРИЖЕЛУДОЧКОВЫМИ КРОВОИЗЛИЯНИЯМИ И ПОСТГЕМОРРАГИЧЕСКОЙ ГИДРОЦЕФАЛИЕЙ, ПОЛУЧАВШИХ НЕЙРОХИРУРГИЧЕСКОЕ ЛЕЧЕНИЕ	
<i>Аникина В.О., Идиатулина Г.Р.</i>	109
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПРИВЯЗАННОСТИ У ДЕТЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ДОМЕ РЕБЕНКА С СЕМЕЙНЫМ ОКРУЖЕНИЕМ	
<i>Аникина В.О., Туманьян К.Г.</i>	110
ПРОГРАММА СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА В ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЬЯХ	
<i>Беляевских В.С., Зарипова Л.З.</i>	112
ИЗУЧЕНИЕ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИНАТАЛЬНЫЙ ПЕРИОД В СВЯЗИ С ТРИМЕСТРОМ БЕРЕМЕННОСТИ	

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Горн А.С., Солодунова М.Ю.</i>	113
ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ У ДЕТЕЙ С ОВЗ В ДОМАХ РЕБЁНКА	
<i>Гребельникова У.К., Дорошева Е. А.</i>	114
СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ, ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ И РЕГУЛЯЦИИ ЭМОЦИЙ У МАТЕРЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ РЕБЕНКА С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА	
<i>Корнакова Ю.С., Пушкина Т.П.</i>	115
ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЖЕНЩИН С БЕСПЛОДИЕМ НЕЯСНОГО ГЕНЕЗА	
<i>Коршина Ю.Д., Мухамедрахимов Р.Ж.</i>	116
ФОРМИРОВАНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ В РАННЕМ ВОЗРАСТЕ В РАЗЛИЧНЫХ УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ	
<i>Плешкова Н.Л.</i>	117
ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ МЛАДЕНЧЕСКОГО ВОЗРАСТА И ИХ РОДИТЕЛЯМ	
<i>Солодунова М.Ю., Пальмов О.И.</i>	118
ПРОГРАММЫ РАННЕЙ ПОМОЩИ ДЛЯ ДЕТЕЙ В ДОМАХ РЕБЕНКА	
<i>Черного Д.И.</i>	119
ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НЕДОНОШЕННЫХ ДЕТЕЙ В ДОМЕ РЕБЕНКА СЕМЕЙНОГО ТИПА	
<i>Шабалина Е.В., Мухамедрахимов Р. Ж.</i>	121
ПОКАЗАТЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДЕТЕЙ С СИНДРОМОМ ДАУНА И БЛИЗКИХ ВЗРОСЛЫХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОГРАММЫ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ В ДОМЕ РЕБЁНКА	

ЛИЧНОСТЬ РЕБЕНКА И ПОДРОСТКА

<i>Авдулова Т.П.</i>	122
НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА «ГОРЬКУЮ КОНФЕТУ»	
<i>Арпентьева М.Р.</i>	123
ШКОЛА ДЛЯ ДЕТЕЙ В СИСТЕМЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕМЕЙНОЙ АКАДЕМИИ	
<i>Бочавер А.А., Поливанова К.Н.</i>	124
ДЕТСКАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И ОСВОЕНИЕ УЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА	
<i>Бровкина Ю.Б., Осорина М. В.</i>	125
СТРУКТУРА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ДЕТСКИХ ФАНТАЗИЙНЫХ МИРОВ	
<i>Гогицаева О.У., Шибзухова Д.А.</i>	126
ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ	
<i>Данилова М.В.</i>	127
УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ПРЕДИКТОРЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ	

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дьячук А.А.</i>	128
ВРЕМЕННАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ	
<i>Жернова А.А., Жукова А.Д.</i>	129
САМООЦЕНКА И УРОВЕНЬ СЕМЕЙНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ У ПОДРОСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ	
<i>Жукова А.Д., Карпова Э.Б.</i>	131
СТРУКТУРА САМООЦЕНКИ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ, В ПЕРИОД ВРЕМЕННОЙ СЕПАРАЦИИ ОТ РОДИТЕЛЕЙ	
<i>Изотова Е.И.</i>	132
ВАРИАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ДЕТСТВЕ И ПОДРОСТНИЧЕСТВЕ	
<i>Кирсанов К.А., Карабанова О.А.</i>	133
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ КАК УСЛОВИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В СТАРШЕМ ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ	
<i>Коньшина Т.М., Садовникова Т.Ю.</i>	134
ИССЛЕДОВАНИЕ АВТОНОМИИ В ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В СТАРШЕМ ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ	
<i>Лебедева Е.И., Самсонова В.В.</i>	136
ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА И УРОВЕНЬ НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОГО НАПРЯЖЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ С ВЫСОКИМ ИНТЕЛЛЕКТОМ	
<i>Леонова Е.В., Шатова С.С.</i>	137
МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА СУБЪЕКТНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	
<i>Мальшева Н.Г., Шаехов З.Д.</i>	138
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ И ИХ ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ	
<i>Марченко Е.В., Кошенова М.И.</i>	139
ВЛИЯНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ ВОСПИТАНИЯ НА САМОЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОДРОСТКОВ	
<i>Молчанов С.В.</i>	140
МОРАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ	
<i>Молчанова Г.В.</i>	141
РОЛЬ СЕМЬИ И ДЕТСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В ПРОЯВЛЕНИИ ФЕНОМЕНА «ПОКАЗНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ» В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ	
<i>Навдущевич Г.В., Трошихина Е.Г.</i>	142
РАЗВИТИЕ КАЧЕСТВА АССЕРТИВНОСТИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ ИЗ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА В ЮНОШЕСКИЙ	

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Никифорова Е.Э., Афонькина Ю.А.</i>	144
ОСОБЕННОСТИ ЭМПАТИИ У ДОШКОЛЬНИКОВ КАК КОМПОНЕНТА ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К МИРУ	
<i>Олешкевич В.И.</i>	145
ОНТОЛОГИЯ САМОСОЗНАНИЯ В ДИАГНОСТИКЕ РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ	
<i>Петрикова Н.В., Григорович Л. А.</i>	146
СТЕПЕНЬ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТИ Я-КОНЦЕПЦИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РАЗЛИЧИЙ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО	
<i>Пряжников Н.С., Молчанов С.В.</i>	147
МОРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВЫБОРА В ОБЛАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ	
<i>Сергуничева Н.А., Василенко В.Е.</i>	149
СТРАХИ И ТРЕВОЖНОСТЬ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ В СВЯЗИ С ОСОБЕННОСТЯМИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МАТЕРЕЙ С ДЕТЬМИ	
<i>Серебрянникова Е.С., Спицына В.В.</i>	150
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОТЦЕ В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ	
<i>Смирнова О.М., Савина О.О.</i>	151
РЕШЕНИЕ ВОПРОСОВ РОБОЭТИКИ ПОДРОСТКАМИ В СОЦИАЛЬНЫХ ДИЛЕММАХ	
<i>Спицына В.В., Солодкова А.М.</i>	152
ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА СО СВЕРСТНИКАМИ НА ПРОЯВЛЕНИЯ ЭМПАТИИ ДЕТЬМИ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	
<i>Степанова М.А.</i>	153
ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ Л.И. БОЖОВИЧ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	
<i>Тимофеева О.В., Денисова И. В.</i>	155
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ В ОБЩЕНИИ У ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ	
<i>Толстых Н.Н.</i>	156
ЛИЧНОСТЬ И ВОЛЯ: НЕДОПИСАННАЯ КНИГА Л.И. БОЖОВИЧ	
<i>Федотова А.В.</i>	157
ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ ПОДРОСТКОВ К АГРЕССИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ	
<i>Хузеева Г.Р.</i>	158
ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ В СИТУАЦИИ ТРАНЗИТИВНОСТИ	
<i>Чернова А.А., Маркелова А.С.</i>	159
СОВМЕСТНАЯ ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТА И ВОООБРАЖЕНИЯ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ	

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Шелина С.Л.</i>	160
РОЛЬ ПОЗИЦИИ РОДИТЕЛЯ В ФОРМИРОВАНИИ СТРАТЕГИЙ АКТИВНОСТИ РЕБЕНКА	

<i>Шулева Е.И.</i>	161
ФОНОСЕМАНТИКА ОБРАЗА МИРА СОВРЕМЕННОГО ПОДРОСТКА	

ЛИЧНОСТЬ И ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ВЗРОСЛОГО

<i>Головей Л.А.</i>	163
ВОЗРАСТНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ СТРЕССОВ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ	

<i>Груздева И.А., Головей Л.А.</i>	164
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СЕМИОПРЕДЕЛЕНИЕ И ВНУТРИЛИЧНОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ПЕРИОД ЮНОСТИ	

<i>Калина И.А., Стрижицкая О.Ю.</i>	165
ОСОЗНАННОСТЬ В ОТНОШЕНИЯХ ОТЦОВ СО ВЗРОСЛЫМИ ДЕТЬМИ	

<i>Карпинский К.В.</i>	166
СУБЪЕКТНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ ПРИ РАЗНЫХ ТИПАХ СМЫСЛОЖИЗНЕННОГО СОСТОЯНИЯ	

<i>Кобзева О.В.</i>	167
ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ	

<i>Кыштымова И.М., Шахова И.С.</i>	169
РАЗВИТИЕ СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ	

<i>Муртазина И.Р.</i>	170
ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ СТРЕССОРОВ И ПРЕДПОЧИТАЕМЫЕ КОПИНГ-СТРАТЕГИИ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И АРХАНГЕЛЬСКА	

<i>Петраш М.Д.</i>	171
ТИП ОТНОШЕНИЯ К БОЛЕЗНИ И СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ	

<i>Савеньишева С.С.</i>	173
ПОВСЕДНЕВНЫЕ СТРЕССОРЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: МОДЕРИРУЮЩАЯ РОЛЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ	

<i>Титова Д.В., Манукян В.Р.</i>	174
ВОЛОНТЕРСТВО В ЖИЗНИ ВЗРОСЛЫХ: ЗНАЧИМОСТЬ И МОТИВЫ	

<i>Хазова С.А., Крылова М.А.</i>	175
МЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЙ В МОЛОДОСТИ	

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Чурбанова С.М.</i>	176
АКТИВИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО ВОООБРАЖЕНИЯ НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПОВ	
СИНЕКТИКИ И ВИЗУАЛИЗАЦИИ КАК УСЛОВИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ПОЗИТИВНОЙ «Я -	
КОНЦЕПЦИИ» В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ	
<i>Шумская Л.И.</i>	178
НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ СТАНОВЛЕНИЮ ЛИЧНОСТИ:	
ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ	

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Антонова Д.В., Бочаров В.В.</i>	179
МОТИВАЦИЯ СОКРЫТИЯ ВИЧ И ГЕПАТИТА С ОТ СЕКСУАЛЬНОГО ПАРТНЕРА (ПО	
ДАНЫМ ПРОЕКТА «ПРОФИЛАКТИКА ВИЧ-ИНФЕКЦИИ СРЕДИ ПИН», САНКТ-	
ПЕТЕРБУРГ)	
<i>Быков Р.А.</i>	180
КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АПАТИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМ НИЗКОЙ	
МОТИВАЦИИ И ВЫГОРАНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ БЮДЖЕТНОГО СЕКТОРА	
<i>Быкова Е.Ю.</i>	181
КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ДОМИНИРУЮЩЕГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ	
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ УЧИТЕЛЕЙ	
<i>Ванюхина Н.В., Старовойтова С.Ю.</i>	183
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПСИХИЧЕСКОМ ЗДОРОВЬЕ И ЗДОРОВОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ У	
ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА И ИХ РОДИТЕЛЕЙ	
<i>Гроголева О.Ю.</i>	184
СУВЕРЕННОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ПРЕДИКТОР	
СУИЦИДАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ	
<i>Даниленко О. И., Юревич О.И.</i>	185
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ АНТИЦИПАЦИОННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И	
ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ	
<i>Денисова К.С.</i>	186
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РИСКА СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ АДАПТАЦИИ У	
СОТРУДНИКОВ ВНЕВЕДОМСТВЕННОЙ ОХРАНЫ	
<i>Дудченко З.Ф.</i>	187
П.Б.ГАННУШКИН К ВОПРОСУ О ДУШЕВНОМ ЗДОРОВЬЕ	
<i>Егорочкина Е.А., Дмитриева Ю.А.</i>	188
УРОВЕНЬ ТРЕВОЖНОСТИ У СУБЪЕКТОВ С РАЗНЫМИ ПСИХОДИНАМИЧЕСКИМИ	
СВОЙСТВАМИ	

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Злоказов К.В., Леонов Н.И.</i>	190
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СУБЪЕКТА О ЦЕЛИ, ПОСЛЕДСТВИЯХ И ОТНОШЕНИИ ОКРУЖАЮЩИХ КАК ПРЕДИКТОРЫ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ	
<i>Игнатова Е.С., Руднова Н.А.</i>	191
ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОКРАСТИНАТОРОВ В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВЬЮ	
<i>Посифьян М.А., Арина Г.А.</i>	192
ОСОЗНАВАЕМЫЕ И НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ ЦЕННОСТИ: ИХ СОГЛАСОВАННОСТЬ И СВЯЗЬ С ПРИНЯТИЕМ РЕШЕНИЙ О ЗДОРОВЬЕ	
<i>Кабачек В.А., Архипова М.В.</i>	193
ВЛИЯНИЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ НА ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА	
<i>Катунова В.В.</i>	194
ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНЫХ РЕАКЦИЙ НА ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ	
<i>Козлова К.В., Муравьева О.И.</i>	195
СПЕЦИФИКА ВЫГОРАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЕ ПРОГРАММИСТОВ	
<i>Косяк С.С., Пушкина А. В.</i>	197
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ НАРЦИССИЗМА И СОЗАВИСИМОСТИ	
<i>Купцова С.А.</i>	198
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВЬЯ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ	
<i>Купченко В.Е.</i>	199
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ РИСКА СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ	
<i>Миронова Е.А., Тетеухина О.В.</i>	200
ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ СОЗАВИСИМОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ	
<i>Никифоров Г.С.</i>	201
К ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ В РОССИИ	
<i>Никифоров Г.С., Дудченко З.Ф.</i>	202
И.П. МЕРЖЕЕВСКИЙ О ФАКТОРАХ ДУШЕВНЫХ И НЕРВНЫХ БОЛЕЗНЕЙ В РОССИИ	
<i>Посохова С. Т.</i>	203
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В МЕНЯЮЩИХСЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ	
<i>Скородумов А.А.</i>	204
О ВОЗДЕЙСТВИИ НА СОЗНАНИЕ В ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ГРУППАХ СМЕРТИ»	
<i>Смирнова Т.Г., Коноплёва Е.А.</i>	205
ФАКТОРЫ РИСКА СУИЦИДОВ У ПОДРОСТКОВ	

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Топоногова А.А.206
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ У ЛЮДЕЙ, ЖИВУЩИХ С ВИЧ

Усова Л.В.207
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Фуреева Т.О., Филатова-Сафронова М.А.208
ОСОБЕННОСТИ ПСИХОСЕКСУАЛЬНОЙ СФЕРЫ МУЖЧИН ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА С
РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ ПОЛОВОЙ КОНСТИТУЦИИ

Шаповал В.А.210
ДИСКРИМИНАНТНАЯ МОДЕЛЬ ДЛЯ ПСИХОДИНАМИЧЕСКОГО СКРИНИНГА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СОТРУДНИКОВ
ПОЛИЦИИ

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ануфришок К.Ю.211
ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И СПОСОБЫ САМООСУЩЕСТВЛЕНИЯ
В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Волченкова Е.А., Молчанова О.Н.212
ПОТЕРЯННЫЕ ВОЗМОЖНЫЕ «Я» И ИХ СВЯЗЬ С КОМПОНЕНТАМИ СУБЪЕКТИВНОГО
БЛАГОПОЛУЧИЯ

Головей Л.А., Данилова Ю.Ю.213
ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ КАК ФАКТОР СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ
ПОДРОСТКОВ

Дерманова И.Б., Голованова Н.Ф.214
САМООСУЩЕСТВЛЕНИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ПОДРОСТКОВ

Дивисенко К.С.215
СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ВЕРУЮЩИХ:
КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Иванова Т.В.216
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КУРСАНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ ОПЫТОМ
ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ЧС

Крюкова Т.Л., Хохлова Ю.А.218
КОГНИТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ В ОЦЕНКЕ СОСТОЯНИЯ СОБСТВЕННОГО
БЛАГОПОЛУЧИЯ И НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

Лепехин Н.Н., Абдина М. А.219
МОТИВАЦИОННЫЕ ПРЕДИКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ
ПЕРСОНАЛА МЕДИЦИНСКОЙ КЛИНИКИ

Манукян В.Р.220
ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЧНОСТИ: ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пушкина А.В.</i>	221
СПЕЦИФИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У ЛЮДЕЙ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ПРОКРАСТИНАЦИИ	
<i>Рыкман Л.В., Децова М.В.</i>	222
СИСТЕМА ЖИЗНЕННЫХ СМЫСЛОВ И ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ КОЛЛЕДЖЕЙ	
<i>Сапоровская М.В.</i>	223
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ В ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЬЯХ	

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ЛИЧНОСТЬ В СИТУАЦИИ БОЛЕЗНИ: РАЗВИТИЕ ИДЕЙ В.Н. МЯСИЩЕВА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

<i>Александрова О.В.</i>	225
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ ВЗРОСЛЫХ В СИТУАЦИИ ТЯЖЕЛОЙ БОЛЕЗНИ РЕБЕНКА	
<i>Апушкина А.Ю.</i>	226
ИСКАЖЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА	
<i>Березина А.А., Гвоздецкий А.Н., Климанова С.Г., Трусова А.В.</i>	227
СООТНОШЕНИЕ «ЭЛЕМЕНТАРНЫХ» И «КОМПЛЕКСНЫХ» ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ПРИ ЗАВИСИМОСТИ ОТ АЛКОГОЛЯ	
<i>Бочаров В.В., Шишкова А.М.</i>	228
ВЗАИМОСВЯЗЬ КЛИНИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ БОЛЬНЫХ АДДИКТИВНЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ С СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ И ПОКАЗАТЕЛЯМИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ИХ МАТЕРЕЙ	
<i>Бурлакова Н.С., Олешкевич В. И.</i>	230
ВОЗМОЖНОСТИ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ПАТОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ	
<i>Вассерман Л.И.</i>	231
КЛИНИЧЕСКАЯ НЕЙРОПСИХОЛОГИЯ В МНОГОМЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КОГНИТИВНО-АФФЕКТИВНЫХ СООТНОШЕНИЙ: СТРУКТУРНО- ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД	
<i>Вассерман Л.И., Макаришина Е.В., Степанчук А.П.</i>	232
НЕЙРОПСИХОЛОГИЯ: КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ И КЛИНИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ	
<i>Голева Н.В.</i>	234
ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА К ТЕРАПИИ ПАЦИЕНТОВ С ПАНИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ	

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Грандильевская И.В., Шлойдо Д.Е.</i>	235
ОСОБЕННОСТИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ	
<i>Дегтярева А.А., Арина Г.А.</i>	236
МАТЕРИНСКИЙ СТРАХ ОТНОСИТЕЛЬНО ЗДОРОВЬЯ И БОЛЕЗНИ РЕБЕНКА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ В СИТУАЦИИ БОЛЕЗНИ	
<i>Игнатьев П.Д., Трусова А.В.</i>	237
ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ БОЛЬНЫХ АЛКОГОЛИЗМОМ: КРОССКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ	
<i>Исурин Г.Л., Смирнова Е.А.</i>	238
ВЗАИМОСВЯЗЬ КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК И ДЛИТЕЛЬНОСТИ ЗАБОЛЕВАНИЯ У ПАЦИЕНТОВ С НЕВРОТИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ	
<i>Клейман Е.О., Бурина Е.А.</i>	239
ВЗАИМОСВЯЗЬ НЕВРОТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ С РАЗЛИЧНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ МАССЫ ТЕЛА У МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН	
<i>Кожевникова А.О., Пятакова Г.В.</i>	240
ЗАЩИТНО-СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ С ИДИОПАТИЧЕСКИМ СКОЛИОЗОМ НА ЭТАПЕ ПОДГОТОВКИ К ХИРУРГИЧЕСКОМУ ЛЕЧЕНИЮ	
<i>Кошанская А.Г.</i>	242
КАЧЕСТВО ЖИЗНИ БОЛЬНЫХ САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ II ТИПА ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ВАРИАНТАХ ЕГО ТЕЧЕНИЯ	
<i>Маркина О.С.</i>	243
ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ БАРИАТРИЧЕСКИХ ПАЦИЕНТОВ	
<i>Соколова Е.Т., Андреюк К.О.</i>	244
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И КЛИНИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ СТИЛЯ МЕНТАЛИЗАЦИИ	
<i>Соловьева С.Л., Власова Н.В.</i>	245
СТИГМАТИЗАЦИЯ ПАЦИЕНТОВ КАРДИОЛОГИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ	
<i>Стангер М.Я., Лукьянова Е.Л.</i>	246
ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ (НА ПРИМЕРЕ ОНКОБОЛЬНЫХ БОЛГАРИИ)	
<i>Чередникова Т.В.</i>	248
ДИАГНОСТИКА РАССТРОЙСТВ ЛИЧНОСТИ С ПОЗИЦИЙ ОЦЕНКИ УНИВЕРСАЛЬНЫХ СВОЙСТВ ПСИХИКИ (К ЮБИЛЕЮ Л.М. ВЕККЕРА)	
<i>Черномурова П.А.</i>	249
МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПАЦИЕНТОВ С ХРОНИЧЕСКОЙ БОЛЬЮ В СПИНЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНИК MINDFULNESS	
<i>Чулошиников А.И., Левченко Е.В.</i>	250
О СУБЪЕКТНОМ ПОДХОДЕ К КЛАССИФИКАЦИИ ВИДОВ БОЛИ	

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Щелкова О.Ю., Усманова Е.Б.</i>	251
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ПАЦИЕНТОВ С ОПУХОЛЕВЫМ ПОРАЖЕНИЕМ КОСТЕЙ	

<i>Яковлева М.В., Лубинская Е.И.</i>	252
ЛИЧНОСТНЫЙ АСПЕКТ В КОНТЕКСТЕ ПРИВЕРЖЕННОСТИ ЛЕЧЕНИЮ У ПАЦИЕНТОВ ПОСЛЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ОПЕРАЦИЙ НА СЕРДЦЕ	

ПСИХОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЙ В.Н. МЯСИЩЕВА И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

<i>Аверьянов А.И.</i>	254
ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ПСИХОЛогов-ЛОГОТЕРАПЕВТОВ	

<i>Бурина Е.А., Добрякова А. Ю.</i>	255
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ, ПЕРЕЖИВАЮЩИХ ОСЛОЖНЕННОЕ ГОРЕ	

<i>Вассерман Л.И., Чугунов Д.Н.</i>	256
ПСИХОДИАГНОСТИКА И ПСИХОТЕРАПИЯ: МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ	

<i>Гижук Т.В.</i>	257
ОПТИМИЗАЦИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ КАРТИНЫ КАРЬЕРЫ: АЛГОРИТМ ИНДИВИДУАЛЬНОГО БИОГРАФИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА	

<i>Грандильевская И.В., Тромбчиньски П.К.</i>	259
ПОДГОТОВКА КЛИНИЧЕСКИХ ПСИХОЛогов НА БАЗЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА	

<i>Исурина Г.Л., Карпова Э.Б.</i>	260
ПСИХОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЙ И ПАТОГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ В.Н. МЯСИЩЕВА.	

<i>Козлов В.В.</i>	261
ПРИНЦИП ПОЗИТИВНОСТИ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	

<i>Лебедева Е.И.</i>	262
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В БАЛИНТОВСКИХ ГРУППАХ	

<i>Ляшковская С.В., Чехлатый Е.И.</i>	263
ДИНАМИКА КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ПРОЦЕССЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ РЕКОНСТРУКТИВНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ (ЛОРПТ) У ПАЦИЕНТОВ С НЕВРОТИЧЕСКИМИ РАСТРОЙСТВАМИ И ИХ СВЯЗЬ С ВЫБОРОМ РАЗЛИЧНЫХ МИШЕНЕЙ ПСИХОТЕРАПИИ	

<i>Платунов А.В., Ксюпов Т.Б.</i>	264
О СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ – САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ ПСИХОТЕРАПИИ	

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Подсадная М.О., Арсеньева В.В.</i>	265
МЕТОДОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ РЕКОНСТРУКТИВНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ	
<i>Романова Е.А., Миланич Ю.М.</i>	267
ЭФФЕКТЫ АРТТЕРАПИИ В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ С НЕВРОЗОПОДОБНЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ	
<i>Скрицкая Т.В.</i>	268
КПТ ПОДХОД В РАБОТЕ С ИПОХОНДРИЕЙ: РАЗБОР СЛУЧАЯ	
<i>Фахрутдинова Л.Р.</i>	269
ПСИХОТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕЖИВАНИЯ В КОНСУЛЬТИРОВАНИИ	
<i>Филипович В.И.</i>	270
ОСОБЕННОСТИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ИСПОЛНЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРИ НЕВРОЗАХ	
<i>Фурсова Е.С., Фёдорова М. И.</i>	271
СОЦИОДРАМА КАК МЕТОД ГРУППОВОЙ РАБОТЫ	
<i>Щукина М.А., Гаранжа А.В.</i>	272
КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ЧАТ-КОНСУЛЬТАЦИЙ ПСИХОЛОГОВ НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ	
<i>Якимкина О.Л., Подсадный С.А., Сивохина Т.А.</i>	274
ПРИМЕНЕНИЕ ЛИЧНОСТНО - ОРИЕНТИРОВАННОЙ РЕКОНСТРУКТИВНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ (ЛОРПТ) В РЕАБИЛИТАЦИИ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ ПАЦИЕНТОВ	

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА С АТИПИЧНЫМ РАЗВИТИЕМ

<i>Бучкина И.П.</i>	275
РЕЧЕВОЙ НЕГАТИВИЗМ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВЫХ НАРУШЕНИЙ У ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ОТ 2 ДО 4 ЛЕТ С МОТОРНОЙ АЛАЛИЕЙ	
<i>Городный В.А., Ляксо Е.Е.</i>	276
РЕЧЕВОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ 6-7 ЛЕТ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА И СИНДРОМОМ ДАУНА	
<i>Григорьев А.С.</i>	277
ОШИБКИ ВЗРОСЛЫХ ПРИ РАСПОЗНАВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ ТИПИЧНО РАЗВИВАЮЩИХСЯ ДЕТЕЙ	
<i>Крайнюков С.В.</i>	278
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДЕТСКОГО И ПОДРОСТКОВОГО ТРАВМАТИЗМА	
<i>Куражова А.В.</i>	279
АКУСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧИ БЛИЗНЕЦОВ В ВОЗРАСТЕ ОТ 3 ДО 6 ЛЕТ	

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ляксо Е.Е.</i>	280
ОТРАЖЕНИЕ СОСТОЯНИЯ ДЕТЕЙ В ХАРАКТЕРИСТИКАХ ГОЛОСА И РЕЧИ: ДЕТИ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА, СИНДРОМОМ ДАУНА, ТИПИЧНО РАЗВИВАЮЩИЕСЯ	
<i>Павликова М.И., Фролова О.В.</i>	281
ИНТОНАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧИ ДЕТЕЙ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ	
<i>Пятакова Г.В.</i>	283
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ПОДРОСТКОВ С ОРТОПЕДИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ	
<i>Смирнов А.Г., Григорьев А.С.</i>	284
ОСОБЕННОСТИ ВЫЗВАННЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ НА ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ОДНОСЛОЖНЫХ СЛОВ У ДЕТЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКА ЧТЕНИЯ	
<i>Столярова Э.И.</i>	285
ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА С СИНДРОМОМ ДАУНА В УСЛОВИЯХ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	
<i>Фролова О.В., Бедалова Ш.Г.</i>	286
ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧИ ДОШКОЛЬНИКОВ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ И РАССТРОЙСТВАМИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	
<i>Черенкова Л.В., Соколова Л.В.</i>	287
ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМОВ АНТИЦИПАЦИИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С АТИПИЧНЫМ РАЗВИТИЕМ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОГНИТИВНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ	

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДИЗОНТОГЕНЕЗА

<i>Габуня Н.М., Шалина О. С.</i>	289
ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ	
<i>Демьянов Ю.Г.</i>	290
СЕМЕЙНЫЙ ФАКТОР В ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЯХ У ДЕТЕЙ И ИХ КОРРЕКЦИИ	
<i>Коновалова Н.Л.</i>	290
ИНТЕГРАТИВНЫЕ РЕСУРСЫ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ	
<i>Посохова С.Т., Изотова М.Х.</i>	292
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ЛИЦАМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИИ	

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Разживина М.И., Уланова Н.Н.</i>	293
ОРГАНИЗАЦИЯ ОПТИМАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ	
<i>Семенова Ю.А.</i>	294
ОЦЕНКА СОБСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ И ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ УЧАЩИХСЯ КОРРЕКЦИОННЫХ ШКОЛ	
<i>Сизова Я.Н.</i>	295
ИССЛЕДОВАНИЕ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ С ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТЬЮ	
<i>Сизова Я.Н., Пономарева И.В.</i>	296
ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПОДРОСТКОВ С ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТЬЮ	
<i>Сорокин В.М., Бочарова А.Н.</i>	297
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ А.Г. ЛИТВАКА. НЕРАЗРЫВНОСТЬ ИДЕЙНЫХ ТРАДИЦИЙ ПСИХОЛОГИИ ДИЗОНТОГЕНЕЗА (К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)	
<i>Стебляк Е.А.</i>	299
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ СТАРШЕКЛАСНИКОВ О ПЛАНИРОВАНИИ	
<i>Цветков В.В.</i>	300
ТЕХНОЛОГИЯ ПОЭТАПНОГО ФОРМИРОВАНИЯ САМОРЕГУЛЯЦИИ У ДЕТЕЙ С СИНДРОМОМ ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ И ГИПЕРАКТИВНОСТИ	
<i>Юхновец Т. И.</i>	301
ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ, БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ- ДЕФЕКТОЛОГОВ И РАБОТАЮЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ	

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Авдеева О.В., Шляпников В. Н.</i>	303
ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ У КОМИ-ЗЫРЯН И РУССКИХ	
<i>Атагунов Р.И.</i>	304
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА МИРА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КОНТРАКТНОЙ СЛУЖБЫ	
<i>Бочавер А.А., Резниченко С.И.</i>	305
ЧТО ПОБУЖДАЕТ МОЛОДЕЖЬ ВЫХОДИТЬ ИЗ ДОМА?	

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бочарова Е.Е.</i>	306
РЕГУЛЯТИВНЫЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ	
<i>Васина Е.А.</i>	307
ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ УМЕНИЯ ЛИЧНОСТИ: ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
<i>Гагарина М.А.</i>	308
ЛИЧНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ ДОЛЖНИКОВ И ЗАЕМЩИКОВ: ВЗГЛЯД ЭКСПЕРТОВ	
<i>Двоеглазова М.Ю., Двоеглазова М.А.</i>	309
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ О ВЛИЯНИИ СЦЕН НАСИЛИЯ В СМИ НА КРИМИНАЛИЗАЦИЮ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И УРОВЕНЬ ПРЕСТУПНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ	
<i>Есикова Т.В.</i>	311
ПСИХОЛОГИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ЛИЧНОСТИ	
<i>Игнатенко М.С., Пекун М.Е.</i>	312
К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИМПЕРСКОГО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ	
<i>Иванова Н.А.</i>	313
ДОМИНИРУЮЩИЕ ЭКСПЛИЦИТНЫЕ МОТИВЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ У МУЖЧИН, ИГРАЮЩИХ В КОМПЬЮТЕРНЫЕ ОНЛАЙН-ИГРЫ. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	
<i>Кетлер Е.Р., Дмитриева Ю.А.</i>	314
ЛИЧНОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВЫБОРА СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ	
<i>Кленова М.А.</i>	315
СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Кольцова В.А., Синякина Е.Г.</i>	317
ФОРМИРОВАНИЕ И ПРОЯВЛЕНИЕ КОЛЛЕКТИВИЗМА В БЫТОВОЙ ЖИЗНИ РУССКОГО НАРОДА	
<i>Коржова Е.Ю., Микляева А.В.</i>	318
РОЛЕВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ОПЕКУНОВ В КРОВНЫХ ОПЕКУНСКИХ СЕМЬЯХ	
<i>Кошутин О.Н.</i>	319
ДИФФЕРЕНЦИЯ ЖИЗНИ: СУБЪЕКТИВАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ПСИХОЛОГИЯ СЕКСУАЛЬНОЙ ИНВЕРСИИ	
<i>Краева В.С., Зубакин М.В.</i>	320
ПОТРЕБНОСТЬ В ПОЗНАНИИ И ПОТРЕБЛЕНИЕ СМИ	
<i>Красавина Т.Ю., Горьковая И.А.</i>	321
ОТНОШЕНИЕ К КОРРУПЦИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН	

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Курыликина Т.Ю., Козлов Д.Д.</i>	322
ВЛИЯНИЕ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ЛИЦА И ТЕЛА НА ОБЩУЮ ФИЗИЧЕСКУЮ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН	
<i>Лабунская В.А., Гура О.Р.</i>	324
ЗНАЧИМОСТЬ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА В РОМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ	
<i>Лабунская В.А., Шкурко Т.А.</i>	325
О СООТНОШЕНИИ ОБЕСПОКОЕННОСТИ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ВНЕШНИМ ОБЛИКОМ, САМООЦЕНОК ЕГО ХАРАКТЕРИСТИК У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С РАЗЛИЧНОЙ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКОЙ ОДИНОЧЕСТВА	
<i>Москвичева Н.Л., Страмилов Р. Е.</i>	326
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕБЕ КАК БУДУЩЕМ ОТЦЕ У ЮНОШЕЙ ИЗ НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ	
<i>Парфенова Д.А.</i>	327
ОТНОШЕНИЕ К ВИНЕ И ОБИДЕ КАК ФОРМАМ АГРЕССИИ У ЖЕНЩИН В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ	
<i>Попова В.В., Самбикина О.С.</i>	328
ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПОДРОСТКАМИ ОТНОШЕНИЙ С МАТЕРЯМИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЗАПАДНОГО УРАЛА	
<i>Романова Е.В., Лодочникова М.Р.</i>	330
ТИПЫ ПРИВЯЗАННОСТИ И СТИЛИ ЛЮБОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН	
<i>Свенцицкий А.Л., Зайцева Е.В.</i>	331
ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ «АЛЬТРУИСТИЧЕСКОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ»	
<i>Сергеева М.В., Пишеничнюк Д.В.</i>	332
АПРОБАЦИЯ ОПРОСНИКА ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ У СТУДЕНТОВ ВУЗОВ Г. МОСКВЫ УМЕНИЯ РАСПОЗНАВАТЬ КОРРУПЦИЮ	
<i>Сидоренко Е.В.</i>	333
ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ ЛИДЕРСКИХ ФУНКЦИЙ	
<i>Синельникова Е.С., Зиновьева Е.В.</i>	335
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О 90-Х ГОДАХ XX ВЕКА В ЮНОШЕСКОМ И ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ	
<i>Скорова Л.В.</i>	336
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МЕДИАКОМПЕТЕНТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ	
<i>Солдатова Г.У., Чигарькова С.В.</i>	337
ТРОЛЛИНГ КАК ВИД АГРЕССИИ В ИНТЕРНЕТЕ: РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ, ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛЕЙ	
<i>Татьянина Л.Г.</i>	338
УРОВНИ ДОВЕРИЯ ЛИЧНОСТИ В ЭКИПАЖАХ МОРСКИХ СУДОВ	

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Тихомандрицкая О.А.</i>	339
ОБРАЗЫ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ И ГЕНДЕРНЫХ ГРУПП	
<i>Улыбина Е.В.</i>	341
АТРИБУЦИЯ ВИНЫ ПРИ РАЗНОМ УРОВНЕ СОГЛАСИЯ С ГЕНДЕРНЫМИ СТЕРЕОТИПАМИ	
<i>Фоломеева Т.В., Нагорнова В.В.</i>	342
КУЛЬТУРНЫЕ И ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСТАНОВОК И ВОСПРИЯТИЯ ПОВСЕДНЕВНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ	
<i>Шамионов Р.М.</i>	343
СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: ОСНОВАНИЯ, ПОБУДИТЕЛИ, МЕХАНИЗМЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЭФФЕКТЫ	
<i>Шипова Н.С.</i>	344
ИНДИВИДУАЛЬНОЕ СОВЛАДАНИЕ В БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЯХ	
<i>Шляпников В.Н.</i>	346
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НАМЕРЕНИЯ В ДЕЙСТВИИ	
<i>Юмкина Е.А.</i>	347
СЕМЕЙНЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ КАК ФОРМА ТРАНСЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ УМЕНИЙ ЛИЧНОСТИ	
<i>Юшачкова Т.Б.</i>	348
ТОЛЕРАНТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ПОНИМАНИЕ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ	

ЛИЧНОСТЬ В ОРГАНИЗАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ

<i>Александров В.И.</i>	349
ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТОП-МЕНЕДЖЕРА	
<i>Балина О.В., Мещерякова Э. И.</i>	350
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЛОЯЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ОРГАНИЗАЦИИ	
<i>Балина О.В., Мещерякова Э. И.</i>	351
ТИПОЛОГИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ЛОЯЛЬНОСТИ	
<i>Болотова А.К.</i>	352
СТРАТЕГИИ ОПТИМИЗАЦИИ ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТА В БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИЯХ	
<i>Верещагина Л.А., Киселева А.Г.</i>	353
ДОМИНИРУЮЩИЕ ПОТРЕБНОСТИ И МОТИВЫ ТОРГОВЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ	

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Власов П.К.</i>	354
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЗАМЫСЛА ОРГАНИЗАЦИИ	
<i>Винокуров Л.В., Кожина А.А.</i>	355
ОТЧУЖДЕНИЕ ОТ РАБОТЫ: РОЛЬ ЛИЧНОСТНЫХ, ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ И СТАБИЛЬНОСТЬ ФЕНОМЕНА	
<i>Воронина О.В., Бельских А.В.</i>	356
ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСПЕШНЫХ И НЕУСПЕШНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ, РАБОТАЮЩИХ С МОЛОДЕЖЬЮ	
<i>Воскресенская Н.В.</i>	357
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО ЛИДЕРА	
<i>Гранат Е.А.</i>	358
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА СРЕДНЕГО МЕДИЦИНСКОГО ЗВЕНА	
<i>Гуриева С.Д., Тарарухина О.В.</i>	360
PSYCHOLOGICAL FACTORS OF SATISFACTION RELATIONSHIPS IN ORGANIZATION	
<i>Кобзева Е.В., Верещагина Л.А.</i>	360
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОЙ РАБОТЫ ОПЕРАТОРОВ CALL-ЦЕНТРА	
<i>Котлярова Л.Н.</i>	362
ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА «КРЕАТИВНОЕ ПОЛЕ» В ПРАКТИКЕ ОЦЕНКИ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ	
<i>Круглов В.Г.</i>	363
САМООЦЕНКА ПОТРЕБИТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР ОТНОШЕНИЯ К ПОКУПКЕ КОСМЕТИКИ	
<i>Круглова М.А., Буданова А.А.</i>	364
ОСОБЕННОСТИ ОЩУЩЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО КОМФОРТА У РАБОТНИКОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ	
<i>Лепехин Н.Н.</i>	365
ЛИЧНОСТНЫЕ И МОТИВАЦИОННЫЕ ПРЕДИКТОРЫ СТИЛЯ РУКОВОДСТВА У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН	
<i>Маничев С.А., Старикова М. А.</i>	366
ЛИЧНОСТЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА	
<i>Натаров В.И.</i>	367
«НАДЕЖНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА» В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ	
<i>Небахарева В.А., Круглов В.Г.</i>	368
МОТИВЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЖАНРОВ ВИДЕОИГР	

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сарачук Ю.А., Натаров В.И.</i>	369
СТРЕСС И ТАЙМ МЕНЕДЖМЕНТ КАК МЕТОДЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕФОРМАЦИИ И ВЫГОРАНИЯ ЛИЧНОСТИ ТОП-МЕНЕДЖЕРА	
<i>Сергеев С.Ф.</i>	371
ЛИЧНОСТЬ В ГРАНИЦАХ ТЕХНОМОДИФИКАЦИИ	
<i>Тёмный А.В., Гибадулин Т.В.</i>	372
ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ПОКАЗАТЕЛЯМИ СТРУП-ТЕСТА И ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ В ОЦЕНКЕ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ	
<i>Флоровский С.Ю.</i>	373
ЛИЧНОСТНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ «ПОМЕХИ» РАЗВИТИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КАК СУБЪЕКТОВ СОВМЕСТНОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
<i>Юсупова Г.В.</i>	374
ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ СОВРЕМЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ	

ЛИЧНОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Алиева Э.М., Костромина С.Н.</i>	376
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА	
<i>Атаманова И.В.</i>	377
СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА МИРА СТУДЕНТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	
<i>Базанова Г.Ю., Кашапов М.М.</i>	378
ВЗАИМОСВЯЗЬ СОБЫТИЙНОСТИ МЫШЛЕНИЯ С МОТИВАЦИЕЙ И МЕТАКОГНИТИВНОЙ АКТИВНОСТЬЮ НА ВУЗОВСКОМ ЭТАПЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ВРАЧА	
<i>Беловол Е.В., Бойко З.В., Шурупова Е.Ю.</i>	379
РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ РЕФЛЕКСИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ОБУЧЕНИЯ В ТРЕТЬЕМ ВОЗРАСТЕ	
<i>Ванина М.В., Демьянчук Р.Д.</i>	380
ЛИЧНОСТНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРОЕКТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ У СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ	
<i>Вартанян Г.А., Пащина С.М.</i>	382
К ВОПРОСУ О ГОТОВНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ К РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ ПОЛОВОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ	
<i>Вишнякова Ю.Д., Распопова А.С.</i>	383
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»	

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Воронко Е.В.</i>	384
ВЗАИМОСВЯЗЬ АКАДЕМИЧЕСКОЙ УСПЕВАЕМОСТИ И НЕВРОТИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА	
<i>Гнедых Д.С., Муртазина И.Р., Тихомирова М.А.</i>	385
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И МОТИВАЦИЯ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ СТУДЕНТАМИ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	
<i>Голованова Н.Ф.</i>	387
ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
<i>Григорьева Е.В.</i>	388
ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА С РАЗНЫМИ ЦЕННОСТНЫМИ ТИПАМИ ЛИЧНОСТИ	
<i>Даниленко О.И.</i>	389
АНТИЦИПАЦИОННАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И ПОКАЗАТЕЛИ УСПЕВАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ: ПОИСК ВЗАИМОСВЯЗЕЙ	
<i>Даринская Л.А.</i>	390
ОПЫТ РАЗРАБОТКИ И ПРОВЕДЕНИЯ МАСТЕР-КЛАССА ДЛЯ ПОДРОСТКОВ «ОБЩЕНИЕ С ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ»	
<i>Делгадилльо К.К., Маслова О.В.</i>	391
ЦЕННОСТИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИХ ОБУЧЕНИЯ В РОССИИ	
<i>Дериш Ф.В.</i>	392
ДИСПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ И ТИПЫ МОТИВАЦИИ КАК ПРЕДИКТОРЫ УСПЕШНОСТИ ОБУЧЕНИЯ	
<i>Еремеева Т.С., Кора Н.А.</i>	394
ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ С РАЗЛИЧНЫМ СТАЖЕМ РАБОТЫ В ВУЗЕ	
<i>Есманская Н.Е., Нгуен В.У.Н.</i>	395
К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТИРОВАННОСТИ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ	
<i>Жебровская О.О.</i>	397
GOOGLE КЛАСС - ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	
<i>Игнатенко М.С., Семёнова М.М.</i>	399
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАУКЕ И СТРУКТУРА ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ УСПЕШНЫХ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ	
<i>Короженева Л.А.</i>	400
РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Косирати И.М., Никифоров Г.С.</i>	401
ДИНАМИКА МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА	
<i>Криштофик И.С.</i>	402
ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАКОГНИТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕДАГОГА	
<i>Макаров Ю.А.</i>	403
ЛИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ	
<i>Москвитина О.А.</i>	405
ЛИЧНОСТЬ ГЕРОЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ	
<i>Новгородова Е.Ф., Серых А.Б.</i>	406
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОПТИМИЗАЦИИ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА СТУДЕНТОВ	
<i>Носкова М.В.</i>	407
ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ И ЛОКУС КОНТРОЛЯ У БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ ПЕДИАТРОВ	
<i>Проект Ю.Л., Абрамова П.Д.</i>	408
СТУДЕНТЫ-ПСИХОЛОГИ КАК ЧИТАТЕЛИ: ЦЕЛИ И ПРАКТИКИ ЧТЕНИЯ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ	
<i>Прусаков В.И., Курбатова Т.Н.</i>	409
КОГНИТИВНАЯ СЛОЖНОСТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ ПРОФИЛЬНЫХ КЛАССОВ	
<i>Пужливая П.Е., Тромбчиньски П.К.</i>	410
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К СИТУАЦИИ ОБУЧЕНИЯ В ДРУГОМ ГОРОДЕ И ЗА РУБЕЖОМ	
<i>Пузанова В.И., Корзунин В.А.</i>	412
ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ	
<i>Самохвалова А.Г.</i>	413
КОММУНИКАТИВНЫЕ ТРУДНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ	
<i>Свиягина А.И., Князева Т.Н.</i>	414
РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ СРЕДСТВАМИ ФОРУМ-ТЕАТРА У СТУДЕНТОВ – ПСИХОЛОГОВ	
<i>Собкин В.С., Лыкова Т.А.</i>	415
ОСОБЕННОСТИ РЕАКЦИЙ СТУДЕНТОВ-АКТЕРОВ НА ФРУСТРИРУЮЩИЕ СИТУАЦИИ	
<i>Спиридонова Н.С., Портнова А.Г.</i>	416
ФОРМИРОВАНИЕ АКМЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГОВ	

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Стрижак Н.А.</i>	417
ИННОВАЦИОННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ, ВОСПИТАНИИ, РАЗВИТИИ, КОРРЕКЦИИ И СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ	
<i>Тихомиров М. Ю.</i>	419
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГОВ	
<i>Тихомирова М.А., Бордовская Н.В., Кошкина Е.А.</i>	420
ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ШКОЛЬНЫХ УЧИТЕЛЕЙ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ОБЛАСТИ «ДИДАКТИКА»	
<i>Федорова А.В., Демьянчук Р.В.</i>	421
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО САМОРАЗВИТИЯ ПЕДАГОГА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ	
<i>Чуфурин С.А., Бабаева Ю.Д.</i>	422
СВЯЗЬ ВЫБОРА КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ У УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ	
<i>Шевченко Н.В.</i>	424
МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО ВЫПУСКНИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ	
<i>Юсупов М.Г., Прохоров А.О.</i>	425
ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ ШКОЛЬНИКОВ	

ЛИЧНОСТЬ В КРИЗИСНЫХ И ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

<i>Беркалиев Т.Н., Кужелева А.А.</i>	426
ВЛИЯНИЕ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА НА БАЗИСНЫЕ УБЕЖДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ СИЛОВЫХ СТРУКТУР	
<i>Карагачева М.В.</i>	427
ПОДВЕРЖЕННОСТЬ СТРЕССУ У СОТРУДНИКОВ МЧС РОССИИ С РАЗЛИЧНЫМИ АКЦЕНТУАЦИЯМИ ХАРАКТЕРА	
<i>Лебедева Н.А., Бахметьева К.С.</i>	428
ПРОБЛЕМА СОПОСТАВИМОСТИ МЕТОДИК, НАПРАВЛЕННЫХ НА ИЗМЕРЕНИЕ САМООЦЕНКИ ЛИЧНОСТИ	
<i>Марченко Е.В.</i>	429
КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРЕНИРОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ У СПЕЦИАЛИСТОВ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ	
<i>Пирогова Л.В., Корзунин В.А.</i>	430
РАЗРАБОТКА КРИТЕРИЕВ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЛЕКСА ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ ДЛЯ СОТРУДНИКОВ МЧС	

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Тарасова А.А.</i>	432
КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ КАНДИДАТОВ НА ДОЛЖНОСТЬ ИНСПЕКТОРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ ПО МАЛОМЕРНЫМ СУДАМ МЧС РОССИИ ПО ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ПОКАЗАТЕЛЯМ В РАМКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОТБОРА	
<i>Тарасова А.А., Шойгу Ю.С.</i>	433
АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ДИНАМИЧЕСКОГО НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ СОСТОЯНИЕМ СПЕЦИАЛИСТОВ МЧС РОССИИ В ПРОЦЕССЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
<i>Федоров В.Ф.</i>	434
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ: ОТ КВАНТОВОЙ ФИЗИКИ К РЕЛИГИОВЕДЕНИЮ И ТЕОЛОГИИ	

ЛИЧНОСТЬ В СПОРТЕ И ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

<i>Багадирова С.К.</i>	436
РАЗВИТИЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В ХОДЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)	
<i>Боровская Н.И., Мельник Е.В.</i>	437
ЭМПАТИЯ И МАКИАВЕЛЛИЗМ ЛИЧНОСТИ СПОРТСМЕНОВ КАК ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ	
<i>Бурак Р.И.</i>	438
ИЗУЧЕНИЕ УРОВНЯ КОНФЛИКТНОСТИ У СПОРТСМЕНОВ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА	
<i>Ветвицкая Т.В.</i>	440
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАЩИТЫ ИГРОКОВ В БОЧКА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ	
<i>Гапанович М.Р., Сивицкий В.Г.</i>	441
МОТИВАЦИЯ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
<i>Гущин Д.В., Сивицкий В.Г.</i>	442
ВЗАИМООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ТРЕНЕРОМ И СПОРТСМЕНОМ	
<i>Кузьмин М.А., Малкин В.Р., Семкина В.И., Осипова Я.В.</i>	443
ИССЛЕДОВАНИЕ РЕФЛЕКСИИ В СПОРТЕ КАК СРЕДСТВА УПРАВЛЕНИЯ СПОРТИВНОЙ КОМАНДОЙ	
<i>Мойсеёнок Е.Ю., Иващенко С.Г.</i>	445
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХИЧЕСКОЙ НАДЕЖНОСТИ С АКЦЕНТУАЦИЯМИ ХАРАКТЕРА СПОРТСМЕНОВ-ЛЕГКОАТЛЕТОВ	
<i>Попова И.А., Мельник Л.В.</i>	446
ПРИМЕНЕНИЕ ЭКСПРЕСС-МЕТОДОВ ОЦЕНКИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СПОРТСМЕНОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОМАНД В ПРАКТИКЕ СПОРТИВНОГО ПСИХОЛОГА	

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Рогалева Л.Н., Подчуфаров П.А., Лукманова Э.К.</i>	447
«ЭФФЕКТИВНЫЙ ЖИЗНЕННЫЙ СТИЛЬ» СПОРТСМЕНОВ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЗИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ	
<i>Романьков А.А., Абрамович И.Р.</i>	448
ВЛИЯНИЕ АУТОГЕННОЙ ТРЕНИРОВКИ НА СПОРТСМЕНОВ	
<i>Сафонов В.К., Думанский И.Н.</i>	450
КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС В ЭКСПЛИЦИТНО-ИМПЛИЦИТНОМ МЕХАНИЗМЕ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ В СПОРТЕ	
<i>Тарабрин Д.Г., Ивашико С.Г.</i>	451
ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СПОРТСМЕНОВ	
<i>Тарасов В.А., Воскресенская Е. В.</i>	452
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В КОМАНДЕ	
<i>Тиунова О.В.</i>	453
МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СПОРТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ	
<i>Тиунова О.В.</i>	454
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СПОРТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ	
<i>Удовенко А.Е., Мищенко Н.В.</i>	456
СПЛОЧЕННОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ УСПЕШНОСТИ ЖЕНСКИХ КОМАНД ПО ФУТБОЛУ	
<i>Юзова О.И., Хвацкая Е.Е.</i>	457
«РЕАЛИЗАЦИЯ «ДВОЙНОЙ» КАРЬЕРЫ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫМИ СПОРТСМЕНАМИ, ОБУЧАЮЩИМИСЯ В ВУЗЕ ФИЗКУЛЬТУРНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ»	

СПИСОК АВТОРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ

459

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2018
Психология личности:
традиции и современность

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Отпечатано в типографии ООО «Айсинг»
199106, Санкт-Петербург, Средний пр., 99/18 лит. А
Тел /факс (812) 327-05-12 www.icing.ru
Тираж 50 экз. Заказ №66/2018.